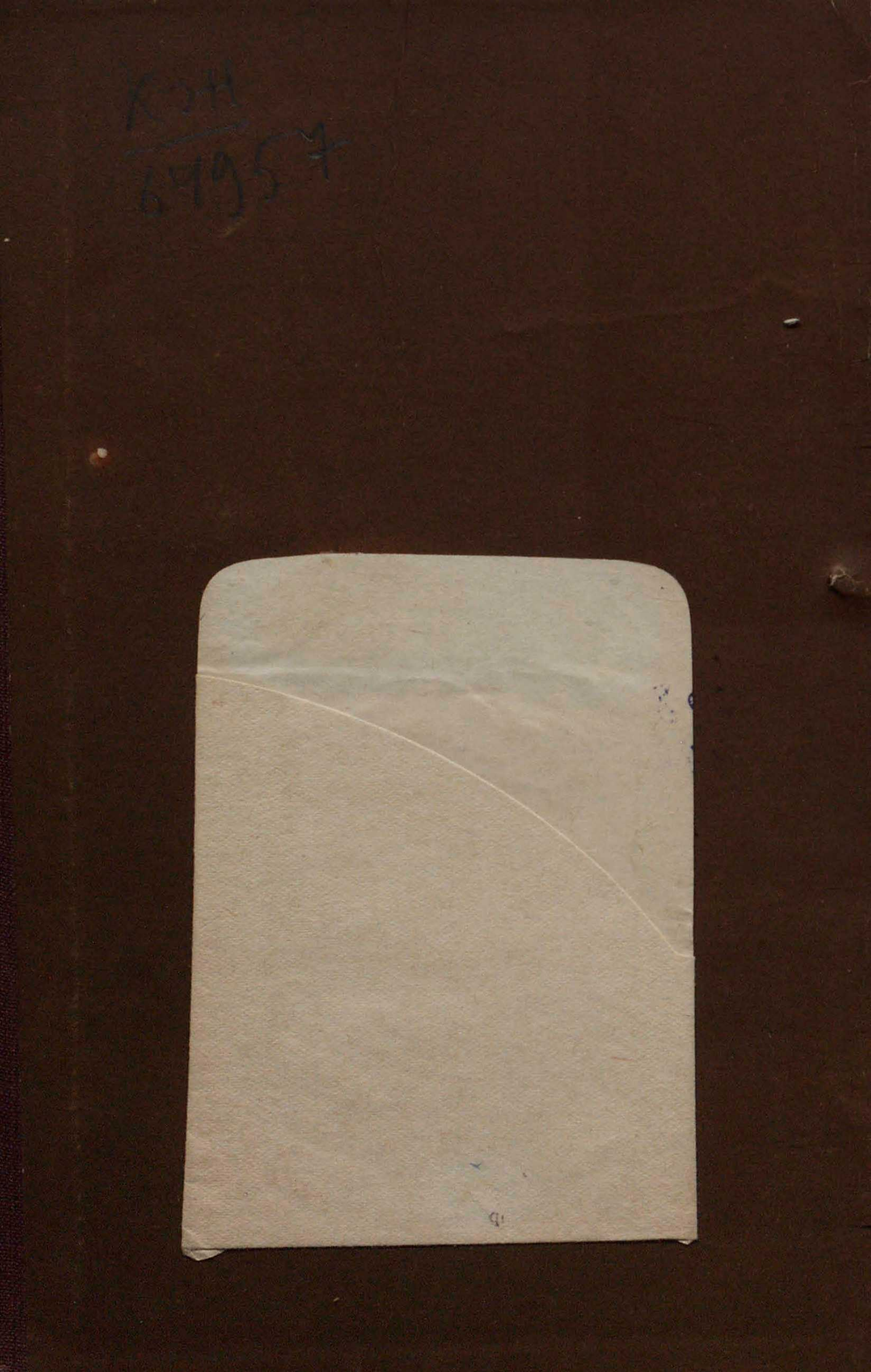
МИРОВАЯ ВОЙНА


КЗИ
64954

4-50

КРАСНОЗНАМЕННАЯ ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ РККА
им. М. В. ФРУНЗЕ

☆

А. М. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

МИРОВАЯ ВОЙНА

1914—1918

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ
КОЛЛЕКТИВОМ АВТОРОВ—
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАФЕДРЫ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ КРАСНО-
ЗНАМЕННОЙ ВОЕННОЙ
АКАДЕМИИ РККА им. М. В.
ФРУНЗЕ ПОД РУКОВ.
ПРОФ. И. И.
ВАЦЕТИСА

★

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА— 1931

Отпечатано в 3-й типографии ОГИЗа
«КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
Москва, Краснопролетарская, 16,
в количестве 5 000 экз.
Главлит № В — 1211
Огиз. В 13 № 428.9
Заказ № 1655
28¹/₂ п. л.
☆
43 авт. л.

К печати подготовили:

Редакторы: С. Наумов и М. Струве.
Технический редактор Д. Моисеенко.
Корректор Б. Хенох.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первом издании труда А. М. Зайончковского «Мировая война 1914—1918 гг. Общий стратегический очерк» автор (ныне покойный) поставил своей задачей, как видно из предисловия к труду, дать «краткое изложение стратегических операций на всех театрах мировой войны, объединенное, по возможности, во времени». Это же объединение событий мировой войны на разных театрах во времени, чтобы выявить связь между ними и их взаимодействие [1], автор положил в основание своей архитектоники своего труда, предназначенного служить пособием к его лекциям, читанным в Военной академии РККА.

Исходя из назначения труда—служить учебным пособием в качестве краткого политико-стратегического очерка мировой войны для слушателей Военной академии, редакция настоящего второго издания труда считает, что *наиболее рациональным* являлось бы изложение в таком труде событий *не по хронологическому, а по тематическому методу*, т. е. объединение событий по операциям и кампаниям, с сохранением хронологического порядка изложения только внутри их.

Что касается данного, переработанного для второго издания труда, то, учитывая, во-первых, что изменение всей архитектоники труда означало бы по существу не переиздание труда А. М. Зайончковского, а написание совершенно нового труда, и, во-вторых, что в основание работ всего коллектива авторов по переработке данной книги было положено оставление построения в целом прежним,—редакция считала себя не вправе, а по времени, предоставленному редакции, и не в силах произвести подобную ломку труда и в изложении событий для второго издания сохранила хронологический метод, сделав лишь некоторые отступления в сторону тематического изложения для некоторых важнейших операций и кампаний всей войны, какими редакция считает кампанию 1914—1918 гг.

Что касается характера и степени переработки труда А. М. Зайончковского в его настоящем, втором, издании, то коллектив авторов из профессоров и преподавателей Краснознаменной Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе при переработке труда должен был руководствоваться следующей программой работ, принятой и утвержденной на общем собрании коллектива:

1) *Исправить* все найденные фактические ошибки и неточности.

2) Выводы и заключения автора, основанные на источниках, сохранивших свою достоверность, но представляющих субъективную точку зрения автора, с которой редакция не может согласиться, *дополнить примечаниями редакции*.

---

[1] А. Зайончковский, Мировая война 1914—1918 гг. Общий стратегический очерк. Гвиз, М. 1924, стр. 55.

3) Выводы и заключения автора, явно неверные, как основанные лишь на имевшихся в то время в распоряжении автора еще крайне ограниченных и не вполне проверенных источниках, в настоящее время устаревших и опровергнутых или получивших совершенно новое освещение,—*заменить новыми выводами и заключениями на основании новейших и вполне авторитетных источников.*

4) *Дополнить и развить* освещение всей войны в целом и ее кампаний, а в особо характерных случаях и отдельных операций, с *точки зрения социально-политической.*

5) *Вопросы тыла и материального обеспечения операций* развить по возможности и преимущественно насыщением соответствующими *таблицами и диаграммами.*

6) *Подчеркнуть* моменты, служившие *этапами эволюции тактических форм* эпохи мировой войны.

В конечном итоге всей работы коллектива авторов явилось второе издание труда А. М. Зайончковского, значительно переработанное и дополненное, что видно из следующих цифр: из 23,6 печ. листа текста первого издания 12 печ. листов, т. е. 50% совершенно нетронутого старого текста, вошло во второе издание, весь объем которого составляет 35 печ. листов. Таким образом 23 печ. листа состоят частью из текста первого издания в значительно переработанном виде, а большей частью из совершенно новых дополнений, вставок и примечаний.

В какой же мере авторам удалось справиться с поставленными перед ними задачами?

Что касается фактической стороны изложения событий, здесь, по сравнению с первым изданием труда, сделан большой шаг вперед. Наибольшей переработке и дополнениям подверглись кампании 1914, 1917 и 1918 гг., как получившие наиболее полное освещение в современной военной и политической литературе—нашей и иностранной. Однако отдельные крупные, и весьма поучительные, операции 1915 г. описаны совершенно недостаточно, например Сербский поход, Свенцянский прорыв и др. В отдельных местах события изложены не совсем так, как они происходили в действительности. В частности этим пороком страдает описание Митавской операции. Тем не менее в целом этот труд дает достаточно полное и достоверное фактическое описание мировой войны и с этой точки зрения является достижением.

Выводы, сделанные авторами, частью правильные, частью дискуссионные, не всегда логически вытекают из оперативно-стратегического исследования отдельных операций, а приведены большей частью механически. То же нужно отметить и в отношении исследования вопросов материального обеспечения операций, устройства тыла и эволюции тактических форм. В этих областях предстоит еще большая самостоятельная научно-исследовательская работа. Социально-политический процесс мировой войны, направляющая роль политики

в отношении стратегии, влияние политико-морального состояния масс, влияние техники на формы оперативного и тактического маневра, процесс перерастания мировой войны в войну гражданскую и т. д.—все это получило в труде явно недостаточное отражение.

Таким образом в целом этот труд является лишь обширным фактическим описанием мировой войны в оперативно-стратегическом разрезе. Принимая во внимание, что на русском языке трудов подобного типа нет и учитывая все больший интерес командного состава Красной армии к мировой войне, редакция считает, что, при всех своих недостатках, труд и в этом виде принесет соответствующую пользу. Марксистско-ленинской анализ мировой войны еще ждет своего исследователя.

При столь значительной переработке первого издания и сделанных к нему существенных дополнениях настоящее, второе, издание единственного пока на русском языке общего краткого политико-стратегического очерка мировой войны 1914—1918 гг. представляет собою шаг вперед в отношении содержания по сравнению с первым изданием.

В соответствии с указанными переработкой и дополнениями переработан и дополнен для второго издания атлас схем «Мировая война 1914—1918 гг.», служивший и служащий неотъемлемым приложением и дополнением к этому труду.

Редакция.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПОДГОТОВКА МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПРИЧИНЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА

С конца XIX в. весь капиталистический мир явственно вступил в новую фазу—*империализм*. Эта фаза в области экономической характеризуется монополистическим перерождением капитализма и гегемонией финансового капитала, в области внешней политики—начавшейся борьбой между важнейшими капиталистическими государствами и их союзами за передел мира, в области военной—бешеным ростом милитаризма на основе гигантского роста производительных сил. Сущность империализма определена т. Лениным следующим образом:

«Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта троякая: империализм есть 1) монополистический капитализм; 2) паразитический или загнивающий капитализм; 3) умирающий капитализм. Смена свободной конкуренции монополией есть коренная экономическая черта, *суть* империализма. Монополизм проявляется в 5 главнейших видах: 1) картели, синдикаты и тресты; концентрация производства достигла той ступени, что породила эти монополистические союзы капиталистов; 2) монопольное положение крупных банков: 3—5 гигантских банков ворочают всей экономической жизнью Америки, Франции, Германии; 3) захват источников сырья трестами и финансовой олигархией (финансовый капитал есть монополистический промышленный капитал, слившийся с банковым капиталом); 4) раздел мира (экономический) международными картелями начался. Таких международных картелей, владеющих *всем* мировым рынком и делящих его «полюбовно»—пока война не переделила его,—насчитывают уже свыше *ста*. Вывоз капитала, как особенное характерное явление в отличие от вывоза товаров при немонополистическом капитализме, стоит в тесной связи с экономическим и политически-территориальным разделом мора. 5) Раздел мира территориальный (колонии) *закончился*»[1].

Действительно последние десятилетия XIX в. отмечены резкой колониальной экспансией капитализма и разделом всего земного шара между «великими державами». Если в 1876 г. важнейшим колониальным державам принадлежало в Африке 10,8% всей территории, то в 1900 г.—уже 90,4%; в Полинезии в 1876 г.—56,8%, а в 1900 г.—98,9%; и даже в Азии, где кроме Китая, турецких владений, Персии и Японии, почти вся территория была уже поделена к 1876 г. колониальные владения к 1900 г. увеличились еще на 5% и составляли 56,6%.

[1] Ленин, Собр. соч, изд. второе, т. XIX, стр. 301.

Следующая таблица разработанная т. Лениным [1], как нельзя более ярко, показывает конкретное состояние территориального раздела мира между «великими» державами к 1914 г.

«Великие» державы	Колонии 1876 г. км²	Колонии 1876 г. Жителей	Колонии 1914 г. км²	Колонии 1914 г. Жителей	Метрополии 1914 г. км²	Метрополии 1914 г. Жителей	Всего км²	Всего Жителей
	миллионы		миллионы		миллионы		миллионы	
Англия	22,5	251,9	33,5	393,5	0,3	46,5	33,8	440,0
Россия	17,0	15,9	17,4	33,2	5,4	136,2	22,8	169,4
Франция	0,9	6,0	10,6	55,5	0,5	39,9	11,1	95.1
Германия	—	—	2,9	12,3	0,5	64 9	3,4	77,2
Япония	—	—	0,3	19,2	0,4	53,0	0,7	72,2
США	—	—	0,3	9,7	9,4	97,0	9,7	106.7
Шесть «великих» держав	40,4	273,8	65,0	523,4	19,5	437,2	81,5	960.6

Колонии, принадлежащие не великим державам (Бельгии, Голландии и др. государствам . 9,9 45,3 9,9 45,3

Три страны «полуколонии» (Турция, Китай и Персия) 14,5 361,2

Итого . . . 105,9 1397,1

Остальные государстваа и страны 28,0 289,9

Весь земной шар (без полярной области) 133,9 167,0

С другой стороны воздействие установленного Лениным закона неравномерного развития капитализма и сущность империализма как загнивающего капитализма привели к чрезвычайно сложному процессу развития капиталистических государств в период перед мировой войной. Во-первых, благодаря скачкообразному неравномерному развитю капитализма отдельные более отсталые в кпиталистическом отношении страны начали догонять в своем экономическом развитии, а иногда даже перегонять страны передовые (США, Германия, Япония). Во-вторых, рост и консолидация рабочего класса приводили к обострению классовой борьбы. И в-третьих, все более рос протест и стремление к национальному освобождению в отсталых порабощенных колониальных странах. Все это в совокупности должно было в высшей степени обострить экономическую и политическую борьбу между важнейшими государствами за гегемонию на мировом рынке и за политическое влияние в отсталых странах.

Поэтому после сравнительно мирного периода, наступившего за полосой буржуазнонациональных и национальноосвободительных войн эпохи промышленного капитализма, приходит новый период войн и революций. Японско-китайская война 1894—1895 гг., где молодой японский капитализм впервые испытывал свою военную мощь, испано-американская война (1898 г.), где Соединенные штаты впервые выходили на мировую империалистическую арену; англо-бурская война (1899—1902 гг.), вызванная хищническими аппетитами небольшой сравнительно кучки авантюристов английского капитализма; наконец русско-японская война, где, в борьбе за преобладание на Дальнем востоке,

[1] Ленин, Собр. соч., издание второе, том XVIII, стр. 195.

столкнулись государства, за спиной которых стояли главные силы будущей мировой войны (Англия и Германия),—все это были первые аванпостные стычки, первые предвестники будущего гигантского кризиса капитализма, принявшего форму мировой империалистической войны 1914—1918 гг.

Напряженная международная обстановка обострялась еще тем, что сам империализм начал вызывать национальный и политический подъем эксплоатируемых им отсталых народов, начал будить в них возмущение как против хозяйничанья иностранцев, так и против собственных деспотов. Уже в 1900 г. произошло так называемое «боксерское» восстание в Китае, за которым последовал разгром Пекина отрядами «цивилизованных» государств и тяжелая контрибуция, наложенная ими на китайский народ. А неудачная для России война с Японией и особенно революция 1905 г. вызвали громовые отклики на всем азиатском востоке: революцию в Персии в 1906—1907 гг., в Турции—в 1908 г. и наконец в Китае—в 1911—1912 гг. В то же время первая революция в России содействовала тому обострению классовой борьбы, которое явственно наметилось в XX в. и в Западной Европе, особенно в Англии и Франции. Все это несомненно ускоряло грядущий мировой конфликт.

Уже с конца XIX в., а особенно после русско-японской войны, можно было предвидеть, что центр тяжести этой грядущей мировой войны находится в непримиримых и все возрастающих противоречиях между Англией и Германией, в том, что Германия стала мировой державой, все более опасной для английского экономического, политического и даже морского и колониального могущества. Вот цифры, характеризующие (в миллионах тонн) рост германской тяжелой индустрии по сравнению с Англией [1]:

	Великобритания (с Ирландией)			Германия		
	Среднее за 1880—1884 гг.	1913 г.	1913 г. в % к 1880—1884 гг.	Среднее за 1880—1884 гг.	1913 г.	1913 г. в % к 1880—1884 гг.
Каменный уголь	156,4	292,0	187	51,3	190,1	371
Чугун	8,1	10,4	128	3,2	19,3	603
Сталь	1,8	7,8	433	0,8	18,3	2 288

Если прибавить к этому все возраставший с конца XIX в. экспорт Германии на мировые рынки, непрерывное увеличение ее торгового и военного флота, ее политическое влияние на Балканах, особенно в Турции, наконец начатую ею постройку Багдадской железной дороги, которая угрожала самым основам Британской колониальной империи, то станет понятным, что вооруженный конфликт между Англией и Германией был рано или поздно неизбежен. Пока у Англии был целый ряд неразрешенных международных противоречий с Францией и особенно с Россией, она не могла взять на себя инициативу войны с Германией. Но вот с 1904 г., урегулировав все свои «недоразумения» с Францией, Англия заключила с ней неофициальный союз, объективно направленный против Германии, а в 1907 г. Россия, потерпевшая поражение в войне с Японией, стала уступчивой и пошла на соглашение с Англией в вопросе о размежевании «сфер влияния» в Средней Азии. Вместе с тем, перенеся снова центр своей внешней политики с Дальнего востока на Балканский полуостров, Россия неизбежно должна была столкнуться с германскими и австрийскими интересами. Так постепенно создавалась дипломатическая основа *Антанты*, т. е. тройственного соглашения Англии, Франции, и России, в котором Англия играла роль главного закулисного вдохновителя [1].

[1] Наумов, Война 1914—1918, стр. 23.

[2] Этому соглашению предшествовал франко-русский союз, окончательно оформленный в 1893 г., в противовес «Тройственному союзу» Германии, Австрии и Италии.

Кроме основного узла противоречий—между Англией и Германией—были и второстепенные узлы, сильно обострявшие международную обстановку и приближавшие вооруженное столкновение. Важнейшими из них были: эльзас-лотарингский вопрос и притязания России на господство над Балканским полуостровом,—в первую очередь над Константинополем и проливами. Развивавшаяся тяжелая промышленность Франции последние годы перед войной особенно остро стала нуждаться в богатейших источниках железа, находившихся в отнятых у Франции в 1871 г. провинциях. Кроме того, став колониальной и морской державой, Германия могла угрожать и колониальным владениям Франции, особенно в Африке. А быстрый рост ее населения тоже пугал Францию, сильно отставшую в этом отношении. Пока у власти стояли во Франции мелкобуржуазные партии, французское правительство не решалось на войну. Но когда с 1912 г. в лице Пуанкаре к власти пришел трестированный капитал, политика Франции стала более агрессивной и оказалась в полном согласии с намерениями Англии и России.

Что касается России, то рост империалистических тенденций в эпоху столыпинщины охватил, как известно, все буржуазные партии до кадетов включительно, которые в вопросах внешней политики оказывали полную поддержку министерству иностранных дел. Если во время русско-японской войны, не затрагивавшей интересов буржуазии в целом, значительные группы буржуазнолиберальной интеллигенции были настроены даже пораженчески, то перед мировой войной кадеты (не говоря уже об октябристах) занимали определенно империалистскую позицию и ориентировались на захватническую политику по отношению к Турции и на неизбежную войну с германской коалицией. К этому же еще с 1907 г., т. е. после соглашения с Англией, вполне определенно готовились и высшие военные круги. Вот что показывал следственной комиссии в Иркутске Колчак:

«Еще в 1907 г. мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом германской, изучение ее подготовки, ее программы военной и морской и т. д. совершенно определенно и неизбежно указывало нам на эту войну, начало которой мы определяли к 1915 г. В связи с этим надо было решить следующий вопрос. Мы знали, что инициатива в этой войне, начало будет исходить от Германии, знали, что в 1915 г. она начнет войну... После долгого и весьма детального изучения, исторического и военно-политического, было решено как морским, так и сухопутным штабами, что мы будем на стороне противников Германии, что союза с Германией заключить нельзя и что эта война должна будет решить в конце концов вопрос о славянстве — быть или не быть ему в дальнейшем».

Таким образом совершенно очевидно, что война Антанты против Германии была решена давно и нужно было лишь закрепить организационную роль отдельных держав Антанты в этой войне, а также создать благоприятную дипломатическую и общеполитическую обстановку, которая помогла бы правительствам Антанты одурачивать так называемое общественное мнение и вызвать необходимый им «патриотический» подъем масс.

Предвестником мировой войны были, как известно, балканские войны 1912/13 гг., в значительной мере спровоцированные Россией. Но еще до этого, в сентябре 1912 г., английский министр иностранных дел Грей в личной беседе уверил русского министра Сазонова, что, если бы между Россией и Германией возникла война, «Англия употребила бы все усилия, чтобы нанести самый чувствительный удар германскому могуществу». В этой же беседе Грей сообщил

Сазонову, что между Францией и Великобританией имеется уговор, «в силу которого в случае войны с Германией Англия обязалась оказать Франции помощь не только на море, но и на суше, путем высадки войск на материке»[1].

Итак, с 1912 г. ближайшая перспектива войны, к которой обе коалиции готовились давно (причем с *политической* точки зрения нападающей стороной, пожалуй, была Антанта, ибо ее пугал и ей мешал рост экономического, политического и военного могущества Германии, которую надо было сломить во что бы то ни стало), вырисовывалась с полной отчетливостью, и дипломатические ведомства, равно как и военные и морские штабы обеих сторон делали последние лихорадочные приготовления [2]. Одним из элементов, ускорявших развязку, были внутренние политические мотивы, т. е. необычайное обострение национальной и классовой борьбы. И именно весна и лето 1914 г. были моментом наивысшего напряжения этой борьбы в целом ряде стран.

С одной стороны, в России начался в 1912 г. революционный подъем рабочего класса, выражавшийся в грандиозной, невиданной с 1905 г., стачечной борьбе, носившей притом не только экономический, но и ярко политический характер, и к лету 1914 г. начавший перерастать в зародышевые формы вооруженного восстания: в Петербурге накануне визита Пуанкаре к Николаю, имевшего целью договориться о конкретных вопросах будущей войны, появились баррикады. Росла и обострялась и национальная борьба.

С другой стороны, в Англии тоже последние годы перед войной происходил небывалый со времен чартизма подъем рабочего движения, выражавшийся в исключительных по своему объему экономических конфликтах и стачках. К этому присоединилось усиление национальнореволюционной борьбы в Ирландии, борьбы, которая летом 1914 г. чуть не разразилась гражданской войной. Громадное и ярко революционное рабочее движение происходило весной 1914 г. и в Италии. Во Франции время от времени—последние два-три года перед войной—вспыхивали то рабочие забастовки, то волнения крестьян (особенно виноделов на юге страны), то даже серьезные волнения в войсках.

Само собою понятно, что если Англия и Россия могли в войне искать выхода из внутреннего кризиса, то Германия, наоборот, явно спекулировала на этом внутреннем кризисе в лагере своих противников, тем более что в самой Германии внутреннее положение было более устойчивым. Но и в лагере самой германской коалиции, именно в Австро-Венгрии, шла обостренная национальная борьба, и русское правительство, а также поддерживавшие его внешнюю политику буржуазные партии разжигали эту национальную борьбу, подстрекая чехов против немцев, украинцев («русин») против поляков и другие славянские национальности против венгров.

При этом в странах Антанты наибольшее нетерпение проявляли некоторые правящие круги России, особенно в лице военного ведомства и министерства иностранных дел. Еще в феврале 1914 г. военный министр Сухомлинов поместил в «Биржевых ведомостях» анонимную статью явно провокационного характера, смысл которой был тот, что Россия готова к войне и может

---

[1] М. Н. Покровский, Империалистская война, стр. 153 и 90—91.

[2] В частности, германский рейхстаг в 1912 г. ассигновал сверхсметно целый миллиард на увеличение армии и усиление ее мобилизационных запасов, а в следующем году во Франции прошел, несмотря на протест значительной части мелкой буржуазии (не говоря уже о рабочем классе), закон о 3-летней военной службе, принятый Германией как вызов.

начать ее в любой момент [1]. Этой воинственной и шовинистической клике, которую в значительной мере поддерживали все буржуазные партии, противодействовала группа крайних правых, сильная своим влиянием на Николая II. Она предупреждала его против разрыва с Германией, которую она считала оплотом «порядка» в Западной Европе, и против риска войны, которая, по их мнению, могла привести к революции, еще более грозной, чем в 1905 г., к революции, где будет поставлена на карту судьба самой династии. Чтобы парализовать это влияние крайних правых вождей черносотенного «Союза русского народа» и «Совета объединенного дворянства», партия войны (как можно было бы назвать блок националистических буржуазных партий, возглавлявшихся министерством иностранных дел) стремилась создать такое политическое положение, при котором у царя не было бы другого выхода кроме войны. Для этого воспользовались теми обязательствами, какие были у царского правительства и у самого Николая по отношению к Сербии. Втянуть Сербию в войну с Австрией, оказать Сербии военную поддержку—значило вызвать войну и со стороны Германии, которая вынуждена была бы поддержать свою союзницу. А вступление Германии в войну неизбежно, согласно тайным конвенциям Антанты, означало военное выступление не только Франции, но и Англии. И вот с ведома, а может быть и по негласному подстрекательству русского посла в Белграде организуется поддерживаемая правительственными и особенно военными кругами самой Сербии террористическая организация сербских националистов, направленная против известного своим шовинизмом австрийского наследника престола. Организованное таким образом Сараевское убийство и явилось той закулисной игрой, которая должна была вызвать мировую бойню.

Германия, видя политические и военные приготовления в лагере своих врагов, конечно и сама лихорадочно готовилась к войне и не прочь была начать первой, чтобы предупредить подготовительную работу Антанты, военная программа которой к 1914 г. была еще незакончена. Но при этом германские правящие круги и в том числе особенно сам Вильгельм сделали ряд крупных политических ошибок и просчетов. Они слишком понадеялись на чуть ли не немедленную революцию в России, которая произошла действительно, но, как известно, лишь спустя два с половиной года после начала войны. Они не дооценили военных и мобилизационных способностей царской России. И наконец Вильгельм был так наивен, что думал, будто Николай не выступит на стороне сербских террористов, не поддержит своим монархическим авторитетом «цареубийц». А коварная политика английского правительства до самого последнего момента внушала германским правящим кругам надежду, что Англия останется нейтральной.

Несколько беспокоило правительства обеих коалиций будущее поведение рабочего класса и социал-демократии, т. е. партий II Интернационала. Как известно, на всех почти конгрессах этого II Интернационала принимались резолюции против грядущей войны, и высказывались угрозы противодействия войне, если она вспыхнет. А на последнем чрезвычайном международном социалистическом конгрессе в Базеле, созванном под угрозой надвигавшейся мировой войны, заговорили как-будто недвусмысленным революционным языком.

---

[1] С другой стороны, около того же времени в германских газетах (точь-в-точь, как в японских летом 1903 г.) писали, что непобедимость России есть фикция, ибо то недовольство, которое царит среди угнетенных национальностей, как и среди масс коренного русского населения, в случае военного поражения России, должно привести к крушению всего режима.

Но это были в большинстве лишь фразы. Ибо даже в Германии, где социал-демократическая партия была наиболее многочисленной, организованной и, казалось, наиболее могущественной, она тоже явственно подвергалась реформистскому перерождению, особенно последние годы перед войной, и этого не могли не чувствовать правительственные круги. Они понимали, что если бы партийная верхушка, как и верхушка профсоюзов, давно шедшая за реформистами, оказали правительству моральную поддержку в войне или по крайней мере заняли позицию нейтралитета, то благодаря их политическому и организационному влиянию на самые широкие массы пролетариата это создало бы благоприятную политическую обстановку как в тылу, так и на фронте.

В Англии рабочая партия всегда отличалась реформизмом и плелась в хвосте за буржуазным либерализмом. Настроенная более или менее интернационалистски Независимая рабочая партия не пользовалась особенно значительным влиянием в массах. Наоборот, во Франции, где влияние социалистической партии и профсоюзов, в том числе и анархо-синдикалистских, было не особенно велико в широких массах и организационно далеко их не охватывало, даже соглашение правительства с социалистами не гарантировало его от неожиданностей, от революционного брожения в массах, и это внушало правительству и высшему командному составу некоторое беспокойство и представляло ближайшие политические перспективы войны в туманном виде.

Это быть может в некоторой степени повлияло на проявленную высшим командованием французской армии нерешительность и отчасти даже растерянность в первые дни и недели войны (чему конечно также содействовали и воспоминания о 1870 г. и сведения о могуществе германской армии). Зато германский штаб, воспитанный в традициях непобедимости германской армии, после личных переговоров (в последние дни перед войной) с представителями Центрального комитета германской социал-демократической партии, получив заверение в «лойяльности» и «патриотизме» партийной верхушки, еще более укрепился в своей самоуверенности и воле к победе.

Вместе с тем все правительства старались создать такую политическую и военную обстановку, чтобы казалось, что именно их страна подверглась нападению и вынужена обороняться, и таким образом облегчить партиям II Интернационала сделку с их социалистической совестью. В самом деле, известно было, что такие партийные вожди, как Бебель в Германии или Гед во Франции, не говоря уже о Жоресе, предложившем в 1911 г. в своей книге «Новая армия» проект всенародной милиции для защиты страны, утверждали не раз в последние годы перед мировой войной, некритически перенося политическую обстановку эпохи национальных войн на эпоху империализма, что в случае нападения на их страну они будут защищать свое «отечество».

Главная вдохновительница войны—Англия—прекрасно знала, что «нейтральная» Бельгия, фактически бывшая в лагере Антанты, сделается той территорией, через которую двинутся во Францию германские армии [1], сознательно ждала этого момента, чтобы объявить всему миру и собственным народным массам, что она только теперь решилась на войну для защиты маленькой Бельгии и попранных международных договоров, для защиты цивилизации, гуманности и демократии от германского варварства, милитаризма.

В результате всех этих политических махинаций создана была нужная правительствам морально-политическая обстановка, «обработано» было соответ-

---

[1] Впрочем, по некоторым вариантам военных планов Англии и Франции они сами должны были первые через Бельгию напасть на Германию.

ственным образом так называемое общественное мнение и социал-демократические партии всех воевавших стран, за весьма небольшими исключениями, покорно и даже с сознанием исполненного долга пошли за колесницей империализма, вовлекая пролетариат своих стран в международную бойню против пролетариев других стран и во славу собственных империалистических хищников.

После Сараевского убийства Австрия предъявила Сербии ультиматум, который сводился в сущности к почти полному уничтожению ее политической и национальной независимости. Так как Сербия, готовая на значительные уступки, не могла принять ультиматума в целом, Австрия объявила ей войну. Германия, игравшая несомненно подстрекательскую роль в агрессивном поведении Австрии, рассчитывала вначале на локализацию конфликта, на то, что разгромом Сербии германская коалиция укрепит свой международный престиж, свою военную мощь и заставит призадуматься своих противников из лагеря Антанты. Но русское военное командование объявило частичную мобилизацию, и это создало непосредственную угрозу войны с Россией. Вильгельм в ряде телеграмм умолял Николая остановиться, пока не поздно, воздействуя на его монархические чувства. Но, когда Николай в последний момент заколебался и задержал общую мобилизацию, военный министр и министр иностранных дел, в полном согласии с послами Антанты, оказали решительное давление на Николая, и всеобщая мобилизация была объявлена. Так началась война Германии против России и Франции, война, к которой, после вторжения германских войск в Бельгию, по заранее обдуманному плану, присоединилась и Англия.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Мы видели, какие экономические и политические противоречия империалистических государств вызвали мировую войну и какую роль сыграла политическая подготовка этой войны. Но, как известно, не только «война есть продолжение политики другими средствами», но, говоря словами Ленина, «политика продолжается и во время войны». Сложность внешнеполитической обстановки, необычайное разнообразие и противоречивость интересов как начавших войну стран, так и ждавших своей очереди нейтральных, наконец, как мы знаем, напряженная социально-политическая атмосфера в ряде стран накануне войны, наличие в них обостренной классовой и национальной борьбы—все это придавало политике как движущей силе и одновременно как орудию войны особенное значение, все это наиболее ярко выдвигало ее важнейшие задачи уже во время войны: в области международной—*изоляцию и разложение противника,* в области внутренней—*политическое укрепление тыла.* И действительно, как перед войной, так и во время ее, до самого конца, мы видим, с одной стороны, неустанную мышиную возню дипломатов обеих коалиций, направленную на приобретение себе союзников или обеспечение нейтралитета тех или иных стран и сопровождающуюся посулами, подкупами, а то и прямыми угрозами. Особенно кипучую деятельность проявляла при этом Англия, которая взялась добиться не только политической, но и экономической изоляции Германии и которой удавалось благодаря ее морскому могуществу подкреплять просьбы и увещания своих дипломатов увесистой угрозой дредноутов и бронированных крейсеров. С другой стороны, продолжалась во время войны та политика разложения противника, которая началась и до войны. Германия рассчитывала не только на революционное рабочее движение в России, но и на восстание в Польше, на присоединение кавказских мусульман к Турции и т. п. и вместе с тем поддерживала ирландских революционных националистов,

сделав даже попытку, уже во время войны, послать им корабль с оружием. Царское правительство свою «славянскую» политику в Австро-Венгрии, как известно, с успехом пыталось использовать и во время войны. Так же вела себя Англия в деле подстрекательства живших в Турции христиан, вербовки среди них шпионов и т. п. Эта же политика социального и национального разложения противника проводилась обеими коалициями и по отношению к пленным. Определенные их группы (ирландцы в германском плену, славяне, особенно чехи,—в русском) ставились в особо привилегированное положение и подвергались специальной политической обработке. Усиленно велась также политическая пропаганда на фронте противника при помощи сбрасываемой с аэропланов специальной литературы. Наконец и Германия, и Россия обещали автономию Польше, которая являлась важнейшим театром на Восточном фронте.

Что касается *внутренней* политики во время войны, то она сводилась к усилению диктаторского характера власти, к почти полной отмене так называемых демократических «свобод», к ослаблению роли парламента, введению строжайшей цензуры и т. п. и одновременно к широчайшей пропаганде—через прессу, церковь, школу, кино, литературу—идей патриотизма, фальсифицированных лозунгов войны и столь же фальсифицированных сведений о противнике. Непримиримые элементы рабочего класса арестовывались, посылались на фронт, вообще всячески терроризировались. А более покладистые элементы оппозиции, в лице верхушки социал-демократических партий и профсоюзов, подкупались неопределенными обещаниями в будущем, приближением к власти, т. е. раздачей министерских портфелей (в Англии, Франции и Бельгии»), и т. д. Таким образом создавался внутри «единый фронт», «гражданский мир», «священное единение», причем «вожди» рабочего класса доказывали, что, защищая страну, пролетариат защищает не только «цивилизацию», но и свои завоевания, полученные в результате многолетней борьбы, и все будущее социализма.

Даже в России, в которой реакционность самодержавного строя, с самого начала войны обнаружила себя с особой силой и неприглядностью, образовался единый фронт от всех социал-оборонческих партий до представителей оголтелых черносотенцев типа Маркова и Пуришкевича. Русский меньшевизм, во всех оттенках, от самых правых оборонцев типа Плеханова и до трескучих фразеров типа Троцкого, совместно с эсерами и др., развернули единый фронт поддержки царского правительства, за войну до полной победы. Эта поддержка позволила царскому правительству безболезненно произвести мобилизацию, а затем в течение трех лет гнать на убой миллионы почти безоружных людей. Поддержка меньшевиков-ликвидаторов дала возможность царскому правительству успешно осуществить мобилизацию промышленности и учинить беспощадную расправу с революционными представителями рабочего класса.

На фоне этого сплошного шовинистического угара только большевизм выступил с единственно правильной последовательной классовой четкой линией борьбы против царизма, против империалистической войны. Уже поведение депутатов большевиков в Государственной думе в первые недели войны показало, что большевики не дадут увлечь себя в предательское оборонческое русло. Гениальная программа, разработанная Лениным, сыграла огромную, совершенно исключительную роль в ходе мировой войны. Лозунги Ленина о превращении империалистической войны в войну гражданскую; его непримиримые разоблачения предательства партии II Интернационала; его требования о создании III Интернационала; конкретные указания о создании подпольных организаций революционеров; его пропаганда пораженчества и т. д.,—все это

сплачивало и организовывало силы международного пролетариата и направляло их на путь борьбы за пролетарскую революцию.

Но эта работа Ленина не сразу могла дать непосредственные результаты. Понадобилось длительное время, пока массы осознали грандиозный обман, жертвой которого они стали.

Но до тех пор пока шовинизм господствовал почти во всех воевавших странах, правящие классы поспешили ввести неприкрытую диктатуру и террор.

С другой стороны, даже в Англии, которая прославлялась либералами и демократами всего мира, как страны «незыблемой свободы», со второй половины войны, когда положение Антанты стало критическим, введена была настоящая диктатура четырехчленного «военного совета» при премьере Ллойд-Джордже, роль всего кабинета министров свелась к функциям совещательного органа, а роль парламента к нулю. Введена была впервые за всю историю Англии обязательная всеобщая военная служба. Еще более свирепый политический режим, чем Ллойд-Джордж в Англии, ввел во Франции Клемансо, сменивший ряд более «слабых» правительств. Само собой понятно, что и в Германии вожди революционного крыла рабочего класса—Карл Либкнехт и Роза Люксембург—почти непрерывно сидели в тюрьме и деятельность этого крыла (группа «Интернационал», «Спартак») могла проявляться лишь нелегально, в подполье, а в России большевистская фракция депутатов 4-й Государственной думы была арестована в первые же месяцы войны в полном составе и осуждена в ссылку на поселение в Сибирь, с лишением «всех прав состояния».

С грандиозными *экономическими* задачами, которые поставила война перед всеми воевавшими государствами и которые в основном сводились к проблемам производства, распределения, сырья и рабочей силы,—с этими задачами нельзя было справиться ни террором, ни подкупом оппозиции, ни пропагандой. Здесь нужна была целая продуманная система мероприятий, выходящих за рамки частнокапиталистического права. Капиталистическое хозяйство, с его господством индивидуализма и анархией производства, оказалось неприспособленным к войне, которая велась не только правительством и армией, но всем народом, всеми силами и средствами страны. В результате—интересы класса буржуазии в целом вынудили правительства наложить руку на экономическую «свободу» не только трудящихся масс, но и отдельных капиталистов и целых групп буржуазии и землевладельцев. Правительства воевавших стран стали вводить у себя—одни раньше и полнее (Германия), другие позже и в меньшей степени—элементы *государственного капитализма,* т. е. элементы плановости, принудительности, государственного контроля и даже непосредственно государственного производства и распределения. Успех экономической мобилизации, проведенной во всех воевавших странах, стал возможен также только благодаря активному содействию партий II Интернационала, целиком и полностью перешедших на службу империализму.

Труднее всего во время войны было экономическое положение Германии, находившейся в состоянии полной блокады. В самом деле, вся западная и восточная границы Германии были театром военных действий. Сербия преграждала связь с Ближним востоком, а после вступления в войну Италии (в 1915 г.) от Германии был отрезан и юг. Наконец обширная морская торговля Германии была совершенно уничтожена английским флотом, сторожившим все порты Северного и Балтийского морей. Таким образом в распоряжении Германии были лишь сношения с Швейцарией, Голландией и скандинавскими странами, но и эти сношения строжайшим образом контролировались Антантой, и скандинавским странам например Англия попросту запретила ввозить

в Германию свыше известной нормы, которая лишь являлась эквивалентом необходимого им самим ввоза из Германии. Между тем Германия уже задолго до войны была страной, ввозящей хлеб, а война, с ее необходимостью питать огромные армии и катастрофическим уменьшением числа рабочих рук в сельском хозяйстве, увеличила эту потребность в хлебе и других продуктах питания в неизмеримой степени. Кроме того германская промышленность, в частности военная, не могла существовать без целого ряда импортных товаров, особенно сырья и жидкого топлива: каучука, нефти, кожи, технических масл, некоторых металлов и т. п.

Всем этим объясняются как некоторые особенности *военной* политики Германии, когда она убедилась, что война затягивается, ее стремление на восток, к хлебным районам России, к румынской нефти и т. д., так и ее *экономическая* политика внутри страны. Эта экономическая политика сводилась, с одной стороны, к непрерывному расширению производства, приспособлению его к военным надобностям и к имеющимся в стране средствам, к замене недостающих продуктов суррогатами (что нередко блестяще удавалось при помощи высоко развитой германской науки и техники), а с другой—к наиболее рациональному использованию всех наличных ресурсов. Так, недостаток керосина вызвал массовую электрификацию не только маленьких городов, но и деревень. Кожаные приводы на фабриках и заводах заменялись тонкой, гибкой сталью. Роль каучуковых и шерстяных изделий стали играть соответственные продукты из бумаги. Такие же суррогаты, конечно не без вреда для здоровья населения, стали применяться и в пищевой промышленности. Для выяснения количества и наиболее планомерного использования рабочей силы, сырья, продуктов потребления и особенно питания создана была сложная сеть центральных и местных органов, куда входили, наряду с представителями объединенных капиталистов, землевладельцев (а иногда и профсоюзов), правительственные комиссары и чиновники. Возможности такой организации хозяйства содействовало то, что в Германии еще до войны и промышленность, и сельское хозяйство, и рабочий класс были объединены больше, чем где бы то ни было.

Но при этом для Германии было характерно, что, несмотря на крикливый патриотизм высшей буржуазии и помещиков, несмотря на их все расширявшиеся аннексионистские требования и претензии, они нередко—каждая классовая группа по-своему—саботировали экономические декреты и распоряжения правительства, так что многие из последних оставались в значительной мере лишь на бумаге. Так, промышленники скрывали свои бешеные прибыли, спекуляция и торговля из-под полы были широко развиты, и для богачей переживавшиеся массами лишения были совершенно нечувствительны; мало того, для многих групп буржуазии война была настоящим пиром во время чумы. С другой стороны, помещики и богатые крестьяне, объединенные в реакционный «Союз сельских хозяев», частенько скрывали свои хлебные и другие излишки, иногда при молчаливом попустительстве местных властей, если те тоже принадлежали к дворянско-помещичьему классу. Кроме того экономические интересы промышленной буржуазии и помещиков в большинстве случаев не совпадали, и между ними шла глухая внутренняя борьба, чему еще содействовала кастовая надменность высшей дворянской бюрократии и военного командования по отношению к буржуазии.

Ирония истории пожелала, чтобы наибольший патриотизм в этом чужом для него деле проявил под влиянием своих соглашательских вождей и всей организованной верхушки, по крайней мере в первый год войны, рабочий класс.

Рабочие работали со стиснутыми зубами, положение их ухудшалось, семьи голодали в буквальном смысле [1].

Только благодаря предательской роли социал-демократии смогла Германия в течение 4 лет победоносно выдерживать и голодную блокаду и беспощадную борьбу на всех многочисленных фронтах с более сильным в общем—и численно и экономически—проивником.

Совершенно другим было экономическое положение Англии. Могущественный английский флот, с которым фактически сотрудничал флот «нейтральных» Соединенных штатов Америки, снабжал всем необходимым (главным образом именно из Америки) не только свою страну и армию, но и своих континентальных союзников. Поэтому и экономическая политика Англии в первые годы не вносила резких, принципиальных изменений в общую капиталистическую систему. Лишь по мере того, как война затягивалась и увеличивались ее трудности, а особенно после того, как Германия перешла (в самом начале 1917 г.) к беспощадной подводной войне, направленной на этот раз уже и против нейтральных судов, английское правительство, которое, все больше усиливая диктаторский характер своей власти, вместе с тем все больше вмешивалось и в экономическую жизнь страны, стало строжайшим образом не только контролировать, но и регулировать и производство, и потребление, и рабочую силу [1].

И надо сказать, что во многих отношениях это в Англии удавалось лучше, чем в Германии, что экономические мероприятия британского правительства, проводимые в духе военно-государственного капитализма, осуществлялись более решительно и последовательно. Причины этого надо искать в отличном от германского характере классового строя Англии и ее государственной власти. В Англии господствующие классы проявили максимальное единство классовой воли, ибо у них гораздо большее единство интересов, чем в Германии; кроме того английское правительство—в полном смысле приказчик своей буржуазии, и оно умело поставить дело государственного регулирования цен, производства и потребления таким образом, что ни экономические интересы капиталистов и капиталистических фермеров, ни их групповое самолюбие нисколько не страдали. Наоборот, заключенные с ними государственные договоры обеспечивали им такие большие прибыли, что это в высокой степени стимулировало их патриотическое усердие и добросовестность, тем более что и рабочий класс, благодаря соглашательской политике своей верхушки и умело поставленной пропаганде, в огромном большинстве был ошеломлен войной и оставался «лойялен», а вся активная пролетарская молодежь к тому же посылалась на фронт.

Гораздо менее выдержанной и последовательной была экономическая политика Франции, что объяснялось значительно меньшей ролью в ней крупного капитала, большим преобладанием мелкой буржуазии и вообще меньшей экономической организованностью страны. Это же выразилось и в меньшей политической сплоченности в первые годы войны, в той борьбе партий, которая приводила к смене правительств, пока наконец власть не перешла в руки Клемансо. Впрочем благодаря свободному подвозу и огромной помощи, какую оказывали Франции английский и американский флот и их могучая промышленность, народное хозяйство Франции выдерживало войну, хотя чу-

---

[1] Впрочем с конца 1915 г. начало проявляться и все увеличивалось недовольство рабочего класса, зародилось и расширялось стачечное движение, и все это привело к отколу от официальной с.-д. партии «независимых с.-д.».

[2] Одной из причин этого вмешательства было стачечное движение 1917 года.

довищное военное напряжение, особенно тяжело ложившееся на сравнительно небольшое население Франции, получило свое выражение в росте антивоенных настроений среди рабочего класса и крестьянства и даже, под влиянием Февральской революции в России, в серьезных волнениях в армии весной 1917 г., т. е. тогда, когда и в Германии начал резко чувствоваться надлом настроения в широких рабочих массах, когда даже в Англии, как мы видели, вспыхнуло стачечное движение, успокоенное, с одной стороны, полицейским террором, а с другой—искусной экономической политикой Ллойд-Джорджа.

В самом худшем положении в смысле приспособления к нуждам войны оказалась экономика и экономическая политика царской России. Вопреки предсказаниям некоторых буржуазных экономистов (Туган-Барановский), что именно преобладание сельского хозяйства сделает экономику России менее чувствительной к ударам войны, экономическая жизнь России первая начала давать глубокие трещины во время войны, чему еще особенно содействовала общая политика царизма, чудовищное казнокрадство, невежество и беспомощность в правящих верхах, безответственные влияния при дворе, сводившие к минимуму не только деятельность Государственной думы, но нередко даже деятельность официального правительства.

К этому надо прибавить, что германофильские тенденции в некоторых близких к царю кругах, получившие свое оформление в лице Распутина, который, как известно, играл крупную роль даже в непрерывных сменах министров и военного командования, способствовали общему развалу как экономической, так и политической жизни страны. И когда после страшных поражений 1915 г. крупной промышленной буржуазии удалось прочно сорганизоваться в форме «военнопромышленных комитетов», это уже не могло остановить экономического развала страны. А незадолго до Февральской революции тот буржуазно-помещичий блок, который держал курс на «войну до победного конца», готов был даже пойти на дворцовый переворот и организовал в 1916 г. убийство Распутина. Вся эта деятельность буржуазных партий и их борьба против германофильских влияний происходили отчасти по внушению и, во всяком случае, по соглашению с послами и военными агентами Антанты, которые таким образом недвусмысленно вмешивались во внутреннюю жизнь России.

Февральская революция в России привела к выходу ее из войны и создала экономическую, политическую и социальную неустойчивость Российской империи, которая оказала существенную помощь Германии в ее неравной борьбе, так как после того, как потерпел крушение ее план молниеносного разгрома Франции, она получила реванш в своих блестящих победах в России. Другим преимуществом Германии было то, что в лагере Антанты не было полного единства и сплоченности, что в ней интересы отдельных стран действовали иногда во вред интересам всей коалиции. Так, когда в начале войны Турция, считавшаяся негласным союзником Германии, неожиданно выразила готовность выступить на стороне Антанты, Россия от этого отказалась, так как подобный поворот затруднил бы русской дипломатии тот раздел Турции, который был одной из главных целей войны России, и это конечно окончательно толкнуло Турцию в объятия Германии.

С другой стороны, Англии очень не хотелось выполнить свое обещание—отдать России Константинополь и проливы, и она предприняла столь дорого стоившую и совершенно безрезультатную Дарданельскую операцию отчасти ради того, чтобы первой взять Константинополь и распоряжаться им в зависимости от обстоятельств. В то же время Англия, сама в значительной

мере защищенная от непосредственного вторжения германских армий, преследовала в первую очередь свои эгоистические колониальные интересы и направляла огромные силы на восток—в Египет, на Месопотамский и Сирийский фронты, в то время как на главном, Западно-европейском, фронте Франция почти без всякой помощи вынуждена была отражать германский натиск.

Конечно и в германской коалиции не все обстояло благополучно. И Австрия, и Турция нередко не столько оказывали помощь Германии, сколько сами нуждались в ее помощи. Тем не менее в действиях этой коалиции было гораздо больше политического и экономического единства и, не будь вступления Америки в войну, Германия могла бы выйти из борьбы если и не победительницей, то во всяком случае не побежденной.

Но вступление Америки в войну—чего тоже не предвидела или с чем недостаточно считалась Германия—было экономически и политически неизбежно. Американский империализм вложил так много капиталов в эту войну и притом на стороне Антанты, что не мог не поддержать в критический момент войны своего должника, не мог не явиться также одним из *военных*, а не только экономических, решающих факторов победы, не мог упустить столь благоприятного случая для вмешательства в дела Европы. Беспощадная подводная война, объявленная Германией, и фактический выход России из войны были лишь внешними поводами, которые использовал воинствующий американский империализм для того, чтобы сломить сопротивление не желавших войны кругов своей собственной крупной и мелкой буржуазии.

Мы знаем, что не только международные противоречия империализма, но и соображения внутренней политики играли в некоторых странах роль фактора, ускорявшего вступление в мировую войну. Эти же соображения внутренней политики продолжали действовать и во время самой войны, влияя нередко на те или иные ее моменты и даже операции. Так, переброска германским командованием в самый разгар Марнского сражения нескольких корпусов на Восточный фронт была продиктована не только и не столько чисто военными соображениями, сколько необходимостью немедленно парализовать те панические настроения, которые могли появиться в народных массах под влиянием русских побед в Восточной Пруссии, вызвавших волну беженцев внутрь Германии, а также чисто классовым опасением за судьбу помещичьих имений в Восточной Пруссии. Блестящие победы в России должны были компенсировать то чувство разочарования и усталости, которое все росло в в Германии по мере затягивания войны. Наконец и выступления германского флота, по существу несомненно безнадежные, должны были дать удовлетворение тем многочисленным роптавшим голосам, которые возмущались бездеятельностью военноморских сил Германии.

Все та же внутренняя политика, т. е. необходимость создать для «общественного мнения» видимость победы, а также соображения партийной борьбы сыграли свою роль в той политике наступления, которую предприняло французское командование в 1917 г., наступления, стоившего неисчислимых жертв и ничтожного по своим стратегическим результатам.

Таким образом стратегия, экономика и политика переплелись в мировой войне в один неразрывный клубок. Но если самая война явилась величайшим кризисом империализма, который должен был как будто разрешить все его основные противоречия, то, как известно, она не только их не разрешила, но, наоборот, расширила и углубила их в гигантской степени и создала целый ряд новых противоречий, которых не предвидел ни один из организаторов мировой войны.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ОБЕИХ СТОРОН

СУХОПУТНЫЕ АРМИИ

Для точной характеристики военного могущества воюющих сторон нужно было бы оценить всю совокупность средств, которыми располагало каждое государство, принявшее активное участие в войне к моменту ее возникновения в августе 1914 г. Подобная задача в ее полном объеме едва ли выполнима в ограниченном размере данного труда.

Приводимая ниже таблица (стр. 21) дает лишь некоторые отправные данные о численности сухопутных вооруженных сил обоих союзов к началу войны на основании новейших статистических сведений. В действительности же военная мощь любой страны слагается из целого ряда факторов, среди которых одна голая численность живых сил не дает верного представления о могуществе государства. И к началу мировой войны ни одно государство не учитывало всего объема своей энергии для ведения борьбы и не предвидело размеров грядущей борьбы, особенно—ее продолжительности. В результате воюющие стороны столкнулись во время самой войны с целым рядом неожиданностей, преодолевать которые приходилось уже наспех в процессе борьбы. Не все державы справились с возникшими трудностями, и некоторые из них погибли под тяжестью непреодолимых препятствий.

Анализ приведенных в таблице данных сразу резко подчеркивает численное превосходство живых сил Антанты, но необходимо пояснить это бросающееся в глаза преимущество одной стороны. В число 122 русских пех. дивизий входят 17 стр. бригад, штатный состав которых был вдвое меньше пех. дивизий, и 35 второочередных пех. дивизий, боевая ценность которых к моменту первых столкновений значительно уступала мобилизованным кадровым дивизиям. Точно так же, при несомненном огромном превосходстве русской конницы, не следует упускать из виду, что в числе $36^1/_2$ кав. дивизий — 10 второочередных казачьих. Медленность русской мобилизации и особенно стратегического сосредоточения русских сил также ослабляет значение указанного превосходства, если вспомнить, что окончание сосредоточения русских армий без 2 дальневосточных корпусов последовало на 45-й день мобилизации, а вместе с этими корпусами — только в конце 3-го месяца войны. Обращает на себя внимание незначительность боевых русских сил к началу операций сравнительно с общей численностью отмобилизованных сил. Эта разница объясняется указанной медленностью русского сосредоточения и оставлением крупных масс внутри государства (ополченские войска и неорганизованные запасные части).

В число 92 французских пехотных дивизий входят, кроме 47 полевых, 26 резервных дивизий и 12 резервных бригад, и 13 территориальных дивизий, почти равноценных, русским ополченским бригадам.

В цифровых данных об английских силах имеется несоответствие между их боевой численностью и числом дивизий. Последние показаны лишь в том размере, в каком они входили в состав экспедиционной армии для действий на материке (см. третью выноску в таблице). К пограничному сражению англичане успели сосредоточить только 4 пех. (1-ю, 2-ю, 3-ю и 5-ю) и 1 кав. дивизии. Пятая (4-я) дивизия была погружена 23 августа и участвовала 26-го в сражении у Ле Като, а 6-я прибыла и участвовала в Марнском сражении. Территориальная армия составила еще 14 дивизий, которые начали прибывать во Францию в ноябре 1914 г., а для военных действий были использованы впервые лишь в 1915 г.

По быстроте окончания стратегического сосредоточения всех сил Германия и Австро-Венгрия обладали бесспорным преимуществом, что и позволило им на обоих важнейших направлениях предупредить своих врагов наступлением компактными массами.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ВОЮЮЩИХ СТОРОН К НАЧАЛУ ВОЙНЫ

СТРАНЫ[1]	Численность населения в 1914 г.	Вооруженные силы мирного времени: кадровая армия	общее число военнообязанных	общее число военнообученных	Вооруженные силы к началу операций: боевая численность к началу операции	Число дивизий: пехотных	кавалерийских	Численность вооруженых сил по окончании мобилизации	Общее количество призванных под ружье за всю войну
Союз держав Антанты						всего			
Россия	180 600 000	1 284 155	17 558 000	5 650 000	2 500 000 (на фронте)	122	36 1/2	5 460 955	13 300 000 / 15 123 000[2]
Франция	39 700 000 в колониях: 57 700 000	884 000 вместе с колониальн. войск. из туземцев	5 940 000	5 067 000	2 689 000	92	10	3 781 000	8 317 000
Англия	46 000 000 в колониях: 434 000 000	411 400 вместе с индийской армией	—	1 203 000	566 778 вместе с резервн. войск. и террит. дивизиями Экспедиц. силы («The British Expeditionary Force») 166 000	6[3]	1	около 1 000 000	7 400 000
Бельгия	7 500 000 в колониях: 15 000 000	100 000	—	—	117 000	6	1	175 000	500 000
Сербия	4 800 000	52 000	440 000	440 000	247 000	11 1/2	1	380 000	750 000
Черногория . . .	440 000	2 000	—	—	60 000	—	—	60 000	60 000
Итого . . .	*279 040 000* в колониях: *506 700 000*	*2 733 555*	*23 938 000*	*12 360 000*	*6 179778*	*237 1/2*	*49 1/2*	*108 6955*	*30 327 000*
Союз центр. держав									
Германия	67 500 000 в колониях: 12 000 000	768 000	9 750 000	4 900 000	2 147 000	87 1/2	11	3 822 000	11 000 000
Австро-Венгрия .	52 700 000	478 000	6 120 000	3 000 000	1 421 250	49 1/2	11	2 300 00 0	9 000 000
Итого . . .	*120 200 000* в колониях: *12 000 000*	*1 246 000*	*15 870 000*	*7 900 000*	*3 568 250*	*137*	*22*	*6 122 000*	*20 000 000*

[1] В таблице приведены цифры только для государств, начавших войну в 1914 г. Поэтому в ней не упоминаются силы государств, позже примкнувших к тому или другому союзу.

[2] Эти две цифры являются предельными в обе стороны, в зависимости от разницы официальных источников, откуда они заимствованы.

[3] Согласно организации мирного времени в Англии имелось 6 полевых дивизий (соединение всех родов войск) и 1 кавалерийская дивизия. Но в первые же дни войны были добавлены 7-я и 8-я полевые дивизии, 2 кавалерийских дивизии и 2 англо-индийские дивизии. Таким образом Англия выставила в первые же дни войны всего 8 полевых, 3 кавалерийских и 2 индийских дивизии; эта численность определяла силу британской армии на театре войны до окончания Фландрского сражения, т. е. до конца 1914 г.

РУССКАЯ АРМИЯ

За десять лет до начала мировой войны Россия, последняя из великих держав, имела боевой (и неудачный) опыт войны—с Японией. Это обстоятельство должно было оказать и оказало в действительности влияние на дальнейшее развитие и жизнь русских вооруженных сил.

Россия не только успела залечить свои раны, но и сделать большой шаг вперед в смысле улучшения своего военного могущества. Мобилизованная русская армия достигла в 1914 г. грандиозной цифры 1 816 батальонов, 1 110 эскадронов и 6 046 орудий, 85% которых по сложившейся обстановке могло быть двинуто на Западный театр военных действий. Расширение повторных сборов запасных для обучения, а также ряд поверочных мобилизаций улучшали качество запасных и делали более достоверными все мобилизационные расчеты.

В русской армии под впечатлением японской войны усовершенствовалось обучение, расширились боевые порядки, начала проводиться в жизнь эластичность их, было обращено внимание на значение огня, роль пулеметов, связь артиллерии с пехотой, индивидуальное обучение отдельного бойца, подготовку младшего командного и, в особенности, унтерофицерского состава и на воспитание войск в духе активных решительных действий. Но, с другой стороны, оставлено было без внимания выдвинутое японской войной значение в полевом бою тяжелой артиллерии, что впрочем следует отнести и к погрешностям всех остальных армий, кроме германской. Не был учтен ни громаднейший расход боеприпасов, ни значение техники в будущей войне.

Обращая большое внимание на обучение войск и на усовершенствование младшего командного состава, русский Генеральный штаб совершенно игнорировал подбор и подготовку старшего командного состава: назначение лиц, просидевших всю жизнь после окончания академии на административном кресле, сразу на должность начальника дивизии и командира корпуса было не редкостью. Генеральный штаб был отдален от войск, ограничивая в большинстве случаев знакомство с ними кратким цензовым командованием. Проведение в жизнь в войсках идеи дерзновения и маневра ограничивали только уставами и мелкими войсковыми соединениями, не практикуя в этой идее крупных войсковых начальников и крупные войсковые соединения. В результате русский порыв вперед был беспочвен и неумел, дивизии и корпуса медленно ходили на театре военных действий, не умели совершать в больших массах марши-маневры, и, в то время, когда германские корпуса легко в такой обстановке проходили по 30 *км* много дней подряд, русские с трудом делали по 20 *км*. Вопросами обороны пренебрегали.

Однообразного понимания военных явлений и однообразного подхода к ним ни в русской армии, ни в ее Генеральном штабе достигнуто не было. Последний, получив с 1905 г. сначала свое самостоятельное, а потом автономное существование, сделал очень мало для проведения в жизнь армии однообразного взгляда на современное военное искусство. Успев разрушить старые устои, он не смог дать ничего цельного, а его молодые и наиболее энергичные представители раскололись, следуя за германской и французской военной мыслью. С таким разнобоем в понимании военного искусства русский Генеральный штаб выпустил армию на арену мировой войны. Кроме

того русская армия выступила на войну с недостатком хорошо подготовленного офицерского и унтерофицерского состава, с малой емкостью кадров для новых формирований и подготовки призываемых, с резким, по сравнению с противником, недостатком артиллерии вообще и тяжелой в особенности, весьма слабо снабженной всеми техническими средствами [1] и огнеприпасами [2] и с плохо подготовленным высшим командным составом, имея у себя в тылу неподготовленную для ведения большой войны страну и ее военное управление и совершенно неподготовленную к переходу для работ на военные нужды промышленность.

В общем русская армия выступила на войну с хорошими полками, с посредственными дивизиями и корпусами и с плохими армиями и фронтами, понимая эту оценку в широком смысле подготовки, но не личных качеств. И нельзя не согласиться с правильностью оценки германским Генеральным штабом в 1913 г. оперативных качеств русских армий: «Быстрого использования благоприятного оперативного положения, благодаря тугоумству штабов и плохой связи, ожидать от русского командования так же трудно, как быстрого и точного выполнения войсками предписанного приказом маневра. Поэтому германское командование при столкновении с русскими будет иметь возможность осуществлять такие маневры, которых оно не позволило бы себе с другим, равным себе противником».

Россия сознавала недочеты своих вооруженных сил и с 1913 г. начала приводить в исполнение большую военную программу, которая к 1917 г. должна была намного усилить русскую армию и во многом восполнить ее недостатки [3].

---

[1] К началу войны этот недостаток был в большей или меньшей степени присущ и остальным армиям. Отсталость русской армии в технических средствах особенно выявилась позднее во время позиционной войны.

[2] Мобилизационный запас огнеприпасов был недостаточен: 6 432 605 выстрелов для 76-*мм* пушек, 91 200 выстрелов для 107-*мм* пушек, 512 000 выстрелов для 122-*мм* гаубиц и 164 000 выстрелов для 152-*мм* гаубиц. *Ред.*

[3] По большой военной программе 1913 г. русская армия по штатам мирного времени увеличивалась на 480 000 чел., т. е. на 39% своего штатного состава 1913 г. Пехота увеличивалась на 273 600 чел., т. е. на 57%; но для вновь формируемых 140 батальонов (32 четырех и 6 двухбатальонных полков) предназначалось только несколько больше одной трети этого количества, главная же масса должна была пойти на усиление штатного состава уже существующих частей. Кавалерия увеличивалась на 38 400 человек, т. е. на 8% своего штатного состава; главная масса этого количества шла на усиление уже существующих частей, причем ей придавалась организация, не ослабляющая ее дивизий выделением войсковой конницы во время войны. Артиллерия усиливалась на 129 600 чел. и получала новую организацию: число пушечных батарей в легких полевых бригадах дивизионной артиллерии увеличивалось с 6 до 9, но число орудий в батарее уменьшалось с 8 на 6. Общее число легких полевых гаубиц увеличивалось вдвое, и в состав каждой легкой полевой бригады дивизионной артиллерии включался 1 двухбатарейный дивизион. После переформирований дивизионная артиллерия состояла бы из 54 легких пушек (вместо 48) и 12 легких гаубиц. Число полевых тяжелых дивизионов значительно увеличивалось, и в состав каждого армейского корпуса должен был войти, как корпусная артиллерия 1 четырехбатарейный тяжелый дивизион (двенадцать 10-*см* пушек и двенадцать 15-*см* гаубиц). Артиллерия русского корпуса не была бы слабее артиллерии германского корпуса, так как всего в ней имелось бы 156 орудий (108 легких пушек 24 легких гаубиц, 12 полевых тяжелых пушек и 12 полевых тяжелых гаубиц). Всего же в русской армии состояло бы 8 538 орудий. Проведение большой военной программы 1913 г. требовало единовременной затраты в полмиллиарда рублей. Она начала проводиться в жизнь в 1914 г., но к началу войны успели сформировать только 4-ю стрелковую финляндскую бригаду. А. Зайончковский. Подготовка России к мировой войне в военном отношении (планы войны), Гиз 1926, стр. 92—94.

ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ

Французская армия свыше сорока лет находилась под гнетом разгрома ее германцами и готовилась к несомненному в будущем столкновению со своим соседом-врагом не на жизнь, а на смерть. Идея реванша и защиты своего великодержавного бытия сначала, борьба с Германией за мировой рынок впоследствии заставили Францию относиться с особой заботливостью к развитию своих вооруженных сил, поставив их, по возможности, в равные условия с ее восточным соседом. Для Франции это было особенно трудно, принимая во внимание разницу в количестве ее населения по сравнению с Германией и характер управления страной, благодаря которому то увеличивались, то уменьшались заботы об ее военной мощи.

Политическая напряженность последних перед войной лет заставила французов проявить усиленную заботу в отношении своей армии. Военный бюджет сильно возрос.

Франция особенно была озабочена возраставшими затруднениями в развитии своих сил: чтобы не отставать от Германии, необходимо было увеличить ежегодный призыв новобранцев, но эта мера была неосуществима вследствие слабого прироста населения. Незадолго до войны Франция решила перейти от 2-летнего к 3-летнему сроку действительной службы, что увеличивало численность постоянной армии на $^1/_3$ и облегчало переход ее в мобилизованное состояние. 7 августа 1913 г. был введен закон о переходе к 3-летней службе. Эта мера дала возможность осенью 1913 г. призвать под знамена сразу 2 возраста, что дало контингент новобранцев в 445 000 чел. В 1914 г. состав постоянной армии, без туземных войск, достиг 776 000. Было обращено особое внимание и на развитие цветных войск во французских колониях, которые оказали такую существенную пользу своей метрополии, а в настоящее время дают ей возможность быть распорядительницею судеб Западной Европы. Сильные штаты французских полков содействовали быстроте и прочности новых формирований, а также быстроте и простоте мобилизации, особенно же кавалерии и пограничных войск. Французскую армию 1914 г. нельзя назвать широко обеспеченной всеми средствами техники в масштабе того времени. Прежде всего обращает внимание по сравнению с Германией и Австро-Венгрией полное отсутствие тяжелой полевой артиллерии, а по сравнению с Россией и отсутствие легких полевых гаубиц. Легкая полевая артиллерия была очень бедно снабжена имуществом связи. Кавалерия не имела пулеметов и т. д.

Что касается авиации, то к началу войны Германия имела 232, Россия 216, а Франция только 162 самолета.

Французские корпуса так же, как и русские, были по сравнению с германскими более бедно снабжены артиллерией; только в последнее время перед войной было обращено внимание на значение тяжелой артиллерии, но к началу войны еще ничего не успели сделать. В отношении расчета необходимого наличия огнеприпасов Франция была так же далека от действительной потребности, как и другие страны [1].

---

[1] Во французской армии имелись незначительные мобилизационные запасы винтовок и орудий, 5 млн. снарядов 75-*мм* и 155-*мм* калибров и 1 388 тыс. ружейных патронов. Заводы обеспечивали ежедневную продукцию 2,6 млн. ружейных патронов, 13 600 снарядов для 75-*мм* пушек и 455 снарядов для 155-*мм* калибров. Б. Шапошников, Мозг армии, Военный вестник 1927 г. ч. I, стр. 212.

Командный состав был на высоте требований современной войны, и на обучение его было обращено большое внимание. Особого кадра Генерального штаба во французской армии не было; лица с высшим военным образованием чередовали свою службу между строем и штабом. На подготовку лиц высшего командования было обращено особое внимание. Обучение войск стояло на правильной современной точке зрения. Французские солдаты были индивидуально развиты, искусны и вполне подготовлены к полевой и позиционной войне. Армия основательно готовилась к маневренной войне; на практику походных движений больших масс было обращено особое внимание.

Французская военная мысль работала самостоятельно и вылилась в определенную, противоположную взглядам германцев, доктрину. Французы лишь эволюционировали метод XIX в. ведения операций и сражений из глубины и маневрировали крупными силами в подходящий момент и имеющимися наготове резервами. Они стремились не к тому, чтобы создать сплошной фронт, а к тому, чтобы дать возможность всей массе маневрировать, оставляя между армиями достаточные стратегические промежутки. Они проводили идею необходимости первоначально выяснить обстановку и затем уже вести главную массу для решительного контрудара, а потому в период стратегической подготовки операций располагались очень глубокими уступами.

Свой метод обеспечения маневрирования массовых армий из глубины французы гарантировали мощной сетью рельсовых путей и сознанием необходимости широкого применения на театре войны автотранспорта, на путь развития которого они стали первыми из всех европейских держав и в чем достигли огромных результатов [1]. Но система ведения операций из глубины требует большей прозорливости у полководца, большей гибкости его ума, большей способности угадать обстановку и умело маневрировать резервами, большей заботы и умения в смысле техники организации ближайших тылов, которая потребует частой импровизации, а последняя неизбежно связана с лишениями для войск [2].

В общем германцы вполне основательно считали французскую армию самым опасным своим врагом. Главный недостаток ее заключался в висевшем над ней гнете поражения 1870 г. и уверенности в непобедимости германских армий, что повлекло за собой нерешительность и смущенность в первоначальных действиях до Марнской победы включительно.

---

[1] В 1914 г. французская армия располагала 6 000 автомобилей, а в 1918 г. — 100 000.

[2] Признавая в общем хорошую подготовку французской армии, гибкость ее военной доктрины и понимание современной войны большинством командного состава, мы полагаем, что автор дал слишком пристрастную оценку французской армии; в ее подготовке к маневренной войне были существенные пробелы, а к позиционной войне она совершенно не была готова. На ряду с отлично подготовленными лицами, даже в высшем командном составе было много бездарностей, зачастую обнаруживавших полное непонимание современной войны. Лучшее доказательство этому то, что в первый же месяц было отрешено от должностей по несоответствию 2 командарма, 7 комкоров и 24 комдива. В пехоте недооценивали значение огня, слабо была поставлена разведка и существовало полное пренебрежение к лопате. Войска бросались в наступление вслепую и нередко даже без патронов. Кавалерия не была подготовлена к ведению огневого боя и не имела средств для него. В артиллерии была отлично поставлена стрельба отдельных батарей, но не было обращено внимания на массирование огня, поэтому не была даже разработана организация групповых стрельб. В общем она готовилась только к поражению открытых живых целей, и поэтому стрельбы велись исключительно на малые и средние дистанции. *Ред.*

АНГЛИЙСКАЯ АРМИЯ

Характер английской армии резко отличался от армии других европейских держав. Английская армия, предназначавшаяся главным образом для службы в колониях, комплектовалась вербовкой охотников с продолжительным сроком действительной службы. Части этой армии, находившиеся в метрополии, составляли полевую экспедиционную армию (6 пех., 1 кав. дивизия и 1 кав. бригада), которая и предназначалась для европейской войны.

Кроме того была создана обученная по милиционному образцу территориальная армия (14 пех. дивизий и 14 кав. бригад), предназначавшаяся для защиты своей страны. По свидетельству германского Генерального штаба, английская полевая армия котировалась как достойный противник с хорошей боевой практикой в колониях, с отлично подготовленным командным составом, но не приспособленным к ведению большой европейской войны, так как у высшего командования нехватало для этого необходимого опыта. Кроме того английскому командованию не удалось изжить и бюрократизма, царившего в штабах высших соединений, а это вызывало массу ненужных трений и осложнений. Незнакомство же с другими родами войск в армии было поразительно. Зато длительные сроки службы, крепость традиции создавали крепко спаянные части.

Обучение отдельного солдата и частей вплоть до батальонов было хорошо. Индивидуальное развитие отдельного солдата, выполнение походов и обучение стрельбе стояли на высоком уровне. Вооружение и снаряжение были вполне на высоте, что давало возможность высоко культивировать искусство стрельбы, и, действительно, по свидетельству германцев, пулеметный и ружейный огонь англичан в начале войны был необычайно меток.

Значение английской армии особенно выявилось в течение самой войны, когда путем усиленной организационной работы лорда Китченера Англия сумела развить большую армию в 89 пех. и 9 кав. дивизий, вполне удовлетворявшую требованиям современной войны.

СЕРБСКАЯ И БЕЛЬГИЙСКАЯ АРМИИ

Армии этих двух государств, как и весь их народ, перенесли во время войны наиболее трагическую судьбу первого удара соседних колоссов и потерю своей территории. Обе они отличались отмеченными всем светом высокими боевыми качествами, но в остальном между ними заметна и разница.

Бельгия, обеспеченная «вечным нейтралитетом», не готовила свою армию для большой войны, поэтому она и не имела характерных прочно установившихся особенностей [1]. Долгое отсутствие боевой практики накладывало на нее известный отпечаток, и в первых боевых столкновениях она проявила естественную неопытность в ведении большой войны.

Сербская армия, напротив, имела большой и удачный боевой опыт Балканской войны 1912—13 гг. и представляла собой, как прочный военный организм, внушительную силу, вполне способную, как это и было в действительности, отвлечь на себя превосходные по числу войска противника.

---

[1] Хотя дальше мы и увидим, что «вечный нейтралитет» не мог расцениваться правящими кругами Бельгии как прочная гарантия, но несомненно он имел большое влияние на подготовку армии, так как порождал в массах иллюзию неприкосновенности страны. *Ред.*

ГЕРМАНСКАЯ АРМИЯ

Германская армия после успехов своего оружия в 1866 г. и в особенности в 1870 г. законно заслужила название лучшей армии в мире и с достоинством поддержала свое первенство до конца мировой войны.

Преемственность системы, ряд талантливых лиц, стоявших во главе управления, вложенные в нее все положительные национальные качества, а также любовь народа к своей армии и гордость ею были тому причиной.

Германская армия служила образцом для других армий, большинство которых находилось под ее влиянием и даже точно копировали ее устройство, германские уставы, и слепо следовали германской военной мысли.

В отношении организационных вопросов германское военное ведомство упорным и последовательным развитием кадров в количественном и в качественном отношениях и поддержанием запасных, в смысле обучения и воспитания на должной высоте, достигло возможности развить вооруженные силы до использования максимума мужского населения. При этом ему удалось сохранить почти полное однообразие боевых качеств вновь формируемых частей с кадровыми. Внимательно исследуя опыты каждой войны, германский Генеральный штаб культивировал этот опыт в своей армии. Германия более чем какая-либо другая страна поняла характер войны будущего и оказалась более готовой к ней, чем ее враги. Оплотом германской армии служил сплоченный, однообразный и отлично подготовленный офицерский и унтерофицерский состав. Он был настолько многочислен, что во время войны мог отчасти обслуживать и союзные армии.

В обучении армии не только в теории, но и на практике широко проводился принцип активности, дерзости и взаимной помощи и выручки. Германцы не умалили в своей армии принципа частной инициативы, получившей такое развитие во время франко-прусской войны, но натаскиванием своей армии в известном направлении они обеспечили себе и проявление инициативы в желательном направлении. Нельзя сказать, что центром тяжести в обучении войск являлся индивидуальный боец: дисциплина, граничащая с муштровкой, движение в атаку густыми цепями были свойственны германской армии 1914 г. Втянутость и плотные настроения, совместно с немецкой пунктуальностью, делали ее наиболее способной к маневрированию и к походным движениям в крупных массах. В то же время она оказалась более других армий подготовленной к тактической обороне.

Германская военная мысль выкристаллизировалась в весьма определенную и четкую доктрину, которая красной нитью прошла через весь командный состав армии.

Последним учителем германской армии перед мировой войной, сумевшим с замечательной энергией провести свое учение в толщу армии, был граф Шлиффен, односторонний поклонник операций с двойным охватом (Канны). Идея Шлиффена состояла в том, что современные сражения должны свестись к борьбе за фланги, в которой победит тот, кто будет иметь последние резервы не за серединой фронта, а на его крайнем фланге. Шлиффен исходил из того заключения, что в грядущих сражениях естественное желание обеспечить себя, в связи с стремлением использовать всю силу современного оружия, приведет к громадному удлинению фронтов сражения, которые будут иметь совершенно иное протяжение, чем это было раньше. Чтобы достигнуть решительного результата и разгрома противника, необходимо вести наступление с двух или с трех сторон, т. е. с фронта и с одного или

с обоих флангов. При этом необходимые для сильного флангового удара средства можно получить, ослабляя, насколько возможно, фронт, который, во всяком случае, также должен участвовать в наступлении. Все войска, которые прежде задерживали для использования в решительный момент, теперь должны быть с места двинуты в бой; развертывание сил для сражения должно начинаться с момента выгрузки войск с железных дорог.

Навряд ли найдется кто-либо, желающий возражать против логичности мышления в шлиффеновском учении, против правильного учета всех элементов современного той эпохе боя и использования их в лучшую сторону, но многие (Бернгарди, Мозер и пр.) упрекают Шлиффена в том, что он свои, в общем правильные, выводы облек в одностороннее увлечение операциями с двойным охватом, вылив его «в рецепт и тайну победы», исключительным обладателем которых являлся наследник Шлиффена [1], германский Генеральный штаб. Эта вера и мнение, пишет Мозер, не только привели германскую военную прессу и литературу перед войной к духовному рабству, а с ним и к подавлению военных личностей, имевших самостоятельное суждение, но и были причиной вредного самомнения высших кругов Генерального штаба. Это самомнение влекло за собой пренебрежительное отношение к стратегическим и тактическим взглядам противников. Лучшим подтверждением указанного недостатка может служить тот факт, что в немецких довоенных уставах о стратегической обороне [2] упоминалось лишь вскользь, а о прорыве не говорилось ни одного слова, между тем этим двум видам боевых действий вскоре было суждено играть большую роль.

Германский Большой Генеральный штаб, выдвинутый трудами фельдмаршала графа Мольтке на доминирующее место в строительстве вооруженных сил империи и в подготовке к войне, сохранил традиции своего основателя и законно служил образцом такого рода учреждений. Тесная связь офицеров Генерального штаба со строем, детальное изучение всех элементов войны, практические выводы из этого изучения, однообразный подход к пониманию их и отлично поставленная техника штабной службы являлись положительной его стороной.

В техническом отношении германская армия была хорошо снабжена и отличалась в выгодную в отношении своих врагов сторону сравнительным богатством полевой, не только легкой, но и тяжелой артиллерии.

АВСТРО-ВЕНГЕРСКАЯ АРМИЯ

Австровенгерская армия по справедливости занимала последнее место среди первоначальных участников войны. При престарелом монархе Франце-Иосифе [3] и при направлении интересов лоскутной монархии в разные стороны на армию обращалось мало внимания, и она страдала от недостатка денежных средств. Наличный состав войсковых частей был очень ослаблен (60, впоследствии 92 человека в роте); для доведения полевых войск до полного боевого состава нехватало запаса обученных людей; ландвер до 1912 г. не

---

[1] «Полная вера в рецепт победы Шлиффена» (из письма Тирпица, Мемуары стр. 525).

[2] Ни одна армия, принимавшая участие в мировой войне, не готовилась и не умела стратегически обороняться. Исключение представляла только германская армия и, как будет видно дальше, она в 1914 г. провела ряд блестящих операций стратегической обороны (например в Восточной Пруссии). *Ред.*

[3] Франц-Иосиф перестал интересоваться армией после неудачной войны 1866 года.

имел никакой артиллерии. Хотя принципы, положенные в основание уставов, вполне отвечали времени, но учение хромало, и старшие войсковые начальники не имели опыта в управлении войсками.

Отличительной чертой австрийской армии являлся разношерстный характер ее, так как она состояла из немцев, мадьяр, чехов, поляков русинов, сербов, кроатов, словаков, румын, итальянцев и цыган, спаянных между собой только офицерским составом. По мнению германского Генерального штаба, австровенгерская армия, будучи одновременно занята борьбой на два фронта, не могла освободить германские силы, собранные на русской границе, а численный ее состав, степень обучения, организация и отчасти вооружение оставляли желать многого. Быстрота мобилизации и сосредоточения австрийской армии превосходили таковые русской, против которой ей и приходилось действовать [1].

СРАВНЕНИЕ ОБЕИХ СТОРОН

Сравнивая вооруженные силы первоклассных держав, столкнувшихся в 1914 г., можно притти к следующему заключению:

1. В отношении *численности* и людских средств Антанта, благодаря России, находилась в более выгодном положении, чем Центральные державы. Однако медленность мобилизации и сосредоточения русской армии, а также недостаток в России железных дорог, затрудняющий переброску войск с одного театра на другой, намного умаляли, а в первое время войны и совершенно уничтожали это преимущество.

2. *Развитие вооруженных сил* во время войны до предела, соответствующего количеству населения, являлось вполне достижимым в Германии и Франции, менее достижимым в Австрии и совершенно недостижимым в России, стесненной кадрами, запасами, большой территорией и слабостью рельсовой сети. Это условие было особенно невыгодно для Антанты, так как Россия представляла в ней большой удельный вес.

3. *Обучение* всех армий велось в одном направлении, но в лучшую сторону оно отличало французскую и в особенности германскую армии; русская армия, делавшая большие в этом отношении усовершенствования после японской войны, не успела к 1914 г. дойти до предела желательного совершенства. Австрийская армия уступала в этом отношении русской.

4. *Высший командный состав* в общей своей массе стоял на должной высоте только в германской и французской армиях.

5. *Военная мысль* в выкристаллизовавшейся форме вылилась во французскую и германскую военные доктрины.

6. Быстрота *мобилизации* и *развертывания* находилась на стороне Центральных держав.

---

[1] Австрийская армия слишком низко оценена автором. Война показала ряд маневров, хорошо задуманных и искусно проведенных австрийским командованием. Многие ее части были отл чно подготовлены и выявили высокие боевые качества, а вся армия в целом с честью выдержала тяжелое испытание 33-дневной Галицийской битвы. На ряду с германской это была единственная армия, имевшая полевую тяжелую артиллерию не только средних, но и мощных калибров. Ее артиллерия была хорошо подготовлена, стреляла лучше германской, хотя и хуже французской и русской артиллерии. *Ред.*

7. В отношении снабжения *артиллерией*, в особенности тяжелой, в выгодную сторону выделялись германская и отчасти австрийская армия [1].

8. В снабжении *техникой* русская армия далеко отставала от всех остальных; за ней следовала австрийская.

9. Обе стороны начали войну с наступления, и идея дерзновенных действий стала руководящей для обеих сторон. Но в смысле подготовки к выполнению этой идеи проведение ее через всю толщу армии было достигнуто постоянным и методическим трудом только в германской армии, что и отличало ее в положительную сторону по сравнению с Антантой.

10. Германская армия выступила на войну с традицией непобедимости, гордая воспоминаниями о редком по успеху походе 1870 г. и после 40 лет напряженных стараний, чтобы и в грядущей войне сохранить свою непобедимость. Неудачные последние войны французов и русских довлели над их психикой, в особенности в первый период войны.

11. Обе стороны готовились к неизбежной войне, чтобы выступить во всеоружии. Если Франция и Германия достигли этого, то большая военная программа, долженствовавшая усилить мощь русской армии, оканчивалась в 1917 г., и в этом отношении начало войны в 1914 году было исключительно выгодно для центральных держав.

При таком приблизительном равенстве вооруженных сил враждовавших сторон и при необходимости вести войну до полного уничтожения врага на мировом рынке трудно было рассчитывать на быстрое окончание войны, если в дело не вмешается исключительный случай молниеносного сокрушения одной из главных составных частей коалиции. На этом случае германцы, как увидим ниже, и построили свой план, но карта их была бита.

СТЕПЕНЬ ПОДГОТОВКИ СТОРОН К ВЕДЕНИЮ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

Но если все государства подготовляли с особой интенсивностью к неизбежной войне свои вооруженные силы, то нельзя того же сказать относительно подготовки их к должному питанию современной войны. Это объясняется общим неучетом характера грядущей войны в смысле: 1) ее продолжительно-

---

[1] Сравнительное количество артиллерии в четырех крупнейших армиях представлялось так:

Французский арм. корпус (2-дивизионный)	— 29 легких батарей	116 ор.
	Тяжелая (155-*мм*) батарея	4 »
		120 ор.
Русский арм. корпус (2-дивизионный)	— 12 легких батарей	96 ор.
	2 гаубичных (122-*мм*) батареи	12 »
		108 ор.
Германский арм. корпус (2-дивизионный)	— 21 легкая батарея	126 ор.
	3 гаубичных (105-*мм*) батареи	18 »
	4 тяжелых (155-*мм*) батареи	16 »
		160 ор.
Австрийский арм. корпус (2-дивизионный)	— 16 легких батарей	96 ор.
	4 гаубичных (105-*мм*) батарей	24 »
	2 тяжелых (155-*мм*) батарей	12 »
		132 ор.

сти, так как ее ожидали кратковременной, исходя из заключения, что длительной войны современные государства выдержать не могут; 2) грандиозного расхода огнеприпасов и 3) громадного потребления технического производства и необходимости заготовления орудий техники, в особенности оружия и огнеприпасов, в неожиданно большом размере в течение самой войны. Все государства, не исключая и Германии, столкнулись в этом отношении с печальной неожиданностью и в течение самой войны были принуждены пополнять недочеты мирной подготовки. Франция и Англия, с их широким развитием тяжелой индустрии и с сравнительно свободным подвозом, благодаря господству на море, легко справились с этим делом. Германия, окруженная врагами со всех сторон и лишенная морских сообщений, страдала от недостатка сырья, но справилась с этим делом при помощи отличной организации и сохранения сообщения с Малой Азией через Балканский полуостров. Но Россия, с мало развитой индустрией, с плохой администрацией, отрезанная от своих союзников громадным пространством при слабо развитой сети рельсовых путей, начала справляться с этим делом только к концу войны, когда ее армия перестала вследствие революции быть боеспособной.

Остается отметить еще одну особенность, резко отличавшую Россию в дурную сторону от других воюющих держав,—это бедность в рельсовых путях. Если Франция в военном отношении была вполне обеспечена богато развитой сетью железных дорог, дополняемой в большом размере автотранспортом; если Германия, столь же богатая рельсовыми путями, в последние годы перед войной строила специальные линии в соответствии с установленным ею планом войны, то Россия, несмотря на все свои старания, была обеспечена железными дорогами в размере, совершенно не соответствовавшем ведению большой войны. Армии же, резко отличающиеся в помощи, оказываемой им железными дорогами, как бы воюют в различные и намного отдаленные друг от друга эпохи.

МОРСКИЕ СИЛЫ ВОЮЮЩИХ ДЕРЖАВ

Десятилетие, предшествовавшее мировой войне, может быть отмечено в области развития морских сил тремя фактами: ростом германского военного флота после лозунга, брошенного Вильгельмом II, что «будущее Германии на водах», восстановлением русского флота после катастрофического разгрома его во время японской войны и развитием подводного флота.

Морская подготовка к войне в Германии велась весьма энергично в духе постройки флота из крупных боевых судов (в несколько лет затрачено на это 7½ миллиардов марок золотом), что вызывало сильное политическое возбуждение, в особенности в Англии.

Россия развивала свой флот с исключительно активно-оборонительными задачами в Балтийском и Черном морях.

На подводный флот наибольшее внимание было обращено в Англии и Франции; Германия центр тяжести морской борьбы перенесла на него уже во время ведения самой войны.

Сравнительная сила флотов воюющих держав приведена в таблице [1] на стр. 32. Суда старой постройкой, прослужившие 10 лет и более, в таблицу не включены.

[1] Таблица заимствована из книги H. W. Wilson, Les Flottes de Guerre au combat. La grande guerre (1914—1918), перевод с английского, 1928.

Категории судов	Англия		Франция		Италия		Россия		Япония		Германия		Австро-Венгрия	
	К 31 июля 1914 года													
	Гот.	Стр.	Гот.	Стр.	Гот.	Стр.	Гот.	Стр.	Гот.	Стр.	Гот.	Стр.	Гот.	Стр.
Дредноуты	20	12	3	4	3	3	—	7	2	2	14	5	3	1
Бронирован. крейсера	9	1	—	—	—	—	—	4	1	3	4	3	—	—
Крейсера 2-го класса	10	—	9	—	4	—	2	—	4	—	—	—	3	—
Крейсера 3-го класса	30	—	11	—	7	—	6	—	9	—	20	—	6	—
Легкие быстроходные крейсера	31	20	3	—	2	—	2	4	3	—	16	6	4	—
Истребители менее 10 лет службы	98	29	54	3	20	13	30	45	38	2	97	24	18	—
Подводные лодки	47	24	35	21	11	9	13	14	4	2	20	23	4	4
Числен. состав судовых команд по штату мирн. времени	151 000		69 500		40 000		59 500		51 000		79 000		23 000	

К этим морским силам следует прибавить в пользу Тройственного союза турецкий флот, состоявший, впрочем, кроме нескольких старых броненосцев, купленных у германцев, из 3 крейсеров и дюжины миноносцев, находившихся в хорошем состоянии [1].

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МОРСКИХ СИЛ ОБЕИХ СТОРОН ПЕРЕД НАЧАЛОМ ВОЙНЫ

Карты 1 и 2

В общем балансе морских сил воюющих государств господствующее значение по своей мощности имели британский и германский флоты, боевая встреча которых ожидалась с особой тревогой во всем мире с первого дня

[1] 11 августа 1914 г. Турция пропустила через проливы в Константинополь германские крейсеры «Гебен» и «Бреслау», которые вскоре были куплены турками. Получение турецким флотом этого подкрепления из Германии меняло всю стратегическую обстановку на Черном море: «Наличие «Гебена» более чем удваивало силы турецкого флота. «Гебен» принадлежал к числу новейших линейных крейсеров, не имея себе соперников среди русского черноморского флота. Благодаря своему большому ходу (27 узлов) он являлся практически неуязвимым для устарелых линейных кораблей (имевших ход 16 узлов), мощность его артиллерии превосходила таковую двух «Евстафиев» (линкор черноморского флота). Лишь вступление в строй дредноутов восстанавливало положение, но новые корабли черноморского флота могли вступить в строй лишь через год». См. М. А. Петров, Подготовка России к мировой войне на море», ГВИЗ, 1926, стр. 247, 231.

войны. Их столкновение могло сразу же иметь роковые последствия для одной из сторон. Накануне объявления войны был знаменательный момент, когда, по некоторым предположениям, такая встреча входила в расчеты английского адмиралтейства. Уже начиная с 1905 г., британские морские силы, до той поры разбросанные на важнейших морских путях, стали стягиваться к берегам Англии в состав трех «домашних» флотов (Home Fleet), т. е. предназначенных для обороны британских островов. При мобилизации эти три флота соединялись в один «большой флот»— Grand Fleet, который в июле 1914 г. насчитывал в общем 8 эскадр линейных кораблей и 11 крейсерских эскадр, всего вместе с мелкими судами 460 вымпелов. 15 июля 1914 г. была объявлена этому флоту опытная мобилизация, завершившаяся маневрами и королевским смотром 20 июля на Спитгэдском рейде. В связи с австрийским ультиматумом демобилизация флота была приостановлена, и затем 28 июля флот получил приказ итти из Портланда в Скапский пролив (Scapa Flow) близ островов Оркней у северных берегов Шотландии.

В эти же дни германский «Большой флот» (Hochseeflotte) вышел в крейсерство в норвежские воды, откуда был возвращен 27—28 июля к берегам Германии. Английский флот шел из Портланда на север Шотландии не по обычному пути—западнее острова, а вдоль восточного берега Англии. Оба флота продефилировали в Северном море один мимо другого.

К началу войны *английский* «Большой» *флот* стал в двух группах: на крайнем севере Шотландии и в Ламанше у Портланда.

В Средиземном море, по англо-французскому соглашению, обеспечение морского господства Антанты возлагалось на *французский флот*, который в составе лучших своих единиц был сосредоточен у Тулона. На обязанности его лежало обеспечение путей связи с северной Африкой. У острова Мальты находилась английская крейсерская эскадра.

Английские крейсера несли также службу охраны морских путей в Атлантическом океане, у берегов Австралии, и кроме того значительные крейсерские силы находились в западном районе Тихого океана.

В Ламанше, кроме второго английского флота, была у Шербурга сосредоточена легкая эскадра *французских крейсеров;* она состояла из бронированных крейсеров, поддержанных флотилией минных судов и подводных лодок. Эта эскадра стерегла юго-западные подступы к Ламаншу. В Тихом океане у Индо-Китая находилось 3 легких французских крейсера.

Русский флот был разделен на 3 части: «*Балтийский флот*, безмерно уступавший в силах противнику, был принужден принять исключительно оборонительный образ действий, стараясь на рубеже Ревель—Паркаллауд задержать, в мере возможности, наступление неприятельского флота и десанта вглубь Финского залива» [1]. С целью усилить себя и выравнять шансы боя было намечено оборудование в этом районе укрепленной минной позиции, к моменту начала войны далеко не законченное (вернее, только что начатое). На флангах этой так называемой «центральной позиции», на обоих берегах залива, на островах Макилота и Нарген, были установлены батареи дальнобойных орудий крупного калибра, а на протяжении всей позиции было поставлено в несколько линий минное заграждение (см. карту 1а).

---

[1] М. А. Петров, цит. соч., стр. 231.

Черноморский флот оставался на севастопольском рейде и бездействовал, не сумев даже заложить как следует минные заграждения у входа в Босфор. Однако нельзя не учесть всей трудности положения черноморского флота не только в отношении недостаточности боевых сил, но и в смысле отсутствия иных операционных баз кроме Севастополя. Базироваться же на *Севастополь* для наблюдения за Босфором было очень трудно, и операции по преграждению входа противнику в Черное море в этих условиях являлись совершенно необеспеченными.

Дальневосточная эскадра—из ее состава 2 легких крейсера («Аскольд» и «Жемчуг») пытались крейсеровать у юго-восточных берегов Азии.

Большой *германский* флот состоял из 3 эскадр линейных кораблей, крейсерской эскадры и флотилии контрминоносцев. После крейсерства у берегов Норвегии этот флот вернулся к своим берегам, причем 1-я линейная и крейсерская эскадры стали у Вильгельмсгафена, на рейде, под прикрытием батарей острова Гельголанда, а 2 другие линейные эскадры и флотилия истребителей—у Киля в Балтийском море. К этому времени Кильский канал был углублен для прохода дредноутов, и таким образом эскадры из Киля могли присоединиться при надобности к эскадрам Северного моря. Кроме означенного флота «Верхнего моря» вдоль побережья Германии находился оборонительный флот крупного состава, но из устаревших уже судов. В Средиземное море искусно проскочили мимо английских и французских крейсеров германские крейсера «Гебен» и «Бреслау», натворившие позже достаточно неприятностей русскому Черноморскому флоту и побережью. В Тихом океане Германские суда находились частью у своей базы—Цинг-тао, близ Киао-Чау, а легкая эскадра адмирала Шнее из 6 новых крейсеров крейсеровала близ Каролинских островов.

Австровенгерский флот, кроме нескольких судов на востоке, был сосредоточен на рейдах Пола и Катарро в Адриатическом море и укрывался за береговыми батареями от крейсеров и минных судов Антанты.

Сравнивая морские силы обеих коалиций, можно отметить следующее:

1. Силы одной Англии превосходили силу всего флота центральных держав.

2. Большинство морских сил было сосредоточено в европейских морях.

3. Английский и французский флоты имели полную возможность действовать совместно.

4. Германский флот мог получить свободу действий только после удачного боя в Северном море, который ему пришлось бы дать при самом невыгодном соотношении сил, т. е. фактически германский надводный флот оказался запертым в своих территориальных водах, имея возможность предпринимать наступательные операции только против русского балтийского флота.

5. Морские силы Антанты были фактическими хозяевами всех водных пространств, за исключением Балтийского и Черного морей, где центральные державы имели шансы на успех, в Балтийском море при борьбе германского флота с русским и в Черном—при борьбе с последним турецкого флота.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЛАНЫ ВОЙНЫ

ПЛАНЫ ВОЙНЫ

Схемы 4 и 5

Опубликованные за границей и у нас военноисторические труды, посвященные подготовке мировой войны, позволяют подробно и точно установить процесс выработки генеральными штабами «планов войны» в том смысле, который ныне вкладывается в *план операций*. План войны в современном понимании представляется программой деятельности всего государства на известный период лет для защиты с оружием в руках своих жизненных интересов и прежде всего своей независимости. План войны охватывает все элементы подготовки к ней, обеспечивающие достижение ее целей путем применения вооруженных сил, подкрепленных всеми благоприятствующими экономическими и политическими мероприятиями. В таком смысле плана войны не существовало к 1914 г. ни в одном государстве. Однако во Франции и особенно в Англии подготовка к войне в широком государственном масштабе начата была с момента образования высших органов по обороне страны: во Франции «Высшего совета государственной обороны»—в 1906 г. и в Англии—«Имперского комитета обороны»—в 1911 г. Этими советами был проведен ряд мероприятий, идейно подсказанных определенным планом войны. Наилучше разработанный план операций принадлежал Германии и охватывал наметку ее исходных военных операций. К экономическому плану будущей войны в Германии приступлено было лишь в 1913 г.

Начало стратегической подготовки войны 1914—1918 гг. может быть отнесено к 1871 г. Уже в апреле 1871 г. фельдмаршал Мольтке в своем очередном мемуаре писал, что «опаснейшим испытанием для существования молодой Германской империи была бы одновременная война ее с Россией и Францией, и так как возможность такой комбинации не может быть исключена, то следует заблаговременно принять в расчет средства для обороны в таких условиях». С этого момента и вплоть до 1914 г., в течение 44 лет, в Большом генеральном штабе в Берлине велась разработка плана войны на два фронта, в конечном счете ясно установившая основную идею операций против Франции и России, четкое распределение всех германских сил и характер первоначальных военных действий.

С заключением в октябре 1879 г. союза с Австро-Венгрией начальник германского Генерального штаба устанавливал роль австро-венгерских вооруженных сил при совместной борьбе обоих союзников против Франции и России. С присоединением к Центральному союзу в 1882 г. Италии, в Берлине учитывалось использование итальянских сил для военных целей Тройственного (отныне) союза, но участию итальянской армии никогда не придавалось первостепенного значения вследствие ясно сознававшейся в Берлине шаткости военно-политических связей между Италией и Австро-Венгрией.

Зато экономическое порабощение Турции, особенно после прибытия в Константинополь германской миссии Лимана фон-Сандерса, делало ее послуш-

ным орудием в руках Германии [1], а положение вещей на Балканском полуострове делало для германской дипломатии не безосновательным расчет на возможность привлечения на свою сторону Румынии и Болгарии и объединения таким образом в один сплошной фронт всей средней Европы от Северного до Средиземного моря.

Два упрека в плоскости стратегической подготовки к войне обычно ставятся союзу центральных государств: отсутствие писанной военной конвенции между ними, которая жестко определяла бы взаимные оперативные обязательства контрагентов союза, и умолчание об объединенном руководстве союзными силами, ввиду особенно территориальной неразделенности государств союза, дававшей право считать их поверхность единым театром войны. Однако первый упрек отчасти отвергается на основании статьи I союзного договора между Германией и Австрией, по которой обе державы обязывались помогать друг другу всеми своими вооруженными силами при нападении России на одну из них. Отсутствие более конкретных оперативных обязательств между обеими армиями объясняется политическими причинами. Германский Генеральный штаб не желал заранее открывать своих карт союзнику, военную ценность которого он расценивал не высоко. Нужно было считаться и с формальным участием Италии в союзе. Вместе с тем Германия опасалась оказаться на буксире у австрийской дипломатии, политика которой в течение 35-летнего существования союза не раз стремилась спровоцировать войну ради сепаратных интересов лоскутной империи. Политика мешала также установлению единого верховного командования. Оба начальника генеральных штабов постоянным личным общением устраняли надобность в документе, который мог вредно отразиться на свободе действий обеих армий в обстановке действительной войны. Вопрос об едином союзном командовании, как свидетельствует опыт всех коалиционных войн, в том числе и мировой, не может быть разрешен удовлетворительно, так как затрогивает основные права верховной власти каждого государства, участвующего в союзе. Единое союзное главнокомандование к концу мировой войны формально было достигнуто на обеих сторонах, но по существу оно оставалось только деликатным компромиссом, опиравшимся лишь на добровольное согласие союзных правительств.

На другой стороне, у французов и у русских, дело с планом войны формально обстояло лучше, но по ясности руководящей идеи, по смелости ее проведения в жизнь и по четкости союзнического взаимодействия, их план значительно уступал германскому. Если можно миновать более или менее случайные эпизоды франко-русского сближения в 1875 и в 1878 гг., то возникновение союза центральных держав надо считать окончательным толчком, который побудил французское и русское правительства одновременно пойти навстречу друг другу для заключения, в противовес центральному союзу, в августе 1891 г. союзного договора, а через год—военной конвенции, подписанной, по уполномочию правительств, генералами Буадефром и Обручевым и окончательно ратифицированной в январе 1894 г.

Оба правительства обязывались в случае нападения на одно из их государств выступить всеми силами против врага, причем статьей 3-й конвенции

[1] Германская миссия Лимана фон-Сандерса прибыла в Константинополь 13/XI 1913 г. после телеграммы германского посла в Константинополе фон-Вангерхейма от 15/VI 1913 г. следующего содержания: «Исходя из убеждения, что политика Германии искренно и серьезно стремится к укреплению Азиатской Турции, великий визирь просит меня передать е. в. императору просьбу прислать в качестве руководителя турецкой армии германского генерала». Liman von Sanders, Fünf Jahrein Türkei, Berlin, стр. 9.

определялось выставление против Германии со стороны Франции 1 300 000 чел., а со стороны России—от 700 000 до 800 000 чел. с целью заставить Германию вести борьбу одновременно на востоке и на западе. По статье 4-й генеральные штабы обеих держав должны были находиться в постоянных между собой сношениях для практического осуществления указанного выше обязательства. Во время последнего совещания обоих начальников генеральных штабов (1913 г.) Жоффр особым протоколом изменил в конвенции цифру выставляемых Францией сил до 1 500 000 чел., с указанием срока их мобилизации на 10-й день и начала наступления на 11-й день, взамен чего Жилинский заявил о выставлении большей части из обещанных 800 000 человек к 15-му дню на германской границе и о немедленном их наступлении на территорию Германии. На основании периодически дополнявших военную конвенцию протоколов совещаний французский Генеральный штаб оказывал веское влияние на русское железнодорожное строительство, причем правительство Франции охотно предоставляло денежные капиталы для развития в желаемом для Франции смысле русской железнодорожной сети.

Итак на одной стороне задолго до войны существовала писанная военная конвенция и в дополнение к ней периодические совещания начальников генеральных штабов, закреплявшиеся протоколами. На другой стороне не было конвенции и зафиксированных на бумаге стратегических постановлений. Преимущества оказались на последней стороне, так как именно русский план операций, скованный формальными требованиями конвенции, вызвал, как будет видно дальше, непоправимые ошибки в исходных операциях русской армии.

Никакая заранее выработанная военная конвенция не в состоянии спасти от подобных ошибок в обстановке действительной войны, если у авторов планов операций нет полной ясности стратегического мышления и особенно без единого верховного руководства армиями коалиции. Для Франции и России эта последняя проблема не могла быть вовсе разрешена по основным политическим соображениям. В дополнение к военной конвенции в 1912 г. была заключена в Париже франко-русская морская конвенция, которой устанавливалось распределение задач обоих союзных флотов и обеспечение ими, с учетом также и британского флота, господства Антанты на европейских морях.

Что касается Англии, то участие ее в военном выступлении держав «Согласия» не было, по принципам британской политики, оформлено предварительными обязательствами и ограничивалось в последние годы перед войной официозными совещаниями начальников французского, британского и бельгийского генеральных штабов.

Еще менее точно были координированы стратегические намерения морских сил держав Антанты. Среди них господствующую роль бесспорно занимал сильнейший флот «владычицы морей», задачи которого всецело подсказывались военно-политическими интересами Англии. В 1912 г. британское и французское правительства подписали однако два секретных документа. Один касался распределения морских сил обеих держав: французский флот в случае войны сосредоточивался в Средиземном море, а охрана Ламанша и Атлантического побережья Франции возлагалась на британский флот. Другим письменным соглашением оба правительства обязывались при неизбежности европейской войны подписать военную и морскую конвенции, заранее выработанные французским и английским генеральными штабами. Проще говоря, с приближением войны автоматически вступали в силу означенные конвенции, как это и произошло в действительности в августе 1914 г. Накануне самой войны, в мае и июне 1914 г., все три правительства Антанты намеревались заключить общую военно-

морскую конвенцию относительно распределения союзных флотов и вытекающих из него оперативных задач. Ввиду существовавшего уже по этому вопросу соглашения между Францией и Англией оставалось тот же вопрос урегулировать между Англией и Россией. Переговоры между обоими правительствами о заключении морской конвенции были прерваны наступившей войной.

Прежде чем перейти к изложению планов операций обеих стран в Мировую войну, необходимо предпослать этому изложению краткую оценку местности тех театров войны, на которых эти операции развивались.

ТЕАТРЫ ВОЙНЫ

Театрами мировой войны, с которыми связаны были первоначальные планы сторон, являлись:

1) На западе Европы—сначала вся полоса местности вдоль границы Германии с Бельгией и Францией, а затем вся северо-восточная часть Франции; этот именуемый в литературе «Западноевропейский» театр войны мы в дальнейшем изложении для краткости будем именовать «Французский».

2) На Востоке Европы—сначала, в маневренный период войны, вся полоса местности вдоль границы России с Германией и Австро-Венгрией, а затем преимущественно вся западнопограничная полоса России; этот именуемый в литературе «Восточноевропейский театр войны мы в дальнейшем, по той же причине, будем именовать «Русский».

3) На Юге Европы—сначала вся полоса местности вдоль границы Австро-Венгрии с Сербией, затем вся территория последней, а потом и весь «Балканский полуостров: этот театр войны мы будем именовать Балканский».

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ (ФРАНЦУЗСКИЙ) ТЕАТР ВОЙНЫ

Карта 3А. Схемы 4 и 5

Западноевропейский театр войны тянулся между Северным морем и Швейцарией. На этом протяжении в 700 *км* территория Франции соприкасалась с Бельгией от моря до Лонгви на 400 *км* с лишним, а на франко-германскую границу приходилось 285 *км* (от Монбельяра до Седана считается 320 *км*). В пределы театра военных действий вошла вся Бельгия и северо-восточная Франция, до линии устья р. Сены—Бельфор—Базель.

По *рельефу* вся означенная территория разделялась на два разные района: северо-западный—равнинный, включающий в себе Бельгию к западу от р. Мааса (у французов—la Meuse), и северную часть Франции между морем и р. Уазой; вся остальная часть театра—юго-восточный район—возвышенная, частью даже гористая.

Северо-западный район по характеру местности и по обилию дорог позволяет свободное маневрирование крупных войсковых масс, кроме низменных участков по рр. Шельде (по-французски—Escaut), Лис и Самбре, с изрядным числом болот, перерезанных каналами. Эти участки представляли выгоды только при обороне, когда можно было легко устраивать искусственные наводнения.

Юго-восточный район включает систему трех горных групп вдоль границ, отбрасывающих от себя ряд отрогов в глубь французской территории. Северная группа—Арденны—заполняет пространство по обоим берегам р. Мааса, между верховьями р. Уазы и северной границей Люксембурга. Арденны

не представляют ясно выраженного горного хребта. Это—группа плоских возвышенностей, прорезаемых течением р. Мааса. К западу от реки эти возвышенности не превосходят 350 *м* над уровнем моря, а к востоку, близ бельгийско-германской границы, достигают вдвое большей высоты.

На линии Ретель—Монмеди Арденны увязываются с другой горной группой—Аргонским лесом, который, в виде двух узких лесистых параллельных цепей, заполняет пространство между р. Маасом и верхним течением р. Эн. (Aisne). Обе цепи Аргонского леса имеют резко обозначенный характер горных хребтов и представляют значительные затруднения для войск на путях из Лотарингии к г. Реймсу. Но высота этих гор лишь в окрестностях Бар-ле-Дюка достигает 400 *м*.

Третья горная группа—хребет Вогезских гор вдоль границы Эльзаса. Это—наиболее высокий и трудно одолимый хребет, являющийся как бы барьером для обеих сторон на путях вторжения через него крупных масс. Его прорезали только 2 сквозные железные дороги, и то—в его наиболее низком северном участке. Вогезы повышаются с севера на юг и достигают наибольшей высоты в своей южной оконечности, где высшие точки хребта имеют высоту до 500 *м*.

Из *водных рубежей* главная роль принадлежит р. Маасу, имеющему в общем направление с юга на север. На некоторых участках оборонительные свойства Мааса усилены укреплениями, из коих наибольшее значение имели фортификационные сооружения у Вердена, входившие в общую крепостную систему восточной границы Франции. Свойства рек и каналов западного театра позволяют отметить общую их черту в том, что они приобретают характер трудно одолимых преград лишь на своих участках, усиленных укреплениями или снабженных сооружениями для производства наводнений. Во всех же других местах они имеют лишь тактическое значение.

ИНЖЕНЕРНАЯ ПОДГОТОВКА ТЕАТРА. В отношении инженерной подготовки театра необходимо особо остановиться на укреплении французами северо-восточной и восточной границы Франции.

Система французских крепостей. За долголетнюю подготовку западный театр войны был усилен в инженерном отношении, причем укрепления на восточной границе Франции оказали прямое влияние на выработку плана Шлиффена.

Сооружение французских восточных крепостей явилось выражением системы обороны Франции после войны 1870/71 гг. против нового германского вторжения. После означенной войны Франция принялась за укрепление своей новой границы для прикрытия мобилизации и сосредоточения армии, дабы можно было, пользуясь линией крепостей, остановить противника и позволить собрать все силы на борьбу с немцами.

Генералом Сере-де-Ривиером было намечено в 1874 г. укрепление северо-восточной и восточной границ и обращение Парижа в укрепленный лагерь. На северо-восточной, бельгийской границе был заложен центральный укрепленный район между реками Самброй и Шельдой с крепостью Мобеж; создана крепость Лилль и проектирован был укрепленный приморский район Келе—Дюнкерк. На восточной, германской границе, в первой линии сооружены были два укрепленных района: 1) Верден—Туль—80 *км* по фронту, с рядом вынесенных к самой границе фортов, командовавших над долиной р. Мааса и Веврской равниной; 2) укрепленный район Эпиналь—Бельфор—80 *км* по фронту, с отдельными фортами, командовавшими над верхним Мозелем. Во второй линии, за указанными крепостями, находились укрепленные районы:

Реймс, Лаон, Ла-Фер и укрепленные позиции Лангр и Дижон. Центральным редюитом всей укрепленной системы служил укрепленный лагерь в ближайших окрестностях Парижа.

Так задуманная обширная система укрепления границы требовала огромных затрат, особенно в связи с последующим усовершенствованием крепостной техники, выдвинувшей в 80-х годах прошлого столетия бетон и бронированные башни. Это вызвало изменения в дальнейшем ходе французского крепостного строительства, в результате чего от укрепления северо-восточного фронта решено было отказаться. Были оставлены Мобеж и Монмеди; Лилль намечен был к упразднению. Зато было обращено внимание на линию 4 крепостей восточной границы: Верден—Туль—Эпиналь—Бельфор.

Руководящая идея укрепления этой границы заключалась в том, чтобы занять важнейшие узлы сообщений сильными крепостями с фортовым обводом и приковать вторжение германцев к свободным промежуткам между крепостями, причем эти промежутки или защищались фортами-заставами, находящимися в огневой связи между собой и с соседними крепостями, или они были трудно проходимы вследствие естественных преград.

Открытых промежутков, в качестве заранее подготовленных путей вторжения, оставлено было два. Один—между крепостями Монмеди и Верденом, длиной 35 *км* (trouée de la Meuse), и другой, около 60 *км*,—между Тулем и Эпиналем (trouée de la Moselle, или Шармский проход).

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ (РУССКИЙ) ТЕАТР ВОЙНЫ

Карта 3Б

Весь маневренный период мировой войны на русском европейском театре разыгрался преимущественно на территории западной пограничной полосы бывшей Российской империи и сопредельных провинций Восточной Пруссии, Западной и Восточной Галиции.

В отношении подготовки театра к войне, стратегического развертывания и первоначальных планов имело первенствующее значение очертание государственной границы между воюющими странами; в данном случае эта граница приобретала еще особое значение ввиду большого различия между Россией с одной стороны и Австрией и в особенности Германией с другой в культурном отношении, а также в отношении путей сообщения и инженерной подготовки.

Государственная граница между воюющими странами представляла много оригинального. Являясь результатом тех политико-экономических отношений, которые сложились ко времени Венского конгресса, она совершенно не преследовала стратегических целей, а исключительно политические, в виде образования под скипетром русских монархов Царства польского с вознаграждением Австрии галицийскими областями с более родным России по крови населением, чем Польша, и с оставлением Пруссии ее коренной провинции Восточной Пруссии.

Первая особенность пограничной линии состояла в том, что она нигде не совпадала с естественными преградами. Реки Неман и Висла, которые могли бы служить таковыми, пересекались границей, попадая устьями в моря Германии, а Карпатский хребет составлял ближайший тыл австрийской пограничной полосы. Вторая особенность заключалась в том, что русская граница вдалась большим четырехугольником с основанием около 360 *км* и высотою около 400 *км* в территорию враждебных России стран, что неминуемо должно было оказать большое влияние как на подготовку театра войны, так и на первоначальный ход операций.

По общему географическому облику театр вполне пригоден для широких маневренных операций. Равнинный, отчасти холмистый, отчасти лесисто-болотистый, характер его представляет, в виде холмов, лесисто-болотистых и озерных участков, только элементы тактического характера, за исключением некоторых районов, которые имеют и стратегическое значение.

К таковым принадлежат: 1) озерный район в Восточной Пруссии, известный под именем Мазурских озер; 2) лесисто-болотистый участок в восточной части театра, обнимающий бассейн под именем Полесья, и 3) на юге театра горный Карпатский хребет, который представлял естественную значительную преграду для русского наступления в Венгрию, но с другой стороны стеснял маневрирование австро-венгерской армии. Кроме обильных лесисто-болотистых участков, театр изобилует реками, текущими в большинстве в меридиональном направлении и представляющими естественные преграды для действий враждующих сторон. Впрочем оборонительными линиями, имеющими стратегическое значение, являлись только Висла, отчасти Буго-Нарев и Неман, от устья до Гродны, все же остальные реки имели значение только как рубежи и тактические преграды.

Рассматриваемый театр может быть разделен на 4 района, имевшие разное оперативное значение:

1. *Центральный*, или *Привислинский*—образующий дугу, глубоко вдающуюся у Торна, Калиша и Кракова в пределы Германии и Австрии с основанием, идущим примерно по Бобру и Зап. Бугу.

2. *Северный*—между Балтийским морем и северной границей Полесья.

3. *Южный*—между южной границей Полесья и Карпатами.

4. *Полесья*—в виде разъединяющего северный и южный район пространства.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ. Развитие рельсовой сети не только на театре войны, но и на всей территории воюющих стран входит такой большой удельной величиной в оперативную работу армий, что на этом вопросе приходится остановиться более внимательно.

Громадность территории России, недостаток денежных средств, слабое экономическое развитие и неустойчивость железнодорожной политики были естественными причинами недостаточного и неравномерного роста русской рельсовой сети. Россия поражала своей отсталостью в количестве железных дорог не только по сравнению с ее западными соседями, но и сама по себе, что ее отодвигало как бы на целую эпоху назад в отношении Западной Европы.

Коэфициент обслуженности ею был в 18,2 раза меньше, чем Франции, Англии и Германии, даже только для Европейской России, без обширных пространств Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний. Русскую сеть в указанных выше пределах необходимо было увеличить в $4^1/_2$ раза для того, чтобы сравняться с Германией, и в $3^1/_2$ раза, чтобы сравняться с Австрией.

Подобные условия накладывали сильный отпечаток не только на роль России в мировой войне, но и на условия ведения операций в различные ее периоды.

В то время как Германия и отчасти Австрия имели в своей широко развитой и богато оборудованной сети железных дорог не только могущественный фактор в отношении мобилизации, сосредоточения и питания массовых армий, но и в отношении быстрых перебросок их как с фронта на фронт, так и в районе одной операции, Россия от своей мало развитой и бедно оборудованной сети получала в этом отношении далеко не полное подспорье.

Все внимание русского Генерального штаба было направлено к тому, чтобы скорее сосредоточить и развернуть армии в начале войны, и отчасти

и удовлетворению хоть некоторой возможности перекидывать их с северной стороны Полесья на юг или обратно. Для оперативного использования во время ведения операций рельсовая сеть была почти не подготовлена. Некоторую возможность в этом отношении представлял только участок между Вислой, Наревом и линией Ивангород—Люблин—Ковель, имевший достаточно развитую сеть для использования ее в оперативном отношении. Другим таким участком являлся район Вильны. Русская железнодорожная сеть совершенно не была подготовлена к наступательным операциям и не могла одновременно выдержать тяжесть оперативных перевозок и питания армий; она была более развита для борьбы на германском фронте, чем на австрийском.

Таким образом обе стороны вели маневренный период войны в совершенно разных условиях помощи со стороны железных дорог, которые поставили противников в совершенно разные условия, давшие в руки Гинденбурга богатейшие средства инженерной техники, далеко превосходившие средства противной стороны.

ИНЖЕНЕРНАЯ ПОДГОТОВКА ТЕАТРА. В отношении инженерной подготовки театра приходится отдельно рассматривать территории каждого из враждовавших государств.

Россия. Мнение о том, что Россия вступила в мировую войну почти без инженерной подготовки театра предстоящей борьбы, не будет слишком утрировано. Так незадолго до войны разрушили систему инженерной подготовки, проводившейся в жизнь свыше 30 лет, и не успели дать ничего нового. Существовавшая система крепостей исходила из идеи, данной Милютиным в 1873 г., и находилась в полной зависимости от предполагавшегося стратегического развертывания и намеченных планов войны.

Идея стратегического развертывания в течение свыше 30 лет сводилась к использованию выгодных свойств Привислинского района и сосредоточению в нем по обоим берегам Вислы главной массы сил под прикрытием содержавшейся на западной границе большей части армии мирного времени и соответствующего усиления района развертывания крепостями.

В отношении планов действий существовало определенное решение—первоначально обороняться против Германии и энергично наступать против Австрии.

В зависимости от этих отправных данных система инженерной подготовки западного театра сводилась к следующему.

В центре образовался Привислинский укрепленный район.

Основой его служили три крепости на Висле, а именно: Новогеоргиевск при слиянии Вислы и Буго-Нарева, Варшава в центре и Ивангород при слиянии Вислы и Вепржа. Эти крепости с мостами через Вислу и с плацдарменной укрепленной перед ними позицией давали, во-первых, свободу маневрирования на обоих берегах Вислы, Буго-Нарева и Вепржа; во-вторых, служили хорошим плацдармом для наступательных операций войск на левом берегу Вислы; в-третьих, были серьезной преградой для форсирования Вислы противником.

Вслед за обеспечением фронта начали обеспечивать фланги Привислинского района. Наибольшее значение придавалось северному флангу, как ввиду оборонительной задачи по отношению к Германии, так и ввиду необходимости обеспечить Петербурго-Варшавскую железную дорогу, проходившую близко от германской границы. Для этого воспользовались оборонительной линией Бобра и Буго-Нарева. Левый фланг этой линии обеспечивался крепостью Новогеоргиевском, слиянием Буга и Нарева, небольшой крепостью Зегрж, и правый фланг на р. Бобр—большой крепостью Осовец. Кроме того впоследствии

для обеспечения переправ через Нарев были укреплены Ломжа, Остроленка, Рожаны, Пултуск. Таким образом водная и болотистая преграда рр. Бобра, Буга и Нарева обращалась для немцев в трудно доступное препятствие, не стесняя свободы маневрирования по обеим ее берегам русских войск. На усиление южного фланга Привислинского района было обращено мало внимания. Предполагавшееся укрепление Ровно-Дубенского узла осталось за недостатком средств в проекте, и здесь все ограничилось только обеспечением флангов: Ивангородом на Висле и крепостью Брест-Литовск на Буге. Оборонительная линия Немана прикрывалась только одной первоклассной крепостью Ковно и временными укреплениями у Олиты и Гродны.

Крайние фланги всего Западного фронта обеспечивались морскими крепостями: на севере—Либавой, Усть-Двинском и Кронштадтом и на юге—Севастополем и Очаковым.

Если к этому прибавить старые тыловые крепости-склады Двинск и Киев, то этим и ограничивалась вся система укреплений русского западного театра. Надо сознаться, что к 1909 г. почти все названные крепости пришли в архаическое состояние, совершенно отставши от современных требований в отношении как артиллерийского вооружения, так и фортификационных сооружений.

В 1910 г. в России одновременно с коренной реорганизацией армии, переменой ее дислокации и отнесением линии ее стратегического развертывания назад на фронт Неман, Брест-Литовск, Ровно и Проскуров было решено уничтожить и все выдвинутые на Вислу и Буго-Нарев крепости. На западном театре оставались только Ковно, Осовец и Брест-Литовск и вновь сооружалась крепость в Гродне.

Но вслед за этим начались новые колебания, и вполне соответствовавшая идее установленного развертывания армий система 4 крепостей скоро была изменена сохранением Новогеоргиевска, одиноко выдвинутого от линии развертывания вперед километров на 200, и временным сохранением Ломжи. Из числа приморских крепостей были сохранены Усть-Двинск на Балтийском море и Очаков и Севастополь на Черном. От Либавы и даже Балтийского порта как оперативных баз нашего флота пришлось отказаться, ввиду гибели русского флота у Цусимы, и отнести морскую оборону на линию Ревель—Паркалауд со Свеаборгом, как базой для миноносцев и подводных лодок.

Таким образом с 1910 г. в России начали разрушаться и разоружаться старые крепости и медленно составляться проекты для усовершенствования оставленных и для постройки новых. До чего медленно шла эта работа, явствует из того, что только летом 1912 г. были закончены проекты переустройства Ковенской и Усть-Двинской крепостей и постройки Гродненской крепости.

Германия. За последнее десятилетие перед войной центром тяжести инженерной подготовки на русской границе являлась Восточная Пруссия. Здесь опорой полевой армии при наступлении служили первоклассные крепости Торн, Данциг и Кенигсберг и ряд укреплений по Висле, благодаря которым эта река перестала быть препятствием для германцев и стала весьма трудно одолимой преградой для русских. Для обеспечения же спокойного развертывания армий от наступления русских была сооружена передовая оборонительная линия вдоль Мазурских озер, которая в то же время служила отличным плацдармом для наступлений в русские пределы как на восток, так и на юг. Ближайшие пути от Варшавы на Берлин прикрывались крепостями на Одере и Варте, из которых на ход операций отчасти имели влияние крепости Бреславль и Познань.

Австрия. Это государство подготавливало развертывание своих армий против России и Галиции, впереди Карпат. Для обеспечения района развертывания с запада и для преграждения прямого пути на Вену служила крепость Краков. Для опоры наступлению главных сил и свободы их маневрирования, а также для прикрытия лучших проходов через Карпаты существовала крепость Перемышль с отдельными укреплениями по Сану. Наконец для обеспечения правого фланга развертывания линия Днестра была усилена рядом отдельных укреплений (Галич, Миколаев, Залещики и др.). Следует упомянуть еще о временных укреплениях Львова, чем и кончается крепостная подготовка Австрии на русском фронте.

В итоге инженерная подготовка сильно различалась в трех сопредельных государствах. В России этот вопрос находился в периоде перестройки всего плана подготовки. Она отказалась от Милютинской системы, которая обеспечивала выдвигаемое вперед стратегическое развертывание, служила хорошей базой при переходе армий в наступление и соответствовала активному характеру войны. Новая система своими тремя северными крепостями (Ковна, Гродно и Осовец) фактически усиливала только оборонительную линию Немана, оставляя для опоры против австрийского фронта только одну крепость Брест-Литовск. В ряде крепостей имелась хорошая база также исключительно для наступления в Восточную Пруссию со стороны Немана. На всем остальном прстранстве инженерной подготовки фактически не существовало, так как Брест-Литовск оказал влияние только после занятия противником всего Привислинского района.

Несколько в оригинальном положении оказалась крепость Новогеоргиевск, предназначенная первоначально к уничтожению, а потом сохраненная. Выдвинутая, как указывалось выше, от предполагаемой в 1910 г. линии развертывания армий, она могла бы сыграть плачевную роль Порт-Артура, если бы, как увидим ниже, русское стратегическое разертывание в 1914 г. вновь не было выдвинуто вперед. При такой комбинации Новогеоргиевск служил опорой левого фланга Буго-Нарева и единственной русской крепостью на Висле.

Австрийская инженерная подготовка фактически сводилась к двум крепостям, прикрывающим карпатские проходы и находившимся в тылу предполагаемого развертывания австрийских армий в Галиции. Роль этих крепостей ограничивалась исключительно уменьшением последствий неудачной для австрийцев битвы в Галиции и прикрытием внутренних их областей от русского нашествия.

Что касается Германии, то надо отдать полную справедливость искусному использованию особенностей территории Восточной Пруссии: ее отлично приспособили не только к обороне незначительными силами, но и как базу для развития наступательных операций.

ПЛАНЫ ОПЕРАЦИЙ НА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ (ФРАНЦУЗСКОМ) ТЕАТРЕ.

АНТАНТА

Схемы 4 и 5

Как выше отмечено, основным стержнем плана войны для Антанты служила военная конвенция между Россией и Францией 1892 г. с последующими дополнениями, вносимыми на совещаниях начальников обоих генеральных штабов. Наиболее существенные изменения были сделаны по инициативе Жоффра, протоколами последних совещаний, происходивших в 1912 и 1913 гг.

Еще в 1911 г. предшественник Жоффра, генерал Дюбайль, заявил, что он будет считать себя вполне удовлетворенным в случае, если русское наступление против Германии будет выполнено с такими силами, которые прикуют от 5 до 6 германских корпусов на восточной (русской) границе. Жоффр на совещаниях 1912 и 1913 гг. высказывался о желательности, при сосредоточении германцев в Восточной Пруссии, занятия русскими войсками исходного положения, допускавшего развитие решительного наступления с юга на Алленштейн. Если же германцы развернули бы свои силы в районе Торн—Познань, то русским следовало бы развернуть свои силы против Германии на левом берегу р. Вислы, в пределах Польши, для наступления по прямому направлению на Берлин.

За основание при разработке плана войны принято было считать наиболее вероятным направлением главного удара Германии сначала западное—по Франции, а решительные действия против России станут последующим актом германцев после разгрома французских сил. Зависимость русского правительства от французского капитала диктовала подчинение и русского Генерального штаба французскому. Поэтому Дюбайль и Жоффр позволяли себе откровенно внушать Жилинскому желательный для них план операций русских вооруженных сил. По существу выходило, что на совещаниях французы предъявляли свои требования, а русский представитель выяснял возможность и способы их удовлетворения. Сами же французы не открывали карт относительно своего плана операций. На совещаниях ни разу не поднимался разговор о совместной разработке *общего плана операций* на Западном и Восточном фронтах. На совещаниях никогда не ставился вопрос о наивыгоднейшем способе встречи французами германского удара. Жоффр ревниво оберегал от обсуждения свою идею французского контрудара с фронта Бельфор—Лонгви. Этим маневром, как известно, Жоффр предполагал не только парировать вторжение германцев, но и взять инициативу исходных операций в свои руки.

Взамен этого план русского наступления с началом войны всегда занимал центральное место на совещаниях и привлекал наибольшее внимание французского Генерального штаба. Французам не нравилась мысль о нанесении русскими армиями решительного удара по австрийцам, что требовало сосредоточения главной массы русских сил на русском Юго-западном фронте. Французы настойчиво указывали, что победа над главным противником—Германией—сразу же ликвидирует борьбу с Австро-Венгрией.

В итоге перед войной не существовало конкретного плана операций в коалиционном масштабе, несмотря на близкие отношения между французским и русским генеральными штабами. Эти отношения навязывали серьезные обязательства русским и внушили их стратегическому творчеству предвзятость при разработке своего плана операций. «Военная тайна», которая должна была окружать взаимные военные обязательства Франции и России, безнаказанно допускала со стороны русского представителя уступчивость, оказавшуюся с возникновением войны, вредной для русских интересов [1].

О военном участии в будущей войне третьего члена Антанты—Великобритании, как уже отмечено выше, не имелось никаких письменных документов. Об этом свидетельствует первый том истории войны, издаваемой французским Генеральным штабом. Англия не желала брать на себя письменных обяза-

---

[1] Тайна конвенции толковалась на русской стороне так строго, что даже председатель совета министров — глава правительства — не был посвящен в содержание конвенции. Этот факт выяснился незадолго до войны, когда французское правительство пожелало для большей прочности обязательств, чтобы измененный текст конвенции был скреплен подписями премьеров.

тельств. Когда в марте 1912 г. Френч был назначен начальником английского Генерального штаба, им были предприняты некоторые шаги к обеспечению в случае войны перевозок английских экспедиционных сил на континент, а его помощник Анри Вильсон не раз навещал французский Генеральный штаб и бывал в районе будущего развертывания союзных армий для изучения стратегической обстановки. Но еще раньше, когда впервые появились догадки о плане Шлиффена, в 1906 г., возникли переговоры между представителями английского и бельгийского генеральных штабов, но они не привели к конкретным результатам.

Английский Генеральный штаб разрабатывал в общих чертах разные варианты участия английских войск на европейском материке и в связи с этим—их высадки на французском побережьи, на участке Кале—Дюнкерк или на бельгийском берегу—в Зеебрюге и Остенде. Подымался даже вопрос о высадке в Антверпене, и эта мысль занимала престарелого лорда Робертса. Но все эти работы можно считать только черновыми набросками английского командования, которым недоставало самого главного—политического оформления со стороны правительства. Последнее не связывало себя до начала войны никакими внешними обязательствами.

Франция. План операций французских вооруженных сил подобно германскому, последовательно, в течение 40 с лишним лет, разрабатывался Генеральным штабом, но, задуманный тотчас после разгрома 1870/71 гг., этот план в процессе своей эволюции не мог освободиться от влияния германского превосходства и не отличался такой ясной целеустановкой, как германский. За указанный срок сменилось 17 планов развертывания французской армии. Однако последний, план № 17, не давал четкого представления о том, что предпримет французский главнокомандующий по окончании стратегического развертывания.

Характерной чертой французских оперативных планов являлась скрытность целей, которые ставились вооруженным силам по окончании их стратегического развертывания. В первые годы после войны 1870/71 гг. вследствие слабости французской армии ее развертывание происходило под прикрытием линии крепостей на восточной границе Франции с целью дальнейших действий в зависимости от операций германских войск. Однако и позже, когда оборона Франции окрепла и ее военная организация приобрела устойчивость, и быстро стали накапливаться живые и материальные средства борьбы, руководящая идея первых операций всегда сводилась к их подчинению германской инициативе. Эта идея клонилась к тому, чтобы французское развертывание одинаково было годно для наступательных и оборонительных действий. В предпоследнем плане—№ 16—прямо указывалось, что развертывание должно удовлетворять двум условиям: обеспечивать выполнимость исходного маневра армий и быть в состоянии противодействовать возможным неожиданностям в ходе событий[1]. Это все та же идея «наступательной обороны»—défensive-offensive, которая красной нитью пронизывала оперативные планы французского Генерального штаба, невзирая на трескучие фразы об атаке во что бы то ни стало, повторявшиеся на верхах армии в последние годы перед войной.

План № 17 разрабатывался генералом Жоффром в течение 3 последних лет перед войной и был окончательно принят 15 апреля 1914 г. Вопреки предшествующим планам, № 17 в целом не был известен никому из лиц выс-

[1] Официальный труд французского генерального штаба «Les Armées Françaises dans la Grande guerre», т. I.

шего командования до самой войны. По собственному выражению Жоффра, планом операций является основная идея, которая вынашивается в голове главнокомандующего, но не запечатлевается письменно. Результатом же этого замысла служит план сосредоточения вооруженных сил. Впервые высший командный состав узнал о задачах армий из директивы № 1, сообщенной Жоффром командующим армиями 8 августа, уже после объявления войны. Эта директива указывала на намерение главнокомандующего, после сосредоточения всех сил, атаковать германские армии, причем атаку развивать в двух главных направлениях: одну—на восток из района южнее крепости Туль, между лесистыми массивами Вогезов и р. Мозель, другую на северо-восток из района к северу от линии Верден—Мец. Эти обе атаки должны были быть тесно связаны силами, действующими на маасских высотах и на Веврском плато.

Соответственно этой задаче, правое крыло в составе 1-й и 2-й армий сосредоточивалось между Тулем и Бельфором, причем главные силы 1-й армии—в районе Эпиналя, а 2-й армии—в районе Нанси. Обе эти армии должны были первоначально действовать между рр. Рейном и Мозелем южнее Туля и по течению Мозеля. Левое крыло из 5-й армии и отдельного кавалерийского корпуса сосредоточивалось на линии Вузьер—Гирсон. Для связи операций обоих крыльев служила 3-я армия, главные силы которой сосредоточивались у Вердена. 4-я армия временно располагалась во второй линии, в районе С.-Дизье-Бар-ле-Дюк в готовности двинуться к югу или к северу от 3-й армии. Эта армия являлась оперативным резервом для армий первой линии. На случай движения германцев через южную Бельгию имелся «вариант к плану № 17», по которому 5-я армия выдвигалась на линию р. Маас, на участок Музон—Мезьер, а 4-я армия—к С. Менегуль (Ste Menehould) на р. Эн, в 40 *км* западнее Вердена, для заполнения промежутка между 5-й и 3-й армиями. Этот вариант не предусматривал возможности германского маневра через северную Бельгию. Сверх означенных армий, в распоряжении главнокомандующего были 2 фланговые группы, каждая в составе 3 резервных дивизий. Одна—уступом за правым флангом, у Везуль, другая—уступом за левым флангом, в районе Гирсон—Вервэн. Кроме того главнокомандующий мог рассчитывать на африканские войска по мере их прибытия во Францию (XIX корпус из Алжира и $1\frac{1}{2}$ дивизии из Марокко) и на 12 резервных дивизий, формировавшихся внутри Франции и частью предназначавшихся в гарнизоны крепостей.

В общем французы развертывались на фронте в 350 *км* от швейцарской границы у Монбельяра (Montbéliard) до бельгийской границы, у Гирсона на реке Уазе. По заложенной в план идее их развертывание представлялось неясным. Оно намечало нанесение контрудара в лоб по противнику на германско-французской границе и не таило в себе возможности какого-либо маневра. Это был план развертывания, ориентированный главным образом на восток, *но не на северо-восток*—против германского обхода через всю Бельгию. Исходя из неправильной предпосылки, что главная масса германских сил будет стремиться вторгнуться во Францию через Люксембург и южную Бельгию, Жоффр до некоторой степени массировал свои силы для удара правым крылом между Вогезами и р. Мозель. Когда до войны ему указывали на вероятность германского главного удара через всю Бельгию, севернее и западнее р. Мааса, он возражал, что у германцев нехватит для этого сил; он не учитывал дублирования ими полевых корпусов резервными. А если такой глубокий обход тем не менее был бы предпринят германцами, то Жоффр считал, что таковой облегчит прорыв германского центра. Большим недостатком французского плана являлось и неиспользование сразу крупных резервных формирований, подсказанное

недоверием к их боевой прочности, вследствие чего к началу операций резервные войска, не сведенные в корпуса, оставались на флангах и в тылу—частью для второстепенных задач, а частью для завершения боевой подготовки. Первая операция французов—«Пограничное сражение»—обнаружила полную несостоятельность плана, разработанного Жоффром в мирное время, и только успех Марнской операции замаскировал слабость замысла и предвзятость плана № 17.

Англия. Участие Англии в коалиции против Германии начало подготавливаться с момента возникновения «сердечного согласия» между Англией и Францией в 1904 г.; но, всегда очень осторожная в связывании себя конкретными обязательствами, Англия не торопилась выработкой плана операций своей сухопутной армии, которая в большой войне на европейском материке вначале могла играть только подсобную роль. Переговоры об операциях английской армии совместно с бельгийской, хотя и начались в 1906 г. и не привели к конкретным решениям, но позже, начиная с 1911 г., было выработано условное соглашение между английским и французским генеральными штабами о занятии английской экспедиционной армией во Франции района Мобежа—Ле-Като—Гирсон. Начальник английского Генерального штаба, ген. Вильсон, предпринимал неоднократные поездки для изучения будущего театра операций английской армии; эту работу надо отнести скорее к его личной инициативе специалиста. Не встречая энергичной поддержки в правительстве, английский Генеральный штаб не мог закрепить общей технической наметки сосредоточения английской армии на левом фланге французского развертывания точными расчетами перевозок и сроков их окончания на материке. Жоффр включил в план № 17 предположения о прибытии английской армии, под наименованием «армейской группы W», в указанный выше район, но по всем признакам разрешение вопросов о совместных действиях обеих армий не было уложено в точные рамки, и потому только с прибытием английских войск на левый фланг французских армий и после первых боевых неудач англичан стало постепенно оформляться участие английской армии в операциях на западноевропейском фронте.

Бельгия. Общественное мнение и правительство Бельгии задолго до войны ясно сознавали всю иллюзорность «вечного» нейтралитета своей страны, хотя бы и гарантированного европейскими державами. Еще в 1882 г. известный бельгийский военный инженер ген. Бриальмон писал, что в случае войны между Германией и Францией Бельгия неминуемо подвергнется вторжению германских армий. По его мысли в 1890—1892 гг. были предприняты меры по укреплению линии р. Мааса, а Антверпен превращен был в обширную крепость-лагерь.

Согласно означенной системы укреплений бельгийская полевая армия должна была в случае войны оборонять линию р. Мааса между голландской границей и Намюром, опираясь на укрепления Льежа и Намюра и войдя в связь своим правым флангом с французской армией. Но если бельгийцам не удалось бы удержаться на р. Маасе до прихода к ним союзников, то, предоставив оборону своих маасских крепостей их гарнизонам, полевые войска должны были отходить на линию Диест—Тирлемон—Намюр, прикрывая пути к Брюсселю и к Антверпену. В крайнем случае бельгийская армия должна была укрыться в Антверпене, откуда угрожать правому флангу или тылу германских войск, наступающих через Бельгию. Бельгийский план операций был проникнут внушенной Бриальмоном идеей крепостной обороны Бельгии. Было бы гораздо целесообразнее для бельгийской армии предусмотреть отступление не к Антверпену, а на присоединение к англо-французским армиям, выполняя роль

стратегического арьергарда последних. Повидимому политические соображения бельгийского правительства клонили к тому, чтобы заранее не связывать окончательно судьбу страны с Антантой.

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ДЕРЖАВЫ

Схема 4

План Мольтке. План операций, согласно учению Мольтке, должен представлять подробно разработанное стратегическое развертывание армий в пограничных районах, дающее исходный рубеж для намеченных первоначальных действий, за пределами которых в плане ставится лишь руководящая мысль для дальнейшего хода войны. Детали же последнего являются только личными взглядами составителя плана операций. Тот же Мольтке учил, что на плохо состряпанном плане развертывания армий нельзя построить победоносной кампании, и этот взгляд был твердо усвоен преемниками Мольтке, которые отдавали долгие годы своей деятельности на углубленную разработку стратегического развертывания своих армий в духе определенной основной идеи.

Как было уже сказано, разработанного единого плана операций для обеих союзных армий не было. Германский Генеральный штаб всегда скептически относился к австровенгерской армии и имел в виду использовать ее главным образом для задержания русских сил, пока германцам придется наносить удар по французам. Австрийская армия рассматривалась всегда как «слабейший товарищ», и таким удельным весом в союзе определялось ее стратегическое значение. В зависимости от изменений в распределении германских войск между ее *западным и восточным* фронтами, менялась и роль австрийских сил. В период действия плана Шлиффена на австрийцев ложилась главная тяжесть борьбы с русскими армиями до переброски германских сил на восток. В отношении подробностей оперативных предположений Генеральный штаб Дунайской монархии оставался вполне самостоятельным.

Не существовало также военной конвенции между Германией и Италией, но устные и письменные переговоры о военном сотрудничестве Италии с Германией и Австрией, на основании заключенного в 1882 г. договора о тройственном союзе, были начаты в 1888 г. и продолжались вплоть до самой войны. Была заключена военножелезнодорожная конвенция о перевозке через Австрию в южную Германию на верхний Рейн 2 итальянских кавалерийских дивизий, первые эшелоны которых должны были выгружаться в Страсбурге на 5-й и 6-й дни германской мобилизации. За ними должны были следовать 3 итальянских полевых корпуса, головы которых перевозились через итальянскую границу на 15-й день для направления в район Страсбурга и Фрейбурга. Но 3 августа 1914 г. итальянское правительство официально объявило о своем нейтралитете, и все военные обязательства Италии к Германии и Австрии были аннулированы [1].

Перейдем к более подробному знакомству с планами операций германских и австровенгерских сухопутных сил.

Германский план операций на всем 44-летнем протяжении, от момента

---

[1] В первоначальных предположениях, когда центральные державы рассчитывали на активное выступление на своей стороне Италии, Германия должна была содействовать первоначальному наступлению австрийцев наступлением своих 7 из 11 дивизий из Восточной Пруссии на Седлец и 4 дивизий на Сандомир-Ивангород. Но нейтралитет Италии заставил Германию уменьшить силы на своем Восточном фронте (Конрад, т. IV, 1923.

своего возникновения и до осуществления, развивался с точки зрения войны для Германии на два фронта. Эта предпосылка устанавливала ведение операций по «внутренним операционным линиям». Вместе с тем численность сил противников всегда была не в пользу Германии. Отсюда для нее очевидна была необходимость быстрых и решительных действий против одного из своих противников, чтобы, разделавшись с ним, броситься с главной массой сил на другого.

На этой стратегической основе для Германии возникло два варианта главного удара—на запад или на восток. Мог быть еще предложен третий вариант свободного выбора к началу войны, смотря по обстановке в последний момент, одного из двух направлений, не предрешая заранее направления главного удара. Такое решение шло вразрез с германскими взглядами на подготовку к войне, причем не учитывалась трудность двойственной подготовки железнодорожной сети к сосредоточению войсковых масс на западе и на востоке. Много лет в германском Генеральном штабе велась параллельная разработка сосредоточения на оба случая, но она была отменена в 1913 г. ввиду загрузки железнодорожных органов обилием мобилизованных материалов, угрожавшим путаницей при объявлении войны [1].

В зависимости от направления главного удара разработку плана операций можно разделить на 3 периода. *Первый период* (1871—1879 гг.), тотчас после войн за объединение Германии под главенством Пруссии, был моментом бесспорной военной гегемонии Германии в Европе, и Мольтке считал вначале возможным вести одновременно наступательную войну на обоих фронтах. Быстрое восстановление Франции и медленность русской мобилизации, выяснившаяся в войну 1877 г., побудили Мольтке к концу означенного периода склониться к нанесению главного удара по Франции, чтобы быстро покончить с ее возрождающеюся мощью и уже затем, в расчете на содействие Австрии, броситься против России. В октябре 1879 г. последовало заключение союзного австро-германского договора, и оно вызвало у Мольтке пересмотр намеченного решения.

Наступил *второй период* (1879—1892 гг.), когда постепенно принимался план нанесения первоначально главного удара против России. Расчет на союз с Австрией, в который с 1882 г. вошла и Италия, наличие в мирное время крупных русских сил на обоих берегах Вислы и сведения о русском плане стремительного вторжения в Австро-Венгрию привели Мольтке к решению направить в случае войны на два фронта половину германских сил вместе с австрийскими на восток, чтобы одновременным маневром из Восточной Пруссии и Галиции быстро покончить с русской армией. Другая половина германских сил должна была вести оборонительные операции против Франции на пограничном фронте в 270 *км*, между Бельгией и Швейцарией, опираясь на крепости Мец и Страсбург. Союз с Италией, а также расчет с 1883 г. на присоединение к союзу Румынии обеспечивали для Австрии возможность выставить все свои силы против России, что укрепляло германский Генеральный штаб в мысли о быстром достижении конечного успеха в борьбе с русской армией.

В это время Германия еще не была вполне промышленной страной, не учитывалась потребность в огромных боевых припасах, крупповские заводы в Эссене находились далеко от границы и им непосредственно опасность не угрожала, перерыва в подвозе сырья из нейтральных государств ожидать было нельзя, так как о борьбе с Англией в этот период не могло быть еще и

[1] «Das deutsche Feldeisenbahnwesen», «Reichsarchiv», т. I, 1928 г., стр. 21.

речи. Все это подтверждало правильность принятого Мольтке решения, которое оставалось в силе и при преемнике Мольтке—Вальдерзе, сменившем первого в 1888 г., и также в первые годы возглавления германского Генштаба Шлиффеном, от 1891 по 1894 г. Однако с 1892 г. у Шлиффена стало закрадываться сомнение в соответствии принятого плана операции с изменившимся политическим положением. Уже Вальдерзе считал необходимым внести поправку в оборону на французской границе, придав операциям возможно более активный характер и не упуская использования случаев частного перехода в наступление. Шлиффен же немедленно реагировал на заключение франко-русской конвенции и на военное усиление России в связи с постройкой новых железных дорог и изменившимися условиями ее мобилизации и сосредоточения. Не укрылся от него также все возраставший рост французской экономической и военной мощи и параллельно усиление чувства реванша в правящих группах французской нации.

План Шлиффена. Наступил *третий период* эволюции германского плана операций, начавшийся в 1892 г. и протянувшийся до самой войны, когда основной идеей операций неизменно проводилось *массирование возможно больших сил на Французском фронте, с целью быстрого уничтожения французских армий и выставления первоначально против России только необходимых для совместного участия с австрийцами войск.*

В свою очередь в течение означенных 20 с лишним лет указанная идея главного удара по французам постепенно оформлялась в различные варианты плана операций, в которых можно отметить три последовательных этапа.

Исходя из численного превосходства французов сравнительно с теми германскими силами, которые могут быть выставлены на западе, Шлиффен намечал единственный путь, чтобы избежать фронтального столкновения с противником на укрепленной франко-германской границе в следующем: выполнить охватывающий маневр и заменить недостающее общее превосходство сил численным преобладанием на флангах с выдвижением слабых сил на фронте. В плане 1894 г. у Шлиффена была мысль об охвате обоими флангами за счет ослабленного центра, но сама операция представлялась пока в виде фронтального удара. Здесь была уже заложена идея сражения при Каннах с робкой пока попыткой осуществить ее в оперативном масштабе.

Продолжавшееся укрепление французской восточной границы и быстрое увеличение, под напором союза с Францией, русских вооружений, толкали Шлиффена к изысканию более стремительного решения на Западном фронте. В поисках за этим решением возникает мысль об обходе правым крылом севернее Вердена, где кончается воздвигнутая французами укрепленная линия. Но между Верденом и бельгийской границей тянулось всего 5 дорог, и недостаточная ширина полосы вынудила Шлиффена выбрать направление обхода через Люксембург и южную Бельгию, что окончательно было проведено в плане 1898 г. Это был первый этап в плане нанесения главного удара по французам.

Вторым этапом того же плана надо считать окончательное оформление Шлиффеном идеи обхода французского фронта германским правым крылом. Оно было выражено в его записке в декабре 1905 г., и эта записка явилась программой для дальнейшего строительства германских вооруженных сил и для плана их мобилизации и развертывания при войне на два фронта вплоть до 1914 г.

Так как именно этот шлиффеновский план в измененном позже виде и явился планом операций для войны 1914 г., необходимо с ним познакомиться

подробнее, *основываясь на краткой оценке местности* западноевропейского или французского театра военных действий и восточноевропейского или русского театра военных действий, сделанных выше.

Окончательный план Шлиффена для французского фронта (схема 4). Воздвигнутая французами укрепленная линия Верден—Туль—Эпиналь—Бельфор на протяжении 200 *км* заставила Шлиффена искать оперативного решения в обходе ее с севера через Бельгию.

Главная масса германских сил, в составе 23 полевых и 12½ резервных корпусов и 8 кав. дивизий, с исходной линии развертывания Крефельд—Мец, должна была выйти на линию Дюнкерк—Верден. Южнее этой обходной массы, для обеспечения левого фланга, в Лотарингии, кроме гарнизонов Меца и Страсбурга, развертывалось 3½ полевых и 1½ резервных корпуса и 3 кав. дивизии. Левее (южнее) их, на верхнем Рейне—3½ ландверные бригады и в нижнем Эльзасе—1 ландверная бригада. Опорным пунктом для прикрытия левого фланга обходной маневренной массы должна была служить крепость Мец, которая была значительно расширена вновь проектированными сооружениями, снабжена крупным гарнионом и большим количество тяжелой артиллерии.

Обходная масса наступала 3 большими группами, из коих важнейшее оперативное значение приобретала правофланговая группа. Она состояла из 8 армейских корпусов и 5 кав. дивизий и наступала уступами в направлении на фронт Брюссель—Намюр. Девятый корпус должен был позже примкнуть к левому флангу этой группы после ее перехода через р. Маас. Маневр группы надлежало вести форсированным маршем, чтобы пройти между Антверпеном и Намюром раньше столкновения с французской армией для возможности развертывания всей массы на «поле сражения» из глубины, без помехи со стороны названных крепостей. За корпусами правой группы, уступом справа, наступали 7 резервных корпусов, которые предназначались для обложения Антверпена и для обеспечения вообще маневра справа, со стороны англичан и бельгийцев. С этой же целью предполагалась также переброска еще 2 полевых корпусов по железной дороге из Лотарингии.

Средняя группа обходной массы состояла из 6 полевых корпусов и 1 резервной дивизии за правм флангом группы и направлялась на участок р. Маас—Намюр—Мезьер. Южная группа из 8 полевых корпусов и 2 кавалерийских дивизий—на участок р. Маас—Мезьер—Верден. 5 резервных корпусов, опираясь на крепость Мец, прикрывали левый фланг германского маневра со стороны французов, которые могли угрожать с линии Туль—Верден. Сзади, за средней и южной группами, по обоим берегам р. Мааса, следовали 10 и 6 ландверных бригад.

Как только средняя группа переправится через р. Маас, на левом берегу в общем развернется 15—17 полевых корпусов, которые будут стремиться обойти левый фланг французского развертывания. Когда германцам удастся проникнуть через линию бельгийских и северных французских крепостей и преодолеть Арденны, положение германцев, по мнению Шлиффена, станет выгоднее положения французов, если последние перейдут в контрнаступление. Если французы, отказавшись от контрудара, будут искать решения в обороне, то они займут расположение позади р. Соммы или даже может быть позади р. Уазы, примкнув правый фланг к Ла-Фер, а левый уперев в парижский укрепленный лагерь. В таком случае германские армии будут атаковать на всем фронте.

Окончательный удар Шлиффен соединял с обходом Парижа западнее и южнее. «Необходимо обязательно стремиться ударом в левый фланг французов оттеснить их в восточном направлении на их крепости на р. Мозель, за горный хребет Юры, к границе Швейцарии, где французская армия должна быть окончательно уничтожена. Самое существенное условие для достижения германцами такого результата операций заключается в образовании сильного правого крыла, посредством которого германцы должны быть наносить французам удары и непрерывным преследованием (тем же мощным крылом) все время их добивать [1].

Шлиффен правильно рассчитывал, что требуемое им массирование главных германских сил на правом крыле достигалось только за счет левого фланга всего германского развертывания на Французском фронте. Этому флангу, в составе 3 полевых и 1 резервного корпусов и 3 кав. дивизий, предстояло выдержать борьбу с превосходными силами французов, которые нужно было притянуть на себя в возможно большем количестве посредством энергичного наступления на Нанси и при поддержке со стороны крепости Мец. Задача левого германского крыла сводилась к настойчивому стремлению возможно меньшими германскими силами сковать здесь возможно крупнейшие французские силы. Только тогда можно было спокойно рассчитывать на успешное выполнение правым крылом своей трудной задачи, если в решительном сражении там, на левом берегу Мозеля, примут участие 25 германских полевых корпусов.

Таков был второй, окончательный план операций Шлиффена, предложенный им в декабре 1905 г. В этот момент русские силы были надломлены неудачной войной с Японией, и Шлиффен имел конечно право ими пренебрегать, сосредоточивая все полевые германские войска на Западном фронте и ограничиваясь выставлением против России только резервных и ландверных войск [2].

П л а н М о л ь т к е м л а д ш е г о (с х е м а 5). Шлиффен ушел в отставку в 1906 г. за 8 лет до начала войны, его преемником был Мольтке младший, племянник фельдмаршала Мольтке. В течение этих лет германский план операций, сохранив основную идею плана Шлиффена, подвергся ряду изменений, существенно исказивших строгую, прямолинейную форму проведения в жизнь идеи германского удара тяжелым молотом по левому флангу французов.

Мольтке признал необходимым учесть быстрое восстановление, после японской войны, русских сил и ускорение их мобилизации. Поэтому в Восточной Пруссии Мольтке развертывал 3 полевых корпуса. На Французском фронте, опасаясь наступления французов, он постепенно стал усиливать левое крыло германского развертывания, и к началу 1914 года оно состояло уже из 2 групп: 6-й армии; в составе 4 полевых и 1 резервного корпусов, и 7-й армии,

[1] «Der Weltkrieg 1914 bis 1918» «Reichsarchiv», т. I, стр. 58.

[2] Будучи в отставке, Шлиффен продолжал работать над планом операций на Французском фронте и незадолго до смерти, в 1912 г., им был выработан новый план, отличительные черты которого сводились к следующему. Он исходил из того, что неприятельский фронт будет примкнут флангами к морю и к швейцарской границе и следовательно первоначально стратегический охват для немцев будет недоступен. В этом случае Шлиффен считал необходимым атаковать одновременно по всему фронту, чтобы добиться сначала в каком-либо пункте тактического прорыва. Полученную в неприятельском фронте брешь нужно расширить и затем охватить один или оба фланга, образовавшиеся в результате прорыва. Этот тактический охват на англо-французском фронте нужно превратить в стратегический. При этом Шлиффен находил наиболее выгодным выполнить такой прорыв на бельгийском участке фронта и поэтому попрежнему считал, что правое германское крыло должно быть возможно более сильным по количеству назначенных на это крыло корпусов.

в составе 2 полевых и 1 резервного корпусов, а всего—из 8 корпусов. У Шлиффена взаимное соотношение правого и левого крыльев выражалось, как 7:1, а у Мольтке только, как 3:1.

Главные силы германцев, по плану Мольтке накануне войны, должны были вторгнуться во Францию через нейтральные Бельгию и Люксембург [1]. Их наступление должно было выполняться в виде захождения правым крылом и центром на неподвижной оси, каковой служили Диденхофен—Мец. Движение армий центра и левого крыла должно было так регулироваться, чтобы сохранена была связь между соседними армиями и не произошло отрыва левого фланга центра и заходящего крыла (главных сил на этом фронте) от Диденхофена—Мец. Обеспечение левого фланга должны были выполнить, на ряду с крепостями Диденхофен и Мец, и войска, наступавшие юго-восточнее Меца.

ПЛАНЫ ОПЕРАЦИИ НА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ (РУССКОМ) ТЕАТРЕ

Схемы 4 и 5

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ДЕРЖАВЫ

Германия. *На восточном фронте,* против России, со времени принятия в 1905 г. шлиффеновского плана, задача германских войск носила характер стратегической обороны. Сосредоточиваемые в Восточной Пруссии войска образовали 8-ю армию, которая должна была задерживать вторжение русских сил и замедлять их наступление к нижней Висле до переброски главных сил германцев с Западного фронта после поражения французов. Начало такой переброски намечалось через 6 недель от начала операций на западе.

До этого времени главная тяжесть борьбы с русскими на Восточном фронте выпадала на австровенгерские силы, причем, по соглашению 1909 г. между Мольтке и начальником австрийского Генерального штаба, генералом Конрадом-Гетцендорфом, Германия выставляла с начала войны против России 12—14 полевых и резервных дивизий в Восточной Пруссии и отдельный ландверный корпус в Силезии. 8-я германская армия сперва должна была принять растянутое развертывание для прикрытия границы, а затем выполнять задачу обеспечения провинции по усмотрению командующего армией, имея в виду увязку действий с австрийцами. Ландверный корпус в Силезии должен был примкнуть к левому флангу австрийцев и наступать вместе с ними, оставаясь в подчинении командующему 8-й армией.

Австро-Венгрия. Австирийский Генеральный штаб со времени заключения союзного договора между Австро-Венгрией и Германией разрабатывал планы операции на вероятные случаи войны, и соответственно с ними, в период последних 25 лет перед войной, им была установлена целая система оперативных комбинаций, сущность которых сводилась к следующему [2]: развертывание

[1] Пресловутый «вечный нейтралитет и неприкосновенность территории» Бельгии и Люксембурга, подтвержденный 18/X 1907 г. Гаагской конференцией, как видно из документов, даже самими бельгийцами не рассматривался как надежная гарантия от нарушения нейтралитета одной из воюющих сторон. Так, в декабре 1909 г. бельгийский министр иностранных дел де-Фаверо, при обсуждении военного законопроекта, заявил, что на основании изучения документов договор о нейтралитете Бельгии «ничего не стоящий клочок бумаги», так как в случае войны нейтралитет будет нарушен той или иной стороной и вероятнее французами. *Ред.*

[2] Osterreich Ungarns letzter Krieg 1914—1918 — официальная история участия австровенгерской армии в мировой войне. По документам венского государственного архива. В 6 томах, том I.

австровенгерских сил, в общей численности около 1 100 батальонов пехоты, предусматривало 3 «оперативных эшелона». Главнейший «эшелон А[1] включал $^3/_5$ всей армии и предназначался против России. Он состоял из 28 пехотных и 10 кавалерийских дивизий и требовал для сосредоточения в восточной Галиции 18 дней. Другой—«эшелон В»—представлял «минимальную группу Балкан» и предназначался, при всяких военно-политических условиях, для действий против Сербии и Черногории. Он стоял из 8 пехотных дивизий, принадлежавших 3 корпусам, расположенным в мирное время вдоль южной границы Австо-Венгрии. Третий «эшелон» под литерой «С» обнимал $^2/_5$ всех сил, т. е. 12 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию. Этот эшелон предназначался в качестве оперативного резерва на оба фронта. Если в случае балканского конфликта Россия оставалась бы спокойной, то «эшелон» «В», усиленный еще 2 кавалерийскими дивизиями из «эшелона А», перебрасывался вместе с «минимальной группой Балкан» к границам Сербии для нанесения сокрушительного удара по Сербии. Если же Россия приняла бы вооруженное участие в балканском конфликте, то «эшелон В» должен был бы быть направлен в Галицию вслед за «эшелоном А», после 18-го дня мобилизации.

Конрад в своих мемуарах пишет, что его руководящей идеей операций против России было наступление, невзирая на риск, так как оборона при первых же столкновениях повлекла бы катастрофу для австрийской армии. 40 дивизий, собранных в Галиции (эшелоны А и В), не могли оставаться пассивными в то время, когда численно превосходные русские силы теснили бы союзников в Восточной Пруссии и Румынии, а, затем, после легкого над ними успеха, обрушились бы всеми силами на Австрию. Перейдя верхнюю Вислу, близ впадения в нее Сана, и сковав австрийские армии в Галиции, русские открыли бы свободный путь на Берлин или Вену. «Прежде всего, возможно крупными силами дать генеральное сражение русским войскам, сосредоточенным между Вислой и Бугом, при содействии с севера удара на Седлец большей частью собранных в Восточной Пруссии германских сил,—такова была ближайшая цель моего плана»,—пишет Конрад [2].

В связи с изменением политического положения в 1913 и 1914 гг., Конрад ввел частичные поправки в австрийский план операций. Сомнение насчет верности союзу Италии вынудило снять с расчета 4 германские дивизии, которые Мольтке обещал сосредоточить в Силезии сверх ландверного корпуса, а число германских дивизий в Восточной Пруссии было уменьшено до 9; тяжесть русского удара на востоке все более ложилась на австрийцев. Еще чувствительнее было отпадение Румынии. На румынскую армию возлагалась надежда, что она, в составе 10 дивизий, развернется в Молдавии и притянет на себя русские войска Одесского округа, т. е. 7-ю и 8-ю армии в Бессарабии и Подолии.

С выходом Румынии из союза приходилось осадить назад развертывание правофланговой австрийской группы в Восточной Галиции, чтобы не подвергать ее удару со стороны русских 3-й и 8-й армий. А этот отвод правого крыла отражался и на развертывании 1-й и 4-й австрийских армий, предназначавшихся для вторжения в Польшу, между Вислой и Бугом. Их развертывание приходилось отнести более на запад и упереть их левый фланг в Вислу, чтобы ближе примкнуть к германским войскам и сохранить за собой свободу маневра

---

[1] «Эшелон А» соответствовал «случаю войны Р» (с Россией), «эшелон В» — случаю войны Б» (на Балканах) и эшелон С — «случаю войны J» (с Италией).

[2] Feldmarschall Conrad, Aus meiner Dienstzeit, т. IV, 1923 г., стр. 286.

по тому или другому берегу Вислы. В случае неудачи австрийские армии скорее могли бы быть отведены за Сан в западную Галицию, и легче можно было бы избежать оттеснения их на юг—за Карпаты.

Предположения о таком изменении австрийского развертывания впервые намечены были Конрадом летом 1913 г. Осенью этого года все австрийское развертывание было осажено, и фронт его определялся линией: устье Сана—Рава Русска—Жолкиев—Злочов—Тарнополь—р. Серет. К 1 апреля 1914 г. это развертывание было окончательно разработано, но весной этого года Конрад выработал новый план с целью осадить еще более австрийский фронт на линию рр. Сана и Днестра. Как только после убийства австрийского наследника определилась вероятность войны на два фронта, был окончательно утвержден для русского фронта выработанный зимой план, и управлению железных дорог были даны указания относительно новых станций выгрузки в районах сосредоточения. Потребовалось изменение 84 маршрутов, которые спешно были переработаны в течение июля 1914 г., и вся работа по изменению стратегического развертывания австрийцев в Галиции была закончена к первому дню частной мобилизации австрийцев 28 июля.

На сербском фронте австрийский план предусматривал развертывание 3 армий: 2-й армии по течению рр. Савы и Дуная, по обе стороны Белграда; 5-й армии—по левому берегу р. Дрины до впадения ее в р. Саву и 6-й армии—в Боснии, между Сараево и сербской границей. Эти армии должны были вторгнуться в Сербию с севера и с запада и обойти сербскую армию с обоих флангов.

АНТАНТА

Р о с с и я. Еще в период сосредоточения армий в Ставке постепенно назревает решение о скорейшем переходе в наступление обоих фронтов, с целью поддержать французов, ввиду готовящегося против них главного удара германцев. Срок начала наступления на северо-западном фронте подгонялся к 14-му дню мобилизации, что вполне отвечало сроку, установленному военной конвенцией с Францией, а на юго-западном фронте 18—19 августа (на 19-й день мобилизации). Таким образом тяжелые обязательства, выполняемые русским Генеральным штабом, приводили к началу наступательных действий тогда, когда могла быть развернута только $^1/_3$ русских вооруженных сил и при почти полной неготовности тыловых учреждений обеспечить длительное наступление.

В директивах от 10 и 13 августа верховный главнокомандующий указал главнокомандующим обоих фронтов следующий *план начальных операций:* Северо-западный фронт должен был перейти 13 августа в наступление 1-й армией в Восточную Пруссию, которое должно развиться к 17 августа в общую операцию 1-й и 2-й армий в обход Мазурских озер с севера и запада; Юго-западному фронту приказывалось «перейти в наступление 3-й и 8-й армиями, соответственно 19 и 18 августа, не дожидаясь сосредоточения III Кавказского и XXIV корпусов, дабы в связи с намеченным наступлением 1-й и 2-й армий приковать к себе вторжением в Галицию возможно большие силы австрийцев и, тем самым воспрепятствовать им развить наступательные действия по левому берегу Вислы и против запаздывавших в своем развертывании 4-й и 5-й армий».

В то же время верховное главнокомандование, опять-таки во исполнение указания французов, что наиболее важным для них попрежнему является русское наступление на операционном направлении Варшава—Познань, сделав ряд

перегруппировок за счет сил обоих фронтов (XX корпус из 4-й армии перечислялся в 1-ю армию, I и гвардейский корпуса—из 1-й армии—в 9-ю), подготовляет новую, третью по счету, наступательную операцию на Познань и формирует для этого 9-ю армию у Варшавы на левом берегу Вислы. Для этого с 11 августа в 9-ю армию кроме гвардейского корпуса направляются XVIII и XXII корпуса, гвардейская стр. и гвардейская казачья бригады.

В общем все эти мероприятия устанавливают следующую *основную идею оперативного плана* русского главнокомандования—переходом в наступление на обоих фронтах создать исходное положение для дальнейшего наступления в глубь Германии. Однако если выбор Юго-западного фронта для главной операции является правильным, так как после победы в Галиции русские армии могли выйти на границу Силезии с ее углем и промышленностью,—то ведение решительной наступательной операции против германцев в Восточной Пруссии, при подходе к нижней Висле, с ее крепостями, ставило русские армии в невыгодное положение для последующих операций. Кроме того усиление Северо-зап. фронта для ведения Восточнопрусской операции фактически шло за счет сил Юго-западного фронта, а новое развертывание 9-й армии у Варшавы подчеркивает, что русское главнокомандование упускает возможность задаться одной важной целью—разгромить одного из противников (австро-венгерцев), а стремится достигнуть нескольких оперативных целей, что было неисполнимо ввиду медленности развертывания русских армий, последовательная готовность которых определялась: 50% сил на 15—20 день мобилизации, 75% на 15—27 день и 100% на 36—40 день.

Сербия. Единственным планом операций для небольшой сербской армии могла быть упорная оборона до момента одержания решительной победы ее могущественными союзниками на главных фронтах войны. Общее стратегическое положение Сербии перед мировой войной не могло считаться благоприятным. Расширение ее территории в результате Бухарестского договора 25 августа 1913 г. побудило правительство к реорганизации сербской армии. Необходимо было использовать новые источники комплектования в областях Новой Сербии, и накануне войны большая часть кадровой армии была расположена в этих областях, а Старая Сербия была почти лишена войск. Это обстоятельство затруднило мобилизацию армии. Другим последствием недавних балканских войн явилось крайнее обеднение армии материальной частью, между тем на быстрое снабжение рассчитывать не приходилось.

Разработка плана операций при войне с Австро-Венгрией предусматривала два варианта: придется ли одной Сербии вступить в единоборство со своей соседкой или в союзе с Россией. Сеть австровенгерских железных дорог к северу от слияния рр. Савы и Дуная имела резко выраженный сгусток линий, свидетельствовавший о намерении австрийского Генерального штаба сразу по объявлении войны захватить Белград и затем воспользоваться долинами рр. Морава и Колубара для быстрого проникновения в глубь страны и для захвата Крагуеваца, где находился главный сербский арсенал.

Сербская армия развертывалась с целью обороны—до момента, когда выяснится общая политическая обстановка. Для этого нужно было район развертывания прикрыть течением рек Савы и Дуная со стороны главного удара австрийцев, ожидавшегося с севера, а затем необходимо было учитывать и второстепенные направления—западное и северо-западное. Соответственно этим направлениям сербские вооруженные силы под верховным начальством регента—принца Александра, при начальнике штаба воеводе Путнике, были сведены в 4 *армии: 1-я армия*, ген. Бойовича, состояла из 4 пехотных и

1 кавалерийской дивизий и имела строго оборонительную задачу по линии р. Дуная в районе Паланка, Рача, Топола, по фронту 100 *км*. *2-я армия*, ген. Степановича, образована была из 4 дивизий первой очереди и являлась маневренной группой в районе Аранджеловац, Лазаревац, Белград. Специально район Белграда обеспечивался дунайской дивизией этой армии. *3-я армия*, ген. Журишича-Штурм, состояла из 2 дивизий и 2 отдельных отрядов и представляла также маневренную группу в районе Валево. *4-я армия* носила название Ужицкой армии, под начальством ген. Бояновича. Она состояла из 2 дивизий и имела назначением прикрывать долину верхней Моравы со стороны запада и обеспечивать связь с черногорскими войсками. Таким образом из общего числа 11 сербских дивизий 8 образовали маневренную группу, прикрытую резервными дивизиями. Как только выяснилось, что Австро-Венгрии придется драться на два фронта, эта группа была готова предпринять наступательную операцию или в район Срема (Сирмия) или в Боснию. Директивой от 9 августа командующему 2-й армией указывалось немедленно начать разведку на линии р. Сава между Обреновацем и Дебрицем, чтобы армия была готова к форсированию этой реки. Нужно признать, что при ограниченных возможностях сербской армии лучшего исходного положения для нее в предстоящей борьбе за существование государства быть не могло. До осени 1915 г., т. е. в течение года с лишним, изолированная небольшая сила Сербии защищала страну от австрийцев.

Япония. (Карта 2.) Объект действий Японии ограничивался исключительно районом Тихого океана, и операции ее были направлены к овладению германской колонией Киао-Чао. На планах борьбы в Европе значение Японии выявилось в освобождении русских сибирских корпусов для направления их на европейский театр и в обеспечении сообщения России с ее союзниками через Тихий океан.

ВЫВОДЫ

Сравнивая разработку в обеих коалициях планов войны в том смысле, в каком они понимались в то время, можно сделать следующие выводы:

1. Все участники готовились задолго до войны. Они были глубоко убеждены в ее скоротечности, так как считали, что ни одно государство не в силах выдержать напряжения длительной войны. Искали быстрого решения, и поэтому везде шла подготовка к войне наступательной, которая с самого ее начала ведется с полным напряжением и стремительно заканчивается.

В военном отношении задавала тон другим государствам Германия: политическое и экономическое положение ее (возможность блокады и необеспеченность собственными ресурсами, с одной стороны, и война на два фронта, с другой) с особой настоятельностью требовали от нее добиться в кратчайший срок решительных результатов на войне.

2. Генеральные штабы обеих союзных группировок стремились создать наиболее выгодное положение для своей страны. Напряженная атмосфера нарастающих с каждым годом непримиримых интересов давала им возможность добиться от своих правительств усиления армии законодательными мерами и увеличенными кредитами; с другой стороны они стремились с этой же целью влиять на политику своих государств для углубления уже существующих и создания новых союзов и соглашений.

3. Между главными участниками обоих союзов существовали взаимные военные обязательства, намечавшие только в общих чертах размеры выставляемых сил и руководящую идею их оперативного использования в начале войны.

Между Россией и Францией существовала письменная конвенция. Постепенное уточнение этой конвенции все более стесняло свободу действий русских армий. Такой дорогою ценой уплачивала Россия за предоставленные ей Францией крупные денежные средства на развитие вооруженных сил и железных дорог.

Между Германией и Австрией не было письменных военных обязательств, но общность их культуры, географическое положение и конкретные конечные цели их союза более естественно определяли соучастие германских и австровенгерских сил в начале борьбы.

4. В силу указанных особенностей германской подготовки к войне и при наличии правильной организации и серьезной работы германского Генерального штаба, только германский план операций был проникнут одной ясной мыслью, жестко и талантливо проработан в полном согласии с руководящей идеей войны. План Шлиффена навсегда остается классическим образцом подобных работ.

5. Только германский план был построен на наибольшем использовании военнообученных людей в государстве, и сразу же рядом с полевыми корпусами выставлены были на фронт их двойники—резервные корпуса. Французское командование рассчитывало первые операции вести только полевой армией, а в России только ничтожная часть избытка живой силы была заранее учтена организационными мероприятиями военного ведомства.

Что же касается *борьбы на море и за колонии*, то к началу войны оба эти вопроса не вылились в определенную форму. Общее направление сводилось к сокращению сферы деятельности германского флота и к захвату германских колоний. Более планомерная колониальная война, вылившаяся в определенную политику захватов с целью удержать захваченное и после заключения мира, обрисовалась позднее.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ И ПЕРВЫЕ ЗАДАЧИ

Схема 6

Из приведенных выше предварительных планов сторон видно, что первоначальные военные действия должны были разыграться на нескольких отдельных крупных участках европейской территории или театрах, а именно: *Западноевропейском или Французском, Восточноевропейском или Русском и Балканском*, краткое описание которых дано выше.

Главным основанием настоящего очерка служит объединение событий мировой войны на разных театрах во *времени*, чтобы выявить связь между ними и их взаимодействие. Приняв эту точку зрения за основание, автор при подразделении изложения событий по времени будет стараться, по возможности, группировать их и по отдельным операциям. Объединение операций не по времени, а по театрам является уже задачей исследователей каждого театра в отдельности.

НА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ (ФРАНЦУЗСКОМ) ТЕАТРЕ

Схема 6

Перед началом войны атмосфера в Европе была до того сгущена, что все государства начали подготовительные военные приготовления и мобилизацию еще во время переговоров, до объявления друг другу войны, следуя примеру Австрии, первой объявившей сначала частичную, а потом и общую мобилизацию.

Почти одинаковые условия держав, столкнувшихся на Западноевропейском театре, в отношении размеров территории и развития рельсовой сети пришли к тому, что мобилизация и сосредоточение были там закончены почти одновременно при опоздании Франции по сравнению с Германией всего на 24 часа [1]. Только сосредоточение английских войск и перевозка нескольких французских частей из северной Африки немного опоздали по сравнению с полным развертыванием германцев.

1 августа Германия объявила войну России, 3 августа—Франции, а 4 августа Англия стала на сторону Антанты. Между 5 и 17 августа враждующие армии развертывались согласно заблаговременно разработанным планам и расчетам сосредоточения, под прикрытием выставленных на границе войск прикрытия, и тотчас же начали военные операции.

Германская армия. Германцы развернули на франко-бельгийской границе *34 корпуса, 10 кавалерийских дивизий*, $9^1/_2$ резервных и $17^1/_2$ ландверных бригад численностью около 1 600 000 бойцов, соединенных в 7 армий, на фронте от Аахена до верхнего Рейна, причем $^3/_4$ всех сил (26 корпусов) были сгруппированы на узком пространстве бельгийской и люксембургской границ от Аахена до Меца (около 160 *км*) и только остальная четверть (8 корпусов) к югу от Меца на фронте около 220 *км*.

В каждой из этих групп также были образованы особые сильно насыщенные участки, а именно в северной группе половина сил (13 корпусов и кав. корпус) была сосредоточена на крайнем правом фланге, от Аахена (Aix--la-Chapell) до Мальмеди, и в южной группе большая часть обеих армий на фронте Моранж (Mohrange)—Саарбург—Донон против наиболее важного и доступного участка французского барьера Нанси—Шарм.

Все армии непосредственно подчинились верховному командованию (германский император Вильгельм II, начальник штаба Мольтке) и только 6-я и 7-я были объединены в руках командующего 6-й армией—кронпринца Рупрехта Баварского.

Задача, поставленная германским армиям, исходила из известного уже нам плана войны и заключалась:

Для северной группы в быстром движении через Люксембург и Бельгию к северным границам Франции, заходя правым плечом, для чего правый фланг и включал в себя половину войск всей группы и большую часть кавалерии и выдвигался по сравнению с другими вперед [2]. На обязанности этого фланга лежал обход с запада всех встречаемых неприятельских сил. Осью захождения служил Мецкий укрепленный район и примыкавшая к нему с севера 5-я армия (кронпринца германского).

---

[1] Мобилизация и сосредоточение во Франции были закончены 18 августа, в Германии — 17 августа. В этот расчет не вошли перевозки ландверных дивизий в Германии.

[2] Первоначально на заходящем правом фланге вместо назначенных Шлиффеном 5 кав. дивизий была только одна. Эта ошибка была вскоре исправлена рокировкой конного корпуса к правому флангу (Новицкий, Мировая война 1914—1918 гг., т. I, Боевые действия в Бельгии и Франции).

Южная группа, совместно с Мецким укрепленным районом, должна была обеспечивать марш-маневр северной группы и своим выдвижением вперед на Мерту и Мозель приковать сосредоточенные там французские силы и воспрепятствовать их переброске на левый фланг. В случае наступления французов в превосходных силах между Мецом и Вогезами, 6-й и 7-й армиям надлежало сначала отойти, а затем противодействовать охвату, угрожающему левому флангу главных германских сил.

Войска Антанты. Со стороны Антанты на западном театре развернулась вся французская и бельгийская армия. К левому флангу французов должна была после высадки на побережье быть подвезена экспедиционная армия англичан.

Французские силы под главнокомандованием генерала Жоффра, согласно плану № 17, начали перевозиться в район сосредоточения 6 августа под прикрытием передовых войск пограничных корпусов. К 13 августа в армейских районах на общем фронте Монбельяр—Гирсон, протяжением в 350 *км*, было высажено 5 армий, причем уже 2 августа, по получении первых сведений о вступлении германцев в Люксембург, был принят упомянутый выше вариант № 17, по которому район сосредоточения 4-й армии продвинут был к северу— к С.-Менегуль, что более соответствовало предусмотренному планом № 17 наступлению 4-й армии севернее 3-й.

В окончательном виде французское развертывание приняло следующую форму. Правое крыло: 1-я армия, в составе 5 корпусов, 2 кав. дивизий, группы 3 резервных дивизий и крепостей Бельфора и Эпиналя, расположилась главными силами у Эпиналя, а один корпус (VII) с одной резервной дивизией— у Бельфора. Группа резервных дивизий во второй линии—у Везуля. Эта армия должна была совместно со 2-й армией наступать на Саарбург. VII корпус с 8-й кав. дивизией должен был наступать через бельфорскую «дыру» в Эльзас, удерживать там германские войска и содействовать восстанию местного населения.

2-я армия, в составе 5 корпусов, 2 кав. дивизий, группы из 3 резервных дивизий и крепости Туля, расположилась в районе Туль—Нефшато. Эта армия должна была обеспечить владение тет-де-поном у Нанси и наступать на Саарбрюкен.

Левое крыло: 5-я армия, в составе 5 корпусов, 1 кав. дивизии и 2 резервных дивизий, расположилась в районе Гирсон и Ретель, имея за своим левым флангом, у Вервен, группу из 3 резервных дивизий, а перед фронтом, на линии Мезьер—Седан, кав. корпус генерала Сорде из 3 дивизий. Задача 5-й армии поставлена была двойственная: если нейтралитет Бельгии не будет нарушен германцами, то наступать на Тионвиль и им овладеть; в противном случае—атаковать противника, дебуширующего между Музоном и Мезьером. 4-я армия, в составе 3 корпусов и 1 кав. дивизии, как сказано, должна была вместо второй линии примкнуть к правому флангу 5-й армии. 3-я армия, в составе 3 корпусов, 1 кав. дивизии, группы из 3 резервных дивизий и крепости Верден, расположилась у Вердена, служа связью между обоими крыльями. Армия должна была быть готова отбросить неприятельские силы, наступающие со стороны Меца и Тионвиля, и подготовить обложение крепости Мец. Вместе с тем эта армия должна была быть готова поддержать наступление 2-й и 5-й армий.

Всего французы развернули 21 корпус (43 пех. дивизии), 10 кавалерийских, 28 резервных и 4 территориальных дивизии. К указанным 75 пех. дивизиям нужно добавить 4 дивизии XIX (алжирского) корпуса, прибывшие

на фронт несколько позже. Всего 79 пех. дивизий. Общая численность войск на фронте к моменту окончания развертывания достигала 1 400 000 бойцов. Длина фронта развертывания, Гирсон—Бельфор, была протяжением 345 *км*, что давало *оперативную плотность: 1 пех. дивизия на 4,3 км, или на 1 км приходилось 4 060 бойцов*.

Бельгийская армия была застигнута войной в период своей реорганизации, имевшей целью значительное ее численное усиление. К началу войны численность полевой армии достигала 117 000 бойцов при 312 орудиях. Армия состояла из 6 пех. и 1 кав. дивизий под верховным командованием короля Альберта. Главные силы армии к 6 августа сосредоточились в районе Брюссель—Льеж—Намюр. В качестве авангардов были выдвинуты части 2 дивизий к Льежу и Намюру.

Английская армия, предназначенная для операций на западноевропейском театре, состояла из 4 пех. дивизий, так как 4-я и 6-я дивизии были первоначально оставлены на островах. К 21 августа 2 двухдивизионных корпуса и 1 кав. дивизия, под начальством фельдмаршала Френча, на транспортных судах прибыли через Гавр, Руан и Булонь по двум железным дорогам в район Мобеж—Ландреси. Всего англичанами перевезено было в этот момент во Францию около 70 000 бойцов. 4-я дивизия была посажена на суда в Англии лишь 23 августа и присоединилась к армии через Гавр уже после сражения у Монса. Френч не был подчинен Жоффру. В инструкции английского военного министра Китченера имелось указание, что Френч вполне самостоятелен и ни в каком случае не будет подчинен никакому союзному генералу. Сотрудничество союзных армий происходило по добровольному соглашению обоих главнокомандующих, и оперативная деятельность английской армии гораздо более считалась с мнениями английского правительства, нежели с желаниями французского главнокомандующего.

Сравнивая развертывания и ближайшие задачи обеих сторон, приходится отметить особо выгодное положение германской армии по сравнению с войсками Антанты. Германцы самым своим развертыванием выиграли весьма важный фланг противника, пространство и свободу для маневра. Они сумели сосредоточить 26 корпусов на одном направлении, против которых с трудом, и то после перегруппировок, могло действовать только около 13 корпусов французских и бельгийских войск, разделенных к тому же на две группы. Перед своим фронтом в начале маневра германцы имели только 6 бельгийских дивизий, прикрытых, правда, двумя крепостями, которые могли заставить выделить против них часть войск. На второстепенном участке к югу от Меца германцы оказались почти в равных силах с французами.

Антанта начинала здесь войну в невыгодных для себя условиях, принужденная парировать удар и надолго потерять инициативу. Свобода действий ей оставалась только к югу от укрепленного района Меца, чем она и воспользовалась, как увидим ниже, в виде слабых и разрозненных попыток, которые не могли иметь успеха, встретив одинаковые и направляемые по строго определенному плану силы германцев.

НА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ (РУССКОМ) ТЕАТРЕ

Схема 6

На востоке предстояли столкновения России с второстепенными силами Германии и с главными силами Австрии, которые, согласно предварительным планам войны, должны были разыграться в Восточной Пруссии с одной сто-

роны и на большом протяжении австро-русской границы от Вислы до Днестра— с другой. Если на западе условия мобилизации, сосредоточения и даже укрепления границ были одинаковы, то на востоке все эти условия были в пользу центральных держав. И в мобилизации, и в сосредоточении, и в богатстве рельсовыми путями русская армия намного отставала от своих врагов, что переносило борьбу обеих сторон в совершенно разные плоскости.

Восточная Пруссия, театр предстоящей борьбы с Германией, была германцами обращена в отличный укрепленный плацдарм для войны с Россией. На правом фланге этот плацдарм закреплялся системой Летценских укреплений, которая совместно с пересеченной местностью не только давала все преимущества обороне мелких отрядов, но и разобщала действия армий, вторгавшихся в Пруссию с востока и с юга. Левый фланг указанного плацдарма прикрывался крепостью Кенигсберг.

На австро-русском фронте местные условия в общем были одинаковы.

Центральные державы. *Германская армия.* Согласно планам войны, Германия в первый период кампании, до разгрома Франции, поставила себе задачей на восточном театре удерживать активной обороной Восточную Пруссию и, при возможности, оказать содействие австрийской армии наступлением в Наревском направлении. С этой целью здесь развернулась 8-я германская армия в составе:

I, XVII и XX армейских и I резервного корпусов, 3-й и 35-й резервных дивизий, 1-й кавалерийской дивизии, 1-й ландверной дивизии, 3 ландверных бригад, 2 крепостных эрзацбригад, 9½ эрзацландверных батальонов, 2 ландверных батарей и 2 ландверных эскадронов. Всего—14½ пех. и 1 кав. дивизий—178 батальонов и 24 эскадрона, в числе 173 000 бойцов и 794 орудий.

Командующий 8-й армией (ф.-Притвиц), опираясь на Летценский укрепленный район, развернул один корпус фронтом к Нареву, примерно от Млавы до Виленберга, другой—фронтом к Неману, примерно между Гольдап—Гумбинен, а остальные части оставил в резерве в районе Ангербург—Алленштейн—Мариенбург, применив их расположение к узловым станциям железных дорог для быстрой переброски в разных направлениях.

Австровенгерская армия. Из 17 корпусов австрийцы первоначально направили на русский фронт 12 корпусов, несколько отдельных дивизий и 11 кав. дивизий, разделенных на 3 армии и отдельную группу Кевеса. Остальные 3 армии были оставлены на сербской границе. Но вслед за началом военных действий австрийцы начали перекидывать на русский фронт 2-ю армию с сербского фронта, а германцы направили им на помощь с силезской границы ландверный корпус Войрша; все эти подкрепления приняли участие в первой же операции.

Австровенгерские армии развернулись на русском фронте следующим образом:

Ударная группа—1-я и 4-я армии, 7 корпусов и 4 кав. дивизии—развернулась от Вислы по р. Сану и далее к востоку от Перемышля, имея целью наступать между Вислой и Зап. Бугом, заходя левым плечом и отбрасывая русские армии от Вислы на восток. Группа, прикрывавшая операцию с востока—3-я армия и армия группы Кевеса, впоследствии включенные во 2-ю армию, всего 4, впоследствии 6 корпусов и 6 кав. дивизий,—развернувшаяся фронтом на восток в районах Львова и Станиславова. Левый фланг прикрывался по левому берегу Вислы арм. группой Куммера, наступавшей из Кракова, и германским корпусом Войрша, направленным от силезской границы на Ивангород.

Всего австрийцы к 20 августа первоначально развернули 35 пех. и 10 кав.

дивизий и 7 ландверных бригад, численностью до 787 000 бойцов и ожидали прибытия еще 7½ пех. и 1 кав. дивизий, общей численностью до 264 000 бойцов.

Таким образом для главного удара, принимая возможность участия в нем группы Куммера и корпуса Войрша, т. е. в лучших условиях, было сосредоточено менее ⅔ всех развернувшихся сил и для обеспечения его свыше ⅓; важное политическое значение Львова и близость развертывания восточной группы к путям отступления ударной группы заставляли армию обеспечения сделать достаточно сильной.

Верховным главнокомандующим австрийской армии был эрцгерцог Фридрих при начальнике штаба ген. Конраде ф.-Гетцендорф. Общее командование германскими и австрийскими войсками на Восточном фронте объединено в одних руках не было.

Русская армия. Верховным главнокомандующим русскими армиями состоял дядя царя, Николай Николаевич, при начальнике штаба ген. Янушкевиче. Армии, предназначенные действовать против германского и австрийского фронтов, были объединены в группы (фронты), которыми командовали: германским (Северо-западным)—ген. Жилинский и австрийским (Юго-западным)—ген. Иванов.

На *германском фронте* развернулись две армии: 1-я (ген. Ренненкампф), в составе 3½ корпусов, с семью второочередными дивизиями, 1 стрелковой бригады и 5½ кав. дивизий, по Неману, на фронте Ковна—Олита с выдвинутыми вперед прикрывающими частями и кавалерией, и 2-я (ген. Самсонов), в составе 5½ корпусов, 4 второочередных дивизий и 3 кав. дивизий, на фронте Августов—Остроленка—Новогеоргиевск, имея кавалерию перед фронтом и на флангах.

I армейский корпус по боевому расписанию был предназначен в состав 1-й армии, но 10 августа этот корпус был направлен к Варшаве для включения в состав вновь формируемой 9-й армии. 23 августа II армейский корпус был переключен из состава 2-й армии в 1-ю армию, и взамен II корпуса в состав 2-й армии был назначен I армейский корпус.

Обе армии развернулись без стратегических резервов, с открытым промежутком около 45 *км*, приходившимся против Летценского укрепленного района Мазурских озер; обе они были, считая второочередные дивизии 1-й армии, почти одинаковой силы, но Неманская армия была более сосредоточена (около 65 *км*), а Наревская разбросана на фронте около 220 *км*.

Они охватывали Восточную Пруссию с востока и с юга, и, хотя к началу операций (17—19 августа) указанная выше численность их не доходила до 75% полного состава, русские армии имели значительное превосходство над германскими силами.

Первоначальная задача армий Северо-западного фронта состояла в быстром наступлении их в западном и северо-западном направлениях с целью обойти немцев с обоих флангов, разбить противника, отрезать его от Кенигсберга и захватить пути его отступления к Висле. При этом в основу плана была положена *быстрота*, с целью отвлечь германские силы с французского фронта, в ущерб готовности операции, предполагавшейся с вполне сосредоточенными и правильно развернутыми корпусами.

На *австрийском* фронте развертывались 4 армии (3-я, 4-я, 5-я и 8-я) Юго-западного фронта в трех отдельных группах:

Западная группа от Вислы до Западного Буга, из 4-й и 5-й армий (ген. Зальца, замененный Эвертом, и Плеве), 7½ корпусов и 8½ кав. дивизий, на фронте Люблин—Ковель (около 130 *км*). Ровенская группа в на-

правлении на Львов, 3-я армия (ген. Рузский) из 4 корпусов и 4 кав. дивизий на фронте Луцк—Кременец. Проскуровская группа в направлении между Львовом и Днестром, 8-я армия (ген. Брусилова) из $4^1/_2$ корпусов и 3 кав. дивизий. Таким образом Юго-западный фронт развернулся по дуге свыше 400 *км*, имея меньшую часть своих сосредоточенных сил на правом фланге, а остальные отброшенными уступом назад на Ровненском и Проскуровском направлениях.

Первоначальная задача фронта сводилась к нанесению поражения австро-венгерским войскам, имея в виду воспрепятствовать отходу из Галиции значительных сил противника на юг за Днестр и на запад за Краков.

Выполнение этой задачи должно было вылиться в концентрическое движение всех армий с целью охватить противника с обоих флангов, причем, ввиду ошибочного предположения русского Генерального штаба об отнесении австрийцами своего развертывания более на восток, чем это было в действительности, наступление правофланговой, 4-й армии было указано на Перемышль, т. е. на фронт австрийского расположения, а левофланговый, 8-й армии—между Львовом и Днестром, т. е. против фронта перевозимой сюда из Сербии 2-й австрийской армии.

Образование *Варшавской группы.* Выступление на стороне Антанты Англии и Японии давало возможность уменьшить число войск, предназначенных для обеспечения Балтийского побережья, и снять войска, оставленные на Дальнем Востоке. Это предоставляло в распоряжение верховного главнокомандующего лишних 4—6 корпусов, которыми он решил воспользоваться для лучшего выполнения франко-русской конвенции и, сосредоточив их на левом берегу Вислы в районе Варшавы, образовать 9-ю армию для наступления с ними в глубь Германии через Познань или Бреславль. Соответствующие распоряжения были сделаны во время сосредоточения войск, но к началу операции к Варшаве прибыло только 2 корпуса. Впоследствии ход первой операции заставил временно отказаться от идеи наступления от Варшавы на Берлин и направить 9-ю армию на Юго-западный фронт.

Сравнивая положение сторон на Восточном театре, можно отметить:

1. Центральные державы могли начать кампанию, сосредоточив все назначенные для нее силы и даже исправив первоначальные ошибки в развертывании (переброска 2-й австрийской армии на сербский фронт, а потом в Галицию в район Ходорова привела к запаздыванию развертывания эшелова А» на 5 суток, а «эшелона В»—на 7—10 суток). Россия должна была начать операцию, сосредоточив не более 75% предназначенных сил и не успев занять правильного исходного положения, в особенности на Юго-западном фронте, где Ровненская и в особенности Проскуровская группы были сильно оттянуты назад.

2. Несмотря на это, на германском фронте численное превосходство русских армий давало полную надежду на успех операции с двойным охватом при условии правильно комбинированных и правильно веденных обеими армиями операций.

На австрийском фронте численное превосходство в начале операции на стороне русских было очень незначительное, а разбросанное и уступное их положение с сильно оттянутым назад левым флангом давало австрийцам возможность, при развитии энергии в наступлении и искусном управлении, нанести отдельное поражение сильно выдвинутому вперед правому флангу русской армии. По мере сближения русских армий все выгоды переходили на их сторону и приводили к окружению австрийцев.

3. Австрийское развертывание, приспособленное к отходу правого русского фланга, вполне отвечало по расположению левого фланга их армий этому условию, так как фланг выигрывался самым развертыванием; здесь не было только выполнено условие сосредоточения подавляющего превосходства в силах.

4. Развертывание русских армий и направление первоначального удара было основано на предвзятом предположении о развертывании австрийских сил много восточнее, почему и удар их был нацелен не в обход флангов, а на фронт.

5. Развертывание и план операции германской 8-й армии вполне соответствовали складывающейся обстановке, характеру театра и отличному оперативному использованию богатой рельсовой сети.

6. Русское командование в лице обширных стратегических резервов, прибывавших с дальних окраин (около 22 дивизий), имело в своих руках внушительные средства для питания операций на обоих фронтах, в чем ему уступали его противники.

НА БАЛКАНСКОМ ТЕАТРЕ

Схема 6

Сербы со своей небольшой армией могли ожидать нападения на северную свою границу со стороны Дуная и Савы и на западную со стороны Дрины. Поэтому, они, прикрыв обе границы, сосредоточили главные силы своих войск в гористом районе к востоку от Валево (Valievo) почти в одинаковом расстоянии от обоих возможных театров операций. Во главе армии стоял воевода Путник.

Австрийцы, перекинув в самом начале операции 2-ю армию на русский фронт, развернули 5-ю армию по Саве и 6-ю по Дрине для широкого наступления против сербов в охват обоих флангов их расположения. В этом отношении обстановка на сербском театре была схожа с обстановкой в Восточной Пруссии. Та же активная оборона с одной стороны и охватывающее положение наступающего в превосходных силах—с другой. И то же качественное превосходство более слабой стороны. Но в положении обоих театров замечается и большое различие: германцы оборону свою строили на отличной системе укреплений и превосходной сети железных дорог, сербы же действовали в горной стране с весьма слабо развитой сетью даже грунтовых путей.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

КАМПАНИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ГОДА

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕРИОД 4—25 АВГУСТА

КАМПАНИЯ 1914 г.

Все европейские империалистические державы начали войну с широкими планами решительного наступления, имея в виду в самый кратчайший срок покончить с противником. Поэтому характер войны в этом году на всех фронтах был маневренный, обильный многими кризисами и катастрофами. Война велась с полным напряжением сил войск и с щедрым расходом огнеприпасов.

Но окончить войну быстрым молниеносным ударом при многомиллионных армиях, при обилии средств борьбы, при относительном равенстве сторон и при современном развитии техники—не удалось. К концу года обе стороны убедились в том, что молниеносного окончания войны, когда вся Европа борется не на жизнь, а на смерть, ожидать нельзя и что война будет длительная. Кампания этого же года показала, какой неисчерпаемый запас средств и какое напряжение целых наций требует современная война.

На Французском театре к половине ноября маневренные порывы обеих сторон истощились, фронт там стабилизовался, стороны закопались в землю, чтобы обеспечить свое положение и накопить новые средства для наступления. Этим они, совершенно не желая того, положили основание *позиционной войне*, под знаком которой в дальнейшем прошла вся европейская война до 1918 г.

На Русском театре, где пространство не было так насыщено войсками и оставалась свобода для маневра, этот характер войны удержался до конца года.

РАЗДЕЛЕНИЕ КАМПАНИИ 1914 г. НА ПЕРИОДЫ

В зависимости от одновременно развивавшихся событий на главных театрах войны кампанию 1914 г. можно разделить на следующие главные периоды:

1. *С 4 по 25 августа: на Французском театре*—наступательные попытки французов в Эльзас-Лотарингии; наступление германцев на Бельгию и сражение на северо-восточной границе Франции, или пограничное сражение.

На *Русском театре*—наступление русских: удачное для них Гумбинен—Гольдапское сражение и неудачное начало Галицийской битвы.

На *Балканском театре*—первое наступление австрийцев против Сербии.

2. *С 25 августа по 5 сентября:* на *Французском театре*—отступление войск Антанты к Марне и перегруппировка их. На *Русском театре*—*неудачное* наступление русской Наревской армии и развитие Галицийской битвы.

3. *С 5 по 20 сентября:* на *Французском театре*—Марнское сражение и отступление германцев. На *Русском театре*—очищение русскими Восточной Пруссии и разгром австрийцев в Галиции. На *Балканском театре*—второе наступление австрийцев против Сербии.

4. *С 20 сентября по 10 ноября: на Французском театре*—борьба в Пикардии и во Фландрии. На *Русском театре*—операции на Висле и Сане, в левобережной Польше и Лодзинская операция.

На *Балканском театре*—борьба на территории Сербии.

Дальнейшее исследование будет объединено в соответствующих периодах по всем фронтам с прибавлением одновременных операций на море и в колониях.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР

Война началась немедленно после разрыва вступлением (4 августа) германских войск в Бельгию и Люксембург; 13 августа после борьбы, длившейся несколько дней, была взята крепость Льеж, и германцы окончательно открыли своим армиям проход через р. Маас. Хотя расположенная вверх по Маасу крепость Намюр и держалась до 24 августа, но германские армии обтекали ее в своем наступлении, обеспеченные сосредоточенными против крепости заслонами.

Для французского командования факт нарушения бельгийского нейтралитета и угроза их левому флангу делались неоспоримыми. Но размеры этой угрозы и настоящий план германцев не вылились еще для них в действительную форму. В Бельгию для связи с бельгийской армией и для выяснения обстановки был направлен кавалерийский корпус Сорде в составе 3 кав. дивизий, 1 пех. полка и нескольких броневиков. Этот корпус был выдвинут на фронт Нефшато—Бастонь—Хуфализ. Других же мер, кроме сдвига во время сосредоточения 5-й армии влево и ввода 4-й в первую линию, принято не было.

ДЕЙСТВИЯ В ЭЛЬЗАСЕ И ЛОТАРИНГИИ

Схема 7

Ген. Жоффр, приняв первоначально выжидательное расположение с целью наступать в зависимости от выяснившейся группировки противника, уже 8 августа склоняется к наступлению, имея в виду вести его правым флангом на Майнц.

Директивой от *8 августа* французским армиям указывалось наступление всем фронтом, опираясь правым флангом на Рейн. 1-й и 2-й армиям (10 корпусов) ставилось задачей наступление на Саарбург и Саарбрюкен, а 3-й, 4-й и 5-й армиям между Верденом и Мезьером на Люксембург и Бельгийский Люксембург, в которых, по сведениям французов, группировались значительные силы германцев.

Наступление 1-й и 2-й армий состоялось, но на левом французском фланге обстановка так быстро изменилась, что предположенное здесь наступление не могло иметь места.

На своем правом фланге французы имели незначительное преимущество в численности бойцов, а именно против 29½ пех. и 4 кав. дивизий на фронте Альткирх—Намени германцы сосредоточили 26 пех. и 3 кав. дивизий, т. е. против французских 420 батальонов, 161 эскадрона и 1 648 орудий

было сосредоточено германских 328 батальонов, 143 эскадрона и 1 766 орудий. Считая длину фронта в 175 *км*, оперативная плотность: у французов на 1 *км*. 2,4 тысячи бойцов и 9 орудий; у германцев 1,9 тысяч бойцов и 10 орудий.

В основу германского плана на этом фронте была положена активная оборона с целью обеспечения левого фланга ударной группы их армий и удержания на юге возможно большего числа французских войск. Этим и определяется характер действий германцев в предстоящей операции.

Согласно директиве Жоффра, 1-я армия своим правым флангом должна была наступать через Кольмар к мостам на Рейне, а 2-я—своим левым флангом прикрываться со стороны Меца. Командующий 1-й армией выполнил свою задачу наступлением веерообразно отдельными колоннами с фронта Бельфор—Эпиналь на фронт Мюльгаузен—Кольмар—проход Донон—Саарбург (около 100 *км*). Командующий 2-й армией двинул свою армию более сосредоточенно на фронт Саарбург исключительно—Моршинген (около 40 *км*). 14 августа армии начали свое наступление, но, имея в виду уже развивающиеся в Бельгии события, им поставили более ограниченную, чем прежде, главную цель, а именно—удержать германцев от переброски их войск на правый фланг. Первоначальное наступление имело успех, и к 19 августа 1-я армия достигла назначенной ей линии, а 2-я выдвинулась к востоку от р. Сейль, войдя у Саарбурга в связь с соседом справа. Этим и ограничился здесь временный успех французских армий.

6-я и 7-я германские армии перешли в контратаку, направив 8 корпусов на фронт Понт-а-Муссон—проход Донон и ландверные дивизии против Кольмара и Мюльгаузена. Этот сильный и сосредоточенный удар заставил французские армии после ряда встречных боев отходить назад, и к 23 августа они расположились, получив оборонительную задачу: 2-я армия по Мозелю и р. Мортан Понт-а-Муссона до Шарма, 1-я армия—развернутой частью в перпендикулярном направлении от Шармского леса на Бадонвилер и далее на С. Дие; Бельфор прикрывался особым отрядом.

Германцы, преследуя французов, остановились передовыми частями на линии Серес и по р. Мерта, захватив на ней переправу у С. Дие, а передовым отрядом—переправу через р. Мортан у Жербевилера. Против Бельфора они выдвинулись на линию Гебвейлер—Сенгейм—Пфирт.

За время операции два германских и два французских корпуса были сняты с Эльзас-лотарингского фронта и командованием обеих сторон направлены на усиление северных групп, где на полях Бельгии и северной границы Франции разыгрывалось Пограничное сражение. Французское наступление, веденное на весьма широком фронте с разбросанной 1-й армией и приведшее к ряду встречных боев, не выполнило, несмотря на превосходство сил, ни одной поставленной ему верховным командованием задачи. Выгода его заключалась, пожалуй, только в том, что германцы вошли в тесное соприкосновение с сильным противником, которое делало затруднительным для них ослабление в дальнейшем южного фронта, прикрывавшего сообщения южногерманских армий.

НАСТУПЛЕНИЕ НА БЕЛЬГИЮ

Схема 7

7 августа, еще до взятия германцами Льежа, их правофланговая 1-я армия, прикрытая кав. дивизией, переправившись через Маас, направилась

к Брюсселю; 2-я армия, переправившись через Маас южнее Льежа (у Гюи) и прикрывшись со стороны Намюра, направилась на Шарлеруа [1].

Бельгийская армия сосредоточилась за р. Жетт (Gette) для прикрытия Брюсселя и Антверпена, что задержало наступление германцев до 18 августа. Только в этот день бельгийцы, после ряда частных столкновений и угрожаемые охватом на р. Жетт с обоих флангов, начали отход к Антверпену, так как движение их к р. Самбра на соединение с французами находилось уже под угрозой наступающей к Монсу 2-й германской армии.

Кавалерийский корпус Сорде, после своего бесплодного рейда, не восстановив связи с бельгийцами, переправился обратно на левый берег Мааса и 15 августа отошел севернее Мобежа для прикрытия левого фланга 5-й армии и для обеспечения связи с англичанами.

С 15 августа обстановка начинает проясняться для ген. Жоффра, но, не рассчитывая на ввод германцами в дело резервных корпусов, он еще считает силы противника гораздо меньше. С этой минуты он начинает принимать решительные меры к усилению своего левого фланга и к выдвижению его на Самбру для совместных действий с бельгийцами и англичанами. Время однако для такого сосредоточения и правильного развертывания было упущено.

16 августа начинается переброска 5-й французской армии главными силами к Филиппевилю; на усиление ее направляется корпус из 2-й армии и группа резервных дивизий; в районе Аррас—Лилль сосредоточиваются территориальные дивизии Д'Амада. Бой у Данана 15 августа 1 французского корпуса с 3 германскими указывает французам на опасность грядущей переправы германцев через Маас и южнее Намюра.

Германцы, получив после отхода бельгийцев на Антверпен почти полную свободу действий, двинулись рядом форсированных маршей для выполнения своей основной задачи. Согласно директиве от 20 августа, 1-я и 2-я германские армии продолжали наступать против неприятеля к западу от Намюра и в связи с наступлением 3-й армии на участок р. Маас—Намюр—Живэ. Основная идея наступления германцев заключалась в атаке правым крылом западнее р. Мааса с предоставлением армиям широкой самостоятельности в выборе способов для выполнения этой атаки.

Но на своем пути германские армии должны были столкнуться с английской армией, сосредоточиваемой у Мобежа, и 5-й французской, спешившей на Самбру и сосредоточиваемой своими главными силами у Филиппевиля. Такая обстановка и привела к *Пограничному сражению*.

Директивой *20 августа* ген. Жоффр, указав войскам на движение германских армий с востока на запад с целью обойти с севера французские силы, поставил своим армиям задачу «атаковать неприятеля во фланг сразу на всех пунктах». 3-я и 4-я армии должны были 21 августа атаковать совместно в направлении на Арлон (Arlon) и Нефшато (Neufchâteau) [2]. При этом 4-я армия имела задачей зажать в мешок между Маасом (к северу от Динана) и Уртой германские войска, сосредоточенные к югу от Мааса, а 3-я—наступать уступом за правым флангом 4-й, прикрывая ее правый фланг

---

[1] В директиве германского главнокомандования от 10 августа указывалось 2-й армии наступать правым флангом на Вавр, что направляло ось маневра 2-й армии на Шарлеруа.

[2] Идея этого маневра — удерживать германцев с фронта 5-й и английской армиями и нанести удар по их тылам 3-й и 4-й армиями.

от всех попыток против него неприятельских войск, сосредоточенных в Люксембурге.

Согласно директиве Жоффра от 21 августа, 5-я армия получила задачу, опираясь на р. Маас и крепость Намюр, атаковать северную германскую группу. Английская армия должна была содействовать 5-й армии, поддерживая связь с ее левым флангом и выдвинув свои главные силы в направлении на Суань.

Для того, чтобы при этой операции освободить 3-ю армию от всяких забот со стороны Меца, была образована из резервных дивизий как этой армии, так и расформированной Альпийской армии (всего 8 резервных див.) *Лотарингская армия*, имевшая задачей подготовительные работы к блокированию Меца и обеспечению района верхнего Мааса.

Указанные директивы ген. Жоффра должны была повести к встречному столкновению с 20 по 25 августа 4 англо-французских армий с 5 германскими, которые энергично выполняли свой первоначальный план и были несколько задержаны бельгийцами до отступления их к Антверпену. Столкновение должно было разыграться на фронте около 200 *км*, примерно от Вердена до Суань, и с обеих сторон здесь было сосредоточено до 40 корпусов и 16 кав. дивизий (у французов 16 корпусов, некоторые из них более сильного состава, чем у германцев, и 7 кав. дивизий, а у германцев 23 корпуса и 9 кав. дивизий), из которых впрочем не все приняли участие в бою. Ко времени приведения в исполнение директивы Жоффра стороны занимали следующее положение:

Германские армии: 1-я и 2-я всего 10 корпусов (сверх того 2 корпуса 1-й армии были направлены к Антверпену за бельгийской армией)—к западу от Мааса, примерно между Брюсселем и Намюром, который не был еще взят.

3-я (3 корпуса)—передовыми частями на правом берегу Мааса к югу от Намюра до Живе (Givet).

4-я и 5-я армии (10 корпусов и 7 кав. дивизий)—в наступлении от верховьев Урты и от Люксембурга на Маас между Мезьером и Верденом в направлении к Уасскому проходу, чтобы, как говорят французские источники, замкнуть вместе с 1-й армией нацеленное на французов ганнибаловское кольцо окружения. К 21 августа фронт этих армий шел от Палиселя через Нефшато и Лонгви до Одена.

Французские армии все еще находились к этому времени в периоде перегруппировок и усиления их за счет 1-й и 2-й армий, наступление которых к югу от Меца, как известно, не удалось. Новая Лотарингская армия расположилась к востоку от Вердена, в Вёвре (Woëvre) у Этена (Etain). Задача ее, как известно, состояла в подготовке блокады Меца и в обеспечении района верхнего Мааса. Севернее Лотарингской армии, на правом берегу Мааса, примерно от Этена до Мезьера, были расположены 3-я и 4-я армии, всего $8^1/_2$ корпусов и 3 кав. дивизии, причем более сильной ударной армией была левофланговая, 4-я, состоявшая из $5^1/_2$ корпусов. 5-я армия, с 16 по 20 августа совершала указанный ей переход к Самбре (главные силы у Филиппевиля), под прикрытием со стороны Мааса I корпуса, который 15 августа отразил у Динана попытку передовых частей 3-й германской армии переправиться через Маас. 20 августа 5-я армия прикрывала 1 корпусом Маас, а 2 занимала участок Самбры от Шарлеруа до Намюра, который, хотя и обложенный германцами, продолжал еще держаться. Резервные дивизии и XVIII корпус, направленные на усиление армии, находились еще

в пути, и полного сосредоточения всех сил можно было ожидать 22 августа.

Английская армия (4-я дивизии и 1-я кав. дивизия) сосредоточилась 21 августа между Мобежем и Валансьеном. Между нею и 5-й французской армией собрался совершенно истощенный кав. корпус Сорде.

Сосредоточенное к северу от Вердена расположение французов, имевшее место в начале войны, переходит постепенно, при желании предугадать маневр противника и использовать его в целях атаки, в расположение растянутое, и к началу *Пограничного сражения* мы видим уже 3 группы армий Антанты, не считая бельгийской у Антверпена, совершенно потерявшей связь со своими союзниками: 1) арденская (3-я и 4-я армии), 2) между Маасом и Самброй (5-я армия) и 3) у Мобежа (английская армия). И если две последние связывались между собою корпусом Сорде, то первая была уже отделена от них, почти при отсутствии связи, открытым промежутком в 50 *км*.

План ген. Жоффра был основан на двух неверных данных, а именно, на неправильном учете группировки германских войск, а также быстроты их движения, и на превратном определении их сил. Рассчитывая, что германцы еще в Брюсселе, он нашел их на полях Монса и Шарлеруа; думая встретить в Арденах незначительные германские силы и неожиданно атаковать их, он столкнулся там с силами превосходными, более подготовленными к маневрированию и к действиям на пересеченной местности, которые к тому же сами шли атаковать французов. Наступление Жоффра и к северу от Вердена приняло веерообразное направление, несмотря на то, что, будучи слабее вообще, он был слабее и на каждом участке.

ПОГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ

Итак, Пограничное сражение одновременно развивалось в трех отдельных группах: в Арденах, на низовьях Самбры и у Монса, и может быть подразделено соответственно на три частные операции.

АРДЕНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Схема 76

Согласно директиве 20 августа, 4-я французская армия должна была атаковать в направлении на Нефшато, и 3-я—на Арлон, т. е. в направлении на северо-восток. При этом наступлении, имея правый фланг выдвинутым вперед, они должны были встретиться с 4-й и 5-й германскими армиями, наступавшими на запад к Маасу в уступном порядке корпусов. Таким образом, французская армия при своем движении подставляла корпуса последовательным ударам в правый фланг. Обе стороны наступали в одну линию корпусов, и вся операция вылилась в ряд встречных боев, складывавшихся в большинстве в пользу германцев.

23 августа французы уже не могли продвигаться вперед, а 24-го—были принуждены отказаться от продолжения наступления и отойти за свою границу.

25 августа 4-я армия отошла за Маас и расположилась между Музоном (Mouzon) и Мезьером, а 3-я армия—впереди Мааса в Восточном Аргонском лесу, севернее Вердена.

Французы приписывают этой операции большое стратегическое значение как расстроившей проекты германцев о двойном окружении французской армии, так и оттянувшей 4-ю и 5-ю германские армии на юг.

САМБРО-МААССКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Схема 7а

5-я французская армия в действительности к 20 августа вечером сосредоточила на низовьях Самбры между Шарлеруа и Намюром только 2 корпуса (III и X), эшелонированные в глубину. Намюр, гарнизон которого был усилен одной бельгийской дивизией, еще держался. I корпус обеспечивал фланг 5-й армии со стороны Мааса от Намюра до Живе. Левый фланг обеспечивался кав. корпусом Сорде. Шедшие на усиление этой армии XVIII корпус (из 2-й армии) и группа резервных дивизий находились еще в 1—2 переходах сзади, так же как и англичане, бывшие еще в районе Ландреси—Васинеш. Германцы к этому времени заняли Брюссель (1-й армией) и, обтекая Намюр (2-й армией), стремились на запад.

Командующий 5-й французской армией ген. Ланрезак, которому была предоставлена свобода в выборе времени для наступления, решил атаковать по сосредоточении всех сил, т. е. 22 числа. Главный удар он предполагал нанести своим правым флангом (I и X корпуса), под покровительством тяжелой артиллерии Намюра, в то время как левый фланг (III и XVIII корпуса) будут удерживать противника перед Шарлеруа и далее на запад.

Но германцы не дали французам времени для сосредоточения, и 21 августа корпуса 2-й армии (Бюлова) повернули на юг для форсирования Самбры, а 1-й армии (Клука) усиленным маршем направились на юг на помощь Бюлову и для охвата левого фланга французов. Гвардейский и X корпуса Бюлова овладели переправами через Самбру и начали просачиваться между III и X французскими корпусами; VII корпус сбил конницу Сорде и угрожал обходом левого фланга ген. Ланрезака.

22 августа французы решили восстановить положение на Самбре и перешли в скороспелую контратаку, плохо подготовленную артиллерийским огнем. Но германцам, введшим в дело новые силы, удалось овладеть Шарлеруа; распространяясь же на юго-запад, они угрожали окружением III корпусу, который был спасен только запоздалым прибытием к его левому флангу в Тюинь (Thuin) XVIII корпуса. Все-таки к вечеру французы принуждены были отойти на фронт Тюинь—Фоос, дав германцам окончательно утвердиться на Самбре.

На 23 августа французы решили продолжать бой, воспользовавшись на этот раз I корпусом, освобожденным от охраны Мааса подошедшими резервными дивизиями. Удерживаясь на фронте, они решили этим корпусом атаковать во фланг прусскую гвардию. Но за ночь обстановка на правом фланге французов резко изменилась в худшую сторону. Намюр, составлявший опору правого фланга, не мог более держаться; авангард 3-й германской армии форсировал Маас южнее Динана, а 4-я французская армия начала свое отступление за Маас. При таких условиях ген. Ланрезак решил прекратить сражение, отвести свою армию на фронт Живе—Мобеж и восстановить этим свою связь с 4-й армией.

В сражении на нижней Самбре столкнулись, с одной стороны, отлично выполняемый армией Бюлова марш-маневр, при одинаковой готовности развернуть корпуса и на запад и на юг и наличии полной связи в действиях между этой армией и соседом справа (1-я армия), который, как только начался бой у Бюлова, направил свои корпуса для совместной с ним работы, и с другой—случайное сражение для 5-й французской армии, нахо-

дившейся еще в периоде сосредоточения, без определенного плана и без точного представления о группировке сил противника. При таком положении одинаковое упорство войск обеих сторон не могло принести победы французам.

СРАЖЕНИЕ У МОНСА

Схема 7А

Тем временем англичане (2 корпуса в 4 пех. дивизии и 1 кав. дивизия), под командой фельдмаршала Френча, сосредоточились 21 августа на фронте Мобеж—Валансьен, а 22-го—во исполнение желания Жоффра о наступлении английской армии на Суань, выдвинулись на линию Монс—Конде, в то время как 5-я французская армия отошла уже на линию Тюинь—Фосс. Армию Клука англичане предполагали в этот день находившейся еще на высоте Брюсселя. 23 августа Френч оказался с утра атакованным с фронта подоспевшими на выстрелы к армии Бюлова 3 корпусами Клука, с правого фланга VII корпусом 2-й армии, а левому его флангу грозила германская конница Марвица. При таких условиях Френч отдал вечером приказ об отступлении первоначально на фронт Мобеж—Валансьен, а потом—в окрестности Ле-Като—Камбре, где английская армия и сосредоточилась 25 августа.

Пограничное сражение окончилось на Западном фронте победой германцев и неудачей французов. Такие результаты получили свои основания в планах сторон, в их стратегическом развертывании и в тех задачах, которые ставились войскам.

Со стороны *германцев*—строго определенный план, соответствующее ему стратегическое развертывание, направление главных сил и средств для выполнения одной задачи, не разбрасываясь в разные стороны, искусство маневрирования, взаимодействие различных родов войск и отличная тактическая подготовка. Со стороны *французов*, хотя в основу их плана и было положено наступление по выяснении группировки противника, все действия происходили вслепую, без тесной взаимной связи друг с другом. У них еще не было выяснено строго определенного направления главного удара, а желание атаковать всюду при охватывающем положении противника приводило к веерообразному наступлению. Следствием такой обстановки случилось то, что французы нигде не имели необходимого перевеса в силах, очень часто были атакованы противником в период перегруппировок и, столкнувшись к тому, еж с отлично подготовленной армией, всюду терпели неудачи.

Но зато этот первый период войны, в котором с успехом осуществлялась железнодорожным маневром рокировка корпусов к левому флангу и центру всего фронта, послужил хорошим фундаментом для последующей победы французов.

Германцы переоценили свой успех и считали французскую армию уже в корне подорванной, а свою победу в будущем легкой и обеспеченной. Французы же своевременным отступлением на всех фронтах сумели сохранить свою армию, выявили наконец реальную обстановку, пережили период зловредного шатания стратегической мысли и, остановившись на определенном плане, направили все свои силы для выполнения его. Эта работа французского командования относится уже ко второму периоду кампании.

БАЛКАНСКИЙ ТЕАТР

СЕРБСКИЙ ФРОНТ

Схема 8

Сербы, согласно плану войны, сосредоточили свои главные силы на центральной позиции у Валева, прикрывая границу по Саве и Дрине передовыми частями. Австрийцы развернули армии по Саве и Дрине.

Свое наступление в Сербию они начали только 12 августа, хотя Белград бомбардировали уже в последних числах июля. Наступление велось на фронте от Шабаца до Лиубовия, протяжением около 160 *км,* при разброске колонн по редким разъединенным дорогам. Сербы, отказавшись от обороны столицы, сосредоточили свою армию в центральном положении и 15 августа расположились главными силами на горном хребте, доминирующем над долиной притока Дрины Ядара, примерно от Варны до Крупаны.

16 августа на фронте в 40 *км* разгорелся бой, который продолжался до 20 числа. Сербы, сначала отброшенные в центре, затем перешли в контратаку, помешали соединению различных австрийских колонн и окончили прорывом австрийского фронта, отбросив противника в беспорядке в долину Ядара. 24 августа австрийцы, потеряв 50 000 пленными и многочисленные запасы, отошли за Саву и Дрину. Сербы заняли на правом берегу Савы Митровицу и Землин, но не могли их удержать. Победа сербов временно обеспечивала русский фронт от дальнейшей переброски туда IV австрийского корпуса.

РУССКИЙ ТЕАТР

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Схема 9А

Первый период кампании 1914 г. на Восточном театре прошел со стороны русских под знаком желания выполнить во что бы то ни стало все обязательства перед французами и оттянуть на себя германские силы, совершенно не сообразуясь со степенью готовности армий.

Оборона Восточной Пруссии была возложена на 8-ю германскую армию. в составе 4 армейских корпусов: I, XVII, XX армейских и I резервного, 3-й резервной дивизии, 3-й ландверной дивизии фон-дер-Гольца, 6-й и 70-й ландверных бригад, отряда Гендюка, 1-й кав. дивизии и гарнизонов крепостей[1], а всего около 13 пех. и 1 кав. дивизий или 196 батальонов, 89 эскадронов и 1 044 орудия, из них 39 тяжелых, под общим командованием ген. Притвица, которому была поставлена задача—обеспечить восточные границы Германии от вторжения русских армий. Директива Мольтке от 6 августа ставила 8-й армии задачи: 1) выиграть время для переброски войск с французского театра; 2) поддержать австрийское наступление и 3) удерживать в своих руках Вислу как базу.

Для выполнения этой задачи ген. Притвиц решил, пользуясь широко развитой и оборудованной сетью железных дорог, действовать по внутрен-

---

[1] Торна—35-я рез. див.; Кенигсберга—рез. див. ген. Бродрига, ландв. бриг., ландштурм. и эр. вой к; ландв. бриг. Кульма, Грауденца и Мариенбурга. Проф. И. И. Вацетис, Операции на Восточной границе Германии в 1914 г., ч. I, Восточнопрусская операция, Гиз 1929, стр. 19—20.

ним операционным линиям и, смотря по обстоятельствам, наносить удары в Неманском и Наревском направлениях. Первая угроза для Восточной Пруссии обнаружилась в Неманском направлении со стороны 1-й русской (Виленской) армии.

Получив известие об ожидаемом наступлении русско-неманской армии, ген. Притвиц решил, прикрываясь со стороны Наревского направления, стянуть свои силы к левому флангу и дать русской Неманской армии отпор. При этом германцы почему-то рисовали себе наступление 1-й русской армии на фронт южнее Роминтенской рощи—Августов и развертывали свою 8-ю армию, якобы в обход правого фланга русских.

По директиве Притвица 14 августа XX корпус сосредоточивался в районе Ортельсбурга с целью прикрытия от русского наступления района южнее озера Спирдинг и имея в виду возможность активных действий в сторону Иоганнисбурга. Прочие части 8-й германской армии по вышеуказанной директиве должны были быть переброшены в Неманском направлении и развернуться на линии Иоганнисбург—Летценский озерный район—р. Ангерап. К 18 августа вся армия могла быть в сборе и на следующий день начать контрудар.

8-я армия вывела в поле около 13 дивизий, что давало русским полуторное превосходство только при условии совместных действий 1-й и 2-й армий. Одну треть своих войск (4 дивизии) Притвиц оставил против удаленной 2-й русской армии и две трети против 1-й; 1½ дивизии этих войск занимали озерные дефиле. Таким образом численного превосходства при последовавшем столкновении у 1-й русской армии не оказалось, а озера, укрепления и сеть рельсовых путей делали ее операцию без связи со 2-й армией весьма трудной.

По своей личной инициативе и вопреки желанию командования армией командир I германского корпуса Франсуа решил к изменению встретить русских на фронте Сталюпенен—Гольдап, чтобы замедлить движение русских. Это повело 17 августа к столкновению 1-й русской армии с I германским корпусом на указанной линии.

Против Германии русское командование поставило своей первой задачей—овладение Восточной Пруссией до Нижней Вислы включительно. Эта задача была возложена на Северо-западный фронт, состоявший из 2 армий: 1-я (Неманская), в составе: III, IV и XX армейских корпусов, 5-й стрелк. бригады, 1-й и 2-й гвардейских и 1-й, 2-й и 3-й кавалерийских дивизий и 1-й отд. кавбригады, а всего 6½ пех. и 5½ кав. дивизий или 104 батальона, 124 эскадрона и 492 орудия. Командующий армией ген. Ренненкампф; 2-я (Наревская), в составе I, II, VI, XIII, XV и XXIII армейских корпусов и 1-й стрелк. бригады и 4-й, 6-й и 15-й кавалерийских дивизий, а всего 12½ пех. и 3 кав. дивизии—200 батальонов, 79 эскадронов и 702 орудия из них 12 тяжелых. Командующий армией ген. Самсонов. Всего таким образом, Северо-западный фронт мог противопоставить 8-й германской армии около 19 пех. [1] и 8½ кав. дивизий или 304 батальона, 196 эскадронов и 1 144 орудия, из них 12 тяжелых. Главнокомандующий фронтом ген. Жилинский. Штаб фронта в Белостоке.

Директива Жилинского была отдана 13 августа, когда корпуса армий отчасти сосредоточивались еще по железным дорогам, отчасти продвигались

[1] В числе дивизий не учтены второочередные, так как они к началу боевых столкновений еще не прибыли.

к исходным пунктам своего развертывания. Армиям фронта указывалось перейти в решительное наступление с целью разбить противника, отрезать его от Кенигсберга и захватить пути отступления к Висле. Для этого 1-й армии, перейдя границу 17 августа, направляя левофланговый корпус на Ангербург и имея заслон со стороны Летцена, наступать от линии Вержболово—Сувалки на фронт Интерсбург—Ангербург в обход линии Мазурских озер с севера с охватом левого фланга противника, а 2-й армии, перейдя границу 19 августа, наступать от линии Августов—Граево—Мышинец—Хоржеле, направляя главные силы от линии Мышинец—Хоржеле на фронт Руджаны—Пассенгейм и далее к северу во фланг и тыл линии озер. Обеим армиям приказывалось атаковать противника энергично и с упорной настойчивостью. Разграничительная линия между армиями—Липовка—Поломея—Петцен, все для 2-й армии. Эта общая для фронта директива дополнялась частными указаниями для армий. Для 1-й детализовали задачи кавалерии, но без определенных реальных указаний, и требовали оставить сильный заслон против Летцена, а для 2-й обращали внимание на прикрытие Гродненского направления и на интенсивную разведку к стороне Алленштейна, инстинктивно сознавая опасность западного направления.

В развитие директивы фронта командующие 1-й и 2-й армиями отдали свои распоряжения. 1-я армия отдала свои распоряжения 15 августа директивой (почему-то за подписью только начальника штаба) и приказом, при этом директива несколько детализовала и суживала поставленную 1-й армии задачу, определяя ее «возможно глубоким охватом левого фланга неприятеля на р. Ангерап», где предполагались его главные силы.

В этих документах указывались задачи только на 17 августа. Кавалерия должна была перейти границу накануне (16 августа), причем конному корпусу Хана-Нахичеванского направиться на Инстербург в обход Сталюпенена и Гумбинена с севера, Гурко обеспечивает левый фланг армии со стороны Маркграбова и потом Летцена, а отдельной бригаде Орановского (правый фланг) достигнуть 17 августа Шиленена. Корпуса должны были 17 августа главными силами овладеть линией Вилюнен—Сталюпенен—Дубенинкен—Ковален (наступая в нарезанных им фронтальных коридорах).

Командование 2-й армией своей директивой от 16 августа совершенно меняло основную директиву фронта. Жилинский указывал выдвинуть главные силы армии (VI, XIII и XV корпуса) на фронт Мышинец—Хоржеле, после чего круто повернуть на север на фронт Растенбург—Зеебург в обход, примыкая своим флангом к озерам и торопясь войти в связь с 1-й армией и оказать ей ближайшую помощь в первом столкновении с германцами. Самсонов посмотрел на дело несколько шире и направил свои главные силы почти на 50 *км* западнее, на фронт Ортельсбург—Недйенбург, и придал им вместо северного северо-западное направление с целью скорейшего и более глубокого охвата всех германских сил, находившихся в Восточной Пруссии, и для перехвата путей на Нижнюю Вислу [1]. В этом различии во взглядах коренилась, как увидим ниже, одна из причин последовавшей катастрофы.

В зависимости от своей основной идеи Самсонов решил при подходе к границе стянуть свою разбросанную на фронте свыше 200 *км* армию на фронт

---

[1] Тяготение на запад объясняется также крайней необходимостью базировать хоть часть своей армии, лишенной обозов и транспорта, на железную дорогу Новогеоргиевск—Млава.

Мышинец—Хоржеле—Млава (около 70 *км*), оторвавшись от озер и 1-й армии. Для прикрытия образовавшегося здесь разрыва и парирования возможных попыток со стороны Летценского укрепленного района он назначил II корпус, который должен был начать наступление от Августова 17 августа, энергично действовать против фронта Арис—Иоганнисбург и прикрывать себя от ударов со стороны Летцена. Обеспечение промежутка между этим корпусом и соседним слева (VI) им было возложено на 4-ю кав. дивизию. Остальные корпуса должны были выступить с известных уже нам пунктов развертывания 17—18 августа и, делая переход в среднем 20—25 *км* с неуспевшими еще сосредоточиться обозами и транспортами и сильно удаляясь от железных дорог, 20 августа достигнуть границы.

16 августа 1-я армия достигла указанной исходной линии Владиславов—Сувалки, имея конную группу в $4\frac{1}{2}$ дивизии на правом фланге и 1 кав. дивизию на левом. Корпуса развернулись в одну линию, не дождавшись присоединения к ним второочередных дивизий, на широком фронте около 80 *км*, почти равномерно, имея весьма незначительное уплотнение (XX и III корпуса) по обе стороны железной дороги Ковно—Кенигсберг.

БОЙ У СТАЛЮПЕНЕНА

Схема 9Б

Положение и планы обеих сторон приводили 17 августа к столкновению между обеими дивизиями I германского корпуса, расположенными в районе Сталюпенена (1-я дивизия)—Мелькемен (2-я дивизия), и правым флангом армии Ренненкампфа. Наступление последних представляло собой не планомерный марш-маневр, а ряд самостоятельных продвижений корпусов, разновременно перешедших границу между 8 час. (III корпус) и 14 час. (IV корпус), вследствие чего выдвинувшемуся вперед III корпусу пришлось выдержать на себе всю тяжесть боя.

В результате произошло лобовое столкновение почти равными силами, и германцы в ночь на 18-е отошли к Гумбинену, задержав дальнейшее наступление русских до 14 часов 18 августа. Столкновение у Сталюпенена имело, несмотря на свой авангардный характер, большое стратегическое значение. Не нанеся существенных потерь германцам, оно исправило ошибочное предположение германского командования о направлении правого фланга армии Ренненкампфа на Роминтенскую пущу и окончательно убедило его, что наступление всей 1-й русской армии предшествовало вторжению в Пруссию Наревской армии. Поэтому им и предстояло в развитие общего плана первоначально броситься именно на Неманскую армию. Притвиц и решил атаковать армию Ренненкампфа тотчас же, как только закончится переброска XVII корпуса. Являлся вопрос, успеют ли германцы нанести ей поражение до занятия 2-й русской армией угрожающего положения, так как продвижение последней развивалось на взгляд германского командования, неожиданно быстро.

ГУМБИНЕН-ГОЛЬДАПСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Схема 9

Обнаружив движение 2 корпусов в направлении Гумбинен—Инстербург, не выявив еще определенно направления IV русского корпуса, германское командование решило обойти северный фланг этой группы, а у суетливого командира I корпуса ген. Франсуа эта мысль развивалась даже в желании устроить

ей Шлиффеновские клещи. Эта предвзятая мысль о русской группировке и идея клещей послужили основным мотивом розыгрыша сражения у Гумбинена.

I германский корпус отошел от Сталюпенена к Гумбинену, но почему-то занял позицию около 10 *км* северо-восточнее его, в то время как XVII и I рез. корпуса находились еще далеко на запад (у Даркемена и Ангербурга). К северу от Гумбинена германцы решили сосредоточить кулак из I корпуса, Кенигсбергского гарнизона (11 батальонов, 6 эскадронов и 9 батарей), 2-й ландверной бригады, которая от Тильзита направлялась к Краупишкену, и 1-й кав. дивизии для удара в обход русского правого фланга, который своей 28-й дивизией также грозил охватом левого фланга германцев.

В свою очередь 1-я русская армия продолжала с 18 числа наступление на запад, попрежнему мало заботясь об уравнении колонн. Два корпуса (XX и III) наступали на обе стороны шоссе на Инстербург, имея сильно выдвинутой вперед правофланговую дивизию (28-ю) и оттянутой назад левофланговую (27-ю); $1\frac{1}{2}$ дивизии (30-я и 5-я стр. бригада) наступали на Гольдап, и 1 дивизия (40-я) как бы связывала эти 2 группы, наступая на Мелькемен, севернее Роминтенских лесов. Конные массы попрежнему держались на флангах армии.

Во время марша 19 августа на крайнем правом фланге русской армии произошли два столкновения, оказавшие влияние на последующий бой. Конница Хана-Нахичеванского столкнулась у Каушена с головными частями подходившей и переправившейся у Краупишкена 2-й ландверной бригадой. Атакованная бригада была откинута за реку Инстер и сбежала с поля сражения не приняв участия в назревавшем бою и потеряв связь с командиром I корпуса. В свою очередь и русский конный корпус отошел на отдых в район Линденталь, где и оставался без движения в течение всего 20 августа, оправдываясь израсходованием артиллерийских патронов. С другой стороны, правофланговая 28-я русская дивизия наткнулась, сильно выдвинувшись вперед, на укрепленную позицию германцев у Накальнишкен—Нибудшен, понеся частичную неудачу.

К вечеру 19 августа 1-я армия, не имея кроме этого никаких столкновений на фронте, заняла положение, указанное на схеме 8, причем фронт всей армии занимал по прямой линии около 45 *км*, имея на флангах конные массы в расстоянии 10—15 *км*.

Командование 8-й германской армией решило в связи со всей сложившейся обстановкой атаковать на рассвете 20 августа армию Ренненкампфа, который с своей стороны назначил на этот день дневку. Общий план состоял в том, чтобы утром наброситься силами ген. Франсуа и XVII корпусом на правую группу русских у Гумбинена, прикрывшись со стороны Гольдапа, а потом повернуться против последней. Поэтому XVII корпусу было приказано выступить 19-го вечером от Даркемена в 2 колоннах, развернуться на линии Пликен—Гиркен и атаковать противника, действовавшего против I корпуса у Аугступенена в наиболее важном направлении. XVII корпус должен был прибыть своевременно, чтобы оказать решительное влияние на ход боя. Остальные германские силы предназначались для обеспечения фланга ударной группы, I резервный корпус должен был обеспечивать со стороны Гольдапа, а 3-й резервной дивизии приказано было продвинуться до Куттена.

На рассвете 20 августа бой начался по инициативе германцев одновременным наступлением I и XVII корпусов. I корпус быстрым натиском своей ударной группы выбил 28-ю дивизию из Мальвишкен, после упорного боя в 10 час. занял Мингштимен, а в 11 час. атакой с фронта—Бракюпенен. В то же время 1-я кав. дивизия, пройдя мимо мощной русской кавалерийской

массы, хозяйничала в тылу 1-й армии у Пилькалена. На этом успехи I корпуса и ограничились.

Так же удачно было первоначальное наступление XVII корпуса, командир которого решил направить свой удар в северо-восточном направлении, не зная о присутствии на его фланге 27-й и 40-й русских дивизий. И здесь наступление до 11 часов шло успешно, и дивизии корпуса дошли до линии Иодцунен—Виббинен—Будзецен, тесня перед собой охранение русских дивизий.

С полудня успех перешел на сторону Ренненкампфа. В это время Франсуа начал новую атаку центром на Каттенау, но встретил уже контрудар со стороны русской 25-й дивизии, вызвавший панику среди войск корпуса Франсуа. Германские войска в беспорядке отступили к Нибудшену, а русские заняли Бракюпенен и Мингштимен. Франсуа только в 15 часов мог перейти в наступление, но через час прекратил бой, не изменив существенно положения.

Макензен вошел с полудня в соприкосновение с главными силами 27-й и 40-й русских дивизий, взявших отчасти его под фланговый огонь. Германцам не удалось обнаружить русской артиллерии, и атака их к 16 часам захлебнулась. Вскоре после этого XVII корпус не выдержал отлично комбинированного огня 27-й дивизии и в полном беспорядке отскочил за реку Ангерап. К дальнейшему наступлению он был не способен, и бой заглох и на этом участке.

Столкновения южного русского крыла с I резервным корпусом севернее Гольдапа носили нерешительный характер и влияния на ход боя не оказали.

Неспособность к дальнейшему наступлению XVII корпуса и известия от XX корпуса о приближении Наревской армии заставили Притвица в ночь на 21 августа отвести армию с поля сражения.

Армия Ренненкампфа осталась в общем ночевать на занятых местах, за исключением оттянувшегося на 2—3 *км* на восток XX корпуса и отд. кав. бригады, которая, обнаружив обход фланга армии, отскочила к Шилленену и потеряла на несколько дней связь с армией.

Стоявший в районе Иоганнисбурга XX Германский корпус, будучи атакован авангардами 2-й армии (ген. Самсонова), должен был поспешно отступить внутрь страны, чем открыл доступ к тылу 8-й армии со стороны Нарева. Вечером 20 августа ген. Притвицу казалось, что его армия, собранная в Неманском направлении, находится перед опасностью окружения, и он отдал приказ об отступлении к Нижней Висле.

В день боя под Гумбиненом корпуса 2-й русской армии достигли линии Юха (II корпус)—Пельты (VI)—Хоржеле (XIII)—Кржиновлога (XV)—Млава (I). Таким образом только II корпус находился в оперативной связи с левым флангом 1-й армии и был главнокомандующим фронтом переключен в эту армию из 2-й.

Последствия Гумбиненского сражения для русского Северо-западного фронта в общем вылились в предоставление армии Самсонова своей собственной участи. Но это сражение имело весьма важное значение и на весь ход кампании. Во-первых, оно оказало существенную помощь французам тем, что заставило германцев снять с французского фронта в самую решительную минуту 2 корпуса и кав. дивизию и срочно отправить их на русский фронт. Корпуса эти были сняты к тому же из ударной группы. Во-вторых, оно указало германцам на возможность для русских, ведя наступательную операцию против австрийцев, вести такие же операции в больших размерах и против Восточной Пруссии, что вызывало у германцев естественное желание лучше обеспечить их Восточный фронт, почему часть новых формирований и была туда направлена. И наконец, в-треть-

их, на Восточный фронт было назначено новое командование (Гинденбург и Людендорф), которое и по своему характеру и по приобретенному после блестящих побед значению сильно давило на германскую Ставку в смысле перенесения центра тяжести войны с Западного на Восточный фронт. Это условие привело к раздвоению мысли германского верховного командования вплоть до передачи всей власти в руки дуумвирата Гинденбург—Людендорф.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Схема 11Б

Главнокомандующий Юго-западным фронтом, во исполнение *общей задачи* «нанести поражение австро-венгерским армиям, имея в виду воспрепятствовать отходу значительных сил противника на юг за Днестр и на запад к Кракову»,—решил перейти в общее наступление 18—21 августа, поставив армиям следующие *частные задачи:* 8-я армия первой начинала наступление с 18 августа на фронт Ходоров—Галич, стремясь не допустить отхода противника за Днестр [1]. Днестровский отряд, сообразуя свои действия с 8-й армией, одновременно переходил в наступление между рр. Днестр и Прут. 3-я армия с 19 августа начинала наступление на Львов, на фронт Куликов—Миколаев, содействуя выполнению задачи 8-й армии.

Запаздывающие в своем развертывании 4-я и 5-я армии с 21 августа начинали выдвижение только своих авангардов на линию Вилколаз—Избица—Грубешов—Владимир-Волынский, подтягивая соответственно с авангардами и главные силы корпусов. 23 августа обе армии переходили в общее наступление: 4-я армия—в общем направлении на Перемышль, имея при этом в виду не допустить отхода противника на запад к Кракову, и 5-я армия—на фронт Мосциска—Львов, содействуя выполнению задачи 4-й армии. Кроме того 4-й армии была поставлена задача для действия на левом берегу Вислы, где приказывалось вести наблюдение за войсками противника и обеспечивать правый фланг 4-й армии и всего фронта.

Ставя эту решительную задачу, план фронта достаточно не обеспечивал общего превосходства в силах; кроме того на важнейшем участке фронта между Вислой и Бугом 4-я и 5-я армии, в составе $16^1/_2$ пех. и $6^1/_2$ кав. дивизий, фактически выполняли вспомогательную роль. Главный удар наносился 22 пех. и 8 кав. дивизиями 3-й и 8-й армий с востока, из Волыни и Подолии. В то же время план не использовал выгодное операционное направление по левому берегу Вислы для преграждения отхода противника к Кракову.

Переходя к рассмотрению *австрийского плана,* необходимо учесть, что запаздывание сосредоточения 2-й армии, перевозимой в Галицию с Сербского фронта, заставляло австрийцев опасаться, что инициатива действий может перейти на сторону русских, силы которых с каждым днем увеличивались в большей степени, чем их. Поэтому австрийцы, вынужденные к тому же союзническими обязательствами начать операцию вторжением в Польшу, решили направить главную массу своих сил, собранных в Галиции—$21^1/_2$ из 33 диви-

---

[1] При развертывании 8-я армия была сосредоточена уступом назад и, начав наступление на сутки раньше 3-й, она не успела бы выдвинуться настолько, чтобы отрезать пути отхода за Днестр.

вий—для разгрома 4-й и 5-й русских армий, не окончивших еще своего сосредоточения между Вислою и Бугом. При этом австрийцы рассчитывали, как это было обещано им еще в мирное время, на совместное наступление германских войск из Восточной Пруссии в общем направлении на Седлец.

Первоначальный план австрийского командования ставил армиям следующие *частные задачи:* 1-я армия (Данкля) к 21 августа должна была занять исходное положение на рубеже от устья р. Сана до р. Танева, севернее Тарнограда, имея сильный левый фланг, откуда намечалось с 23 августа наступление армии на Люблин. Войска армейской группы Куммера должны были обеспечивать на левом берегу Вислы удержание последнего и быть подтянуты к левому флангу 1-й армии при ее дальнейшем наступлении. 4-я армия (Ауффенберга) сосредоточивалась к 23 августа в исходное положение в районе Терешполь—Потылич, откуда намечалось ее наступление совместно с 1-й армией на север в общем направлении на Холм—Грубешов, как только будет закончено сосредоточение 3-й армии у Львова. 3-я армия получила задачу удерживать район Львова и отразить возможное вторжение неприятеля с фронта Сокаль—Броды. В ее состав 23 августа переходил III корпус, сосредотачиваемый к юго-востоку от Львова. Армейская группа Кевеса должна была задерживать наступление противника на Тарнопольском направлении, прикрывая переправы через Днестр и сосредоточение VII и IV корпусов 2-й армии. Южнее Днестра до Прута район прикрывался 43-й ландштурмистской дивизией и 35 ландштурмистской бригадой.

В общем, отправив 2-ю армию на Сербский фронт, австрийцы не сумели к началу операции ни создать подавляющего превосходства сил в 1-й и 4-й армиях на направлении главного удара между реками Вислой и Бугом, ни иметь достаточных сил в заслоне, обеспечивающем главную операцию на север.

В соответствии с изложенными планами и группировкой обоих противников, с 18—19 августа началось сближение, которое постепенно с 23 августа развернулось в грандиозное 33-дневное встречное столкновение между Вислой и Днестром 8 армий на фронте в 320 *км.* Это сражение в истории мировой войны носит название *Галицийской битвы* и является сложной стратегической операцией.

Эту общую операцию можно расчленить на две частные: 1) Вторжение австрийцев в Польшу, охватывающее встречные *сражения у Красника*, между 1-й австрийской и 4-й русской армиями и *Томашевское сражение* между 4-й австрийской и 5-й русской армиями. 2) Вторжение 3-й и 8-й русских армий в Галицию, которое привело сначала к встречному *сражению на Золотой Липе* (с 26 по 28 августа), а потом—*к сражению на р. Гнилой Липе* (с 29 по 31 августа).

С 1 сентября австрийцы производят перегруппировку своих сил, выделяя 4-ю армию на юг, что приводит к *Городокскому сражению* (с 5 по 12 сентября) к западу от Львова и *второму наступлению* 9-й, 4-й и 5-й русских армий, успех которых заставляет австрийцев начать 12 сентября отход за р. Сан.

МОРСКАЯ ВОЙНА

Карты 1 и 2

Вступление Англии в войну на сторону Антанты дало такое превосходство морских сил в пользу последней, что оно вперед предрешало характер морских операций.

Трудно было при таких условиях предположить, что германский флот будет охотно искать сражения в открытом море, хотя Тирпиц и предлагал направить его для противодействия высадке англичан на материк; вернее же следовало ожидать, что он ограничится обороной своих берегов, использованием подходящего случая для нападения на вражеские берега, крейсерской войной и исканием иного способа борьбы с многочисленным неприятельским флотом, каковой в конце концов и был найден в подводной войне.

Еще 2 августа французский флот получил приказ направиться в Па-де-Кале, чтобы противиться предполагаемому проходу германского флота, но при неравенстве сил эта операция могла свестись, по словам французских авторов, исключительно к «спасению чести французского флага».

Только объявление войны Англией резко изменило здесь 4 августа обстановку, и общее направление морских операций в Атлантическом океане, Ла-Манше и в Северном море было возложено на англичан.

2-я французская легкая эскадра, усиленная дивизионом английских крейсеров, обеспечивала с востока вход в Ла-Манш, который защищался французскими и английскими миноносцами. Благодаря этому перевозка английской экспедиционной армии на материк с 8 по 18 августа (150 000 бойцов) прошла совершенно спокойно и без всяких попыток со стороны германского флота. Англичане, убедившись из того факта в достаточной обороне Ла-Манша, распустили даже свои 2-ю и 3-ю эскадры, усилив входившими в них броненосцами старой конструкции 1-ю эскадру, которая с тех пор стала называться *Большим флотом* и оставалась сосредоточенной в британских водах с главной базой в Скапа Флоу (Scapa Flow).

В *Средиземном море* руководство морскими операциями находилось в руках французов.

Здесь роль союзного флота свелась за этот период кампании к перевозке XIX французского корпуса из Алжира в метрополию, к неудачной погоне за германскими крейсерами «Гебен» и «Бреслау», которые после бомбардировки алжирских берегов скрылись в Дарданеллы и пошли на усиление турецкого флота, и наконец к бомбардированию с 16 августа укрепленных пунктов далматийского побережья и Катарро, ни к чему не приведшему, так как австрийский флот заперся в Пола.

В то время как главные морские силы Антанты в европейских водах фактически бездействовали, в дальних морях с особой энергией велась *крейсерская война*. С самого начала военных действий германцы с большой активностью вели крейсерскую войну, разрушавшую торговлю держав Антанты, а следовательно и расстраивавшую подвоз необходимого им сырья, затруднявшую связь их с Россией и колониями и наконец мешавшую завоеванию германских колоний. Германское крейсерство сосредоточивалось главным образом в следующих районах (карта 2): «Эмден» и «Кенигсберг» оперировали в Индийском океане, «Карлсруэ» в Антильском море, «Дрезден» в южной части Атлантического океана и наконец сильная эскадра Шпее в Тихом. К этому периоду войны относится только начало борьбы с германскими крейсерами, которая продолжалась в течение всего 1914 г.

ВОЙНА В КОЛОНИЯХ

Карта 2

Хотя обе противные стороны и знали, что судьба колоний будет решена на европейских полях сражений, но, исходя из того практического пра-

вила, что война должна состоять не только в уничтожении военного могущества врага, но и в реальном захвате тех его территорий, которые желательно присоединить к себе как будущие рынки сбыта, чтобы при заключении мира считаться с совершившимся фактом, Англия, Япония и Франция с самого же начала войны развили усиленную деятельность по завоеванию германских колоний. Эти колонии состояли из владений в Африке, Океании и Азии. Колонии в Океании и Азии были заняты союзниками в первые же месяцы войны, борьба же в Африке имела более длительный и упорный характер, продолжаясь в течение нескольких лет.

ДЕЙСТВИЯ В ОКЕАНИИ

В Океании германцам принадлежали следующие колонии, приобревшие весьма важное военное и торговое значение после прорытия Панамского канала: части Новой Гвинеи (Германской Новой Гвинеи), большой колонии, равной по своей площади трети Германии, с важной гаванью Фридриха-Вильгельма, Каролинских и Марианских островов, расположенных к северу от Новой Гвинеи, Маршальских островов, лежащих к востоку от Каролинских, и островов Самоа, расположенных к востоку от Австралии. Германская Новая Гвинея была занята англичанами в конце сентября 1914 г., Каролинские и Марианские острова заняли японцы в период с 10 по 15 октября 1914 г., Маршальскими островами также овладели японцы, а Самоа были заняты Новозеландской экспедицией без всякого сопротивления 30 августа 1914 г.

ДЕЙСТВИЯ В АЗИИ

Здесь Германия заняла в 1898 г. китайскую территорию Киао-Чао, которая скоро под управлением германцев сделалась центром экономической жизни Северного Китая. База германского флота на территории Киао-Чао—порт Цинг-Тао—обратился в оживленную торговую гавань. Вполне понятно, что столкновение интересов Германии с японскими на юге Тихого океана было еще более обострено в китайских водах, и поэтому вслед за объявлением войны Германии Япония предъявила ей 15 августа ультиматум с требованием очистить Киао-Чао. 22 августа ультиматум был отклонен. Тогда Япония приступила к операции против Цинг-Тао; одна японская эскадра, поддержанная английской, блокировала Цинг-Тао, а другая прикрывала перевозку войск. Первая высадка японцев произошла 2 сентября в Печилийском заливе; 22 сентября прибыл из соседней английской колонии Вейхавей вспомогательный английский отряд, и 27 сентября началось соединенное наступление англо-японцев на германские передовые позиции у Цинг-Тао. 17 октября был взят важный пункт—гора «Принц Генрих», на ней был установлен наблюдательный пост и из Японии были потребованы осадные орудия. К 31 октября все было готово к общей атаке и бомбардировке фортов. Бомбардировка началась 5 ноября, но первые 3 дня погода не позволяла флоту принять в ней участия. Германцы, предварительно потопив все корабли, сдали Цинг-Тао. Таким образом, через 3 месяца после объявления войны германские колонии на Дальнем Востоке перестали существовать. После овладения Киао-Чао Япония фактически прекратила свое участие в войне, если не считать посылку японских кораблей против германских крейсеров.

ДЕЙСТВИЯ В АФРИКЕ

В Африке Германии принадлежали богатые и обширные колонии: Того, Камерун, Германская Восточная Африка (Deutsch-Ostafrika) и Германская Юго-западная Африка (Deutsch-Sudwestafrika).

Военные действия начались почти одновременно во всех этих колониях в августе 1914 г., но борьба в них носила по своей длительности различный характер, от нескольких недель, как например в Того, до нескольких лет, как например в Восточной Африке, где германцы, несмотря на значительное превосходство своего противника—англо-португальцев, как в численности, так особенно в технике, упорно защищались и сложили оружие, только получив сообщение, что война в Европе окончена, и Германия сдалась.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПЕРИОД 25 АВГУСТА—5 СЕНТЯБРЯ

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР

ОТСТУПЛЕНИЕ К МАРНЕ И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ СТОРОН

Схемы 7 и 10

Западный театр мы оставили после неудачных попыток французских армий перейти в наступление, первоначально в Эльзас-Лотарингии, а потом по всему фронту от Вердена до Монса. Характерной чертой всех боев этого периода служит осторожность французов, с которой они не доводили неудачное сражение до поражения, своевременно отступая и тем сохраняя за собой относительную свободу действий.

Поэтому после окончания Пограничного сражения и выхода из него французских армий перед ген. Жоффром был свободный выбор остановиться на одном из двух решений—или попытаться новым боем восстановить положение на границе, или же предпринять преднамеренное отступление с целью выиграть пространство для маневра и, задерживая рядом частных боев наступление противника, получить время для необходимых перегруппировок и по окончании железнодорожного маневра перейти в решительное наступление. Французский главнокомандующий остановился на втором решении.

В директиве от 25 *августа* новая задача в общих чертах формулирована следующим образом. Для предполагаемого маневра необходимо на левом фланге собрать сильную группу, способную перейти в наступление, которую составят соединенные 4-я и 5-я французские армии, английская армия и новые части, перевозимые с востока. Цель отступления дать время собраться этой группе. Во исполнение этого:

Ко 2 сентября собирается в окрестностях Амьена вновь сформированная 6-я армия (Манури) с задачей наступать на правый фланг противника в направлении на Аррас. Левый фланг ее прикрывается кавалерийским корпусом Сорде и территориальными дивизиями на нижней Сомме.

Английская армия соберется за Сомой (между Брэй и Гам), готовая

атаковать в северо-восточном направлении. 5-я армия в районе С. Кентен—Лаон, готовая атаковать в направлении на Боген (Bohain). 4-я—в районе Реймса для наступления на север. 3-я—займет фронт от Вердена на запад до С. Менегуль, 1-я и 2-я армии должны сдерживать находящегося перед ними противника.

В таком положении Жоффр предполагал, опираясь правым флангом на Верден, перейти во фронтальное наступление, соединенное с охватом правого фланга германского фронта.

Маневр ген. Жоффра, как можно судить, был основан на следующих данных: на развертывании правого фланга германских корпусов, кроме кавалерии, которое не распространялось западнее меридиана Валансьена; на силе укрепленного района Вердена, который должен был составлять ось маневра, и на обеспечении правого фланга восточным крепостным барьером, прикрытым двумя армиями.

Выдвинутое положение левофланговых армий давало в самом развертывании все выгоды для обходного маневра левого фланга. Французы в данном случае как бы повторяли группировку Шлиффена в намеченном им маневре через бельгийскую территорию. Германское командование переоценило свои успехи в первых столкновениях, переоценило также и степень расстройства французских армий. Под этим знаком и прошли распоряжения германской главной квартиры в период, предшествовавший Марнскому сражению.

Директива *27 августа* определяла, что северная и центральная группы французских армий находятся в полном отступлении на юго-запад к Парижу, и указывала на немедленное наступление германских армий к столице Франции, не давая отдыха неприятелю, мешая ему задерживаться на новых линиях и стараясь возможно больше разрушить средства его дальнейшего сопротивления.

Поэтому 1-й армии было приказано наступать западнее Уазы к низовьям Сены, поддерживая связь со 2-й армией; этой последней итти на Париж через Ла-Фер-Лаон; 3-й армии на Шато-Тьери, 4-й—через Реймс к Эперне, а 5-й—севернее и западнее линии Шалон—Витри ле-Франсуа. Эта последняя должна была прикрыть операцию со стороны Вердена, пока он не будет обложен 6-й армией, которая вместе с 7-й должна активными действиями приковывать к себе возможно большее количество французских войск.

Выполнение директив обоих главнокомандующих должно было привести к ряду столкновений на тех рубежах, которые французы решили не отдавать без боя для выигрыша времени к подготовке своего маневра. Эти столкновения и произошли в указанных выше трех важных направлениях. Первыми по времени разыгрались бои за Шармский проход.

БОИ ЗА ШАРМСКИЙ ПРОХОД

Схема 7

Мы оставили французские лотарингские (1-ю и 2-ю) армии, уменьшенные в количестве корпусов выделением 3 из них (VII, IX и XVIII) в центр и налевый фланг, отошедшими 23 августа: 2-я армия—на линию рр. Мозеля и Мортань от Понт-а-Муссона до леса Шарма, а 1-я армия—частью в перпендикулярном ко 2-й направлении от Шармского леса до Бадонвилер и далее фронтом на восток на С. Дие. Таким расположением своих армий под углом друг к другу с вершиной у Шарма французы хотели образовать для противника, атакующего этот важный участок, мешок и обеспечить взаимное содействие обеих своих армий. Исключительно важное значение участка Нанси—Эпиналь, куда именно и должен

был направиться удар германцев, давало основание к такому приспособленному к одному случаю расположению двух французских армий.

6-я и частью 7-я германские армии действительно двинулись 24 августа в этот мешок, но после 2 дней ожесточенного боя были отбиты перешедшими в контратаку французами и должны были отказаться от своей попытки, которую с особой силой возобновили во время Марнского сражения.

Столкновение в Лотарингии должно было временно успокоить ген. Жоффра за его правый фланг и позволило ему еще более усилить за его счет свою ударную группу (XV корпусом). Германцы же получили в нем первое предостережение относительно возможности устроить французам «сверх-Канны».

ДЕЙСТВИЯ В ЦЕНТРЕ (АРДЕНЫ)

Схема 7

Отошедшие 25 августа в Восточные Аргоны и за р. Маас между Музоном и Мезьером 3-я и 4-я французские армии были 27 и 28 августа вновь атакованы 3-й и 4-й германскими армиями в центре и в обход левого фланга на Синьи-л'Абей (Signy-l'Abbaye). Имея успех в центре, французы, ввиду обхода их левого фланга, которому они не были в силах противодействовать и который угрожал прервать связь 4-й армии с 5-й, были принуждены в ночь на 28-е начать отход 4-й армией на Эн (Aisne), задержав наступление германцев в этом направлении на 2 суток.

Но все-таки в результате происшедших здесь боев образовался между 4-й и 5-й армиями открытый промежуток, для заполнения которого 29 августа была сформирована из левофланговых частей 4-й армии и вновь подвозимых дивизий *армейская группа ген. Фоша*, которая 30 августа развернулась южнее Ретеля, имея для дальнейшего отхода направление на Реймские высоты. К этому же времени 3-я и 4-я армии отошли на линию Верден (исключительно)—Варен—Гранпре—Аттиньи.

ДЕЙСТВИЯ ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ У ЛЕ-КАТО И ГИЗ

Схема 10А

После пограничного сражения 5-я и английская армии отошли *25 августа* на фронт Рокруа—Авень (5-я армия) и Ландреси—Камбре (англ. армия), войдя направо в связь с 4-й армией и имея налево от англичан кавалерийский корпус Сорде и территориальные дивизии д'Амада, эшелонированные от Камбре до С. Омера.

Германские армии продолжали преследование. Клук, переведя конный корпус Марвица на юг, направил свои передовые корпуса веером от Турне на Амьен и от Валансьен на Перонн. Бюлов, отделивший VII резервный корпус для осады Мобежа, прошел 25-го Филиппвиль, направив для уменьшения образовавшегося между Клуком и им промежутка X корпус к западу.

26 августа германцы атаковали задержавшийся у Ле-Като английский корпус, который вследствие обхода левого фланга с трудом вышел из создавшегося для него критического положения и мог продолжать дальнейшее отступление за р. Эн.

Днем 27 августа, когда 5-я французская армия продолжала отступление за р. Уазу с целью занять район между Обантоном и Гизом, ген. Ланрезак получил приказание Жоффра атаковать германцев в направлении на Сан-Кентен с целью задержать их наступление до сосредоточения армии Манури у Амьена

и облегчить отступление англичан. Это приказание застало французов неподготовленными для быстрого занятия исходного положения, так как нужно было повернуть армию круто на запад.

28 августа во время передвижения 5-й французской армии за Уазу произошел *бой у Гиза;* войска X германского корпуса 2-й армии были задержаны в своем наступлении на несколько часов. К утру 29 августа 5-я франц. армия развернулась на левом берегу Уазы фронтом на запад, опираясь правым флангом в участок реки восточнее Гиза и собираясь атаковать главными силами С. Кентен. В течение *29 и 30 августа* произошло *сражение у С. Кентен—Гиза.* В результате боя 29 августа наступление левого фланга 2-й германской армии было задержано, но у С. Кентена французы были отброшены к Уазе, и вечером 29 августа Жоффр приказал 5-й армии начать отступление за р. Сер к Лаону. Около полудня 30-го сражение окончилось, не дав ни одной стороне оперативных выгод.

НЕУДАЧА АРМИИ МАНУРИ У НЕЛЯ И ПРУЯРА

Схема 10А

28 августа головная дивизия армии Манури, едва высадившись, была атакована германцами у Нель и отброшена. 29 августа той же участи подвергся VII корпус его армии, который столкнулся у Пруяра (Proyart) с головным корпусом армии Клука. Манури, несмотря на превосходство сил, уклонился от решительного сражения под предлогом обнажения дальнейшим отходом англичан его правого фланга и 30 августа отступил к Парижу. Эти нерешительные первоначальные действия Манури не остались без влияния на дальнейшее поведение Клука, который благодаря им придал незначительный удельный вес его группе.

НОВЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ СТОРОН

Схема 10А

30 августа произошло знаменательное отклонение 1-й армии Клука на юг: накануне, 29 августа, как уже говорилось, соседняя, 2-я армия Бюлова подверглась у С. Кентена сильному контрудару 5-й французской армии.

Узнав 30 августа, что французы перед ним не задерживаются на р. Авр, Клук решил для облегчения положения соседней армии Бюлова изменить направление своей армии с юго-западного на южное. Вместо движения через Амьен, 1-я германская армия повернула на фронт Морейль—Руа и только один IV резервный корпус был выдвинут в качестве бокового авангарда в район Амьена. В 7 час. вечера 30 августа Клук получил от Бюлова просьбу оказать ему содействие в использовании достигнутого успеха движением через Шони на линию Ла-Фер-Лаон. Эта просьба Бюлова укрепила уверенность Клука в правильности принятого им решения и он донес Мольтке о том, что на следующий день—31 августа—его армия, с целью использовать успехи 2-й армии, наступает к р. Уазе на линию Компьен—Нуайон. Утром 31 августа Клук получил одобрение главного командования.

Вместо широкого обхода левого фланга французских армий у Клука возникло настойчивое желание теснить противника, в связи с армией Бюлова, к юго-востоку. Клук, пренебрегая отныне направлением в обход Парижа с запада, бросился в открытый вследствие отступления англичан промежуток между Парижем и 5-й французской армией, устремясь в погоню за отходившими

англичанами. При таком повороте на юго-восток Клук оставил французскую армию Манури как бы висеть на наружном фланге своей армии.

Форсируя до крайности войска, он взял направление на Нантейль, Мо и Ла-Ферте. 2 сентября Клук обогнал, уже южнее Компьена, армию Бюлова, с движением которой должен был строго сообразовать свой марш.

Директива Мольтке, данная *2 сентября* 1-й и 2-й армиям, фактически имела целью только запротоколить самоуправство Клука.

Его указание в директиве 27 августа о движении 1-й армии на р. Сену ниже Парижа было таким образом отменено. 2 сентября Мольтке закрепил эту перемену маневра правофланговых армий, указав 1-й и 2-й армиям задачу оттеснения французов к юго-востоку от Парижа, причем 1-й армии назначено было следовать уступом за 2-й, обеспечивая правый фланг всех германских сил.

Почти в одно мгновение германцами допущено было радикальное изменение исходного плана операций и пренебрежение Парижем. Помимо исключительного морального значения захвата столицы Франции, германцам важно было бы овладеть этим крупным узлом железнодорожных сообщений, при посредстве которого французы производили быструю переброску сил для удара во фланг германцам. Отклонение армии Клука 30 августа на юг явилось началом дальнейшего изменения германского плана и замены общего руководства разрозненными действиями отдельных армий. Миллионная масса стала расползаться по частям, и в этом таилась основная, как увидим дальше, причина германской неудачи.

Клук не выполнил требования германского главного командования о том, чтобы 1-я армия следовала уступом за 2-й, так как к моменту получения этой директивы некоторые войска Кулка оказались не сзади, а уступом впереди армии Бюлова вследствие стремления Клука вести преследование разбитого врага до крайнего напряжения сил своей армии. К вечеру 3 сентября главные силы этой армии стояли на р. Марне, имея часть IX корпуса уже за рекой. 4 сентября Клук донес, что требование директивы следовать уступом за 2-й армией— невыполнимо, так как оттеснение противника к юго-востоку от Парижа возможно лишь с движением вперед, и что задача по обеспечению правого фланга армий ослабляет наступательную силу 1-й армии, которая для этого нуждается в подкреплениях [1]. Ответа не последовало. Правофланговые германские армии продолжали безостановочно двигаться на юг и *к вечеру 4 сентября* почти всеми своими силами находились *южнее Марны* на фронте от Ребэ до Шалона:

1-я армия—3 корпусами (IV, III и IX армейские)—у Ребэ, С. Бартелеми, Монмирай и двумя (II и II кав.)—на переправах у Трильпора и Ла-Ферте, имея севернее реки заслоном к стороне Парижа IV резервный корпус.

2-я армия—4 корпусами (I кав., VII, X резервный и X)—у Фонтенель, Парньи и Монмора; гвардейский корпус был эшелонирован между Дамери и Вертю.

3-я армия также дошла до Марны: 2 корпуса (XII и XIX)—в районе Вро—Шалон и XII резервный—уступом позади у Реймса.

Прочие германские армии к этому моменту занимали следующее положение:

Обе левофланговые армии правого крыла, 4-я и 5-я, занимали участок от верхней Марны, через Аргоны, до северо-восточных окрестностей Вердена,

---

[1] Еще 25 августа Мольтке назначил 2 армейских корпуса для отправки на восток: из состава 2-й армии — гвардейский резервный, из состава 3-й армии — XI корпус, и из состава 6-й армии 8 кав. дивизию. В просьбе Клука о подкреплении можно видеть прямой упрек сделанному ослаблению сил западного германского фронта.

причем главные силы 4-й армии (VIII, VIII резервный и XVIII) группировались к юго-востоку от Шалона, имея XVIII резервный корпус за своим левым флангом к северу от Вальми.

5-я армия—четырьмя корпусами занимала линию С. Менегуль—Клермон—Маланкур—Форж, а двумя корпусами—на правом (восточном) берегу Мааса к северо-востоку от Вердена.

6-я армия директивой от 27 августа получила задачу прорвать фронт между Тулем и Эпиналем, а 31 августа ей было приказано кроме того овладеть Нанси.

7-я армия 4 сентября начала переброску в Бельгию [1].

Французское главнокомандование, невзирая на неудачное начало для армии Манури, не могло отказаться от замысла использовать слабейшее место германского маневра, но кризис на фронте усиливался в эти дни заботами о судьбе Парижа. Париж считался крепостью современного образца для крупного гарнизона. Крепость обладала 2 укрепленными линиями, из коих внешний пояс, в окружности до 150 *км*, состоял из 22 фортов и 31 редутов и батарей, расположенных преимущественно на правом берегу Сены. По состоянию верков и по вооружению крепость не была способна сопротивляться действию новейшей артиллерии и вообще не была подготовлена к обороне. Крепостной гарнизон состоял из 5 резервных и 2 территориальных дивизий и 1 морской бригады малой боеспособности.

С приближением германских армий военный министр Мессими 25 августа обратился к Жоффру с предложением немедленно образовать специальную армию для защиты столицы, а на следующий день, не выждав ответа, назначил ген. Галиени военным губернатором Парижа и комендантом крепости с подчинением его непосредственно правительству, помимо главнокомандующего. Одновременно Мессими потребовал от Жоффра назначения для Парижской армии 3 полевых корпусов. Это вторжение правительства в круг ведения главнокомандующего, особенно в момент подготовки генерального сражения, усиливало трудности и без того тяжелого положения Жоффра. Понадобилось вмешательство президента республики Пуанкаре, в результате чего произошла смена кабинета и военным министром оказался Мильеран [2], а ген. Галиени, в роли парижского губернатора, был подчинен Жоффру.

Еще 31 августа Манури просил разрешения Жоффра атаковать подставленный Клуком правый фланг его войск. Но ему было отказано вследствие большого расстояния между армией Манури и 5-й французской армией, что не обеспечивало успеха, так как Клук мог последовательно разбить и 6-ю, и 5-ю французские армии. В этот момент Жоффр был озабочен благополучным отступлением своих армий, что им отмечалось в директиве («Instruction n° 4») от 1 сентября. Указывался и общий план дальнейших действий:

---

[1] Переброска войск 7-й армии делалась в связи со сведениями о готовившемся десанте англичан в Бельгию, в районе Остендэ. Командующий 7-й армией ген Хееринген направился также в Бельгию. Остававшиеся в Лотарингии части 7-й армии были подчинены командующему 6-й армией.

[2] Жоффру не улыбалось выделение особой армии для защиты Парижа, когда каждый лишний корпус на фронте мог перевесить чашу весов предстоящего сражения в пользу французов. Под влиянием Жоффра Мильеран 28 августа предложил правительству, одновременно с решением переехать в Бордо, объявить Париж открытым городом, и тогда будто бы отпадала надобность его защиты. Но значение Парижа, как упоминалось выше, не связывалось только с местопребыванием центральной власти, и 30 августа предложение Мильерана было отвергнуто.

«Несмотря на тактические успехи 3-й, 4-й и 5-й армий, достигнутые на Маасе и у Гиза (С. Кентен), обход противником левого фланга 5-й армии, недостаточно поддержанного английскими войсками и 6-й армией, вынуждает произвести отход нашего фронта, имея осью наш правый фланг. Как только 5-я армия избегнет опасности охвата своего левого фланга, совокупностью сил 3-й, 4-й и 5-й армий будет предпринято наступление».

Причем были намечены предельные рубежи отступления на левом (южном) берегу р. Сены.

В дополнительных указаниях 3 сентября Жоффр писал:

«Общий план операции, которым подсказана директива № 4, сводится к следующему:

а) Вывести армии из-под нажима противника и дать им возможность устроиться и усилиться в том районе, которого они достигнут к концу отступления.

б) Окончательно устроить наши силы на линии Пон-сюр-Юонь, Ножан-сюр-Сен, Арси-сюр-Об, Бриень-ле Шато, Жуанвиль. На этой линии они будут пополнены.

в) Усилить левофланговую армию 2 корпусами, взятыми из 1-й и 2-й армий (из Нанси и Эпиналь).

г) После этого перейти в наступление по всему фронту».

До настоящего времени во французской литературе продолжается спор о том, кому принадлежит первенство замысла о моменте перехода в наступление и отчасти о направлении главного удара. Особенности положения Галиени, взаимное нерасположение между ним и Жоффром и разница в их личных свойствах создавали трения между ними, наложившие свой отпечаток на исходные распоряжения в Марнской битве. Галиени, будучи с 1 сентября подчинен Жоффру, продолжал расходиться с ним относительно времени перехода в наступление, считая, что главнокомандующий упускает выгодный момент.

Того же 1 сентября Галиени была передана 6-я армия Манури, предназначенная для обороны Парижа. Армия была усилена IV корпусом, перевезенным из состава 3-й армии.

Начиная с 31 августа, в штабах Галиени и Жоффра получались данные о перемене направления армии Клука. Вечером в этот же день конница 6-й армии, находившаяся еще на Уазе, впервые обнаружила, что войска Клука идут из района Компьена не на Париж, а в юго-восточном направлении. Галиени сгорал от нетерпения скорее использовать эффектную возможность стремительного удара во фланг германцев, но Жоффр, в духе отданной им директивы, приведенной выше, не отступал от принятого решения, желая выждать благоприятный момент. Начиная с 1 сентября во французской Главной квартире созревало решение перейти в наступление. 2 сентября Жоффр телефонировал Мильерану: «Я решил выждать несколько дней, раньше чем дать сражение... Мы увеличим этим в значительной степени наши шансы к победе».

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ГРУППИРОВКА И ПЛАНЫ ДЕЙСТВИЙ СТОРОН

Схема 10Б

Итак, создавшаяся к 4 сентября на Марне обстановка приводила к столкновению главных масс обоих противников. Это отчетливо сознавалось на обеих сторонах, но французское главнокомандование еще медлило выбором

наиболее выгодного момента для контрудара. В ночь с 3 на 4 сентября в штабе Галиени накопился целый ряд сведений о том, что 1-я германская армия проходит *мимо Парижа*. В 10 часов 4-го Галиени обратился к Жоффру с предложением двинуть армию Манури для удара во фланг германцев, идущих мимо Парижа в юго-восточном направлении. Выразив принципиальное одобрение этому предложению, Жоффр пожелал для точного указания направления атаки Манури раньше выяснить, как лучше сочетать эту атаку с атакой англичан и 5-й французской армии. Сначала решено было переход в общее наступление назначить на 7 сентября, причем 6-ю армию предварительно перевести на левый берег Марны. Но затем, когда Жоффр получил доклад ген. Франше д'Эспере, нового командующего 5-й армией, вместо отчисленного 3 сентября ген. Ланрезака, о готовности армии к бою и от Френча—согласие на участие в сражении английской армии, окончательно назначено было днем общего наступления 6 сентября [1]. В 22 часа 4 сентября была отдана следующая директива:

«1. Следует использовать рискованное положение 1-й германской армии с целью сосредоточить против нее силы союзных левофланговых армий.

В течение 5 сентября будут приняты все меры к тому, чтобы начать атаку 6-го.

2. К вечеру 5 сентября принять следующее расположение:

а) Всем силам 6-й армии, находящимся к северо-востоку от Мо, быть готовым переправиться через р. Урк между Лизи и Мей-ан-Мюльтьеном и атаковать в направлении на Шато-Тьери.

В распоряжение ген. Манури будут даны части кавалерийского корпуса ген. Сордее, расположенные поблизости.

б) Английской армии, развернувшись фронтом на восток, по линии Шанжи-Куломмье, атаковать в общем направлении на Монмирай.

в) 5-й армии, стянувшись к своему левому флангу и развернувшись на линии Куртасон—Эстернэ—Сезан, атаковать в общем направлении на север; II кав. корпус (ген. Конно) должен установить связь 5-й армии с английской.

г) 9-й армии прикрывать правый фланг 5-й, удерживая за собой выходы из сенгондских болот и имея часть своих сил на плато к северу от Сезан.

3. Всем указанным армиям начать наступление с утра 6 сентября».

Правофланговые армии получили указания 5 сентября: 4-я армия должна прекратить отступление и остановить противника, сообразуя свои движения с 3-й армией, а последняя, прикрываясь к северо-востоку,—наступать в западном направлении, из района севернее Ревиньи, с целью атаковать левый фланг неприятеля, наступавшего к западу от Аргон. При этом было одобрено решение командующего этой армией, ген. Саррайля, стремиться к сохранению связи с Верденским укрепленным районом.

План французского наступления намечал две атаки: главную, группой из 6-й, английской и 5-й армий против 1-й и 2-й германских армий в районе рек Б. и М. Морэна, и вспомогательную—3-й армией западнее Вердена. Центр, в составе 9-й армии ген. Фоша и 4-й армии ген. Лангль-де-Кари, предназначался для объединения обеих атак в цельную операцию охвата с двух сторон германцев, развернувшихся от нижней Марны

---

[1] Вечером 4 сентября в главной квартире в Бар-сюр-Об настал, судя по французским источникам, торжественный момент, когда Жоффр обратился к своим ближайшим сотрудникам с историческими словами: «Eh bien, messieurs, on se battra sur la Marne!»

до Аргон, с преобладающим стремлением против их правого фланга и тыла.

В тот момент, когда во французской Главной квартире принято было определенное решение, германское главнокомандование имело в своем распоряжении ряд признаков о переброске французских войск с востока на запад—к Парижу и о готовящемся оттуда контрударе. Вечером 4 сентября оно отказалось от оттеснения левого фланга французских армий от Парижа и решило своими 1-й и 2-й армиями занять оборонительное положение фронтом на Париж. Соответствующая директива Мольтке указывала:

«Неприятель уклонился от обходного движения 1-й и 2-й армий и частью своих сил вошел в связь с Парижем. Различные сведения указывают, что он перебрасывает на запад свои войска с линии Туль — Верден, а также снимает часть сил перед фронтом 3-й, 4-й и 5-й армий. Ввиду этого оттеснение всех неприятельских сил в юго-восточном направлении к швейцарской границе является уже невозможным. При этом представляется вероятным сосредоточение противником крупных сил и образование им новых соединений в окрестностях Парижа с целью обороны столицы и угрозы нашему правому флангу. Это вынуждает оставить 1-ю и 2-ю армии перед восточным фронтом Парижа с задачей активными действиями отражать неприятельские выступления из Парижского района, взаимно поддерживая друг друга. 4-я и 5-я армии пока соприкасаются с сильным противником и должны стремиться отбросить его подальше к юго-востоку, что облегчит 6-й армии переход через Мозель между Тулем и Эпиналем... Ближайшей задачей 6-й армии остается — приковать к месту находящегося перед нею противника, но, как только окажется возможным, следует форсировать Мозель между Тулем и Эпиналем, прикрывшись к стороне этих крепостей. 3-я армия возьмет направление на Труа — Вандевр, будучи в готовности или поддержать из-за Сены 1-ю и 2-ю армии в западном направлении или принять участие в боевых действиях наших левофланговых армий в южном или юго-восточном направлениях».

Согласно этим общим указаниям германские армии той же директивой получили следующие задачи (см. схемы 10 Б и В):

1-й армии со II кав. корпусом—стать фронтом к Парижу между Уазой и Марной, левым флангом—западнее Шато-Тьери;

2-й армии с I кав. корпусом—стать фронтом к Парижу между Марной и Сеной, обеспечивая владение за собой переправами через Сену на участке Ножан—Мэри. Главные силы обеих армий должны находиться в достаточном удалении от Парижа, чтобы сохранить свободу маневра при своих действиях.

На II кав. корпус возлагалось наблюдение за северным фронтом Парижа между Марной и нижней Сеной и разведка между Соммой и нижней Сеной до морского побережья. Дальняя разведка за линией Лилль—Амьен до побережья велась авиацией 1-й армии. На I кав. корпус возлагалось наблюдение за южным фронтом Парижа между Марной и Сеной ниже Парижа и разведка в направлениях на Кан, Аленсон, Ла-Ман, Тур и Бурж.

3-й армии—наступать на Труа и Вандевр; армии придается 1 дивизия из I кав. корпуса для разведки на линии Невер, Ле-Крезо.

4-й и 5-й армиям, с целью облегчить 6-й армии и оставшимся частям 7-й армии выход на левый берег Мозеля,—наступать на юг, причем 4-й армии—правым флангом на Витри-ле-Франсуа и Монтьерандер, 5-й армии—правым флангом на Ревиньи, Стэнвиль, Морлей. Кроме того 5-й армии левым флангом обеспечить указанное наступление со стороны маасских укреп-

лений овладением фортов Труайона, Пароша и С. Миеля. 5-й армии остается приданным IV кав. корпус для разведки перед фронтом 4-й и 5-й армий на линии Дижон—Безансон—Бельфор.

6-й и 7-й армиям оставалась прежняя задача, т. е. наступать к Шармскому проходу для прорыва французских мозельских крепостей.

Сущность означенной директивы была сообщена командующим армиями сначала по радио ночью с 4 на 5 сентября и затем подтверждена утром 5-го, а около полудня 5-го директива полностью была отправлена с офицерами на автомобилях и получена была на местах поздно вечером того же дня.

Таким образом *германское главнокомандование отказалось от идеи охвата левого французского фланга, но вместе с тем оно не желало приостановить наступление всего фронта для необходимых перегруппировок своих сил.* Поэтому получилась раздвоенность оперативного замысла, клонившегося отныне к прорыву неприятельского центра, но недостаточными силами. Этот прорыв имел мало шансов на осуществление силами 4-й и 5-й германских армий вследствие значительности сопротивления противника, опиравшегося на укрепленный район Вердена. Скорее прорыв мог бы удаться на участке 3-й германской армии, но здесь тактический успех нельзя было обратить в стратегический вследствие отсутствия каких-либо резервов.

В последнем нельзя не видеть результата ошибочного мнения Мольтке во время преследования англо-французов к Марне, что противник в конец расстроен и добить его не составляет особого труда. Мольтке признал возможным начать переброску части сил на восточный театр. Для этого было назначено сначала 6 корпусов и 1 кав. дивизия, но окончательно 26 августа были выделены для отправки на восток по 1 корпусу из 2-й и 3-й армии и кавалерийская дивизия из 6-й армии. Позднейшие события показали, что эти войска могли бы оказать немаловажную услугу в сражении на Марне. Основная причина неудачи германцев таилась в запаздывании вновь принятого плана. Французы уже захватывали инициативу действий. Из положения наковальни они собирались уже перейти к положению молота.

Кроме того по мере развития преследования после Пограничного сражения центр германского удара перемещался от правого фланга к общему центру германского фронта. При этом отмечается резкое падение плотности насыщения силами у германцев. К концу периода преследования германское правое крыло значительно было разжижено: *от 10 000 человек на 1 км*, которыми обладал Клук и Бюлов в начале операции, осталось только *3 000—5 000*. Распределение сил становилось равномерным на всем германском фронте. На фронте 4-й и 5-й германских армий плотность была по 4 000 на 1 *км*. В то же время плотность французских армий возрастала [1].

В течение 5 сентября армии обеих сторон продолжали движения и имели столкновения еще по инерции предшествовавших оперативных импульсов, причем германские силы оставались гораздо больше во власти этих импульсов, так как последние распоряжения главнокомандования не были ими восприняты. Германские войска в этот день продолжали преследование французов, между тем последние уже знали о завтрашнем переломе событий и отчетливо осознавали канун предстоящей битвы.

---

[1] См. таблицы в книге Н. Мовчин, Последовательные операции, 1928.

РУССКИЙ ТЕАТР

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОСЛЕ ГУМБИНЕНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Схема 11

В то время как на французском театре войны обстановка складывалась неблагоприятно для англо-французов, вынужденных после неудачного для них Пограничного сражения начать с 25 августа отход к Марне, операции на русском театре на обоих его фронтах приняли также весьма неблагоприятный для России оборот. На северо-западном фронте после Гумбиненского сражения они вылились, вследствие полной пассивности 1-й армии Ренненкампфа, в единоборство 2-й русской армии с 8-й германской, повлекшее к катастрофе для первой из них; на юго-западном началось энергичное наступление австровенгерской армии в Люблинском направлении, едва не скомпрометировавшее всего положения правого фланга этого фронта.

Изложенные события захватили период от 21 августа до 4 сентября, когда обстановка, продолжая оставаться для русских угрожающей в Восточной Пруссии, изменилась после взятия ими Львова и подхода подкреплений на Юго-западном фронте в лучшую для них сторону и вылилась в две отдельные операции—Самсоновскую в Восточной Пруссии и Галицийскую, продолжавшуюся до взятия Львова.

Самсоновская, или Наревская [1], операция, составляя второй этап похода русских на Восточную Пруссию, началась и развивалась при оптимистическом настроении русского верховного и фронтового командований и разразилась неожиданной для них катастрофой. Галицийская операция, напротив, началась быстрым отходом русских войск к Люблину, нервировала верховное командование и заставила его израсходовать сюда 2 корпуса создаваемой 9-й армии (гвардейский и XVIII) и подходивший III кавказский, но окончилась победой.

ДЕЙСТВИЯ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

САМСОНОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Схема 11А

Гумбиненское сражение первоначально произвело двойственное впечатление как в германской Главной квартире, так и среди ближайших участнкиов этого боя; Франсуа сообщал через Берлин о блестящей победе и о продолжении наступления на следующий день, а Притвиц доносил, что отдал приказ отходить за Вислу. Следует заметить, что в начале войны связь германской армии, как между высшими штабами, так и между войсками и штабами, сильно хромала и правильная обстановка выявлялась далеко не сразу.

В среде командования 8-й армией 20 августа вечером были разные предложения о дальнейших действиях. Одно стояло за продолжение атаки 21-го но эта мысль вскоре отпала, тем более что командир XX корпуса донес, что в направлении на Млаву движется целый русский корпус, а к Насельску—русская кавалерия, а по незашифрованному радио 2-й армии были обнаружены все русские корпуса Наревской армии, двигающиеся западнее, чем рассчитывали германцы, т. е. в наиболее опасном для последних направлении. Другое предложение сводилось к направлению сильного удара на Юг, вдоль озер, в обход восточного фланга Наревской армии, но Притвиц настаивал

---

[1] В германской литературе эта операция называлась «Танненберг».

на отходе за Вислу или первоначально, по крайней мере, к Висле. В этом направлении и были отданы предварительные распоряжения о переброске войск по железным дорогам, и походным порядком, более северными путями, чтобы избежать столкновений с Наревской армией. Письменного приказа об отходе за Вислу дано не было, так как не теряли надежды на изменение обстановки к лучшему. Она и изменилась.

В ночь на 21 августа XX корпус передвинулся ближе к Млавскому направлению (к Нейденбургу), но его сил, даже с крепостными гарнизонами было, по мнению германского командования, недостаточно, чтобы задержать опасное продвижение русских между расположением XX корпуса и Вислой. Приходилось принимать меры к образованию здесь сильного кулака, к чему в ночь на 21-е и было приступлено. Сюда начали перебрасываться по железной дороге: I корпус—через Диршау и Грауденц к Госслерсгаузену, а потом в Дейч-Эйлау. Этим способом надеялись к 26 августа собрать против левого фланга Наревской армии группу в 7 дивизий (I и XX корпуса, в том числе и крепостные войска), которая задержит русских и даст возможность выйти из готового образоваться мешка остальным частям 8-й армии (I резервный и XVII корпус и 1-я кав. дивизия). Таким образом первый шаг к выполнению маневра против Самсонова был положен еще в ночь на 21 августа, хотя первоначально еще не в целях наступательных.

21 августа принесло германцам радостные вести о том, что Наревская армия своим левым флангом совсем не продвигалась, правым продвигалась весьма медленно, а Ренненкампф стоял на месте. В штабе армии вновь начинает преобладать дух активности и сосредоточиваемой у Вислы группе придают уже характер наступательный, рассчитывая через 2—3 дня атаковать здесь русских, направляя движение по обе стороны Гильгенбурга и предполагая иметь дело с 2—2½ корпусами русских.

По свидетельству германского историка, вместе с этим в головах всего Генерального штаба армии вертелась мысль взять в клещи восточное крыло Наревской армии; она самостоятельно пришла в голову и командиру XX корпуса и руководила его действиями в последующие дни. Пришла она и Притвицу, и 22 августа он писал: «Если неприятель потеснит XX корпус, то с резервным и XVII корпусами атаковать противника с востока во фланг».

Но в этот день Притвиц был заменен Гинденбургом с начальником штаба Людендорфом. Почва для маневров нового командования была таким образом достаточно подготовлена, а перехватываемые радио русских с плохим управлением их Северо-западного фронта и армий довершили благоприятную для Гинденбурга обстановку.

Тем временем армии Северо-западного фронта медленно наступали. 1-я армия, совершенно не выяснив обстановки перед своим фронтом и не использовав своей мощной конницы, начала ощупью продвигаться вперед, ожидая встретить 8-ю армию на р. Ангерап, и дошла 23 августа только до линии Пелленинген—Даркемен, т. е. продвинулась от поля сражения на 15 *км*. 2-я армия продолжала наступление, постоянно подталкиваемая Ставкой и фронтом, в интересах общесоюзного фронта и под знаком несогласия между Жилинским и Самсоновым в отношении придания армии более западного или более восточного направления; при этом Жилинский, не отдавая Самсонову определенных приказаний, давил на его психику, и корпуса 2-й армии имели при своем движении отчасти зигзагообразное направление. Основной же причиной медленного движения армии следует считать чрезмерное утомление войск и полное расстройство тыла, заставлявшее войска голодать и делавшее невозможным дальнейшее

продвижение корпусов [1]. Но Ставка и фронт были немы к весьма серьезным докладам по этому поводу армейского командования.

Вследствие всех этих обстоятельств 2-я армия прошла в течение 3 дней от 20 до 30 км и к вечеру 23 августа расположились по линии Иоганнисбург—Ортельсбург—Едвабно—Нейденбург—Каслау—Сольдау и, если не считать II корпуса у Иоганнисбурга, отошедшего к 1-й армии, занимала фронт протяжением около 60 *км* 9 пех. и 3 кав. дивизиями.

Если мы вспомним, что 26 августа немцы предполагали иметь только против левого фланга армии сосредоточенными 7 пех. дивизий и что еще два корпуса (I резервный и XVII) передвигались вблизи, то положение утомленной и голодной армии Самсонова не представлялось уже тогда без помощи Ренненкампфа устойчивым.

23 августа Гинденбург и Людендорф прибыли в Восточную Пруссию, достаточно ознакомленные с положением 8-й армии и согласовав свои взгляды с Главной квартирой. Разделение этой армии на 2 группы—западную (I и усиленного состава XX корпус и 3-я резервная дивизия) и восточную (XVII, I резервный корпус и 1-я кав. дивизия) и направление 2-й русской армии на северо-запад предопределяло первоначальное столкновение с русскими западной группы, которая признавалась недостаточно сильной для такого единоборства. Поэтому Людендорф решил усилить эту группу всеми возможными силами привислинских крепостей, сосредоточив их 23 августа к Гослерсгаузену и Страсбургу и приказав продвинуть I корпус по железной дороге до Дейч-Эйлау. В отношении восточной группы определенного решения во время нахождения Людендорфа в главной квартире не состоялось, и постановили только не передвигать ее пока к западу.

По прибытии Гинденбурга 23 августа к армии обстановка складывалась в глазах германцев в следующем виде: австрийское наступление на Люблин должно развиться в течение недели, и австрийцы просили германцев ударить в это время на Седлец. Удовлетворить просьбу было признано невозможным, и вся германская помощь ограничивалась направлением из Силезии к Висле корпуса Войрша, который дошел без боев до Петрокова.

Сведения о расположении русских войск вполне соответствовали действительности. XX германский корпус так сблизился у Нейденбурга с русскими, что здесь бои должны были начаться 23—24 числа, но корпус должен был обороняться, так как I корпус и бригада из Торна могли прибыть в Дейч-Эйлау и Страсбург только 25-го.

Ввиду продвижения русских корпусов в более восточном направлении были брошены к Ортельсбургу гарнизоны озерных укреплений, а в Иоганнисбургские леса—ландштурмисты, которым было указано отступать к Летцену. 6-я ландверная бригада присоединилась к I резервному корпусу.

Отступление восточной группы потревожено Неманской армией не было, и I резервный и XVII корпуса продвигались по шоссе Инстербург—Норденбург и западнее, его, прикрываясь с тыла измотанной 1-й кав. дивизией

С вечера 23 августа в деятельности Людендорфа начали фигурировать такие благоприятные обстоятельства, как убитые русские офицеры с найденными на них приказами высшего командования и незашифрованные рус-

[1] В армию не только не прибыло положенного числа хлебопекарен, корпусны и армейских транспортов, но к некоторым дивизиям (2-я) даже и дивизионных обозов, а XIII корпус уже 23 августа весь день был без хлеба.

ские радио [1]. Поэтому обстановка для штаба 8-й армии становилась совершенно ясной, и 23-го вечером командованием было принято уже определенное решение, а именно: разбить 2-ю русскую армию, пока она не соединится с 1-й, почему ее не следовало допустить сильно продвинуться в пределы Пруссии. Это возлагало на XX корпус серьезную задачу задержать движение противника до подвоза I корпуса и гарнизонов крепостей. Хотя перевозку решено было продвинуть вперед до Лебау (I корпус) и Неймарка (гарнизоны крепостей), но они могли вступить в бой только 26 числа. Пространство к западу от Сольдау оставалось открытым для русской кавалерии. Вопрос пока продолжал быть не совсем ясным относительно восточной группы: германскому командованию хотелось как можно больше сил направить против Наревской армии, но это всецело зависело от поведения Ранненкампфа. Однако медленное продвижение его армии за 23 число позволило и этот вопрос разрешить в благоприятную сторону направлением обоих корпусов восточной группы форсированными маршами на Алленштейн. Поэтому части XVII корпуса и 1-й кав. дивизии было приказано 24-го оставаться на реке Алле, чтобы прикрывать поворот отходивших частей на юго-запад и удерживать 1-ю русскую армию, а I резервный корпус должен был в этот день отойти подальше за Шипенбейль, чтобы уже 25-го миновать Зеебург. XVII корпусу надлежало 25-го перейти через Фридланд в Бартенштейн, чтобы в дальнейшем обоим корпусам искать фланга Наревской армии.

Таким образом 26-го августа все германские силы, находившиеся восточнее Вислы, присоединились к XX корпусу для маневра окружения. 11½ пех. дивизий должны были принять участие в решительной операции против 9 русских, и только 1½ дивизии пехоты (резерв Кенигсбергского гарнизона, 2-я ландверная бригада) и 1-я кав. дивизия были оставлены против 1-й армии.

Судьба Самсоновской армии, тяжеловесной по своему характеру, измученной и голодной, официально уже перешедшей на довольствие только местными средствами, с корпусами, лишенными вследствие полного расстройства тыла широкой маневренной способности, была решена уже 23 августа вечером. Ее могли спасти или энергичные и правильные действия Ренненкампфа, или хорошее управление. Отсутствие того и другого только ухудшило это положение.

В то время как германцы в точности знали не только положение русских корпусов, но и их планы, русские были хуже чем в неведении: они нарисовали себе несуществующую картину о бегстве германцев частью к Висле, частью к Кенигсбергу, совершенно не зная, в каком порядке бегут и где находятся беглецы. Поэтому естественно, что 2-я армия, долженствовавшая их перехватить, направлялась как бы в пустое пространство и на-авось. Это «авось» и выливалось в тяготении Жилинского к *северному* направлению, а Самсонова—к *северо-западному*. Последнего очень опасалось германское командование.

Распри в этом смысле возобновились 23 августа, когда Самсонов вновь просил разрешения направить армию на линию Алленштейн—Остероде и вновь получил приказание, оставив I корпус у Сольдау, свернуть севернее, именно на фронт Зеебург—Алленштейн, который и занять 25 августа, так как не-

---

[1] Интересно отметить, что на французском театре германцы были принуждены в начале войны также перейти к незашифрованным радио после почти общих случаев путаницы шифра (по французским источникам).

приятель поспешно отступает, оставив, повидимому, перед Самсоновым незначительные силы. «Движение ваше,—кончил Жилинский,—имеет целью наступление навстречу противнику, отступающему перед армией Ренненкампфа, с целью пресечь германцам отход к Висле». Из дальнейших директив Жилинского видно, что он имел целью отрезать отступление германцев и к Кенигсбергу.

24-го было принято компромиссное решение, согласно которому 2-я армия направлялась на фронт Алленштейн—Остероде, оставляя VI корпус в движении на Бишофсбург, т. е. отдаляя его от остальной армии на $2^1/_2$ перехода. Эти переговоры, а также переговоры о дневке, которой настоятельно требовал Самсонов, привели к тому, что кроме VI корпуса армия на 25-е число почти не подвинулась.

Сведения о противнике были у Самсонова весьма скудные. На западе было обнаружено скопление германцев у Гр. Гардинен—Страсбург, а на востоке продвижение их значительных сил 24 августа через Растенбург. Кроме того были получены сведения о наступлении германцев со стороны Лаутенбурга и озера Дамерау. Оценивая складывающуюся обстановку, Самсонов 26 августа утром решил задержать движение XV и XIII корпусов, но под влиянием молодой части своего штаба приказал продолжать движение.

Между тем еще 25 августа Гинденбург решил, не ожидая полного сосредоточения I корпуса и прибытия дивизии Гольца, начать с утра 26 августа общую атаку, направляя главный удар на левый фланг русских у Уздау и далее на Нейденбург во фланг и в тыл XV корпуса.

В этот день германцы перехватили все радиотелеграммы с оперативными распоряжениями Ренненкампфа и Самсонова [1], дававшими Гинденбургу ясную картину расположения, движения и действий русских войск. Вечером 25-го германские войска расположились, как указано на схеме 11. Всего на фронте около 40 *км*—7 пех. дивизий, в общей сложности 95 батальонов. Против них могли действовать 7 пех. дивизий русских (I, XXIII, XV и XIII корпуса) силой в 126 батальонов [2], разбросанных от Алленштейна до Уздау на фронте свыше 60 *км*.

Напомним, что к утру 26 числа у Бишофсбурга сблизились VI русский корпус, с одной стороны, и XVII германский и I резервный корпуса с 6-й ландверной бригадой, с другой, т. е. $4^1/_2$ германских пех. дивизии силой в 54 батальона против 2 дивизий русских силой в 32 батальона.

В то время когда 2-я армия усиленно велась фронтовым командованием к катастрофе, Ставка пребывала после Гумбиненского сражения в оптимистическом настроении и в день 26 августа разрабатывала соображения о скорейшем давлении на Германию по кратчайшему направлению на Берлин. Записка предлагала:

1. «Торопиться с овладением нижним течением Вислы», для чего развить наступление по ее левому берегу от Варшавы, где к этому дню находился Гвардейский и 1 полк XVIII корпуса.

2. «Торопиться с очищением от противника Восточной Пруссии», для чего перебросить армию Ренненкампфа в составе 4—5 корпусов на левый берег Вислы, а на правом берегу оставить армию Самсонова, соответственно ее перегруппировав.

---

[1] В течение первого месяца войны радиотелеграммы эти совсем не зашифровывались, а после этого германцами был открыт русский шифр.

[2] Из 3-й гвардейской пех. дивизии только головной полк.

3. На левом берегу Вислы развернуть 9-ю, 1-ю и 10-ю армии в составе примерно 15 корпусов для развития действий в глубь Германии [1].

26 августа у Бишофсбурга произошло столкновение VI русского корпуса с XVII, I резервным германскими корпусами и 6-й ландверной бригадой, в результате которого русский корпус отскочил к Ортельсбургу и юго-восточнее его, а германцы имели возможность, следуя частью сил за ним, направить остальные на Пассенгейм, чтобы замкнуть кольцо окружения XIII и XV русских корпусов. В западной группе в этот день, несмотря на всю энергию Гинденбурга, дела не приняли решительного оборота: I корпус, на который была возложена главная задача—атаковать русских во фланг у Уздау и направиться в дальнейшем на Нейденбург, фактически топтался на месте. Но и эта неудача послужила германцам на пользу, так как XV и XIII русские корпуса продвинулись еще вперед и еще более завернули свой фронт на запад. Они расположились на ночлег в тесном соприкосновении с противником, сохранившим в общем положение 25 августа, причем германцы этот день использовали для подтягивания всех своих сил. Армия Ренненкампфа достигла линии Дамерау—Вслау—Алленбург—Гердауэн.

На 27-е число Гинденбург приказал продолжать выполнение ранее поставленной задачи, т. е. обрушиться всеми силами I корпуса на Уздау и далее направиться в тыл XV корпусу на Нейденбург; XX корпусу южной частью поддержать атаку I корпуса, а остальными атаковать XV корпус до подхода к нему частей XIII корпуса. Дивизия Гольца была направлена на Гогенштейн.

Самсонов, не зная еще об отступлении VI корпуса, также приказал армии продолжать выполнение ранее поставленной задачи, а VI корпусу направить часть сил к Алленштейну.

День 27 августа ознаменовался неудачей на крайнем левом русском фланге, а именно быстрым отступлением I корпуса, преимущественно под влиянием мощного огня германской тяжелой артиллерии, к Сольдау; благодаря этому на пути германцев к Нейденбургу оставались только слабые части 2-й пехотной [2] и передовые 3-й гвардейской пех. дивизий.

На 28 августа Самсонов, все еще не зная об отступлении I корпуса, приказал удерживаться ему севернее Сольдау, частям 3-й гвардейской и 2-й пех. дивизий—у Франкенау, VI корпусу направиться к Пассенгейму, а XV и XIII корпусам под общим начальством Мартоса (командир XV корпуса) наступать в общем направлении на Гильгенбург—Лаутенбург с целью атаковать противника, находящегося против I корпуса, в тыл и фланг. Утром 28-го Самсонов узнал об отходе I корпуса, но не отменил своего приказания, а только сам отправился в Нардау в штаб XV корпуса для ближайшего руководства боем, порвав связь с фронтом и фланговыми корпусами. В это же время Жилинский отдал приказ об отходе 2-й армии на линию Ортельсбург—Млава, но его Самсонов уже не получил.

---

[1] Этот документ цитируется по труду Н. Н. Головина, стр. 182—183, так как дела Ставки за август 1914 г. из русских архивов исчезли. К сожалению документ не приводится в полном виде. Казалось бы, что предположения оперативного отдела Ставки относятся только к далекому будущему, а не к 26 августа, но от этой мысли приходится отказаться, так как автор записки именно указывает о необходимости «торопиться с очищением от противника Восточной Пруссии».

[2] По свидетельству участников этой дивизии, люди были совершенно переутомлены, патронов не было, хлеба и сухарей не выдавалось уже 3-й день. Тыл не был организован.

В результате боев 28 августа XV корпус разгромил у д. Ваплиц 41-ю германскую дивизию, забрав 13 орудий и более 1 000 пленных. Восточная группа германцев—XVII и I резервный корпуса 6-й ландверной бригады—28 августа, не получая никаких указаний от Гинденбурга, направилась на Алленштейн, где и заночевала. 28 августа Самсонов приказал XV и XIII корпусам отступить на линию Млава—Мышинец. Для облегчения положения этих корпусов Самсонов приказал наступать фланговым корпусом, и последние дошли: VI корпус до Ортельсбурга и I—до Нейденбурга. Но наступать было уже поздно. XV корпус в ночь на 29 августа частью был обезоружен на ночлеге, частью прорвался к Нареву; остатки же его вместе с XIII корпусом были сданы в плен командиром XIII корпуса ген. Клюевым численно слабейшим германским силам.

ДЕЙСТВИЯ 1-й РУССКОЙ АРМИИ С 26 ПО 30 АВГУСТА

Ближайшую реальную помощь 2-й армии, естественно, должна была и могла оказать соседняя, 1-я армия, которая выполняла одну общую с ней операцию.

Но у фронта не было мысли объединить работу обеих армий, фактически направив к выполнению одной задачи, а у командования 1-й армией не было ни надлежащей связи, чтобы восполнить паралич фронтового управления, ни инициативы, ни энергии, ни способности ясно схватить обстановку в общем и направить свои мысли к разрешению задачи во фронтовом масштабе. В результате 26 августа к вечеру, когда для командования фронтом должна была быть уже ясна группировка противника, а окружение центральных корпусов 2-й армии было уже нацелено, 1-я армия считала, достигнув линии Дамерау—Велау—Алленбург—Гердауен, свою первоначальную задачу исполненной. Так же смотрело на дело и высшее командование.

Фронт в этот день (26-го) отдал новую директиву 1-й армии, представляющую собой документ, который свидетельствовал о путанице понятий, существовавшей в высшем управлении фронтом. Суть директивы сводилась к двум противоречащим друг другу пунктам.

1. Целью 1-й и 2-й армий ставилось прижать отступавших к Висле германцев к морю и не допускать до Вислы, что шло совершенно вразрез со всегдашним притягиванием Жилинским 2-й армии к востоку.

2. Обложить примерно 2 корпусами Кенигсберг, содействуя обложению силами всей армии.

Трудно догадаться, что было общего между поставленной целью, которая тянула 1-ю армию в южном направлении, и данными ей задачами, привязывавшими ее к северу. Что касается Ставки, то она в этот день заботилась только о том, как бы отнять от Северо-западного фронта еще II корпус и перебросить его в Варшавский отряд. Вопрос для Ставки все еще сводился к скорейшему наступлению на Берлин, для чего Восточная Пруссия являлась досадной препоной, с которой 2-я армия якобы не спешила справиться и не давала таким образом возможности скорее перебросить 1-ю армию на левый берег Вислы.

Ренненкампф выполнил вышеприведенную директиву фронта в духе присущей ему в этой войне пассивности и осторожности. Он поставил армии задачи: 1) прочно обложить Кенигсберг, для чего овладеть линией реки Дейме, «тщательно подготовившись к ее форсированию ввиду ожидаемого сильного ее занятия», и 2) по занятии Дейме 2 правофланговыми корпусами и только

после «ее укрепления левофланговым корпусом, продолжать наступление».Только 27-ю фронт, но не Ставка, начал сознавать тяжелое положение 2-й армии и потребовал от Ренненкампфа оказания ей помощи «движением возможно далее вперед своим левым флангом на Бартенштейн и выдвижением кавалерии к Бишофсбургу». Ренненкампф реагировал на это только на следующий день и совершенно казенным образом, направив корпуса в указанные пункты, куда они и прибыли, не встретив по пути сопротивления противника. Таким образом пехота Ренненкампфа отстояла от места катастрофы в расстоянии около 60 *км*, а кавалерия—40—50 *км*. В ночь на 30-е командование 1-й армии получило приказание приостановить дальнейшее продвижение левофланговых корпусов ввиду того, что «2-я армия отошла». К ночи на 31-е эти корпуса отступили на линию Гр. Шенау—Дидрихсдорф (IV корпус) и Паарис—Растенбург (II корпус).

Второй акт борьбы за Восточную Пруссию окончился временным выводом из строя 2-й русской армии и пленением ее 2 корпусов. Ген. Самсонов покончил самоубийством. Отошедшие части 2-й армии собирались на р. Нареве.

Поражене, понесенное 2-й армией, можно было признать тяжелым, но во всяком случае не в такой степени, как раскричало об этом на весь мир германское командование, стремившееся из частных успехов в Восточной Пруссии создать эквивалент своих поражений на французском фронте.

На Нареве 2-я армия была усилена 2 свежими корпусами и снова перешла в наступление в прежнем направлении.

Дальнейшие действия германского командования, после поражения 2-й русской армии, носят довольно странный характер: оно не хочет эксплоатировать свою победу в Наревском направлении в масштабе коалиции и ударом на Седлец в тыл Юго-западному фронту русских помочь австрийцам, которые, сражаясь на два фронта (против Сербии на Дунае и против России в Галиции), были накануне поражения. Вместо осуществления указанной задачи германское командование решило отплатить 1-й русской армии за поражение в Гумбинен—Гольдапском сражении. Благодаря такому решению германцы дали возможность русским оправиться от понесенных неудач в Восточной Пруссии и докончить в Галиции поражение австро-венгерцев.

Австрийское командование было недовольно такими действиями германцев и требовало наступления главных сил 8-й германской армии на Нарев—Седлец в тыл русскому Юго-западному фронту, но встречало несогласие в Ставке германцев.

3 сентября верховный командующий австровенгерскими армиями обратился непосредственно к императору Вильгельму со следующим протестом против действий ген. Мольтке: «Исполняя верно наши союзные условия, мы пожертвовали Восточной Галицией, во имя успеха наших операций между Бугом и Вислою, с целью притянуть на себя главные силы России. Нас беспокоит, что германцы отмахиваются от общего наступления на Седлец. Для поставленной нами великой цели низвержения России, наступление значительных германских сил на Седлец имеет решающее значение и является неотложным»... Но и это предложение также было отвергнуто [1].

---

[1] «Weltkrieg», т. II, стр. 243—264.

ДЕЙСТВИЯ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ

ГАЛИЦИЙСКАЯ БИТВА [1]

Схема 12

СРАЖЕНИЕ У КРАСНИКА. (Схема 12А). 23 августа на Люблинском направлении 4-я русская армия Зальца в составе XIV, XVI и Гренадерского корпусов ($6\frac{1}{2}$ пех. и $2\frac{1}{2}$ кав. дивизий, всего 109 000 бойцов и 426 орудий) наступала к югу на 75-*км* фронте, имея ближайшей задачей разбить австрийцев, обнаруженных разведкой к северу от Таневской лесной полосы на фронте Закликов—Янов—Фрамполь—Щебрежин, т. е. в 35—40 *км* от исходного положения 4-й армии. Армия базировалась на железную дорогу Ивангород—Люблин—Луков, от которой могла оторваться не свыше 4 переходов ввиду отсутствия армейских транспортов, и не была подготовлена к длительной «дальнобойной» операции на Перемышель. Будучи вдвое слабее противостоявшей 1-й австрийской армии, 4-я русская армия в то же время не могла рассчитывать на быстрое содействие соседней, 5-й армии Плеве ввиду удаления ее правофлангового XXV корпуса почти на *30* км. А между тем роль 4-й армии как правофланговой примыкавшей к открытому для противника левому берегу Вислы и наиболее угрожавшей главным коммуникациям австрийцев была важнейшей [2].

Против 4-й русской армии наступала 1-я австрийская армия Данкля в составе I, V и X корпусов ($9\frac{1}{2}$ пех. и 2 кав. дивизии, всего 228 000 бойцов и 468 орудий), имея ближайшей задачей «разбить противника, сосредоточившегося у Красника, охватывая его левым крылом армии». 1-ю армию австрийцы имели возможность поддержать войсками, действовавшими на левом берегу Вислы: армейская группа Куммера ($2\frac{1}{2}$ ландштурменных и 1 кав. дивизия) продвигалась из района Мехова на Островец, прикрывая направление на Краков, а III германский ландверный корпус Войрша (34 батальона, 12 эскадронов и 72 орудия), наступая на Ивангород, подошел 21 августа на фронт Опочно—Конск. Австрийская авиация детально вскрыла действительную группировку 4-й русской армии, и в трехдневном *сражении у Красника* 3 русских корпуса 4-й армии были последовательно разбиты и отброшены к Люблину.

В первый день сражения 23 августа, австрийцы сосредоточили на 30-*км* фронте ударную группу из $5\frac{1}{2}$ пех. и 1 кав. дивизий, сковав фронтальное наступление правофлангового XIV корпуса русских, направив во фланг ему на Урженлов весь I австрийский корпус. На остальном фронте 1-й армии, от Модлиборжице до Белгорая, протяжением 40 *км* австрийцы оставили 4 пех. и 1 кав. дивизии и 2 ландштурменных бригады против 4 пех. и 1 кав. дивизий XVI и Гренадерского корпусов. В результате XIV корпус был смят и начал отходить к Краснику.

Попытка командующего 4-й русской армией на второй день сражения удержать XIV корпус у Красника и поддержать его наступлением XVI и Гренадерского корпусов на запад на фронте Модлиборжице—Янов—Фрамполь успехом не увенчалась, и вся 4-я армия, стремясь избежать обхода правого фланга, начала 24 августа отходить к Люблину. Отход корпусов продолжался 25 и 26 августа, и только 27 августа 4-я армия закрепилась для обороны на фронте Коваль—Бельжице—Верцишов—Ольшанка, выжидая подвоза к своим флангам XVIII корпуса из Ивангорода и Гвардейского корпуса—из Варшавы.

---

[1] Галицийская битва ввиду ее важного значения описана более подробно.
[2] По плану операции 4-я и 5-я армии наносили главные удары.

ОБОРОНА 4-й АРМИИ У ЛЮБЛИНА. С 27 августа по 2 сентября 4-я армия ведет оборонительную операцию на широком 90-*км* фронте. Близость к Люблину и железнодорожной линии не позволяет ей оторваться от противника и произвести перегруппировку своих сил для создания ударного участка. Охваченная к 28-му с обоих флангов, а с 31 августа, после занятия X австрийским корпусом станции Травники и Красностава, и изолированная от 5-й армии Плеве, 4-я армия стойко обороняется и выжидает результатов медленно развивающегося железнодорожного маневра. На ее флангах разворачиваются случайные оперативные резервы верховного главнокомандования, которые ко 2 сентября прибывают в количестве 6 дивизий (XVIII и Гвардейский корпуса, части 80-й, 82-й и 83-й дивизий), что доводит ее силы до 14 пех. и 3½ кав. дивизий и создает численное превосходство над 1-й армией Данкля. Численность последней, вместе с подошедшей на ее левый фланг армейской группой Куммера, доходит до 11 пех. и 3 кав. дивизий и 4 ландштурменных бригад. На левом берегу Вислы остается только 7 кав. дивизия с польским легионом (3 батальона) и на переправах у Юзефова 110-я ландштурменная бригада. Эти силы 1-й австрийской армии, растянутые на 100-*км* фронте от Вислы через Ополе и Быхаву до Лоппеники, не только не давали возможности продолжать наступление на укрепленные позиции русских, но их было недостаточно даже для длительной обороны против усиливавшихся с каждым днем русских.

В общем, к концу 14-дневной наступательной операции австрийцы продвинулись на 75—100 *км;* но при переходе к обороне имели в среднем на 1 дивизию более 8 *км* фронта. Большие потери (30—40%) настолько уменьшили численный состав этих частей, что вынудили их со 2 сентября, начиная с участка X австрийского корпуса, начать отступление под натиском Гренадерского, Гвардейского, III Кавказского и XXV корпусов, полукольцом окруживших правый фланг армии Данкля.

ТОМАШЕВСКОЕ СРАЖЕНИЕ. (Схема 12Аа). Сражение у Красника подтвердило несоответствие оперативной обстановки развертывания между Вислой и Бугом 4-й и 5-й русских армий. Эту невыгоду первоначального развертывания признало и русское верховное главнокомандование, которое еще ранее потребовало изменения первоначальных задач для всех армий Юго-западного фронта.

Поэтому 23 августа главнокомандующий фронтом отдал новую директиву, согласно которой, ввиду выяснившегося развертывания австрийцев западнее, чем это считалось первоначально, 4-я и 5-я армии должны были начать захождение левым плечом и продолжать наступление: 4-я армия—для овладения участком р. Сана от устья до Лежайска, а 5-я армия—подаваясь вправо и заходя левым плечом, выйти на рубеж Цешанув—Рава-Русская—Магирув. В то же время 4-я армия усиливалась III Кавказским корпусом и 8-й кав. дивизией, направляемыми на Ивангород.

Нанесение главного удара в общем направлении на Львов попрежнему возлагалось на мощные 3-ю и 8-ю армии, причем обеспечение левого фланга 5-й армии должна была принять на себя 3-я армия.

К началу маневра поворота фронта на запад 5-я армия, наступая на 95-*км* фронте, в составе XXV, XIX, V и XVII корпусов (8 пех. и 2½ кав. дивизии, всего 147 000 бойцов и 456 орудий), вышла в ночь на 26 августа на рубеж Машов—Замостье—Комаров—Вараж—Сокаль. К началу операции 5-я армия базировалась на два железнодорожных участка Холм—Брест и Холм—Ковель, но так как ее первоначальное оперативное развертывание вдоль железной дороги Холм—Ковель более отвечало оборонительной задаче прикрытия путей на Брест,

то состояние ее тыловых учреждений не отвечало предстоящей наступательной задаче и движению к Сану.

Австрийское командование, осуществляя свой план вторжения 1-й и 4-й армий в Польшу, направило 4-ю армию Ауффенберга, в составе II, IX, VI, XVII и XIV корпусов (12 пех. и 3 кав. дивизии—250 000 бойцов и 462 орудия), в общем направлении на Холм.

25 августа, развернувшись на фронте верховья р. Пор—Бодачев—Тарнаватка—Верещица, 4-я армия имела группировку для нанесения главного удара по району Замостья, куда направлялись четыре дивизии II и IX корпусов, которых могли поддержать, ввиду отхода на север Гренадерского корпуса 4-й русской армии, еще 2 дивизии (24-я и 45-я) X корпуса 1-й армии Данкля.

Таким образом осуществление ближайшей цели действий 5-й русской армии—выход во фланг 1-й австр. армии, атакующей 4-ю русскую армию,— приводило 2 правофланговых, XXV и XIX, корпуса 5-й армии ($3\frac{1}{2}$ пех. и $1\frac{1}{2}$ кав. дивизии) к встречному столкновению в районе Замостья и Комарова с 8 пех. и $1\frac{1}{2}$ кав. дивизиями II, IX и VI австрийских корпусов. V и XVII русские корпуса могли подойти к району боев не ранее 2—3 дней.

26 и 27 августа XXV корпус ведет бои в районе Замостья и на переправах через р. Пор и, охваченный с обоих флангов превосходными силами 6 австрийских дивизий, к вечеру 27-го в беспорядке начинает отходить на Красностав и отрывается километров на 25 от XIX корпуса. XIX корпус в своем движении на юго-запад был остановлен встречным ударом VI австрийского корпуса и после 2 дней тяжелого боя в районе Тарнаватки должен был отойти на север к Комарову, выжидая подхода к своему левому флангу V и XVII корпусов, движение которых сдерживалось конным корпусом Витмана (6-я и 10-я кав. дивизии). К вечеру 27 августа между XIX и V корпусами имелся разрыв до 15 *км*, а XVII корпус непосредственно к V корпусу не подошел и находился под угрозой флангового удара со стороны XIV австрийского корпуса и 2-й кав. дивизии, которые 27 августа вышли на р. Солокию на участке от Кристынополя до Унува.

28 августа австрийцы направляют свои усилия для разгрома XIX корпуса у Комарова, намечая охват его обоих флангов. Оставив на Красноставском направлении для преследования XXV корпуса 4-ю дивизию, поддержанную с запада 24-й и 45-й дивизиями X корпуса, австрийцы сворачивают от Замостья 13-ю и 25-ю дивизии II корпуса для охвата XIX корпуса с севера. С запада на него вел наступление IX австрийский корпус, а VI австрийский корпус охватывал расположение XIX корпуса с юга, направив 15-ю дивизию западнее Лащова для выхода на тылы этого корпуса. Тем не менее XIX корпус, искусно ведя контратаки, удержал свое расположение, а V корпус, выйдя у Лащова во фланг и тыл 15-й австрийской дивизии, окружил ее и захватил до 4 000 пленных и 22 орудия, обеспечив этим устойчивость левого фланга XIX корпуса. XVII корпус, следуя на запад для занятия района Ярчова, был атакован во фланг на походе, разбит XIV австрийским корпусом, потеряв 58 орудий и 5 000 пленных, и отброшен почти на переход к северу в район Старого Села. Таким образом отход XXV и XVII корпусов обнажил центральные корпуса 5-й армии и создал угрозу их окружения.

С 29 августа австрийцы приступают к заманчивому решению взять в плен южную группу корпусов 5-й армии, для чего развертывают *полукольцом* на 60-*км* фронте от Чесники до Виткова 12 пех. и 2 кав. дивизии (175 батальонов, 73 эскадрона и 526 орудий) II, IX, VI, XVII и XIV корпусов. На Красноставском направлении они продолжают теснить XXV корпус, и, выйдя

в обход его правого фланга 24-й и 45-й дивизиями, занимают 30 августа Красностав, заставляя XXV корпус отойти к Холму.

На фронте южной группы корпусов 5-й армии, объединенных ввиду трудности управления ими из Холма командиром XVII корпуса Яковлевым, натиск австрийцев продолжался 29 и 30 августа. Особо трудное положение создалось на участке XIX и V корпусов, удерживающих 35-*км* фронт от Дуба через Комаров до Лащова под непрерывными атаками 3 австрийских корпусов. Сковав XIX и V корпуса атаками на фронте, австрийцы постепенно продвигали II и XIV корпуса, охватывая ими оба фланга южной группы 5-й армии. С занятием Дуба и Виткова к вечеру 30 августа казалось, что кольцо окружения может замкнуться уже на следующий день.

Но в тылу 4-й австрийской армии обстановка начинала изменяться к худшему. Воздушная разведка обнаружила движение на север русских колонн от Каменки Струмиловая на Мосты Вел. (69-я дивизия) и на Раву-Русскую (11-я кав. дивизия). Эта, еще удаленная, угроза тылам 4-й армии заставляет австрийское командование уменьшить силу обходящего правого крыла 4-й армии. С фронта снимаются 6-я кав., 19-я пех. дивизия и 6-я маршевая бригада. Они обеспечивают 4-ю австрийскую армию от угрозы с юга организовав заслон на Солокия от Унува до Бельза. Кроме того в район Жолкиева направляется конный корпус Витмана в составе 10-й и 11-й кав. дивизий.

День 31 августа принес много неожиданностей обеим сторонам. В то время как 24-я австрийская дивизия покинула Красностав и двигалась на Люблин, XXV корпус неожиданно начал отходить на позиции в 12 *км* южнее Холма, что увеличивало разрыв его с 4-й армией до 2 переходов, а с XIX корпусом—до 35 *км*.

Южнее, на правом фланге XIX корпуса, угроза окружения и выхода австрийцев от Дуба в тыл истомленным шестидневными боями войскам внезапно отпала: днем 30 августа 4-я дивизия II австрийского корпуса не выдерживает контрудара левого фланга XXV корпуса и отбрасывается к Замостью; на рассвете 31 августа в тылу II корпуса в районе Миончина внезапно появляются части 1-й и 5-й донских казачьих дивизий, направленных Плеве на правый фланг южной группы. Этим срывается подготовленный австрийцами удар по XIX корпусу; 13-я и 25-я дивизии II австрийского корпуса в беспорядке, потеряв сотни пленных и 10 орудий, отходят на Замостье. На фронте V и XVII корпусов наступление австрийцев у Лащова и восточнее также было отбито, после чего правый фланг V корпуса стал продвигаться вперед и сомкнулся с XIX корпусом. Продолжавшийся обход левого фланга XVII корпуса был также остановлен севернее Долгобычева сводной и 7-й кав. дивизиями.

Учитывая неудачную попытку 4-й армии овладеть Красноставом и отход XXV корпуса к Холму и не зная—вследствие плохой связи с южной группой через промежуточный штаб XVII корпуса—о действительной обстановке на фронте южных корпусов, Плеве решает вывести истомленные и понесшие тяжелые потери войска (в ротах XIX и V корпусов оставалось 50—100 бойцов) из-под ударов противника. Но, отдав в 16 час. 31 августа директиву об отходе XIX, V и XVII корпусов на 3 перехода назад на рубеж Война Войславице—Грубешов—Владимир-Волынский, он все же приказывает XXV корпусу выбить противника из Красностава.

Хотя на решение об отходе большое влияние оказали состояние войск и неустройство тылов 5-й армии, тем не менее отход нельзя признать целесообразным, тем более что все командиры корпусов южной группы считали возможным выполнять 1 сентября наступательные задачи. Командующий 5-й армией

не учел, что отход замедлит на несколько дней начало подготовлявшегося уже второго наступления 9-й [1], 4-й и 5-й армий и облегчит перегруппировку австрийских армий. Оставаясь в прежнем районе, 5-я армия продолжала бы сковывать большую часть сил 4-й австрийской армии и не допустила бы выделения ее сил для поддержки дважды разбитых восточнее Львова 3-й и 2-й австрийских армий.

А между тем австрийцы, обсуждая еще 30 августа общее положение, считали, что если 4-я армия в ближайшее время не достигнет решительных успехов, то ее следует отвести на Сан, ввиду угрозы ее тылу со стороны 3-й русской армии и ослабления ими Красноставского направления, где уже выявилось охватывающее положение русских по отношению X австрийского корпуса. В общем, стремление Ауффенберга окружить и взять в плен большую часть сил 5-й армии не соответствовало ни обстановке, ни численности, ни качеству австрийских войск. Австрийцы за 16-дневную наступательную операцию, при глубине продвижения 4-й армии с линии р. Сана на 95—135 *км*, понесли потери до 40 000 бойцов, т. е. 20% штатного состава, которые в большинстве падают на пехоту. Общие потери 5-й русской армии доходили до 30 000 бойцов, т. е. тоже 20% боевого состава.

Начиная с ночи на 1 сентября, 5-я армия в течение 3 дней, проходя в среднем 40—45 *км* в сутки, отошла и закончила перегруппировку, сосредоточив на своем правом фланге на 55-*км* фронте от Красностава до Рациборовице XXV, XIX и V корпуса и 4 кав. дивизии (1-я, 4-я и 5-я донские и сводная). XVII корпус и 7-я кав. дивизия оставались у Владимира-Волынского. Общий отход южной группы 5-й армии был полной неожиданностью и для австрийцев: еще в 14 час. 31 августа верховное командование отдало приказ № 1397, согласно которому 4-й армии было разрешено, в случае серьезной угрозы со стороны Мосты Вельке, начать отходить правым флангом через Раву-Русскую. Поэтому австрийцы вяло преследуют в течение 1 сентября и только в 21½ час. принимают окончательно решение вести преследование в общем направлении на Грубешов группой Иосифа-Фердинанда (II и XIV корпусами и 9-й кав. дивизией), а IX, VI и XVII корпуса с 2-й и 6-й кав. дивизиями получают задачу переменить фронт на юг и головами колонны достигнуть 3 сентября линии Унув—Бельз, что и было выполнено ими в срок. Продолжая медленное преследование, группа Иосифа-Фердинанда к вечеру 3 сентября вышла на фронт Грабовец (9-я кав. дивизия)—Грубешов (II корпус)—Крылов (XVI егерьский батальон и несколько батальонов 3-й дивизии). XIV корпус продвинулся только на полперехода и занял район Мирче.

В общем, неудачное направление преследования II австрийского корпуса на Грубешов, а не в обход правого фланга XIX корпуса и медленность движения (за 3 дня около 40 *км*) создали к 4 сентября невыгодную группировку войскам группы Иосифа-Фердинанда, так как она занимала 3 пех. и 1 кав. дивизиями 60-*км* фронт от Грабовца до Делатыни и находилась под непосредственной угрозой удара с севера V, XVII и с юга XXI русских корпусов, что ставило в дальнейшем под сомнение действительность обеспечения тылов ушедшей на юг 4-й армии Ауффенберга.

[1] В состав 9-й армии вошли XVIII и XIV корпуса, Гвардейская стрелковая бригада, 13-я и 14-я кав. дивизии. XVIII корпус был переброшен 27—30 августа из района Варшавы.

СРАЖЕНИЕ НА Р. ЗОЛОТАЯ ЛИПА. (Схема 12Б.) Начав вторжение в Польшу, австрийцы рассчитывали, что их заслон восточнее Львова, в составе 3-й австрийской армии и группы Кевеса (всего $9\frac{1}{2}$ пех. и 5 кав. дивизий), будет в состоянии сдержать наступление 3-й и 8-й русских армий из Волыни и Подолии. Явная ошибочность этих оперативных расчетов стала очевидной уже к 26 августа, когда началось встречное *сражение на р. Золотая Липа* между 3-й русской и 3-й австрийской армиями.

3-й русская армия Рузского, в составе XXI, XI, IX и X корпусов (12 пех. и 4 кав. дивизии, всего 215 000 бойцов и 685 орудий), начав 19 августа наступление в общем направлении на Львов, вечером 25 августа стояла на дневке, занимая 75-*км* фронт, от Радзихова до Езерна и имея сводный кав. корпус (9-я и 10-я кав. дивизии) в районе севернее Цимержинце в соприкосновении с передовыми частями III австрийского корпуса. Армия базировалась на железнодорожные станции Броды и Кременец и была отлично снабжена. Все дивизии были в штатном составе, моральное состояние войск было высокое.

8-я русская армия Брусилова (10 пех. и 3 кав. дивизии, всего 139 000 бойцов и 472 орудия), наступавшая южнее и на уступе назад на фронт Ходоров—Галич, вечером 25-го вышла на р. Коропец от Козлова до Монастыржиска, где и оставалась на дневке в течение всего 26 августа, не приняв участия в начавшемся сражении. 26-го 3-я армия должна была выйти на рубеж рр. Буг и Золотая Липа от Каменки до Дунаюва.

На фронт 3-й русской выдвигалась 3-я австрийская армия Брудермана, в составе XI, III и XII корпусов (8 пех. и 3 кав. дивизии, всего 160 000 бойцов и 482 орудия) в первой линии, имевшая еще в резерве 44-ю дивизию, 88 стрелковую, 97-ю и 108-ю ландверные бригады в районе Львова в $1\frac{1}{2}$—2 переходах от поля сражения. 25 августа армия Брудермана вышла на фронт Каменка (11-я кав. дивизия)—Дзедзилов (XI корпус)—Борткув (III корпус)—Борщов (XII корпус) и 26-го продолжала наступление XI корпусом на Буск, III корпусом для занятия высот у Злочева и XII корпусом—на Поморжаны. Вследствие перечисления XIV корпуса в 4-ю австрийскую армию, взамен которого в 3-ю армию были направлены указанные выше ландштурмистские дивизии и бригады, которые не успели принять участия в сражении, XI австрийский корпус растянулся для обороны на 35-*км* фронте по р. Бугу против наступавших XXI и XI русских корпусов и был ими разбит уже в первый день. Наступательные действия III и XII австрийских корпусов также были неудачны, так как они выходили на направление главного удара 3-й русской армии, где на 40-*км* фронте к югу от железной дороги до района Дунаюва наступали 9 русских пех. и 3 кав. дивизий XI, IX и X корпусов против 4 австрийских пехотных дивизий, 1 ландштурмистской и 1 маршевой бригады. Наступление австрийских дивизий было остановлено на всем фронте уже 26-го, в течение 27-го они были вынуждены обороняться, а 28-го начали отходить. XII корпус своими главными силами вступил в бой только на второй день сражения в районе Дунаюва, но и он был разбит в боях с X русским корпусом и подошедшей 13-й дивизией VII корпуса из 8-й армии.

В общем, 28 августа сопротивление австрийцев на фронте 3-й русской армии было окончательно сломлено, и 3-я австрийская армия, понеся большие потери, с войсками, подавленными первой крупной неудачей, отошла на укрепленный рубеж Прусы—Куровице—Фирлеюв. Главнейшей причиной неудачи армии Брудермана следует считать решение вести встречное столкновение несосредоточившимися войсками, численность которых была вдвое менее противника. 3-й австрийской армии удалось ускользнуть 28-го от сосредоточенного

удара 3-й и 8-й русских армий, который мог быть осуществлен на берегах Золотой Липы. 8-я русская армия в дни боев 26-го и 27-го держала свои части на р. Коропец, выжидая разъяснения обстановки на своем левом фланге за р. Днестром, и фактически отказала 3-й армии Рузского в производстве маневра во фланг зарвавшемуся XII австрийскому корпусу и только 28-го, по требованию командующего фронтом, направила 2 правофланговых корпуса, VII и XII, на фронт Дунаюв—Рогатин.

Таким образом, встречный удар 9½ австрийских дивизий в районе Злочева оказался недостаточным, чтобы остановить вторжение русских армий в Галицию. А между тем в это время австрийцы ожидали крупного успеха от наступления 4-й армии Ауффенберга на Холмском направлении, вследствие чего они решили поддержать 3-ю армию Брудермана на ее правом крыле частями прибывающей 2-й армии Бем-Эрмоли и дать новое *сражение на рубеже р. Гнилая Липа.*

Критические дни, переживаемые 5-й армией, и то выгодное положение, которое занимал правый фланг 3-й армии в отношении возможности при направлении его на Мосты Вел.—бить в тыл обходившие левый фланг 5-й армии австрийские корпуса, не воздействовали на ген. Рузского в смысле нацеливания его фланга в направлении, которое не только спасало положение 5-й армии, но и приводило к катастрофе весь план австрийцев на окружение последней. А между тем командование фронтом еще с 26 августа настойчиво требовало направления Рузским 1-го корпуса к Мосты Вел. и вообще движения всей его армии в обход Львова с севера с возложением операции против этого последнего на 8-ю армию. Но стремление захватить Львов было столь велико, что командование фронтом оказалось не в силах повернуть 3-ю армию с Львовского направления на север.

СРАЖЕНИЕ НА Р. ГНИЛАЯ ЛИПА. (Схема 12Б.) Тем не менее 3-я армия Рузского перегруппировки не произвела и, продолжая преследовать разбитую армию Брудермана, к вечеру 28 августа вышла на фронт Каменка (XII корпус)—Глиняны (XI корпус)—Липовце (IX корпус)—Бела (X корпус), имея 11-ю кав. дивизию у Дзибулки, в 20 *км* от Львова и сводный кав. корпус (9-я, 10-я кав. и 3-я Кавказская дивизии)—у Вержбова.

В 8-й армии Брусилова правофланговые VII и XII корпуса, выполняя приказ фронта, с 3 час. ночи 28-го двигались в общем направлении на Бобрку. К вечеру, сделав переходы более 50 *км*, ее корпуса достигли: VII—Дунаюва, XII—Стратина, VIII—Желиборы и XXIV—оставался разбросанным по Днестру от Галича до Залещиков. Армейская конница была выдвинута: 12-я кав. дивизия—в Нараюв, конный отряд Павлова (2-я сводная и 2-я кубанская казачья дивизии)—в Сарнки и 1-я кубанская казачья дивизия—в Бурштын. Днестровский отряд, усиленный подвезенной Терской казачьей дивизией, оставался в 2 переходах восточнее Черновцы.

Первоначально Рузский предполагал с 29 августа приостановить на 2—3 дня дальнейшее наступление 3-й армии с целью упорядочения тыла, влития пополнений и производства перегруппировки к северу. Эта остановка была отменена верховным главнокомандующим, который опасался, что австрийцы используют ее для переброски своих сил от Львова к северу. 3-я армия получила задачу продолжать наступление на Львов, развивая действия своим правым флангом севернее Львова. 8-я армия должна была помочь своими главными силами войскам 3-й армии одержать решительный успех в операции против Львова, парализуя своим левофланговым XXIV корпусом деятельность противника на берегах Днестра.

В общем в сражении на Гнилой Липе приняли участие 8 корпусов 3-й и 8-й армий, образующих общий 120-*км* фронт от Каменки до Галича, на котором действовали $20\frac{1}{2}$ пех. и 8 кав. дивизий и 2 стр. бригады, всего 344 батальона, 192 эскадрона и 1 304 орудия, или около 400 000 бойцов.

План Рузского, объединивший 30 августа обе армии, состоял во фронтальном наступлении всех корпусов 3-й армии на фронт Куликов—Бобрка. 8-я армия содействовала этому наступлению VII корпусом, XII корпус наступал на Рогатин, а VIII корпус—севернее Галича. XXIV корпус оставался в наблюдательном положении на Днестре ниже Галича.

Австрийцы, отведя 3-ю армию Брудермана на рубеж Прусы—Куровице—Фирлеюв, усилили ее 23-й дивизией и 97-й ландштурмистской бригадой, которые сосредоточили на высотах у Куликова как армейский резерв. В состав XI корпуса, в котором 93-я ландштурмистская бригада потеряла одними пленными 25% своего состава, включается 44-я дивизия. Для укомплектования 3-й армии были направлены: 10-й ландштурмистский полк из Кракова и 4-я маршевая бригада из Самбора.

2-я австрийская армия к вечеру 28 августа находилась в 2 группах: у Рогатина—20-я пех. и 8-я кав. дивизии и 105-я ландштурмистская бригада. В ее тылу в Ходорове начал высадку VII корпус (17-я и 34-я дивизии), она заканчивалась 30 августа; у Галича—группа Карга в составе 12-й маршевой бригады, перевозимой из Буковины 43-й ландштурмистской дивизии и 38-й дивизии у Мариамполя. Район Нижниова занимался 40-й ландштурмистской бригадой; 1-я и 5-я кав. дивизии отходили на Галич. Всего австрийцы успели сосредоточить к 29 августа на 120-*км* фронте от Куликова до Мариамполя $14\frac{1}{2}$ пех. и 4 кав. дивизий и 6 ландштурмистских бригад, т. е. 262 батальона, 136 эскадронов и 862 орудия полевых войск и 39 батальонов и 4 эскадрона маршевых формирований, поставленных также на фронт для боевых задач, т. е. всего около 300 000 бойцов.

Расположение австрийцев имело наибольшую плотность на участках уже потрепанных III и XII австрийских корпусов, занимавших 35-*км* фронт от Куровице до Фирлеюва, где в среднем на 1 *км* укрепленной позиции приходилось до 3 батальонов, 6 пулеметов и 9 орудий. Однако на этот же участок выходило направление главного удара XI, IX, X и VII русских корпусов, имевших в среднем на 1 *км* до 5 батальонов, 10 пулеметов, 2 эскадрона и 12 орудий.

План австрийцев вылился в решение вести 3-й армией оборонительные бои на укрепленном рубеже Пруссы—Куровице—р. Гнилая Липа до Рогатина, имея за левым флангом армейский резерв (группа Демпфа—23-я дивизия и 97-я ландштурмистская бригада) у Куликова для производства контрудара по правому флангу 3-й русской армии. 2-я австрийская армия должна была перейти в наступление, охватывая группой от Рогатина левый фланг 8-й армии Брусилова и выходя ей в тыл группой Карга от Галича.

Боевые действия 29 и 30 августа развивались для австрийцев неудачно. 3-я русская армия, отбив на фронте XXI корпуса у Жултанцы контрудар 23-й австрийской дивизии, атаковала XI, IX, X и VII корпусами укрепленную позицию III и XII австрийских корпусов и прорвала 30-го расположение XII корпуса на 15-*км* участке Перемышляны—Бржуховице. В 13 час. в образовавшийся прорыв двинулась 10-я кав. дивизия, которая, проникнув в глубь позиции на 12 *км*, повернула на Свирж, где нагнала и дважды атаковала в конном строю отходившие колонны XII австрийского корпуса, захватив 4 гау-

бицы и много пленных. Этими удачными действиями русской конницы развитие успеха прорыва и ограничилось, так как ее никто не поддержал.

На фронте 8-й армии XII корпус после упорных боев 29-го у Рогатина с 20-й австрийской дивизией, которая была разбита, и 30-го с подходящими колоннами VII австрийского корпуса, которые были отброшены, продвинулся почти на переход к западу на р. Свирж. Соседний к югу VIII корпус 29-го выдержал упорные атаки правого фланга VII австрийского корпуса, а от Галича был атакован у Желиборы $2\frac{1}{2}$ дивизиями группы Карга, вследствие чего перешел к обороне, выжидая подхода частей XXIV корпуса. 30-го, с подходом 43-й дивизии, группа Карга была атакована у Дрыщова во фланг и отброшена с потерей 31 орудия к Галичу, который предполагалось штурмовать на рассвете следующего дня.

В общем, к концу второго дня сражения австрийцы всюду были вынуждены перейти к обороне, а на 15-*км* участке к югу от Перемышляны их фронт был прорван. Против прорванного участка находились 12-я кав. и 3-я Кавказская казачья дивизии и 5 пех. дивизий X и VII русских корпусов, которые не приняли никакого участия в развитии успеха и в преследовании, так удачно начатом 10-й кав. дивизией. Серьезная неудача XII австрийского корпуса заставила отходить части III австрийского корпуса, из которых только 28-я и 6-я дивизии продолжали 31-го удерживать свой участок к югу от Куровице на горном массиве Туркоцин.

Изложенная обстановка приводит командование 3-й австрийской армии к решению начать 31 августа последовательный отход 3-й армии на фронт Львов—Крассов, удерживая группой Демпфа район Жолкиева и Куликова.

Австрийское верховное командование, ожидавшее успеха 4-й армии у Комарова, приказывает 3-й армии удерживать Львов, как политический и военный центр, 2-й армии—отвести Рогатинскую группу (VII корпус, 20-я и 8-я кав. дивизии и 12 маршевая бригада) на линию укрепленных ходоровских прудов, а группе Карга—оставить долговременные укрепления Галича и, двигаясь по южному берегу Днестра, сосредоточиться на переправе у Журавно. Остальные переправы на Днестре ниже Журавно были взорваны.

С утра 31 августа корпуса 3-й и 8-й армий продолжали преследование отступающих австрийцев, сбивая арьергарды противника. К вечеру 1 сентября 3-я армия вышла на фронт Жолкиев (XXI корпус)—Ярычув (XI корпус)—Остров (IX корпус)—Ст. Село (X корпус). 8-я армия, выполняя требование Рузского о непосредственной поддержке левого фланга 3-й армии 2 корпусами, вышла 1-го на фронт Бобрка—Ходоров. XXIV корпус подтягивался к переправам у Мартынова и Галича, оставив 4-ю стр. бригаду у Нижниова до подхода Днестровского отряда, который с 29-го 30—35-*км* переходами двигался по правому берегу от Залещиков. Таким образом и вторая попытка австрийцев остановить на берегах р. Гнилая Липа наступление 3-й и 8-й русских армий была проиграна. Неудача явилась следствием ошибочного решения продолжать сопротивление на берегах р. Гнилая Липа, всего в $1-1\frac{1}{2}$ переходах от фронта проигранного сражения на р. Золотая Липа. Численное превосходство русских войск, несоответствие группировки 3-й и 2-й австрийских армий тем задачам, кои ставились им, и сравнительно недостаточная тактическая подготовка и стойкость австрийских войск являлись главнейшими причинами поражения. Однако оба противника не оценили в полной мере результатов событий, происшедших на Гнилой Липе. Австрийцы пытаются организовать новое сопротивление в районе Львова, для чего вынуждены повернуть большую часть 4-й армии из Томашевского района на юг для действий против 3-й и 8-й армий. 3-я и 8-я

русские армии получали наконец оперативную свободу для выполнения новых указаний фронта о коренной перегруппировке и участии в конечном этапе сражения между Вислою и Бугом.

ДЕЙСТВИЯ НА МОРЕ

Карта 2

Действия на море в этот период, кроме крейсерства, могут быть отмечены только сражением между английской и германской эскадрой, имевшим место 28 августа у острова Гельголанда и известного под именем *Гельголандского боя.*

Ввиду необходимости прикрыть высадку английских войск у Остенде, решено было 28 августа произвести набег на Гельголандскую бухту, где стоял германский «Флот открытого моря». Набег имел целью напасть на германские миноносцы, несшие дозорную службу по охране бухты, для чего англичане выслали 2 флотилии миноносцев с легкой крейсерской эскадрой, причем этот набег должен был быть поддержан и 5 линейными крейсерами, так как возможен был выход «Флота открытого моря», о чем был предупрежден и главнокомандующий главных английских морских сил.

Утром 28 августа миноносцы обеих сторон завязали бой, затем английские крейсера столкнулись сначала с 2 германскими крейсерами, а через 2 часа в бой постепенно вошли еще 4 германских крейсера. Однако превосходство англичан было настолько велико, что произошло избиение германских крейсеров. Германцы потеряли в течение 5-часового боя затонувшими 3 крейсера и 1 миноносец, а у англичан был поврежден только 1 крейсер. Кроме материальных потерь со стороны германцев, надо отметить еще и моральное впечатление этого боя. Прямым результатом боя у Гельголанда было обеспечение безопасности высадки англичан в Остенде.

Из крейсерских операций этого периода интересен эпизод с германским вспомогательным крейсером «Kaiser Wilhelm der Grosse». Этот корабль 4 августа прорвался из Бремена, захватил около Исландии, а затем около Канарских островов ряд английских пароходов и подошел к испанской колонии Рио-дель-Оро на сахарском побережьи Африки. Здесь он был застигнут английским крейсером, который, будучи неоспоримо сильнее, потопил германский корабль. Этот эпизод важен потому, что потопление германского крейсера совершенно нарушило план единственного предпринятого германцами крейсерства в восточной части Атлантического океана.

Результаты операций изложенного периода в общем свелись к следующему:

1. Все события разыгрались исключительно в центре Европы на Французском и Русском ее театрах.

2. На обоих театрах был сохранен широкий маневренный характер операций.

3. На обоих театрах видимый успех был на стороне центральных держав и притом успех, рисовавший радужные для них перспективы. На западе они шли к стенам Парижа, на востоке они уничтожили одну русскую армию, грозившую захватом Восточной Пруссии, и откинули к Люблину другую. Только занятие русскими Львова, оставленного австрийцами 3 сентября, явилось незначительной компенсацией Антанты в ее неудачах.

4. Но результаты успехов центральных держав на западе и на востоке

были различны. На западе вся обстановка складывалась не в пользу Германии; на востоке дело русских в Восточной Пруссии было проиграно, но в Галиции кризис миновал.

5. Впредь Франции нельзя было на ближайший период рассчитывать на реальную помощь со стороны России. Русские войска, сосредоточиваемые в Варшаве для похода на Берлин, получили назначение на Юго-западный фронт, а Гинденбург отказался от предложенной ему верховным командованием присылки с запада III корпуса.

6. В отношении боевых операций этого периода можно отметить:

а) Планомерное отступление с выходом из боя и с рядом арьергардных боев со взаимодействием крупных соединений во французской армии.

б) Преследование, построенное на принципах наполеоновской эпохи, без учета взаимодействия и упругости современных масс и техники у германцев.

в) Случай эффектного применения в Восточной Пруссии шлиффеновской теории «Канн», но в обстановке, делающей очень опасным обобщение этого примера.

г) Взаимная связь боев крупных войсковых соединений, объединяющих территорию целого фронта в одно поле сражения.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПЕРИОД 5—20 СЕНТЯБРЯ

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР

МАРНСКАЯ БИТВА [1]

ИСХОДНАЯ ПРЕД БИТВОЙ ОБСТАНОВКА

Схема 1-Б

В период от 25 августа до 5 сентября, в течение 11 дней, на Французском театре войны внимание исследователя приковывается нарастанием разницы между видимым и действительным положением обеих сторон. Французское главнокомандование стремилось вырвать возможно скорее свои армии из-под охватывающего удара противника, причем сперва, как известно, была мысль отвести их только на линию Верден—С.-Кентен, в связи с образованием фланговой группы у Амьена. Германские армии торжествовали победу, и им казалось, что труднейшая часть кампании на их Западном фронте уже миновала. Враг на всех его участках разбит, поспешно отходит, и оставалось нанести лишь последний удар. Такова была видимость, подкреплявшаяся однако некоторыми признаками серьезного расстройства французских и английских войск. Командующий 5-й армией ген. Ланрезак подчеркивает печальное состояние всех армий в эти дни [2]. Отступление переходило в бегство. Много солдат оставляло ряды и бродило по окрестным районам, предаваясь мародерству и наводя панику на жителей. Обозы двигались в беспорядке и постоянно заграждали

---

[1] Марнская битва ввиду ее важного стратегического значения описана более подробно.

[2] Le plan de Campagne française et le premier mois de la Guerre, Paris, второе издание, 1929, страница 114.

путь войскам. Толпы беженцев, все увеличиваясь, сновали между походными колоннами и усиливали трудности отступления и общую моральную депрессию. Особенно тревожно для дальнейшего хода войны было поведение английских войск. Даже некоторые их генералы считали в этот момент лучшим решением обратную посадку на транспорты для следования домой. Сам Френч 30 августа доносил в Лондон о том, что он теряет веру в способность французского вождя довести войну до успешного для союзников конца. Английский главнокомандующий мало считался с Жоффром и стремился самостоятельно уйти, огибая Париж с востока, за р. Сену. 1 сентября из Лондона прибыл военный министр Китченер, и ему не без усилий удалось побудить Френча не отделяться от французского фронта. Призрак общей катастрофы для союзников мог воплотиться в реальность, если бы их главнокомандование потеряло окончательно голову в этот момент. Но еще 25 августа, как упомянуто раньше, у него родилась сама по себе вполне логическая мысль об ударе в правый фланг германцев новой (6-й) армией генерала Манури, что и сыграло значительную роль в сложившейся к началу Марнской битвы обстановке.

К вечеру 5 сентября общий фронт англо-французских армий занимал изломанную линию от Парижа на Верден—Бельфор, всего протяжением 610 *км*, но этот фронт резко менял свой характер на участке Верден—Бельфор сравнительно с участком *Париж—Верден*. Этот последний и стал *фронтом сражения на Марне длиной в* 260 *км*, включая крепость Париж, а без нее, если считать от юго-восточных парижских фортов,—230 *км*. Здесь на вогнутой линии Париж—Верден развернулись 6 союзных армий общей массой в 17 корпусов, 16 отдельных пех. дивизий и 10 кав. дивизий или около 550 000 бойцов.

Все германские войска между Парижем и Верденом составляли $21^1/_4$ корпус, 1 отдельную пех. и 7 кав. дивизий, или около 470 000 бойцов [1].

«Полем битвы» на Марне стало обширное пространство, ограниченное реками Сеной и Маасом и раскинутое по обоим берегам Марны и верхнему течению р. Эн., Этот район перерезан рядом рек, текущих преимущественно с востока на запад. По рельефу район представляет большое разнообразие от равнин нижней Марны до лесистых хребтов Аргонских гор. Вся местность густо населена, изобилуя селениями, которые прочностью построек способствовали упорству боев.

Жоффр позаботился и о том, чтобы поднять настроение своих войск, оповестив их о начале сражения, от которого зависит участь Франции. Утром 6 сентября войскам был прочитан короткий приказ главнокомандующего, призывавший их к достижению победы:

«Каждый должен помнить, что теперь не время оглядываться назад: все усилия должны быть направлены к тому, чтобы атаковать и отбросить противника. Войсковая часть, которая не будет в состоянии продолжать наступление, должна во что бы то ни стало удерживать захваченное ею пространство и погибнуть на месте, но не отступать»

ХОД БИТВЫ 5—9 СЕНТЯБРЯ

Еще вечером 4 сентября Галиени, с согласия Жоффра, отдал приказ о том, чтобы 6-я армия 5 сентября двинулась на восток к р. Урк по правому (се

[1] Эти цифры заимствованы из книги В. Ф. Новицкого. По некоторым иностранным источникам численность обеих сторон в битве на Марне достигала: у французов 750 000 — 1 000 000 бойцов с 3 000 орудий, у германцев — 900 000 бойцов и более 3 000 орудий, причем у германцев было значительно больше тяжелых орудий.

верному) берегу Марны, а не по левому, как предполагал сначала Жоффр [1]. Армия должна была подойти на линию Мо и быть готовой в 6 час. начать атаку одновременно с англичанами, которые поведут атаку на фронт Куломье (на р. М. Морэн)—Шанжи (на Марне). Движение 6-й армии 5 сентября было предпринято с целью занять исходное положение для атаки и форсирования р. Урк на следующий день. Но при этом маневре войска 6-й французской армии наткнулись на IV германский резерв. корпус ген. Гронау. Корпус Гронау был оставлен Клуком западнее р. Урк в качестве заслона к стороне Парижа. Ввиду лесистой местности Гронау решил для лучшего выяснения обстановки атаковать французов. К вечеру они были оттеснены, а Гронау после атаки, убедившись в численном превосходстве противника, отвел свои войска назад за ручей Теруан.

Когда в ночь с 5 на 6 сентября в штабе 1-й германской армии узнали о встречном бое IV резервного корпуса, там предположили, что корпус имел дело с французскими войсками, прикрывавшими отступление своих главных сил за р. Сену. Поэтому Клук продолжал маневр, а для поддержки войск Гронау был направлен II армейский корпус ген. Линзингена, который, следуя по пятам за англичанами, накануне находился южнее Марны, подходя к району Куломмье на р. Б. Морэн.

Бой 5 сентября между частями 6-й французской армии и IV резервным германским корпусом мог бы иметь опасные последствия для французов, если бы Клук, а за ним и Мольтке сразу оценили обстановку и немедленно вернули все войска 1-й германской армии на р. Урк. В действительности же первоначально поворачивается из-за Марны только один II корпус, остальные корпуса принимают положение, среднее между указаниями директивы 4 сентября, которой Клук не сочувствовал, и стремлением продолжать преследование англичан.

Поздно ночью с 5 на 6 сентября в штабе Клука получено было донесение Гронау, окончательно убедившее Клука в наличии опасности, угрожавшей ему с запада. Вследствие этого II корпусу было послано отдельное приказание начать движение с рассветом 6-го, чтобы в тот же день оказать содействие IV резервному корпусу.

БОИ 6 СЕНТЯБРЯ (схема 13 А). Рано утром 6 сентяря войска 6-й французской армии атаковали IV резервный германский корпус и оттеснили к полудню его передовые части за р. Теруан. Одновременно французами было обнаружено движение 2 крупных колонн, приближавшихся к Марне с юга. Это был II германский корпус, войска которого вскоре после полудня приняли участие в сражении между Домартеном и Урком. В результате боев французы к вечеру утвердились на обеих берегах Теруана, но крупным пробелом в руководстве Манури явилось бездействие значительных сил, оставшихся в ближайшем тылу не введенными в дело. Если бы Манури использовал свое выгодное положение 6 сентября, корпуса 1-й германской армии разбивались бы по частям, по мере их подхода с юга.

Неблагоприятный исход боев для германцев в этот день, казалось бы, должен был заставить Клука принять окончательное решение о немедленной переброске всех корпусов на север для отражения флангового удара французов. Вечером 6-го он приказал IV армейскому корпусу перейти от Дуэ к Ла-Фэртэ (на р. Марне) с тем, чтобы к рассвету 7-го атаковать францу-

[1] Жоффр хотел направить 6-ю армию по южному берегу Марны с целью не оставлять без поддержки англичан, ошибочно предполагая, что IV резервный германский корпус находился на левом берегу р. Урк. Галиени испросил разрешение Жоффра о направлении 6-й армии по северному берегу Марны.

зов на Теруане в их левый фланг. Таким образом 1-я германская армия к 7 сентября оказалась разделенной на 2 группы, удаленные одна от другой на 2 перехода: на р. Урк, севернее р. Марны, сосредоточивались 3 корпуса—IV резервный, II армейский и IV армейский, а южнее Марны, на р. Б. Морэн, оставались III и IX армейские корпуса. Основываясь на том, что соседняя, 2-я армия должна на следующий день продолжать захождение своим левым флангом и оба названные корпуса окажутся впереди ее фронта, Клук в 10 час. вечера 6 сентября приказал этим корпусам отойти за р. М. Морэн и временно перейти в подчинение Бюлову.

Для союзных армий представлялся на редкость благоприятный случай использовать момент разделения 1-й германской армии на 2 группы, причем особенно важная роль выпадала на англичан. Для маскировки маневра своей армии Клук бросил к нижнему течению р. Б. Морэн всю конницу 1-й и 2-й германских армий. Но англичане не были расположены к быстрым и решительным действиям, и к вечеру 6 сентября они дошли своими передовыми частями только до р. Б. Морэн на участке от Куломмье до Креси, отнюдь не помешав германским корпусам продвигаться к нижнему Урку.

На участке к востоку от Б. и М. Морэнов 6 сентября развивалось сражение между 2-й германской армией и 5-й французской, которой содействовала 9-я армия. Рано утром в этот день правому флангу Бюлова пришлось оказать помощь соседнему IX корпусу 1-й армии, который был атакован войсками 5-й французской армии к юго-западу от Эстернэ. А затем, когда прочие части армии Бюлова продолжали по примеру прошлых дней преследование, то наткнулись на крупные силы 5-й и 9-й французских армий, причем германцам пришлось продвигаться весьма медленно, особенно в районе сан-гондских болот (в верховьях р. М. Морэн). В этом болотистом районе особенно трудным оказалось однако положение 9-й французской армии Фоша. Ее левый фланг должен был содействовать продвижению 5-й армии, а центр (IX корпус) вести активную оборону сен-гондских болот. Фош действовал осторожно, и половина IX корпуса бездействовала в качестве резервов южнее болот. Это дало возможность германцам разбить авангарды IX корпуса и отбросить их за болота. В результате армия Фоша 6 сентября не могла выдвинуться севернее р. М. Морэн.

Восточнее 2-й германской армии наступала 3-я германская армия Гаузена. Эта последняя накануне имела дневку и потому к утру 6 сентября значительно отстала от левого фланга 2-й армии. Гаузен понимал задачу армии в том смысле, что он должен оказывать содействие своим соседям, и потому, вместо энергичного наступления в южном направлении, 3-я армия раскололась на 2 части, наступавшие в расходящихся направлениях: ее правый фланг бросился поддерживать Гвардейский корпус, оказавшийся на весу на левом фланге 2-й армии, и ему угрожал XI корпус из армии Фоша. Левый фланг 3-й германской армии был двинут для обеспечения правого фланга 4-й германской армии; эта последняя к вечеру 6 сентября утвердилась за Рейно-марнским каналом.

В итоге всех боевых столкновений *6 сентября* необходимо признать, что в западном районе Марнской битвы уже *явственно обнаружилось невыгодное стратегическое положение германских правофланговых армий,* настойчиво требовавшее вмешательства верховного руководства, так как оба командующие армиями, Клук и Бюлов, не отдавали себе ясного отчета об общем положении на фронте, действовали разрозненно и не имели в своем распоряжении никаких резервов для парализования опасного разрыва, постепен-

не нараставшего между смежными флангами 1-й и 2-й армий. 3-я германская армия также нуждалась в руководстве свыше, так как ее роль была сведена Гаузеном к поддержке соседей. 4-я и 5-я германские армии незначительно продвинулись вперед и подставили свои внешние фланги под угрозу охвата: 4-я—у Витри-ле-Франсуа, а 5-я—у Вердена.

У союзников на левом фланге бои на Урке не дали в тактическом отношении осязательного результата в виде значительного продвижения для охвата германского правого фланга. Бездействие англичан играло в руку германцам, позволив Клуку безнаказанно выполнить деликатный маневр рокировки своих сил на северный берег Марны. В центре 5-я армия достигла успеха на своем левом фланге, против которого противник (1-я германская армия) уже отходил в связи с переброской своих сил на север. 9-я армия понесла крупную неудачу в районе сен-гондских болот. 4-я и 3-я французские армии продолжали занимать положение, которое могло угрожать флангам противника на верхней Марне и на Маасе.

Основным достижением этого дня битвы явилось уже полное крушение германского плана оттеснения французов от Парижа на их восточные крепости с целью прижать их к швейцарской границе. В лучшем случае дальнейший ход битвы сводился для германцев к фронтальному удару. Создавшееся положение на Марне стало ясным для них к вечеру 6 сентября, когда на германском фронте стал известен боевой приказ Жоффра об общем наступлении. Экземпляр этого приказа был найден у д. Фриньикур на Марне на правом фланге 4-й германской армии.

БОИ 7 СЕНТЯБРЯ (схема 13 Б). Столь необходимого, как сказано выше, вмешательства германского главнокомандования для руководства в этот момент армиями не последовало ни 6, ни 7 сентября. Мольтке оставался безвыездно эти дни в Люксембурге—в расстоянии 200 *км* от правого фланга. Наиболее заметным участием его за это время оказалось распоряжение об ослаблении левого крыла армий на 2 корпуса—I баварский и XV, которые были предназначены для отправки в Бельгию в связи со сведениями о готовившейся там высадке свежих английских войск.

Между тем с каждым часом заметно возрастало значение боев на р. Урк. Обе стороны напрягали усилия, чтобы вырвать успех для себя на этом участке. К утру 7-го подошли сюда к правому германскому флангу обе дивизии IV армейского корпуса. В 2 часа дня Клук приказал III и IX корпусам, которые он передал накануне в подчинение Бюлову, также двинуться к Урку с таким расчетом, чтобы утром 8-го атаковать французов на правом фланге 1-й армии.

Для Жоффра была очевидна необходимость не дать противнику времени подвести на Урк значительные силы и, не откладывая, ликвидировать германские попытки наступления здесь. Манури, выполняя директиву Жоффра, отданную утром 7 сентября, направил все свои силы, чтобы остановить германцев, но не мог добиться решительных результатов, причем особенно неудачно действовала французская кавалерия в районе Нантейля. У французского командования возникло опасение за устойчивость левого фланга 6-й армии, и Галиени принял меры к быстрейшей переброске 7-й дивизии (IV корпуса) из окрестностей Парижа к Нантейлю. Всю ночь до утра 8 сентября шло форсированное движение: артиллерия и парки направлены были походным порядком, одна пехотная бригада—по железной дороге, а другая была перевезена на

такси — легковых автомобилях, спешно реквизированных в Париже [1]. В течение ночи удалось перебросить всю дивизию на 50 *км*.

В результате боев 7 сентября самым значительным фактом оказалась упомянутая *переброска 2 последних корпусов армии Клука на северный берег Марны.* Взятые из района Монмирайя, в который упирался правый фланг армии Бюлова, эти корпуса своим отходом оголили фланг и вынудили его к загибу на север. Английская армия в этот день очень мало подвинулась вперед. Френч в течение всего дня не подозревал о том, что перед всей его армией находится только германская конница, и начал уяснять себе обстановку лишь в ночь на 8 сентября, получив от французов сведения о нахождении всей 1-й германской армии севернее Марны. Тогда только он отдал приказ для решительного наступления. 5-я французская армия наступала в этот день также медленно, хотя встретила сопротивление лишь на своем правом фланге. Соседняя, 9-я армия Фоша продолжала обороняться за сан-гондскими болотами.

Несмотря на медленное наступление 5-й французской армии и на невозможность для 9-й армии продвинуться вперед, общее положение дравшейся с ними 2-й германской армии становилось опасным: уход 2 соседних корпусов Клука на север ослабил правый фланг армии Бюлова и создал угрозу охвата его со стороны Монмирайя, тем более что конница Бюлова не в состоянии была остановить продвижение французов. *Правый фланг 2-й германской армии начал уклоняться к северу, расширяя разрыв между обеими германскими армиями.* На остальных участках Марнской битвы 7 сентября решительных результатов достигнуто не было.

БОИ 8 И 9 СЕНТЯБРЯ (схема 14). Важнейшим участком Марнской битвы оставалась местность правого берега р. Урк; по примеру предыдущих дней здесь напрягались усилия обеих сторон, так как от успеха или неудачи 1-й германской армии, обеспечивавшей правый фланг целого фронта, зависел исход всей битвы. Однако бои на Урке в этот день оказались бедны результатами. Атаки французов были остановлены Клуком, но окончательный удар он откладывал до следующего дня, когда будет стянуто все до последнего бойца. От марнских переправ спешили войска III и IX корпусов; из Бельгии шла 43-я резервная бригада на присоединение к своему IV резервному корпусу и находилась в этот день на расстоянии перехода; сзади нее следовала 10-я ландверная бригада; подходило и несколько батальонов, стянутых с ближайших этапных участков. После ночного отхода, на рассвете 9-го, Клук намеревался все бросить в атаку, которая должна была сломить армию Манури, причем главный удар нацеливался в охват ее левого фланга. Однако для армии Клука становилась все грознее опасность с юга, из-за Марны, так как к участку между Шато-Тьери и Урком наконец начали приближаться английские войска.

Уже к ночи с 8 на 9 сентября англичане стояли всеми силами между 1-й и 2-й германскими армиями, имея перед собой реку, обороняемую слабыми германскими отрядами. Для войск Клука создавалось трудное положение: нужно было разбить и оттеснить к западу 6-ю французскую армию и прикрыть свой левый фланг и тыл от удара англичан, головы колонн которых отстояли всего на несколько километров. Именно *здесь, в этом разрыве между 1-й и 2-й германской армиями, в который вышли англичане, завязался роковой для германцев узел всей битвы.*

Положение на правом фланге 2-й германской армии тревожило Бюлова:

---

[1] На такси перевезено было 5 батальонов 14-й пех. бригады, для чего потребовалось 1 100 легковых машин — по 5 человек на машину.

с уходом обоих корпусов 1-й армии наступление англичан и частей 5-й французской армии вынудило Бюлова к вечеру отвести 13-ю дивизию и X резервный корпус на линию Марньи—Ле-Туль, загнув правый фланг армии. Наоборот, на левом фланге армии Бюлова развивался значительный успех. Здесь гвардия и части X армейского корпуса продвигались через сан-гондские болота и в обход с востока. После полудня Гвардейский корпус энергично теснит перед собой войска Фоша и занимает Фер-Шампенуаз. Тогда соседняя слева группа ген. Кирхбаха из состава 3-й германской армии углубляет успех гвардии и продвигается еще южнее, вклиняясь в правый фланг 9-й французской армии. Наступлению содействовали прочие части 3-й германской армии, дошедшие до Майи. Этот успех побудил Гаузена, по соглашению с Бюловым, приказать на следующий день группе Кирхбаха продолжать наступление на Сезан—в тыл 9-й французской армии. Положение армии Фоша к концу дня было близко к критическому.

Главный натиск соседней слева, 4-й германской армии направлялся на юго-восток, вдоль правого берега верхней Марны, в стык между 4-й и 3-й французскими армиями, на С. Дизье—с целью помочь 6-й германской армии, которая намечала прорыв на фронте Нанси—Эпиналь. Тревожным становилось положение правофланговой 3-й французской армии Саррайля, оба фланга которой могли подвергнуться охвату: левый—войсками XVIII резервного германского корпуса 4-й армии, который наступал от Ревиньи на Васинкур и занял последний; правый фланг армии Саррайля неожиданно почувствовал удар с правого берега Мааса, когда в 9 часов утра германцы начали бомбардировать артиллерией крупных калибров форты Труайон, Женикур и Парош; эти форты принадлежали к маасской укрепленной линии, связывающей крепости Верден и Туль. С падением одного из этих фортов, для германцев открывался свободный доступ на левый берег Мааса, в тыл 3-й французской армии. Единственным резервом у Саррайля была 7-я кав. дивизия, которую он решил бросить к Маасу. Но расположенная против армии Саррайля 5-я германская армия кронпринца действовала вяло, и боевые столкновения между ними не отличались настойчивостью.

Шел уже 4-й день (считая от 5 сентября) непрерывных боев. В то время, как французский главнокомандующий, находясь в Шатийоне на Сене, в 90 *км* от центра своего фронта, зорко следил за тем, чтобы армии не уклонились от директивных указаний, германское главнокомандование, после директивы от 4 сентября, замолкло в Люксембурге, в 100—200 *км* от фронта и на отлете—за крайним левым флангом Марнской группы своих армий. «Душа германского вождя все более и более расслаблялась долгим ожиданием и мучительными сомнениями насчет исхода битвы» [1]. На основании случайно попавшей радиограммы командира кав. корпуса Рихтгофена утром 8-го о неустойчивом положении на М. Морэне Мольтке показалось, что противник уже порвал германский фронт между 1-й и 2-й армиями. Тогда он решил выйти из пассивности и командировал подполковника Хентша в 1-ю армию, дав ему словесное поручение, точное содержание которого осталось неизвестным для истории, так как оно было дано с глазу-на-глаз, а затем вскоре, еще до окончания войны, и Мольтке и Хентш умерли. Официальная германская история говорит, что это поручение сводилось к указанию генералу Клуку, *в случае необходимости отступления 1-й армии,* отвести эту армию на линию Суассон—Фим для возможности восстановления непосредственной связи со 2-й армией. Таким образом

[1] Reichsarchiv, Der Weltkrieg 1914—1918, т. IV, стр. 526.

Мольтке *первый* упомянул *об отступлении,* о котором ни у кого еще и мысли не было, как подчеркивает Reichsarchiv.

Хентш выехал из Люксембурга в 11 часов утра 8 сентября на автомобиле и по пути посетил штабы 5-й, 3-й и 2-й армий. В штаб 2-й армии он прибыл в 8 часов вечера и здесь он застал Бюлова в нервном настроении, вызванном опасением неприятельского прорыва на фронте 2-й армии. Во время последовавшего в штабе армии совещания Бюлов обрисовал в мрачных красках положение, создавшееся вследствие разрыва между 1-й и 2-й армиями, и считал необходимым, чтобы 1-я армия немедленно отошла от Урка к востоку и примкнула к правому флангу 2-й армии. Хентш находил, что единственным решением в данных условиях может быть отход обеих армий к северу, внутренними флангами на Фим. После совещания, вместо того чтобы отправиться в штаб 1-й армии, Хентш остался ночевать в штабе 2-й армии.

Утром 9-го последовало новое совещание в штабе 2-й армии, на котором было решено, что 2-я армия только в том случае остается на месте, если 1-я армия примкнет к ней, прекративши свое наступление на Урке. А так как 1-я армия не могла отойти на восток, то предрешен был отход 2-й армии. Хентш направился в штаб 1-й армии, куда прибыл в $12^1/_2$ часов дня.

Около 11 часов дня Бюлов узнал от воздушной разведки, что 5 больших неприятельских колонн подходят своими головами к р. Марне на участке разрыва между 1-й и 2-й армиями. Бюлову стало ясно, что союзники собираются отрезать 1-ю армию от 2-й и что опасное положение 1-й армии требует немедленного ее отхода, а следовательно должна отойти и 2-я армия, чтобы оказать помощь 1-й армии на правом берегу Марны.

ОТСТУПЛЕНИЕ ГЕРМАНСКИХ АРМИЙ

Поэтому, несмотря на то, что утром 9-го положение всей 2-й армии было прочно, *Бюлов в 12 часов отдал приказ об отступлении всей армии на Марну,* правым флангом на Дамери; приказано было отход начать не ранее 1 часа дня и притом—с левого фланга. Отходившие войска должны были оставить в соприкосновении с противником до темноты арьергарды с сильной артиллерией. Когда Бюлов узнал около 2 час. дня об успешном наступлении своего левого фланга в районе сан-гондских болот, он не отменил приказа об отступлении. Между тем гвардия в тесной связи с правым флангом 3-й германской армии отбросила войска 9-й французской армии южнее Фер-Шампенуаза за линию Конантр-Коруа.

На фронте 1-й германской армии рано утром 9 сентября началось наступление правым флангом на Нантейль и развивалось успешно, но левому флангу армии Клука пришлось уже иметь дело с англичанами и французами, выходившими на правый берег Марны в промежутке между 1-й и 2-й германскими армиями, на участке между Шато-Тьери и устьем р. Урк; переправы здесь оказались не разрушены германцами. В связи с этим положением Клук приказал левому флангу загнуться на левый берег р. Урк и стать фронтом на юг.

По прибытии в штаб 1-й армии Хентш от имени главнокомандования заявил: «Общее положение неблагоприятно, отступление 2-й армии за Марну неизбежно, ее правый фланг отброшен, и отсюда вытекает необходимость отвести назад все армии: 1-я армия должна отойти в направлении на Суассон—Фим, а в крайнем случае—на линию Ла-Фэр—Лаон; у Сан-Кентена будет сосредоточена новая армия, и тогда возможно будет начать новую операцию». Вскоре из 2-й армии было получено радио: «Воздушная разведка доносит о движении

4 больших колонн противника к Марне, их головы к 9 час. утра были между Сааси, Шарли и Ножан; 2-я армия отходит правым флангом на Дамери».

Несмотря на попытки штаба 1-й армии убедить Хентша в том, что благоприятная обстановка на фронте армии не вызывает надобности в отступлении, Хентш был непреклонен и сослался на полномочия от главнокомандования. Для большей убедительности своих доводов Хентш охарактеризовал 2-ю армию Бюлова измотанной до такой степени, что она представляла не более как только «шлак». Приказ для отступления 1-й армии, левым флангом на Суассон, был разослан войскам вскоре после 2 час. дня.

В результате создавшегося 9 сентября положения на германском фронте 3 правофланговые германские армии начали отходить на север: 1-я армия—к нижнему Эну, 2-я—за Марну и 3-я—к Марне, причем последняя в ночь с 9-го на 10-е прекратила отступление. Остальные две—4-я и 5-я—получили приказание возобновить, совместно с 3-й армией, наступление. Другая сторона—союзные англо-французские армии—ни вечером 9-го, ни в ночь с 9-го на 10 сентября не предприняли никаких попыток к преследованию германцев. Французы пытливо вглядывались в свой центр и левый фланг еще 10 сентября. С крайним удивлением и недоверием они отнеслись первоначально к тому, что германцы исчезли, и совершенно искренно признали, что совершилось *«чудо Марнской победы»*.

Существует огромная литература, посвященная причинам германского поражения на Марне. Многочисленных исследователей, естественно, интригует вопрос, почему произошел внезапный отход правофланговых германских армий в тот момент, когда и на Урке, и в районе сан-гондских болот германские войска одержали разительный успех. Нельзя конечную неудачу приписывать всецело «роковой миссии подполковника Хентша».

Несмотря на изменчивые моменты 5-дневного сражения на Урке, *Клуку удалось* в конечном счете отразить попытки армии Манури и *обеспечить правый фланг германского фронта*. При 128 батальонах 1-й германской армии против 191 батальона французов и англичан на крайней северной оконечности района сражения на Урке у германцев оказалось превосходство над французами в пропорции 3 : 1[1]. Правый фланг Клука в полдень 9-го торжествовал победу, войска настроены были отлично, видневшийся уже вдали силуэт Эйфелевой башни манил их, и больше, чем в предыдущие дни, они с упоением повторяли боевой клич Клука «nach Paris!» («на Париж!»).

Далее на восток, на фронте 2-й германской армии и половины 3-й армии, действовавшей вместе со 2-й, боролись 134 германских батальона против 268 французских батальонов, и *германцам удалось на левом фланге 2-й армии добиться 9 сентября также крупного успеха:* французская 9-я армия после полудня была разбита ударами прусской гвардии и 3 саксонских дивизий. При исчерпывающем использовании германцами указанных успехов на фронте между реками Урк и Об внедрение англичан и 5-й французской армии в разрыв между 1-й и 2-й армиями могло оказаться для союзников катастрофичным. Если бы вместо Бюлова у этого прорыва оказался поблизости спокойный, уравновешенный главнокомандующий, то в образовавшуюся «дыру» в 38 *км* можно было направить резерв той же 2-й армии, получившийся вследствие загиба ее правого фланга. *Здесь до очевидности бросалась в глаза важность объединенного управления 3 правофланговыми германскими армиями, которое в действительности вполне отсутствовало.*

---

[1] Reichsarchiv, т. IV, стр. 522.

Точно так же в действиях обеих германских центральных армий, 4-й и 5-й, недоставало объединенного руководства сверху. Около полудня 7 сентября Мольтке указал германскому кронпринцу только на необходимость взаимного соглашения («auf gegenseitiges Einvernehmen!»). Здесь особенно требовался для использования стремлений обеих армий к окружению французского центра жесткий приказ свыше о маневре этих армий в восточном направлении. *Здесь 321 германский батальон дрались с 277 французскими.*

Наконец на германском левом фланге силы обеих сторон были почти равны: 329 германских батальонов против 316 французских, и следовательно германцы с успехом могли бы прочно сковать французов южнее Вердена, чтобы не позволить переброску отсюда французских войск к Парижу. Здесь вмешательство германского главнокомандования свелось к выводу в самый решительный момент битвы на Марне 44 батальонов и 53 батарей для отправки в Бельгию против вполне призрачной опасности десанта англичан в тылу. Мольтке решил изъять 7-ю армию с фронта Марнской битвы и организовать новую 7-ю армию в пределах Бельгии, а оставшейся 6-й армией, усиленной остатками расформированной 7-й, продолжать атаку Нанси.

Германское командование оказалось в состоянии паралича в течение 5—9 сентября. Остальные армии дрались каждая, как понимал изменчивую обстановку битвы ее командующий, и потому, когда наконец посланец главной квартиры, заранее пессимистически настроенный, посетил Бюлова и Клука, он нашел у первого вполне подготовленную почву для решения отступить.

В конечном итоге не нервность Бюлова и не словесный доклад мрачно настроенного Хентша привели к отказу от использования достигнутых германцами тактических успехов и к отступлению на р. Эн. Причины срыва победы на Марне заложены несравненно глубже и если даже их искать только в пределах исходной операции войны 1914 г., то естественно эти *причины определяются несостоятельностью германского руководства массой из 7 армий, заранее нацеленных, но не управлявшихся среди сложной боевой обстановки.*

Требовалось непрерывное и самое действенное координирование маневра 7 стратегических единиц и неослабное питание их боеспособности. С каждым днем операция постепенно отходила от первоначального замысла, и особенно резкое отступление от него было сделано в распределении германских сил по фронту. Германцам необходимо было остановиться в результате одержанной победы в Пограничном сражении раньше, чем без передышки предпринимать Марнское сражение. Наступление германцев на Марне кончилось крахом, который назревал с окончания Пограничного сражения.

ПОСЛЕДСТВИЯ МАРНСКОЙ БИТВЫ

Последствия Марнской битвы были чрезвычайно велики. Сами германцы признают, что результаты победы, если бы она была ими одержана, были бы настолько обширны, что их даже нельзя учесть[1]. *Битва на Марне стала поворотным моментом всей борьбы.*

У союзников поднялась почти исчезнувшая перед тем уверенность в своих силах. Французы морально переродились. Они сбросили с себя долголетний гнет тяготевшего над ними «национального позора» 1870 г. и освободились от гипноза германской непобедимости, уверовав в свою армию, которой они раньше не доверяли.

Скорого окончания войны, которого так желала Германия, достичь отныне

[1] Von Kuhl, Der Weltkrieg 1914—1918, изд. 1929, два тома.

было невозможно. Предстояла длительная борьба с медленным истощением средств, в течение которой время конечно должно было работать против германцев. Неизбежен был переход к позиционному сидению сторон друг против друга для накопления новых сил и материальных возможностей.

Вся германская литература признает главной причиной Марнской неудачи ошибки и несостоятельность германского главнокомандования, которые можно резюмировать так: Исходное ослабление правого крыла вопреки плану Шлиффена и полное отсутствие оперативных резервов. Кроме излишне сильного состава армий в Эльзас-Лотарингии, ослабление фронта во время решительной операции отправкой 2 корпусов на восток, оставлением 3 корпусов в тылу перед неприятельскими крепостями и вывод 2 корпусов из состава левого крыла для отправки в Бельгию против мнимого десанта англичан; итого—ослабление главного фронта на 7 полевых корпусов.

Относительно переутомления германских войск к концу битвы германские исследователи указывают, что, несмотря на безостановочный поход армий правого крыла от самой границы и до Марны с непрерывными боями, эти армии спокойно отошли за р. Эн и 12 сентября были вновь готовы к боевой встрече.

К последствиям «Марны» нужно отнести и изменение политической конъюнктуры борьбы.

Великобритания поняла необходимость настойчиво и энергично повести подготовку к войне на материке и создать большую сухопутную армию. Возникла программа формирования «новой армии Китченера» в 26 армейских корпусов[1].

Колебания Италии прекратились, и если она не сразу оставила свою позу нейтралитета, то только для того, чтобы побольше запросить от присоединения к Антанте и подготовить к войне свои вооруженные силы.

Наконец непосредственным следствием Марнского поражения для германцев явилась смена фактического вождя их вооруженных сил. Мольтке был уволен 14 сентября и заменен военным министром генералом Фалькенгайном. Настал второй период германского главнокомандования до августа 1916 г. Личность Фалькенгайна оказала большое влияние на ведение операций центральными державами, особенно в связи с несходством его взглядов с мнениями Гинденбурга и Людендорфа, которые в конце-концов заменили Фалькенгайна с августа 1916 г.

ОТХОД ГЕРМАНЦЕВ ЗА Р. ЭН И ВЕЛЬ

Схема 15А

Несмотря на то, что правый фланг германских армий отошел за р. Эн на фронте Компьен—Реймс еще к 12 сентября в то время, как центр вел еще упорные арьергардные бои на Марне, на участке Эперне—Шалон, французскому командованию не удалось ни использовать своего выгодного положения для охвата правого фланга Клука направлением своего преследования западнее Уазы, ни воспользоваться задержкой части 2-й и 3-й германских армий на фронте Эперне—Шалон, чтобы действовать через открытый промежуток им в тыл.

Общего стратегического преследования со стороны французов фактически не было; каждая армия действовала отдельно. Левофланговые армии, которые своим энергичным и умелым преследованием могли бы многое дать, в дей-

[1] Journal du maréchal Wilson, 1929, стр. 42.

ствительности только следовали за германцами, причем ген. Манури, несмотря на приказание Жоффра, не распространил даже преследования к западу от Уазы. Центральные армии, в особенности Фоша (9-я), вели параллельное преследование с полной энергией, но оно вследствие стойкости и маневренности германских войск приводило только к упорным арьергардным боям, не изменяя стратегической обстановки в целом. Германцы спокойно отошли за линию рек Эн и Вель, почти выравняв свой фронт между Рибекур на правом берегу Уазы и до северного района Верденских укреплений и передав между прочим в руки французов весьма важный участок железной дороги С. Менегуль—Верден, но разрыв между 1-й и 2-й германскими армиями оставался не заполненным.

СРАЖЕНИЕ НА Р. ЭН

Схема 15Б

На этой позиции германцы решили остановиться и остановить дальнейшее продвижение французов.

Местность, образуемая слиянием Уазы и Эна, между Бери-о-бак, Лаоном, Нуайоном и Суассоном, представляет собой возвышенный массив, доминирующий на юг над долиной Марны и на северо-восток над долиной Мааса. Здесь получился ряд сильных позиций в районе к северу от Бери-о-бак, Суассон (Chemin des Dames), с одной стороны, и к югу-западу от Нуайон (Petite Suisse)—с другой.

Удержание германцами указанного массива имело для них большое значение в смысле сохранения угрожающего положения в отношении Парижа, а потому они, естественно, решили его легко не отдавать. С другой стороны французы не могли считать свою победу обеспеченной, не став прочной ногой на Лаонском массиве.

Еще 5 сентября, до начала Марнского сражения, германское главнокомандование решило расформировать 7-ю армию в Лотарингии и образовать новую 7-ю армию под начальством ген. Хееринген для усиления правого фланга германского фронта (см. выше). Эта армия была использована для заполнения прорыва между 1-й и 2-й германскими армиями и была, подобно 1-й армии, подчинена командующему 2-й армией ген. Бюлову, который являлся командующим группой из 3 армий. Французы стремились охватить правый фланг германского фронта. Директивой от 13 сентября 6-й французской армии было указано движение западнее р. Уазы, а английской армии—между Уазой и Лаоном.

В этот момент, 14 сентября, как указывалось выше, и произошла смена в германском верховном командовании: вместо уволенного по болезни Мольтке был назначен германский военный министр, ген. Фалькенгайн. В ночь с 14 на 15 сентября Фалькенгайн принял решение отвести армии правого крыла к С. Кентену и к Марле с целью выиграть время для сосредоточения у крепости Мобеж [1] перебрасываемой из Лотарингии 6-й армии принца Руппрехта Баварского. По окончании ее сосредоточения Фалькенгайн намеревался перейти в наступление. Однако вслед за принятым решением выяснилось, что состояние железных дорог надолго задержит сосредоточение 6-й германской армии, тогда Фалькенгайн решил остановить армии на фронте Нуайон—Реймс—Верден и здесь принять бой. Для противодействия французскому охвату у Нуайона был введен в дело IX резервный корпус. В разрыве между 1-й и 2-й

---

[1] Крепость Мобеж сдалась германцам 7 сентября.

германскими армиями VII резервный корпус вел бой в районе Краона с левым крылом 5-й французской армии. Здесь упорные бои продолжались до 21 сентября. Французы имели сначала некоторый успех, но затем были потеснены германскими контратаками. Все же французам удалось, закопавшись в землю, удержаться на южных отрогах Лаонского массива на участке Суассон-Реймс, Так было положено *первое основание позиционной войне*.

Одновременно с этим германцы произвели еще раз попытку отрезать Верден от сообщения с внешним миром. Поэтому они 2 корпусами армии атаковали западнее Вердена в направлении на С. Менегуль, угрожая железной дороге Верден—Шалон, и другим отрядом от Меца в направлении на С. Миель (St. Mihiel). Атака на С. Менегуль осталась безрезультатной, но атакой в направлении на С. Миель германцам удалось вклиниться между Верденом и Тулем в расположение французов, образовав здесь мешок, который в будущем принес их врагам много беспокойства. С 21 сентября бои на Эне и у Вердена прекратились, чтобы вскоре разыграться в более северном районе.

ДЕЙСТВИЯ В БЕЛЬГИИ

Схема 15

Мы оставили бельгийскую армию отступившей под прикрытие верков крепости Антверпена.

Обладание этим опорным пунктом имело большое значение для обеих сторон. Для союзников—в смысле сохранения своего господства в бельгийской приморской полосе, столь важной в отношении сохранения связи между Францией и Англией, и в смысле угрозы тыловым сообщениям противника; для германцев—как опора их правому флангу.

Бельгийцы, отойдя 20 августа под защиту крепости, расположились всеми своими дивизиями впереди восточного и южного секторов внешнего фортового пояса, имея целью обеспечить свои сообщения с Гентом и Остенде.

Германский наблюдательный отряд, состоявший из 2 резервных корпусов 1-й армии, выдвинул вперед свои передовые части, имея главные силы расположенными сзади в нескольких группах, в виде подвижных резервов. Он ожидал подхода осадной артиллерии и второочередных дивизий для осады крепости.

Во время Марнского сражения с 9 по 13 сентября бельгийцы решили произвести всеми своими силами вылазку из крепости, чтобы воспрепятствовать германцам отправлять подкрепления к Марне. Главный удар (3 дивизии) был направлен в обход правого фланга германцев на Лувен. Успешное вначале наступление захлебнулось при контратаке главных германских сил, и 13 сентября бельгийские дивизии были оттеснены обратно к фортам крепости. Однако цель вылазки была достигнута, и германцы вернули с пути направленный уже к Марне IX корпус.

РУССКИЙ ТЕАТР

ГАЛИЦИЙСКАЯ БИТВА

ГОРОДОКСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Схема 16 Б

С 1 сентября австрийское верховное командование переживает тяжелые дни, так как отход 3-й и 2-й армий мог сорвать намеченный план новой операции против восточной группы русских—3-й и 8-й армий. Поэтому первоначально намечается решение оборонять Львов как важный политический и воен-

ный центр, на который 3-я и 2-я армии должны опереться. С этим решением не согласился командующий 3-й австрийской армией Брудерман, который настойчиво указывал главнокомандованию, что сравнительную боеспособность сохранили из всей 3-й армии только 4 дивизии (30-я, 6-я, 28-я и 44-я), общей численностью не более корпуса. Остальные части считались им небоеспособными вследствие русофильской пропаганды в славянских частях и разложения ландштурмистских и маршевых формирований после двукратного поражения.

Настойчивость Брудермана привела к новому решению—эвакуировать 3 сентября Львов и отвести 3-ю и 2-ю австрийские армии за р. Верещицу, откуда совместно с двинутой на юг 4-й австрийской армией атаковать оба фланга наступающего на Львов противника. Для обеспечения этого маневра было решено крепко удерживать существующее положение 1-й австрийской армии к югу от Люблина и выделить из 4-й армии в качестве заслона против 5-й армии Плеве группу Иосифа-Фердинанда в составе 3 пех. и 1 кав. дивизий. При этом считалось, что 5-я русская армия окончательно разбита и что началась, якобы перевозка ее частей по железной дороге из Владимира-Волынского на Брест.

Тем не менее, считая свои силы в Галиции недостаточными для продолжения операций, австрийское главнокомандование снова обращается за помощью к начальнику германского Генерального штаба, прося о присылке по меньшей мере 2 германских корпусов в район Перемышля.

Главнокомандующий Юго-западным фронтом, в связи с отходом 5-й армии Плеве из Томашевского района, отдает 1 сентября директиву, в которой, указав на решение остановить 5-ю армию на линии Красностав—Грабовец—Крылов, ставит 3-й и 8-й армиям задачи: «оказать содействие 4-й и 5-й армиям в нанесении удара противнику и приковать к себе те неприятельские корпуса, которые действуют на Днестре и у Львова».

3 сентября, выполняя директиву верховного главнокомандующего «о необходимости покончить во что бы то ни стало с австрийцами до подхода с запада германских подкреплений» и получив донесение о занятии Львова войсками 3-й армии, главнокомандующий Юго-западным фронтом приказывает: начать 4 сентября общее наступление и атаковать противника, отбрасывая его к Висле, для чего 9-я, 4-я и 5-я армии должны были наступать на нижний Сан. 3-я армия усиливалась за счет 8-й армии до 5 корпусов и должна была наступать на Белгорай—Томашев, обеспечивая себя частью сил со стороны Перемышля и стремясь выйти в тыл противнику, действовавшему в Томашевском районе против 5-й армии. Это движение 3-й армии имело также задачей обойти Городокскую позицию с севера, для чего Рузский потребовал перехода в наступление и частей 8-й армии к Городокской позиции. В 8-й армии оставались 3 корпуса для обеспечения общего наступления фронта слева, удержания района Львова и для занятия переправ на Днестре и выдвижения авангардов к Карпатским проходам. Эти директивы и распоряжения обоих командований определили те задачи и то исходное положение, которое заняли 3-я и 8-я русские и 4-я, 3-я и 2-я австрийские армии 5 сентября перед началом 6-дневного *Городокского сражения*, решившего участь Галицийской операции.

По окончании всех перегруппировок к вечеру 5 сентября оба противника занимали следующее расположение. 3-я армия Рузского, усиленная XII корпусом, в составе XXI, XI, IX, X и XII корпусов, всего $14\frac{1}{2}$ пех. и 3 кав. дивизии (240 батальонов, 520 пулеметов, 116 эскадронов, 810 легких и 96 тяжелых орудий, 12 самолетов) вышла на 80-*км* фронт Варенж—Бельз—Добросин—Вальдорф—Янув, имея в среднем на 1 дивизию $4\frac{1}{2}$ *км* фронта. 8-я армия

Брусилова выдвинулась западнее Львова и по овладении 6 сентября Миколаевым заняла VII, VIII и XXIV корпусами, всего 7 пех. и 5 кав. дивизий (112 батальонов, 264 пулемета, 348 легких и 48 тяжелых орудий, 18 самолетов), 40-*км* фронт Мшаны—Щержец—Миколаев, имея в среднем на 1 дивизию около $4^3/_4$ *км* фронта. Днестровский отряд (71-я дивизия, 1-я бр. 12-й дивизии и Терская казачья дивизия) должен был 8-го выступить на Станислав для смены 1-й Кубанской казачьей дивизии, оставив в Черновицах бригаду 71-й дивизии. Конница Павлова (2-я сводно-казачья и 2-я Кубанская казачья дивизия) находилась на правом берегу Днестра южнее Миколаева.

4-я армия Ауффенберга выделила на юг 3 трехдивизионных корпуса—IX, VI и XVII с 2-й и 6-й кав. дивизиями (всего 123 батальона, 250 пулеметов, 65 эскадронов и 420 орудий). Большие потери, понесенные армией, еще не были пополнены. Имелся общий некомплект до 26%. Тем не менее наступавшие на юг корпуса считались наиболее стойкими и крепкими. 3-я армия Бороевича, назначенного вместо отрешенного за неудачи Брудермана, состояла из III и XI корпусов, 23-й дивизии, 88 стр. бригады и 4-й, 10 и 11-й кав. дивизий, всего 7 пех. и 3 кав. дивизий (99 батальонов, 188 пулеметов, 77 эскадронов и 166 орудий).

Обе армии 6 сентября развернулись на 70-*км* фронте Гржеда—Городок—Черлань, что дает на 1 дивизию в среднем $5^1/_2$ *км* фронта.

2-я армия Бем-Ермоли, ввиду отхода большей части ее сил к Дрогобычу по южному берегу Днестра, могла закончить развертывание своих сил на р. Верещица только к 8 сентября, после чего на 30-*км* фронте Черлань—Комарно—Колодрубы развернулись XII корпус, 105 ландштурмистская бригада, 11-я пех. и 8-я кав. дивизии, VII и IV (закончивший 8/IX высадку в Самборе) корпуса и 40 ландштурмистская бригада, всего 11 пех. и 1 кав. дивизия (151 батальон, 278 пулеметов, 45 эскадронов и 468 орудий), что дает в среднем на 1 дивизию около 3 *км* фронта. Кроме того у Дрогобыча оставались 103-я ландштурмистская бригада, 1-я и 5-я кав. дивизии, а у Самбора—102-я ландштурмистская и 7-я маршевая бригады.

В общем, в первый период сражения 3 австрийских армии почти сравнялись с силами 3-й и 8-й русских армий, имевших превосходство в артиллерии на 146 орудий.

План австрийцев охватить оба фланга наступающих к Городокской позиции 3-й и 8-й армий уже в период перегруппировок с 1 по 5 сентября попостепенно видоизменяется и приводит к фронтальному встречному столкновению, причем 4-я австрийская армия, уклоняясь на запад, подставляет свой левый фланг под удар 3-й русской армии. Кроме того запаздывание развертывания почти на 3 дня 2-й австрийской армии, назначенной для ведения главного удара, облегчало положение 3-й и 8 русских армий в первые дни сражения.

5 сентября 3-я армия Рузского, наступая на фронт Лащов—Рава-Русская—Магирув, имела уже ряд столкновений в XXI и XI корпусах с 2-й австрийской кав. дивизией у Мосты-Вельке и 6-й австрийской кав. дивизией к юго-востоку от Равы-Русской. 6 сентября на всем 85-*км* фронте 3-й армии обозначилось встречное наступление крупных сил 4-й австрийской армии. Наиболее упорные бои велись в центре на фронте IX корпуса, который, выдержав натиск 19-й и 41-й дивизий XVII корпуса, удержался на 17-*км* фронте Помлынов—Магирув, выжидая подхода к своим флангам XI и X корпусов, нанаправленных после полудня на помощь IX корпусу. Корпуса 8-й армии, овладевшие утром 6-го Миколаевым, в течение дня производили перегруп-

пировку, выйдя к вечеру на фронт Мшаны (VII корпус)—Щержец (VIII корпус)—Вержбиц (XXIV корпус).

4-я австрийская армия, наступавшая 6-го в юго-западном направлении с целью сблизить у Яворова свой правый фланг с левым флангом 3-й астрийской армии, к вечеру достигла: IX корпусом—района Курники, VI корпусом овладела после ряда удачных боев высотами севернее Магирува, а XVII корпусом развернулась на фронте Помлынов—Ржички.

На второй день сражения, 7 сентября, 3-я армия продолжает наступление на Раву-Русскую: в IX корпусе попытка продвинуться с юга на фронте Рава-Русская—Магирув была предупреждена наступлением VI и XVII австрийских корпусов, потеснивших центр и правый фланг IX корпуса. Поддержка IX корпусу не могла быть оказана ни со стороны X корпуса, ввязавшегося в серьезный бой с частями IX австрийского корпуса на 12-*км* фронте от Магирува до Майдана, ни со стороны XI корпуса, встретившего упорное сопротивление частей 3-й австрийской пех. и 2-й кав. дивизий, удерживавших до вечера район Унув—Михайловка—Гуйче. К вечеру на левом фланге 3-й армии, на фронте X и XII корпусов, также создалось напряженное положение. X корпус под натиском 4 дивизий VI и IX австрийских корпусов должен был отойти с линии р. Верещицы в район Майдана, что создавало уже угрозу разрыва с XII корпусом, правый фланг которого также отошел к Януву, образовав незанятый прорыв до 7 *км*. На остальном фронте XII корпуса от Янува до Вилькополе—к вечеру также обозначилось наступление 2 дивизий XI австрийского корпуса.

Тяжелое положение частей XII корпуса и прорыв у Янува заставляет Брусилова еще в течение дня направить VII корпус на поддержку XII корпуса, а части VIII корпуса на прежний участок VII корпуса от Повитно до Лесневице. В общем бои 7 сентября выяснили необходимость поддержать 3-ю армию наступлением на Раву-Русскую левофланговых V и XVII корпусов 5-й армии.

Группа Иосифа-Фердинанда оставила 5-го район Грубешова и вынуждена была отходить на юг на Раву-Русскую. 7-го она вела неудачные бои в районе Радостава 8-й дивизией с подходившими с юга колоннами XXI русского корпуса. Создавшееся положение повлекло отдачу 7 сентября директивы Юго-западного фронта, согласно которой 9-я, 4-я и 5-я армии должны были развить энергичную деятельность для сковывания противника, нанося 4-й армией 8 сентября удар на своем левом фланге. 5-я армия получила задачу: «свои 3 корпуса, осаженные назад, в течение одного дня вывести на общий фронт, в целях непосредственного соприкосновения с соседними армиями». Кроме того 5-я армия должна была помочь 3-й армии своими левофланговыми V и XVII корпусами и вновь образованным конным корпусом Драгомирова (7-я и сводная кав. дивизии и бригада 1-й Донской казачьей дивизии), направляемым на Томашев.

8-я армия переходила в непосредственное подчинение фронта с задачей «овладеть Городокской позицией для лучшего обеспечения Львова и действий 3-й армии», для чего ей возвращался XII корпус.

На основании этой директивы Рузский решает направить усилия 3 корпусов для овладения районом Равы-Русской: XXI корпус получил задачу «наступать на запад на Любачув, откуда принять участие в овладении Равой-Русской»; XI и IX корпуса—наступать на Раву-Русскую, а X корпус—обеспечивать эту операцию со стороны Городокской позиции.

Брусилов, выяснив сосредоточение 7-го значительных сил противника на фронте 8-й армии, решает удерживаться VIII и XXIV корпусами на фронте

от Повитно до Днестра, а VII корпусом атаковать противника в направлении на Каменнобрmicод. XII корпус с 10-й кав. дивизией должен был обеспечивать правый фланг 8-й армии и стык с 3-й армией.

Австрийское верховное командование, оценивая неблагоприятно обстановку на левом фланге 4-й армии и угрозу ее тылу со стороны Томашева, также отдает вечером 7-го директиву: 4-я армия вместо наступления с севера на Львов должна была отразить на своем фронте встречный удар армии Рузского, т. е. перейти к обороне; 3-я армия должна была содействовать этой задаче, наступая на левый фланг армии Рузского, а 2-я армия, наступающая в полосе южнее Львова, имела целью охватить противника с юго-запада и юга.

Позднее получение этой директивы в штабе 4-й астрийской армии приводит к тому, что ее корпуса продолжали наступать 8-го и 9-го, но существенных результатов не достигли. В 3-й русской армии 2-дневные попытки овладеть рава-русскими позициями, обороняемыми XVII австрийским корпусом, приводят к продвижению XI и IX корпусов всего в среднем на 3—4 *км*. Зато на участке X русского корпуса австрийцы развивают достигнутый накануне успех, развертывают против этого корпуса до 4 дивизий VI и IX корпусов, вследствие чего в районе Вальдорфа образуется разрыв с XII корпусом, для ликвидации чего к вечеру 10-го сосредоточиваются на флангах прорыва резервы в 2 группах: в X корпусе—33 батальона и 132 орудия и в XII корпусе—10 батальонов и 32 орудия. Эти группы связываются между собой расположением у Домбровица сводного кав. корпуса из 10-й, 11-й и 3-й кавказской кав. дивизий.

В 8-й армии начавшееся с рассветом 8-го наступление XII и VII корпусов должно было приостановиться вследствие встречного наступления XI, III и XII австрийских корпусов, а на участке XXIV корпуса, наступавшего южнее Комарно, обозначилось развертывание VII и IV австрийских корпусов. 9 сентября австрийцы атаковали XXIV корпус по всему фронту и вышли в тыл ему группой Карга (38-я дивизия, 40-я и 103-я ландштурмистские бригады), потеснившей у Новоселки 12-ю кав. дивизию, пытавшуюся в конных и пеших боях обеспечить левый фланг корпуса. В результате упорных боев по всему 57-*км* фронту 8-й армии центр ее был прорван, а XXIV корпус отброшен с потерей 18 орудий на 10—12 *км* к востоку на левый берег р. Щержец, где этот корпус загнул фланг почти под прямым углом к общей линии фронта.

В общем, к вечеру 9 сентября в штабе Юго-западного фронта была очевидна та тяжелая обстановка, которая создалась в результате 5-дневных боев на фронте 3-й и 8-й армий. В то же время на северном крыле в 9-й и 4-й армиях наступил наконец ожидаемый перелом: фронт 1-й австрийской армии был прорван, а прибывший с левого берега Вислы германский ландверный корпус Войрша разгромлен у Тарнавки с захватом массы пленных и 30 орудий. Поэтому главнокомандующий фронтом в директиве от 9 сентября, давая ряд указаний 9-й и 4-й армиям по использованию достигнутого успеха и направляя их на нижний Сан ниже Кржешова, указал 5-й армии направить 2 правофланговых, XXV и XIX корпуса, на запад, на Белгорай, во фланг 1-й австрийской армии. В отношении использования V и XVII корпусов для более глубокого обхода левого фланга 4-й австрийской армии, как это просил Рузский, главнокомандующий указаний не дал.

Командующий 5-й армией, не будучи ориентирован о положении XXI корпуса, приказал V и XVII корпусам, овладевшим 9-го районом Томашева, наступать 10 сентября во фланг и тыл австрийцам, ведущим бои у Равы-

Русской. Сводный кав. корпус Драгомирова получил задачу наступать на Нароль, т. е. на фронт группы Иосифа-Фердинанда вместо ее обхода.

Австрийское верховное командование вечером 9 сентября, несмотря на донесение об отходе 1-й армии на линию Свецехов—Фрамполь, решает продолжать 10-го сентября концентрическое наступление к Львову 2-й, 3-й и большей частью сил 4-й австрийской армий, в то время как левый фланг 4-й армии и группа Иосифа-Фердинанда должны были обеспечить фланг и тыл армии австрийцев.

Бои 10 и 11 сентября являлись наиболее тяжелыми для обоих противников, причем 3-я и 2-я австрийские армии в течение 2 суток продолжают теснить 8-ю армию Брусилова, отошедшую еще на 6—12 *км* и оборонявшуюся успешно на фронте Домбровица—Ставчаны—Миколаев под непрерывными атаками $17\frac{1}{2}$ австрийских дивизий. В то же время, в связи с начавшимся преследованием 9-й и 4-й армиями разбитых войск 1-й армии Данкля и ввиду подхода к Раве-Русской V, XVII и XXI корпусов, общее положение фронта австрийцев резко ухудшается. Под натиском указанных выше корпусов группа Иосифа-Фердинанда постепенно отходит к югу от железной дороги на Любачув, занимая фронт от Горинец до Равы-Русской и заставив загнуть и левый фланг 4-й армии. Уже днем 11-го австрийскому командованию становится очевидной невозможность задержать истомленными частями 4-й армии и направленными на Любачув 5 кав. дивизиями продолжающийся глубокий обход на Цешанув левого фланга 4-й армии 3 русскими корпусами. Вследствие этого в 16 час. 30 мин. дня отдается общая директива об отводе всех армий за р. Сан.

Главнейшими причинами успеха русских следует считать маневр во фланг V, XVII и XXI корпусами, наступление которых на Любачув выводило на пути отхода австрийских армий к Сану и с подходом которых выгоды группировки сил и численное превосходство начинают выявляться на стороне русских, имевших 440 батальонов, 1 020 пулеметов, 318 эскадронов и 1 528 орудий против численно слабых 441 батальона, 856 пулеметов, 260 эскадронов и 1 386 орудий, бывших у австрийцев. Австрийцы переоценили те возможные задачи, которые могли выполнить истомленные войска 1-й армии Данкля и численно слабая группа Иосифа-Фердинанда. Неизбежность скорого отхода их за р. Сан. перед усиливающимся с каждым днем северным крылом русских армий была очевидна; в то же время австрийцы не имели никаких оснований рассчитывать на быстрый успех на фронте Городокского сражения.

Внезапный отход австрийцев в ночь на 12 сентября застал 3-ю и 8-ю армии и левофланговую группу 5-й армии в неготовности к немедленному преследованию в широком масштабе, главным образом вследствие состояния тыла, не обеспечивающего длительное наступление. Поэтому главнокомандующий фронтом решает ограничить наступление 5-й, 3-й и 8-й армий линией Цешанув—Немиров—Янув—Миколаев, т. е. в 1—2 переходах от фронта Городокского сражения.

К недочетам русского командования следует отнести неправильное ориентирование 3-й армии о якобы начавшемся отходе 4-й австрийской армии на Ярославль и отсутствие согласованного управления действиями 3-й и 8-й армий, вследствие чего не устанавливается четкого взаимодействия вначале между ними, а в конце сражения—между 3-й и 5-й армиями. Еще 9 сентября командование фронтом обязано было направить всю 5-ю армию Плеве на коммуникации 4-й, 3-й и 2-й австрийских армий, поставив целью ее дей-

ствий быстрым маневром отрезать эти армии от путей отхода к Сану, что безусловно являлось тогда вполне осуществимым.

ВТОРОЕ НАСТУПЛЕНИЕ 9-й, 4-й и 5-й АРМИЙ

Схема 16А

Австрийское верховное главнокомандование, осуществляя с 1 сентября перегруппировку своих сил для Городокского сражения, оставило 1-ю армию Данкля и группу Иосифа-Фердинанда (всего $15^1/_2$ и 4 кав. дивизий) в качестве заслона между Вислой и Бугом и считало, что этих сил будет достаточно для ведения оборонительной операции в течение всего времени, необходимого для разгрома в районе Львова 3-й и 8-й русских армий.

Русское верховное главнокомандование ввиду тяжелого положения 4-й армии под Люблином и в связи с неуспехом наступления в Восточную Пруссию в директиве от 31 августа поставило Юго-западному фронту задачу перехода в общее наступление всех армий, «ввиду большой заминки во 2-й армии и необходимости покончить во что бы то ни стало с австрийцами до подхода с запада германских подкреплений»...

3 сентября главнокомандующий Юго-западным фронтом, прибывший в Люблин из Лукова на совещание с командующими 9-й и 4-й армиями, отдал директиву № 701 о выделении на правом фланге фронта 9-й армии Лечицкого в составе XVIII и XIV корпусов с приданными последнему частями (гвардейской стр. бригадой и 13-й и 14-й кав. дивизиями). В 4-й армии были оставлены: гвардейский, гренадерский, XVI и III кавказские корпуса, отдельная гвардейская кав. бригада, 3-я донская и уральская каз. дивизии.

Все армии Юго-западного фронта должны были перейти 4 сентября в общее наступление, выполняя следующие задачи: 9-я армия, наступая между Вислой и р. Быстржицей,—теснить неприятеля в направлении на Юзефов. 4-я армия, развивая одержанный 2 сентября успех,—атаковать на фронте Быхава—верховье р. Пора и отбрасывать противника в направлении на Красник; 5-я армия должна была наступать на фронт Туробин—Щебрежин—Красноброд, ведя корпуса уступами справа, оказывая действиями своего правого крыла помощь развитию удара левого крыла 4-й армии. 3-й армии указывалось наступать на Белгорай—Ярослав, а 8-й армии—действовать против Городокской позиции, обеспечивая слева армии фронта.

К началу второго наступления выгоды превосходства сил и группировки их перешли на сторону 9-й, 4-й и 5-й русских армий. Имея на 72-*км* фронте 9-й армии и правого крыла 4-й армии до района Пиотркова 9 дивизий против 7 австрийских и 3 ландштурмистских бригад, русские сосредоточивали против правого фланга 1-й австрийской армии свою ударную группировку из 4 корпусов (гренадерский, гвардейский, III кавказский и XXV корпуса), имевших к утру 3 сентября 105 батальонов, 64 эскадрона и 216 орудий и окружавших полукольцом X австрийский корпус (49 батальонов, 7 эскадронов и 96 орудий), расположенный на высотах у Кщонова—ст. Травники—Лопенники. В общем между Вислой и Бугом в результате осуществления железнодорожного маневра русские имеют $26^1/_2$ пех. и $9^1/_2$ кав. дивизий против $15^1/_2$ пех. и 4 кав. дивизий австрийских.

Еще до начала общего наступления 4-я армия, перейдя утром 2 сентября в частное наступление на обоих своих флангах, одержала крупные успехи. На правом фланге XVIII корпус, разбив у Ходеля части 101-й и 100-й ландштурмистских бригад группы Куммера, занял выгодное исходное положение

на южном берегу р. Ходеля для последующих наступательных действий против сильно укрепленных позиций, занятых группой Куммера и левым флангом I австрийского корпуса на высотах левого берега южнее Ополе и Ходеля.

На левом фланге 4-й армии вновь сосредоточиваемые войска образовали отряд Мрозовского (14 батальонов 1 гвардейской и 2 гренадерских дивизий, сводная бригада III Кавказского корпуса), который с утра 2-го атаковал части 2-й и 24-й дивизии X австрийского корпуса, занимавшие высоты у Суходолы, разбил их и, окружив, взял более 5 000 пленных с 8 пулеметами.

Этот успех на стыке 4-й и 5-й армий не был использован немедленным преследованием, и только 4 сентября XXV корпус, занявший накануне Красностав, вышел в тыл отходящим на юг частям X австрийского корпуса и разбил у Лопенники 45-ю австрийскую дивизию, захватив более 1 500 пленных. В общем в боях 2—4 сентября X австрийский корпус был совершенно разбит и поспешно отведен к югу на фронт Кщонов—Жолкевка, вследствие чего для усиления правого фланга 1-й армии направляется германский ландверный корпус Войерша.

У русских, в результате боев у Суходолы и Лопенники, приведших к полной ликвидации прорыва у станции Травники, была достигнута необходимая согласованность в действиях на стыке 4-й и 5-й армий, которые на следующий день могли приступить к выполнению задач, поставленных в директиве фронта от 3 сентября.

5 и 6 сентября левый фланг 9-й армии вместе с правым флангом 4-й армии—всего 8 дивизий—вели фронтальные атаки укрепленных позиций I и V австрийских корпусов на всем 45-*км* фронте от Ходеля до Гельчева, но успеха не имели, продвинувшись на некоторых участках всего на 1—3 *км*.

На следующий день, 7 сентября, 4-я армия повторила атаки на левом фланге от Романовского леса до высот у Тарнавки, на 12-*км* участке, занятом V австрийским корпусом. Несмотря на артиллерийскую подготовку огнем 240 легких и 24 тяжелых орудий, продвижение 5 атаковавших дивизий XVI, Гренадерского и Гвардейского корпусов не превышало всюду 2—3 *км*. Еще южнее III Кавказский корпус и бригады 82-й дивизии выдвинулись к Высоке и Дараганы, но контратакой 4-й ландверной дивизии германского корпуса Войрша были отброшены назад на высоты восточнее этих деревень с потерей до 1 000 пленных. В общем, эти разновременные фронтальные атаки выявили невозможность сломить укрепленный фронт противника частными усилиями 9-й и 4-й армий без мощного содействия 5-й армии. В частности командующий 4-й армией просил, чтобы XXV корпус, остановившийся у Жолкевки, выдвинулся к западу к Туробинским высотам и этим обеспечил левый фланг 4-й армии.

5-я армия в эти тяжелые дни для своих соседей медленно теснила группу Иосифа-Фердинанда и после 4 дней преследования сосредоточилась на 60-*км* фронте от Жабно до Зубовице, заняв к вечеру 7 сентября выгодное исходное положение как для атаки фронта Туробин—Щебрежин—Красноброд, от которого корпуса находились в переходе и достижение которого составляло ближайшую задачу 5-й армии, так и для преследования на Томашевском направлении, куда отходили войска группы Иосифа-Фердинанда.

7 сентября главнокомандующий Юго-западным фронтом, в связи с окончанием подготовки 9-й армии, выгодным положением 5-й армии и просьбой Рузского о поддержке 3-й армии левофланговыми корпусами 5-й армии, потребовал более энергичных действий. В директиве, отданной днем, указывалось, что «4-я армия имеет возможность развивать свои действия левым крылом»...,

а в 23 часа 4-й армии отдано приказание произвести 8 сентября удар левым флангом, чтобы прорвать фронт противника.

5-я армия для содействия наступлению левого фланга 4-й армии направила XXV и XIX корпуса к р. Пор и р. Вепржу на фронт Туробин—Запоже-Бодачев, а V, XVII и конный Драгомирова корпуса—на Томашев во фланг противнику против 3-й армии у Равы-Русской.

В общем, согласно этих указаний назначалась на 8 сентября общая атака укрепленных позиций австрийцев с целью их прорыва и дальнейшего наступления: 9-й армией на Юзефов, где предполагалось переправить всю армию на левый берег Вислы; 4-й армией—на р. Сан ниже Ниско и 5-й армией—на участок р. Сана выше Ниско. Таким образом это фронтальное наступление правофланговых армий должно было привести к выталкиванию австрийцев к западу, отбрасывая 1-ю австрийскую армию к Висле и р. Сану, вместо возможного окружения, как то предполагалось первоначальным планом операции.

Общая атака 9-й, 4-й и 5-й армий, проведенная в течение 8 и 9 сентября, дала крупные успехи. В 9-й армии после артиллерийской подготовки огнем 240 легких и 32 тяжелых орудий XVIII и XIV корпуса, атаковав на 45-*км* фронте от р. Вислы и до р. Быстржицы, прорвали позиции австрийцев и вышли в район Юзефова.

Атака корпусов 4-й армии 8 сентября началась с запозданием только в 17 час., так как Эверт предполагал выждать результатов наступления XXV и XIX корпусов 5-й армии. Тем не менее после интенсивной артиллерийской подготовки огнем 552 орудий и 26 гаубиц по 26-*км* участку от леса южнее Павлова до Домбрувки, занятому частями V австрийского корпуса и сменившего его правый фланг германского корпуса Войрша (на 1 *км* укрепленной позиции приходилось до 3 батальонов и 7½ орудий против 5 батальонов и 17 орудий у наступающих), Гренадерский, Гвардейский и III Кавказский корпуса с 82-й дивизией снова повели наступление, которое медленно развивалось. К вечеру на левом фланге части Гвардейского и III Кавказского корпусов овладели д. Высоке и Дараганы и продвинулись на 2 *км* по скату высот у Тарнавки. С наступлением полной темноты, когда германские ландверные части, не имевшие походных кухонь, были отведены от боевых линий назад за высоты для варки пищи в походных котелках [1], 2 гвардейских полка (Московский и Гренадерский) вновь атаковали высоты у Тарнавки, сбили слабые части германцев и, выдержав ряд сильных контратак, овладели 30 орудиями 4-й германской ландверной дивизии, прорвав таким образом расположение корпуса Войрша. На следующий день, 9 сентября, успех прорыва распространился по всему фронту 4-й армии, продолжавшей атаки австро-германцев, которые на некоторых участках стали отходить в беспорядке. К вечеру 9 сентября 4-я армия в центре и на левом фланге овладела укрепленным рубежом к югу от Быхавы и до района Тарнавки, продвинувшись за 2 дня упорных и кровопролитных боев на 7—9 *км* и захватив более 5 000 пленных, из них до половины германцев. Правофланговые XXV и XIX корпуса 5-й армии не оказали никакого содействия 4-й армии—переправы через р. Пор от Туробина и ниже оставались занятыми X австрийским корпусом. Только 9 сентября эти корпуса развернулись на фронте Туробин—Гораец—Зверинец, медленно охватывая правый фланг X австрийского корпуса. Левофланговые V и XVII корпуса 5-й армии и XXI корпус 3-й армии в эти дни продолжали преследовать группу Иосифа-Фердинанда и после боев 9-го заняли Томашев, имея XXI корпус южнее на

[1] Der Weltkrieg, т. II, стр. 334.

фронте Приорск—Махнув, откуда последний на следующий день предполагал совместно с XI и IX корпусами 3-й армии атаковать Раву-Русскую.

Для развития достигнутого успеха главнокомандующий Юго-западным фронтом в директиве от 9 сентября направил попрежнему 9-ю и 4-ю армии фронтом на Вислу и только левым флангом 4-й армии—на нижний Сан. 5-й армии приказывалось направить 2 правофланговых корпуса на Янов—Белгорай, в район лучших путей, через Таневскую лесную полосу к нижнему Сану. Корпуса V, XVII и конный Драгомирова, оставшиеся на Томашевском направлении, были двинуты Плеве на юг, на фланг и тыл 4-й австрийской армии, ведущей бои у Равы-Русской.

В итоге этих распоряжений корпуса 9-й и 4-й армий в течение 10 и 11 сентября вели преследование 1-й австрийской армии Данкля, которая в ночь на 10 сентября была отведена на переход к югу на фронт Свецехов—Полихна—Фрамполь, а с утра 11-го продолжала дальнейший отход к Сану, куда предполагала прибыть 12—14 сентября. Пройдя в течение 2 дней от 30 до 32 *км*, 9-я и 4-я армии не сумели ни настигнуть армию Данкля, ни отрезать ее от путей отхода к р. Сану. 5-я армия, занявшая еще 8 сентября выгодное положение на фронте Жабно—Зубовице для флангового маневра на Цешанув по тылам австрийских армий, ведущих Городокское сражение, соответствующей задачи не получила ни 10, ни 11 сентября.

В общем успех второго наступления 9-й, 4-й и 5-й армий заставил австрийцев прервать Городокское сражение и начать отход всех армий в ночь на 12 сентября за р. Сан, избегая этим возможности окружения большей части сил 4-й, 3-й и 2-й австрийских армий. Главнейшими причинами успеха русских следует считать то превосходство в силах, которое было создано между Вислою и Бугом путем железнодорожного маневра оперативными резервами верховного главнокомандования. В оперативной деятельности командования Юго-западного фронта следует подчеркнуть всю невыгоду направления наступления 3 правофланговых армий к Висле и на нижний Сан, а не в обход левого фланга австрийского фронта с целью отрезать пути отхода к Кракову.

Мало того, командования фронтом и 5-й армии упускают возможность, начиная с 8 сентября, вывести 5-ю армию простым фронтальным движением на Цешанув на пути сообщения 4-й, 3-й и 2-й австрийских армий, что могло привести даже к частичному окружению их. Деятельность 1-й австрийской армии за 8-дневный оборонительный период отличалась особым упорством. Эта армия сковала превосходные силы русских и заставила их вести медленное преследование в направлении, наиболее выгодном для австрийцев. Общие потери 1-й австрийской армии были громадны и доходили до 90 000 чел. или 27%, до 30 000 лошадей, т. е. 28% первоначального состава, и 71 орудие.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Схема 17

Несмотря на успех, главнокомандующий Юго-западным фронтом в первые дни после прорыва у Тарновки не принимает должных мер для организации преследования в широком масштабе и даже в директиве от 11 сентября принимает решение о перерыве операции на линии р. Сана и Танева и далее по рубежу Немиров—Янов—Миколаев. И только 13 сентября отдается новая директива фронта, организующая преследование. В общем начатое с запозданием на 2—3 дня преследование неизбежно принимает фронтальный и ограни-

ченный характер следования за австрийскими армиями, которые с 12-го на 16 сентября отходили за р. Сан, а с 17 сентября начали дальнейший отход к р. Дунаец с целью начать новую операцию совместно с 9-й германской армией, которая развертывалась к 21 сентября на фронте Ченстохов—Краков. В новом исходном положении 1-я, 4-я и 3-я австрийские армии были сосредоточены на узком 80-*км* фронте от Вислы до Гладышева, имея на линии р. Вислоки от Пильзно до Ясно завесу из 5 кав. дивизий и 2-ю армию, растянутую вдоль границ с Венгрией на 120-*км* фронте для прикрытия Карпатских проходов. Русские армии вели преследование с 13 по 21 сентября; в это время 3-я и 8-я армии приступили к обложению крепости Перемышль, выдвинув 9-ю армию на р. Вислоку и расположив 4-ю и 5-ю армии западнее р. Сана до окончания обложения крепости Перемышля. В направлении р. Дунаец была выдвинута армейская конница в количестве 5 кав. дивизий.

Неудачное для русских начало Галицийской операции наложило отпечаток и на дальнейшее поведение русского командования.

Русское командование отказалось от своего первоначального плана, который мог привести к решительным результатам, и ограничилось самым простым способом действий почти фронтального вытеснения противника. Лейтмотивом русского командования была осторожность, под впечатлением вероятно Самсоновской катастрофы. Австрийская армия, которая должна была быть уничтожена, была только обессилена. После 9 сентября Иванов имел полную возможность перекинуть, если не всю, то большую часть 9-й армии на левый берег Вислы и, направляя ее на Краков, получить все выгоды параллельного преследования. Этого не было сделано; все армии столпились к концу операции на узком пространстве.

Поведение австрийского командования за этот период можно характеризовать, по словам Мозера, как отчаянные «стратегическо-тактические шахматные ходы», каковыми они в действительности и были. Австрийское командование нельзя упрекнуть в том, что оно не употребило всех усилий, чтобы вырвать победу даже тогда, когда на это не было никакой надежды. Оно дало несколько красивых маневров, но в значительно большей степени основанных на риске, чем на расчете. Австрийцы вышли из этой операции с армией дезорганизованной, понесшей громадные потери людьми и средствами и с сильно подорванным моральным состоянием. Дорога русским в венгерскую равнину была почти открыта.

Боевой состав австрийских армий уменьшился на 45% и составлял всего около 400 000 бойцов. Наибольшие потери были в 3-й армии—до 109 000, 4-й армии—90 000 и 1-й армии—до 90 000; 2-я армия потеряла около 37 000. Только к концу сентября удалось довести общий состав австрийских армий до 803 000 чел. и 275 000 лошадей, причем армии имели некомплект в 325 000 чел. и 110 000 лошадей. Потери русских также были велики—в среднем 4 500 чел. на дивизию, и это обстоятельство, в связи с трудностями дальнейшего регулярного питания операции резервами и трудностями железнодорожного подвоза, привело русское командование к решению прервать Галицийскую операцию для устройства тыла и накапливания запасов снабжения.

Политические последствия Галицийской битвы были громадны. Выяснившийся общий недостаток сил австро-германцев для продолжения наступательных операций заставляет дипломатов центральных держав искать новых союзников. Усилия направляются в сторону Румынии, Болгарии и Турции, из которых последняя уже в октябре переходит на сторону Германии и Австро-Венгрии.

ДЕЙСТВИЯ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Схема 18

ПЛАНЫ СТОРОН

Ко времени поражения 2-й русской армии в Восточную Пруссию прибыли посланные германской Ставкой с французского фронта 2 корпуса (Гвард. рез. и XI) и 8-я кав. дивизия. Это обстоятельство ставило Гинденбурга в особенно выгодное положение. Разгромив половину русских сил, германское командование увеличило свои силы на 30% свежих войск. Надлежало остановиться на выборе дальнейшего *плана действий*. Для германцев представлялось два варианта. Или исполнить свои обязательства по отношению к австрийскому союзнику и продолжать наступление на Нарев, чтобы протянуть руку помощи австрийцам, на фронте которых наступал перелом, или же покончить сначала с армией Ренненкампфа.

К этому времени германцы имели сосредоточенными в своих руках в Восточной Пруссии 7½ корпусов (включая сюда и отдельные дивизии) [1], опиравшихся на ряд крепостей, против 5 корпусов Ренненкампфа (прибыл XXVI корпус) и 3 надломленных и отошедших к Нареву корпусов 2-й русской армии.

Верховное германское командование, не взирая на то, что положение австро-германцев стало критическим, решило очистить Восточную Пруссию от русских и только после этого прийти на помощь австро-венгерцам. В таком духе была составлена директива ген. Мольтке 8-й германской армии от 31 августа.

«Ближайшей задачей 8-й армии,—говорится в директиве,—ставится очищение Восточной Пруссии от армии ген. Ренненкампфа. Преследование разбитого противника незначительными силами на Варшаву ввиду движения русских от Варшавы в направлении Силезии—желательно. Дальнейшим назначением 8-й армии является, если обстановка в Восточной Пруссии позволит, наступление на Варшаву» [2].

Таким образом ближайшая задача требовала от командования 8-й германской армией развития решительных действий в неманском направлении и наступления небольшими силами на Варшаву. Для выполнения двух столь трудных задач 8-я армия была усилена 2 армейскими корпусами и 1 кав. дивизией.

План ген. Гинденбурга. Ген. Гинденбург решил: оставить небольшой отряд в наревском направлении для прикрытия Восточной Пруссии с юга, а главные силы бросить против 1-й русской армии. На наревском направлении на участке Мышинец—Хоржеле—Млава—Лаутенбург был оставлен отряд в составе 18 батальонов, 9 эскадронов, 6 легких и 6 тяжелых батарей. Все остальные силы армии к вечеру 6 сентября развернулись в неманском направлении на участке Ортельсбург—Бишофсбург—Гейльсберг—Мельзак.

Против 1-й русской армии, состоявшей из 5 корпусов и 5½ кав. дивизий (228 батальонов, 173 эскадрона и 900 орудий), было направлено всего 7½ корпусов и 2 дивизии конницы (215 батальонов, 104 эскадрона, 1 080 орудий). Эти силы, под личным руководством ген. Гинденбурга, должны были отрезать 1-ю русскую армию от Среднего Немана и, прижав к болотам Нижнего Немана, уничтожить.

---

[1] Франсуа определяет силы германцев в этой операции против Ренненкампфа в 16 пех. и 2 кав. дивизий; кроме того операцию с юга прикрывали части Гольца (свыше дивизии).

[2] Weltkrieg, т. II, стр. 268.

В обходную колонну через Мазурские озера было назначено 3 корпуса и 2 кав. дивизии (81 батальон, 64 эскадрона, 364 орудия), остальные 4½ корпуса, составлявшие главную группу, были направлены севернее озер. Начало решительных действий назначено на 7 сентября.

План русского командования. 28 августа, т. е. в тот самый день, когда ген. Самсонов отдал свой приказ об отступлении, главнокомандующий ген. Жилинский почти одновременно отдал 1-й армии два распоряжения: телеграммой № 3020, как мы видели выше, указывалось 1-й армии оказать содействие 2-й армии выдвижением вперед левого фланга на Бартенштейн и конницы на Бишофсбург; в то же время новой директивой № 5 предписывалось: «немедленно приступить к обложению крепости Кенигсберга, причем это обложение не должно иметь характера ни осады, ни обложения в тесном смысле, а исключительно наблюдения, т. е. желательно занять лишь такое положение, при котором возможно было бы воспрепятствовать выходу противника из крепости. Для подобного обложения назначаю XX корпус и 2 резервных дивизии»... Директива № 5 оформила все предыдущие распоряжения по обложению Кенигсберга вплоть до содействия обложению «всеми силами армии».

Вышеприведенными действиями ген. Жилинского 1-я армия была прикована к инженерным сооружениям и обращена в блокадный корпус, предназначенный для решения задач сепаратного характера. Такими своими действиями ген. Жилинский совершил одну из грубейших ошибок за время своего командования. Немало помогли ему в этом ставка главковерха и командование 1-й армии, в особенности сам ген. Ренненкампф, который давно уже наметил Кенигсберг объектом решительных действий, невзирая на то, что для успеха операции вверенной ему армии гораздо большее значение имело овладение Летценским укрепленным районом. В описанных выше действиях русского командования нельзя не видеть одну из главных причин разгрома русских в Восточной Пруссии.

К началу наступления ген. Гинденбурга в неманском направлении северо-западный фронт очутился в крайне невыгодном положении.

Во-первых, 2-я армия была на р. Нареве и не успела еще привести себя в порядок после понесенного поражения. Во-вторых, 1-я армия стянулась севернее Мазурских озер, и левый фланг ее мог быть легко обойден через находившийся в руках германцев Летценский укрепленный район, и ген. Ренненкампф мог быть отрезан от Среднего Немана раньше, чем подоспеет помощь со сто-стороны 10-й армии, собиравшейся в районе крепости Гродно. Само собой разумеется, что необходимо было 1 русской армии отступить к границе, но ни ген. Ренненкампф, ни главком Жилинский не хотели взять на себя инициативу отступления. Что же касается Ставки, то она бросила лозунг: «Ни шагу назад!» Таким образом русское командование, как армейское, так и вышестоящее, сделало все возможное для последующего поражения 1-й армии.

2 сентября ген. Ренненкампф отдал приказ по армии № 6, в котором говорилось:

«Противник проявляет сильную деятельность на фронте Лабиау — Фридланд — Летцен и у Шимонкена. Во исполнение указаний главнокомандующего приказываю противнику дать отпор.

1. XX армейскому корпусу к северу от Прегеля, обеспечивая правый фланг армии
2. III корпусу — на р. Алле и Омет от Велау до Грюнхейм (вкл.)
3. IV » — Грюнхейм — Норденбург.
4. II » — между Норденбург — оз. Мауэр, имея дивизию в заслоне против Летцена».

Вся конница была северо-западнее озер.

К этому приказу надо добавить, что вновь сформированный XXVI корпус через несколько дней был выдвинут на р. Дейме правее XX корпуса. Армейского резерва не было.

В заключение отметим, что в районе Августов—Гродно—Осовец формировалась 10-я армия, в состав которой должны были войти корпуса XXII, III Сибирский и I Туркестанский. Но к описанному моменту из этих корпусов прибыли на фронт лишь первые эшелоны, которые спешно выдвигались в район Августов—Осовец—Иоганнисбург.

ХОД ОПЕРАЦИИ

Схема 17

К утру 8 сентября 1-я русская армия занимала то же положение, что и 2 сентября, и только 43-я дивизия II корпуса была передвинута в виде заслона против озерных проходов на фронте в 40 *км* от дер. Штренгельм через Видминен до Ариса. 2-я армия была сдвинута к центру и расположилась на фронте: Остроленка (VI корпус), Красносельц (XXIII корпус), Щуки (I корпус) и получила приказ 8 сентября начать выдвижение на линию Мышинец—Хоржеле для оказания поддержки 1-й армии. Занятие этой армией Нейденбурга и Ортельсбурга, как предполагал Жилинский, окажет влияние на действия германцев на фронте Ренненкампфа.

Между тем обходная колонна уже 7 сентября начала продвижение через озера и вошла в столкновение с 43-й русской дивизией.

Из боевых столкновений 7 сентября германцы вывели заключение, что левый фланг 1-й русской армии защищается только 43-й дивизией, что угроза у Бялы ликвидирована, что русские войска, сосредоточенные на фронте Бяла—Граево, участия в операции принять не успеют.

На 8 сентября обходящей группе было приказано продвигаться вперед. Левый фланг германцев подвигался к укрепленной позиции 1-й армии, готовясь к ее атаке, причем главный удар предполагалось наносить у Гердауэна силами XI и I резервного корпусов. К утру 9 сентября обходящее крыло германцев достигло линии: Дрыгален—озера Арис—Левентинское—Поссерн—Мауер—Гердауэн.

Появление германцев восточнее озер заставило Ренненкампфа обратить внимание на неустойчивость левого фланга армии, что вызвало усиление его 72-й дивизией из Даркемена и 54-й из Инстербурга. Для образования армейского резерва за центром был снят с правого фланга и переброшен в район Гольдапа XX арм. корпус, а три кав. дивизии переброшены в Маркграбово.

9 сентября Гинденбург начал наступление на всем фронте, причем севернее озер корпуса ограничились артподготовкой. Атака русских позиций здесь была отложена до 11 сентября. Наступление против левого фланга русских развивалось с полной энергией. Вечером 9 сентября германцы заняли дивизией Гольца, постепенно передвигаемой с Наревского направления на восток, Бялу, 3-я резервная дивизия вела бой под Лыком, а I и XVII корпуса сбили слабые части 43-й дивизии с позиции Круглянкен—Поссессерн, которые отошли в район Лиссен—Кальнишкен. 1-я и 8-я кав. дивизии вышли на фронт Юха-Грюнхейде. Далее на север положение оставалось без перемен. Германское командование получило известие о переходе в наступление 2-й русской армии.

Обстановку на 10 сентября стороны представляли себе в таком виде.

Германское командование было довольно достигнутыми успехами, но его смущало продвижение 2-й армии и сосредоточение III Сибирского корпуса у Граево. Все это ставило всю операцию под угрозу, если решение не будет достигнуто в скором времени. Поэтому 10 числа было приказано на главном фронте продолжать подготовку к атаке, XVII корпусу развивать успех, двигаясь правым флангом через Кутен на фронт Буддерн—Ангенбург, а I корпусу обеспечивать продвижение XVII корпуса. Кавалерии двигаться на Гольдап.

В этот день германцы направили свои обходящие колонны прямо на север, имея очевидно главной целью содействовать наступлению севернее озер.

Для командования 1-й русской армией 9 сентября обстановка совершенно выяснилась, и оно, продолжая перекидывать XX корпус к Гольдапу и направляя туда всю кавалерию, решило начать в ночь на 10-е отход всей армии. В результате этого решения армия, почти не останавливаясь, в 2 перехода отошла на линию Спангельн—восточнее гр. Бубайнен—Иодлаунен—Коварен. В то же время Жилинский приказал 2-й армии прекратить наступлени и закрепиться на линии Мышинец (VI корпус)—Бржески—Колаки (XXIII корпус) и Кржиновлога В. (I корпус).

10 сентября утром германцы обнаружили очищение русскими своих позиций, но не верили в общий отход их и начали продвигаться вперед с большой осторожностью. Но около полудня летчики донесли об отходе русских, и германское командование перешло к самому энергичному преследованию «для уничтожения живой силы врага».

Ближайшей целью преследования было поставлено перерезать сообщение Гумбинен—Ковно, для чего кавалерии было дано направление на Гольдап, 3-й резервной дивизии—на Маркграбово, I корпусу—на Гольдап и XVII—на Даркемен. 3-я резервная дивизия в этот день не могла оказать влияния на отход русских, а остальным войскам приходилось пройти от 20 до 30 *км*, чтобы занять по отношению к русским угрожающее положение и опрокинуть значительные их силы.

Но все эти значительные силы вступали в бой с германцами отдельными пакетами, без общего руководства, почему или принуждены были отступать, или (72-я дивизия) подвергались отдельному поражению. Многочисленная же кавалерия оказывала попрежнему помощь очень незначительную, хотя и была сосредоточена в очень выгодном направлении на фронте Ковален—Филиппово, кроме 2-й гвардейской кав. дивизии, отошедшей из района Гольдапа к Клешовен.

Как ни были разрознены действия русских, но все-таки они представляли сильную препону быстрому наступлению обходящих германских корпусов, которые к вечеру 10 сентября достигли района: Бенхейм—Домбровкен—Норденбург, имея гвардейский резервный корпус за левым флангом у Мюльдчена за отсутствием путей для преследования и кавалерию на правом фланге в районе Маркграбово—Ковален—Гольдап.

Русские войска достигнули указанной им линии Спангельн—Гр. Бубайнен—Иодлаунен—Домбровкен, имея дивизии, обеспечивающие левый фланг, сгруппированными южнее и юго-западнее Даркемена на фронте Бейнонен—Гр. Медунишкен—Витгирен.

К вечеру 10 сентября положение армии Ренненкампфа улучшилось, так как обходившие ее 3-я резервная дивизия, I и XVII корпуса отстали и на ее тылах (у Гольдапа) фактически находилась только 8-я кав. дивизия. 11 сентября 1-я армия получила приказ отойти одним переходом на 45 *км*

назад и к утру 12 сентября заняла линию Куссен—Тракенен—Тольмингкемен. Отход этот должен был прикрываться II и XX корпусами, которым было приказано развить энергичные действия в направлении на Гольдап.

Из прикрывавших отход армии корпусов II корпус своей контратакой выбил германцев с опушки Стабригкеленского леса, но не развил успеха ввиду полученного приказа об отходе, а XX корпус действовал пассивно, отбив однако все атаки противника на фронте Варнен—Гавайтен. Конница попрежнему держалась пассивно.

К рассвету 12-го русские войска достигли указанной им линии, кроме IV корпуса, который решил заночевать на реке Ангерапе в районе Буйлен-Дингляукен.

К вечеру 11 сентября войска германцев достигли линии: Маркграбово—Гольдап—Инстербург, не доходя в общем 20 *км* до расположения русских войск, причем кавалерия, которой было приказано выйти на линию Мариамполь—Вильковишки, была задержана русской конницей у Дюбенингена и южнее.

В то время, когда 1-я армия выпутывалась из критического положения, а войска были до крайности расстроены и утомлены беспрерывным 100-*км* отступлением, у Жилинского явилась мысль о переходе в наступление. При этом Ренненкампфу было приказано наступать только левофланговыми корпусами, а правофланговыми отходить назад. Одновременно было приказано 10-й армии в составе XXII армейского, II Кавказского и III Сибирского корпусов наступать на фронт Маркграбово—Лык, а 2-й армии—вновь возобновить наступление с целью воспрепятствовать переброске войск от Вилленберга к Иоганисбургу. Но уже 12 сентября приказ о наступлении был отменен ввиду «невозможности более рассчитывать на 1-ю армию для атаки противника».

12 сентября XXVI и III русские корпуса оставались на месте. IV, II и XX корпуса продолжали отход в район Геритен—Пилюпенен—Эйдкунен.

12 сентября германцы продвинулись своими главными силами только до линии Толмингкемен—Вальтеркемен—Мальвишкен, имея на своем правом фланге кавалерию в м. Выштинец и 3-ю резервную дивизию в Сувалках.

13 числа германская кавалерия дошла до Вильковишек, а корпуса до линии Вержболово—Пилькален, имея XVII и XX корпуса во второй линии. Русские корпуса заняли в этот день линию Владиславов—Вильковишки—Будезеры—Гесторишки, имея конницу Нахичеванского в Кальварии и 2-ю гвардейскую кав. дивизию в Пильвишках.

14 числа германцы достигли кавалерией линии Мариамполь—Вильковишки и передовыми корпусами линии Вильковишки—Ширвинты—Шаки. Русские остановились на линии Средники—Шумск—Мариамполь—Симно.

Отход армии Ренненкампфа стоил ему около 80 000 чел. и 150 орудий, которые почти исключительно следует отнести на счет управления русскими войсками, а не на оперативное искусство Гинденбурга, которое в данном случае сильно страдало нерешительностью и вялостью.

Ген. Гинденбург не достиг поставленной цели: 1-я русская армия успела уклониться от окружения и отступить к Среднему Неману. Таким образом задача по обеспечению Восточной Пруссии от нового вторжения не была разрешена вполне. Через несколько дней русские армии оправились от причиненного им расстройства и снова перешли в наступление.

С 15 по 19 сентября боевые действия на Северо-западном фронте почти прекратились, так как германцы начали перебрасывать свои войска в Верх. Силезию. На границах же Восточной Пруссии происходили лишь частные столкновения, преимущественно с демонстративной целью.

16 сентября Жилинский отдал свою последнюю директиву, которой армиям фронта ставилась оборонительная задача: фланговые армии назначались для обороны Немана и Нарева и центральная—для защиты Гродно—Белостокского района.

В тот же день ген. Жилинский был уволен, а 17 сентября приехал в Белосток новый главнокомандующий войсками Северо-западного фронта ген. Рузский. К этому времени русские армии заняли следующее положение: 1-я армия на правом берегу Немана, 10-я армия в районе Гродно, Августово, Ломжа и 2-я армия—на Нареве. Подробное расположение корпусов указано на схеме.

СЕРБСКИЙ ТЕАТР

Схема 8.

7 сентября австрийцы, несмотря на то, что все их внимание было обращено на русский фронт, начали второе наступление на сербов, «экспедицию наказания», как они ее называли. Демонстрируя 2 корпусами со стороны Митровицы, они направили все остальные силы на 100 *км* южнее через Дрину на Зворник и Лиомбовия с целью обойти движением на Валево левый фланг сербской армии. Несмотря на атаки 8 и 9 сентября, корпусам, направленным от Митровиц, не удалось переправиться через Саву; что касается до южной группы, то в течение 2 месяцев (до 6 ноября) австрийцы безуспешно старались сбросить сербов с Гушевских высот, а сербы—австрийцев в Дрину. Только после 6 ноября, как увидим ниже, австрийцы, получив новые подкрепления, могли продолжать свое наступление.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О ПЕРИОДЕ

Действия рассматриваемого периода привели к большому успеху войск Антанты на Французском театре и в Галиции, к очищению русскими Восточной Пруссии, к возобновлению борьбы австрийцев с сербами и к перемене руководителя операций германской армии.

Успехи войск Антанты на Французском театре, имея почти исключительно моральное значение, мало изменили относительное положение сторон. Они сконцентрировали только все силы и внимание обеих сторон на западной части театра, стабилизировали фронт на Эне и заставили их для маневренных операций искать новых направлений.

Русская армия в Галиции не добила австрийцев, дала им возможность отойти к Кракову, но открыла себе проходы через Карпаты.

Очищение русскими Восточной Пруссии давало германцам возможность оказать более существенную помощь австрийцам.

Назначение Фалькенгайна вместо Мольтке возбуждало вопрос о дальнейшем плане действий германской армии—будет ли, несмотря на изменившуюся обстановку, попрежнему считаться Французский театр главным или центр действий будет перенесен против России. Фалькенгайн, в противовес Гинденбургу, решил попрежнему главное значение придавать Французскому театру.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЕРИОД 20 СЕНТЯБРЯ—КОНЕЦ ГОДА

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР

БЕГ К МОРЮ

Схема 15В

Прекращение боев на Эне без решительных результатов для обеих сторон, обилие свободных сил, перевезенных из Лотарингии, где фронт на долгое время стабилизировался, и свободное для маневра пространство между Уазой и морем с весьма важными на нем объектами действий для обеих сторон—послужили причиной разгоревшейся на этом участке жестокой борьбы противников, известной под названием «бег к морю».

Операция эта разворачивалась во всем своем объеме постепенно. Первоначально стороны имели намерение воспользоваться правым берегом Уазы для охвата противника на Эне, но так как это было сделано одновременно и одинаковыми силами, то вновь получилось фронтальное столкновение. Начиналась новая погоня за флангом, привлекавшая все большие силы, которые черпались с других фронтов. Массы кавалерии с одной и с другой стороны начинали эту новую борьбу за свободные пространства, пока их не сменяли перекидываемые по железной дороге свежие корпуса. Тотчас по прибытии они кидались на фланг противника, где шли бои с разными результатами, пока вновь подвозимые корпуса опять не выигрывали фланга. Таким образом обе стороны последовательно приближались к морю и *20 октября* обе в него уперлись, причем новый фронт образовался почти по меридиану от Ньюпор (Nieuport) до Компиена.

Эту операцию скорее всего следовало бы назвать соревнованием французов и германцев в смысле работы их железных дорог и их организационных талантов. Обе стороны в этом отношении оказались на весьма высокой ступени подготовки [1]. Со стороны германцев новый фронт потребовал переброски 18 армейских и 4 кав. корпусов, а также трех армейских управлений (2-е, 4-е, и 6-е); со стороны французов 30 пех. и 8 кав. дивизий с двумя управлениями армий (2-е и 10-е) и переброски на Лис (Lys) английской армии, которая пожелала драться ближе к своей базе.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ БЕЛЬГИЙСКОЙ АРМИИ

Антверпен, осажденный германцами с 26 сентября, капитулировал *9 октября*, причем бельгийская армия эвакуировала крепость 7 октября, после падения передовых фортов, и через Остенде присоединилась к общему англо-французскому фронту. Здесь она заняла небольшой незавоеванный германцами участок бельгийской территории от Ньюпор до Диксмюде (Dixmudé). Паде-

---

[1] В отношении железных дорог положение германцев было однако гораздо хуже положения французов. Железные дороги у них в тылу были частью разрушены, мосты не восстановлены; им приходилось совершать кружные переброски и забивать исправные линии.

ние Антверпена не только совершенно обеспечивало тыл и правый фланг германцев, но и освобождало 2 корпуса, которые они и не замедлили употребить для попытки захватить Кале.

БОРЬБА ЗА ДЮНКЕРК

Схема 15

Обладание такими прибрежными пунктами, как Дюнкерк (Dunkerque), Булонь (Boulogne) и в особенности Кале (Calais), имело весьма важное значение для обеих сторон. Для союзников эти пункты служили ближайшей связью с Великобританией и базой английской армии; для германцев они имели значение в смысле прочного обеспечения своего фланга, угрозы сообщениям английской армии и совместным действиям сухопутных сил и флота Антанты. Поэтому вполне естествтенно, что, когда кончился бег к морю, а германцы имели на своем правом фланге не только силы, освободившиеся от осады Антверпена, но и подвезенные с тыла, в виде вновь сформированных резервных корпусов,—германское командование решило произвести удар на Кале, чтобы этим улучшить свое стратегическое положение. Союзники в свою очередь чувствовали себя достаточно сильными ответить на удар ударом, что привело к сражениям на *Изере* и на *Ипре*, имевшим место с 18 октября по 15 ноября. Со стороны союзников в этой операции приняли участие английская и бельгийская армии, поддержанные французскими войсками, всего около 10 корпусов, развернутых между р. Лис и морем; со стороны германцев 4-я армия, развернувшаяся от моря до Армантьера, и часть 6-й армии, расположенной южнее до Арраса. Всего в двух армиях 10—12 корпусов.

С 18 по 21 октября германцы, наступая от Остенде, атаковали союзников после сильной бомбардировки по всему фронту от моря до Диксмюде и овладели с. Ломбардцид (Lombartzide). Союзники 23 октября перешли в контратаку при поддержке судов флота на фронте Шистель (Chistelles)—Туру (Thourout)—Рулер (Roulers) и имели временный успех на левом фланге, но германцы прорвали их центр у Первиза (Pervyse). Чтобы выбить их отсюда, союзники открыли шлюзы и затопили всю местность.

Таким образом 20 октября началось крупное *Фландрское сражение* на фронте между морским берегом и Ла-Бассе. Германцы пытались обойти крайний левый фланг союзников и проникнуть к Дюнкерку. Французские войска на этом фланге были объединены в «Северную армейскую группу» под начальством ген. Фоша, авторитет которого охотно признавался англичанами и бельгийцами. Атака германцев наткнулась на укрепленные позиции на р. Изере, на Ипрском канале и в районе Армантьера. Сражение стало было выдыхаться, но германцы образовали на правом крыле 6-й армии ударную группу из 3 корпусов под начальством ген. Фабека для прорыва от р. Лис в северо-западном направлении на Ипр и на Кеммель. Чтобы остановить германское наступление, бельгийцы в ночь на 30 октября открыли у Ньюпора шлюзы и затопили водой всю местность перед своей позицией между Изером и плотиной, устроенной от Ньюпора до Диксмюде. Германцы должны были 2 ноября отойти за Изер. Но у Диксмюде после некоторого перерыва возобновились ожесточенные бои, и с рассветом 10 ноября германцы повели на этот город атаку и после упорного уличного боя овладели им. Однако в стратегическом отношении на этом крайнем участке всего Западного фронта успех принадлежал войскам Антанты, так как кратчайшие пути к Дюнкеру оказались для германцев закры-

тыми и стремлению германского главнокомандования движением за р. Изер обойти крайний левый фланг противника был положен предел.

В то же время велась ожесточенная борьба за участок восточнее Ипра. Здесь англичане атаковали с 23 по 28 октября в общем направлении на Куртрэ и первоначально имели успех. Но с этого дня германцы перешли в контрудар, направляя все свои усилия на Ипр и на гору Кеммель. Французам пришлось подвести 2 свежие корпуса, чтобы восстановить здесь положение. Потери германцев за эти бои были около 100 000 чел.

К 15 ноября силы обеих сторон были исчерпаны, места для маневра больше не оставалось и противники начали и здесь закапываться в землю, перейдя на всем Западноевропейском театре к долгим годам *позиционной войны*.

Германцы порвали вместе с этим со своим принципом сооружения одной оборонительной линии и перешли к сооружению целой оборонительной системы, состоявшей из нескольких связанных друг с другом линий. Но центр тяжести обороны попрежнему остался на удержании в своих руках первой линии укрепленной системы.

Враждующие стороны, дойдя до моря, попробовали еще во Фландрии столкнуться друг с другом в ряде фронтальных боев, но, обессиленные, стали, не достигнув реальных результатов, закапываться в землю.

При этих условиях трудно было ожидать со стороны французского командования какой-либо существенной помощи русскому фронту. Тем не менее ген. Жоффр, хотя и очень поздно, а именно 8 декабря, приказал произвести по всему союзному фронту ряд частных ударов местного значения, которые не дали никаких реальных результатов, не задержали отправки германцами 4 корпусов на русский фронт и только показали полную бесполезность при начавшийся позиционной войне ударов разрозненных, не подготовленных методически и не поддержанных могущественной артиллерией.

Бег к морю представляет оригинальный образец одинаковой работы стратегической мысли противных сторон. Желание выиграть фланг неприятеля при наличии одинаковых масс, при обилии рельсовых путей и при ограниченности территории привело к неожиданному факту, что фланга более не оказалось. Погоня за флангами выдвинула единственный способ борьбы—*прорыв*, к которому воюющие стороны и приступили бы, если бы не необходимость отдыха. Естественная передышка привела к желанию закрепить занятое положение, а это обстоятельство вызвало в будущем применение совершенно иных способов борьбы столь мало сродных бывшей до того времени маневренной войне.

Бег к морю показал равенство столкнувшихся сил, показал, что столкнувшиеся массы приобрели такую величину и такую упругость, которые скоротечную войну в данных условиях сделали невозможной и которые требуют от военного искусства чего-то нового по сравнению с теорией шлиффеновских клещей. Как всякая односторонняя теория, она не выдержала своего экзамена.

Европе приходилось готовиться к длительной войне с перенесением центра тяжести на богатство техникой.

«Это—полная остановка на Западном фронте: самое маленькое продвижение здесь возможно только при громадных жертвах... Вместе с блокадой мы будем поставлены в критическое положение»,—так характеризует этот момент Тирпиц [1].

---

[1] Тирпиц, Воспоминания, стр. 497.

РУССКИЙ ТЕАТР

ОПЕРАЦИИ НА ВИСЛЕ И НА САНЕ

Схема 19

Очищение Ренненкампфом Восточной Пруссии и освобождение сильной «8-й германской армии—с одной стороны, поражение австро-венгерской армии, очищение ею Восточной Галиции и переполнение русскими войсками пространства между Вислой и Львовом—с другой, вызывали у обеих воюющих сторон необходимость выработать планы новых операций и приступить к перегруппировке войск.

К этому в половине сентября и приступили русское и австро-германское командования. У обоих врагов планы не вылились сразу в ту конечную форму, в которую они обратились на полях Польши и северных предгорий Карпат, а последовательно эволюционировались в зависимости от обоюдных новых ходов.

АВСТРО-ГЕРМАНСКИЙ ПЛАН

Разгром австрийской армии и отход ее к Карпатам делали возможным вторжение русской армии в Моравию, а затем и в Верхнюю Силезию. Кроме того австрийская армия требовала реальной поддержки германцев.

14 сентября верховное германское командование отправило ген. Гинденбургу следующую директиву:

«Операция в наревском направлении при нынешнем положении австрийцев является нецелесообразной. Непосредственная поддержка австрийцев диктуется политическими соображениями. Предстоит операция со стороны Верхней Силезии. Подвоз войск с запада не предвидится. О числе войск, предназначенных к сосредоточению в Силезии, последуют указания. Армия сохраняет самостоятельность действий также при совместных операциях с австрийцами» [1].

17 сентября верховным командованием были даны дальнейшие указания ген. Гинденбургу и установлены командные отношения:

«Я передаю Вам общее руководство операциями на востоке, — говорилось в директиве, — 8 армию ген. Шуберта тоже подчиняю Вам. Директивы для совместных действий с австрийцами и для операций в Пруссии будут исходить от меня» [2].

В Восточной Пруссии было оставлено, вместе с резервными, ландверными частями и гарнизонами крепостей, в общей сложности около 4 корпусов, и на юг, в состав вновь образуемой под командованием Гинденбурга *9-й армии*, было отправлено *4 корпуса и 1 кав. дивизия* (XI, XVII, XX армейские, Гвардейский резервный корпуса и 8-я кав. дивизия); к ней же должен был присоединиться и ландверный корпус Войрша, принимавший участие в Галицийской битве, т. е. всего 5 *корпусов*.

9-я армия развернулась на фронте Бейтен—Ченстохов и перешла в наступление на фронт Сандомир—Ивангород. Австрийцы, выйдя из-под ударов русских, устраивались на р. Дунаец (1-я и 4-я армии) и по Карпатскому хребту от Кремпны на Ужок и Вышков (3-я и 2-я—Пфлянцера—армии).

Задача 9-й германской армии была дана директивой верховного командования от 17 сентября и гласила следующее: «9-я армия должна самостоя-

---

[1] Reichsarchiv, Weltkrieg, т. V, стр. 407.
[2] Там же, стр. 409.

тельно, но действуя в контакте с австрийцами, атаковать во фланг и тыл ближайшие русские войска, преследующие австрийцев».

В зависимости от германского плана были поставлены и первоначальные задачи союзным армиям. 2-я, 3-я и 4-я австрийские армии должны были наступать на Сан на фронте Перемышль—Сандомир; 1-я австрийская армия—по обоим берегам Вислы.

Итак, общий фронт наступления германо-австрийцев намечался: Перемышль—Ивангород.

При этом, в предстоящей операции командование германскими и австрийскими войсками объединено в одних руках не было.

ПЛАН РУССКОГО КОМАНДОВАНИЯ

Схема 19

В организации русского верховного командования была допущена одна, весьма невыгодная для сохранения единоначалия, особенность. Все вооруженные силы на западном театре были объединены в 2 мощные по величине и занимаемой ими территории группы армий (фронты). При той комбинации характеров верховного главнокомандующего и его начальника штаба, с одной стороны, и двух главнокомандующих фронтами, с другой, какое имело тогда место, в направлении боевых операций должно было встречаться весьма частое расползание в стороны. Жесткий по наружному поведению, но поддающийся влиянию близких лиц, «великий князь», при совершенно неподходящем ни по характеру, ни по опыту, ни по познаниям начальнике штаба, с трудом боролся и очень часто уступал, вразрез со здравым военным взглядом, эгоистической и очень часто узкой стратегической мысли Рузского и Иванова, тянувших исключительно в пользу своих фронтов. Роль Николая Николаевича в этот период сводилась к изысканию компромиссов, чтобы по возможности объединить мысль обоих его помощников. Поэтому план грядущей операции строился с большим трудом, перенес ряд компромиссных этапов и вылился в определенную форму с запозданием.

Первоначальные (еще в первых числах сентября) планы фронтов состояли в отходе на Северо-западном фронте за линию рек Немана, Бобра и на Нарев и в наступлении на Юго-западном—на Краков по правому берегу Вислы, что означало играть в руку Гинденбургу. Ставка 22 сентября приостановила отход Рузского и кроме того приказала ему направить 2 корпуса на усиление Варшавского отряда, а Иванову—перебросить сначала одну армию (4-ю), а затем еще две (5-ю и 9-ю), приказав направить их в район Ивангород—Сандомир. Таким образом идея перенесения операции на левый берег Вислы начинает проводиться в жизнь уже 22 сентября, в то время, когда перекидывание армии Гинденбурга на юг еще не было известно русскому штабу. По времени это совпадало с «бегом к морю» обеих сторон на французском театре.

И в этом опять усматривается желание русской Ставки помочь французам нанесением удара германцам в наиболее жизненном для последних направлении, в то время когда во Франции счастье наконец улыбнулось союзникам России. Франко-русская конвенция продолжала довлеть над русской Ставкой, но на этот раз на ее пользу, так как своевременная переброска 4-й армии на север парировала план германского командования устроить русской армии мешок между Вислой и Саном.

После ряда согласований интересов Иванова и Рузского Ставкой *1 октября* была отдана директива, окончательно устанавливавшая план операции. Опаснейшей группой противника считалась 9-я германская армия. Для пора-

жения ее намечалась комбинация двойного удара—с фронта (Ивангород—Сандомир) и с фланга (Варшава). Поэтому было приказано: 1-й и 10-й армиям обеспечивать своим наступлением операцию на Висле со стороны Восточной Пруссии; 2-й армии, сосредоточиваемой в Варшаве,—атаковать противника во фланг; 4-й, 5-й и 9-й армиям, которые уже перекидывались на север,—наступать с фронта; а 3-й и 8-й армиям—прикрыть р. Сан блокаду Перемышля и обеспечивать всю операцию со стороны Венгрии. Общее руководство всей операцией в Польше и в Галиции было возложено на ген. Иванова. Ко времени отдачи этой директивы русские армии были еще в периоде перегруппировок, совершенно неготовые к началу наступления. 1 октября они занимали следующее положение:

2-я армия на Нареве; в Варшаве находился только XXVII корпус и подвозился к ней II Сибирский корпус. *4-я армия*—на марше между Ивангородом и Аннополем. *9-я*—кончала обратную переправу через Сан. *5-я*—сменяла ее на Сане. *3-я* и *8-я*—на среднем Сане и между Перемышлем и Днестром.

При таких условиях ген. Иванов вполне основательно отдал *2 октября* директиву выжидательного характера. Всем армиям было приказано обороняться по Висле и Сану, а 5-й армии отойти в резерв в район Люблин—Красник.

НАСТУПЛЕНИЕ 9-й ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ

Схема 19Б

К этому времени на левом берегу Вислы наступали 9-я германская армия и I корпус 1-й австрийской армии. Эта группа сильно выдвинулась вперед.

Только 4 октября, когда левобережная группа австро-германских армий достигла фронта Рава—Ново-Място—Илжа—Островец, оттеснив за Вислу авангарды русской 9-й армии, группа правого берега Вислы (2-я, 3-я и 4-я австрийские армии) начала свое наступление к Вислоке и, не встречая сопротивления со стороны русских, подошла 9 октября к р. Сан. Но дальнейшие успехи австрийцев на этом прекратились, так как все их попытки переправиться через Сан были отбиты.

9-я германская армия продвигалась вперед беспрепятственно до тех пор, пока не уперлась своим правым флангом (XI, ландверный и гвардейский резервный корпуса) в р. Вислу на участке Сандомир—Ивангород, сильно занятый и упорно обороняемый 9-й и 4-й русскими армиями. Ген. Гинденбург убедился, что выполнить поставленную задачу он не может, ибо форсировать речной рубеж Сан—Висла на виду главных сил Юго-западного фронта он был не в силах.

9 октября можно было считать концом наступительной операции Гинденбурга на атакованном участке. Единственно, что могли сделать германцы одни, это—частью сил, не втянутых в оборону на Висле, совершить диверсию на Варшаву и энергичными действиями постараться привлечь на себя главные силы Северо-зап. фронта, облегчив положение 8-й армии ген. Шуберта. Для наступления на Варшаву была образована группа ген. Макензена в составе XVII и XX корпусов и сводного корпуса Фроммеля (4 ландверных бригад и 8-й кавдивизии) с задачей овладеть Варшавой.

9 октября группа ген. Макензена начала марш-маневр от фронта Радом—Калиш. Вечером 12 октября группа ген. Макензена была расположена в следующем порядке: XX корпус—Гура Кальвария, XVII корпус—южнее Варшавы правым флангом у Гройцы.

Две ландверные бригады на участке—Надаржин—Блоне. Две ландверные бригады на участке Скерневицы—Лович. 8-я кавдивизия—на р. Писса, севернее Жирардова.

В свою очередь и ген. Иванов решил, что настало время для перехода в наступление. Ближайшей целью своим правофланговым армиям он ставил овладение плацдармом на левом берегу Вислы и развертывание на нем 2-й, 4-й и 5-й армий для дальнейшего наступления. Директива, данная им по этому поводу *9 октября*, является высоко отрицательным образцом. В ней были расписаны по мелочам—какие пункты, какой армии, когда занять, сколько времени на них стоять и когда итти вперед, но о своевременном устройстве переправ штаб фронта не позаботился. При этом здесь перемешивались задачи нескольких армий, и приходилось совершать переправу через Вислу перед энергичным противником, который уже навис над этой рекой.

В общем директива сводилась к переправе 4-й армии у Ивангорода—Новой Александрии, 5-й армии—у Павловице (сев. Ивангорода) и к выдвижению 2-й армии. Операция, начавшаяся 10-го, должна была окончиться 15-го развертыванием 2-й, 5-й и 4-й армий на фронте Скерневице—Ново-Място—Радом—р. Илжанка с конным корпусом Новикова на правом фланге у Лович—Сохачев. Эти распоряжения обеих сторон привели к ряду кровопролитных столкновений между Варшавой и Новой Александрией.

Боевые столкновения начались здесь 9—10 октября энергичным наступлением германцев на Варшаву и переправой русских на левый берег Вислы в районе Ивангорода.

Атаку на Варшаву германцы повели с полной энергией и 12 октября приблизились к линии упраздненных фронтов. Переправа через Вислу была совершена русскими у Гуры Кальварии, Козенице и Ново-Александрии, но только в Козеницах им удалось удержаться на левом берегу реки и после упорных боев, вызванных необходимостью отвлечь германские силы от Варшавы, образовать там к 19 октября плацдарм, занятый 2 корпусами 4-й армии.

Быстрый успех германцев под Варшавой заглох после 12 октября по мере прибытия туда русских армий; 15 октября германцы уже с трудом отбивались, а 17 числа выяснилась для них полная необходимость начать отход. Тем временем на фронте австрийских войск дела принимали для них дурной оборот. Они не только не могли продвинуться севернее Сана и восточнее Перемышля, но в ночь с 17 на 18 октября русские сами перешли непроходимый для австрийцев Сан.

На почве общих неудач между австрийским и германским командованием начались крупные несогласия в вопросе ведения операций, дошедшие до полного разрыва между Гинденбургом и Конрадом. Германцы обвиняли Конрада в нежелании передать в их распоряжение 1-ю австрийскую армию для штурма Варшавы. Конрад же в свою очередь обвинял германцев в неправильном ведении операций и в преследовании исключительно интересов Германии. Кроме того Конрад требовал перенесения центра тяжести войны на восток, против России. Потребовалось вмешательство верховной власти как с той, так и с другой стороны, чтобы кое-как наладить продолжение операции в левобережной Польше. В двадцатых числах октября части 9-й германской армии, ввиду неполучения пополнения, начали выдыхаться, кроме того у них обнаружился недостаток в артил. снарядах. В результате споров и обнаружившихся затруднений в войсках получилось следующее:

а) Ген. Конрад решил бросить всю 1-ю австр. армию под Ивангород, поставив ей задачей форсировать Вислу и развивать наступление на правом берегу в общем направлении на Люблин; германцы должны были содействовать этой операции австрийцев атакой одним корпусом от Гловачева на Козенице, имея одну кавдивизию севернее.

б) 9-ю герм. армию ген. Гинденбург решил собрать в Варшавском направлении и расположить для обороны на линии: р. Пилица—гор. Скерневицы—Лович.

Новое наступление русское командование решило организовать по новому плану и в иной группировке армий. В этом наступлении, оказавшемся удачным и решительным по своим последствиям, 2-я и 5-я армии должны были под руководством Рузского наступать из Варшавского района в юго-зап. направлении, имея севернее Варшавы 1-ю армию на Висле для обеспечения операции справа от удара германцев со стороны Торна. 4-я и 9-я армии, под руководством Иванова форсировать Вислу в районе Ивангорода и наступать в западном направлении.

9-я герм. армия, после разгрома ее левого фланга в районе Скерневицы—Гловно, уклонилась от занесенного над ней удара 2-й и 5-й русских армий и отступила к границе Силезии.

Столкновение в районе Ивангорода 1-й австр. армии с 4-й и 9-й русскими армиями привело к встречному столкновению на переправах через р. Вислу. Боевые действия происходили на обширном фронте от устья Пилицы до устья Сана и сопровождались ожесточенными и кровопролитными боями.

1-я австрийская армия появилась под Ивангородом в составе двух корпусов: I и V, но без армейской конницы. Численное превосходство было на стороне русских огромное: каждый австрийский корпус имел против себя целую русскую армию, что заставило австрийцев отказаться от форсирования Вислы. Ген. Конрад поставил задачу 1-й армии отбросить русских на правый берег Вислы, установить блокаду Ивангорода, а с освободившимися войсками двинуться через Нижнюю Пилицу на помощь 9-й герм. армии для вторичного штурма Варшавы. Выполнить поставленную задачу 1-я австр. армия не могла, но тем не менее она удержала русских на переправах до 27 октября, после чего, понеся большие потери, отступила на линию Сандомир—Опатовка—Кельцы. Вслед за отступающими австро-германцами двинулись вперед 2-я, 5-я, 4-я и 9-я русские армии, получившие задачу готовиться для глубокого вторжения в Германию через Верхнюю Силезию.

ОТСТУПЛЕНИЕ АВСТРО-ГЕРМАНЦЕВ И НОВЫЕ ПЛАНЫ РУССКОЙ СТАВКИ

Схема 19В

При этом отступлении цели германской и австрийской армий были разные. Германцам надо было избежать новых боев и оторваться от русских; австрийцам надо было удерживать в своих руках Сандомирский узел, так как занятие его русскими затрудняло положение остальных австрийских армий, оборонявших Сан. Поэтому 9-я германская армия безостановочно отошла на линию Велюн—Калиш; 1-я же австрийская армия отход свой совершила с рядом боев против 4-й и 9-й русских армий и отошла по всему фронту к Кракову и к Карпатам в половине ноября.

План дальнейших операций русских армий колебался между двумя задачами—преследование разбитого противника или занятие выгодного исходного положения для будущей операции «глубокого вторжения в пределы Германской империи». Верх одержала вторая цель, и к 2—8 ноября русские армии достигли фронта Унеюв—Ласк—Пржедборж—Мехов—Кошице—Дунаец—Карпаты.

СРАЖЕНИЯ В ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ ПОЛЬШЕ

Схема 19В

Октябрьская операция в Польше и в Галиции не имела ни для одной из сторон положительного результата. Центральные державы, хотя и потерпели серьезное поражение, но сохранили армию, которая успела своевременно отойти и была готова, в особенности германская, к дальнейшим операциям. Русские войска в своем наступательном движении сильно разбросались, израсходовали свои стратегические резервы, вытянулись в одну линию и углубились в юго-западном направлении с центром на Краков, имея целью преследовать противника и продолжать дальнейшее наступление на Бреславль. В этом своем движении русские войска уклонились на юг, оставив открытым пространство между Вислой и Вартой и выдвинув свой правый фланг вперед. Основательно разрушенные германцами железные дороги замедляли движение русских и сильно расстроили их тылы.

ЛОДЗИНСКАЯ И ЧЕНСТОХОВО-КРАКОВСКАЯ ОПЕРАЦИИ

Схема 19В

Вторжение русских в Верхнюю Силезию и занятие западной Галиции и Кракова приводило, помимо полного разобщения германско-австрийского фронта к разорению раяонов, чрезвычайно важных для держав Центрального блока в военно-промышленном отношении. Эти последние обстоятельства заставили германо-австрийцев напрячь все наличные силы для удержания русских, хотя бы временно, в пределах левобережной Польши.

Счастливая случайность опять сопутствовала германскому командованию и помогла ему разрешить поставленную задачу наиболее активно. По свидетельству Гинденбурга, 1 ноября опять была перехвачена русская радиограмма, которая раскрывала ему глаз: «После 120-верстного преследования наступило время передать преследование кавалерии. Пехота утомлена, подвоз затруднен» [1]. Так возвещало русское радио. При таких условиях, зная по опыту операций в Восточной Пруссии особое свойство русских кавалерийских начальников топтаться на месте или даже прятаться за пехоту, Гинденбург 3 ноября, правильно оценивая обстановку, пришел к решению не только удержать русских, но попытаться нанести им поражение [1].

Для выполнения этой задачи Гинденбург приказал оставить небольшой отряд в районе Ченстохова под командой ген. Войрша, а остальные силы 9-й германской армии (XVII и XX корпуса) и подтянутые из 8-й армии I и XXV рез. корпуса перебросить на участок Познань—Бромберг—Торн для наступления против правого фланга русских армий в левобережной Польше.

Общей идеей операции, по замыслу Гинденбурга и Людендорфа, являлось; *сковав русских незначительными силами с фронта, ударом сильной маневренной группой глубоко во фланг и тыл русских наступающих армий «сбить в кучу» сначала 2-ю армию, а затем, «если все хорошо пойдет», расстроить и остальные части русского фронта* [2].

Учитывая близкое наступление зимы и тяжелое положение со снабжением русских армий, «глубокое вторжение в пределы Германской империи», столь

---

[1] Гинденбург. Воспоминания, стр. 112.
[2] Reichsarchiv, том VI, стр. 63—64. Людендорф, Мои воспоминания, стр. 86.

громогласно возвещенное русским командованием, становилось неосуществимым, во всяком случае, до весны 1915 г.

В то же время ген. Конрад решил стянуть свои главные силы в районе Краков—Ченстохов. Общего плана действий между союзниками установлено не было.

К *10 ноября*, т. е. к началу союзниками операций, положение сторон было следующее: *в Восточной Пруссии* действовали *10-я русская армия* (6 корпусов и 8 кав. дивизий) на фронте Пилькален—Арис, имея против себя *8-ю германскую армию* (4½ корпуса и 1 кав. дивизию) на укрепленной позиции Мазурских озер и р. Ангерап; *на южной границе Прусии* верхом на нижней Висле стояла *1-я русская армия* (4 корпуса, из них 1 на левом берегу Вислы, и 3 кав. дивизии) на фронте Млава—Влоцлавск против *германских пех. и кав. корпусов Цастрова* у Сольдау.

На левом берегу Вислы. Между *Торном и Врешеном* сосредоточилась вся *9-я германская армия* (5½ пех. и 1 кав. корпус), имея против себя только несколько свыше *1 русского корпуса* 1-й армии у Влоцлавска [1]. На фронте *Калиш—Кемпен* имелись *2 германских* (Познанский и Бреславский) пехотных и *1 кав. корп.* и на фронте *Велюн—Ченстохов* свыше *2 германских корпусов* (кор. Войрша, 35 и 1-я гв. рез. див. и ланд. бр. Бредова), к которым подходили *4 пех. и 3 кав. див.* австрийцев (Бем-Эрмоли); против них развернулись на фронте *Унеюв—Пржедборж две русских армии* (2-я и 5-я), силою в *8 корп. и 5½ кав. див.* К югу от *Ченстохова* через *Краков* и далее на правом берегу Вислы до *Мысленице 1-я и 4-я австр. армии*, имея против себя почти равносильные (8 австрийских против 9 русских корпусов) *4-ю и 9-ю* русские армии на фронте *Пржедборж—Мехов—Дунаец.*

В *Галиции* и на *Карпатах* силы противников также были уравнены. Со стороны союзников здесь действовали австрийские армии, *3-я Пфлянцера*, на Карпатах до прохода Тухла включительно, и со стороны русских *3-я и 8-я* армии от Дунайца до Станиславова.

Эта группировка, давая некоторое преимущество (около 2 корпусов и в коннице) русским в Восточной Пруссии и отчасти против Кракова и в Галиции, почти уравновешивала силы сторон между Унеювом и Пржедборж (здесь Ченстоховской группе союзников приходилось действовать не только против 5-й, но отчасти и против 4-й русской армии) и ставила 5 германских корпусов против 1 русского на участке между Вислой и Вартой. К этому сравнению следует прибавить ряд сильно укрепленных позиций у австро-германцев, опиравшихся на несколько крепостей, отсутствие таковых у русских и богатую рельсовую сеть у первых в отличие от весьма бедной и полуразрушенной сети железных дорог на левом берегу Вислы у последних. При таких условиях вопрос о *громаднейшем* численном превосходстве русских войск в Лодзинской операции перед германскими, столь муссируемом германскими и отчасти русскими писателями, фактически отпадает. Столкнулись силы равные, но разно сгруппированные, разно управляемые и разно утомленные.

Одновременно русская Ставка развила свой основной и занимавший ее с самого начала войны план вторжения в Германию. Ближайшей целью она ставила безостановочное продвижение на исходную линию для глубокого вторжения в Германию. Такой исходной линией была избрана линия Ярочин—Кемпен—Каттовиц—Освецим. Если бы противник оказал сопротивление этому про-

---

[1] Фактически у Влоцлавска были только незначительные части V Сибирского корпуса и кавалерия, а II корпус был расположен много южнее и входил в состав 2-й армии.

движению, то указывалось разбить его. Наиболее опасной группой противника Ставка считала группу в районе Ченстохова, для атаки которой предназначались 5-я и 4-я армии (7 корпусов) при содействии справа 2-й армии, наступавшей на Калиш, а слева 9-й армии, обеспечивающей операцию со стороны Кракова. Остальные армии назначались для обеспечения флангов—1-я со стороны Познани и Галицийская группа со стороны Венгрии. Начало дальнейшего наступления было указано *14 ноября*.

ХОД ОПЕРАЦИИ

Схема 20

Ген. Макензен, назначенный командармом 9, двинул свои корпуса в наступление *11 ноября*, когда Познанский и Бреславский корпуса и группа Бем-Эрмоли не заняли еще предназначенных им мест.

Скороспелый бросок Макензеном 11 ноября $5^1/_2$ корпусов на фронт Влоцлавск—Домбе в то время, когда русские не начали еще своего наступления на запад, испортил в корне все германское дело, так как дал русскому командованию возможность своевременно почувствовать, хотя и не в полной мере, опасность, грозившую его правому флангу, и принять ряд мер. Поэтому, когда германская громада подошла 14 ноября к Кутно, то она встретила уже между Вислой и р. Нер вместо одного Сибирского корпуса $2^1/_2$ корпуса (V Сибирский и II амейский корпуса и 1-ю стр. бригаду), готовых прикрывать Кутно, обеспечивающее связь между 1-й и 2-й армиями и тылы этой последней. Кроме того вся 2-я русская армия получила в этот день приказ стягиваться, вместо наступления на запад, к северу, а 1-я армия перебрасывала VI Сибирский корпус с правого берега Вислы на левый.

Поэтому сражение у Красневице—Кутно, вместо 1 дня, продолжалось 3, и хотя окончилось победой германцев и даже прорывом их в образовавшийся между 1-й и 2-й армиями промежуток [1], все же изменило стратегическую обстановку для них в худшую сторону, чем это было при начале операции.

В результате сражения 9 герм. и 1 русской армий в районе Влоцлавск—Красневице—Коло—Кутно силы Макензена разорвались на две части: правый фланг—XI и XVII корпуса—ушел в южном направлении на Ленчицу, а левый фланг—XX и XXV рез. корпуса—был увлечен к юго-востоку за отступившей между Вислой и Бзурой 1-й русской армией. Между 1-й и 2-й русскими армиями образовался значительный разрыв; это последнее обстоятельство в свою очередь заставило Макензена разбросать войска на сильно растянутом фронте, чем была значительно ослаблена ударность в центре—в Лодзинском направлении.

Собственно, ко времени окончания сражения у Кутно и взятия этого последнего германцами, следует считать крушение германского плана в широком масштабе. Для его выполнения было упущено время, и исчезло необходимое для германцев превосходство в силах. В дальнейшем могли быть и были в действительности только успехи местного характера.

Создавшаяся группировка как бы определяла два направления грядущей борьбы: 1) на Лович или Скерневицы как железнодорожные узлы, занятие которых прерывало связь 2-й армии с Варшавой, т. е. пути подвоза снаб-

---

[1] Во время этих боев правый фланг 2-й армии осадил, по приказанию командующег армией, назад и стал фронтом на север, чем и образовал искусственный разрыв фронта.

жения и подкреплений, и 2) направление Ленчица—Брезины, ведущее к окружению 2-й армии. На этих направлениях и сконцентрировалась дальнейшая борьба. Но германцы обратили мало внимания на весьма важное направление на Лович и сосредоточили его исключительно на 2-й русской армии.

Против 1-й русской армии на фронте Висла—Лович германцы оставили только I резервный корпус и кавалерию, которые, направляя свой удар на Сохачев, дали русским возможность сосредоточить у Ловича сборную группу, силою около 2 корпусов (II корпус, 6-я Сибирская дивизия и отряд Максимовича), которая и предприняла 19 числа, правда весьма медленное, наступление на Стрыков и Лодзь, чтобы восстановить сплошной фронт со 2-й армией.

В прорыве на Брезины германцами было направлено 2½ корпуса (XX, XXV рез. корпуса и 3-я гвардейская дивизия), которые поддерживались направленными против Згержа XVII корпусом и против Лодзи с северо-запада XI корпусом. Однако русским удалось 19 ноября сосредоточить 2 корпуса (I армейский и II Сибирский) восточнее Лодзи между Андресполем и Домброва фронтом на восток, 1 корпус (IV) севернее Лодзи фронтом к Згержу и 2 корпуса (XXIII армейский и I Сибирский) фронтом на северо-запад, от Александрова до Юлианова, против XI германского корпуса. Подходившие Познанский и Бреславский корпуса задерживались развернувшимся к западу от Ласка XIX русским корпусом и кавалерией.

Как следствие создавшейся группировки, весьма энергичных объединенных действий германских войск и разрозненных действий сборных частей 3 русских армий под командой 3 командующих армий, одного командующего фронтом и Ставки, друг другу мешавших, но не помогавших, к вечеру 22 ноября обстановка у *Лодзи* сложилась следующим образом.

I германский резервный корпус, переменив направление своего наступления с восточного на южное, подошел к Ловичу; опасность для этого важного пункта заставила русских спешно формировать из смешанных подвозимых частей Ловичский гарнизон, которому и удалось удержать этот пункт в руках.

Ударная Ловичская группа достигла фронта Воля-Рагозинска—Стрыков—Брезины, угрожая тылу действовавших против Лодзи XX и отчасти XVII германских корпусов и готовая восстановить сплошной фронт со 2-й русской армией. Это заставило часть XVII и XX корпусов повернуться фронтом на северо-восток и занять против Ловичской группы позицию между Скошевы—Щавин. Лодзь с севера оборонялась с трех сторон полукругом от Стоки на Логевники Мале, Николаев и Константинов на р. Нере 3 русскими корпусами (II Сибирский IV и XXIII), имея против себя соответственно 3 германских корпуса (XX, XVII и XI).

Германская группа ген. Шеффера (XXV резервный корпус и 3-я гвардейская дивизия), углубившаяся в свободный промежуток между Лодзью и Брезинами, встретила при своем продвижении первоначально на юго-запад и потом на запад сопротивление I армейского и I Сибирского корпусов на линии Бедоне—Рзгов. Здесь ей удалось занять дорогу Лодзь—Петроков и даже угрожать этому последнему. Но сюда уже подошли части I Сибирского и V корпусов 5-й армии. Наконец к фронту Серадзь—Ново-Радомск подходили Познанский, Бреславлский корпуса и австрийская группа Бем-Эрмоли. Против них у русских имелся только XIX корпус у Ласка, отряды кавалерии и бригада гренадерского корпуса из 4-й армии в Ново-Радомске.

Таково было положение сторон, когда ген. Шеффер решил в ночь на 23 ноября прекратить дальнейшие атаки и приказал своим частям проби-

ваться из кольца русского окружения, так как, кроме вышеуказанных частей, они с востока были окружены русской конницей (схема 20Б).

Направление для прорыва было выбрано на север, и в ночь на 24 ноября германцы, благодаря господствовавшему в русской армии управлению многих лиц и сборным отрядам, сбили у Брезины русскую 6-ю Сибирскую дивизию и вошли в промежуток между своими XVII и XX корпусами. Кризис для германцев миновал, но и окружение 2-й русской армии не удалось.

В это время ген. Рузский усиленно ходатайствовал перед Ставкой об отводе назад 2-й и 5-й армий, сильно переутомленных, с расстроенным питанием и с недостатком огнеприпасов, чтобы привести армии в полную боевую готовность. Ввиду этого Ставка отдала 30 ноября директиву об отходе левобережных армий на фронт Илов, Томашев, р. Нида или на позицию четырех рек—Бзуры, Равы, Пилицы и Ниды, где благодаря более узкому фронту армии могли перегруппироваться и выделить необходимые резервы.

В то время, когда на севере левобережной Польши Гинденбург вступил в неравный бой с тремя левофланговыми армиями Рузского, на юге правый фланг Иванова, 4-я и 9-я армии ввязались в бой на фронте *Ченстохов—Краков*. Иванов не поставил конкретной задачи названным армиям, а потому дело сводилось к довершению преследования разбитых 1-й и 2-й австрийских армий, развернувшхся на фронте Ченстохов—Краков. Конрад решил действовать наступительно и прорвать центр русских. Такой же план был у русских. При таких условиях просьба Рузского об отводе его армий к Висле встретила решительный протест со стороны командования Юго-зап. фронтом. Однако расстройство армий Рузского и невозможность возобновления ими в ближайшее время наступления к границе заставило прекратить наступление также и против австрийцев.

Что же касается 9 герм. армии, то вследствие крайнего утомления войск и недостатка в снарядах и Гинденбург вынужден был прервать сражение и отойти на укрепленный рубеж.

После долгих перипетий, вызванных просьбами Рузского об отступлении к самой Висле и просьбами Иванова об оставлении войск на месте, левобережные русские армии отошли к 18 декабря на фронт Сохачев—Рава—Опочно—Мологощ—р. Нида, где военные действия постепенно прекратились, и обе стороны начали закапываться в землю.

В результате *сражения в левобережной Польше* план глубоко вторжения русских в Германию был сорван. Но вместе с этим обе стороны пришли в столь большое истощение, что как германцы и австрийцы, так и русские вынуждены были перейти к позиционной войне. Что же касается Австро-Венгрии, то в результате выпавших на ее долю боевых действий ее армии оказались совершенно истощенными и к активным действиям мало пригодными.

ДЕЙСТВИЯ НА ФЛАНГАХ

Схема 20

Операции на флангах за истекший период почти не изменили стратегического положения сторон.

В *Галиции* австрийцы перешли в наступление очень поздно, в начале декабря, и имели временный успех в боях у Лиманова и Нов. Сандеца против 3-й русской армии, которая вместе с отходом 9-й армии на Ниду отошла на Дунаец. Далее же на восток русские войска сохранили свое положение на Карпатах от Войнича на Ценжковице—Дукла—Санок—Турка—Надворная—Селетин.

В *Восточной Пруссии* на фронте 10-й армии действия против озерной полосы приняли почти позиционный характер и стояли на мертвой точке. На Наревском же направлении, имевшем большое влияние на Варшавскую операцию, активная деятельность германцев в декабре оживилась ввиду подхода подкреплений с французского театра. Здесь бои разыгрались в районе Прасныша, где приняли очень ожесточенный характер и закончились продвижением русских войск до Млавы с отходом корпуса Цастрова на линию Сольдау—Нейденбург.

В последних числах декабря на всем русском фронте наступает затишье, и стороны торопятся закопаться в землю. Однако здесь позиционная война приняла более мягкие формы, чем на Западе.

СЕРБСКИЙ ТЕАТР

Схема 8

Мы оставили сербов на позиции за р. Дриной, успешно задерживавших в течение 2 месяцев наступление австрийцев. Но израсходование огнеприпасов и все увеличивающаяся угроза окружения заставили их 7 ноября начать отступление на восток.

Отходя в полном порядке и держа противника на приличной дистанции частными контратаками, сербы выдержали с 20 по 29 ноября на р. Колубара ряд боев, после чего отошли ко 2 декабря на участок между Дунаем и Сербской Моравой с сильными позициями по высотам Космай и Рудник.

Сербы, очистив Белград и отойдя на высоты Рудник и Космай, успели получить от союзников артиллерию и огнеприпасы и решили вновь перейти в наступление против австрийских армий, заполнивших страну. 3 декабря они перешли под прикрытием тумана в решительную атаку своей 1-й армией с высот Рудника, наголову разбили австрийцев и преследовали их к Дрине. Когда победа была здесь обеспечена, то 2-я и 3-я сербские армии перешли в свою очередь в наступление и, зайдя левым плечом вперед, опрокинули левый фланг австрийцев в полном беспорядке за Дунай и освободили Белград. С 13 декабря Сербия была вновь очищена от неприятельского нашествия, австрийские вооруженные силы разгромлены и захвачена масса пленных и запасов. Это поражение было очень чувствительно для Центральных держав, так как Сербия являлась барьером в прямом сообщении их с Турцией. До осени 1915 г. военные операции на Балканском театре прекратились.

ВСТУПЛЕНИЕ В ВОЙНУ ТУРЦИИ

Карта 1 и схема 26А

Турция с ее территорией, омываемой 6 морями (см. схему 26А), перехватывающей все сухопутные пути между Европой, Малой Азией и Африкой и особенно кратчайшие пути из Европы в Индию—Суэцкий канал и Багдадскую ж. д., фактически была ареной экономической и политической борьбы главнейших империалистических держав вообще между собой, а между Англией, Германией и Россией в особенности, с самого начала эпохи империализма, еще задолго до мировой войны. При таких условиях участие Турции в мировой войне было неизбежным, а так как Турция в военном отношении находилась под наибольшим влиянием Германии, конкретным выражением чего с 1913 г. являлась миссия ген. Лимана фон Сандерса, то ее выступление на стороне центральных держав было весьма вероятным. Однако Турция в лице своего воен-

ного министра, Энвер-Паши, с первых дней мировой войны не только заняла нейтральную позицию, заявив Западу о своем нейтралитете, но через русского посла в Константинополе Гирса предлагала даже союз с Россией. Однако в Петрограде Турция нужна была вовсе не в роля союзницы, хотя бы самой смирной и послушной. Там вообще нужна была не Турция, а Константинополь, а лучшим предлогом его занять была бы война с Турцией[1]. С другой стороны русско-турецкий союз отдавал бы в аглийские руки Багдадскую дорогу—стратегический подступ к Египту и Индии, чего Германия не могла допустить ни в коем случае.

Для Германии Турция представляла собой страну экономических и стратегических возможностей, давая, с одной стороны, надежду в будущем (после разгрома Сербии) воспользоваться ее сырьем, с другой стороны—открывая возможность организовать удары на Суэц, Египет и далее в северную Африку, что поставило бы в одинаково затруднительное положение англичан и французов. Англичане в этом случае могли быть лишены кратчайших путей на восток, а французы—черных контингентов для укомплектования своих колониальных войск, не говоря уже о том, что обоим союзникам пришлось бы отвлечь сюда значительные силы с западноевропейского театра войны. Общность сухопутной русско-турецкой границы на Кавказе давала возможность приковать сюда часть сил России за счет ее австро-германского фронта, в чем были весьма заинтересованы центральные державы.

При таких условиях, когда выступление Турции на стороне центральных держав оказывалась желательным и для русского правительства и для германского командования, 10 августа «неожиданно» появляются в турецких водах германские крейсера «Гебен» и «Бреслау».

Столь своевременное появление в Константинополе этих германских военных кораблей, прорвавшихся благодаря нерадивости франц. и англ. морского командования из Средиземного моря в Дарданеллы, объявившего блокаду проливов только после прохода туда крейсеров, явилось тем удобнейшим предлогом для войны с Турцией, за который ухватился русский министр иностранных дел Сазонов и который, в то же время, в борьбе партий в турецком правительстве—за союз с Россией или за союз с Германией, чашу весов потянул в сторону Германии. Уверенность в выступлении Турции на стороне Германии становилась полная. Ясно было, что Турция воспользуется тем выгодным соотношением сил на Черном море, которое с прибытием германских крейсеров явно было не в пользу устаревшего русского черноморского флота

Между тем интересы Англии и Франции были прямо противоположны интересам России, не говоря уже о том, что отдать эти проливы безоговорочно России совершенно не входило в их программу. Для Англии же участие в войне против нее Турции, как страны руководящей в мире Ислама, было особенно опасно, так как могло вызвать против британского владычества движение мусульман в Индии и Египте. Поэтому союзная дипломатия прилагала все усилия, чтобы удержать Турцию от враждебного выступления и чтобы не вызвать войны с Турцией со стороны держав Антанты, особенно же между русскими отрядами, расположенными в персидском Азербайджане, и турецкими пограничными войсками. Кроме того дана была политическая директива, что «сам по себе выход «Гебена» в море не означает разрыва». Все эти соображения диктовали Турции линию внешней политики, состоящую в выжидательном образе действий, не упуская возможности усилиться в военном отношении.

[1] М. Н. Покровский, Империалистская война, изд. Комакадемии 1928 г. стр. 17.

Неудачный исход для французов Пограничного сражения и первоначальное победоносное наступление германцев вселили в турецкое правительство веру в окончательный успех в войне Германии, и Турция почти открыто перешла на сторону серединных держав, назначив адмирала Сушона (немца) командующим турецким флотом, а Вебера-пашу (также немца) комендантом дарданельских укреплений. Англичане принуждены были отозвать своего адмирала Лимпуса, который до этого времени вел инструктаж в турецком флоте.

В середине октября в выступлении Турции уже не было сомнений, так как стало известным, что турецкое правительство подписало протокол, коим обязывалось к немедленному вооруженному выступлению как только оно получит в счет обещанного пособия от Германии 2 миллиона фунтов золотом. В ночь на 29/X 2 турецких миноносца вошли в одесскую гавань, потопили русскую канлодку Донец, а несколько позже Гебен бомбардировал Севастополь, несмотря на присутствие там всего русского флота, и потопил минный заградитель. 30/X утром крейсера «Бреслау» и «Гаминде» обстреляли Новороссийск и Феодосию, заминировали Керченский пролив и потопили несколько судов. Не снесшись со своими союзниками, Россия объявила Турции войну. 31 октября русский посол Гирс покинул Константинополь. Англичане и французы, до сих пор все еще надеявшиеся сохранить нейтралитет Турции, принуждены были считаться с уже свершившимся фактом. 1 ноября английский и французский послы также покинули Константинополь. 3 ноября последовала первая, как называют ее англичане—«демонстративная», бомбардировка внешних фортов Дарданельских проливов, показавшая туркам всю слабую сторону их защиты. С этого дня они решительно приступили к укреплению проливов под руководством германских инструкторов, использовав всю наличную пригодную для этой цели материальную часть.

12 ноября Турция провозгласила священную войну (Фетва-Шейх-Ул-Ислам) и объявила войну Англии, Франции и России. Таким образом через 3 месяца после начала мировой войны Турция стала одним из театров последней с ее многочисленными фронтами: Кавказским, Персидским, Месопотамским, Аравийским, Суэцким, Палестинским, Сирийским и Галлиполийским. Дипломатия Антанты потерпела крупную неудачу.

Вступление турок в войну намного меняло облик всей войны:

1. Часть русских сил с австро-германского фронта отвлекалась на Черноморский и Кавказский фронты.

2. Кратчайшее сообщение России через Дарданельский пролив и Средиземное море с внешним миром, особенно с Францией, прерывалось.

3. Существование Сербии было поставлено на карту, так как она лежала на пути прямого сообщения между центральными державами и Турцией.

4. С разгромом Сербии Германия приобретала доступ к турецкому сырью.

5. Сфера войны расширялась, так как делалось вполне естественным принятие участия в войне со стороны остальных балканских государств и кроме того выявлялся новый важный азиатско-турецкий театр, весьма соблазнительный для французских и английских, в особенности русских колониальных стремлений. Поэтому следовало ожидать развития здесь больших захватнического характера операций.

Антанта немедленно реагировала на выступление Турции переходом русскими войсками турецкой границы на Кавказе, бомбардированием Дарданельских фортов, занятием английскими войсками в Персидском заливе Басры (Basra), на Шат-эль-Арабе и, несколько позднее (17 декабря), объявлением

английского протектората над Египтом в ответ на турецкую демонстрацию на Синайском полуострове.

Более серьезные операции против Турции начались с 1915 г.

ДЕЙСТВИЯ НА МОРЯХ

Карта 2

Действия на морях за этот период заключались в незначительных операциях на Северном, Балтийском и Черном морях, в содействии флота Антанты в борьбе за колонии, в конвоировании этим флотом войсковых транспортов, перебрасываемых на театры войны, в установлении блокады Адриатики и в крейсерской войне на океанах.

На Северном море истекший период был в смысле потерь неблагополучен для английского флота ввиду смелых действий германских подводных лодок—прообраза будущей подводной войны. Здесь за сентябрь и октябрь германские подводные лодки потопили 5 английских крейсеров, причем в один день погибло 3 корабля, что произвело сильнейшее впечатление.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ

Русский флот, который был вообще неизмеримо слабее всего германского и подчинен командованию 6-й армии, имел задачей оборону, главным образом, против неприятельских десантов в Финском заливе. Выделенные же германцами для действий на Балтийском море суда были значительно слабее русского флота и потому должны были ограничиться здесь лишь второстепенными боевыми действиями. Поэтому, на востоке они вылились в демонстративные набеги германских крейсеров на Либаву и к Финскому заливу, а на западе в установке заграждений для охраны Кильской бухты от вторжений английских морских сил. Затем, русский флот начал крупную деятельность по постановке заграждений у самых германских берегов, и к концу 1914 года германцы обнаружили, что плавание у берегов, вследствие поставленных русскими мин, опасно.

На Черном море в ближайшие же дни после начала войны выяснилось, что боевое ядро турецкого флота (фактически «Гебен» и «Бреслау»), пользуясь преимуществом в ходе, избегало решительного боя, командование же Черноморским русским флотом этого боя не ищет. В то же время обстоятельства и события войны выдвинули перед Черноморским флотом такие задачи, к которым он не готовился. Этими задачами были содействие частям Кавказской армии, действовавшим вдоль черноморского побережья, а затем действия против угольного района Турции.

Гераклийский угольный район (Зангулдак, Эрегли и пр.) имел большое значение для прилегающих частей Турции и для ее флота, поэтому Черноморский флот предпринимал ряд операций против Зангулдака, но с совершенно ничтожными результатами.

В свою очередь турецкий флот предпринимал поиски по Черному морю, бомбардируя некоторые пункты. 18 ноября Черноморский флот в составе 5 линейных кораблей с 3 крейсерами, возвращаясь после бомбардировки Трапезонда, неожиданно встретился в районе Севастополя (вблизи Херсонского маяка) с «Гебеном» и «Бреслау» и хотя в происшедшем бою нанес «Гебену» тяжелые потери, но благодаря неискусности командования не смог разгромить его и, не преследуя, ушел в Севастополь. Это был единственный морской бой на Черном море за всю войну.

КРЕЙСЕРСКАЯ ВОЙНА

Карта 2

Расцвет крейсерской войны на океанах относится к осени 1914 г. В это время действовали германские крейсера «Кенигсберг» и «Эмден» в Индийском океане, «Карлсруэ» у Пернамбуко, «Дрезден» вдоль атлантического и тихоокеанского побережья Южной Америки, эскадра адм. Шпее в Тихом океане и еще несколько вспомогательных крейсеров. «Кенигсберг» крейсеровал в западной части Индийского океана, доходя до Аденского пролива, причем в сентябре после боя у Занзибара с английским крейсером «Пегасом» он потопил его. Это потопление имело громадное моральное значение, так как престиж Англии в этих водах был поколеблен. Поэтому англичане организовали здесь охоту за «Кенигсбергом», вследствие чего он вынужден был в конце октября укрыться в устье р. Руфиджи, где в начале ноября и был заперт англичанами, утопившими судно в устье реки. «Эмден», вышедший из Цинг-Тао в начале войны, соединился в середине августа с эскадрой адм. Шпее в районе Марианских островов, а затем, когда Шпее пошел к Америке, он повернул на запад и вышел к южному побережью Явы, откуда начал свой знаменитый набег в Индийском океане, беспрерывно ускользая от организованной за ним погони. Потопив в течение недельного крейсерства в Бенгальском заливе 7 пароходов, он стал крейсеровать в районе Цейлон—Маледикские острова, а затем, перерезав вновь Бенгальский залив, 26 октября дерзко утопил в Пенанге русский крейсер «Жемчуг» и французский миноносец. Отсюда «Эмден» пошел к Кокосовым островам, высадил здесь десант, но был застигнут австралийским крейсером «Сидней» и после неравного боя, расстрелянный, выбросился на берег. «Карлсруэ» в течение 3 месяцев крейсеровал в районе Пернамбуко, все время перерезая проходившие здесь морские торговые пути и постоянно избегая погони. 4 ноября, не доходя 400 миль до Барбадоса, взорвался в море от невыясненной причины и погиб. Крейсерство «Карлсруэ» также было удачно, ибо за 3 месяца он захватил 17 пароходов, общим тоннажем в 76 000 *т*, причем стоимость пароходов и груза достигала $1^1/_2$ млн. фунтов стерлингов. Таким образом в начале ноября Атлантический и Индийский океаны были очищены от германских крейсеров и оставалась только эскадра адм. Шпее в Тихом океане.

Центром морской войны всего 1914 г. была борьба британского флота *с эскадрой адм. Шпее,* деятельность которой так или иначе отражалась на всех британских эскадрах, начиная с «Большого флота». Эскадра Шпее, в составе 3 крейсеров, выйдя в начале войны с Каролинских островов, пошла в Тихий океан, бомбардировав по дороге Таити, и в середине октября соединилась с «Дрезденом», ранее крейсировавшим вдоль атлантического побережья Южной Америки, и с «Лейпцигом», подошедшим из Мексики. Затем эскадра пошла к Коронельской бухте на Чилийской берегу, надеясь там найти английский крейсер «Глазго». В то же время английская эскадра адм. Краддока делала поиски вдоль тихоокеанского побережья, рассчитывая поймать «Лейпциг»; таким образом обе эскадры полагали встретиться с одним только неприятельским кораблем. Во второй половине дня 1 ноября обе эскадры столкнулись вблизи Чилийского побережья, и в результате боя, получившего название *Коронельского,* 2 английских крейсера, в том числе и флагманский «Good Hope», были потоплены, а 2 другим удалось уйти под покровом наступившей ночи. Германская эскадра совершенно не пострадала. Коронельский бой вынудил Англию

усилить в Атлантическом и Тихом океанах свои морские силы даже за счет «Большого флота», причем в распоряжение Англии поступили также японские и французские эскадры. В общем против эскадры Шпее было направлено 5 сильнейших эскадр, которые и замкнули кольцо вокруг нее. После Коронельского боя эскадра Шпее несколько времени крейсировала вдоль Чилийского побережья и затем в конце ноября пошла на юг, имея целью выйти в Атлантический океан, где думала соединиться с германскими крейсерами, якобы прорвавшимися из Северного моря.

В это время сильная английская эскадра адм. Стэрди продвигалась к Фалькландским островам, к которым и подошла 7 декабря. На другой день к островам подошла эскадра адм. Шпее и, заметив мощного противника, стала уходить далее в Атлантический океан. Английская эскадра бросилась преследовать, и Шпее, видя, что бой неизбежен, приказал своим 3 легким крейсерам спасаться, а с остальными 2 крейсерами вступил в бой против 3 сильнейших кораблей, но вскоре оба германских крейсера были расстреляны и погибли. Через 2 часа были настигнуты еще 2 германских крейсера, и к вечеру после боя эскадра Шпее погибла за исключением «Дрездена», которому удалось скрыться. В общем ходе войны результат *Фалькландского боя* имел то значение, что после него все силы английского флота, за малым исключением, были сосредоточены на главном театре.

Вообще крейсерская война велась в неодинаковых условиях. Германские крейсера не имели опоры в своем запертом в территориальных водах флоте и потому постепенно погибли. Таким образом блестящая работа германских крейсеров уже к 1915 г. свелась на-нет, чтобы впоследствии возродиться в виде подводного крейсерства.

ВОЙНА В КОЛОНИЯХ

Борьба за африканские колонии началась осенью 1914 г. и в большинстве из них продолжалась несколько лет. Так как борьба в Африке не имела связи с операциями на остальных континентах, то мы для цельности отнесем изложение всей борьбы к периоду ее начала, т. е. к концу 1914 года.

БОРЬБА В ТОГО

Схема 21А

Первой из африканских владений подверглась нападению англо-французов германская колония Того, расположенная на берегу Гвинейского залива между английской колонией Золотой Берег (Golden Coast) и французской Дагомеей. В Того был ключ всей системы немецких телеграфных сношений в Атлантике; здесь, в г. Камина, находилась сверхмощная радиостанция, непосредственно сообщающаяся с радиостанцией в Науене (близ Берлина), связывая таким образом Германию с ее западноафриканскими владениями, а отсюда и с Южной Африкой.

7 августа английский десант (4 роты и 3 орудия), прибывший с Золотого берега, высадился и занял без выстрела Ломе, главный город Тоголанда, после чего двинулся по жел. дор. к г. Камина. В то же время французская колона (2 роты и горная батарея), выйдя из Дагомеи, завладела Мал. Попо и двинулась на север для соединения и совместного наступления с англичанами к Камине, опорному пункту обороны Тоголанда. После упорного боя 22 авгу-

ста у Хра, союзники подошли к Камине. Взорвав радиостанцию, германцы сдали англо-французам 26-го Камину, передав в их руки 200 пленных европейцев и значительную добычу.

БОРЬБА В ЮГО-ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ

Схема 21Б

За Тоголандом союзниками была завоевана германская Юго-западная Африка. Юго-западные африканские владения Германии (835 000 *кв. км* с 250 000 туземного населения и 14 000 европейцев), с радиостанцией в Виндаске, имели важное значение для англичан, так как соприкасались с их колониями Родезией и Бечуаналандом и с Южноафриканским союзом.

В начале войны германцы овладели небольшой английской территорией Валь-фиш-бай, а затем подняли восстание в бывших бурских территориях Трансваале и Оранжевой реке, причем к восстанию примкнул и ген. Девет, бывший герой бурской войны за независимость (1895—1901). Однако восставшие были в конце октября разбиты, и наконец 13 ноября бурский генерал Ботта, другой герой этой же войны, нанес повстанцам решительное поражение, после чего англичане решили начать завоевание юго-западной Африки. В ноябре же англичане при содействии флота овладели Шварконмюнде и Людерицбаем, начальными пунктами железнодорожных линий, после чего вдоль этих линий была направлена экспедиция под командой ген. Ботта, и к июлю 1915 г. эта германская колония была завоевана.

БОРЬБА В КАМЕРУНЕ

Схема 21В

Камерун (около 790 000 *кв. км*), самая старая германская колония в Африке, располагался между английской Нигерией и Французской экваториальной Африкой (Чад, Убангуи-Шари, Среднее Конго, Габон); эта колония должна была, согласно пан-германскому плану, образовать вместе с Германской Восточной Африкой одно общее германское Среднеафириканское владение. Расширившись после Агадирского инцидента 1911 г. за счет Французской экваториальной Африки, Камерун занимал по отношению к последней угрожающее положение. Этими условиями объясняются как то значение, которое Камерун имел в глазах французов, так и отличная организация германцами обороны Камеруна. Около 20 отдельных фортов и маленьких крепостей обеспечивали оборону колонии и служили опорой войскам, которые к началу войны насчитывали 170 белых и 2 000 туземцев, а к концу военных действий около 6 000 войск [1].

План англо-французов, выработанный на союзном совещании 12 марта 1915 г., сводился к вторжению в Камерун со стороны моря и сухопутной границы, длиной свыше 4 000 *км*, несколькими колоннами и к постепенному концентрическому продвижению этих колонн в глубь Камеруна. В действиях со стороны моря должны были принять участие английские войска из Сиерра-Леоне и французские—из Сенегала; с севера должны были наступать англичане из Нигерии и французы из Чада, имея ближайшей целью занять важный

[1] Cours d'histoire, t. III, La guerre mondiale 1914—191., Paris, Imprimerie nationale MDCCCCXXIV, стр. 408.

центр на севере колонии Гаруа; с востока 2 французские колонны и с юга также две французские колонны должны были наступать к центру германского владычества—колонии Яунде.

Англо-французская береговая колонна при содействии флота овладела 28 сентября важным портом Дуала, после чего колонна разделилась, и англичане двинулись на север вдоль железнодорожной линии, а французы на восток к Яунде. Однако наступление англичан вскоре было отбито, и они отступили к Дуале, возобновив наступление в ноябре и заняв 10 декабря конечный пункт железной дороги Баре. Северные колонны подошли к Гаруа 5 января 1915 г., но на штурм этого укрепленного пункта не отважились и обложили его.

Восточные колонны к концу года достигли линии Бертуа—Уэссо, а южные только проникли в пределы Камеруна, и таким образом к концу 1914 г. англо-французами был занят ряд пунктов на побережье и со стороны сухопутной границы.

В течение 1915 г. продолжалось концентрическое наступление англо-французов среди тропических лесов с весьма слабо развитой сетью грунтовых путей. Береговая французская колонна 30 сентября 1915 г. заняла Изека; обе северные колонны, овладев 11 июня после 4-месячной осады Гаруа, гарнизон коей сдался только исчерпав до конца все свои запасы, двинулись к Яунде; восточные колонны летом достигли линии Думе—Ломе, а южнее—линии Битам—Акоафым. Таким образом к осени 1915 г. все эти колонны окружили плато Яунде, которое и было взято в январе 1916 г., после чего Камерун пал.

БОРЬБА В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

Схема 21Г

Восточноафриканские владения Германии, расположенные на берегу Индийского океана и окруженные английскими (Восточной Африкой и Родезией), бельгийской (Конго) и португальской (Ньясса) колониями, имели для Германии значение не только в смысле величины территории (вдвое более Франции), откуда она черпала сырье, но и в смысле империалистической пангерманской идеи образования путем соединения с Камеруном (через Конго) транзитного пути от Атлантического до Индийского океана. Ввиду этого в колонии спешно строились 2 железные дороги, одна на севере, в Узамбаре, вблизи английской границы, где были наиболее плотно населены колонисты, и другая, центральная, от гавани Дар-эс-Салама до Кигомы на озере Танганайка, т. е. до бельгийского Конго; эти же железнодорожные линии должны были облегчить оборону колонии в случае войны. Однако мероприятия Германии в вопросе военной обороны этой колонии не были доведены до конца. Большинство черных контингентов было вооружено старыми ружьями обр. 1871 г. с дымным патроном, имелось очень мало пушек, один самолет, и все силы германцев, по их данным, не превышали 3 000 европейцев и 11 000 туземных солдат, а по французским источникам до 40 000 бойцов с артиллерией всех калибров. У союзников же около 8 000 [1].

Военные действия начались 8 августа обстрелом Дар-эс-Салама 2 английскими крейсерами. Командующий германскими войсками полковник Леттов-Форбек, сознавая, что с имеющимися средствами при оборонительном способе действий нельзя обеспечить даже защиту колонии, обладавшей сухопутной и

[1] Тот же источник, стр. 412.

береговой границей почти такой же длины, как и у метрополии, решил, что наилучшим видом защиты будет угроза наиболее мощному противнику—англичанам, т. е. наступление в Британскую Восточную Африку, так как всего в нескольких переходах от границы проходила жизненная артерия британских владений—Угандская железная дорога. Поэтому уже 15 августа германцы вторглись на английскую территорию и заняли Тавету, в районе горы Килиманджаро. В свою очередь англичане, пользуясь господством на море, стали блокировать берега германской колонии и спешно перевозить в Африку индийские войска, что отчасти отвечало намерениям германского командования отвлечь сколько-нибудь значительные части противника от вмешательства в войну на других театрах. Попытка англичан 3—5 ноября захватить Тангу, начальный пункт северной железной дороги, окончилась неудачей, и англо-индийский десант, силой до 8 000 чел., был разбит и вынужден уйти в море.

Весь 1915 г. прошел в многочисленных стычках к северу от германской границы и в обстреле побережья английскими кораблями. Одновременно происходили столкновения германцев с англичанами в районе озер Виктория и Ньясса и с бельгийцами в районе озер Киву и Танганайка.

К 1916 г. к англичанам в Восточную Африку прибыли большие подкрепления, и после происшедших боев район северной железной дороги был германцами весной потерян, и они отступили к центральной железной дороге. В течение лета английские войска ген. Смутса заняли центральную железную дорогу, и германцы отступили к р. Руфиджи, где и оставались в течение нескольких месяцев, активно обороняя до конца года область этой реки, несмотря на последовавшую высадку британских войск в юго-восточной части колонии и на вторжение через пограничную р. Ровуму португальцев, которые были отброшены. В западной части колонии германцы также успешно оборонялись против наступавших англичан и бельгийцев и только осенью отошли в район Махенге.

Так как к 1917 г. большая часть территории германской Восточной Африки была германцами уже потеряна, а мысль о сдаче еще была далека, то Леттов-Форбек решил перенести борьбу в Португальскую Африку, где он надеялся встретить слабое сопротивление и большие продовольственные запасы. Вся первая половина года прошла в партизанских действиях против англичан в районе Линди-Кильва, на побережьи Индийского океана, после чего началось отступление, и германцы, в количестве всего 300 белых и 1 700 туземных солдат, 25 ноября переправились через р. Ровуло и вступили на португальскую территорию. Таким образом германская Восточная Африка в этот день была потеряна для Германии, и только небольшой отряд нежелавших сложить оружие решил продолжать борьбу, но уже на неприятельской территории.

В середине февраля 1918 г. германцы проникли до Нанунгу, почти в центре страны, и отсюда стали совершать набеги за продовольствием и боевыми припасами. Однако под давлением англичан со стороны озера Ньясса и от побережья со стороны порта Амелия германцы начали отходить, проникая все глубже на юг и отбрасывая португальские отряды. В начале июля германцы одержали крупную победу над англо-португальцами у Намакурру (Кукузани) на крайнем юге колонии, недалеко от главного португальского порта Квелимане. Отсюда германцы, гонимые продовольственными затруднениями и стягивающимся противником, двинулись на северо-восток, по направлению к Мозамбику; затем, описав петлю, совершили в течение сентября тяжелый марш восточнее озера Ньясса и 28 сентября подошли опять к р. Ровуме, вновь вступив на германскую землю и пройдя всю Португальскую Африку с севера на юг и

обратно с юга на север в течение 10 месяцев с постоянными боями. Обойдя озеро Ньясса с севера, Леттов-Форбек с своим отрядом, всего немного более 1 000 чел., из которых белых оставалось менее 250, 31 октября вторгся в британскую Родезию и 9 ноября занял Казаму, после чего, получив сообщение о перемирии, заключенном в Европе, 14 ноября сдался с остатком своих войск.

РЕЗУЛЬТАТЫ КАМПАНИИ 1914 г.

Схема 22

Когда в 1914 г. первые операции стали стремительно развиваться на европейских фронтах, с густо насыщенными массами войск, богато вооруженных заранее заготовленными средствами техники, то в Европе царило убеждение *в скоротечности возникшей борьбы.*

И действительно темп операций за первый месяц представлял мощный размах. Казалось, вторжение крупных масс с таким темпом в неприятельскую страну быстро доведет до конечных целей борьбы. Правофланговые германские армии на 33-й день находились в 30—40 *км* от Парижа. Марш германской армии Клука из района сосредоточения у Аахена к южному берегу Марны, протяжением в 520 *км,* проведен в 24 дня с 1 лишь днем остановки (16 августа на Маасе); в среднем эта армия проходила по 23 *км* в сутки. 3-я армия Гаузена) с 18 по 31 августа прошла 330 *км,* что давало почти такую же скорость движения. Уже 9 сентября, раньше месяца от начала боевых действий, закончилась Марнская битва. На Русском фронте за тот же срок миновала первая восточнопрусская операция с гибелью 2-й русской армии, и приближалась к концу Галицийская битва с крушением австровенгерских армий.

В этот первый месяц войны израсходована была значительная часть боевых запасов, накопленных в мирное время. Когда улеглись впечатления Танненбергской, Марнской, Галицийской битв и обе стороны увидели, что до конечных целей еще далеко, возникла необходимость приняться за привлечение новых средств с напряжением всей энергии государства. Приходилось мобилизовать все народное хозяйство. Следовательно *война должна была затянуться на несколько лет.* Первым и главным результатом кампании 1914 г. явился вынужденный отказ от войны по старым образцам: *борьба предвиделась долгой, с использованием всей жизнеспособности государства и со ставкой на самое его существование.* Новая целеустановка войны вызвала новые факторы в политике, экономике и стратегии воюющих государств.

4 сентября в Лондоне была подписана державами Антанты декларация о том, что Англия, Франция и Россия обязуются не заключать в течение войны сепаратного мира. Когда же наступит время для переговоров, ни одно из союзных государств не предъявит условий без предварительного их одобрения остальными союзными державами. Эта декларация значительно расширяла политическую базу войны.

Одновременно возникло стремление к увеличению количества участвующих в борьбе государств. Обе стороны старались уловить новых членов, каждая—в сети своего союза. Вслед за привлечением Италии, которая с первых дней войны решила примкнуть к Антанте и вела лишь торг насчет будущих прибылей, заботы были обращены к Балканскому полуострову. Германии удалось перетянуть Турцию на свою сторону. Это было крупным достижением германской политики, но пока—в 1914 г.—до гибели Сербии, новый союзник доставлял много хлопот германцам, требуя поддержки и материальной частью и денежными ресурсами. Попытка Германии создать общий балканский блок

против России потерпела неудачу: Румыния и Греция тяготели к Антанте, Болгария колебалась, и ее правительству приходилось считаться с руссофильскими течениями в стране. На основании оценки общего политического положения Германии в конце 1914 г. канцлер Бетман-Гольвег пришел к выводу, что будущность Германии подвергнута очень серьезной опасности [1].

В *экономической обстановке* войны для Центрального союза уже явственно обнаружились к концу 1914 г. признаки будущих лишений. Осознание их повелительно ставило германской власти задачу окончить войну не позже как через год. В Германии к концу года были введены карточки на хлеб и молоко. Голодная блокада не давала себя еще жестоко чувствовать, «организованного голода» еще не было, но уже становилось очевидной отсрочка его не более как на год. Германия пока-что успевала за крупные суммы скупать все, что только было возможно из съестных припасов в Швеции, Норвегии, Дании, но английская блокада установила рационы, больше которых ничего не пропускалось в эти нейтральные страны, и потому для перепродажи в Германию оставалось немного. Антанта пока не чувствовала признаков голода.

Вслед за кризисом продовольствия, к концу 1914 г. *выдвигался кризис боевого снабжения армий.* Раньше всех он дал себя почувствовать в России. В области вообще промышленности Россия была отсталым партнером, а ее военная промышленность носила ярко выраженный отпечаток бюрократичности и неспособности быстро удовлетворять потребности армии. С началом войны мобилизация военной промышленности в России встретила серьезные затруднения: недостаток инженеров, рабочей силы, сырья в потребном размере; непорядки с транспортом давали о себе знать с первых дней, а затем прогрессировали с большой скоростью. Сразу же возникли затруднения с винтовками, запас которых был недостаточен даже к началу войны. В сентябре после самсоновской катастрофы наступил острый кризис с винтовками, а за ним к концу года возник снарядный голод, буквально срывавший боевые операции: решение русской Ставки отвести в декабре армии на Равку, Бзуру, а в Галиции—на Дунаец было подсказано недостатком вооруженных пополнений и артиллерийских снарядов. Несоответствия между боевыми запасами и запросами войны сказались в 1914 г. и у всех прочих воюющих держав, но налаженность промышленности в крупных государствах Западной Европы позволила им безболезненно изжить это явление. В России же оно оказалось в 1915 г. одной из главных причин отступления ее армий в глубь пограничной полосы.

В области стратегии за кампанию 1914 г. произошел полный переворот идей, которые положены были в основу исходных планов обеих коалиций. Для армий Центрального союза операции по плану Шлиффена потерпели полную неудачу. На Западе, правда, их противники были значительно ослаблены, но не было более и речи о том, чтобы они были поставлены на колени германским молниеносным ударом. Обе стороны зарылись в линии непрерывных окопов в непосредственном боевом соприкосновении друг к другу. На Востоке остановлена была попытка вторжения в глубь Германии, однако эта попытка могла быть повторена вновь. Германское главнокомандование стояло перед трудным решением, куда вновь направить главный удар.

На Французском театре германцы лишены были возможности прибегнуть к излюбленному приему стратегического охвата. Оставался прорыв, для которого требовалось предварительное сосредоточение крупной массы сил и огромного количества материальной части. Приходилось заимствовать средства с Рус-

---

[1] Reichsarchiv, Weltkrieg 1914—1918, т. VI.

ского театра, что связано было с риском потерять Верхнюю Силизию, имевшую первостепенное экономическое значение для Германии, и поставить на карту существование Австро-Венгрии.

Оперативное окончание Французского фронта и напряженное положение на Русском фронте к концу 1914 г. принуждали германское главнокомандование переместить центр тяжести борьбы на Восток. Такое решение было принято Фалькенгайном с трудом и отчасти под влиянием главнокомандующего на востоке—Гинденбурга, указывавшего, что путь к достижению мира ведет через поваленный труп России.

В связи с выступлением Турции для Центрального союза важно было достигнуть успеха на Балканском театре и установить непосредственное сообщение с Константинополем. В 1914 г. этого добиться не удалось. После неудачи австрийской попытки под руководством Потиорека разбить сербов Конрад отверг предложение Фалькенгайна вторично в 1914 г. обрушиться на Сербию.

Нужно отметить ошибку германцев в том, что они отказались от решительной операции против Суэцкого канала для угрозы Индии и оккупации Египта. Ошибочен был и отказ германцев от спешной достройки Багдадской железной дороги. Все названные предприятия могли иметь большие последствия в отношении дальнейшей перспективы борьбы с Англией.

Стратегический актив кампании 1914 г. для Антанты сводился к срыву германского замысла войны. Это явилось немаловажным достижением первых 5 месяцев, в течение которых не только был остановлен сокрушительный удар, но Германия была вынуждена перейти к войне на долгий срок вопреки всем ее расчетам.

Кампания 1914 г. свидетельствовала о значительной помощи, уже оказанной русскими армиями Антанте для облегчения стратегической обстановки на Французском театре. Этот результат мог бы быть гораздо более осязательным при наличии единого верховного руководства операциями англо-французско-русских армий. В связи с отсутствием общего главнокомандования для Антанты не был ясен план дальнейших операций и не было стремления к захвату инициативы.

В области *тактики* в боевом применении войск кампания 1914 г. дала богатый опыт, вызвавший на обеих сторонах его немедленный учет для боевого соревнования при последующем развитии военных событий. С первых сражений начали обнаруживаться изъяны организации и подготовки мирного времени. Важно было подвергнуть их критическому анализу, спешно ввести поправки и насколько это было возможно выполнить их во время самой войны.

Самым разительным фактором боевых неудач сказалось несоответствие тяжелой артиллерии в армиях обеих сторон. Это наглядно подтвердилось сравнительным количеством артиллерии в корпусе к началу войны. В то время как *германский корпус* имел 21 легких, 3 гаубичных и 4 тяжелых батареи, всего *160 орудий*, из коих 34 гаубицы—*русский* корпус имел 12 легких и 2 гаубичных батареи, всего *108 орудий*, из коих 12 гаубиц; *французский корпус* имел 30 легких батарей, всего *120 орудий* и ни одной гаубицы. (Гаубицы являлись только принадлежностью армии.)

Далее резко выдвинулась разница в обеспечении боевыми комплектами снарядов в разных армиях; наиболее недостаточным оказалось это обеспечение в русской армии. На исходе кампании 1914 г. во всех армиях дал себя почувствовать *кризис боевого снабжения*, с которым в различных армиях справились позже по-разному.

Неодинаковость технической оснастки вооруженных сил была велика в разных армиях не только в артиллерии, но особенно—в средствах связи и моторного транспорта. Исключение составила авиация, почти одинаковая в главных армиях к началу войны. Германия начала войну, имея 232 самолета, Франция имела 162 самолета, Россия к началу операции имела 39 авиационных отрядов, в которых по штату полагалось 234 аппарата, но фактически было 216 самолетов, причем нехватало летчиков. Их всего было 221 человек (170 офицеров, 35 солдат и 16 добровольцев).

Кампания 1914 г. ярко подчеркнула огромное значение проблемы руководства массовыми армиями. С первых же сражений возник *кризис командования* во французской и русской армиях, и этот кризис особенно сильно давал себя чувствовать на высших ступенях командования. Жоффр в течение первого месяца войны отрешил от должности по служебному несоответствию 2 командующих армиями, 7 командиров корпусов, 24 начальников дивизий, всего 33 старших генерала, около 30% высшего командного персонала. В русской армии процент негодного командного состава не был бы ниже, если бы отчисления проводились с такой же последовательностью и решительностью.

Наконец кампания 1914 г. выдвинула необходимость крупных импровизированных формирований во время самой войны—особенно в тех государствах, где не была предусмотрена правильная организация запасных войск, как это имело место в русской армии.

В отношении операции на море 1914 г. крайне беден какими-либо достижениями, так как флоты воюющих государств в главной своей массе отстаивались на базах или оборонительных позициях за минными заграждениями.

В конечном счете боевые действия кампании 1914 г. представляют богатейший источник для изучения современного военного искусства. Операции этого первого этапа мировой войны велись под углом идей, господствовавших перед тем в течение долгой подготовки мирного времени, и воевавшие армии не были еще разжижены позднейшими формированиями военного времени. Операции 1914 г. дают возможность изучить гибкую и гигантскую природу вооруженной борьбы заранее подготовленных к войне человеческих масс.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

КАМПАНИЯ ПЯТНАДЦАТОГО ГОДА

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПЕРИОД ЯНВАРЬ — МАЙ

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ НА ТЕАТРЕ ВОЙНЫ К НАЧАЛУ ГОДА

Схема 22

На рубеже 1914 и 1915 гг. обе коалиции пришли к убеждению, что расчет на кратковременную войну оказался в корне ошибочным и что борьба протянется несколько лет и потребует огромных материальных средств, сравнительно с заготовленными в последние годы вооруженного мира. На Французском фронте уже с середины сентября 1914 г. стали обнаруживаться первые признаки стабилизации фронта. После «бега к морю» обе стороны на этом фронте вытянулись друг против друга, от Ньюпора до Бельфора, на протяжении 700 *км*. Начало было положено германцами, которые вслед за отступлением от Марны сумели быстро соорудить укрепленные позиции и во время маневра к морю пользовались своим инженерным искусством для обеспечения за собой занимаемых районов местности.

Наоборот, французы и англичане первоначально умышленно пренебрегали укрытиями и уже позже, наученные горьким опытом, для уменьшения потерь принялись, по германскому примеру, зарываться в землю. Таким образом к началу 1915 г. образовались вдоль всего Французского фронта две непрерывные линии траншей, одна против другой, оплетенные рядами проволочных заграждений. Траншеи стали быстро совершенствоваться, дублироваться постепенно второй линией с ходами сообщений между обеими и усиливаться блиндажами и прочными убежищами. Создавались солидные оборонительные системы, против которых оказались бессильными разрушительные средства полевой войны.

Стабилизация фронта совершенно изменила характер войны, приблизив его по форме к войне крепостной, неизбежно медленной. Становилось очевидным, что борьба пойдет на истощение, изредка прерываясь наступательными действиями, моменты и размеры которых трудно было предугадать заранее.

Франция и Англия быстро оценили последствия создавшегося на их фронте положения. Правительства обоих государств поняли, что время работает за них и нужно было использовать его во-всю для накопления новых средств борьбы. Следовало приняться за промышленную мобилизацию и с лихорадочной поспешностью начать производство боевых запасов в размерах, подсказанных уже опытом первых месяцев войны. Тот же опыт указал Антанте, чего недостает ее армиям сравнительно с противником, в первую голову—тяжелой артиллерии. Ясно стал обрисовываться и размер потребности в живой силе. Франции приходилось напрягать призыв боеспособных людей до

последнего человека и привлечь даже физически немощных мужчин и здоровых женщин для работ на оборону, а затем обратиться и к людским источникам своих заморских владений. Не менее серьезно раскрывалась проблема новых формирований и для Англии. Нельзя было и думать оставаться в пределах существовавшей военной системы. Вслед за намеченным привлечением к участию в войне населения доминьонов и всех колоний приходилось обратиться к обязательной военной службе для всех британских граждан.

Для Германии положение осложнялось борьбой на два фронта. Оно отчетливо характеризуется в труде Фалькенгайна [1], сменившего 14 сентября 1914 г. Мольтке младшего на посту начальника Генерального штаба. Только переход к позиционной войне давал возможность Германии вполне сохранить свободу действий для нанесения достаточными силами удара по тому месту, где нужно было добиться решения, т. е. Германия под суровым давлением необходимости обратилась к позиционной войне на одном фронте, чтобы нанести удар на другом.

Фалькенгайн не был сторонником решения искать исхода войны главным ударом на востоке. «Никакой исход на востоке, как бы он ни был решителен, не мог снять с нас необходимости борьбою достигать решения на западе» [2]. Но целый ряд политических причин вынудил Германию в 1915 г. направить главный удар на восток, и Фалькенгайн, не будучи в обстановке старика Мольтке в 1870 г., должен был им подчиниться.

Намечавшийся развал Австро-Венгрии, присоединение к союзу Турции, вероятность вооруженного выступления Италии, сомнительное поведение Румынии, стремление привлечь на свою сторону Болгарию—таковы были политические стимулы для переноса Германией центра тяжести борьбы против России. К ним нужно присоединить также внутренние политические предпосылки для того же решения. Канцлер Бетман-Гольвег и главнокомандование Восточным фронтом в лице Гинденбурга с Людендорфом настаивали на том, чтобы скорее вывести из строя русский колосс, который, по мнению названных лиц, не мог оказывать длительного сопротивления, причем указывалось на неизбежность революции в России. Ликвидация в том или другом виде войны с этой державой обещала соблазнительную возможность удовлетворения экономических нужд, призрак которых уже явственно обозначался в Германии к началу 1915 г. Наконец немаловажную роль среди причин, приведших к германскому напору на Россию, сыграло желание германского правящего класса обеспечить восточные пределы империи от дальнейших русских покушений.

Уступая необходимости *частично* перейти к позиционной войне, Германия сохраняла за собой инициативу маневренных действий, и в результате указанных выше соображений *к февралю 1915 г. окончательно избрала Восточный фронт главным для армий центрального союза.* Это решение Германии вместе с захватом в орбиту войны ряда новых сил и с ее распространением на сопредельные с Русским театром 1914 г. территории Передней Азии определило ход кампании 1915 г.

Главные операции в этом году развивались между русскими и австро-германскими армиями. Возникнув на территории Восточной Пруссии и вслед затем в Карпатах, названные операции постепенно ширились, распространившись на Галицию, русскую Польшу и Риго-Шавельский район, и к концу

[1] Эрик ф. Фалькенгайн, Верховное командование 1914—1916 гг. в его важнейших решениях, перевод с немецкого А. Е. Снесарева ВВРС, Москва 1923 г., стр. 47.

[2] Фалькенгайн, цит. соч., стр. 60.

кампании 1915 г. охватили весь огромный театр тогдашней Западной России до линии Рига—Двинск—Барановичи—Ровно—румынская граница. Уменьшение по сравнению с 1914 г. напряженности борьбы в позиционной войне на Французском театре дало возможность Англии предпринять в течение 1915 г., как самостоятельно, так и совместно с Францией, ряд попыток с целью ликвидировать участие Турции в войне. Отсюда возникли в 1915 г. операции на Балканском полуострове, в Месопотамии и на Суэцком канале.

С присоединением к Антанте Италии образовался новый театр войны, а с присоединением к центральным державам Болгарии военные действия распространились почти на весь Балканский полуостров. На Кавказе развивались операции, начатые с момента вступления в войну Турции в октябре 1914 г. Отдельно протекали военные действия на территории африканских колоний Германии, и независимо от сухопутной войны происходила непрерывная борьба на морях, преимущественно омывающих Британские острова и берега Европейской России.

Анализ операций 1915 г. *последовательно*—по театрам войны—находит оправдание в том, что операции армий Антанты в этом году не имели тесной увязки между собой, вследствие отсутствия единого верховного управления, о котором возникли первые предположения лишь в середине 1915 г. Операции фактически развалились на обоих театрах независимо; идейного единства действий вооруженных сил Антанты не существовало.

В конечном счете, кампания 1915 г. охватила целиком территорию Европы, кроме небольших сравнительно площадей нейтральных государств, дальше—территории всей Передней Азии, колониальные пространства Африки и необъятную поверхность океанов и морей всего земного шара. Война в 1915 г. стала буквально *мировой войной.*

Для изучения кампании 1915 г. во всем ее объеме последовательный ход ее событий разделяется *на 3 периода:*

Весенний период (январь—конец апреля) обнимает операции на Русском театре до начала мая и бои за тот же срок на Французском театре.

Летний период (май—конец сентября) охватывает глубокое вторжение австро-германских армий в Россию до начала позиционной войны на Русском театре, операции на Французском театре за то же время, а также возникновение и развитие Дарданельской операции и военных действий на Итальянском театре войны.

Осенний и зимний период (октябрь—декабрь) включает операции на Балканском театре, и для цельности анализа к этому периоду отнесены операции на морях.

РУССКИЙ ТЕАТР

ПЛАНЫ СТОРОН

Схема 23А

К началу января русские армии, после предрешенного 13-го минувшего декабря отхода на заранее подготовленные позиции, занимали следующее расположение.

В *Восточной Пруссии*—10-я армия, имея *15 пех. дивизий* против 8 германских, остановилась перед укрепленной позицией германцев по р. Ангерапу и Мазурским озерам. Командующий этой армией ген. Сиверс считал единственным способом действий медленное продвижение вперед при помощи саперных и минных работ.

На Млавском направлении—войска Новогеоргиевского укрепленного района в составе *4 пех. дивизий* вели довольно успешную борьбу против *2 германских дивизий. На левом берегу р. Вислы,* на участке до р. Пилицы, 1-я, 2-я и 5-я армии, *всего 33½ пех. дивизий,* после упорных боев заняли позицию за рр. Бзурой и Равкой, и уже в течение месяца укрепляли ее. Против них находилась 9-я германская армия, в составе *25 пех. дивизий,* которая с малыми перерывами продолжала атаковывать русские позиции.

К югу *от Пилицы до верхней Вислы* стояли 4-я и 9-я армии в составе *17½ пех. дивизий,* имея перед собой германскую армейскую группу Войрша и 4-ю австрийскую армию, всего в составе *17 дивизий,* неспособных к развитию наступательных действий, но опиравшихся на прочные позиции, как на своем фронте по р. Пилице, так и в тылу—на линии Ченстохов—Краков. Выдвинутая уступом вперед 4-я русская армия Эверта обеспечивала левый фланг всего Северо-западного фронта.

В Галиции—русские 3-я, 8-я и 11-я армии, всего *29 пех. дивизий,* успешно отразив третье по счету наступление австрийцев, *всего 31 пех. дивизии,* на всем фронте от перевала Ужок до района Лиманов—Тымберк, закрепляли свои новые позиции по рр. Дунаец и Бяла и далее по линии от Грибова на Горлицу—Дуклу—Лиско. 11-я армия, продолжая блокировать Перемышль, 2 полевыми корпусами обеспечивала восточно карпатские проходы. В общем на русском фронте в этот момент стояло *99 пех. дивизий* и кроме того в тылу в распоряжении верховного главнокомандующего находились 2 корпуса—Гвардейский и IV Сибирский, *всего 4½ пех. дивизии. Против* 103½ *русских* дивизий имелось 41 германская и 42 австрийских, *всего 83 пех. дивизии.* Однако русские армии после первых 5 месяцев борьбы были весьма ослаблены. Некомплект армий достигал полумиллиона людей. Особенно был велик некомплект офицеров. Во многих частях пехоты оставалось не более 30% штатного состава; число кадровых офицеров измерялось единицами. Унтерофицеры в некоторых частях почти полностью были выведены из строя. Кроме боевых потерь и потерь больными и большим числом пленных, число штыков в пехотных полках заметно таяло вследствие постепенного насыщения частей новыми техническими средствами, обслуживание которых требовало большого расхода людей за счет строевых рот. Настроение солдатской массы в пехоте было понижено рядом первых неудач и непопулярностью войны. Стало быстро расти дезертирство и заметно увеличилось число случаев «самострелов», т. е. умышленного самоaранения. Уже в конце 1914 г. пришлось ввести суровые наказания за причинение себе лично или с помощью другого лица увечий с целью уклониться от военной службы.

Еще более тревоги должно было возбудить материальное обеспечение русской армии к началу 1915 г. Ощущался острый недостаток винтовок. Бывали случаи, что прибывавшие на фронт пополнения оставались при обозах вследствие невозможности поставить их в ряды за отсутствием винтовок. Чтобы обеспечить винтовками безоружных, прибывавших из запасных частей, в пехотных полках на фронте устанавливалось денежное вознаграждение за каждую вынесенную из боя излишнюю винтовку; также и на перевязочных пунктах предоставлялись льготы тем раненым, которые представляли свои винтовки. Обучение переменного состава в запасных батальонах страдало от того же недостатка винтовок, вследствие чего в ротах винтовки для занятий давались людям поочередно.

Не лучше обстояло дело с артиллерийскими снарядами. Опыт первых месяцев войны указал, что необходимо иметь до 300 выстрелов в месяц на лег-

кую пушку. Этот расчет, за некоторым округлением, требовал по 1 местному парку [1] на корпус нормального состава или ежемесячно 50 парков на всю действующую на европейском театре войны армию в 100 пех. дивизий. В действительности можно было ожидать на пополнение расхода пушечных патронов не свыше 12 парков в месяц, что составляло менее 25% нормальной потребности в них. Для доведения до нормы *только подвижных артиллерийских запасов* нехватало свыше 200 000 пушечных патронов. Еще в худшем положении находилось пополнение снарядов тяжелой артиллерии. Таково было в основных чертах состояние русской армии к началу 1915 г.; в технических подробностях, которые здесь опускаются, это состояние было еще печальнее.

Но, несмотря на это, в середине января в штабе верховного был разработан генерал-квартирмейстером ген. Даниловым *план операций на 1915 г.* По этому плану признавалось необходимым вести главный удар на Берлин. «Углубившись в Австро-Венгрию, мы оказывались бы бессильными остановить удар германцев, направленный на нашу собственную страну. Между тем организация такого удара, после ослабления предшествовавшими боями англо-французских войск являлась для германского главнокомандования легко достижимой ценою простого отказа от наступательных действий на Западе и переброски достаточных для сего сил с фразнцузского фронта на нашу границу» [2]. В заключительной части этого плана предлагается окончательному решению верховного главкома вопрос, считается ли попрежнему главной целью борьбы русских сил нанесение решительного удара по Германии и, в утвердительном случае, не следует ли ближайшей задачей на пути выполнения этой цели считать овладение Восточной Пруссией.

Верховный предварительно запросил по этому вопросу мнение главкома Северо-западным фронтом, Рузского, который одобрил руководящую мысль плана Данилова о нанесении главного удара по Германии и признал желательным немедленно *начать наступление в Восточную Пруссию с фронта Остроленка Пултуск на Ортельсбургтсольбау, для чего образовать новую, 12-ю армию.*

Принятый план главного удара на Берлин через Восточную Пруссию естественно ставил операцию Юго-западного фронта в подчиненное от этой идеи положение. Но верховное главнокомандование не обладало ни нужным авторитетом, ни должной настойчивостью, чтобы заставить главнокомандующего этим фронтом Иванова отказаться от самостоятельного плана операций.

Иванов не имел своей собственной стратегической концепции, но его начальник штаба ген. Алексеев давно тяготел к мысли о разгроме австро-венгерских армий, в результате чего ему рисовалось распадение лоскутной монархии и заключение с нею сепаратного мира. Для достижения этой цели могло быть выбрано одно из трех направлений: 1) по левому берегу Вислы — бить в стык между германцами и австрийцами; 2) вторгнуться через Карпаты в Венгрию; 3) охватить правый фланг австрийцев — через Буковину в Венгрию. Алексеев, как всегда, колебался и в зависимости от момента склонялся то к одному, то к другому направлению. В начале января 1915 г. он стоял за первое направление. Но более устойчивый, хотя и ограниченный, Иванов понимал, что его армии к данному моменту уже нацелились на Карпаты, и потому нужно их форсировать. Иванов живо ухватился за эту идею и затем упрямо

---

[1] Каждый местный парк содержал 29 072 пушечных и 14 100 000 ружейных патронов.

[2] Ген. Ю. Н. Данилов, Россия в мировой войне, 1924, Берлин, стр. 282.

стал ее отстаивать. 5 февраля Иванов прибыл в Ставку и лично доложил верховному, что тяжелое положение армий Юго-западного фронта, создавшееся в Карпатах ввиду зимнего времени и отсутствия помещений, вынуждает поскорее сбросить австрийцев с гор и спуститься в Венгрию.

Верховный легко уступил этим настояниям, и *рядом с планом наступления в Восточную Пруссию созрел параллельный план вторжения в Венгрию.*

Людендорф в своих воспоминаниях говорит о «гигантском» плане русского верховного главнокомандования, который будто бы намечался зимой 1914/15 гг. и заключался в одновременном охвате австро-германцев в Восточной Пруссии и на Карпатах. Такого единого плана не существовало, и состояние русских армий не позволяло задаваться такими трудными целями. В действительности, в связи со скудоумием русского верховного главнокомандования возникли два плана операций, один выработанный Даниловым, другой—Алексеевым, и оба были пущены в действие. Очевидно они были уже при самом возникновении обречены на неудачу, так как ими *предрешалось не сосредоточение главных усилий в одном направлении, а распыление их по расходящимся операционным линиям—в Восточную Пруссию и в Венгрию.*

Переходя к *австро-германскому плану*, напомним об упомянутом раньше решении германского главнокомандования избрать на ближайший период главным фронтом Русский театр, и хотя Фалькенгайн не сочувствовал этому взгляду, но вынужден был под давлением ряда политических факторов присоединиться к такому решению. В период временного затишья на рубеже 1914 и 1915 гг. германское военное министерство энергично принялось за создание новых формирований и увеличение существующих войск, перейдя от 4-полковых к 3-полковым дивизиям и использовав четвертые полки для образования крепких кадров во вновь формируемых дивизиях. Был сформирован стратегический резерв из 4 корпусов, из коих 3 были новых, а четвертый—свежий корпус с запада, замененный там также вновь сформированным.

Еще в декабре 1914 г. Конрад фон-Гетцендорф предложил германскому главнокомандованию план концентрического наступления на Седлец с севера и с юга для окружения русских армий в Польше. Сначала этот план был забракован германцами, но в январе Конрад вновь повторяет свое предложение удара на восток, уже в направлении с юго-запада на Львов. Этот план Конрада нашел поддержку у Гинденбурга, который указывал, что удар со стороны Галиции необходимо увязать с решительным ударом в Восточной Пруссии. На этот раз, под угрозой окончательной утери союзника, нельзя было отказать австрийцам в поддержке.

«Относительно состояния союзных войск, — пишет Фалькенгайн [1], —возникли серьезные сомнения, насколько их фронт вообще может быть прочен без сильной немецкой поддержки... Надо было переходить к немедленной и непосредственной поддержке Карпатского фронта... Вот почему с болью в сердце начальник Генерального штаба должен был решиться на использование на востоке молодых корпусов — единственного к этому моменту общего резерва... Такое решение знаменовало собою о т к а з, и притом уже на долгое время, о т в с я к и х а к т и в н ы х п р е д п р и я т и й к р у п н о г о р а з м а х а н а з а п а д е» (разрядка редакции).

Это решение оправдывалось одним лишь, но весьма серьезным доводом— что иначе Австро-Венгрия в короткий срок рухнет, придавленная гнетом войны. Таким образом к середине января окончательно созрел план операций Центрального союза на 1915 г.: *оборона на Французском фронте и перенос направ-*

[1] Ф а л ь к е н г а й н, цит. соч., стр. 52.

ления главного удара по России, для чего намечен был и переезд верховного германского командования на восток—в Силезию, в замок Плесс.

Гинденбургу были предоставлены упомянутые 4 корпуса резерва для наступления из Восточной Пруссии. Эти корпуса составили 10-ю армию под начальством Эйхгорна. А для поддержки австрийского наступления в Карпатах была образована из 3 германских и нескольких австрийских дивизий «Южная армия» Линзингена для наступления на направлении Мункач—Стрый. Одновременно и австрийское главнокомандование решило сосредоточить главные усилия на кратчайшем направлении, ведущем со стороны Карпат к Перемышлю—через Санок и Самбор, для освобождения этой крепости от блокады. Для достижения этой задачи австрийцы перебросили на Карпаты войска даже с Сербского театра, где незадолго перед тем армия Потиорека была разгромлена сербскими войсками.

В итоге германское главнокомандование, осведомленное о «гигантском» плане русских, решило их предупредить и, воспользовавшись преимуществами в быстроте перегруппировки, ответило широко задуманным контрударом, имевшим целью глубокий охват русского фронта с обоих флангов: с севера—в направлении Осовец—Гродно, или даже Гродно—Лида, и с юга—от Карпат на участок Перемышль—Львов. Германцы предупредили русских и захватили инициативу в свои руки.

Русское главнокомандование вскоре обнаружило этот контрманевр противников и откровенно признaлось в своей несостоятельности. *В директиве* верховного *от 23 февраля* было сказано:

«К сожалению мы в настоящее время ни по средствам, ни по состоянию наших армий, не можем предпринять решительного общего контрманевра, которым мы могли бы вырвать инициативу из рук противника и нанести ему поражение в одном из наиболее выгодных для нас направлений. Единственным способом действий, подсказываемым обстановкой, является ослабление до крайнего предела войск левого берега р. Вислы, с целью частыми контрманеврами на правом берегу Вислы и в Карпатах, по выбору главнокомандующих фронтами, остановить попытки противника в развитии им наступательных действий и нанести ему хотя бы частичные поражения».

Эта директива весьма характерна для главного командования русских. Казалось бы, ограничиваясь частными задачами, Ставка трезво учла силы и средства, которыми она располагала. Предпринимать на 1915 г. операции для осуществления широкого наступательного плана с численно ослабленной и материально необеспеченной армией было бы переходящим в преступление легкомыслием. Подобного рода авантюра конечно заранее была обречена на неудачу, и вполне понятно стремление по возможности выиграть время для накопления необходимых сил и средств. Но, правильно оценив обстановку, Ставка не нашла в себе ни мужества, ни авторитета провести соответствующее ей решение в жизнь; она не отменила наступления ни в Восточной Пруссии, ни в Карпатах. Она попросту расписалась черным по белому в своей несостоятельности и переложила ответственность на фронты. Таким образом она уже в феврале 1915 г. подготовила катастрофу, которая, разразившись спустя 2 месяца, в конечном итоге погубила к осени 1915 г. все дело войны для старой России.

Таким образом обе враждующие стороны наметили свои операции в Восточной Пруссии и на Карпатах, где таковые и разыгрались в феврале и в марте месяцах.

ЗИМНИЕ ОПЕРАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ И В КАРПАТАХ

Схема 23Б

Свою операцию в Восточной Пруссии *русское командование* намеревалось произвести в виде решительного удара с фронта Остроленка—Пултуск на фронт Ортельсбург—Сольдау 12-й армией при обеспечении левого фланга крепостью Новогеоргиевском и массовой кавалерии и правого—действиями 10-й армии. Для этой цели здесь сосредоточивалось около 12 пех. и 8 кав. дивизий. Нанесению удара 12-й армией должно было также содействовать наступление на левом берегу Вислы 1-й, 2-й и 5-й армий.

Знаменательна цель, поставленная операции целого фронта, как характеризующая стратегическое мышление части русского Генерального штаба того времени. Здесь не был затронут вопрос ни о разгроме живой силы противника, ни даже о занятии более выгодного стратегического положения, о чем говорилось раньше. Цель была более узкая и для операции фронта, включавшего большую часть вооруженных сил, оригинальная. Она заключалась в желании вызвать перегруппировку германских сил в Восточной Пруссии, обнаружить те районы, в которых противник будет ослаблен, и там впоследствии развить свой удар [1]. Цель мелкая, демонстративная и совершенно не соответствовавшая положению русской армии, которая при бедности в рельсовых путях не имела возможности использовать германскую перегруппировку, чтобы самой быстро сосредоточить кулак в требуемом направлении.

Совершенно иное мы видим в этом отношении *у германцев*, и прав Людендорф, говоря, что полководец должен, задумывая операцию, широко смотреть вперед и в характере и в выполнении ее иметь уже залог дальнейшего развития ее последствий.

Гинденбург, получив 4 свежих корпуса, решил использовать их совместно с австровенгерской армией для нанесения России нового сокрушительного удара, который должен был закончить войну, выведя Россию из строя уже в 1915 г. На долю германских генералов выпадало разгромить русских в Восточной Пруссии, направив удар на Лиду—Гродно, а на долю пылкого австрийского начальника штаба Конрада фон-Гетцендорфа—разгромить русских в Галиции, направив удар на Тарнополь—Львов.

Широкий шлиффеновский охват всех русских армий от *Балтийского моря и с Карпат* должен был в Восточной Пруссии вылиться в двойной схват 10-й (Неманской) русской армии, которая имела открытый правый фланг и слабо обеспеченный, ввиду несосредоточения еще 12-й армии, левый фланг. Но маневр двойного охвата, как уже показал широкий опыт 1914 г., может рассчитывать на успех только при неожиданности. Поэтому Гинденбург для достижения неожиданности жертвует сосредоточением всех назначенных для удара сил. Он как бы предугадывает позднюю готовность 12-й русской армии и начинает операцию тотчас же по прибытии к нему первых 4 корпусов подкрепления.

Идея всего маневра сводилась к сосредоточению новой 10-й германской армии из 3 корпусов и 1 кав. дивизии между Тильзитом и Инстербургом под прикрытием лесных пространств в местности, не занятой русскими войсками, и в направлении ее в тыл русской 10-й армии на Владиславов—Кальварию и далее по обстоятельствам. Другой ударный кулак, силою в $1\frac{1}{2}$ корпуса и кавалерии, должен был сосредоточиться южнее озера Шпирдинг и наступать

---

[1] А. Незнамов, Стратегический очерк, ч. 3-я, стр. 59—60.

на Райгород—Августов, где предполагалось сомкнуть кольцо окружения с 10-й армией. Разжиженный фронт должен был наступать, связывая операции обоих флангов. Все основывалось на скрытности для русских сосредоточения и на неожиданности нападения, каковые и были достигнуты в полном размере.

Вслед за перевозкой 10-й армии Гинденбург начал перебрасывать сюда и корпуса с левого берега Вислы, предназначавшиеся как для усиления наревской группы Гальвица, так и для дальнейшего развития операции после ожидаемого пленения 10-й русской армии. До 20 февраля на фронт Ортельсбург—Нейденбург—Сольдау было перекинуто еще три корпуса, 1 кав. дивизия и еще, как выражается Людендорф, «много дивизий». После разгрома русских в Восточной Пруссии Гинденбург предполагал развить удар на фронт Осовец—Гродно с заслоном против Ковно.

АВГУСТОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ ГИНДЕНБУРГА

Схема 23Б

Когда 10-я русская армия, имея своей задачей «прикрытие центральной группы армий фронта и обеспечение связи ее с глубоким тылом страны», после ряда успешных для нее осенних боев подошла к линии Мазурских озер, она увидела перед собой запорошенные снегом высоты, оплетенные многими рядами проволоки. Неудачные попытки прорыва укрепленной линии озер были объяснены данными частного случая—русские не были знакомы со способами борьбы против сплошных укрепленных полос.

Сознав тщетность попыток прорваться открытой силой, армия приступила к постепенной атаке позиций противника. Слабая артиллерия, малая, из-за болотистости грунта, успешность сапных и минных работ приводили к тому, что войска, сидя в окопах, теряли веру в свои силы. Исключительное по силе освещение германцами по ночам впередилежащей местности прожекторами и светящимися ракетами свидетельствовало о полной бдительности врага; ежедневные вылеты самолетов противника, которые сбрасывали бомбы по тылам и корректировали огонь своих батарей, вызывали у русских солдат, при своем против них бессилии, чувство озлобления и недовольства против своих начальников, не предусмотревших нужных способов борьбы.

Окружавшая войска культурная обстановка Восточной Пруссии, прекрасные селения, дороги, культивируемые леса, распаханные под озимь поля—все это давало пищу солдатским разговорам о том, что «немцу незачем итти к нам—нищим, когда у него и своего добра много, а нам, в свою очередь, совсем не нужно проливать крови, чтобы отнять у них добро, нажитое трудом». При таких условиях боевое и моральное состояние войсковых частей, не знавших, за что они дерутся, конечно не могло быть на должной высоте, что в полной мере и сказалось в описываемой операции, когда наряду с самыми высокими проявлениями воинской доблести и самоотверженного героизма были весьма часты случаи крайней распущенности и безразличия ко всему окружающему, что имело место по весьма понятным причинам, особенно во второочередных частях, из которых армия состояла более чем наполовину.

К средине января эта 10-я русская армия под командой Сиверса была расположена следующим образом: 1) так называемая Вержболовская группа в составе III армейского корпуса с $2^1/_2$ кав. дивизиями на правом фланге армии от реки Неман до города Даркемен исключительно; 2) XX армейский корпус—от Даркемен до северной оконечности озера Даргайнер; 3) XXVI армейский корпус—действовал с востока против Летцена; 4) III Сибирский арм.

корпус—южнее Летцена и далее на юг по реке Писсе до государственной границы. На крайнем правом фланге у Таурогена на северный берег реки Неман был выдвинут отряд Апухтина силой в 1 бригаду.

По сведениям штаба 10-й армии против Вержболовской группы находилось около 2 дивизий пехоты с $1\frac{1}{2}$ дивизиями конницы; против XX армейского корпуса—$2\frac{1}{4}$ дивизии пехоты; против XXVI армейского корпуса—1 пех. дивизия в гарнизоне гор. Летцен и наконец против III Сибирского арм. корпуса—около $1\frac{1}{2}$ дивизий пехоты.

В общем против *11 пех. и кав. дивизий*, номинальной численностью в 170 000 чел. германцы имели около *7 пех. дивизий с более чем $1\frac{1}{2}$ дивизиями конницы*, т. е. 100 000 чел., не считая ландштурменных формирований Восточной Пруссии. Русские войска были вытянуты в одну линию на 170 *км* фронте, германцы находились на укрепленных позициях с флангами, которые были прикрыты обширными лесистыми пространствами.

Полная неосведомленность о том, что делается в тылу у германцев из-за того, что русская конница не могла проникнуть за фланги германского расположения, сильно развитая сеть железных дорог, обеспечивавшая тыл противника, растянутость и отсутствие резервов, связанные с полной потерей маневренной свободы,—сильно тревожили фронтовое командование. Фронт считал 10-ю армию достаточно сильной для выполнения самостоятельной ответственной операции и требовал активности. Командующий 10-й армией Сиверс понимал эту активность как требование прорыва германской укрепленной линии и в свою очередь отобрал у начальников дивизий подписки, что при том состоянии техники, в каком она находилась в армии, ни о каком прорыве не могло быть речи.

Принимая во внимание задачу армии, состоявшую в «прикрытии путей сообщения центральной группы армий фронта и обеспечение связи ее с глубоким тылом страны», нужно сказать, что пока фронт находился в выжидательном положении на правом берегу р. Вислы, выдвижение 10-й армии в глубь Восточной Пруссии являлось нецелесообразным. Исходя из этого, нужно признать, что 10-я армия выполняла свою задачу вполне успешно, но план действий фронта предусматривал одновременное комбинированное наступление 10-й и 12-й армий, а для этого последней необходимо было занять выгодное исходное положение. В связи с этим фронтом был выдвинут вопрос об очищении от противника лесистой полосы на левом фланге германского расположения, которая так связывала действия русской конницы Вержболовской группы. Эта так называемая Ласдененская операция, предпринятая недостаточными силами и не приведшая к успеху, совпала с обширной подготовкой к будущему наступлению 10-й германской армии. В этой операции русские имели все данные для раскрытия замысла германцев, но, увлеченные подготовкой к будущему совместному наступлению с 12-й армией и шаблонной схематизацией мер по обеспечению возможного отхода в случае неудачи, прозевали ряд признаков, обнаруживавших намерение врага.

Ласдененская операция, как начальный этап действий 10-й русской армии, в ее конечном результате имела решающее значение. Неэнергично поставленные расплывчатые задачи имели катастрофические последствия. Во всяком случае в самом течении этой операции были несомненные признаки серьезной угрозы правому флангу 10-й русской армии со стороны закончивших свое развертывание XXXVIII,XXXIX и XXI корпусов 10-й германской армии, сосредоточившейся в этот период в районе к северо-востоку от Инстербурга, левым своим флангом на р. Неман у Ласденена.

Закончив свое развертывание, 10-я германская армия 8 февраля перешла в наступление в охват III армейского корпуса, т. е. правого фланга 10-й русской армии, а днем раньше, 7 февраля против левого фланга русских, где находился III Сибирский арм. корпус—перешла в наступление группа 8-й германской армии в составе XL резервного и всего I армейского корпуса с кав. бригадой. Русскому командованию лишь 10 февраля стали ясны намерения германцев, когда III армейский корпус (Вержболовская группа) своим поспешным отходом в направлении на Ковну и Олиту обнажил правый фланг XX армейского корпуса.

Продвижение корпусов 10-й германской армии в охват русского правого фланга происходило совершенно беспрепятственно, и к 10 февраля германцы вышли головами своих колонн на линию: Мариамполь, Людвинов, Кальвария, Любов, Вижайны, оз. Выштынец, в то время как фронт XX и XXVI русских корпусов, начавших свой отход, протянулся от Выштынецкого озера на юг через Маркграбово до Гонскена, т. е. бывшие на левом фланге немцев XXI и XXXIX германские корпуса уже обошли правый фланг 10-й русской армии. Такое угрожающее положение на правом фланге принудило русское командование начать решительное отступление с задачей первоначально удержаться на линии Мариамполь—Лык: 11 февраля армии была указана линия Ковно—Лык, а 13 февраля, по мере получаемых сведений о продвижении противника, было приказано занять линию Ковно—Олита—Сопоцкин—Липск—Осовец.

Наступление в направлении на Райгород частей 8-й германской армии встретило упорное сопротивление частей III Сибирского арм. корпуса, подкрепленных частями XXVI армейского корпуса как в районе Лыка, так и в районе Райгорода. Опасаясь возможного прорыва южной германской группы вдоль реки Бобр в направлении на Липск, в каковом случае 10-й русская армия, будучи отрезанной от своих путей отхода на Гродно, открывала тыл и сообщения основной группировки на западном берегу р. Вислы, Сиверс в поддержку III Сибирскому арм. корпусу направил подкрепления из состава XXVI и XX армейских корпусов, образуя импровизированные отряды, которые под умелым руководством корпусного командования III Сибирского арм. корпуса настолько успешно справились со своей задачей, что у Сиверса явилась мысль перейти здесь на левом фланге своей армии в общее контрнаступление. Но к 15 февраля от этой мысли пришлось отказаться, так как части северной группы 10-й германской армии уже вышли на линию Копциово—Сопоцкин—Гибы—Махарце, т. е. фактически отрезали русским все пути на восток, пролегавшие севернее Липска.

К 15 же февраля XX армейский корпус был в пути на Липск, следуя туда через Махарце, так как не получил своевременно, за потерей связи, просимого разрешения отходить вслед за XXVI армейским корпусом на Гродно через Августов; XXVI армейский корпус в это время был в районе Августова. Только III Сибирский арм. корпус совместно с приданными ему на усиление частями вел успешные бои к западу от Августова, имея в виду дальнейший отход на Штабин. Следствием такого положения было то, что XXVI армейский корпус был принужден искать путей отхода между Липском и Августовским каналом, восточнее которого отходил III Сибирский арм. корпус. К 26 февраля оба эти корпуса вышли на р. Бобр, перешли ее и заняли фронт от Липска до Августовского канала на южном берегу реки.

XX арм. корпус, будучи предоставлен своим собственным силам, ослабленный выделением своих частей в помощь III Сибирскому арм. корпусу, был окружен германцами к северо-западу от Липска в районе Богатыри—Волкуш,

где после короткой героической борьбы принужден был 21 февраля положить оружие. Этим и ограничился успех Гинденбурга в Восточной Пруссии, так как 10-я русская армия, хотя и понесшая большие потери и измученная длинным и быстрым отходом в тяжелых условиях, в общем сохранилась, выйдя на линию реки Бобр. Подкрепленная XV и II армейскими корпусами, она 21 февраля, с целью выручить из окружения XX армейский корпус, перешла в контрнаступление, нанося свой главный удар в направлении от Гродны на Липск. Это наступление, спешно организованное, в общем было неудачно.

Еще 20 февраля в штаб 10-й армии поступили сведения, что в районе Симно—Красна сосредоточиваются большие силы германцев и что в направлении на Мариамполь и Кальварию ими выдвинуты силы не менее 2 корпусов. На основании этих сведений 10-я армия получила задачу удержать район Гродно, Штабин, Соколка для прикрытия северного фланга и сообщений остальных армий Северо-западного фронта и «при малейшей возможности», в видах более надежного достижения той же цели, занять Сопоцкинские высоты; 12-го же армии было указано—впредь до окончания своего сосредоточения удерживать за собой течение реки Нарев. Сведения о наступлении на Мариамполь и Кальварию 2 германских корпусов в конечном счете оказались ложными, однако и возможность приступить к немедленной операции по занятию Сопоцкинских высот из-за предыдущих неудач и понесенных потерь была поставлена под сомнение, с чем согласилось и фронтовое командование. 10-я армия осталась в занятом ею положении, приводя себя в порядок для намечаемого в дальнейшем совместного наступления с 12-й и 1-й армиями, которое в результате вывело 10-ю армию к 9 марта в район Серее—Лоздзее—Сейны—Тартак—озера, что южнее Августова.

Однако гибель русского XX корпуса не повлекла за собой дальнейшего развития маневра 8-й и 10-й германских армий. Переброшенный распоряжением Ставки из Гомеля XV корпус занял основную линию фортов Гродно. Это обстоятельство, а также удержание позиций на верхнем Бобре XXVI и III Сибирским корпусами остановили германцев. Не удалась им также и попытка овладеть крепостцой Осовец. Ее оборона, руководимая энергичным комендантом ген. Бржозовским и поддержанная действиями соседних полевых войск, стойко выдержала германские атаки [1]. В первых числах марта германцы стали отходить перед фронтом 10-й русской армии, прикрываясь арьергардами, в северо-западном направлении на укрепляемую ими позицию Августов—Сейны—Кальвария. Причина отступления заключалась в крайнем истощении германских сил к концу операции, выполнявшейся в самых тяжелых условиях местности и погоды.

Подводя итоги описанной операции, прежде всего можно с несомненностью установить, что обе стороны задались непосильными для них задачами. Если русские замыслы могли возникнуть под давлением Антанты, то у германцев это было насущной потребностью расширить кольцо блокады, всемерно улучшить политическую обстановку и экономическое положение, что особенно важно было для Германии—гегемона центральных держав. Людендорф поставил себе целью разгром 10-й русской армии и форсирование р. Бобр на участке, примерно, Гродно—Белосток. Эта цель превышала имеющиеся средства. Несмотря на благоприятный для германцев ход событий, русский XX армейский корпус, окруженный в Августовских лесах, заставил германцев потерять около

---

[1] Германская попытка овладеть Осовцом ограничилась мало действительной бомбардировкой крепости и нерешительным столкновением с русской гвардией, наступавшей от Ломжи для прикрытия развертывания 12-й армии.

10 суток. Русские использовали это время для сосредоточения достаточных подкреплений. Начатая в начале марта операция 12-й русской армии стала складываться для германцев неудачно и поглотила все их подкрепления в силу чего пришлось отказаться от первоначально поставленной цели и отойти на линию Августов—Сувалки.

Русские, в своих оперативных предположениях правильно поставив себе при намечаемом ударе на Берлин первоначальную цель—овладение Восточной Пруссией, но находясь в трудных условиях в смысле состояния материальной обеспеченности, не учли своей неготовности к операции крупного масштаба.

Все же нужно сказать, что в плане германцев сказывается некоторая теоретичность. Безусловно шлиффеновская рецептура здесь сыграла свою роль, тут были шлиффеновские клещи только в их внешности, так как сил для зажима было недостаточно. Идея, воспринятая в своей внешности, не принесла германцам ожидаемых результатов, равно как не дала результатов та же идея, приведшая к Марнской развязке в 1914 г.

Какие же окончательные результаты осуществила эта операция для обеих сторон? Для германцев—надежда на осуществление широко поставленных целей отодвинулась на неопределенное время. Для русских—в результате неудач был срыв их оперативных предположений, самое начало выполнения которых было скомпрометировано. Больше всего, надо полагать, выиграла Антанта в лице Франции и Англии тем, что единственные резервы, бывшие внутри Германии к 1915 г., были прикреплены к русскому фронту и возможность переброски германских войск с востока на французский фронт на ближайшее будущее отпала.

ПРАСНЫШСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1-й и 12-й АРМИЙ

Схема 23В

В период отступления 10-й русской армии на фронт Гродно—Осовец, согласно плана ген. Рузского, выполнялось развертывание 2 других его армий: 12-й армии—на линии нижнего Бобра и Нарева до р. Оржиц и 1-й армии, снятой с левого берега Вислы,—на линии Прасныш—Цеханов—Плоцк. Всего 12 корпусов: 3 корпуса—на Млавском направлении, 2 корпуса—в районе Рожаны—Остроленка—Ломжа и 7 корпусов—в районе Гродно—Соколка—Августов.

На всем этом фронте германцы с середины февраля усиливались и проявляли большую активность с целью прорыва русского расположения и захвата Варшавы с востока. Против русских 12-й и 1-й армий на нижнем Нареве действовала германская армейская группа Гальвица. 24 февраля 2 германских корпуса овладели Праснышем, но через 3 дня контрударом сибиряков они вынуждены были бросить этот пункт и спешно отступить к северу, оставив до десятка тысяч пленных.

2 марта, по окончании упомянутого развертывания, русские 10-я, 12-я и 1-я армии начали общее наступление с целью оттеснить германцев с линии Бобра и Нарева в пределы Восточной Пруссии. Весь март месяц прошел в упорных боях в районе между линией среднего Немана, Бобра и Нарева и восточнопрусской границей. В середине марта в районе Прасныша войска 1-й русской армии вторично нанесли германцам чувствительный удар со стороны Еднорожца, после чего те стали отходить к границе. Ввиду переброски германских войск на Карпатский фронт для поддержки австрийцев, а также вследствие необходимости пополнить германские армии на Западном фронте, Гинденбургу было указано не давать своей операции большого размаха, и к концу марта

германцы перешли к обороне на всем восточнопрусском фронте. На фронте от северной оконечности Восточной Пруссии и до р. Пилицы на левом берегу Вислы у них было всего 41 пех. дивизия против 57 русских дивизий, помимо огромного превосходства русских в кавалерии. Переход германцев к обороне совпал и с намерением русского главнокомандования перенести центр дальнейших операций в Карпаты.

26 марта Рузский по болезни был уволен и замещен генералом Алексеевым. Это назначение подсказывалось несочувствием Алексеева к наступательным операциям для овладения Восточной Пруссией. Алексееву ставилось в обязанность отныне практически осуществить свои взгляды и перейти на Северо-западном фронте к оборонительным действиям. К началу апреля обе стороны на означенном фронте приостановили маневренные операции.

В результате зимней операции в Восточной Пруссии обе стороны не могли считать себя удовлетворенными. Германцы не смогли развить крупный тактический успех в операцию глубокого обхода правого фланга русских. Русские понесли чувствительные потери людьми и материальной частью. Они в третий раз были вытеснены из Восточной Пруссии и на этот раз уже окончательно. Идея упрочения правого фланга русского фронта путем овладения этой областью и выдвижения к нижней Висле была полностью сорвана, и, как будет видно дальше, Восточная Пруссия послужила исходной базой для глубокого охвата русских армий в Польше летом 1915 г. Если Гинденбург вынужден был теперь же, весной, отказаться от осуществления задуманного плана обхода правого русского крыла и отрыва его от внутренних областей государства, то во всяком случае зимняя операция подготовила почву для повторения новой попытки с тем же замыслом летом, после того как русским нанесен был удар в Галиции. Зимняя операция германцев задержала вместе с тем подготовку и приступ к операции в Карпатах против австрийцев, так как несколько корпусов (гвардия, XV и III Кавказский), предназначавшиеся на Юго-западный фронт, были брошены на Северо-западный фронт.

Но больше всех оказались в выигрыше французы и англичане, так как отвлечение на Восточный фронт 4 германских корпусов явилось крайне благоприятным фактором для Антанты. Подготовлявшийся против нее удар был отведен на русскую сторону. Англичане получили время для работ по дальнейшему развитию своих вооруженных сил, а французы могли заняться накоплением крупных артиллерийских запасов для будущих операций.

КАРПАТСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Схема 24

Янушкевич письмом от 19 марта уведомил обоих главнокомандующих фронтами, что «отныне верховный главнокомандующий имеет своей основной целью перейти всем Северо-западным фронтом к чисто оборонительного характера действиям, *а Юго-западному фронту предназначает главнейшую задачу будущей части кампании* [1]. Общая идея при этом та, чтобы действовать активно, нажимая с левого фланга Юго-западного фронта, продвигаясь в направлении примерно на Будапешт и далее в обход всей линии Краков—Познань Торн». Этим письмом подтверждалось коренное изменение русского плана операций в 1915 г. Как мы видели, оно было внушено верховному главкому ген. Ивановым, лично побывавшим в ставке 2 марта.

---

[1] Курсив редакции.

Но еще значительно раньше, с конца декабря 1914 г., главнокомандование Юго-западным фронтом самостоятельно приступило к подготовке операции прорыва через Карпаты для вторжения в Венгрию. Главная задача при этом возлагалась на 8-ю армию Брусилова, 4 корпуса которой, сосредоточившись на участке от Дуклинского прохода до Балигрода, должны были наступать на Гуменное в венгерскую равнину. Одновременно через Турку на Унгвар должен был двигаться 1 корпус с кав. дивизией для отвлечения на себя части австрийских сил, а западнее левый фланг соседней, 3-й армии ген. Радко-Дмитриева должен был содействовать армии Брусилова.

Но медленная подготовка этой операции не укрылась от внимания германцев, и их верховное командование решило притти на помощь австрийцам. Как выше было указано, была образована «Южная армия» Линзингена на Мункачском направлении с целью наступления на Стрый. Австрийцы так же подтягивали к Карпатам все свободные войска. В конце января австрийцы и германцы перешли в Карпатах в наступление, желая предупредить маневр русских. Начавшееся одновременно наступление армии Брусилова привело к ряду трудных лобовых атак на горных перевалах в зимнюю стужу и подвигалось вперед крайне медленно. По мысли верховного командования следовало начать нажим на австрийцев с левого фланга Юго-западного фронта, но именно на этом фланге положение русских было неустойчиво. На всем участке от Ужока до румынской границы находилось всего несколько дивизий, преимущественно второочередных, поддержанных конницей.

Только в первых числах февраля правое крыло 8-й армии овладело участком Карпат на линии Конечна—Свидник—Мезо—Лоборч—Балигрод; Юго-восточнее русским, имевшим против себя 13—15 австро-германских дивизий, приходилось держаться оборонительно; особенно настойчивы были германские атаки на Мункачском направлении в районе горы Казювки. В Буковине русские вынуждены были отходить на Серет и далее к Днестру и Пруту.

Иванов обратился в Ставку с просьбой о подкреплении фронта свежими силами. Ему было отказано, вследствие неустойчивого, как известно уже, положения в этот момент на Северо-западном фронте. Тогда пришлось прибегнуть к перегруппировке войск за счет частей Юго-западного фронта с растянутого от р. Пилицы до Румынии участка этого фронта. С левого берега Вислы было переброшено на левый фланг Юго-западного фронта несколько корпусов, образовавших вновь 9-ю армию ген. Лечицкого, всего в составе $8^1/_2$ пех. и 5 кав. дивизий. Эта армия развернулась от Болехова до румынской границы, имея задачей атаку австро-германцев, наступавших от Мармарош—Сигета на Надворную. Переброска 9-й армии закончилась к концу февраля.

Весь март месяц прошел в непрерывных боях на левом фланге русской 3-й армии и на всем фронте 8-й армии. Здесь, на кратчайшем направлении из Венгрии к Перемышлю, с целью его деблокады настойчиво наступали австро-германцы по пояс в снегу и неся ежедневно крупные потери. Наступление 9-й армии Лечицкого задерживалось по причинам организационно-хозяйственного характера.

22 *марта* после 6-месячной блокады *пал Перемышль*. За 3 дня до сдачи гарнизоном его была предпринята решительная вылазка, войска были снабжены довольствием на несколько дней, что свидетельствовало о намерении их пробиться к своим. Вылазка была отражена блокадными войсками русской 11-й армии. Всего сдалось 9 генералов, 2 500 офицеров и 120 000 солдат, взято свыше 900 орудий. *Это был последний русский успех в 1915 г.* Падение

Перемышля освободило 11-ю армию для участия в походе через Карпаты; ее корпуса, по одному, были поделены между 3-й и 8-й армиями. Иванов отдал директиву, согласно которой обе названные армии, прорвав центр австро-германцев на фронте Уйгель—Чап, должны были выйти на Сатмар—Немети—Хуст, т. е. во фланг и тыл войскам, действовавшим против 9-й русской армии.

Австрийцы, разгадав замысел русских, обратились за поддержкой к германцам, и в конце марта был сформирован германский «Бескидский корпус» ген. Марвица в составе 3 дивизий. Он был направлен к Мезо—Лоборчу. После длительных боев на главном Бескидском хребте, к середине апреля корпусам 8-й и 3-й русских армий удалось овладеть главным гребнем этого хребта, но до выхода в венгерскую равнину было еще далеко. Громадные потери и утомление русских войск, которым приходилось, кроме боев с искусным противником, преодолевать непривычные для них свойства горного Карпатского театра в зимнее время, при туманах и морозах на вершинах и распутице в долинах,— задерживали развитие наступления. К этим невзгодам нужно добавить все более возраставший недостаток артиллерийских припасов; при войсках оставалось на орудие не свыше 200 выстрелов, и улучшения в этой отрасли снабжения можно было ожидать не ранее поздней осени 1915 г. С таким ничтожным количеством боевых припасов бесполезно было вести операцию для выхода в венгерскую равнину. По признанию Брусилова он не стал ввиду такого положения добиваться дальнейших успехов, наблюдая лишь за тем, чтобы держаться на занятых местах с возможно меньшими потерями [1].

Однако теперь Ставка уже сама торопила Иванова с продолжением «незаконченной операции», чтобы скорее выйти в Венгрию, так как *положение русских войск 3-й и 8-й армий, глубоко втянувшихся в Карпаты,* становилось *рискованным.* 6 апреля Иванов отдал директиву армиям, в которой указывалось, что *ближайшими их задачами являются переход через Карпатские горы и очищение Заднестровья от противника:* «Идея нашей операции в настоящее время состоит в том, чтобы, удерживаясь на наших флангах, выйти остальными войсками на линию Зборо—Варанно—Чап—Хальми и этим заставить противника очистить Заднестровье, ибо с выходом к Хусту прерывается лучшее железнодорожное сообщение Заднестровья с внутренними областями Австро-Венгрии...» Через несколько дней, когда русское наступление в Карпатах наткнулось на упорное сопротивление и германцы даже стали сами теснить XXII корпус армии Брусилова на направлении Мункач—Стрый, Иванов приказал 11 апреля 3-й и 8-й армиям перейти к обороне. К середине апреля стало очевидным, что *Карпатская операция захлебнулась* и что задача вторжения в Венгрию должна быть признана неосуществившейся. На Юго-западном фронте получался ряд тревожных сведений о подготовке австро-германцами крупного удара в районе Краков—Н. Сандец.

В конечном итоге Карпатская операция русских армий оказалась мертворожденной, ослабившей весь русский фронт и не приведшей к какому-либо оперативному успеху. Самый генезис операции был уродлив. Он возник в штабе фронта, был навязан верховному командованию, которое не находило нужным обеспечить всеми средствами выполнения задуманную Ивановым операцию. В процессе ее развития не раз менялось направление главного удара; уже после начала маневра производилась перегруппировка сил, и австро-германцам предоставлялась возможность легко парировать этот удар.

---

[1] А. Брусилов, Мои воспоминания, 1929, стр. 119—120.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР

Схема 25

На Западном фронте последним днем сражения у Ипра 23 ноября 1914 г. закончилась маневренная война, и германцы вследствие необходимости начать переброску войск на Восточный фронт (Лодзинско-Краковская операция) прекратили свои попытки прорыва в указанном районе. Англичане первые, в лице лорда Китченера, признали невозможность успешного продолжения активных действий против германцев на Западном фронте *до значительного увеличения артиллерийских средств борьбы.* Это решение совпало по времени как-раз с их намерением предпринять Дарданельскую экспедицию [1].

Это мнение Китченера однако не разделялось Жоффром, который считал необходимым воспользоваться немедленно ослаблением Западного германского фронта в связи с начавшейся переброской германских войск (из их 6-й армии) на Восточный фронт. Положение со снарядами у англичан действительно было тревожное, как свидетельствует третий том их официальной истории войны. Невзирая на американские заказы, только в апреле 1915 г. удалось давать *ежедневно* на театр войны во Франции *10—11 выстрелов на каждое полевое орудие.* Причина столь медленного производства объясняется организацией трэдюнионов, не допускавших в свой состав неквалифицированных рабочих. Плохо было в этот момент и с боевой подготовкой новых укомплектований.

Мнение Жоффра восторжествовало, и союзниками был предпринят в весенний период 1915 г. ряд частных переходов в наступление. В середине февраля французы атаковали позиции 3-й германской армии в Шампани и расположение 6-й армии севернее Арраса в районе высоты Лоретто. В первой половине марта англичане предприняли атаку юго-западнее Лилля. Это были бои у Нев-Шапель. С целью выравнять «мешок», в форме которого немецкое расположение вдавалось во французский фронт на правом берегу Мааса, юго-восточнее Вердена, французы с 5 по 14 апреля атаковали у С. Миель, на фронте 5-й германской армии. Во всех названных боях союзники одерживали местные успехи, не оправдывавшие потерь и все более убеждавшие германское командование в бессилии союзников предпринять в данный момент солидную наступательную операцию. При этом во всех весенних действиях ярко обозначилось качественное превосходство германских войск, особенно сравнительно с английскими. У Нев-Шапель командующий английской 1-й армией ген. Хейг двинул 48 батальонов британского индийского корпуса для прорыва расположения 3 германских батальонов. Пропорция обеих сторон определялась как 16 : 1; подготовка атаки англичанами была солидная, действовало 343 орудия, сзади была сосредоточена масса английской конницы для использования прорыва. Однако прорыв ограничился лишь овладением англичанами деревни Нев-Шапель с потерей 12 000 человек.

Вслед за этим боем армия Хейга стала готовить новый прорыв, но германцы предупредили контрударом 22 апреля по 2-й английской армии *северо-восточнее Ипра*, применив впервые знаменитую газовую атаку. Эта германская атака была одной из ряда демонстраций [2], предпринятых германским главно-

---

[1] History of the Great War. Military Operations. France and Belgium 1915. Winter 1914—1915, т. III 1927.

[2] Еще раз в руках главного германского командования оказалось грозное и могущественное средство борьбы, против которого войска Антанты первое время были совсем беззащитны. Но вместо того, чтобы, использовав в полной мере элемент внезапности, организовать с помощью его наступление для овладения побережьем в районе Булонь — Кале, германцы применяют новый способ борьбы для местных демонстративных целей и тем дают возможность противникам выработать меры противодействия ему.

командованием на разных участках обоих фронтов для отвлечения внимания от готовившегося главного удара в Галиции. Тактический успех германцев у Ипра был весьма значительный, но он не мог быть развит вследствие численной слабости 4-й германской армии.

Эти сражения на Западном фронте, не оказав каких-либо оперативных результатов, имели последствием выяснившееся бесспорно значение богатства артиллерийского снабжения на участке прорыва. Китченер прочно усвоил мысль, что успех прорыва заложен в обеспечении мощной работы крупной по калибру и по качествам артиллерии, и с этого момента английское военное ведомство стало напрягать все усилия к развитию своей военной промышленности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение операций на обоих европейских театрах войны в первые 4 месяца 1915 г. приводит к следующим выводам:

1. Под давлением необходимости спасти союзника и в поисках за скорейшим окончанием войны Германия перебрасывает свои главные усилия на восток, а на западе устанавливает на всем фронте солидный позиционный барьер. Эта перемена линии главных операций однако далеко не единодушно разделяется всем ее главным командованием и влечет разрозненность в выборе направлений на Русском театре. В январе стратегический резерв предоставляется Гинденбургу для глубокого охвата русского правого фланга, а с апреля ведется подготовка прорыва, связанного с попыткой охвата русского левого фланга, выдвинутого в Галицию: центр тяжести удара переносится с севера на юг. Возникает серьезное сомнение в правильности такого зигзагообразного пути германского творчества. Германское главнокомандование подарило Антанте целый год, который блестяще был использован французским и английским правительствами для обеспечения себе конечной победы.

2. На стороне русского главнокомандования нет вовсе какой-либо цельности стратегического замысла. Материальное состояние русских армий, удостоверенное к началу года такими авторитетными лицами, как главнокомандующие фронтами, диктует настоятельность крайне сдержанного образа действий по крайней мере до поздней весны 1915 г. Под углом этой необходимости замышляется операция для овладения Восточной Пруссией, как опорным районом для будущих операций на Берлин. Но рядом и будто совершенно независимо расцветает идея вторжения в Венгрию через Карпаты, очевидно требовавшая затраты крупных сил и материальных средств. Верховное командование поочередно одобряет оба плана и таким образом, вместо выполнения обязанности высшей инстанции регулировать и умерять центробежные стремления фронтов, само толкает их на расширение их частных задач.

Постепенно верховное командование заражается соблазнительностью похода на Венгрию, неосмотрительно растрачивает на него скудные средства, накопленные за зиму в виде образования стратегического резерва и некоторого числа артиллерийских запасов, и, в результате, к началу летних операций, когда надо было ожидать самого широкого развертывания последних, эти средства распыляются. К моменту Горлицкого прорыва почти не имеется свободных резервов (кроме 1 корпуса), и обнаруживается такая недостача снарядов, что сам главнокомандующий Юго-западным фронтом вынужден обратиться в артиллерийского раздатчика, лично ведающего назначением каждого артиллерийского парка.

3. Французский фронт Антанты охотно идет навстречу решению герман-

ского главнокомандования стабилизировать борьбу на этом фронте. С точки зрения интересов своего театра действий англо-французское командование поступало совершенно правильно на основании брошенного Китченером лозунга, что война только начинается в 1915 г. и рассчитанная отныне на изнурение война будет продолжаться не менее 3 лет. Но непонимание необходимости единства действий на Французском и Русском театрах повело в дальнейшем к коренному изменению всего хода борьбы. Русские армии приняли на себя всю тяжесть ее с самого начала 1915 г. и, как увидим дальше, до конца его. Прямым последствием событий летней кампании 1915 г. на Русском театре, при оправдавшейся уверенности германцев в пассивности англо-французов, явилась преждевременная утеря для Антанты в будущем русских сил из комплекса борьбы.

События весеннего периода кампании 1915 г. подчеркнули всю ошибочность сепаратного руководства коалиционными силами, благодаря которому германцы достигли самой полной свободы оперативных решений.

4. Операции весеннего периода логически предопределили дальнейшее развитие кампании 1915 г. Отказ англо-французов от решительных действий, окончательный уход русских из Восточной Пруссии, мертворожденная Карпатская затея Иванова—помогли германцам использовать Горлицкий прорыв Макензена для сокрушительного разгрома к осени 1915 г. всего русского фронта.

АЗИАТСКО-ТУРЕЦКИЙ ТЕАТР

Схема 26

В ноябре 1914 г., как было сказано, Турция выступила на стороне центральных держав, что вызвало военные действия на Кавказском фронте, на Черном море, в Сирии, Аравии, около Суэца, в Месопотамии, Дарданеллах и отчасти в Персии. Война с новым противником невольно отвлекала часть русских вооруженных сил с главного театра военных действий. С другой стороны она облегчала России получение при заключении мира завершивших ее экономические и национальные стремления, территориальных приобретений.

Это условие придавало второстепенному *Кавказскому театру* серьезное для русских захватов значение, которое увеличивалось борьбой с Германией за влияние в Персии, совокупностью в азиатских владениях Турции захватнических интересов русского империализма и его союзников и тесным здесь взаимодействием в операциях союзных армий. Война на азиатском театре велась обеими сторонами при особо невыгодных условиях путей подвоза: горная местность, бедность путей сообщения, особенно железных дорог, не доходивших на сотни километров до района операций. Отсюда выявлялось большое значение Черного моря.

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ТУРЕЦКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Схема 26А

Развертывание турецких вооруженных сил вылилось в следующую форму,

Турецкие сухопутные силы к моменту объявления войны состояли из 40 пех. действующих дивизий—«низама» и 57 резервных пех. дивизий—«редифа». Кроме того было и ополчение—«мустахфиз», служившее главным образом для пополнения убыли в действующей армии. Конницы было до 40 полков «низама» и 24 полка иррегулярных.

Дивизии сводились в корпуса, в большей части по 3. В состав пех. дивизий входили: а) 3 пех. полка 3-батальонного состава с пулеметной ротой (4 пулемета), б) 3 группы артиллерии, по 2 роты полевых и 1 роте горной (24 орудия), в) 1 эскадрон конницы, 1 рота сапер и 1 депо людского запаса. Качество вооружения полевых войск не уступало вооружению противника, но его было недостаточно. Несмотря на то, что подготовка офицерского состава турецкой армии в общем была низкой, а унтерофицеры были поголовно неграмотны, турецкая армия была превосходна в отношении дисциплинированности, храбрости и настойчивости, особенно во время обороны. Интендантская часть стояла на низкой ступени: солдат жил тем, что давал район, в котором он находился, питаясь рисом, разваренной кукурузой, черным хлебом и бобами, почти никогда не имея мяса. Номинально в военное время Турция могла выставить до 1 000 000 штыков и сабель.

1-я, 2-я и 5-я армии, всего 266 батальонов, были сосредоточены в районе Константинополя на обоих берегах проливов, между Адрианополем, Константинополем, Ерегли, Смирной и Дарданеллами.

3-я армия, 190 батальонов—против Кавказа и северной части Персии от берега Черного моря до Моссула, имея почти все свои силы на левом фланге против русского кавказского фронта.

Месопотамская армия, 24 батальона—между Багдадом и Персидским заливом. *Аравийская армия*, 34 батальона—по восточному берегу Красного моря, от Медины до Адена. *4-я армия*, 23 батальона—по берегу Средиземного моря, в Палестине и Сирии.

Таким образом 456 батальонов, из 537, было сосредоточено на севере у проливов и на Кавказе, причем по ходу войны Константинопольская группа представляла собою обширный резерв для всех фронтов. Однако почти полное отсутствие железных дорог далеко затруднительным быстрое перекидывание этого резерва с одного фронта на другой.

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ

ПЛАНЫ СТОРОН И ГРУППИРОВКА

Несмотря на то, что большая часть русских войск была взята из Кавказского военного округа на австро-германский фронт, русское командование решило вести против турок активные действия, полагая, что только наступление в пределы Турции может дать успех и надежно защитить Закавказье. Соответственно двум главным операционным направлениям (Карс—Эрзерум и Эривань—Алашкерт) Кавказская армия сосредоточилась в 2 группах. Большая часть сил (около 6 дивизий) сосредоточивались на Карском направлении, в районе Ольты—Сарыкамыш, а меньшая (около 2 дивизий, но с большим количеством конницы) на Эриванском направлении, в районе Игдыря. Кроме того небольшие отдельные отряды, состоявшие из пограничной стражи, казаков и ополченских дружин, группировались на флангах. На правом фланге они прикрывали удобные пути на Черноморском побережьи, к крепости Батум; а на левом должны были воспрепятствовать формированию курдских частей и противодействовать враждебному влиянию Германии и Турции в персидском Азербайджане. Наиболее сильна была русская кавказская армия конницей, а всего в ней имелось около 100 батальонов, 175 сотен и 300 орудий. Турки против русских имели 9 дивизий—около 83 батальонов, 35 эскадронов и 208 орудий, ближайшим резервом для которых служили 2 корпуса, около 54 батальонов, 10 эскадронов и 126 орудий; кроме того с объявлением мобилизации турки начали

формировать в пригораничной полосе курдскую иррегулярную конницу (бывшую Гамидиэ). Таким образом в начале войны силы были почти равны, но турки имели сильный резерв, которого у русских не было. Турки также решили действовать на русском фронте активно, нанося главный удар на Карском направлении и второстепенный на батумском.

ОТКРЫТИЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Схема 26В

Первоначальной задачей русской кавказской армии было поставлено следующее: Сарыкамышскому и Ольтинскому отрядам (главная группа)—наступать на Эрзерум; Эриванскому отряду—пройдя малодоступный с неразработанными перевалами пограничный хребет Агрыдаг, овладеть Баязетом, Алашкертом и Каракилисой; остальным отрядам—прикрывать границу. Наиболее уязвимыми местами русского фронта были черноморское побережье и азербайджанская граница, так как в прилежащих районах турками велась сильная агитация, выразившаяся между прочим в организации выступления аджарцев в Чорохском крае.

Военные операции на Кавказском фронте начались тотчас же по объявлении турками войны. Войска сарыкамышского отряда перешли в энергичное наступление и уже к 6 ноября овладели Кара-дербентским горным проходом, служащим для связи между эрзерумским и алашкертским направлениями и кепри-кейской позицией, находившейся почти на одинаковом расстоянии между русско-турецкой границей и Эрзерумом и лежащей в узле путей перед последним. Ольтинский отряд, обеспечивавший правый фланг сарыкамышского и прикрывавший пути к Карсу, в обход Сарыкамыша, продвинулся до Ида, отбросив наступавшую здесь турецкую дивизию. На эриванском направлении русские войска двумя колоннами форсировали хребет Агрыдаг и постепенно овладели Баязетом, Диадином, Алашкертом и Каракилисой, причем конница выдвинулась до Дутака, важного узла путей в долине р. Евфрата (Мурад Чая). Таким образом эриванский отряд прикрыл левый фланг и тыл сарыкамышского отряда, а также пригораничный район от вторжения курдов. В то же время небольшие русские отряды, двинутые из персидского Азербайджана, сбили турок в районе турецко-персидской границы.

Выдвинутое положение главных русских сил угрожало неготовому еще к обороне Эрзеруму, почему и вызвало со стороны турок принятие самых энергичных мер по сбору резервов, чтобы отбросить русских назад. В результате жестоких боев сарыкамышский отряд, выдвинувшийся так далеко вперед без достаточной подготовки и к тому начавший уже страдать от недостатков снабжения, отступил 13 ноября на линию Алакилиса—Ардос—Хоросан, обнаружив против себя сосредоточение превосходных сил турок, что вызвало и с русской стороны усиление войск на сарыкамышском направлении и преждевременное израсходование последнего армейского резерва. В это же время операции турок на приморском направлении, носившие вначале характер пограничных стычек, вскоре приняли угрожающее положение. Турки, подтянув к Хопе достаточные силы, 16 ноября вторглись в пределы Закавказья и, получив поддержку со стороны восставших аджарцев, напавших с тыла и флангов на немногочисленные русские войска, заняли Артвин, Борчху и почти вплотную подошли к р. Чороху, овладев таким образом всем прибрежным районом, составлявшим плацдарм крепости Батум. Такая непосредственная угроза Ба-

туму вынудила русское командование принять самые энергичные меры, и с конца ноября усилившийся и реорганизованный приморский отряд начал при содествии миноносцев вытеснять постепенно турок с указанного плацдарма, причем действия велись исключительно по побережью и носили характер стычек, имевших целью обеспечить Батум от внезапного нападения.

САРЫКАМЫШСКАЯ ОПЕРАЦИЯ.[1]

Схема 26В и 27

К декабрю наступило затишье в военных действиях на главном направлении, и русская кавказская армия занимала широкий фронт от Черного моря до Урмийского озера, протяжением свыше 350 *км* по прямой линии, причем только крайний правый фланг ее находился на русской территории, далее же линия фронта проходила по турецкой территории. Кроме того незначительные отряды находились в персидском Азербайджане, а также прикрывали русско-персидскую границу. Главные силы армии (сарыкамышский отряд) в составе I Кавказского и II Туркестанского корпусов с приданными частями, всего около 57 батальонов, 132 орудий и 37 сотен, занимал линию Маслагат—Хоросан—Делибаба, имея у Иды, для обеспечения своего правого фланга, отльтинский отряд в составе бригады пехоты с артиллерией и 6 сотен.

В это время в Эрзерум прибыл Энвер-паша, воспитанник германской военной академии, и решил устроить у Сарыкамыша шлиффенские Канны, повторив на Кавказе танненбергский разгром. Этому решению очень содействовало выдвинутое вперед положение почти $^2/_3$ русских сил между Сарыкамышем и Кеприкеем, наличие путей в обход правого фланга этой группы, выводящих к железной дороге Сарыкамыш—Карс, отсутствие у русских армейского резерва, занятие южной Аджарии с г. Артвином турками и переход на сторону турок некоторой части мусульман-аджарцев. Энвер-паша решил: 1) XI *корпусом* повести демонстративное наступление на сарыкамышскую группу русских *с фронта* с тем, чтобы при атаке его русскими уклониться на юг и увлечь за собой их главные силы. 2) Выдвинутыми из резерва IX и X *корпусами*, сбив ольтинский отряд, глубоко обойти *правый фланг* русских, IX *корпусом* занять Сарыкамыш, а X корпусом—перехватить к северу от него железную дорогу на Карс. 3) Переброшенными в Аджарию частями I *Константинопольского корпуса обеспечить всю операцию слева*, для чего необходимо было занять Ардаган.

При выполнении этого плана единственная дорога главных русских сил отрезывалась вышедшими им в тыл 2 корпусами, что вынуждало их спешно пробиваться в бездорожном районе на Кагызман и подвергало участи 2-й русской армии Самсонова. Разгром сарыкамышской группы вынуждал и эриванскую группу спешно уходить через снежные и еще недостаточно разработанные перевалы Агрыдага, и на всем Кавказе от русской армии остались бы только слабые отряды и немногочисленные гарнизоны Карса и других пунктов. Весь маневр турок был основан на быстроте и скрытности обхода и энергичных демонстративных действиях XI корпуса; IX и X корпуса были двинуты без продовольственных обозов в расчете на мусульманское население края, которое должно было доставлять им продовольствие.

Операция началась 21 декабря стремительным ударом по ольтинскому

---

[1] Ввиду важного стратегического значения сарыкамышской операции она излагается более подробно. *Ред.*

отряду, 23 декабря Ольты были заняты передовыми частями обходящей колонны; в тот же день была легко отбита атака XI турецкого корпуса. 23 же декабря в штаб сарыкамышского отряда из Тифлиса прибыли помощник главнокомандующего, а фактически главнокомандующий Кавказским фронтом, генерал Мышлаевский и начальник штаба фронта генерал Юденич. Генерал Мышлаевский организовал оборону Сарыкамыша, но в момент наивысшего кризиса операции, не веря в успех ее, он вернулся в Тифлис для формирования новой армии. Генерал Юденич вступил во временное командование II Туркестанским корпусом, и так как руководство действиями сарыкамышского отряда взял в свои руки штаб фронта, то бывший начальник штаба отряда генерал Берхман остался командиром I кавказского корпуса.

Между тем положение действительно становилось грозным: обходящие колонны турок быстро продвигались вперед; 25 декабря IX корпус подошел к Бардусскому перевалу, X корпус занял Пеняк, а бригады I Константинопольского корпуса повели наступление из Аджарии и заняли Ардаган. При таких условиях начать отступление было уже поздно, оно подвергало бы большую и лучшую, состоящую из кадровых войск, часть кавказской армии полному разгрому среди снежных хребтов Саганлуга. Надо было во что бы то ни стало удержать в своих руках Сарыкамыш. Тотчас были сняты с фронта и двинуты ближайшие к нему части. Но в тот же день (25-го) вечером спустившиеся с Бардусского перевала передовые части 28-й турецкой дивизии атаковали Сарыкамыш. Сформированный в несколько часов из ополченцев, прапорщиков и пограничников сводный отряд, под командой случайно находившегося на станции одного подполковника и при случайно оказавшихся в Сарыкамыше 16 пулеметах, отбил атаку турок. 26 декабря к Сарыкамышу подошел двигавшийся на рысях казачий полк с 4 конными орудиями, и хотя уже часть города была в руках турок, казакам удалось остановить дальнейшее их продвижение. В ночь на 27-е и с той и с другой стороны начали прибывать части, которые по мере их прибытия втягивались в бой. А на фронте оставшиеся части отбивали атаки XI турецкого корпуса. Атаки велись XI корпусом недостаточно энергично, и это позволило снимать с фронта и направлять к Сарыкамышу все новые части. 29 декабря сарыкамышский отряд спокойно отошел на линию Зивин—Башкей и вслед за этим перешел на своем правом фланге в наступление. Все эти дни под Сарыкамышем шли тяжелые бои со штыковыми атаками. Объединенные здесь ген. Пржевальским русские войска стремились продвинуться к Бардусскому перевалу.

Таким образом, наступая с четырех сторон, русские стремились окружить турок в районе Сарыкамыша: с фронта Сарыкамышского отряда Юденич продвигался своим правым флангом к селению Бардус; в тылу, у Сарыкамыша, отряд Пржевальского вел атаки на Бардусский перевал с целью также, выйдя к Бардусу, обойти правый фланг IX турецкого корпуса; правее его наступали казаки Баратова, стремясь окружить левый фланг X корпуса, еще далее на Ардаган—Ольты двигался в обход карский гарнизон и ольтинский отряд. 31 декабря отряд Пржевальского занял Бардусский перевал, и таким образом путь отступления IX и X турецким корпусам был отрезан. В этот день Кавказской армией была одержана победа, которая спасла ее и предопределила дальнейшее течение войны на азиатском театре. Но сражение еще продолжалось до 4 января 1915 г., когда у Сарыкамыша сдались остатки IX корпуса [1], а остатки разгромленного X корпуса, потеряв артиллерию, спешно

[1] Вместе с комкором и обоими комдивами.

пробивались среди снежных ущелий. От полного окружения турецкие обходные колонны (IX и X корпуса) спасены были только тем, что обе правых русских колонны не смогли замкнуть кольца.

Еще в начале этих боев была переброшена из Тифлиса Сибирская казачья бригада. При содействии частей ольтинского отряда, она, разгромив бригаду I турецкого корпуса, 3 января взяла обратно Ардаган, а затем, подкрепленная гарнизоном Карса, начала постепенно оттеснять турок к Ольтам и в свою очередь угрожать пути отступления IX и X турецких корпусов. Но конница не могла быстро двигаться по снежным горным дорогам во время поднявшейся вьюги, а пехота, чтобы опередить голову X корпуса, должна была пройти слишком большое расстояние. X корпус избежал участи IX корпуса, и остаткам его удалось спастись.

Вслед за этим началось преследование русскими разбитой 3-й турецкой армии, выравнивание фронта и борьба с восставшим населением в Аджарии. По мере приближения к Эрзеруму турки подводили новые подкрепления и, переходя в решительные контратаки, задерживали продвижение русских. На Эриванском направлении в период сарыкамышской операции русские войска без давления со стороны турок очистили Дутак и отошли на линию Алашкерт—Каракилиса. В политическом отношении важным районом в этот же период сделались наша граница с Персией и персидский Азербайджан, где шла усиленная германско-турецкая агитация. Турецко-курдские отряды первоначально имели некоторый успех, вытеснили наши войска с турецко-персидской границы и даже заняли Тавриз, но 30 января были выбиты оттуда русским отрядом.

Сарыкамышская операция имела весьма важное значение не только для России, но и для всей Антанты:

1. Положение России на азиатском театре упрочилось, усилилось так же влияние Антанты в Персии.

2. Произошло усиление турецких войск, направленных против кавказской армии, чем облегчались действия англичан в Месопотамии и Сирии.

3. Образовался новый сильный фронт, который при удачном развитии на нем действий мог повлечь не только завоевание обширных малоазиатских владений Турции, но и полное экономическое окружение центральных держав.

4. Успех русских на Кавказе встревожил англичан; им уже мерещился захват русскими Константинополя, и, чтобы предупредить русских, английский Высший военный совет решает приступить уже 19 февраля к дарданельской операции.

5. В частности для кавказской армии сарыкамышская операция повлекла за собой реорганизацию высшего управления армией и дала оперативные выводы для дальнейшего ведения войны.

С точки зрения военного искусства обращает на себя внимание беспорядочное начало русскими кампании, что поставило их под Сарыкамышем в критическое положение, и блестящее окончание операции.

Со стороны турок надо отметить:

Ведение основного боя всей операции в день 25 декабря только головными частями, т. е. нащупывание противника вместо сильного удара; «предвзятость» плана и вялые действия XI корпуса, благодаря чему русская армия правильно использовала условия горной войны: обороняясь на фронте слабыми частями, она успела перебросить в тыл значительные силы и наголову разбить защемивших уже ее турок. «Канны» потерпели полное крушение, и в этом отношении изложенная операция заслуживает особого изучения.

Опасное положение Кавказа в период сарыкамышской операции заставило Ставку уделить сюда часть вновь формируемых казачьих частей и влить в кавказскую армию формировавшиеся на Кавказе третьеочередные дивизии. Поэтому, несмотря на отправку после окончания сарыкамышской операции на австро-германский фронт 2 дивизий, кавказская армия несколько усилилась и смогла вновь создать армейский резерв.

К апрелю 1915 г. русская армия была расположена между Черным и Каспийским морем на фронте Архаве—Ольты—Хоросан—Каракилиса—Диадин—Котур—Дилман—Тавриз, причем большая часть этих сил была попрежнему сосредоточена на ольтинском, сарыкамышском и эриванском направлениях. Турки стояли перед фронтом русских, имея около 175 батальонов и вспомогательные отряды курдов; наибольшая часть этих сил также была сосредоточена на эрзерумском и битлисском направлениях с резервом в Эрзеруме.

МЕСОПОТАМСКИЙ ФРОНТ

Схема 26Б

Одновременно с операциями на Кавказском фронте начались военные действия в Месопотамии. Тотчас по объявлении войны Турции англо-индийские войска заняли при содействии флота турецкий форт Фао в устье р. Шат-эль-Араба. 21 ноября турки, под угрозой введенных в Шат-эль-Араб английских кораблей, оставили Бассру, важный порт, находящийся в 70 милях от устья реки, а 9 декабря англичане, двигаясь все время при поддержке флота вверх по Шат-эль-Арабу, заняли г. Курна, расположенный у слияния Тигра и Евфрата. Таким образом к концу 1914 г. англичане прочно укрепились в Персидском заливе и нижней Месопотамии.

ДЕЙСТВИЯ У СУЭЦА

Схема 26Б

Значение Суэцкого канала очень велико, так как он является центром имперских путей Британии, соединяющих Англию с Индией и Океанией и центральной нефтеносной станцией, снабжающей жидким топливом военный и торговый флот. Поэтому по вступлении в войну Турции она при помощи Германии сделала попытку овладеть Суэцким каналом, чтобы затем произвести вторжение в Египет.

К Суэцкому каналу в январе 1915 г. была направлена от Биршеба экспедиционная армия Джемаль-паши, силою около 20 000, которая должна была форсировать канал у Измаилие, переправиться в Египет и поднять там восстание. Несмотря на очень трудный и недостаточно организованный поход через безводную Синайскую пустыню, обессиливший турецкие войска, турки 2 февраля едва не овладели во время сильной песчаной бури каналом, защита которого была возложена на 2 английские дивизии. Турецкие атаки были в конце концов отбиты при помощи 3 военных кораблей, но турки, все-таки, отступив от канала с потерей около 500 убитых и раненых и свыше 700 человек перебежавших, удержались на полуострове, обратив г. Эль-Ариш в сильно укрепленный пункт, пока начавшиеся действия в Дарданеллах не вынудили их оттянуть туда большую часть своих сил.

ВОЙНА НА МОРЕ

Карты 1 и 2

На *Северном море* произошло второе за мировую войну столкновение между английским и германским флотами, известное под названием *боя у Догер-банки.* В январе 1915 г. германская эскадра адм. Хиппера, выделенная из состава Флота открытого моря для производства набегов на английские берега, появилась у Догер-банки, обширной мели, расположенной почти на середине пути между Англией и Германией. Английская эскадра адм. Битти, в составе 5 броненосных крейсеров с легкими крейсерами, предуведомленная своими разведчиками, направилась 24 января туда же. Германская эскадра, будучи значительно слабее, принуждена была повернуть назад к Гельголанду, причем во время боя, завязавшегося при преследовании ее англичанами, германцы потеряли из своих 4 броненосных крейсеров 2, разрушенных мощной английской артиллерией. Эта вторая неудачная попытка германцев постепенно ослабить превосходящий английский флот, главные силы которого были предусмотрительно убраны к Оркнейским островам (в Скапа-Флоу), ясно показала, что Германия не располагает для этого достаточными силами, и поэтому до конца года германский флот продолжал оставаться в своих портах.

Между тем еще в конце 1914 г. выдвинулись мощные боевые свойства подводных лодок, и тогда же, в ноябре, был поднят вопрос о подводной блокаде Великобритании и Ирландии для перерыва снабжения Англии и ее сообщений с французским фронтом, куда непрерывным потоком лились подкрепления. Поэтому в поисках борьбы против мощного флота Англии Германия решила обратиться к подводной войне, и 4 февраля водное пространство вокруг Англии было провозглашено военной зоной, причем началом подводной войны был объявлен день 18 февраля. Англия ответила на это объявлением германской собственности вне закона и организацией плавания под нейтральным флагом. Вскоре же после объявления подводной войны Германии пришлось считаться с мнением нейтральных держав, потери которых от подводной войны вызывали их протесты, особенно со стороны Соединенных Штатов.

На Черном море действия русского Черноморского флота были некоторым образом связаны с операциями англо-французов против Дарданелл, и работу флота можно разделить на большие несбывшиеся проекты и на незначительные боевые действия. Разрабатывалось очень много проектов десанта в 1—2 корпуса; сначала предполагались на Босфоре, в течение февраля или марта, самостоятельные десанты. Затем для Черноморского флота разрабатывались планы десанта или на случай удачного форсирования Дарданелл англо-французами, или в случае выступления Болгарии; в предвидении этих десантов был перевезен в Одессу V кавказский корпус, сформированный из частей, взятых с Кавказского фронта после окончания сарыкамышской операции, но вскоре этот корпус был израсходован на европейском театре, и планы десанта остались только в проекте. Боевая же деятельность Черноморского флота свелась к бомбардировкам Босфора во время дарданельской операции (первый раз эта бомбардировка была произведена 28 марта) и к постановке там же мин заграждения. Кроме того Черноморский флот делал поиски вдоль анатолийских берегов Турции для осмотра и бомбардирования прибрежных пунктов и для уничтожения турецких пароходов и фелюг.

ДЕЙСТВИЯ В ПРОЛИВАХ

Схема 28

Имея в средине февраля сведения, что англо-французы попытаются форсировать Дарданеллы со стороны Эгейского моря, а русские одновременно с ними предполагают прорваться со стороны Черного моря в Босфор, турки расположили в Дарданеллах свои войска следующим образом.

1-я армия Лиман фон-Сандерса—на южном фронте, имея III армейский корпус Эссада-паши на Галлиполийском полуострове, XV армейский корпус на азиатском берегу Дарданелл, XIV армейский корпус—на Принцевых островах и VI армейский корпус—в районе Сан-Стефано. 2-я армия Вехиб-паши на северном фронте—в окрестностях Босфора и Константинополя для защиты от нападения со стороны русских.

В общем силы этих 2 армий доходили до 20 пех. дивизий. К этому же времени турки, воспользовавшись перерывом военных действий с 3 ноября, в значительной степени усилили защиту собственно самих проливов. Средства обороны были сосредоточены в центральной части проливов, вне обзора и досягаемости огня неприятельской судовой артиллерии со стороны Эгейского моря. Оборона была усилена минными заграждениями, для борьбы с тральщиками были назначены особые легкие полевые батареи, тяжелые батареи получили задачи бороться только с флотом. В окончательном виде оборона собственно проливов была усилена на 78 орудий и 400 подводных мин, и для нее была исчерпана вся материальная часть, которой обладали турки.

Англичане лишь 25 ноября 1914 г. впервые начали детально обсуждать проект серьезной операции против Дарданелл, так как к этому времени им стали известны турецко-германские планы вторжения в Египет через Суэцкий канал. После долгих колебаний было решено произвести в проливах чисто морскую операцию.

По плану Кардена, командующего флотом, предусматривалось: 1) разрушение фортов, прикрывающих наружный вход в проливы, 2) траление мин, 3) действия внутри пролива с целью разрушения батарей самой узкой части пролива, 4) форсирование этой узины, наконец 5) переход в Константинополь.

Этот план должен быть выполнен в месячный срок. Он имел много отрицательных сторон; расчеты англичан были основаны на неверных предположениях:

1. Твердо уверенные в превосходстве огня своей судовой артиллерии над турецкой береговой, они совершенно не учитывали ни возможности усиления с 3 ноября под руководством и при помощи германцев турецкой обороны, ни того, что в борьбе флота с береговой артиллерией все преимущества на стороне последней и что даже более слабая береговая артиллерия может с успехом бороться с судовой.

2. Их расчет на уничтожение турецких батарей был ошибочен; большинство последних стояло на закрытых позициях; у англичан не было организовано правильного наблюдения и разведки, а подавить гибкую оборону подвижных батарей при отсутствии наблюдения и разведки—трудная задача.

3. Рассчитывая провести операцию в месячный срок, они не предусматривали средств, чтобы помешать туркам исправлять понесенные ими повреждения.

4. Деятельность авиации, торпедоносцев и подводных лодок совершенно не учитывалась.

5. Совершенно необоснованно они считали достаточным появление англо-французского флота перед Константинополем, чтобы последний пал, Турция капитулировала, Германия была изолирована и восстановлена связь с Россией.

19 февраля начались операции по приведенному плану. Первый день бомбардировки был безрезультатным. Почти ежедневное, вплоть до 8 марта, повторение этих бомбардировок также не привело к решительным успехам. После этого они решили форсировать проливы открытой силой. Эта попытка была предпринята по тщательно выработанному плану 18 марта; но при совершении ее флот понес столь тяжкие потери, что должен был отказаться от продолжения этой операции. Все суда, участвовавшие в бою, получили крупные повреждения. У турок остались целыми их минные заграждения. Повреждения фортов были невелики. Весьма возможно, что такая операция, если бы она была произведена неожиданно, в начале войны, имела бы успех; но, проведенная в марте, когда германцы уже успели оказать туркам внушительную помощь и в смысле управления и в смысле снабжения техникой, она была обречена на неудачу.

Этот неуспех поколебал устойчивость балканских стран: Болгария почти явно стала на сторону Германии, Греция же на все предложения Антанты, сулившие ей всевозможные выгоды, стала отмалчиваться, тем более что и Болгарии и Греции стал известен секретный договор 20 марта, передававший России Константинополь и проливы. Таким образом морская неудача привела к неудаче дипломатической, между тем положение России, терпевшей недостаток вооружения и снарядов, повелительно требовало решения вопроса о проливах, а потому операция была продолжена путем совместных действий флота с десантным корпусом под командой Гамильтона.

Имея сведения о предполагающемся десанте, Лиман фон-Сандерс расположил свои войска следующим образом:

1. Азиатская сторона—XV армейский корпус (3-я и 11-я пех. дивизии);
2. Европейская сторона—III армейский корпус (9-я и 5-я пех. дивизии с 2-й кав. бригадой);
3. Общий резерв—19-я пех. дивизия (на европейской стороне).

Десантный корпус Гамильтона и д'Амада включал в себя: 29-ю английскую пех. дивизию, австралийско-новозеландский корпус (Анзак), бригаду морской пехоты и французскую дивизию д'Амада. Кроме того могли быть использованы: 42-я английская пех. дивизия, 10-я и 11-я индийские пех. дивизии, формировавшиеся в Египте, но в первую очередь Гамильтон мог располагать лишь 5 дивизиями, всего 81 000 чел. при 178 орудиях.

Сравнивая силы обороны и нападения, видим, что силы противников были почти равные, преимущество нападения было в свободе маневра с целью выполнения сосредоточенного удара в любом месте. Если турецкие войска были слабо подготовлены тактически, то и войска их противника были не в лучшем состоянии, только французская дивизия была хороша, 29-я английская пех. дивизия содержала в себе только прилично подготовленный кадр, а корпус Анзак, обладая высокими моральными качествами, вернее военной храбростью, в тактическом отношении был весьма слаб.

Общая идея плана совместной операции флота с десантом была следующая: при помощи десантов овладеть батареями Галиполлийского полуострова с суши и тем помочь флоту прорваться через проливы. Разрушив батареи Галлиполи, можно то же без особого труда сделать с батареями азиатского берега, ведя их обстрел с европейского берега. Своей первой задачей Гамильтон считал помочь флоту проникнуть в проливы до Килид-Бар

и Чанак, организуя главный удар на суше в районе южной оконечности полуострова частями 29-й пех. дивизии с морской пехотой и австралийско-новозеландским корпусом, у мыса Габа-Тепе, отвлекая в то же время внимание турок высадкой французской бригады на азиатском берегу у Кум-Кале и демонстрацией в Саросском заливе.

Сосредоточившись в Египте, а потом на острове Лемносе, который служил ему базой, корпус силою в 5 дивизий двинулся для высадки к полуострову Галлиполи. Но плохо задуманная операция была и очень халатно организована. При подходе к Галлиполийскому полуострову оказалось, что транспорты были так плохо нагружены, что разгрузить их для высадки невозможно, и пришлось возвращаться на остров Лемнос для их перегрузки. Поистине со стороны англичан было сделано все, чтобы обречь операцию на неудачу и дать как можно больше времени туркам на организацию обороны.

На рассвете 25 апреля, одновременно с демонстрацией у Кум-Кале на азиатском берегу, десантный корпус с большими потерями высадился на Галлиполийском полуострове и овладел только на незначительную глубину прибрежной полосой у Сэдд-эль-Бар и у мыса Габа-Тепе, несмотря на мощную поддержку флота. Дальнейшие попытки продвинуться вперед вглубь полуострова, произведенные 26, 28, 29 и 30 апреля, успехом не увенчались. Прибывшие на полуостров новые турецкие—12-я, 15-я и 16-я пех.—дивизии пресекли все последующие, 6 и 7 мая, атаки десантного корпуса. Начиная с 25 апреля по 20 мая оба противника никаких решительных результатов не достигли. Англо-французы даже не обеспечили своему флоту возможности проникновения в проливы хотя бы на небольшую глубину, турки не смогли сбросить в море англо-французский десант, несмотря на введение в боевую линию присланной из Константинополя и особо подготовленной 2-й пех. дивизии.

На море в течение мая обстановка совершенно переменилась. Действия германо-турецких подводных лодок привели к тому, что вскоре у Дарданелл остались лишь старые боевые единицы англо-французского флота, окруженные всеми тогда доступными средствами и мерами предосторожности от подводных атак. Бомбардировка флотом турецких берегов, в целях совместных действий с высаженными войсками, в значительной степени потеряла свою интенсивность. Мало-по-малу боевой флот англо-французов совершенно вышел из дела и стал на якорь на Мудросском рейде (Лемнос).

Экспедиционный Дарданельский корпус, предназначенный по первоначальному замыслу служить поддержкой флота, остался один на злополучных скалах Сэдд-эль-Бара и мыса Габа-Тепе. Лишившись поддержки судовой артиллерии, англо-французы взамен ее выставили на берегу 10 тяжелых орудий, которые однако брались с тыла турецкими укреплениями азиатского берега, а потому и не обладали полной свободой действия. Если бы к этому времени некоторые турецкие батареи на азиатском берегу не были целиком уничтожены в предшествовавших операциях, то положение экспедиционного корпуса было бы нестерпимым. Оно, в сущности говоря, висело на волоске, с каждым днем потери англо-французов возрастали, не принося никакого успеха.

ВОЗДУШНАЯ ВОЙНА

Операции в воздухе быстро развивались и приобретали все большее значение по мере продолжения войны. В этот период они между прочим вылились в налет германских цеппелинов в марте на Париж и в мае на Лондон.

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА»

В течение всей войны обе стороны стремились улучшить свое положение путем разных политических комбинаций. В описываемый период Германия работала над поднятием мусульманских народов в Азии и в Северной Африке на священную войну против русских и англичан. Ей это удалось в значительной степени в батумском районе Кавказа и на границе с Персией, но сарыкамышская катастрофа и неудачное наступление турок против Суэца с самого начала погасили германские попытки.

С другой стороны, Антанта работала над Италией, и Лондонским секретным договором 26 апреля этой последней было обеспечено обладание не только теми областями, которые являлись предметом всегдашних ее желаний, но также и островами к югу от Фиуме, портом Валлоной и сферой влияния на южном берегу Малой Азии.

Параллельно шло давление двух враждующих коалиций также на Болгарию и Румынию, но плоды этого давления выявились позднее.

ИТОГИ ПЕРИОДА

Подводя итоги изложенному периоду кампании, следует отметить:

1. Центр тяжести его был перенесен на Русский театр с переброской туда и части германских войск—как изутри Германии, так и с французского фронта

2. Широкие замыслы Центральных держав нанести решительное поражение русским армиям обходом их с двух флангов (Восточная Пруссия и Карпаты) потерпели полное крушение, но зато перепутали карты и русского командования, сведя на-нет его план овладения Восточной Пруссией и авантюристического зимнего подхода через Карпаты в венгерскую равнину почти всем Юго-западным фронтом с ослабленной армией и без огнеприпасов.

3. Попытки англо-французов оказать помощь русской армии своими частными выступлениями пользы не принесли, как ввиду скоротечного и разрозненного их характера, так и нескоординирования их с интересами русского фронта. Они производились (частью в январе, частью в марте) или рано, или поздно для пользы русской операции.

4. Этот разнобой ясно указал все невыгоды отсутствия единого командования войсками коалиции.

5. Русский театр продолжал перетягивать к себе все большие германские силы с французского.

6. Выступление Турции клало новые тяготы на Россию и выявляло новый весьма обширный и важный с колониальной точки зрения азиатский театр, где кроме военных операций открывалось широкое поле и для политической работы.

7. Обострение подводной войны и налеты цеппелинов на столицы враждебных государств.

8. Неудачная попытка форсирования Дарданелл одним флотом отразилась на политической устойчивости балканских стран. Потребовалось быстрое разрешение вопроса о проливах, так как Россия сильно терпела от недостатка в вооружении и боеприпасах. Попытка совместными действиями флота и десантного корпуса овладеть проливами также к успеху не привела.

Высадившийся 25 апреля десантный корпус овладел на Галлиполийском полуострове ценой больших потерь небольшой береговой полосой у Сэдд-эль-Бар и Габа-Тепе. Появление германо-турецких подводных лодок лишило десантный корпус действительной поддержки огнем судовой артиллерии, так

как флот должен был укрыться в Мудросском рейде. Дарданельская операция затянулась. Выяснилась полная беспомощность огня настильной судовой артиллерии против береговых батарей, стоявших на закрытых позициях.

9. В отношении вопросов военного искусства мы здесь опять встречаемся с двумя случаями производства шлиффеновских Канн, из которых один привел к узкой цели пленения 1 русского корпуса (Августов), упустив из-за этого возможность удара по русских тылам восточнее Немана, и другой (Сарыкамыш)—к полному поражению армии, устраивавшей Канны.

Сарыкамышская операция является положительным примером удачного применения перемены фронта сосредоточенной в кулаке русской армией и разбития ею обходящих 2 корпусов. Кроме того в этот период мы встречаемся с примером совместного действия сухопутных войск и флота при отражении турок на Суэцком канале; с последовательным подходом к новым формам боя в позиционной войне, что влечет за собою неудачи и большие потери, и наконец с отсутствием характера у русской Ставки, которая не довлела всей силой своей власти над расползавшимися в разные стороны намерениями главнокомандующих фронтами.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПЕРИОД МАЙ—ОКТЯБРЬ

РУССКИЙ ТЕАТР

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПЛАНЫ СТОРОН.

Схема 29

К концу апреля, на рубеже весеннего и летнего периодов кампании 1915 г., ярко определилась разница стратегического положения сторон. Центральная коалиция твердо решила к указанному моменту ограничиться обороной на Западе и, избрав Восточный театр главным, продуманно вела подготовку мощного удара в Галиции. Англо-французы наметили использование сложившейся на их фронте обстановки для развития своей материальной мощи, а пока что—операцию на второстепенном театре с целью вывода из строя Турции. Расчет намеренно ставился на восточного союзника, который, будучи богат людскими ресурсами, мог безболезненно для своих друзей притянуть на себя крупные силы австро-германцев. Напряженная борьба на востоке должна была вовлечь в войну Италию и Румынию, что только усиливало выгоды стратегического положения Франции и Англии. Русское главнокомандование не переставало долбить Карпаты, и хотя начинало постигать германский замысел, но, терзаясь между соблазном проникнуть в Венгрию и тревогой за устойчивость своего крайне растянутого фронта, не могло решиться после овладения Перемышлем отказаться от наступления и быстро предпринять перегруппировку сил для предотвращения прорыва своего фронта.

Наиболее четко рисовали себе перспективу ближайших операций германцы, и потому работа их главнокомандования в этот момент возбуждает самый живой интерес. Для германского главнокомандования стало ясно, что австро-венгерские силы сами по себе быстро теряют боевую упругость. Они уже

не в состоянии были даже при значительной прослойке австрийского фронта германскими войсками предпринять крупную операцию. Последние были вкраплены на протяжении всего фронта, подпирая на подобие Korsettstangen (корсетными прутьями), как говорили немцы, дряблое тело австрийской армии. У р. Ниды, между Пилицей и Верхней Вислой, 1-ю австрийскую армию поддерживала германская группа Войрша. Между верхней Вислой и подножием Карпат в районе Мысленицы, в воротах в Силезию, в расположение 4-й австрийской армии вдвинута была германская дивизия Бессера. В Бескидах колеблющийся фронт 3-й австрийской армии подкреплялся сильным германским корпусом (вернее—армией) Марвица. Через лесистые Карпаты восточнее Мункача продвигалась германская Южная армия Линзингена. В Буковине германская кавалерия Маршаля противодействовала крупной конной массе русской 9-й армии. Но такие частные подпорки мало способствовали устойчивости австрийского фронта.

Помимо этой главной опасности германское главнокомандование серьезно оценивало и другие тревожные признаки общего положения для центральной коалиции. В Турции возрастали англо-французские усилия против Дарданелл. На Месопотамском фронте англичане завоевывали плацдарм против Багдада. Италия была накануне открытого выступления на стороне Антанты. Румыния и Болгария продолжали пока колебаться—на чью сторону стать, и их сомнениям мог положить конец только яркий боевой успех германского оружия.

В поисках за сокрушительным ударом по русскому фронту германцы не хотели следовать советам Конрада, который стремился выудить побольше германских корпусов, но сохранить за собой руководство ими на австрийском фронте. В настоящий момент он просил о новой присылке 10 германских дивизий. Германское главнокомандование склонялось к мысли производства прорыва русского фронта тараном, образованным из массы германских сил под самостоятельным руководством германского генерала. Выбор мог пасть только на два участка: между Пилицей и верхней Вислой или между Верхней Вислой и подножием Бескидского хребта. Фалькенгайн остановился на последнем. Этот район допускал наиболее плотное сосредоточение ударной группы и был лучше обеспечен от охватов флангов. Естественные преграды при дальнейшем развитии прорыва в Западной Галиции—рр. Вислока, Вислок и Сан—были значительно менее трудны, чем Висла. Прорыв между верхней Вислой и Бескидами подсказывался выпяченным на линии Горлица—Тарнов положением русского фронта; удар направлялся на самый крайний исходящий его угол и делал очень опасным положение втянувшихся в Карпаты русских сил.

Германское главнокомандование уже к началу апреля окончательно остановилось на решении произвести прорыв русского фронта между верхней Вислой и Бескидским хребтом, и были приняты самые тщательные меры к сохранению тайны. Только 13 апреля, когда германские войска были уже готовы к посадке на станциях и поезда со снарядами двинуты в Галицию, Фалькенгайн из Мезьера впервые телеграфировал Конраду об общем плане операции. Конрад в тот же день ответил о своем полном согласии, а на следующий день прибыл в Берлин для личных переговоров с Фалькенгайном.

ГОРЛИЦКИЙ ПРОРЫВ

Русский Юго-западный фронт занимал растянутое дугой положение от р. Пилицы на левом берегу Вислы, далее вверх по р. Дунайцу и по ее притоку р. Бяла до Грибова, по Восточным Карпатам, по Лесистым Карпатам; южнее

Тысменицы фронт пересекал р. Днестр и шел вниз по левому берегу реки, упираясь у г. Черновцы в румынскую границу. Правый фланг Юго-западного фронта составляла 4-я армия Эверта на левом берегу Вислы. К ней с юга примыкала 3-я армия Радко-Дмитриева—от впадения Дунайца в Вислу до Лупковского перевала через Восточные Карпаты. Левее до Ужокского перевала через Лесистые Карпаты включительно была расположена 8-я армия Брусилова. Левое крыло Юго-западного фронта составляла 9-я армия Лечицкого и только что сформированная, взамен осадной армии Перемышля, небольшая, из 2 корпусов, 11-я армия Щербачева, включенная между 8-й и 9-й армиями на важном оперативном направлении Мункач—Стрый.

Анализ приведенного расположения Юго-западного фронта, в связи с упомянутыми раньше выдержками из директив ген. Иванова, указывает, что накануне Горлицкого прорыва русское главнокомандование потеряло уже уверенность в скором завершении Карпатской операции, но не хотело отказываться от нее для перегруппировки своих сил ввиду готовившегося удара германцев. От Ставки не могла конечно укрыться его опасность для растянутого на 600 *км* русского фронта в Галиции, но все меры противодействия ограничивались переброской в резерв фронта к Хырову одного III Кавказского корпуса, причем выбор места его расположения диктовался желанием продолжать Карпатскую операцию, которую Иванов, как он доносил в Ставку, собирался возобновить «в конце апреля». В сущности ни верховный главнокомандующий, ни главнокомандующий Юго-западным фронтом не реагировали на поступавшие к ним из разных источников сведения о назревании германского наступления в Галиции, и только III Кавказский корпус был двинут командованием фронта из Хырова на Кросно.

Полным контрастом с бездеятельностью русского главнокомандования вырисовывается кипучая работа Фалькенгайна по подготовке прорыва[1]. Для операции прорыва выбраны были закаленные войска. Они были снабжены обильной артиллерией до самых крупных калибров, минометами, большим количеством снарядов[2]. В части назначены были офицеры, хорошо усвоившие на Западном фронте наиболее важные новые приемы боя. Были приняты особые меры к сохранению тайны подготовки. Германские войска везлись в Галицию кружным путем. Никто не знал о своей задаче до подхода к станции высадки. На почте был установлен самый строгий контроль. Предпринят был ряд демонстративных операций для отвлечения внимания от направления главного удара. Фалькенгайн просил Конрада о том, чтобы его правительство пошло навстречу желаниям Италии, побудить ее таким образом к соблюдению нейтралитета, по крайней мере пока удар не будет проведен. Далее, германская атака на Западе—у Ипра, о которой сказано выше, с применением впервые газов, была одной из демонстраций для сокрытия Галицийского прорыва. Гинденбургом также была поведена подобная же операция в Риго-Шавельском районе, где был двинут корпус, подпиравший германский кавалерийский рейд в районе Курляндии. Немецкие разъезды дошли до р. Аа; при поддержке флота была занята Либава, которую начальник порта сдал вопреки требования ген. Алексеева.

Для прорыва была назначена *11-я германская армия* под командованием

---

[1] Подготовка Горлицкого прорыва подробно освещена в книге Фалькенгайна.

[2] Обращает на себя внимание непонятно малое число пулеметов: гвардейский корпус — от 7 до 8 пулеметов на полк, XLI резервный корпус — 5 пулеметов на полк, 11-я Баварская дивизия — 2 пулемета на полк. См. «Сражение при Горлица — Тарнов 2—6 мая 1915 г.» изд. Военноисторический отдел шведского Генерального штаба 1929.

ген. *Макензена* и при начальнике штаба полковнике Зеект. Армия—из 5 корпусов; всего в составе 8 германских, 2 австровенгерских пех. дивизий и 1 австрийской кав. дивизии. Вместе с этой армией в прорыве приняла участие 4-я австрийская армия эрцгерцога Иосифа-Фердинанда, в составе 5 австрийских пех., 1 австрийской кав. и 1 германской пех. дивизии. Эта армия также была подчинена Макензену. В составе 11-й армии находились лучшие германские войска, стяжавшие себе известность на Западном фронте, а именно: гвардейский корпус, X армейский, XLI резервный и сводный корпуса; последний имел 11-ю баварскую и 119-ю пех. дивизии. Ближайшей целью Макензену было поставлено—прорвав русский фронт на участке *Горлица—Громник,* сбить русских на всем фронте их 3-й армии от устья Дунайца до Лупковского перевала. Южному крылу 11-й армии было указано держаться главного направления на Змигрод—Дукла—Санок.

11-я германская армия прибыла в конце апреля на фронт 4-й австрийской армии, причем эта последняя стянулась влево—на р. Дунаец, чтобы 11-я армия могла стать между 4-й и 3-й австрийскими армиями. 3-я австрийская армия ген. Боревича получила задачу, наступая уступами слева, обеспечить правый фланг 11-й германской армии. Прочие армии, стоявшие правее 3-й, а именно 2-я австрийская и Южная, должны были активными действиями приковать к себе стоявшие против них русские войска. Армия Макензена была снабжена мощной артиллерией в составе 143 батарей с 572 орудиями; из них 40 тяжелых батарей с 160 орудиями, в том числе 106 гаубиц калибром 15 *см,* 16 гаубиц—21 *см,* 12 гаубиц—30,5 *см.* Сверх того в ее распоряжении было 96 минометов. Непосредственно в прорыве приняло участие 10 пех. и 2 кав. дивизии, всего 5 корпусов, из коих 1 был поставлен во второй линии, в качестве резерва. *Ближайшей задачей им было поставлено прорвать русские позиции на участке Ропица-Русская—Горлица—Сташкувка—Ржепенник* и повести наступление на участок Змигрод—Колачице.

С русской стороны прорыв охватывал оборонительную полосу X армейского и левого фланга IX армейского корпуса, всего—4 пех. дивизий. В армейском резерве 3-й русской армии стояла 63-я пех. дивизия в районе г. Ясло, где находился штаб армии. Бригада 81-й пех. дивизии была расположена в г. Змигрод. Конный корпус в г. Кросно и 2 казачьи дивизии находились в тылу на отдыхе: 3-я Донская—в г. Дембовец и 3-я Кавказская казачья—в г. Ржешув.

Русские позиции состояли из главной оборонительной линии и двух тыловых линий в расстоянии 2—5 *км* одна от другой. Эти оборонительные линии представляли окопы полной стрелковой профили, но с весьма малым количеством блиндированных сооружений; прочных бетонированных построек не было вовсе. Проволокой была оплетена сплошь только первая линия; перед тыловыми линиями проволочные заграждения были жидки и только на некоторых участках. Позиция страдала вообще недостатком глубины, это были линии окопов, слабо между собой связанные закрытыми ходами сообщений и не имевшие солидных опорных пунктов. Главным же недостатком укрепления позиции было *отсутствие самостоятельных тыловых позиций.* Оборонительные рубежи рр. Вислоки и Вислока не были укреплены. Только в районе г. Беча, в расстоянии 10 *км* от первой оборонительной позиции, имелись окопные работы.

Таким образом германский прорыв определялся шириной в 35 *км* и произведен был 10 дивизиями против 5 русских, если считать 63-ю дивизию, которая находилась в одном переходе от фронта прорыва. Особенно резко бросалась в глаза разница в количестве и мощности артиллерии: 143 батареи с 572 ору-

диями, из коих 40 тяжелых батарей с 160 орудиями—против 22 русских батарей с 130 орудиями. Тяжелых орудий у русских было, не считая полевых гаубиц, всего 4: две 42-линейных пушки и две—6-дм. облегченных. У Макензена пехоты было вдвое больше, артиллерии вообще—в $4^{1}/_{2}$ раза более, а тяжелой артиллерии—*в 40 раз более*. Несравнимо было количество снарядов, которым располагали обе стороны: германцы имели возможность в течение нескольких часов артиллерийской подготовки выпустить до 700 выстрелов из каждого легкого и до 250 выстрелов из каждого тяжелого орудия. Кроме того впервые были применены мощные минометы, выбрасывавшие мины, производившие потрясающее впечатление на русские войска своим грохотом разрыва и высотой земляных фонтанов. У русских приказано было каждый выстрел беречь [1].

Атака Макензена была начата 2 мая в 10 час. утра. Ей предшествовала артиллерийская подготовка из 600 [2] орудий, открывших канонаду к 9 час. вечера накануне, с перерывами. Непосредственная подготовка, когда все орудия развили наибольшую скорость стрельбы, началась в 6 час. утра 2 мая и продолжалась до 9 час., всего 3 часа. В этот момент артиллерия замолкла, и начался огонь 100 минометов специально для разрушения окопов. «Деревья ломались в щепки, их толщенные стволы взметались под облака, каменные стены домов разбивались в куски, били вверх фонтаны земли. Вся земля колыхалась и, казалось, готова была треснуть на куски» [3]. В короткий срок русские окопы были сравнены с землей, а от проволочных заграждений остались какие-то лохмотья.

Ровно в 10 час. на всем 35-*км* пространстве начался германский штурм русских позиций. На этот день «тарану» Макензена была дана скромная задача овладеть первой линией русских окопов. Он целиком выполнил ее, отбил на своем правом фланге и в центре две контратаки; захватил 17 000 пленных и 8 орудий, но продвинулся в глубину расположения русских всего на 2—5 *км*.

На следующий день, 3 мая, «таран» наткнулся на упорное сопротивление русских, и Макензен был вынужден ввести в дело резерв (X германский корпус); но, несмотря на это, войска Макензена не смогли выполнить поставленной им на этот день задачи овладеть третьей линией окопов и дошли только до линии Пжегодина (искл.)—Родзеле—Беч (искл.)—Зурова (искл.).

Обеспечивающая правый фланг армии Макензена 3-я австрийская армия продвинулась своим левым флангом до линии Баница—Пжегодина, а правофланговый X корпус 4-й австрийской армии переправился на правый берег реки Бяла. Германцы в этот день продвинулись от 2 до 6 *км*.

В первые 2 дня германские атаки свелись к фронтальному вытеснению русских, и в их наступлении еще не обозначалось ничего угрожающего ни для Юго-западного фронта, ни для 3-й русской армии. Занимавшие участок прорыва русские части (42-я дивизия IX корпуса, 31-я, 61-я и 9-я дивизии X корпуса и правый фланг 49-й дивизии XXIV корпуса) выполнили свою задачу и выиграли необходимое для командования фронта и армии время на то, чтобы разобраться в обстановке и приступить к организации контрманевра. К этому времени все корпуса 11-й германской армии уже втянулись в бой, а к месту боя подходил III Кавказский корпус; отвод же 3 корпусов левого фланга 3-й армии и правофланговых корпусов 8-й армии и кроме того 4 неисполь-

---

[1] Дневной расход в 3-й армии был установлен для гаубичной батареи в 10 выстрелов, т. е. по $1^{2}/_{3}$ выстрела на гаубицу.

[2] Ген. Франсуа в своей книге Gorlice считает даже 700.

[3] François, Gorlice, 1915, стр. 48.

зованных кав. дивизии давали возможность вывести в резерв не меньше 2 корпусов; 6-го или самое позднее 7 мая мог быть нанесен сильный удар 3 корпусами и сорвано предпринятое с недостаточными силами наступление 11-й германской армии. Обстановка настоятельно требовала отвода левого фланга 3-й и правого фланга 8-й армии, так как дальнейшее наступление 11-й германской армии могло начать угрожать путям отхода XXIV армейского корпуса.

4 мая был критический день; он предрешал успех или неудачу операции Макензена. В этот день корпуса Макензена продолжали наступление с целью достигнуть к вечеру р. Вислоки, но они опять не смогли выполнить поставленной им задачи, продвинулись в центре и на левом фланге всего на 5—6 *км*, и только на правом фланге сводному корпусу Кнейселя удалось глубоко проникнуть в расположение русских и близко подойти к г. Змигроду[1]. Задержка левого фланга и центра 11-й германской армии была достигнута дорогой ценой: против них был брошен в лобовую атаку подошедший III Кавказский корпус; атака была отбита, но задержала германцев; германский гвардейский корпус начал перегруппировку с целью выделить за свой левый фланг резервы. Ни фронт, ни 3-я армия русских не располагали резервами, и главнокомандующий был вынужден согласиться на отвод 3-й армии к Вислоке. Несмотря на угрожающее положение со стороны сводного германского корпуса, командования фронтом и армией все еще не уяснили себе обстановки, и последнее отводило левый фланг XXIV армейского корпуса на фронт сводного германского корпуса[2]. Время для организации контрманевра было упущено.

К вечеру 5 мая левый фланг и центр 11-й германской армии подошли к р. Вислоке; сводный германский корпус занял район Змигрод—Глойсце, а 20-я дивизия X германского корпуса захватила Ветржно, что и предрешило гибель 48-й дивизии XXIV армейского корпуса.

К утру 6 мая фронт русских тянулся от устья Ниды через Пильзно—Ясло—Ясел—Выдряны. Положение 3-й армии было очень тяжелое. В этот день главный удар 11-й германской армии был направлен на ее центр и левый фланг (на III Кавказский, XXIV и XII корпуса). Несмотря на это, Ставка и фронт требовали скорейшего перехода в наступление; отвод левого фланга армии дал возможность генералу Радко-Дмитриеву вывести в резерв XXI корпус, и, выполняя требование фронта, он бросил его во фронтальную контратаку, которая уже не могла иметь успеха, и 3-я армия начала отходить на линию Щучин—Велеполе—Лутча—Буковска. Одновремеменно с наступлением XXI корпуса перешла в наступление на крайнем левом фланге 9-я русская армия, но разумеется успех ее наступления не мог облегчить положения 3-й русской армии.

На 6-й день прорыва, 7 мая, 11-я германская армия достигла линии Фрыштаг—Красно-Риманув, а 3-я австрийская—Дукла—Яслиска. За 6 дней глубина прорыва достигла 40 *км*.

Самым неблагоприятным признаком создавшегося для Юго-западного

---

[1] В ночь на 5 мая линия фронта тянулась от Баницы через Пржегодин на Бржезова и далее через Свенцяне и Радощице на Тухов.

[2] Командир XXIV армейского корпуса просил разрешения у командования 3-й армией отвести левый фланг корпуса (48-я дивизия) через Свидник—Барвинек и Тылава на Риманув, но оно приказало 48-й дивизии отходить через Ожену—Граб—Ивла—Дукла на Риманув, т. е. по дороге, которой уже 4 мая угрожал сводный германский корпус. Как видно, командование 3-й армией не знало истинной обстановки, что подтверждается и ген. Радко-Дмитриевым, который спустя год утверждал, что наиболее угрожающее положение было на фронте IX и X, а не XXIV армейского корпуса.

фронта положения явилось полное разногласие в руководстве русскими войсками. Начальник штаба фронта ген. Драгомиров[1] и командующий 3-й армией сознавали необходимость немедленного отскока назад с целью выиграть время и пространство для перегруппировки сил и сбора подкреплений в 3-ю армию. Но Иванов и верховный главнокомандующий не допускали отхода с целью выигрыша времени и пространства, и все их распоряжения по адресу Радко-Дмитриева проникнуты были мыслью не отходить, не уступать захваченной территории и немедленно локализировать германский прорыв. Эта настойчивость сверху крайне нервировала Радко-Дмитриева, человека очень впечатлительного и понимавшего свое щекотливое, как болгарина, положение. У него не оказалось гражданского мужества руководить операцией, как он понимал дело, и на этом основании он выпустил из рук управление войсками и, подчинившись Иванову, он стал бессистемно бросать в бой прибывавшие подкрепления, от чего получился ряд мелких контрударов, неизменно кончавшихся, как и следовало ожидать, для 3-й армии неудачей. Так, на протяжении первых же дней операции не вышло ничего от перехода в контрнаступление III Кавказского и XXI, а в последующие дни V Кавказского и XXIV корпусов.

В связи с продолжавшимся безостановочно отходом 3-й армии Иванов вынужден был отвести назад примыкавшие к ее флангам части 4-й и 8-й армий, и наконец 10 мая, спустя 10 дней жестоких боев, было решено поставить армиям Юго-западного фронта новую, уже оборонительную, задачу сохранения за русскими Восточной Галиции, воспользовавшись оборонительными линиями Сана и Днестра. Согласно этого решения 3-я армия 13 мая отошла на Сан, причем относительно Перемышля указано было не рассматривать этот пункт как крепость, а только как участок заблаговременно укрепленной позиции, обороняемой лишь постольку, поскольку она продолжает заниматься полевыми войсками. К 15 маю Юго-западный фронт занял новое расположение: 3-я армия—на Сане, 8-я армия—в промежутке между Саном и Днестром, 4-я армия оттянула свой левый фланг к Висле; остальные 2 армии—11-я и 9-я—должны были активно оборонять р. Днестр и русскую границу до Румынии.

ОТХОД РУССКИХ АРМИЙ ИЗ ГАЛИЦИИ

Не успела еще сильно ослабленная тяжелыми 2-недельными боями 3-я армия отойти на Сан, как 17 мая германцы переправились в районе Ярослава на правый берег Сана и новым прорывом начали вклиняться в расположение этой армии. Одновременно ими была предпринята атака к югу от Перемышля на Мосциску. В период 18—24 мая Макензен предпринял энергичный нажим на русские позиции на участке Сана между Ярославом и Перемышлем и окончательно утвердился на правом берегу реки, отбросив русских за р. Любачовку. Несмотря на организованный контрудар 3 корпусами между рр. Любачовкой и Вишней, германцев не удалось отбросить. Крепость Перемышль оказалась в исходящем угле русского расположения и с трех сторон охватывалась германцами. *3 июня Перемышль был ими занят.* На левом крыле Юго-западного фронта в это же время 11-я армия медленно, с постепенными упорными боями арьергардного характера, отходила за Днестр, на участок Миколаев—Галич, левее ее расположения 9-я армия своим правым флангом—на Тысменицу, а левый фланг оставался на месте у румынской границы.

---

[1] Др гомиров был нач льником шт ба 3-й армии перед н знач нием на эту должность в ноябре 1 14 г. ген. Добророльского и должен был уйти вследствие столкновений с Радко-Дмитриевым.

С потерей рубежа Сана и Перемышля русские армии Юго-западного фронта вынуждены были при дальнейшем отходе двигаться к собственным границам по расходящимся направлениям. Оборонительной линии для задержки уже не было, а состояние войск и непрерывные германские успехи не позволяли рассчитывать на удержание восточного угла Галиции. Штаб фронта с Ивановым во главе настроен был пессимистически и выпустил окончательно из своих рук управление армиями. Конечно он должен был быть уволен раньше Радко-Дмитриева, но царского любимца верховный не решался отрешить, а взамен того, воспользовавшись создавшимся положением, передал сначала 4-ю, а затем и 3-ю армии, как тяготевших своими коммуникациями на север, в состав Северо-западного фронта Алексееву. Перед тем Иванов сформировал особую группу войск из 5 корпусов под начальством ген. Олохова в промежутке между 3-й и 8-й армиями в районе Любачува. Эта группа должна была обеспечивать срединное направление между этими армиями на г. Владимир-Волынский и быть готовой к переходу в наступление во фланг германцам, если бы они направились против 8-й армии. Неумелая организация группы Олохова не могла спасти положения.

В этот момент, в начале июня, Макензен приостановил свой нажим на русских, что было связано с объявлением 24 мая Италией войны Австро-Венгрии. Австрийцы хотели перебросить значительные свои силы на итальянскую границу, предоставив дальнейшую борьбу с русскими в Галиции германцам. У Фалькенгайна возникли колебания: Гинденбург успешно развивал операцию против Риги, на Западе французы и англичане пытались перейти опять к активным действиям, поэтому германскому главнокомандованию не улыбалось увязнуть на русском фронте глубоко между территорией Польши и Волыни. С другой стороны была соблазнительна возможность нанести окончательный удар России, направив достаточные силы из Восточной Галиции на Брест-Литовск, и этим маневром сомкнуть, вместе с армиями Гинденбурга, кольцо вокруг русских армий в Польше. Это соображение взяло верх, и с середины июня Макензен вновь начал наступление. С его возобновлением 8-й армии Брусилова не удалось удержаться на подступах ко Львову, и *22 июня Львов был очищен русскими.*

С потерей Львова были связаны первостепенной важности политические последствия. Галиция была утеряна русскими; их западные союзники наконец поняли всю опасность надвигавшейся катастрофы на востоке, не уравновешиваемой выступлением Италии. Однако к быстрому удару против Германии ни англичане, ни французы не были в данный момент способны. Общая обстановка складывалась для России крайне невыгодно, и русскому главнокомандованию приходилось в ближайшее время рассчитывать лишь на свои собственные силы. В тот же день, когда был утерян Львов, Иванов отдал директиву об отходе 3-й армии с группой Олохова в русскую Польшу— на фронт Люблин—Владимир-Волынский, 8-й и 11-й армиям постепенно отходить к пределам Киевского округа, а 9-й армии сообразовать свой фронт с движением соседней 11-й армии.

25 июня 3-я армия перешла в подчинение главкома Северо-западного фронта ген. Алексеева. У Иванова остались 3 армии, с которыми он продолжал отходить к Киевскому округу. В руках Алексеева были объединены 7 армий (10-я, 12-я, 1-я, 2-я, 5-я, 4-я и 3-я), войска которых находились на территории русской Польши. Для связи между обоими фронтами в район Полесья были стянуты кавалерийские массы.

Выходом русских армий из пределов Галиции на свою территорию в

конце июня 1915 г. закончилась грандиозная операция, начатая прорывом Макензена 2 мая у Горлицы. За эти 2 месяца сведены были на-нет все предшествовавшие успехи русского оружия, и теперь перед главнокомандованием возникал основной вопрос, как вывести главную массу русских сил из «польского мешка», потерявшего к данному моменту уже все выгодные свойства для наступательных маневров и грозившего окончательно погубить застрявшие в нем армии.

Оценивая искусство русского главнокомандования справиться с задачей управления массами за время от начала Горлицкого прорыва и до утери Львова, нельзя не увидеть именно в полном отсутствии у него этого искусства главную причину весеннего галицийского погрома. С начала апреля было известно, что германцами готовится удар по русской 3-й армии, но Ставка и фронт упорно продолжают игнорировать эти сведения и стремятся скорее войти в Венгрию. Именно вследствие этого стремления, к моменту прорыва полторы русских армии (8-я и часть 3-й) оказываются глубоко залезшими в Карпаты, и медленное вылезание их из Карпат явилось причиной того, что опасно было решиться на быстрый отскок с Дунайца и из-под Горлицы для отрыва этим маневром от «фаланги Макензена» и выхода из-под ее ударов. Вместо такого маневра, который позволил бы парализовать преимущество германцев в мощной артиллерии, верховный главком настойчиво требует от Иванова и Радко-Дмитриева не отлепляться от армии Макензена, а следовательно подставлять русские войска в течение первых 15 дней операции под таранные удары противника. Он присылает к Радко-Дмитриеву двух свитских генералов для поддержки своих требований и шлет ему личные телеграммы, в которых, взывая к мужеству Лозенградского героя [1], убеждает, чтобы 3-я армия остановилась.

В том же духе действует и Иванов. Он требует немедленных контрударов по мере прибытия подкреплений и считает, что эти контрудары должны иметь характер подпирания отходивших войск. В результате прибывавшие свежие дивизии и корпуса на короткое время сдерживали противника, а затем смывались волною общего отступления. К коменту отхода 3-й армии на Сан, т. е. через 15 дней от начала операции, так именно было израсходовано 7 дивизий, переброшенных в 3-ю армию с Северо-западного фронта, не считая еще собственных дивизий Юго-западного фронта, подводившихся к той же 3-й армии.

Нужно было образовать, путем быстрого отступательного маневра, свободное пространство в несколько переходов между собой и германцами и сосредоточить сильную группу вне фланга 3-й армии, на что требовалось несколько дней и, главное, обдуманная организация для нанесения контрудара во фланг наступавшего тарана Макензена. Например в тот момент, когда он подходил к Сану для нового прорыва 3-й русской армии, занявшей позиции по течению этой реки, представлялось весьма выгодным сосредоточить крупную группу войск в излучине между Вислой и Саном для удара в южном направлении на Дембицу и Ржешов против левого фланга наступавших к Сану австро-германцев. Но такой контрудар требовал продуманной организации и не мог быть выполнен без предварительной основательной подготовки.

Словом, только ошибки русского командования (Ставки, фронта и армии) привели к быстрому (в 2 месяца) оставлению русскими войсками всей завоеванной ими ранее Галиции и к потерям в 500 000 чел. пленными с 344 ору-

---

[1] Под Лозенградом в 1912 г. болгары под командой Радко-Дмитриева победили турок

диями. Но еще более чувствительным последствием этой операции для всей России явилось сознание проигранной кампании и упадок моральных импульсов к продолжению борьбы.

ОПЕРАЦИИ НА РИЖСКОМ И НЕМАНСКОМ НАПРАВЛЕНИЯХ

Схема 30А

Как уже известно, к началу апреля 1915 г. на русском Северо-западном фронте наступило позиционное затишье, в течение которого новый главнокомандующий, ген. Алексеев, принялся за восстановление боеспособности своих армий, достаточно растрепавшихся за время зимних операций. Были полки, имевшие не более 1 000 штыков. Но вместе с тем Алексеев не хотел «оставаться в бездействии» и в письме от 15 апреля в Ставку он предлагал, вопреки прежним своим взглядам, теперь же возобновить вторжение в Восточную Пруссию для нанесения частных ударов также ослабленным за зиму германцам. Верховный главнокомандующий на этот раз вполне резонно не соглашался с такой беспредметной операцией и указал Северо-западному фронту держаться строго оборонительного положения, так как главный удар был перенесен на юг. Но вскоре германцы возобновили на этом фронте активную деятельность, положившую начало другой крупной операции этого года на Русском фронте, которая в конечном итоге к концу лета расширилась и слилась с боевыми действиями в Польше и завершила кампанию 1915 г.

Началом ее послужила упомянутая уже демонстрация, предпринятая германским главнокомандованием для отвлечения внимания русских от готовившегося удара в Галиции. Уже в середине апреля стало обнаруживаться усиление германских войск на линии Кенигсберг—Инстербург с выдвижением конницы к нижнему Неману. Вскоре германцы начали решительно действовать на Шавельском направлении. В начале мая ими ненадолго был захвачен г. Шавли, а германская конница стала быстро распространяться по всей Курляндии. 7 мая германцы при содействии морских судов овладели Либавой. Русские слабые отряды стали постепенно отходить за р. Дубиссу, и в течение всего мая шли бои за обладание линиями рр. Виндавой и Дубиссой.

Гинденбург намеревался использовать порученную ему операцию с ограниченной демонстративной целью для осуществления своей идеи широкого охвата русских армий в шлиффеновском духе. Фелькенгайну пришлось его не раз осаживать, но это несходство взглядов обоих германских вождей, усиленное взаимным личным нерасположением, резко обнаружилось на протяжении всего хода летней кампании 1915 г. на Восточном фронте.

Алексееву пришлось вскоре учесть развитие германского нажима в Риго-Шавельском районе и перебросить в этот район до 7 пех. дивизий, чтобы прикрыть пути на правом берегу р. Немана к Вильне, Двинску и Риге, растягивая их расположение до Балтийского побережья и включив весь новый фронт в состав 10-й армии ген. Радкевича, штаб которой находился в Гродне. Эта удаленность не способствовала планомерным действиям русских войск в указанном районе, и германцы стали продвигаться к Митаве и Вильне. Ввиду такого положения Алексеев в начале июня образовал из войск Риго-Шавельского района новую армию, получившую наименование 5-й армии, во главе которой был поставлен ген. Плеве. 12-ю же армию на Нареве, которой до этого момента командовал Плеве, принял ген. Чурин, а войска расформированной прежней 5-й армии (на левом берегу Вислы) были переданы в состав 2-й армии ген. Смирнова.

На 5-ю армию Плеве была возложена задача прикрытия обширного пространства от Немана до Балтийского побережья и вытеснения оттуда германцев, опираясь на Ригу и Двинск. Ставка обязала Балтийский флот оказывать содействие этой армии, удерживая Моонзунд, обеспечивавший сообщение флота с Рижским заливом. 5-й армии ген. Плеве удалось приостановить распространение германцев, но вытеснить их из этого района оказалось невозможным, и таким образом они сохранили за собой выгодную базу для развития наступления позже—с отходом русских из Польши.

ОЧИЩЕНИЕ РУССКОЙ ПОЛЬШИ

Схема 30Б

На совещании русских главнокомандующих в конце июня в Холме ярко выяснился размер ослабления русских армий за истекший период кампании 1915 г. Некомплект снова достиг полумиллиона людей, и пополнение его встречало прежние затруднения из-за недостатка винтовок. К данному моменту на всем европейском фронте на русской стороне действовало 49 корпусов в составе 108 пех. дивизий, 16 стр. бригад и 35 кав. дивизий. По штатам в этой массе должно было находиться свыше 1 500 000 штыков, фактически же едва насчитывался 1 000 000. Качество пополнений было крайне низко, так как люди по той же причине почти не были обучены стрельбе. Нехватало офицеров, и их пополнение не могло итти в уровень потребности вследствие отсутствия вообще лиц, из которых можно было бы в короткий срок подготовить строевых командиров. Войсковое материальное имущество износилось, и большая часть его была утеряна во время длительного отступления из Галиции. Недостаток в боевых запасах был огромный. В подвижных запасах армий Юго-западного фронта налицо имелось не более 40% положенных боевых комплектов. В войсках повсюду под влиянием тяжелых неудач замечалась моральная усталость.

Для русского главнокомандования ясно обозначилась очередная задача данного момента—сохранить таявшие армии до осенней распутицы, которая должна была положить предел активным операциям германцев и позволить приняться за восстановление сил. На совещании 24 июня решено было вывести постепенно русские армии на линию: Рига—средний Неман с крепостями Ковна и Гродна—р. Свислочь—верхний Нарев—Брест-Литовск—верхнее течение Буга—р. Днестр и до румынской границы. Главная опасность в данный момент представлялась в нахождении основной массы армий к западу от указанной линии в пределах «польского мешка».

После обратного захвата австро-германцами Львова 22 июня германское главнокомандование очутилось перед вопросом о том, что предпринимать дальше: следовать ли за русскими на Волынь или круто повернуть операционное направление на север. Первое знаменовало бы собой решение надолго увязнуть на глубоком русском театре войны,—на второстепенном направлении. Поэтому Фалькенгайн остановился на другом решении, сводившемся к *операции с ограниченной целью*—к попытке устроить очередные «Канны» для русских войск, находившихся в Польше *между Вислой и Бугом.* Для этого создана была ударная группа из 3 армий.

11-я армия Макензена и 4-я австрийская армия были усилены несколькими германскими и австрийскими дивизиями и нацелены для движения в северном направлении в полосу между названными реками, причем из разросшегося

состава 11-й армии была выделена на правом ее крыле самостоятельная группа, образовавшая Бугскую армию ген. Линзингена[1]. Для обеспечения правого фланга этой сильной ударной группы была переброшена в район Сокаля с верхней Вислы 1-я австрийская армия. А на левом берегу Вислы осталась лишь армейская группа Войрша. Чтобы скрыть подготовку удара между Вислой и Бугом, Южной и примыкавшей к ней 2-й австрийской армиям в Галиции приказано было продвинуться к р. Золотая Липа.

Вместе с тем для той же операции в духе «Канн» Фалькенгайн считал необходимым привлечь и фронт главнокомандующего армиями на Востоке Гинденбурга. На фронте Гинденбурга действовали армии: недавно сформированная Неманская под начальством ген. Шольца—на среднем Немане для действий через северную Литву против Курляндии; 10-я армия ген. Эйхгорна—в Курляндии; 8-я армия ген. Белова—между реками Лык и Шква; армейская группа ген. Гальвица—от р. Шквы до правого берега Вислы и 9-я армия Леопольда Баварского—на левом берегу Вислы (ниже Новогеоргиевска) и до р. Пилицы.

При постановке основной идеи операции между Фалькенгайном и Гинденбургом, как уже сказано, проявилось резкое разногласие. На предложение оказать поддержку ударной группе Макензена решительной атакой или с участка нижнего Нарева или с участка Вислы Гинденбург возражал, указывая, что только на его северном крыле, в районе Неманской армии, при одновременной атаке на Ковну, имеется возможность вводом новых сил достигнуть решающего успеха. Фалькенгайн же указывал, что охват левым крылом Гинденбурга приведет в лучшем случае лишь к местному тактическому успеху 10-й или Неманской армии, но не окажет воздействия на исход главной операции между Вислой и Бугом. 2 июля на совещании в Познани Вильгельм выслушал мнения обоих генералов, и предложение Гинденбурга было отклонено. Он получил директиву направить армейскую группу Гальвица для прорыва 12 июля русских позиций на нижнем Нареве по обе стороны Прасныша с целью отрезать в дальнейшем русские войска, находившиеся у Вислы и перед Макензеном. Правое крыло 8-й армии должно было примкнуть к наступлению Гальвица, атакуя между рр. Шква и Писса в направлении на Ломжу.

Русское главнокомандование своевременно разгадало намерение окружить русские армии в центре Польши между Вислой и Бугом: удар вразрез между северной и восточной группами Юго-западного фронта, в направлениях на Холм и Владимир-Волынский, и преследование 3-й армии, отходившей на Люблин, делали очевидной угрозу русским войскам в Польше. Чтобы противодействовать маневру австро-германцев вразрез *между* обоими фронтами, восточнее 3-й армии была образована *новая*, *13-я армия* под начальством ген. Горбатовского. Она вошла в состав Северо-западного фронта, и ей вскоре пришлось столкнуться с Бугской армией Линзингена. Вместе с тем во исполнение принятого на совещании 24 июня решения, для сохранения живой силы и для расширения полномочий главнокомандующего Северо-западным фронтом, *5 июля Алексееву было предоставлено право* в случае надобности *начать отвод войск от средней Вислы*, не останавливаясь перед уступкой неприятелю западной части центральной Польши. *Пределом отхода* указывался *фронт по р. Бобру, верхнему Нареву и далее линия Брест-Ратно* (на р. Припяти). Началось окончательное очищение русскими Польши.

---

[1] Линзинген перед тем командовал Южной армией, и как энергичный генерал был Фалькенгайном назначен командовать Бугской армией, а Южная армия вверена была австрийскому генералу Ботмеру.

ХОД ОПЕРАЦИЙ

Схема 30 и 31А

13 июля германцы начали атаку на Наревском направлении, сосредоточив свой удар у Прасныша. 5 дивизий, направленных сюда Алексеевым, своевременно прибыть не могли, и наши войска 16-го числа отходили здесь примерно на линию Щучин—Остроленка—Пултуск. Войска левого берега Вислы, выдерживая давление германцев, оставались на прежней позиции Блоне—Гройцы—р. Илжанка. На люблино-холмском направлении Макензен продвигался с трудом, и то только германскими дивизиями, имея 4-ю австрийскую армию на добрый переход сзади. Линия русского фронта тянулась здесь на Белжице—Красностав—Грубешов.

18—19 июля германцы начали атаки со всех сторон. Кроме наревского направления они атаковали на Илжанке и в направлении на Люблин. Алексеев получил разрешение эвакуировать Варшаву. Противник, продолжая сильно теснить на наревском направлении, вновь начал проявлять активность в митаво-шавельском районе и сделал на другом фланге неудачную попытку прорыва австрийскими войсками в промежуток между фронтами на Владимир-Волынский.

К 28—30 июля положение сторон было таково.

В *Курляндии* германцы, получив подкрепления, продвинулись до линии Либава—Газенпот—Поневеж—р. Дубисса, имея против себя слабую и разбросанную на отдельных направлениях 5-ю русскую армию от Митавы до р. Вилии. На *Немане* положение оставалось без перемен. На *Нареве* правый русский фланг отошел на фронте Остроленка—Пултуск под натиском германцев на левый берег Нарева. Новогеоргиевск, отрезанный от армии, должен был обеспечивать левобережную группу. На левом берегу *Вислы* удерживались подступы к Варшаве и отчасти к Ивангороду. *Южнее Вислы* фронт шел в общем направлении от Ивангорода на Люблин, Холм и Владимир-Волынский. *Юго-западный фронт* стоял западнее рек Стырь и Стрыпы, имея на правом фланге в открытом промежутке между фронтами сильную кавалерию.

Вынужденный отход левого фланга русской Наревской группы за реку делал опасным оставление войск к западу от Вислы, почему 2 августа Алексеев приказал очистить левый берег Вислы, и 4—5 августа, оставив Варшаву, войска спокойно отошли на правый берег реки, а 7 августа русский фронт, выйдя из-под фланговых ударов, отошел на линию Осовец—Ломжа—Брок—Венгров—Любартов—Ковель, не дав праснышской группе противника, энергично наступавшей на Пултуск и далее на юг, выиграть тыл и фланг русских армий. Новогеоргиевск, исполнив свою маневренную задачу по обеспечению отхода левобережной группы русских войск, пал. Это повело к пленению тех полевых войск, которые Алексеев по непонятной причине оставил там для усиления гарнизона.

Гинденбург, не увеличивая войск на наревском направлении (таковые были отчасти увеличены с французского фронта) и подготовив таким образом золотой мост для отступления сильно задержавшемуся на левом берегу Вислы варшавскому отряду, решил, что настало время перейти к выполнению его заветной мечты охвата правого фланга русских со стороны Немана. Но и Алексеев, предугадывавший этот маневр, начал сосредоточивать в Вильне сильную армейскую группу. Преступное поведение коменданта Ковенской крепости (ген. Григорьев) передало крепость 22 августа в руки германцев и сорвало маневр еще не сосредоточенной русской виленской группы.

Между Владимиром-Волынским и Львовом австрийцы, перекинув сюда 1-ю и 4-ю армии, нача и усиливать св е давление на сарненском и луц ом направлениях, что заставило Юго-западный фронт отойти на линию Луцк—р. Стрыпа и вселило панику в сердце главнокомандующего фронтом ген. Иванова, который решил эвакуировать Киев и готовиться к отходу за Днепр. Однако властная на этот раз воля верховного главнокомандующего и помощь маневренная и войсками левофланговых армий фронта (11-й и 9-й) и правофланговой армии (8-й) удержала здесь после ряда упорных боев австрийцев и подошедших им на помощь германцев на линии рек Ясельды, Стыри и Стрыпы (сентябрь—октябрь), где фронт стабилизавался на зиму.

Тем временем в центральной группе германцы, потеряв возможность выиграть со стороны Нарева правый фланг русских, развивают фронтальный натиск преимущественно вдоль Нарева и Бобра и фланговый в обход крепости Брест-Литовска, которую русские решили очистить. Алексеев последовательно отводит свои армии—22 августа на линию Осовец—Соколы—Дрогичин—Янов—Кодень, после чего германцы завладевают Осовцом с юга, и 30 августа на линию Гродно—Свислочь—Пружаны—верховье Ясельды, вновь ускользая от германской ловушки у Брест-Литовска. В дальнейшем центральная группа еще несколько подается назад, в зависимости от действий на флангах, для выравнивания фронта, а центр событий переносится в район Риги, Вильны и Гродны.

ОПЕРАЦИЯ В РИГО-ШАВЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ

Схема 30 А

Фалькенгайн считал русскую операцию законченной, и в действительности, цель, поставленная им себе весною, была достигнута даже в большем, чем он предполагал, размере; грозно развивавшиеся события на западе Европы привлекали туда его внимание и силы. Но Гинденбург имел еще много сохраненных и свободных сил на северо-востоке своего фронта и хотел их использовать для удара на Ригу и по русским тылам в направлении на Вильну—Минск. Для этой цели главное командование усиливало Гинденбурга еще 3 дивизиями, освобожденными из-под Новогеоргиевска. Здесь операции развивались в двух направлениях—на Ригу—Двинск и на Вильну.

Вновь образованная *Неманская армия* ген. Шольца, имея сильное уплотнение на своем левом фланге, у Газенпота и у Шавли, перешла в конце июля в решительное наступление. Потесненная русскими войсками в 5-дневных боях у Шавли, она все-таки выиграла фланг своей левой группой, чем заставила русских отходить к Двине на Ригу, Якобштадт и Двинск. 20 августа германцы заняли Митаву, а в начале сентября начали теснить русских к Западной Двине. Но новые перегруппировки Алексеева и здесь поставили преграду в достижении намеченных ими целей. В район Риги была перекинута 12-я русская армия, которая и удержала в своих руках широкий левобережный плацдарм у Риги и небольшой плацдарм у Якобштадта; также неудачно было наступление германцев 9—11 сентября и на Двинск, где 5-я русская армия, действуя против флангов Неманской и 10-й германских армий, удержала в своих руках плацдарм на левом берегу реки у Двинска.

На виленском направлении, между тем, происходило следующее: взявши 22 августа Ковно, *10-я германская армия* начала продвигаться главными силами к Вильне и наступать своими остальными частями к Олите (подошли 26 августа) в связи с наступавшей вдоль Августовских лесов в Гродно 8-й армией. В то же время левофланговая Наревская германская армия (12-я)

продвигалась к Гродне вдоль Бобра. Здесь обе армии вошли в тесную маневренную связь и 2 сентября заняли Гродну.

10-я русская армия и виленская группа развернулись западнее железной дороги Вильна—Гродна, но после ряда упорных боев и под угрозой обхода флангов к 18 сентября отошли на линию Михалишки—Лида, оторвавшись от левого фланга 5-й армии, отошедшего к Двинску вдоль железной дороги.

СВЕНЦЯНСКИЙ ПРОРЫВ

Схема 31

Германцы решили использовать образовавшийся между Двинском и Вильной разрыв и бросили в направлении Вилькомир—Свенцяны кавалерийскую массу, поддержанную егерями.

9 сентября германский конный корпус из 3 дивизий под начальством ген. Гарнье переправился через р. Свенту севернее Вилькомира и, оттеснив русскую конницу, находившуюся на стыке между 5-й и 10-й русскими армиями, бросился на тыл III корпуса и заставил этот корпус спешно отойти к Ново-Александровску. После этого германская кавалерия повернула на юго-восток и оттеснила вновь русскую конницу. В этот момент 13 сентября корпус Гарнье получил приказ броситься в глубокий тыл русских в район Вилейки—Молодечно—Сморгонь для порчи железных дорог и занятия Молодечно. Корпус был усилен еще 2 кавдивизиями. 14 сентября германцами была занята Вилейка. 19 сентября отряд конных егерей пробрался к линии Минск—Смоленск и испортил путь в районе ст. Смолевичи. 3 железнодорожные магистрали оказались под ударами германцев. В тылу русских войск, преимущественно 10-й армии, быстро нарастала паника, германская кавалерия уничтожала склады и разгоняла учреждения и этапные батальоны. Главнокомандующий Западным фронтом ген. Эверт распорядился переброской частей 2-й армии от Лиды на фронт Ошмяны—Молодечно. Алексеев указал об отходе 10-й армии от Вильны, правым флангом к Сморгони. 1 корпус был направлен из состава 2-й армии по железной дороге через Оршу к Полоцку, и конница сосредоточивалась в районе Вилейки.

Германская кавалерия, не поддержанная быстро своей пехотой, после 15 сентября выдыхается. Она цепляется за местность; а русские, сдерживая арьергардами 5-й и 10-й армий на линии Вильна—Лида—Слоним продвижение германских 10-й и 8-й армий, в то же время значительными силами с трех сторон начинают постепенно вытеснять утомленную германскую кавалерию из района Молодечно. 21 сентября русскими занята Сморгонь, германцы отбрасываются к озеру Свирь, в районе Вилейки захвачена германская конная артиллерия, 1 кав. дивизия оттеснена в болота озера Нарочь. Ко 2 октября Свенцянский прорыв окончательно ликвидирован русскими, которые прочно заняли фронт озеро Дрисвяты—озеро Нарочь—Сморгонь—Делятичи на Немане. Этим собственно и кончилась операция на русском фронте 1915 г., так как бои приняли местный характер и в скором времени обе стороны перешли к позиционной войне на всем длинном фронте от Балтийского моря до румынской границы.

Линия расположения противников тянулась по Западной Двине от Риги до Двинска, с сильными плацдармами русских на западном берегу у Риги и Двинска и со слабым у Якобштадта, и далее почти по прямой линии на Поставы, Крево, Барановичи, Пинск, Дубно, Тарнополь, Бучач и Новоселицы.

К этому же времени в организации верховного командования русскими армиями произошел ряд перемен. Вел. кн. Николай Николаевич был назначен

на Кавказ, верховное командование принял на себя Николай II при начальнике штаба ген. Алексееве, а весь русский фронт был разделен на три фронта: *Северный*, прикрывавший пути на Петроград, *Западный*—пути на Москву, и *Юго-Западный*—пути на Киев. Во главе первого и последнего мы встречаем знакомых уже нам генералов Рузского и Иванова, а во главе Западного фронта был поставлен генерал Эверт. Русский фронт наподобие французского обратился в позиционный.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР

Схема 25

Прежде чем сделать выводы по летнему периоду кампании 1915 г. на русском фронте, необходимо остановиться на операциях на Французском театре и на второстепенных фронтах за то же время с мая по сентябрь 1915 г.

После упомянутого уже сражения у Ипра 22 апреля, англо-французы приступили к подготовке более крупной операции, но также с ограниченной целью. Операция была поручена командующему 10-й французской армией генералу Фошу. Целью поставлен был прорыв германской позиции на холмах Артура, между Ля-Бассе и Аррасом, при поддержке английских войск, 2-й армии с севера и 5-й французской армии с юга. Атака была предпринята 9 мая, причем Фош использовал опыт только-что перед тем произведенного Макензеном прорыва у Горлицы и ввел тяжелую артиллерию в количестве 350 орудий. Ввиду незначительного количества этой артиллерии у французов прорыв был сделан только на ширине 10 *км* между Невиль—С. Вааст и высотой Лорет. После ураганной артиллерийской подготовки французская пехота бросилась на штурм и одним махом углубилась на 2 *км* в германскую позицию. Дальше она наткнулась на германские узлы сопротивления, усиленные большим количеством проволочных заграждений и бетонированными пулеметными гнездами. Бой продолжался до 15 мая, но французы не могли развить своего прорыва глубже вследствие малой ширины его. Произведенное одновременно севернее наступление англичан также не дало большого результата.

Как раз в это время русский верховный главнокомандующий обратился с телеграммой к ген. Жоффру с просьбой предпринять наступление для облегчения положения русского фронта. Во второй телеграмме на имя Жоффра русский верховный главком отмечал, что от начала войны число германских дивизий на русском фронте возросло с 9 до 42, а кавалерийских—с 1 до 10. Из этого числа от 80 до 90 пех. и до 54 кав. полков было переброшено с Французского фронта. Поэтому высказывалось пожелание о том, чтобы была затруднена дальнейшая переброска германских войск с Запада на русский фронт. Жоффр в середине июня повторил атаку в том же размере, и она приковала несколько германских дивизий, но стратегического результата не имела. Все атаки англо-французов в мае и июне не могли обмануть германское главнокомандование насчет их значения лишь как отвлекающих, демонстративных и только успокоили его на счет пассивности борьбы на Французском фронте в течение лета 1915 г.!

Но положение русского фронта после очищения русскими армиями Галиции уже серьезно обеспокоило Антанту. В ее военно-политических центрах стали осознавать невыгоды разрозненных действий коалиции. Там поняли, что преимущества бесспорного численного превосходства армий Антанты парализуются вследствие идейной несогласованности их операций и центральный

союз этим пользуется, чтобы наносить врагам последовательные удары. В связи с таким выводом 7 июля в Шантильи был собран впервые за войну *междусоюзнический военный совет,* на котором Россия была представлена своим военным агентом в Париже. На совещаниях Жоффр признал необходимость для Франции оказать серьезную поддержку своему восточному союзнику, но здесь же выяснилось, что предпринять крупную наступательную операцию на Французском фронте можно лишь через несколько недель вследствие надобности выждать прибытия английских подкреплений, произвести перегруппировки сил и пополнить огнестрельные припасы.

С середины июля англо-французы начали подготовливать операцию большого размаха. Для новой попытки прорыва германского фронта были намечены два района: в *Артуа*—для англичан и в *Шампани,* восточнее Реймса, для французов. Оба участка образовали вместе обширную дугу, по которой германцы, врезаясь во французскую территорию, наиболее приближались к Парижу.

Прорыв в Шампани был шириной в 25 *км,* между Моронвиллер и р. Эн. Он был поручен 4-й и 2-й французским армиям, объединенных под начальством ген. Петэна. 3-я армия ген. Кастельно должна была поддерживать этот прорыв атакой на правом берегу р. Эн. Подготовка операции в Шампани велась с большим напряжением: введено было в дело 53 лучших дивизии; а у Артуа—14 английских дивизий. Сосредоточена была масса артиллерии (около 5 000 орудий), для подвоза к которой боевых припасов проложены были новые дороги. Штурму в Шампани предшествовала 7-дневная артиллерийская подготовка, потребовавшая расхода до 3 млн. снарядов. 25 сентября французы бросились в атаку. В первые 2 дня германский фронт в Шампани был прорван к северу от Арраса на протяжении 25 *км,* на 10—15 *км* в глубину. Было захвачено в плен 25 000 германцев и 150 орудий. Но затем союзники наткнулись на вторую германскую позицию, устроенную частью на обратных скатах, частью замаскированную лесами и потому не тронутую артиллерийским огнем. Пришлось вновь приступить к методической подготовке штурма второй позиции уже под огнем германской артиллерии. Только 6 октября Кастельно решает вторично атаковать германцев. Эта атака вызвала огромные потери во французской пехоте, так как артиллерия не могла основательно разбить позиционные сооружения. Потребовалось и чрезвычайное расходование снарядов. Жоффр приостановил дальнейший штурм. В Артуа успех также оказался лишь вначале. 10-я армия Фоша овладела Суше, английская армия—Лоос и Хюллюш (Hulluch), но вскоре обе армии наткнулись на крупные германские силы, и атака была прекращена.

Войскам Антанты не удалось окончательно прорвать германский фронт. Операция в Шампани и Артуа не увенчалась успехом вследствие недооценки силы германских позиций: вторая их линия, в расстоянии нескольких километров от первой, явилась неожиданностью для англичан и французов и требовала для прорыва такой же подготовки, как и для прорыва первой позиции. Между тем ни живой силы, ни боевых запасов нехватало для выполнения последовательно штурма первой и второй германских позиций. Кроме того операция в конце сентября на Западном фронте являлась уже запоздалой для улучшения русского положения, и подготовка ее велась так медленно, что германцам удалось перебросить вновь несколько дивизий с востока на запад. 3 германских корпуса были взяты с русского фронта, причем пленные показывали, что они в $3^1/_2$ суток были доставлены в Шампань из Белостока. 20 октября окончательно затихли бои в Шампани, и на Западном фронте вновь водворилось позиционное сиденье.

ВСТУПЛЕНИЕ В ВОЙНУ ИТАЛИИ

С первых дней войны обе коалиции нажимали все политические пружины, чтобы втянуть Италию в войну. Итальянское правительство это ясно понимало и хлопотало о том, чтобы не продешевить своей помощи. Фалькенгайн в своей книге откровенно говорит о том, как настойчиво стремилось германское правительство внушить австрийцам неизбежность территориальных уступок Италии за счет Австрии, чем можно было бы купить, если не ее участие на стороне их союза, то по крайней мере итальянский нейтралитет, который обеспечивал бы возможность получения через нее нужного сырья.

Италия понимала, что продолжительный нейтралитет при развитии мировой войны чреват для нее опасностями, особенно при заключении мира; нужно было воевать, и война на стороне Антанты обещала гораздо более существенные выгоды. После очень продолжительных переговоров, 26 апреля 1915 г. в Лондоне было подписано соглашение, обеспечивавшее приобретения Италии за счет Австрии и Турции после окончания войны. Англия обязывалась немедленно дать Италии заем 50 млн. фунтов стерлингов, а Италия должна была не позже как через месяц вступить в войну. 24 мая 1915 г. Италия объявила Австрии войну, но с Германией она порвала дипломатические сношения только 27 августа 1916 г., что однако не мешало германским войскам и раньше участвовать в операциях на Итальянском театре.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕАТР

Схема 32

Мобилизованная итальянская армия состояла из 12 корпусов и из большого числа милиционных дивизий (les divisions de milice mobile). Численность армии при полном напряжении достигала до 2 млн. чел., из которых сразу было призвано под знамена около половины, остальные составляли запас, призываемый по мере надобности.

Австро-итальянская граница шла по хребту Альп, причем австрийские владения вдавались клином на юг в Трентино, представляя выгоды быстрого наступления в Ломбардию долинами рек Брента, Адижа и Гиудикария (val Giudicaria). С другой стороны все политические интересы Италии сосредоточивались на востоке, в долине р. Изонцо, в Истрии и Триэсте. Таким образом для итальянцев приобретали большое значение оба фланга их фронта—крайний правый, где сосредоточивались главные объекты действий, и левый, откуда шли кратчайшие пути в Ломбардию. Это вызывало необходимость со стороны итальянцев сильной страховки своих сообщений на фронте Трентино при развитии операций на р. Изонцо, куда тянули их политические интересы.

Первоначальный план итальянцев заключался в том, чтобы использовать отвлечение австрийцев на русский фронт и медленным общим наступлением завладеть с самого начала кампании всеми важными проходами и господствующими пунктами границы и тем лишить австрийцев в будущем возможности вести наступательную операцию.

С своей стороны германская коалиция, предвидя выступление Италии, решила до окончания операции в России вести на Итальянском театре оборонительную войну. При этом было решено не уступать добровольно территории двуединой монархии и вынести оборону на р. Изонцо. Сюда, кроме сосредоточенных вблизи границы австровенгерских дивизий, были направлены 5 ди-

визий из Сербии, 2 из Галиции, альпийский германский корпус (1 дивизия), а также германская тяжелая артиллерия. Но все эти войска могли быть сосредоточены только уже после начала итальянского наступления.

С 24 мая итальянцы начали наступать в четырех главных направлениях: *В Трентино*, где наступление велось несколькими сходящимися колоннами, они продвинулись на линию Коль-ди Тональ (Col-di-Tonale)—Рива—Роверედо—Борго. *В Кадоре* (les Alpes Dolomitiques) они заняли Монте-Кросс (le Monte-Croce) и Кортина д'Ампецо (Cortina d'Ampezzo), доминирующие над дорогой в Тоблах. *В Карникских Альпах* (les Alpes Carniques) итальянцы продвигались особенно медленно и не могли завладеть фортом Мальборгетто (Malborgetto), преграждавшим дорогу из Понтебы в Тарвиз (Tarvis).

Но большую массу своих войск итальянцы сосредоточили в районе *Изонцо*, где бои приняли особо упорный характер на всем фронте от Монте-Неро до Монфальконе. Итальянцам удалось переправиться через реку и даже устроить тет-депон у Плава, но дальнейшие успехи здесь, как и на всем фронте, были приостановлены в июле месяце австрийскими контратаками. Война временно приобрела позиционный характер.

Французские историки (Corda) для того, чтобы оправдать неудачу первого итальянского наступления на Изонцо, когда австрийцы отчасти были захвачены врасплох, указывают, что эти последние успели в первые 2 недели после объявления войны снять с русского фронта 12 корпусов, участвовавших в трудной операции, и перекинуть их на итальянскую границу. Таким образом итальянцы оказали существенную помощь России. Не стоит останавливаться на этом фактически невыполнимом акте вывода из операции 12 корпусов и перекидки их на Итальянский фронт в течение 14 дней, но несомненно итальянское наступление было единственной реальной помощью русским войскам, которая выявилась в снятии с русского фронта первоначально 2, а потом в течение всего летнего периода кампании еще 8—10 австрийских дивизий.

АЗИАТСКО-ТУРЕЦКИЙ ТЕАТР

Схема 26

По мере хода войны действия в Азии все расширялись и постепенно охватывали турецкие владения со всех сторон. Начавшись на Кавказе, они постепенно захватили Месопотамию и Сирию, а затем проливы, что объясняется специфическими особенностями Азиатского театра, так как именно эти районы имели особое значение в колониальной и империалистической политике великих держав. Здесь находились богатые объекты для захвата в будущем победителями ценных источников (сырья), естественных богатств, рынков и кратчайших путей, и поэтому военные действия вылились в наступлении Антанты на Турцию именно в указанных районах. В течение весны и лета 1915 г. на Азиатско-Турецком театре, кроме Кавказского фронта, не произошло никаких серьезных боевых действий, и поэтому рассмотрение событий на остальных фронтах удобнее отнести к концу года, как заключительному периоду.

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ

Схема 26В

Кавказский фронт мы оставили после блестящей победы русской армии под Сарыкамышем. Операции попрежнему велись на отдельных направлениях—Приморском, Ольтинско-Сарыкамышском и Эриванском, но центр тяжести их

переместился к левому флангу русской армии. События, развивавшиеся весной 1915 г. на западной русской границе, заставили Ставку перетягивать все, что возможно, на европейский фронт, вследствие чего Кавказский фронт постепенно ослаблялся, и поэтому к лету, хотя Кавказская армия попрежнему состояла из 3 корпусов, но из них была последовательно изъята почти половина дивизий, замененных второочередными формированиями, попрежнему оставалась многочисленная конница, исключительно казачья. На летний период Ставка поставила Кавказскому фронту задачей прикрытие русских пределов от покушения на них турок и поддержание русского влияния в Персии, где у России имелись «значительные материальные интересы».

Турки, исполняя грандиозный план германского верховного командования, старались при содействии германских военно-политических организаций вовлечь Персию и Афганистан в открытое выступление против России и Англии, а эти державы старались всячески этому противодействовать. Борьба в Персии приобрела особый военно-политический характер, где переплетались военные операции, дипломатическое воздействие, признаки гражданской войны и экономическая помощь в виде выдачи субсидий различным партиям и отдельным лицам. Таким образом, внимание обеих сторон было привлечено к восточной части фронта, т. е. к району турецко-персидской границы, но у русских, как выше сказано, задача на этот период сводилась к обороне, а у турок, усилившихся прибывшими подкреплениями, к наступлению.

План германо-турок состоял в наступлении отрядов персидских кочевников, подкрепленных небольшими турецкими отрядами, через Азербайджан на линию Елисаветполь—Баку и в выступлении на поддержку им отдельных афганских отрядов через восточную Персию. Вся Персия была наводнена германскими политическими агентами, отрядами инструкторов и транспортами боевого снаряжения, которые постепенно продвигались через Персию к Азербайджану и к Афганистану. Наконец в мае персидское правительство предложило вывести русские отряды, занимавшие персидский Азербайджан и имевшие целью прикрывать русско-персидскую границу от вторжения курдов и тюркских кочевых племен в Закавказьи, имевших целью набег на единственное железнодорожное сообщение Закавказья с Европейской Россией. Восстановить в Персии свое политическое влияние Россия могла только очередной победой над турками и именно вблизи персидской границы. С этой целью в мае было решено перейти в наступление в направлениях на Мелязгерт и на Ван и занять важные узлы путей Муш и Битлис.

Наступление IV Кавказского корпуса, действовавшего на этом направлении, началось весьма удачно, в июне был очищен от турок весь район между Ванским и Урмийским озерами, был вновь занят Дутак, очищенный русскими в период Сарыкамышской операции, затем взят Мелязгерт, важный пункт к северу от Ванского озера, и таким образом весь огромный район между русско-турецкой границей и северным берегом Ванского озера оказался во владении русских. Но силы русских, действовавшие здесь, были слишком незначительны для удержания такого обширного пространства, притом снабжение войск корпуса по горным дорогам через ряд еще не разработанных перевалов было очень затруднительно. Поэтому, когда в июле турки повели здесь наступление превосходными силами, то сопротивление IV Кавказского корпуса было скоро сломлено.

План нового командующего 3-й турецкой армией Махмуд-Киамиль-паши и его германского штаба заключался в том, чтобы энергичным ударом в направлении Мелязгерт—Каракилиса отбросить правый фланг IV Кавказского

корпуса в пустыни северного берега Ванского озера, занять проход Кара-Дербент (вернее Кизил-дербент) и, прервав тем сообщение между IV Кавказским корпусом и сарыкамышской группой, действовать далее в тыл. План этот отвечал существующей обстановке, и турки стали проводить его с должной энергией. Надо отметить, что турецкая ударная группа совершила свой маневр без продовольственных обозов, причем ее снабжение происходило из «подземных складов», заложенных еще в мирное время по известной системе. Этот способ давал возможность совершать марши, не заботясь о подвозе продовольствия, которое находилось впереди, и поэтому наступление турок шло с завидной быстротой. Мелязгерт был снова взят турками. 23 июля русские были отброшены к Патносу, и турки продолжали наступление к Каракилисе, обходя таким образом правый фланг IV Кавказского корпуса. Хотя командованию корпуса и удалось перебросить со своего левого фланга части, которые, образовав уступ, снова вышли на направление к Каракилисе, однако давление турок, имевших здесь до 4 дивизий, продолжалось, и положение сделалось угрожающим для всего Кавказского фронта.

Тогда командующий армией ген. Юденич предпринял контрманевр, который заключался в быстром создании из частей I Кавказского корпуса, действовавшего на сарыкамышском направлении, и армейского резерва—ударной группы, силой в 24 батальона и 31 сотню, которая должна была сосредоточиться уступом у Даяра и ударить в левый фланг турок. 2 августа отступавшие русские части были уже в Каракилисе, но задержаться на этой линии не могли и продолжали отступать к пограничному хребту Агрыдаг, причем артиллерию корпуса, ввиду невозможности быстро поднять ее на трудные перевалы в этом направлении, пришлось направить под прикрытием пехотного полка далее, к востоку, где были более разработанные перевалы.

К вечеру 3 августа сосредоточение даярской группы было закончено, и на другой день она перешла в наступление против левого фланга и тыла турок. Этот энергичный и своевременный удар грозил тактическим окружением турок у Каракилисы, чего они случайно избежали вследствие того, что ударная даярская группа вместо данного ей Юденичем направления взяла более северное, примерно в район Дутака. Турки, занимавшие Каракилису, очистили ее под угрозой обхода и стали спешно отступать к Мелязгерту, выдержав небольшой арьергардный бой с даярской группой. Вслед за отступающими турками началось новое наступление IV Кавказского корпуса к северному берегу Ванского озера, где преследование было прекращено; перекинутая к этому времени с европейского фронта Кавказская кав. дивизия была пущена в трудный рейд из пределов Персии вдоль восточного и южного берега Ванского озера.

На остальных направлениях Кавказского фронта шли бои местного характера, и к сентябрю расположение сторон установилось от Черного моря до Урмийского озера по линии Архаве—Ида—Хоросан—Дутак—Ван—Ханесурский перевал. Всего турки имели здесь 190 батальонов против 100 русских, но попрежнему уступали русским в артиллерии, коннице и в силе батальона.

ДЕЙСТВИЯ В ДАРДАНЕЛЛАХ

Схема 28

После предыдущих неудач следующая попытка овладеть возвышенностями южной оконечности Галлиполийского полуострова началась 4 июня при очень слабой поддержке огнем судовой артиллерии. В 11 час. 20 мин. 24 000

англо-французских пехотинцев бросились в атаку на участке в 5 *км*. Как и во всех случаях, бывших ранее, вначале удалось сильно продвинуться вперед, особенно французам, но к исходу дня в результате турецких контратак пришлось отойти почти в исходное положение. Всего в этот день англо-французами было введено в бой до 50 000 чел., потери достигли 7 000 чел.

Сумев привлечь на поле боя многочисленную полевую артиллерию, турки поставили атакующих в столь угрожаемое положение, что последним пришлось ввести в бой все свои резервы. Хотя турки также понесли большие потери, однако благодаря умелым работам по укреплению своих позиций они могли быстро и незаметно подводить к линии огня свои подкрепления. После этих боев часть турецких войск на южной оконечности полуострова была заменена свежими дивизиями из состава 2-й турецкой армии Вехиб-паши.

К концу этой операции число потерь, понесенных англо-французами с начала высадки, достигло 50 000 чел. Наступило жаркое время года. Местами окопы первой линии были устроены из трупов, прикрытых снаружи мешками с землей, фашинами и песком. К счастью всеиссушающее солнце при совершенном отсутствии дождей высушило и трупы; хотя эпидемий не последовало, но войска сильно страдали.

29 июня турки под личным управлением Энвера-паши произвели сильный контрудар, с целью сбросить в море левый фланг Австралийско-новозеландского корпуса, но эта атака туркам не удалась, и они понесли большие потери.

Зацепившись ценой больших потерь и жертв за мыс Хеллес и мыс Габа-Тепе, англо-французский экспедиционный корпус был вынужден перейти к позиционной войне.

В конце июня в Лондоне было решено послать Гамильтону 5 свежих дивизий, что доводило число дивизий экспедиционных сил на Галлиполи до 12 (2-я французская дивизия Белу прибыла в начале мая). К этому же времени предполагалось прибытие мониторов, построенных адмиралом Фишером для операций, которые раньше преднамечались против германских берегов, и ожидались старые крейсера с пристроенными к ним противоминными утолщениями.

В течение июля на Галлиполи продолжались бои чисто местного значения, не имевшие подчас никакой даже узко тактической цены. Гамильтон, кроме имевшихся ранее в его распоряжении войск, получил 13-ю пех. дивизию, IX армейский корпус Стопфорда в составе 10-й, 11-й, 53-й и 54-й пех. дивизий. Последние дивизии корпуса прибыли на остров Лемнос в начале августа. С этими вновь прибывшими войсками у Гамильтона было всего 157 000 чел., включая сюда и 30 000 французов. Численный штат всех частей, не исключая Австралийско-новозеландского корпуса и французских дивизий, был пополнен, равным образом была пополнена и материальная часть. Англо-французский флот, стоявший на рейдах Имброса и Лемноса, был в полной готовности. На этот раз мощная армия, опирающаяся на сильный флот и в изобилии снабженная материальной частью, должна была, как думало английское командование, привести к долгожданному успеху.

Сувла, или серия сражений, называемых сражением у Сувлы,—одно из самых кровопролитных сражений, которые были до сих пор зарегистрированы английской военной историей. Это было исключительное поражение англичан, так как Гамильтон действовал совершенно самостоятельно, не сообщив французам в подробностях даже своего плана. Он решил охватить от Ари-Бурну до южной оконечности бухты Сувла правый фланг турецкой армии, а для отвлечения внимания турок произвести демонстрации на побережьи у мыса Хеллес

между мысом Хеллес Ари-Бурну и в Саросском заливе. Во время демонстрации Австралийско-новозеландский корпус должен был атаковать турок в 4 *км* южнее бухты Сувла, а IX армейский корпус Стопфорда—высадиться в бухте Сувла. Он рассчитывал объединенными усилиями этих 2 корпусов, т. е. массой в 65 000 чел., отбросить передовые части турок и охватить правое крыло их основной группировки, обойдя с севера массив, после чего захватить в тылу у турецкой армии порт Акбаш на Мраморном море.

К концу июля турецкая главная квартира, частично сменив пострадавшие в предшествующих боях дивизии, довела силы Лимана фон-Сандерса до 15 пех. дивизий, кроме того во Фракии были расположены 1-я и 2-я турецкие армии, готовые подать на полуостров новые подкрепления.

К этому времени на Галлиполийском полуострове турки обороняли:

1. Фронт мыса Хеллес—5 пех. дивизиями (1-я, 10-я, 13-я и 14-я), имея в резерве 1 пех. дивизию (8-я), т. е. на 8 *км* имелось 5 пех. дивизий.

2. Фронт Ари-Бурну (против Анзак[1])—3 пех. дивизиями (16-я и 19-я), имея в резерве также 1 дивизию, т. е. на 5 *км*—3 пех. дивизии.

Считая, что у англо-французов нехватит сил для производства одновременно двух ударов по флангам турецкого расположения, Лиман фон-Сандерс оставил на азиатской стороне 3 пех. дивизии (2-я, 3-я и 11-я). Кроме того на южной оконечности полуострова были выделены 2 дивизии в общий резерв (9-я и 4-я), в целях поддержки частей, расположенных против мыса Хеллес либо расположенных против Ари-Бурну. Наконец у места, которое вызывало особенное беспокойство—у Саросского залива, находилась вторая резервная группа в составе 2 дивизий (7-я и 12-я).

6 августа операция началась атакой англичан на южном участке в направлении на Ачи-Баба. По случайному совпадению турки также получили приказание атаковать англичан. В результате последовало встречное столкновение, не давшее сторонам никаких результатов. Атакуя в течение 5 дней и понеся колоссальные потери, англичане не добились никакого успеха против Ачи-Баба. На участке Анзак генерал Бирдвуд, получив в подкрепление 13-ю пех. дивизию и 29-ю индусскую бригаду, также совершенно истощил себя в бесплодных атаках с 6 по 10 августа и остался в конце концов в исходном положении. Бои в районе Сувлы, начавшись удачной высадкой в ночь на 6 августа, также не дали англичанам решения, так как было потеряно 2 суток вследствие дезорганизации тыла, недостатка воды, а главное—вследствие неправильно взятого направления решающего удара, который по приказанию Стопфорда наносился на Кучук-Анфарта, вместо того чтобы содействовать левому флангу Австралийско-новозеландскою корпуса. Эта потеря времени дала туркам возможность организовать контратаку и приостановить наступление англичан. К 9 августа IX корпус Стопфорда уже потерял 8 000 чел., а Австралийсконовозеландский корпус—20 000 чел. За свою бездеятельность в течение 2 суток Стопфорд был заменен командиром 29-й пех. дивизии Лилем.

Лиль выработал новый план атаки. Однако упущенные возможности ушли безвозвратно. К туркам на фронт от Ари-Бурну до Киреш-Тепе прибыли 8 пех. дивизий, что с бывшими здесь прежде составило внушительную силу в 10 пех. дивизий. Атаки, произведенные по плану Лиля IX армейским корпусом совместно с переброшенной сюда 29 пех. дивизией, ничего кроме потерь в 5 000 чел. не дали.

В общем августовская операция англичан у Сувлы обошлась им в 45 000

---

[1] Австралийско-новозеландский корпус.

чел., столько же стоила и туркам. В своем крайнем напряжении эта операция решила судьбу всей борьбы за проливы. Как и в предыдущих операциях, против плана Гамильтона возражать не приходится, но должно сказать, что силы и средства, которыми обладал Гамильтон, могли дать успех лишь при быстро развивающихся действиях, но это требовало соответствующей подготовки исполнителей и совершенной организации тыла, а и то, и другое во всех случаях оставляло желать лучшего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В кампанию 1915 г. летний период имел решающее значение не только для этого года мировой войны, но и для всего ее хода. Летнему периоду принадлежат операции, ярко обозначившие основные провалы в политическом и военном руководстве обеих коалиций,—провалы, которых уже нельзя было исправить и которые дали поворот дальнейшим событиям и привели к известным конечным результатам. Поэтому выводы по операциям летнего периода остаются наиболее выпуклыми и для всей кампании 1915 г. А именно:

1. Кампания 1914 г. убедила обе стороны в неизбежности ведения войны продолжительной и с использованием всех моральных и материальных ресурсов до крайнего напряжения энергии каждого из участвующих в борьбе государств. Весь свет увидел, что война принимает совсем иной оборот, предстоит война затяжная, долгая, и это положение требовало новой расстановки политических сил во всем мире. Германия еще хваталась за попытки окончить войну сокрушительным ударом, не останавливаясь даже и перед тем, чтобы предложить сепаратный мир России. Антанта решила воевать на измор и принялась за соответствующую подготовку. Нужно было уловить в сети войны, после Турции—Италию, Румынию, Болгарию, Грецию, и к этому, помимо политических переговоров, приноравливаются даже планы операций. В борьбе на измор исход ее определили экономические ресурсы.

2. Так как доктрина о короткой сокрушительной войне родилась в Германии в связи с ее ограниченными экономическими возможностями, то и перепланировка войны повелительно требовалась раньше всего в Германии. Для такой перепланировки нужен был новый человек. Фалькенгайн так и понял свою миссию, когда был призван 14 сентября 1914 г. заменить Мольтке. Но он предпринимает еще раз попытку сокрушить западных врагов, главное—англичан, так как в этот момент надломленная сила Франции не в состоянии была бы держаться без поддержки Великобритании. В ноябрьском сражении у Ипра германцев постигает новая стратегическая неудача. Германскому главнокомандованию нужно пересмотреть свои военные цели: идея сокрушительного удара Шлиффена рухнула, а на этот случай он ничего другого не завещал своим преемникам. К этому моменту возник целый ряд экономических и политических предпосылок, требовавших нового плана операций. Не перечисляя вновь этих предпосылок, достаточно здесь сказать, что они внушили колебания Фалькенгайну, принявшему пост начальника Генерального штаба с твердым было намерением добиться решительного результата на Западе. К февралю 1915 г. у него созревает решение повернуть линию главных операций с запада на восток—против России.

3. Решив обратить главный удар против русского фронта, германское главнокомандование вместе с тем признало необходимым отказаться от применения шлиффеновской идеи глубокого охвата одного из флангов русского фронта. Фалькенгайн резко разошелся с Гинденбургом и Людендорфом, которые требо-

вали предоставления им еще зимой наибольших подкреплений для охвата севернее Ковны—на Вильно—с целью отрезать все армии русского Северо-западного фронта от внутренних областей, источников снабжения и пополнения. Гинденбургу дано было лишь 4 корпуса, при посредстве которых он мог разбить только одну 10-ю русскую армию и уничтожить всего лишь 1 русский корпус.

4. Едва закончилась зимняя операция по освобождению Восточной Пруссии, как Фалькенгайн переносит главный удар в Галицию и здесь организует таран Макензена для прорыва русского фронта между Вислой и Карпатами. Здесь в период 50 дней германцы вытесняют русских из Галиции и на целый год (до Брусиловского прорыва в 1916 г.) обеспечивают боеспособность австровенгерской армии.

5. После очищения Галиции от русских германцам представлялись два направления на русском фронте, но Фалькенгайн вновь отказывается от шлиффеновского замаха вглубь русского фронта на Киев, а круто поворачивает на север и на северо-восток для охвата только части русских сил между Вислой и Бугом, причем вновь сталкивается с Гинденбургом и отклоняет его предложение отрезать русских с севера от Минска и прижать их к Полесью. И уже на исходе летней кампании, когда русские армии благополучно вышли из Польши, Гинденбургу удается захватить их «на излете». Предпринимается лишенный стратегических последствий Свенцянский прорыв. Русским армиям удается выкарабкаться из польского мешка, уклониться от охватывающего удара, остановить на меридиане Двинск—Ровно вторжение германцев и принудить их к зимнему позиционному сидению.

6. В итоге летнего периода стратегия Фалькенгайна на востоке могла записать себе крупный актив. Сравнительно легко германская армия достигла крупных успехов, завоевав огромную территорию. Русской армии в целом был нанесен непоправимый удар, но она еще могла держаться больше года и успела окончательно добить австрийцев весною следующего года. Но вместе с тем летняя кампания 1915 г., не подвинувшая Германию ни на шаг к решению судьбы войны в благоприятном для нее смысле, обогатила главных ее врагов—Великобританию и Францию—передышкой и дала им материальную возможность не только выдержать в 1916 г. верденский удар, но и взять Германию измором, чего так опасалась шлиффеновская стратегия.

7. Таким образом стратегия Фалькенгайна, развернувшаяся в летнюю кампанию 1915 г., выражалась *в операциях с ограниченной целью* и приводила к незаконченным результатам.

8. Русская стратегическая мысль, насколько она проявилась в летнюю кампанию 1915 г., отличалась примитивностью и расплывчатостью. Она жила фантазией, но не конкретным содержанием. С одной стороны перспектива операций, устремленных на Берлин, но обязательно через Восточную Пруссию, с другой—тяга в Венгрию, к Будапешту. Увлечение идеей вторжения в Венгрию выбивает у русского главнокомандования реальную почву из-под ног и лишает его чувства действительности. Оно не расстается с этим стремлением накануне ошеломляющего удара Макензена. Попав под этот удар, оно сразу теряется и противопоставляет ему нелепое желание не уступать ни шагу завоеванной территории. На самом же деле Юго-западный фронт вынужден начать непрерывное отступление, со 2 мая и до сентября, причем ни разу не удается организовать умелый контрудар.

9. Положительным образцом является операция по выводу русских армий из Польши, обязанная до известной степени уменью Алексеева примениться к шаблонным формам германского оперативного искусства, которое выражалось

в том, чтоб охватить фланги, соединив это с прорывом на фронте при участии мощной артиллерии. Но и Алексеев лишен был смелости маневра и отводил войска только *под ударом* противника. Русские войска и их военачальники не умели и считали конфузным прибегать к отступлению заранее как к форме маневра для образования ударной группы на фланге.

10. Англо-французское главнокомандование быстро оценило изменившуюся обстановку войны и решило широко использовать наступивший на его фронте перерыв крупных операций. Особенно к этому склонна была Англия, которой нужно было привлечь к войне доминионы и колонии и найти способы для замены небольшой сухопутной наемной армии призывом всей массы населения. Англия не остановилась даже перед тем, чтобы прибегнуть к отдаленной дарданельской операции, замаскировав ею перерыв в военных действиях на своем европейском фронте. Конечно истинные мотивы этой последней операции гораздо сложнее. Англия опасалась, что с присоединением Турции к Центральному союзу возникнет серьезная угроза ее связи с Индией, тем более что уже в конце 1914 г. Турция пыталась овладеть Суэцким каналом.

Операции на Западном фронте, в связи с только-что сказанным, предпринимались французами и англичанами в ограниченном масштабе, с целью подчеркнуть оказание помощи русским армиям. Крупные операции в Артуа и Шампани в сентябре и октябре 1915 г. были первым испытанием восстановленных французских сил. Операции не имели стратегического значения, но дали ценные результаты для тактических выводов на последующие годы войны. Была установлена зависимость успеха прорыва от значительной ширины выбранного участка прорыва и от сосредоточения на этом участке мощной артиллерии, причем осенний опыт в Шампани был особенно важен по выяснению характера германских приемов укрепления позиции. Тот же опыт подтверждал необходимость многодневной артиллерийской подготовки участка прорыва. Перед штурмом требовалось приближение атакующих войск по рецептам крепостной войны.

11. В конечном итоге летняя кампания 1915 г не принесла Германии решения войны в ее пользу. Русский фронт был отодвинут дальше на восток, но с ним не было покончено. Русская армия была парализована лишь на известное время. Не имея нужных средств, чтобы предпринять окончательный удар на востоке, германское главнокомандование обратилось осенью 1915 г. к операции против Сербии с тем, чтобы прочнее связаться с только что примкнувшей к Центральному союзу Болгарией, прийти на помощь Турции и заставить Румынию покончить наконец с колебаниями. Предпринята была новая очередная операция с ограниченной целью.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПЕРИОД ОКТЯБРЬ—КОНЕЦ ГОДА

БАЛКАНСКИЙ ТЕАТР

ВЫСТУПЛЕНИЕ БОЛГАРИИ

Дипломатическая борьба в Болгарии кончилась неудачно для Антанты, и правительство царя Фердинанда окончательно стало на сторону Тройственного союза и Турции против Антанты и славянских стран. Эта дипломатическая неудача повлекла за собой между прочим падение кабинета во Франции. 21 сентября болгары начали мобилизацию, а 5 октября, оставив без ответа ультиматум Антанты, открыто стали на сторону Центральных держав.

Болгарская армия (общей численностью около 500 000) состояла из 12 дивизий, каждая свыше 20 000 чел., из которых 11, подразделенных на 3 армии, сосредоточились на границе Сербии, а одна оставалась в Варне против румын и русского десанта.

ПЛАН ГЕРМАНЦЕВ

Выступление Болгарии во многом меняло конфигурацию общего положения сторон в пользу Центральных держав, что отнюдь не компенсировалось выступлением Италии на стороне Антанты.

У Центральных держав образовался сплошной театр от Северного моря до Багдада, дававший им возможность использовать большие богатства Азиатской Турции. Маленькую прослойку на этом пути составляла только сербская армия. Ее надо было уничтожить, а кроме того надо было прочно стать на Балканском полуострове, где политическое положение оставалось столь непрочным, что могло быстро измениться во враждебную Центральным державам сторону. Такая обстановка заставила Германию, у которой в то время шли решительные бои во Франции, не только организовать крупную операцию на полное уничтожение сербской армии, но и обеспечить ее успех посылкой туда части германских войск.

ОПЕРАЦИИ В СЕРБИИ

ПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН

Схема 8Б

Сербская армия к осени 1915 г. едва насчитывала с трудом набранные 200 000 чел., которые и были предназначены для прикрытия Старой Сербии, угрожаемой с трех сторон ее границ. С этой целью сербские вооруженные силы развернулись в одну линию армий по Дрине, Саве, Дунаю, Тимоку и Болгарской Мораве, имея на своем левом фланге небольшой отряд черногорцев на верхней Дрине против Вышграда.

Для атаки сербов развернулись, под общим начальством Макензена, *армии Центральных держав,* имея на правом фланге против черногорцев австрийский корпус, на Саве до Дуная включительно—3-ю австрийскую армию Кевеса (4-ю австрийскую и 3-ю германскую дивизии), по Дунаю—11-ю гер-

манскую армию Гальвица (7 дивизию) и по рекам Тимоку и Мораве 3 болгарских армии, в общей сложности до дивизий. При этом 3-я австрийская армия должна была форсировать реку на фронте Белград—Купинов и наступать на Крагуевац, 11-я армия—форсировать Дунай на фронте Рама—Семендрия и наступать вверх по Мораве и болгары—наступать главными силами на фронт Княжевац—Пирот и далее на Ниш, а второстепенным отрядом (2-я дивизия) от Кюстендиля на р. Вардар.

Всего свыше 500 000 [1] (в том числе 11 германских дивизий) против 200 000 сербов. Судьба Сербской армии была таким образом предрешена. Единственным возможным спасением для сербов было предупредить выступление Болгарии и напасть на нее во время мобилизации. Это могло бы сразу вывести Болгарию из строя или даже передать ее в руки Антанты. Однако такому акту воспротивилась под давлением Англии Антанта, которая предала таким образом Сербию полному уничтожению.

ВЫСАДКА СОЮЗНИКОВ В САЛОНИКАХ

Еще в конце 1914 г. державы Антанты предполагали организовать сильную высадку на Балканском полуострове у Салоник, обезвредить себя со стороны Болгарии и нанести удар Австро-Венгрии с юга. Но эта мысль не встретила сочувствия со стороны Англии, которая предпочла экспедицию в Галлиполи.

Теперь же французы и англичане направили 5 октября, по соглашению с главою греческого правительства Венизелосом, в Салоники 2 дивизии, которые спешно продвинулись на верховья Вардара и заняли позицию между озером Дайран и Криволаком для прикрытия правого фланга сербов и обеспечения отхода их армии на Салоники и для охраны железной дороги на высоте дефиле у Криволака.

ХОД ОПЕРАЦИИ

8 октября армия Макензена начала, после сокрушительной бомбардировки Белграда, под покровительством тяжелой артиллерии, переправу через Саву и Дунай на широком фронте между Шабацем и Рамма, но до 15-го числа успехи ее были незначительны ввиду контратак сербов. Одновременно австрийцы начали переправу через Дрину у Вышграда, а северная и центральная болгарские армии атаковали сильные позиции на Тимоке к северу от Пирота. Южная болгарская армия легко продвинулась к Вардару и верхней Мораве, через которую и переправилась у Врании 20 октября. Южнее же она столкнулась 27 октября с англо-французскими дивизиями, число которых доходило уже до трех (75 000) и которые расширили свой фронт до верховьев р. Черна.

С 25 октября атаки против сербов начались по всему фронту и особенно сильно в юго-западном направлении, где болгары заняли Ускюб и Велес, а 27—30 октября атаковали англо-французов на всем фронте между Криволаком и озером Дайран. При таких условиях сербская армия приняла единственное оставшееся ей решение—отступать в юго-западном направлении на Черногорию и Албанию.

---

[1] Фалькенгайн считает свыше 330 000, но он вероятно принимает в расчет 4 условленных конвенцией болгарских дивизии. В действительности же их было гораздо больше.

Армии Макензена наступали вслед за сербами с севера на юг, имея австрийцев на правом фланге, и 10 ноября соединились у Ниша с болгарской армией. С 6 по 15 ноября сербы в дефиле у Качаника и у Бабуна, а французы у Криволака с успехом выдержали сильные атаки болгар, чем дали возможность правому флангу сербов отойти на Прилеп и Монастырь.

Дальнейшее отступление сербской армии и народа шло при самых ужасных климатических условиях и лишениях через Ипек, Призрен, Дибра и Эльбазан к Дураццо и Сан-Жан-де-Медуа, где остатки армии в числе около 120 000 были посажены на союзные суда и перевезены для устройства на остров Корфу. Одновременно отошли к Салоникам и англо-французские дивизии.

В конце августа 1915 г. уклончивые выражения отчета Гамильтона о только что проведенной операции у Сувлы ясно открыли Лондону всю значительность понесенного экспедиционным корпусом поражения. В этот момент дипломатическая игра, происходившая в Афинах, Софии и Бухаресте, дошла до кульминационного пункта и закончилась выступлением на стороне серединных держав Болгарии.

Салоникская операция бесспорно отвлекла внимание от Галлиполи, хотя англичане совершенно от нее отказаться все же не думали, так как у них имелись сведения, что Россия под влиянием неудач на своем фронте может пойти на сепаратный мир. В силу этих соображений Китченеру было предложено отправиться в Дарданеллы для личного изучения обстановки и окончательного выбора операционного направления, т. е. Салоникского или Галлиполийского.

Между тем во Франции произошел министерский кризис: ушел в отставку Делькассе—противник Салоникской операции. Сосредоточив свое внимание на Салониках и приняв во внимание доклад Китченера о результатах его поездки, английское правительство пришло к решению об эвакуации Галлиполи. К 9 января эвакуация была закончена. Всего было эвакуировано 193 000 человек и 544 орудия, оставлено на берегу 49 орудий, 750 лошадей и мулов с 1 600 повозками, кроме того было оставлено значительное количество всякого рода запасов. Потерь в людях при эвакуации не было.

Дарданельская операция дорого обошлась противникам: англичанам—119 000 чел.; французам—26 000 чел.; туркам—169 000 чел. Кругооборот людей, участвовавших в операции, равнялся для англо-французов 570 000 чел.

В военном отношении изложенные операции представляют интерес только в том смысле, что сербской армии, захваченной в клещи армией, в $2^1/_2$ раза ее превосходящей, удается благополучно выскользнуть из охвата благодаря своевременно начатому отступлению и кордонному без уплотнения на флангах расположению армий центральных держав.

В политическом отношении захват Сербии вместе с отказом союзников от Галлипольской экспедиции имели большое значение. Прямой путь от Берлина к Константинополю был обеспечен центральным державам, и таким образом образовался один сплошной фронт, причем германские войска могли оказывать помощь своим союзникам на отдаленнейших его углах. Австрия была обеспечена от удара с юга, чем освобождалась часть ее войск. Морские проливы для Антанты были закрыты, и сообщения с Россией продолжались до окончания постройки Мурманской дороги кружным путем через Архангельск и Владивосток. Балканский театр приобретал весьма важное для цен-

тральных держав значение в особенности в экономическом отношении, и здесь обстановка сложилась совершенно не в пользу Антанты.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕАТР

Схема 32А

В октябре и ноябре итальянцы еще два раза атаковали австрийцев (второе и третье сражение на Изонцо) с целью облегчить положение сербов, но обе атаки не принесли никаких положительных результатов. Все важные в стратегическом отношении пункты, как-то: Ровередо, Трент, Тоблах, Тарвиз, Горица и Триест, остались в руках австрийцев.

Однако это заставило Тройственный союз увеличить здесь свои силы, и к концу года на Итальянском фронте действуют уже 3 австрийские армии: Данкля—в Тироле и на р. Адиже, Рора—в Каринтии и Бороевича—на Изонцо.

РУССКИЙ ТЕАТР

ОПЕРАЦИЯ НА Р. СТРЫПА

Схема 30

Хотя Россия вела в течение всего 1914 и 1915 гг. непрестанную маневренную борьбу на всех фронтах и только с октября почувствовала возможность передышки и устройства, но тяжелое положение Сербии заставило предпринять ее новую операцию для оказания помощи своей союзнице. Усложнившееся положение на Балканском полуострове вследствие выступления Болгарии и ожидаемого ультиматума со стороны центральных держав Румынии заставило русскую Ставку сформировать в ноябре новую, 7-ю армию из $4\frac{1}{2}$ пех. и 1 кав. корпусов и сосредоточить ее в окрестностях Одессы.

Помощь Сербии могла быть оказана 4 способами:

1. Вторжением в Болгарию через Румынию, но румыны отказались пропустить русские войска через свою территорию.
2. Совместным наступлением, как это предлагала русская Ставка, к Будапешту 10 русских корпусов через Карпаты и 10 англо-французских через Салоники, на что не соглашались ее союзники.
3. Производством десанта на болгарский берег Черного моря, против чего возражало морское командование, считая такую операцию в осеннее время, при наличии в Черном море германских подводных лодок и без морской базы в Констанце, крайне рискованой.
4. И наконец энергичным наступлением левого фланга Юго-западного фронта, чтобы оттянуть сюда австро-германцев.

Эту последнюю меру и было решено привести в исполнение, употребив для выполнения ее вновь сосредоточенную и отлично снабженную 7-ю армию, которая была в декабре перевезена в район Трембовля—Чортков и должна была атаковать противника при содействии соседних—11-й (справа) и 9-й (слева)—армий на р. Стрыпе, развивая свой прорыв в северном и северо-западном направлениях. Со стороны центральных держав на этом участке были расположены новая германская армия Ботмера и 7-я австрийская Пфлянцера, в общем немного слабее атаковавших их русских войск.

Командующий 7-й русской армией решил возложенную на него задачу

довольно несложно. На фронте атаки в 25 *км* он развернул свои 3 корпуса, давши фланговым корпусам для атаки участки по 10 *км*, а среднему, который вел, так сказать, главную атаку, участок в 5 *км*, оставив четвертый корпус у себя в резерве. В этом и заключалось все его руководство операцией. Следует иметь в виду, что против 7-й армии на отлично укрепленных позициях сидело 4—5 дивизий австро-германцев, т. е. силы на этом участке были почти равные.

27 декабря атаку начали 3 корпуса 9-й армии для привлечения на себя внимания; корпуса далее проволочных заграждений противника не дошли. А 29 декабря, при самых дурных климатических условиях (мокрый снег, грязь, не дававшая даже возможности делать перебежки, и бездорожье) двинулись 3 корпуса 7-й армии атаковать предназначенные им участки. Несколько дней каждый из них на свой риск вел ряд атак, без связи друг с другом, имея в некоторых местах успех, в других неудачи, но в общем корпуса, при дурной при этом работе артиллерии, захлебнулись. Управление операцией со стороны армейского командования состояло только в том, что оно через несколько дней атак заменило истомленный центральный корпус корпусом своего резерва. При таких условиях Алексеев основательно поступил, прекратив 26 января эту бесцельно развившуюся операцию, стоившую 7-й и 9-й армиям 50 000 потерь.

АЗИАТСКО-ТУРЕЦКИЙ ТЕАТР

Мы видели, что уже летом 1915 г. боевые действия на Кавказском фронте переместились с сарыкамышского направления в район Ванского озера. Описываемый же период характеризуется переносом центра событий из северного Курдистана на юго-восток, в Персию, которая осенью была включена в район действий Кавказской армии, и в Месопотамию, где в конце года англичане потерпели сильную неудачу, оказавшую большое отрицательное влияние на престиж Англии на Востоке.

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ

Схема 26В

После летних боев в районе между р. Мурад-чаем и Ванским озером на фронте установилось затишье, прерываемое только частными стычками на приморском направлении и в районе Ванского озера. В конце года русское командование, учитывая избыток свободных сил у турок и поступающие сведения о предположениях турок развить с будущей весны широкие активные действия против Кавказской армии, стало подготавливать нанесение удара на главном, сарыкамышском (Карском) направлении, что и привело в начале 1916 г. к успешной эрзерумской операции.

Осенью же обстановка в Персии сложилась так, что потребовала отвлечения и внимания и сил Кавказской армии, которая была вынуждена перебросить сюда, несмотря на свою относительную слабость, отдельный отряд, сформировав его почти исключительно из состава своей многочисленной конницы. Хотя этот отряд, получивший наименование экспедиционного отряда, а впоследствии переименованный в корпус, и оставался в подчинении кавказского командования, однако ввиду последующих его операций, отчасти связанных с операциями в Месопотамии, действия его в Персии будут рассматриваться особо.

ДЕЙСТВИЯ В ПЕРСИИ

Схема 26Б

Борьба военно-политического характера на территории Персии продолжалась весь год, приняв формы гражданской войны, причем центром турецко-германской пропаганды сделался г. Исфаган. Он же явился средоточием формирования летучих отрядов под руководством германского консула, шведских инструкторов персидской жандармерии и турецких офицеров; эти отряды предприняли ряд враждебных выступлений против русских и англичан в Персии. Поэтому русское министерство иностранных дел не считало уже возможным продолжать борьбу с Германией в Персии только дипломатическим путем и потребовало ввода в Персию десятитысячного отряда, который держался бы наготове между Энзели и Тегераном и должен был бы служить для противодействия «мирным отрядам», навербованным германо-турками.

Однако это требование было отклонено Ставкой, которая возложила водворение порядка в западной части Персии на Кавказский фронт, а в восточной части—на Туркестанский военный округ. В персидском Азербайджане были несколько усилены еще раньше находившиеся там небольшие русские отряды, а в восточную Персию со стороны Туркестана был введен отряд, силой около 1 000 казаков с 4 пушками, получивший наименование по месту своего назначения—Хоросанского. Этот отряд задержал и арестовал в Хоросане германско-турецкие группы, следовавшие к афгано-персидской границе, и установил совместно с английским отрядом, достигшим Сенетана, подвижную завесу от Каспийского моря до Индийского океана.

Но германо-турецкая операция не прекращалась, и германский консул занял своим отрядом, составленным из представителей сочувствующих Германии партий, города Керманшах и Кянгевер. Тогда с Кавказского фронта в Персию был направлен экспедиционный отряд, в составе 3 батальонов, 39 сотен и 20 пушек, под командой ген. Баратова, казачья дивизия которого являлась ядром этого отряда. Экспедиционный отряд был в октябре перевезен по Каспийскому морю в Энзели и сосредоточен в Казвине. В это время военно-политическая борьба в Персии достигла своего высшего развития, причем в Тегеране эта борьба ограничивалась дипломатической областью, а собравшиеся в Керманшахе отряды персидской жандармерии и различных наемников предприняли наступление на Хамадан, который и был занят ими в начале декабря. Тогда русский экспедиционный отряд выступил 6 декабря из Казвина и, выделив часть сил на направление между Хамаданом и Тегераном с целью прикрыть Тегеран и действовать далее на Кашан и Исфаган, с остальными направился к Хамадану. После нескольких столкновений с германо-турецкими отрядами Хамадан был занят 16 декабря, чем был нанесен сильный удар враждебному России влиянию.

После этого русское командование предложило англичанам направить хотя бы небольшой отряд в промежуток между русским отрядом Баратова и английскими войсками, действующими в Месопотамии, но англичане как-раз в это время потерпели большую неудачу.

МЕСОПОТАМСКИЙ ФРОНТ

Схема 26Б

После занятия Курна в 1914 г., английские войска в течение почти всего 1915 г. медленно продвигались двумя колоннами вверх по рр. Тигру и Евфрату, причем в апреле нанесли серьезное поражение туркам в районе

Бассры. К концу сентября английский экспедиционный корпус ген. Таунщенда занял линию Кербела, Кут-эль-Амара, а в ноябре, не доходя 35 *км* до Багдада, достиг района городища Ктезифана. Здесь англичане из-за полного несоответствия своего начальника сколько-нибудь современным требованиям войны были наголову разбиты 22 ноября турками под командой полковника Нур-эд-дина. Остатки экспедиционного корпуса отступили 3 декабря к Кут-эль-Амаре, где и были осаждены турецкими войсками, под общим руководством ген. фон-дер-Гольца.

ДЕЙСТВИЯ У СУЭЦА

Схема 26Г

Несмотря на февральскую неудачу турецкой экспедиции у Суэца, турки в течение всей весны и лета продолжали подготавливать новую экспедицию для форсирования канала. Турки предполагали укрепиться на берегу Суэцкого канала и прекратить по нему всякое сообщение. Этот план в случае его удачи отрезал азиатские и океанские владения Англии от кратчайшего сообщения с метрополией и вызвал в последней понятную тревогу. Германия со своей стороны, для лучшего обеспечения турецкой экспедиции, перебросила в Палестину через Константинополь самолеты и австрийские гаубицы. Одновременно началось и усиление турецкого гарнизона в Медине, так как сделались известными переговоры англичан, обеспокоенных планами турок относительно Суэцкого канала, с меккским шерифом Гуссейном, в надежде поднять его против турок и сорвать тем экспедицию.

ВОЙНА НА МОРЕ

Карта 2

Главные морские силы принадлежали Великобритании и Германии, и задачи линейного флота обоих противников были связаны с районом Северного моря, на оконечностях которого они и находились в ожидании момента для нанесения друг другу удара. Большой флот англичан под начальством адмирала Джеллико стоял на рейде Скапа-Флоу у северных берегов Шотландии, в расстоянии 475 миль от места нахождения германского «Флота открытого Моря», в заливе Гельголанд—в так называемом «Мокром треугольнике» у устья Эльбы и Вильгельмсгафена. К началу 1915 г. английский флот был ослаблен вследствие ремонта судов и фактически располагал 18 дредноутами против 17 германских. Командующий германским флотом адм. Ингеноль решил, чтобы вывести свой флот из длительного бездействия, предпринять небольшую операцию в районе Доггер-Банк—обмелевшего участка Северного моря в западной его половине. С этой целью начальнику крейсерской флотилии было приказано выйти 23 января на разведку по направлению к Доггер-Банк и очистить этот район от английских разведчиков. Это приказание перехвачено было по радио англичанами, и Джеллико выслал в том же направлении крейсерскую эскадру адм. Битти. 24 января произошло морское сражение у Доггер-Банка, в котором приняли участие: со стороны англичан 5 крейсеров с общим водоизмещением 117 250 *т*, со стороны германцев 4 крейсера—88 700 *т*. Английские крейсера были сильнее по конструкции и калибрам своей артиллерии. Бой продолжался 4 часа и закончился потоплением 1 германского крейсера—«Блюхер».

В этом сражении впервые приняли участие крейсера-дредноуты, и хотя успех был на стороне англичан, но обе стороны остались недовольны действиями

своих крейсерских эскадр. Конечно в Германии недовольство было гораздо сильнее. Действия адм. Ингеноля были найдены совершенно неудовлетворительными в том, что он не решился выйти с главными силами флота навстречу крейсерам и не выслал им на поддержку подводных лодок; тогда «Блюхер» был бы спасен. Ингеноль был отрешен и заменен адм. Поль.

Сражение у Доггер-Банка заставило германский флот почувствовать превосходство на море англичан и побудило его быть еще более робким. В течение 1915 г. не произошло более морских сражений, но зато кампания этого года отмечена развитием двух своеобразных операций, в которых широкая доля участия была отведена морским вооруженным силам: дарданельская операция со стороны Антанты и «беспощадная» подводная война, предпринятая Германией.

О первой операции уже сказано выше. На второй необходимо остановиться, так как она несомненно оказала влияние на судьбу войны, особенно для Германии. Под беспощадной подводной войной разумелось нападение подводных лодок на коммерческие суда с целью уничтожения морской торговли Англии, причем опасности нападения лодок подвергались суда всех наций, идущие к берегам Англии. Германия первоначально долго колебалась относительно применения этого средства борьбы, которое должно было вызвать неприязнь со стороны нейтральных государств. Но английская блокада морского побережья Германии, а затем сражение у Доггер-Банка побудили германское правительство обратиться к крайнему средству. 4 февраля было опубликовано его постановление об объявлении вод, омывающих Великобританию, районом военных действий: «С 18 февраля каждое встреченное в этих водах коммерческое судно будет уничтожаться». К этому моменту Германия обладала 35 большими и 33 малыми подводными лодками, и с таким незначительным их количеством германское правительство рассчитывало 6 недель спустя принудить Англию сдаться.

Германские подводные лодки приступили к действиям 22 февраля. 7 мая была потоплена «Лузитания»—самый крупный английский пассажирский пароход, на котором из числа 1 196 погибших пассажиров оказалось 139 американцев. Правительство Соединенных штатов заявило категорический протест. С этого момента началось медленное затухание подводной войны 1915 г. После ряда инцидентов германскому флоту было приказано не топить пассажирских пароходов, не предоставив возможности к спасению пассажиров, и деятельность лодок перенесена была в бассейн Средиземного моря, где интересы Соединенных штатов затрогивались гораздо меньше.

Среди германского правительства возникло разногласие относительно дальнейшего применения беспощадной подводной войны, и к концу 1915 г. политические соображения взяли верх. Подводная война была ограничена только действиями против военных судов. Этот перерыв беспощадной войны продолжался до 1 января 1917 г., когда ее возобновление вскоре вызвало разрыв с Соединенными штатами. Таким образом 1915 г. принадлежит первый период беспощадной подводной войны. В этот период, в среднем, ежемесячно подводные лодки топили до 75 000—100 000 *m* морских судов.

Державы Антанты приняли ряд мер противодействия. К ним относилось прежде всего вооружение коммерческих судов артиллерией, затем—организация эскадрилий патрулирования (к концу года—до 300 единиц) из рыбачьих судов, вооруженных легкой артиллерией, гидроавиация, прокладка подводных сетей (между Дувром и французским берегом было проложено сетей на 260 *км*), устройство около морских баз минных заграждений. К концу 1915 г.

Германия обладала всего 80 подводными лодками, из коих 24 были потоплены. 150 лодок находились в постройке.

На Средиземном море вступление Италии 24 мая в войну увеличило силы Антанты на 14 линейных кораблей и 15 крейсеров. Итальянскому флоту районом действий было отведено Адриатическое море, где флот должен был вести наблюдение за запертым австровенгерским флотом и обеспечивать подвоз снабжения в Сербию.

На Балтийском море в 1915 г. главной задачей русскому флоту, хотя и усиленному в течение истекшей зимы 4 дредноутами, попрежнему ставилась защита Финского залива (Поркаллаудской позиции), а затем содействие сухопутной армии, отступавшей под ударами германцев вдоль побережья; однако должного объединения в совместных действиях армии и флота не было, и кроме того Ставка очень не сочувствовала попыткам морского командования действовать активно. Действия слабого германского балтийского отряда также сводились к демонстрациям.

Единственным крупным событием описываемого периода был бой у Готланда 2 июля. Русская эскадра в составе 4 крейсеров, высланная в набег для бомбардировки Мемеля, встретилась вблизи острова Готланда с 2 слабейшими германскими крейсерами. Ввиду значительного превосходства сил русских один германский крейсер ушел, а другой, вынужденный вступить в бой, был расстрелян и выбросился на берег. Готландский бой был последним наиболее значительным событием на Балтийском море, и с тех пор до конца войны здесь не произошло ничего серьезного.

МЕРЫ, ПРИНИМАЕМЫЕ ДЛЯ ПИТАНИЯ ВОЙНЫ

Уже выше было сказано, что враждующие стороны вступили в войну, не ожидая тех размеров, которые она примет, и тех потребностей, которые она вызовет. Начиная от расхода огнестрельных припасов, артиллерии и прочего оружия, авиационных, автомобильных и железнодорожных средств и кончая громадными потребностями в сырье, топливе, продовольствии и пр., все это выявилось в таких размерах, которые потребовали напряжения всех стран до крайнего предела.

В лучшем положении по сравнению с другими оказалась Германия, которая была более подготовлена к удовлетворению потребностей грядущей войны [1]. Широко обеспеченная тяжелой артиллерией, техникой и боевыми припасами, она к тому же имела достаточно полно разработанный план для использования во время войны частной индустрии для целей войны Вслед за приспособлением всех правительственных металлургических заводов для работы на оборону, к этому роду работы было применено и 3 750 частных фабрик. Все это дало возможность Германии путем отличной организации и дисциплины своего народа не только снабжать потребными средствами техники свою армию, но и помогать союзникам.

Наибольший недостаток центральных держав заключался в бедности продовольствием и сырьем. Господство Антанты на морях и блокированное их состояние не давали центральным державам возможности пользоваться услугами нейтральных стран. Вот эта-то бедность сырьем и заставила Германию придавать особое значение борьбе за Балканский полуостров, который откры-

---

[1] Хотя Тирпиц уже в начале года жаловался на недостаток снарядов. См, Тирпиц; цит. соч.

вал ей доступ к сырью, топливу и хлебу Румынии и Азиатской Турции. В отношении богатства техники Германия, хотя и с трудом, но успешно боролась с Антантой до вступления в ряды ее Соединенных штатов.

Франция, менее подготовленная к войне в этом отношении, развила свою военную производительность только в 1915 г., но развила ее в грандиозных размерах, хотя и лишилась 12 наиболее богатых из своих департаментов.

Тяжелой артиллерии, которая в боях 1914 г. встречалась в небольшом размере, в сентябре 1915 г. мы уже видим в операции в Артуа и Шампани в размере до 2 000 орудий. Производство винтовок дошло до 33 000 в день. Производство снарядов увеличилось в 14, а вскоре и в 30 раз. Производство авиации и автомобилей дошло до громадных размеров, и последние сделались, кроме удовлетворения всех потребностей по подвозу, могучим средством для стратегических перебросок крупных масс войск. Правда, сырье и рабочая сила привлекались и из нейтральных стран, которые охотно поставляли и готовые припасы, но и в самой Франции к работе было привлечено, кроме мужского населения, до 100 000 женщин.

В Англии, которая совершенно не готовилась к ведению сухопутной войны в больших размерах, всю работу устройства армии и снабжения ее всем необходимым приходилось проделать с самого начала.

Под руководством лорда Китченера Англия начала быстро строить армию сначала из волонтеров (1 июля 1915 г. 2 млн., а к концу года 4 млн.), перейдя в мае 1916 г. к всеобщей воинской повинности. В отношении снабжения Англия приспособилась не так быстро, как Франция, и весною 1915 г. она нуждалась еще в чужих винтовках. Однако другой государственный деятель Англии Ллойд-Джорж, проведением в июне 1915 г. закона о снабжении (Minitions act), запрещавшего забастовки и призывавшего к станку квалифицированных рабочих, поставил на ноги и эту отрасль, и с половины 1916 г. Англия могла уже обходиться собственными средствами; в ней работали для войны 2 700 заводов, а в Канаде—320 со 100 000 рабочих.

В России тоже с 1915 г. началась работа по использованию частных заводов для военных целей. Одновременно для участия в снабжении армии были привлечены общественные силы, но все это было сделано сначала в виде слабой попытки, и только с половины 1915 г. началось улучшение снабжения русской армии, хотя до конца войны она была во всех отношениях далеко позади всех остальных и не могла обойтись без иностранной помощи.

РЕЗУЛЬТАТЫ КАМПАНИИ 1915 г.

Схема 33

Кампания 1915 г. обнаружила действительные размеры мировой войны и обозначила дальнейшие этапы для ее завершения. Четко выявилась решимость Великобритании сломить военное и морское могущество Германии, как опаснейшего соперника по владычеству на морях. Борьба с Германией, начатая в области политики еще за несколько лет до вооруженного столкновения, была поведена планомерно в объеме экономического ее удушения, как самого надежного способа поставить ее на колени. В силу экономического положения Германия должна была вести короткую решительную войну, которой способствовал шлиффеновский план операций. Но он не удался, Англия искусно воспользовалась этим и построила план действий Антанты на медленном изматывании германской энергии. Кампания 1915 г. разверты-

вает борьбу обеих коалиций на столкновении этих противоположных стремлений. Германия продолжает попытки нанести решительный удар и попутно раздвинуть железное кольцо, которое все теснее зажимает ее в своих тисках. По внешности военные достижения *Германии* в 1915 г. огромны: Восточный—Русский фронт окончательно оттеснен от ее границ в болота Полесья (за р. Стоход), и русская армия парализована по крайней мере до поздней весны будущего года; Галиция освобождена; Польша и часть Литвы очищены от русских; Австро-Венгрия спасена от конечного разгрома; Сербия уничтожена; Болгария вошла в Центральный союз; Румыния отказалась от присоединения к Антанте; полная неудача дарданельской экспедиции и рискованное положение англо-французских войск у Салоник. Все эти лавры германского оружия в 1915 г. могли обнадеживать конечной победой центральные державы. Даже военное выступление Италии дает возможность союзнику—Австрии дешевыми успехами восстановить свой военный престиж. Предпринятая беспощадная подводная война, хотя вскоре и затихшая, обнаружила в германских руках грозное средство ущемления жизненных интересов Англии.

Но особенно могли казаться обильными для Германии результаты победы на востоке, далеко перешедшие за пределы лишь поражения русской армии. Внутри России вырвалось наружу всеобщее недовольство существовавшим режимом, выказавшим полную неспособность справиться со снабжением фронта и с устранением продовольственных затруднений в самой стране. Самодержавие серьезно заколебалось, и в личных переменах некоторых министров можно было только видеть слепоту и бессильное упрямство верховной власти игнорировать грозных предвестников надвигавшейся революции. Под напором внутреннего недовольства в стране был открыт отдушник для проявления общественной самодеятельности в помощь правительству по снабжению фронта. 7 июня 1915 г. было образовано «Особое совещание по обеспечению действующей армии предметами снабжения» с участием депутатов Государственной думы и представителей промышленников. В то же время возникли «военно-промышленные комитеты» с целью объединения и регулирования деятельности промышленности для нужд войны [1]. Общее число таких комитетов дошло до 200. К 1917 г. результаты этой активности буржуазии конечно значительно облегчили работу военного ведомства, но вместе с тем эта деятельность подготовляла переход власти от разлагавшегося царизма в руки буржуазных партий. Германия была уже вполне уверена в русской революции, и такая уверенность служила одним из поводов замыслить к 1916 г. удар по Франции на Верден.

Но, наряду с перечисленными блестящими достижениями центральной коалиции в 1915 г., от пытливого глаза не могли укрыться некоторые надломы внутри этого победоносного пока союза. Самой серьезной опасностью, не ощущаемой еще явственно в народных глубинах Германии и Австро-Венгрии, была перспектива длительной войны, на которую делала ставку Антанта. Подводная война всколыхнула общественное мнение Америки и в самой Англии ловко была использована Ллойд-Джорджем для проведения закона о всеобщей воинской повинности, в итоге каковового Великобритания могла выставить в

[1] 10 августа 1915 г. по инициативе Государственной думы и военнопромышленных комитетов образовано «Особое совещание по обороне», пополненное представителями законодательных учреждений и общественных организаций. Положение о них было утверждено только 27 августа 1915 г. Объединения мелкой и средней промышленности не входили в круг ведения военнопромышленных комитетов и не пользовались их поддержкой. Букшан, Военнохозяйственная политика, Гиз 1929, стр. 301 и др.

конце концов до 5 000 000 бойцов. Между тем если официальная Германия еще дышала лозунгом «победить или умереть», то все ее союзники являлись коченевшими привесками, которые нужно было непрерывно оживлять материальной поддержкой во всех видах, так как иначе они обращались в мертвый баласт. Германия, сама уже ощущавшая к концу 1915 г. крайний недостаток во многих жизненных ресурсах борьбы, должна была еще делиться ими с Австрией, Турцией, Болгарией.

Осознание командными верхами Германии этого истинного, не казового, своего положения подтверждается тем, что дважды в 1915 г. ее правительство зондировало почву для заключения сепаратного мира с Россией. Фалькенгайн два раза возбуждал вопрос об этом мире перед имперским канцлером. При второй попытке в июле 1915 г. Бетман-Гольвег охотно пошел навстречу и предпринял некоторые дипломатические шаги, которые встретили отпор со стороны России, и Германия, как пишет Фалькенгайн, сочла более соответственным «временно совершенно разрушить мосты к востоку».

Германское население окончательно перешло на голодные пайки и, лишенное вследствие строгой блокады англичанами какого-либо подвоза, ощущало полный недостаток самых необходимых продуктов народного питания, не устранимый никакими суррогатами пищи. Эти лишения убийственно действовали на народную психику, особенно при начавшейся выясняться долгосрочности войны.

Германский флот—это реальное выражение «германского будущего на морях»—был накрепко заперт в «морском треугольнике» и после робкой попытки проявить активность в январе 1915 г. у Доггер-Банка обрек себя на полную бездеятельность. Взамен германское главнокомандование начало предпринимать налеты цеппелинами на Париж и Лондон [1]. Но эти налеты относились к случайным средствам устрашения мирного населения столиц и после принятия мер воздушной обороны не могли повлечь за собой крупных результатов.

В снабжении техническими средствами борьбы, особенно снарядами тяжелой артиллерии, к концу 1915 г. с быстрым развитием военной промышленности Антанта уже сравнялась с Германией, а в дальнейшем стала даже превосходить ее.

На рубеже 1915 и 1916 гг. *Англия и Франция* приобрели гораздо больше уверенности в окончательной своей победе, нежели годом раньше, причем предстоящее выпадение из союза России заменялось подготовкой вступления в союз Соединенных штатов, к чему уже направлялись усилия Великобритании. Наконец результаты кампании 1915 г. на русском фронте вплотную поставили вопрос о положении России. Не было больше сомнений, что существовавший в ней режим ведет страну к окончательному поражению, причем Антанта стремилась поскорее выжать всю пользу для себя, пока русская армия еще не сдала. Соотношение сил центрального союза на русском и французском фронтах в начале войны и к концу 1915 г. было таково [2]:

Войска Центрального союза:

1) В начале войны:

а) против России—50 пех. и 13 кав. дивизий;

б) против Франции—83 пех. и 10 кав. дивизий.

[1] Впервые в марте 1915 г.

[2] Из брошюры «Russia in the war of 1914—1918»—приводится из книги ген. Данилова.

2) К сентябрю 1915 г.:

а) против России—137 пех. и 24 кав. дивизии;

б) против Франции—все то же число 83 пех. и только 1 кав. дивизии.

Если в начале войны Россия оттягивала на себя только 35—40% всех враждебных сил, то через год Россия притянула к себе более 60% сил противника.

В 1915 г. Русский фронт был главным фронтом мировой войны и обеспечил Франции и Англии передышку, которая была широко ими использована для достижения конечной победы над Германией. Кампания 1915 г. ярко выявила служебную роль тогдашней русской государственности для англо-французского капитала. Кампания 1915 г. на Восточном театре выявила также, что Россия и экономически и политически не может приспособиться к размаху и характеру войны. В течение года с начала войны русская армия потеряла почти все свои кадры и в дальнейшем уже не могла оправиться настолько, чтобы вести успешно войну с Германией.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

КАМПАНИЯ ШЕСТНАДЦАТОГО ГОДА

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПЕРИОД ЯНВАРЬ—АПРЕЛЬ

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР КАМПАНИЙ

Боевые операции 1916 г. отличаются по сравнению с операциями предшествовавших годов большей связанностью их на разных фронтах по времени и большей одновременной активностью ведения их. Здесь мы впервые встречаем со стороны Антанты зачатки общего направления работы всех театров. Так, германская атака Вердена, начавшаяся в начале года, тотчас же вызывает наступление на русском и итальянском фронтах; майское поражение итальянцев заставляет Россию начать преждевременный прорыв австрийского фронта; заминка русских на Стоходе соответствует сражению на Сомме на французском театре и наконец катастрофа в конце года с Румынией отражается почти на всем русском фронте. Одновременно с европейским театром такая же оживленная борьба идет в первую половину года и на азиатско-турецком.

В общем боевые действия 1916 г. на европейском театре можно разделить на три периода, отнеся к каждому из них и одновременные операции в Азии.

В *первый период* войдут наиболее интенсивная борьба за Верден, мартовское наступление русских и итальянцев, эрзерумская и трапезондская операции. Во *второй период* наступление австрийцев на итальянском фронте, русских на галицийском, французов на Сомме, морской бой у Скагерака, а также действия в Палестине и в Сирии. В *третий период* войдут последняя серия боев на Стоходе и румынская катастрофа со всеми вызванными ею операциями.

ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА И ПЛАНЫ СТОРОН

Схема 34

Накануне 1916 г. Центральные державы находились в отношении выбора плана дальнейших действий на перепутьи. От первоначальной идеи последовательного разгрома Франции и России ничего не осталось. Ни та, ни другая разгромлены не были. Пока действия германцев по внутренним операционным направлениям вылились только в присущую им форму нерешительного успеха на всех фронтах; даже балканский фронт и тот не дал полных результатов, так как у англо-французов остался там для дальнейшего наступления плацдарм у Салоник, а итальянцы заняли такой же плацдарм у Валлоны.

Германскому командованию предстояло вырабатывать новый план кампании. Перед ним имелись уже в Европе, вместо двух, четыре театра—два

главных (французский и русский) и два второстепенных (итальянский и балканский). Принципиальный вопрос сводился к тому кого же атаковать— русских или англо-французов.

Соотношение сил между сторонами на обоих главных фронтах было не в пользу центральных держав. В общем, Антанта имела превосходство как на Западном, так и на Восточном европейских театрах, около полумиллиона человек на каждом, при этом англо-французская армия, как известно, почти уравнялась, а впоследствии и превзошла в отношении техники и тяжелой артиллерии германцев, а на Русском фронте кризис с русской армией в отношении огнеприпасов начал проходить, и она оставалась попрежнему слабой только в отношении тяжелой артиллерии и авиации. У германцев кроме войск, расположенных на фронте, имелось еще 25 дивизий в резерве, которые и надлежало направить на тот или другой театр.

Нанесение в 1916 г. главного удара на русском фронте являлось для германцев неудобным уже хотя бы по тому только, что германские войска при дальнейшем наступлении лишались своего главного преимущества в виде богатой сети железных дорог, а это изменение во много уравнивало шансы русских с ними. При развитии наступления на Русском театре германцам было бы трудно быстро перекинуть в случае надобности свои войска на запад. Следует отметить, что сверх причин оперативного характера на решение не развивать действий на русском фронте оказала влияние их уверенность в скором *разложении русской армии*, уверенность, которая все чаще и чаще входит в германские расчеты как определенная оперативная данная. Но кроме того германцы на французском фронте к концу 1915 г. оказались обессиленными, и Фалькенгайн даже серьезно опасался, что при новом наступлении англо-французов германцы могут не выдержать.

В Германии, несмотря на внешнее благополучие военных фронтов, начинают к 1916 г. понимать, что все ее союзники держаться только германскими силами. Их приходилось, во избежание кризисов, подкреплять германскими войсками, поддерживать займами, снабжать вооружением и т. п. Тем не менее Германия должна была итти на все жертвы, чтобы удержать своих союзников: «было известно (и союзникам Германии), что Антанта готова в каждый данный момент заключить мир, если не с Турцией, которую твердо решила разделить, то с Австрией и Болгарией» [1]. А между тем в Германий к 1916 г. стали чувствоваться недочеты в снабжении как следствие морской блокады, осуществляемой преимущественно британским флотом, прекратившим подвоз не только военной контрабанды, но и вообще всех видов сырья и продуктов питания. Германия начинала ощущать последствия «голодной блокады», ее население стало страдать от недоедания, несмотря на введение строгой карточной системы на все продукты.

Положение осложнялось тем, что в Германии знали о готовящемся генеральном наступлении держав Антанты и учитывали, что главный противник—Англия не только не сокрушен, но усилился в военном отношении, проведя закон о всеобщей воинской повинности. Пассивное ожидание наступления врага являлось для Германии самоуничтожением. По мнению Людендорфа «решение войны лежало на Западе. Здесь мы могли наступать достаточно твердо, но только предварительно победив русских».

Таковой победы над русскими германцы в 1915 г. не достигли, тем не менее Фалькенгайн, являвшийся фактическим руководителем германской

---

[1] Тарле, Европа в эпоху империализма 1871—1914 г., стр. 321—326.

стратегии, считал, что «требуется нанести большой удар на *Западном* фронте, единственном, где можно было серьезно затронуть Англию, потому что она, богатая возможными средствами и до сих пор не испытанная в сражении, представляла наиболее опасного врага. Победы можно было бы достичь беспощадной подводной войной, но Берлин сначала не соглашался на это, опасаясь нейтральных держав и особенно Соединенных Штатов. Против сектора на континенте, который занимали английские армии во Фландрии, зимой было неудобно предпринимать серьезные действия вследствие неблагоприятных климатических и топографических условий»... Выбор остановился на французской армии, с которой решено было покончить.

Внутреннеполитическое положение Германии тогда еще не исключало наступательных замыслов военного командования. Движение против войны нарастало в 1915 г. сравнительно медленно; только в январе 1916 г. нарождается «Союз Спартака», который лишь после верденской бойни мог призвать рабочих к демонстрации 1 мая 1916 г. под лозунгом «долой войну». Позиция социал-шовинистов во главе с Шейдеманом оставалась еще сильной, несмотря на энергичную агитацию против войны Карла Либкнехта и Розы Люксембург, которые с конца 1915 г. усиленно разоблачали истинную роль руководителей социал-демократической партии. Серьезным предостережением на будущее для германцев явилась Циммервальдская конференция, «манифест» которой против войны получил наибольшее распространение среди рабочих Германии, причем германские правящие круги не могли не учесть, что английских делегатов на конференции не было. При таких условиях и при невозможности для Германии при недостатке в войсках вести наступательные операции сразу на двух театрах, для нее ничего другого и не оставалось, как направить новый удар опять на *Французский фронт*.

Австровенгерское командование ясно сознавало с своей стороны полную невозможность вести только своими войсками наступательную операцию против России, а потому остановилось на использовании своих свободных сил для проведения решительного охватывающего наступления из Тироля в тыл Итальянского фронта на Изонцо. Для производства этой операции австрийцы требовали помощи 9 германских дивизий, в которой на этот раз им было определенно отказано.

Фалькенгайн считал необходимым для операции в Италии не менее 25 хороших дивизий и много тяжелой артиллерии (по германской норме того времени—1 батарея на 150 *м* фронта). Сосредоточение таких сил по одной имевшейся в распоряжении австрийцев железной дороге требовало так много времени, что операция не могла быть неожиданной.

Германское командование разрабатывало еще одно стратегическое предположение, заключавшееся в предупреждении ожидаемого перехода Румынии на сторону Антанты и в немедленном разгроме ее при участии германских, австрийских, болгарских и турецких войск. Но отчасти условия экономические (надо было вывезти проданные румынами германцам запасы продовольственных продуктов и нефти), а отчасти также боязнь за возможность прорыва германского фронта французами, в случае направления германских резервов в Румынию, заставили германское командование отказаться от этого проекта.

В дальнейшем германцам предстояло выбрать объект действий на французском театре. Здесь линия расположения германских войск имела сильный выступ на запад к Парижу, у Нуайона и другой—на восток, в обход укрепленного района у Вердена.

Вести дальнейшую операцию от Нуайона на Париж при отсутствии

превосходства в силах было рискованно, так как германские армии в этом случае легко защемлялись в клещи со стороны Арраса и Вердена. Атаковать англичан в Артуа, чтобы раздвинуть эти клещи и угрожать английским сообщениям, было зимою по местным условиям невозможно (болотистая местность), а ожидать весны рискованно, так как следовало удержать инициативу в своих руках и сорвать назревавшую со стороны французов операцию. Кроме того для этой атаки требовалось не менее 30 свежих дивизий, а германцы не располагали такими силами, чтобы ввести их на одном участке.

Внимание невольно останавливалось на другом выступе, восточном, у Вердена, который во всех отношениях играл весьма важную роль. Этот укрепленный пункт служил угрозой путям сообщения германцев, опорой для всего французского фронта, серьезным плацдармом для развития наступательных операций французской армии, и, кроме того, успешная атака германцев в этом направлении прерывала наиболее важные линии французских рокадных рельсовых путей, служивших коммуникацией правого фланга их армий.

Если прибавить к этому большое нравственное значение для обеих сторон падения Вердена, этой грозной цитадели французского фронта, то становится понятным, почему Фалькенгайн, не имея возможности по недостатку сил предпринять общую операцию на всем фронте, остановился на предприятии частного характера, атаке Вердена, которую и решил начать в феврале. Опасная сторона этой операции заключалась в том, что западный участок германского фронта во Франции очень ослаблялся и давал возможность англо-французам здесь противопоставить маневру германцев свой контрманевр, который мог скомпрометировать всю операцию против Вердена.

Фалькенгайн проводил в своем докладе о выборе объекта действий мысль германцев, что опыт прошлого решительно говорит против массовых прорывов неприятеля, хорошо вооруженного, морально нетронутого и численно мало уступающего. Он переходит к решению задачи, соответствовавшей ограниченным средствам германцев, рассчитывая на то, что Франция дошла в своем напряжении до предела и что на верденской мельнице ему удастся перемолоть последнее напряжение французов.

Среди держав Антанты к 1916 г. с особой яркостью выявились все трудности коалиционного характера войны и невозможность согласовать действия их армий при отсутствии общего, осуществляемого единым командованием, плана операций.

Действительно, после успехов 1915 г. кажущееся преимущество вполне определенно находилось на стороне Германии и ее союзников, одержавших крупные победы на всех фронтах. Блок центральных держав усилился Болгарией. Германия продолжала оккупировать Бельгию с ее угольными богатствами. Промышленные департаменты Франции, занятые с началом войны, оставались в руках германцев[1]. Владение этими департаментами давало большие преимущества германцам, так как они имели огромное экономическое значение: продукция их заводов и шахт давала от 70% до 94% всего французского производства железа, стали, чугуна и сахару, до 55% — угля и до 45% — электроэнергии.

Данные разведки сообщали, что Германия обладала внутри страны еще около $1^1/_2$ млн. обученных военному делу людей, и что ее военные заводы, работая при максимальной нагрузке, вполне обеспечивают нужды армии.

---

[1] Е. В. Тарле, Европа в эпоху империализма, стр. 321—327.

Франция, Англия и Россия были не в состоянии компенсировать это превосходство. Россия после неудач 1915 г. нуждалась в передышке для улучшения организации войск и их снабжения. В Англии еще только намеревались провести до 27 января 1916 г. билль об обязательной воинской повинности для холостых (Military Service Act), но это мероприятие могло дать результаты только через несколько месяцев. А между тем Франция по свидетельству Петена «была изнурена 15-месячной борьбой на Западном фронте».

Вследствие запоздания и трудностей мобилизации промышленности снабжение ее армий не было еще достаточно обеспечено, но несмотря на это ей приходилось снабжать и некоторых из своих союзников.

Все это заставляло подумать об объединении усилий держав Антанты. Поэтому, с декабря 1915 г. Жоффр, получивший «верховное командование всеми французскими армиями», настойчиво проводит для всех союзников свой *единый оперативный план на 1916 г.;* он предлагает его от имени Франции главнокомандующим союзными армиями держав Антанты или их представителям и на второй конференции в Шантильи 6—9 декабря 1915 г. добивается принятия некоторых из его основных положений:

1. Решение войны может быть достигнуто на главных театрах (русском, англо-французском и итальянском), почему на второстепенные театры следует выделять наименьшее количество войск. Галлиполи эвакуируются. Экспедиционный англо-французский корпус остается в Салониках в составе 4 французских, 5 британских и 6 сербских дивизий.

2. Решения искать в согласованных наступлениях на главных фронтах, чтобы таким образом не позволить противнику перебрасывать свои резервы с одного фронта на другой.

3. На каждом из главных фронтов вести, до перехода в общее наступление, действия, истощающие живую силу противника.

4. Каждая из союзных держав должна быть готова остановить собственными силами на своем фронте наступление противника и оказать поддержку в полных пределах возможного другой державе, если она будет атакована.

Разумеется конференция в Шантильи не могла заменить единого твердого руководства вооруженными силами Антанты. Поэтому выработанные на ее заседаниях общие основания для действий в 1916 г. расплывчаты и лишены указаний на стремление к достижению каких-либо определенных целей. В них ясно обнаружено только стремление обеспечить взаимную поддержку с целью избежать отдельных поражений.

Такое решение побудило русскую Ставку сделать более реальное предложение о совместных действиях. Оно сводилось к нанесению главного удара в том направлении, где противник менее всего подготовлен и где обеспечивалось участие в ударе большей части союзников. Таким местом являлся Балканский полуостров. Предлагалось направить не менее 10 англо-французских корпусов от Салоник на Дунай и далее к Будапешту, куда с русского фронта также направлялась сильная русская армия.

Предложение это было, естественно, союзниками отклонено: они попрежнему преследовали, в ущерб общей и собственной выгоде, узкие цели создания более благоприятной обстановки на Французском театре, и трудно было ожидать, чтобы они сняли с своего фронта, прикрывавшего Париж, несколько корпусов. Кроме того, план русской Ставки переносил центр опе-

раций в район, трудный по местным условиям и мало обеспеченный рельсовыми и грунтовыми путями.

Таким образом в основу операций 1916 г. лег план, выработанный конференцией в Шантильи, и общее наступление должно было начаться летом, когда для него будут благоприятны климатические условия в России.

При сравнении планов обеих сторон можно отметить:

1. План Антанты вылился в более определенную форму совместно проводимых всей коалицией операций, что являлось следствием установления у нее некоторого подобия единого командования в образе конференции в Шантильи. У противной стороны продолжается, как результат отсутствия общего командования, все то же ведение войны двумя государствами при большом уклоне австрийцев к погоне за выполнением своих частных территориальных задач.

2. План Антанты неизменно преследовал свою первоначальную цель сжатия центральных держав и уничтожения их живой силы. Вариант русской Ставки, ставя более широко вопрос экономического и стратегического окружения центральных держав, совершенно правильно указывал на Балканский полуостров как на главный объект действий. Отвергшие этот вариант союзники сами настаивали год спустя на проведении его в жизнь.

3. Австрийская часть плана Центрального союза преследовала решительную цель вывода из строя Италии; германский же план атаки Вердена—задачу ограниченной цели: основательное улучшение своего стратегического положения.

4. Антанта, откладывавшая наступление до июня, вновь передавала инициативу в руки держав Центрального союза.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР

РАСПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН НА ФРАНЦУЗСКОМ ТЕАТРЕ

Схема 35

В начале 1916 г. весь фронт на французском театре делился на два сектора: англо-бельгийский, от моря у Ньюпора до Перонна, протяжением около 180 *км*, который был занят 6 бельгийскими и 39 английскими дивизиями. Так как англичане не чувствовали себя еще достаточно организованными и обученными, то французы держали в этом секторе 18 дивизий, из которых 4 находились на участке бельгийской армии (из них 2 дивизии в первой линии) и 14 дивизий—на участке английской армии (из них 9 в первой линии). Против этих 63 союзных дивизий германцы имели в первой линии всего 30 дивизий и могли поддержать их только 2 дивизиями частных резервов.

Остальной участок фронта от Соммы до швейцарской границы протяжением более 500 *км* составлял французский сектор. Он был занят 58 французскими дивизиями, за ними в резервах находились еще 29 дивизий. Против французского сектора германцы имели 70 дивизий в первой линии и 17 дивизий в резерве командования.

В конце 1915 г. французская разведка стала получать неопределенные сведения о возможности большого германского наступления на французском театре. К концу января было установлено большое оживление на железных дорогах вдоль Мааса, что заставило французов обратить особое внимание на район Вердена, который, по мнению французов, мог сделаться объектом местной атаки германцев. Это предположение подтвердилось письмами, захвачен-

ными на германских пленных. В них говорилось о скором наступлении 5-й германской армии кронпринца, о смотре, который кайзер произведет в конце февраля на месте сражения у Вердена, и о мире, который затем последует после германской победы...

Тем не менее противоречивость разведывательных данных была столь велика, что, по свидетельству Петена, «высшее командование стояло перед вопросом, не разовьется ли германская деятельность скорее на востоке, чем на западе». 10 февраля ген. Жоффр, по поводу предполагаемых на Сомме франко-британских действий, писал английскому командованию об условиях развития этих действий: «либо союзники сохранят до будущего лета инициативу действий, либо противник произведет весной могучую атаку на русских». 18 февраля Жоффр снова писал Хегу: «если германцы нас предупредят в наступлении на русских, мы им окажем помощь наступлением, которое французы и англичане произведут на Сомме».

В целях подготовки общей наступательной операции на Сомме, Жоффр постепенно добился усиления английской армии, расположенной во Франции.

Англичане, сформировав к декабрю 1915 г. 70 дивизий, имели во Франции только 34 дивизии, остальные были частью задержаны в Англии, частью отправлены для ведения операций или в колонии, или на второстепенные театры военных действий, или в Египет, которому никакой серьезной опасности не угрожало. К марту британская армия во Франции должна была увеличиться до 42, к середине апреля—до 47 и к концу июня—до 54 дивизий. Во главе английской армии вместо Френча был поставлен генерал Хег.

Итак начало 1916 г. командованием Антанты было употреблено на выработку детальных планов общего летнего наступления. На новой конференции в Шантильи 14 февраля таковое было окончательно установлено на англо-французском фронте на 1 июля и должно было быть произведено по обе стороны р. Соммы; этому наступлению должно было предшествовать русское наступление, имевшее целью отвлечь на себя побольше германских сил с Французского фронта, почему оно и должно начаться на две недели раньше, т. е. 15 июня. Но ожидаемое до лета затишье на Западно-европейском фронте было прервано начавшейся в феврале германской операцией на Верден.

ВЕРДЕНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

ПОДГОТОВКА ГЕРМАНЦАМИ НАСТУПЛЕНИЯ

Схема 36

Одновременно с выработкой германским командованием плана Верденской операции шла с начала января ее подготовка, которая первоначально должна была закончиться к 12 февраля. Предназначенные в ударную группу 5-й германской армии VII резервный, XVIII и III армейские корпуса постепенно, начиная с конца 1915 г., снимались с различных участков фронта и выводились в глубокие резервы верховного главнокомандования для укомплектования и обучения в особых лагерях [1].

Перевозка в район Вердена этих войск, а также громадного количества тяжелой и большой мощности артиллерии, инженерных войск и огнеприпасов была закончена к началу февраля. Она была выполнена с мерами исключительной маскировки и скрытности.

[1] Rechsarchiv, Верденская трагедия, часть 1—4, герм. изд. 1928.

Против избранного для штурма 20-*км* участка крепостных позиций на фронте V германского резервного корпуса (от Консенвуа на Маасе до Орнэ) по внешности ничего не изменилось, и, по свидетельству Петэна, «ничто не выдавало лихорадочную деятельность германцев, которая царила в секторе будущей атаки».

К участку прорыва было сосредоточено всего 8 свежих ударных дивизий и 542 тяжелых (из них 27 большой мощности) и 306 полевых орудий и гаубиц для обеспечения штурма 3 ударных корпусов. Артиллерийская группа, обеспечивавшая вспомогательный удар XV корпуса, состояла из 60 тяжелых и 136 полевых орудий. VI резервный корпус, предназначенный для действий на левом берегу Мааса, поддерживался группой из 101 тяжелого и 80 полевых орудий.

В общем, эта артиллерийская масса в 1 225 орудий, своевременно и скрытно развернутая с 4 января против участка ударных корпусов, была кроме того усилена еще 22 тяжелыми, 74 средними и 56 легкими минометами. В отношении обеспеченности огнеприпасами каждая батарея имела на своей огневой позиции от 3 до 4 комплектов, т. е. в полевых пушечных—3 000 снарядов, в полевых гаубичных батареях—2 100 выстрелов и в тяжелых гаубичных батареях—1 200 выстрелов. Артиллерия каждого из ударных корпусов была объединена в особые группы А, В и С, в которые были приданы для наблюдения и корректирования стрельбы по 2—3 воздухоплавательных отряда и 1 отряду самолетов.

Германцы очень рассчитывали на результаты своей артиллерийской подготовки. В приказе командования 5-й армии от 4 января для подготовки операции было сказано: «Решение *овладеть крепостью Верден ускоренным способом* основывается на испытанном могуществе тяжелой и большой мощности артиллерии». Помимо артиллерии ударные корпуса были усилены, в среднем, 1 пионерным полком на каждую атакующую дивизию и снабжены большим количеством подрывного имущества и ручных гранат.

ПОДГОТОВКА ФРАНЦУЗОВ К ОТРАЖЕНИЮ УДАРА

Несмотря на противоречивость сведений о германском наступлении, французское командование, учитывая важное значение Вердена, постепенно превращало его в укрепленный район, причем первая линия обороны была вынесена вперед от линии долговременных фортов на 5—7 *км*, с целью не допустить обстрела ядра крепости полевой тяжелой артиллерией германцев. Однако это удаление оказалось недостаточным при атаке крепости, германская артиллерия 10-*см* и 15-*см* с успехом громила ядро крепости, город, мосты, вокзал и казармы, тяжелыми пушками и гаубицами, а артиллерия большой мощности (21-*см* мортиры и 38-и 42-*см* тяжелые пушки и гаубицы) сравнительно легко разбивала бетон и броневые установки долговременных укреплений и фортов.

К февралю 1916 г. верденский укрепленный район тянулся от Авокура до высот у С. Миеля и состоял в глубину из 4 укрепленных позиций:

1-я позиция (внешняя) шла от Авокура на Маланкур, Бетенкур, Форж, Брабант на Маасе, где переходила на правый берег и тянулась, огибая с севера ряд небольших лесов (Гомонт, Кор, Гербебуа), севернее селений Орн, Мокурт, Моржевиль, Фромезей. 2-я позиция проходила в 3 *км* южнее первой; 3-я позиция находилась на половинном расстоянии между второй и линией фортов, через которую проходила 4-я позиция—главного сопротивления; она

шла от фронта Буа-Бурю (Bois-Bourrus) через форты Вашеровиль—Дуамон—Во (Veaux). Рекой Маас верденский укрепленный район делился на 2 сектора, причем первоначально германское наступление велось только на правом берегу.

Начальником укрепленного района был генерал Герр; в его распоряжении первоначально для обороны 112-*км* фронта (от Авокура до форта Парахохес у С. Миеля) состояло 53 полевых и 34 территориальных батальона (VII, XXX и II корпусов) при 130 полевых и 140 тяжелых орудиях, последние преимущественно старых, нескорострельных образцов. Под Верденом французы настойчиво стремились осуществить принципы глубокой обороны. Инструкция Лангль-де-Кари, командующего группой центральных армий, указывала: «Надо ожидать, что не только первая линия окопов в случае атаки будет уничтожена артиллерийским огнем, но и все линии, входящие в состав первой позиции»... «поэтому необходимо сохранить резервы для защиты других позиций».

ОБСТАНОВКА НА УЧАСТКЕ УСКОРЕННОЙ АТАКИ К 21 ФЕВРАЛЯ

Схема 36А

Постепенно накапливая резервы и усиливая гарнизон Вердена артиллерией, французы к началу германского наступления развернули:

1. На левом берегу от Авокура до Мааса группу Базелера (командир VII корпуса) из 29 пех. и 67 тер. дивизий, поддержанную 202 легкими и 92 тяжелыми орудиями со средней плотностью на 1 *км* 2 батальона, 15 легких и 6 тяжелых орудий.

2. На правом берегу: а) группу Кретьена (XXX корпус): 72-я дивизия от Мааса до леса Кор на 10-*км* участке, 51-я дивизия—от леса Кор через Орн до Ла-Тованн на 9-*км* фронте; XXX корпус имел в резерве 14-ю дивизию; б) группу Дюшена (II армейский корпус) на восточном секторе от Ла-Тована до леса у форта Парош в составе 132-й, 3-й и 4-й дивизий. Войска правого берега поддерживались 186 легкими и 152 тяжелыми орудиями. В среднем в XXX корпусе на 1 *км* приходилось $1\frac{1}{2}$ батальона и 15 орудий (из них 8 тяжелых).

В общем резерве Вердена находились: 37-я дивизия—у Суилли и 48-я дивизия—у Шомона на Эре, последняя в распоряжении командующего армиями центра.

Кроме того в начале февраля Жоффр вывел в резервы XX, I и XIII корпуса и сосредоточил их в районах Бар-ле-Дюка и С.-Менегуль для действий в районе Шампани или Вердена.

Германцы для овладения Верденом ускоренной атакой развернули ударную группу 5-й германской армии, сменив ею V резервный корпус на 15-*км* участке от Мааса до Гремили. V резервный корпус стянулся к востоку, заняв для обороны 9-*км* участок от Гремили до леса Ле-Бали. XV корпус, назначенный для вспомогательного удара, развернулся восточнее V резервного корпуса на 6-*км* участке от леса Ле-Бали до Этена. Корпуса ударной группы получили нижеуказанные задачи и были развернуты следующим образом:

1. VII резервный корпус (14-я и 13-я дивизии) занял 8-*км* участок от Мааса до Флябаса, имея на левом фланге 13-ю резервную дивизию на 1-*км* фронте. Атаку корпуса поддерживала артиллерия группы А в составе 156 легких и 238 тяжелых пушек и гаубиц (из них шестьдесят 21-*см* мортир).

2. XVIII корпус (21-я и 25-я дивизии) развернулся на $2\frac{1}{2}$-*км* фронте от Флябас до Виль-деван-Шомон. Корпус поддерживала артиллерийская группа В из 124 легких и 90 тяжелых орудий; кроме того большой мощности

сорок восемь 21-*см* мортир и четыре 42-*см* мортир, т. е. в среднем на 1 *км* 110 орудий (из них 36 тяжелых и 20 большой мощности).

3. III корпус (5-я и 6-я дивизии) занял 5-*км* участок от Виль-деван-Шомон, имея на правом фланге 5-ю дивизию на фронте в 1 *км*. Поддерживающая корпус артиллерийская группа С состояла из 124 легких и 118 тяжелых орудий; кроме того, большой мощности, двадцать восемь 21-*см* мортир и шестнадцать 38-*см* и 42-*см* мортир и гаубиц, т. е. в среднем на 1 *км* фронта 57 орудий, в том числе 35 тяжелых и большой мощности.

Ближайшая задача ударных корпусов состояла в овладении первой и второй французскими позициями и в развитии наступления на форт Дуамон и в промежутке между последним и р. Маас; V резервный корпус в атаке не участвовал и оставался на своих позициях, сковывая противника; XV корпус наносил вспомогательный удар при поддержке 60 легких и 136 тяжелых орудий для развития успеха ударных корпусов.

Таким образом в первые дни 6½ германских дивизий, всего 60 батальонов, должны были прорвать расположение 2 французских дивизий (72-я и 51-я дивизии), всего 30 батальонов. План германцев состоял в быстром прорыве 3 корпусами на фронте 8½ *км* позиций французов между лесами Гомон и Гербебуа и в последующем овладении линией фортов Дуамон и Во.

АТАКА 21 ФЕВРАЛЯ

21 февраля в 7 час. 15 мин. германцы открыли интенсивную артиллерийскую подготовку на 40-*км* фронте всех выше перечисленных 6 корпусов. После 9-часовой подготовки, когда могущественная артиллерия расстроила всю систему обороны первой и второй позиции французов, а остальные позиции и внутренность крепости были значительно разрушены, германцы в 16 час. 15 мин. повели наступление корпусами ударной группы. Наступление германцев велось маленькими группами безостановочно днем и ночью. Попытки остатков атакованного XXX французского корпуса организовать сопротивление, несмотря на усиление его 37-й и половиной 14-й дивизии (18 батальонов), успеха не имели. После 4-дневных упорных боев германцы 24 февраля овладели первой и второй французскими позициями. Спешно направленный французами к Вердену XX корпус постепенно с 24 февраля разворачивался на высотах у форта Дуамон. За ним спешно перевозились по железным дорогам I и XIII корпуса, прибытие которых началось 24 и 25 февраля. Одновременно 10-я французская армия в районе Арраса была сменена англичанами, что давало французам еще 4 корпуса (XXI, XIV, XXIII и XV), прибытие которых по железной дороге ожидалось 28 и 29 февраля.

Успехи германцев заставили командующего группой центральных французских армий, ген. Лангль-де-Кари, отдать приказ в 20 час. 24-го об отводе правофланговых частей (II корпус) с высот у Ревра на линию фортов, что и было выполнено 25-го.

Жоффр, обеспокоенный этим решением и опасаясь, что возможен дальнейший отвод войск за Маас, отдал категорический приказ о дальнейшей обороне Вердена на правом берегу. «Все должны стоять лицом к северу на фронте между Маасом и Ревром,—писал Жоффр,—используйте без колебаний весь XX корпус»... Чтобы удостовериться, что его мысль правильно понята исполнителями, Жоффр командирует своего представителя ген. Кастельно, который, прибыв в Верден в 5 час. утра 25-го, отдает краткий приказ—«Защита Мааса должна происходить на правом берегу»...

В этот же день в Верден прибывает ген. Петен со штабом 2-й французской армии, получивший задание упорно оборонять район Вердена. 2-я французская армия объединяет под своим управлением: 1) на левом берегу группу Базелера (VII корпус), 2) группу Гуиллома (XXI и I корпуса)—от Мааса до Дуамона, 3) группу Бальфурье (XX корпус)—от Дуамона до Вевра Эбене и 4) группы Дюшена (II корпус)—на Мааских высотах.

25 февраля германцы достигают последних крупных успехов и оттесняют французов с линии Кот-де-Талу, с высот Мормона, Лувемона, а главное—овладевают *фортом и селением Дуамон*.

По свидетельству Петена, XX французский корпус 25 февраля храбро сражался вокруг деревни Дуамон и сдерживал сильный натиск III германского корпуса, который продвигался по лесистым равнинам, покрытым снегом, ограничивающим с запада и востока форт Дуамон. XX корпус, не зная местности, не имея возможности слиться с остатками XXX корпуса, был сбит и отошел за массив, на котором находился форт Дуамон, полагая, что гарнизон последнего содержит натиск германцев.

Однако 24-й германский бранденбургский полк решил атаковать форт по занесенным снегом склонам. 7-я рота лейтенанта Брандиса, перерезав проволоку, перешла рвы и первой проникла во внутренний двор форта Дуамон, где захватила в плен немногочисленный гарнизон.

Взятие форта Дуамон и отход II французского корпуса позволили германцам выдвинуть вперед свою артиллерию, и к 29 февраля, став на линии Самонье-Лувемон—форт Дуамон-Безонво, она готовилась к атаке форта Во и развитию атаки на флангах прорыва, на фронте VI резервного и XV корпусов. Ударная группа корпусов закреплялась на линии Мааса до Вашеровиль через форт Дуамон—Диепп—восточнее Муланвиль и Ронво.

2-я Французская армия, начиная с утра 26 февраля, приступила к организации обороны, широко использовав автотранспорт для переброски войск, огнеприпасов и грузов снабжения по «священному шоссе» Бар-ле-Дюк—Верден. В период сравнительного затишья в районе Вердена, с 27 февраля по 6 марта, автомобильный транспорт 2-й армии перевез в общей сложности 190 000 чел., 23 000 *т* огнеприпасов и 2 500 *т* других грузов.

В общем следует признать, что попытка германцев овладеть Верденом ускоренной атакой успеха не имела. Ударная группа корпусов имела незначительное продвижение, овладев передовыми позициями в глубину на 5—6 *км*. Важное значение имело только взятие господствующего над всем районом Авокура и Вевра форта Дуамон.

Причинами неуспеха германцев следует считать: 1) сравнительно малую плотность артиллерийского огня на флангах прорыва (в среднем до 35 орудий на 1 *км*, всего 40 *км* фронта артиллерийской подготовки), вследствие чего фланговый огонь французских батарей левого берега не был погашен; 2) отсутствие одновременной атаки на флангах прорыва, особенно на участке VI резервного корпуса; 3) отсутствие оперативной внезапности—прибытие XV корпуса было открыто французами своевременно, и 4) перенос дня штурма с 12-го на 21 февраля, что дало французам время на усиление обороны Вердена. В результате германцы стояли перед необходимостью продолжать атаку Вердена, где они постепенно втягивались в истощающую обе стороны тяжелую крепостную войну.

По необъяснимой причине февральские атаки германцев в центре не сопровождались никакими действиями на флангах и в особенности на левом

берегу Мааса. Только 6—8 марта начались германские атаки на обоих флангах.

6 марта германцы начали атаку на левом берегу Мааса, на участке VI резервного корпуса от Бетенкур до леса Форж, имея главной целью завладеть высотами Мортом (le Mort-Homme) и высотой 304, составлявшими узел укреплений левого берега Мааса и дававшими французской артиллерии возможность брать во фланг германские войска на правом берегу реки. Кровопролитные бои, продолжавшиеся до 20 марта, дали германцам только полууспех; завладев подступами к указанным высотам с обоих флангов, они не смогли продвинуться перед их фронтом и окончательно выбить французов с высот.

8—11 марта германцы усиленно атаковали на своем крайнем левом фланге участок Гардомон (Hardaumont)—форт Во, но атаки успеха не имели.

В двадцатых числах марта в боях с обеих сторон наступил перерыв. Германцы прекратили, под впечатлением неожиданного для них наступления на русском фронте (у озера Нарочь), свои атаки на Верден с 22 по 30 марта, пока не миновало их тяжелое положение на востоке. Правильнее было бы германцам совершенно прекратить свою операцию против Вердена, так как элемент неожиданности, что составляло преимущество германцев, уже потерял свою силу. В дальнейшем шансы сторон уравновешивались и даже переходили на сторону более богатых живою силой англо-французов.

С другой стороны и французы имели полную возможность, перейдя у Вердена к строгой обороне, использовать ослабление германцев на противоположном фланге англо-французского фронта и предпринять там решительное наступление. Французы может-быть это и сделали бы, но англичане окончательно отказались от наступления ранее условленного срока, т. е. 1 июля, когда должна была начаться операция на Сомме.

Дальнейшие операции у Вердена потеряли уже всякий стратегический смысл и велись германцами с более узкой целью: истощения французских резервов и материальных ресурсов. Операция под Верденом начинала принимать характер борьбы на истощение. К Вердену в течение 131 дня текли все новые силы двух одинаково мощных технически противников, уничтожались в этой бойне на небольшом пространстве, уводились для укомплектования, вновь вводились и так до конца, покуда германцы, под влиянием первоначально русского наступления, а потом и англо-французского на Сомме, не прекратили свои атаки.

Наступивший в марте перерыв обе стороны использовали для ввода новых подкреплений. Французы направили сюда части смененной англичанами 10-й армии, германцы—4 новых, свежих дивизии.

С 30 марта по 8 апреля на левом берегу Мааса германцы произвели вновь ряд атак на высоту 304 и Мортом, на этот раз с фронта, и завладели также и здесь всеми к ним подступами; на правом берегу они временно захватили селение Во, но вскоре были выбиты контратакой свежих французских сил.

9 и 10 апреля германцы произвели общую решительную атаку на этот раз одновременно на обоих берегах Мааса, но успех их ограничился только на левом берегу занятием Мортома, который 20 апреля был вновь отнят французами.

Таким образом, за этот первый период борьбы за Верден германцы продвинулись к нему не более, чем на 7 *км*, заняв 2 и часть третьей линии передовых позиций и только один совершенно разрушенный форт Дуамон,

имевший, правда, весьма большое тактическое значение. Борьба за Верден пока обошлась обеим сторонам не менее полумиллиона бойцов [1].

Французы за февраль и март потеряли под Верденом 55 000 убитых и 80 000 раненых и больных.

РУССКИЙ ТЕАТР

НАСТУПЛЕНИЕ В РАЙОНЕ ДВИНСКА И ОЗЕРА НАРОЧЬ

Схема 37

На русском театре январь 1916 г. проходил в организационных работах и в подготовке к грядущему общему с англо-французами наступлению, которое, как известно, решено было на конференции в Шантильи 14 февраля начать на французском фронте 1 июля и на русском—15 июня. 24 февраля в русской Ставке было собрано совещание главнокомандующих фронтами для выработки плана наступательной операции.

К этому времени стала уже известна атака германцев на Верден, что вызывало необходимость и русской армии предпринять наступление с целью помочь французам, воспрепятствовать переброске резервов с Востока на Запад, как это просил Жоффр на конференции в Шантильи. Несмотря на то, что время года делало невозможным ведение в России каких-либо наступательных операций, русское верховное командование решило произвести таковую в широком размере для отвлечения на себя сил с французского фронта и для дальнейшего развития наступления, в случае удачи, до пределов вытеснения германской армии за русскую границу.

Операцию было решено вести левым флангом Северного фронта и правым Западного в районе Двинск—озеро Нарочь—озеро Вишневское и начать ее тотчас же после завершения перегруппировок, которые могли окончиться 18—20 марта. Этому наступлению должны были содействовать второстепенные операции со стороны Якобштадта на Поневеж и со стороны Сморгони на Вильну. Удачное наступление от Двинска—озера Нарочь на Ковну не только прорывало германский фронт, но при успехе могло отрезать Виленскую группу противника от Ковны и от переправ через Неман.

Хотя к началу операции на Северном и Западном русских фронтах были собраны весьма внушительные силы, для чего часть их была сосредоточена и с Юго-западного фронта, но в действительности в мартовской операции приняло участие из войск Северного фронта около 4 корпусов и Западного около 8 корпусов. Остальные частью перевооружались японскими винтовками, частью оставались в резерве для развития наступления, если оно удастся, большею же частью занимали пассивные участки обширного русского фронта.

Относительно количества германских войск определенно сказать затруднительно. Мозер определяет число их на русском фронте в полмиллиона; Фалькенгайн—в 600 000, Людендорф сознается, что в течение всей операции спешно подвозились подкрепления; пленные же во время боев позволили зафиксировать только на коротком фронте озеро Дрисвяты—озеро Вишневское присутствие 12½ пех. и 4 кав. дивизий, т. е. не менее 6 корпусов. Все это позволяет притти к заключению, что хотя перевес в силах был на стороне русских, но не в 2½ раза, как это провидит Клембовский в своем труде [2]. В отношении же тяжелой артиллерии громадное преимущество было на стороне германцев.

[1] Palat X. La ruée sur Verdun, стр. 305.
[2] Клембовский, Стратегический очерк, ч. 5-я, стр. 19.

Фактический главный удар наносила 2-я русская армия двумя группами: 5 корпусами—по обе стороны железной дороги Поставы—Свенцяны и 3 корпусами между озерами Нарочь и Вишневское. Правее, со стороны Видзы, действовал XIV корпус 1-й армии, а еще правее от Двинска и Якобштадта части 5-й армии.

Атака началась во 2-й и в 1-й армиях 18 марта, а в 5-й армии 21 числа, несмотря на то, что сосредоточение к этому времени не было закончено, а артиллерию не успели даже подтянуть к фронту. Наступление велось в большую весеннюю распутицу, разрозненно, отдельными корпусами, без общей связи друг с другом, так что когда один корпус атаковал, то другой подготовлял атаку артиллерийским огнем или закреплялся, и, как и следовало ожидать при подобном способе ведения операций, оно не привело ни к чему, несмотря на значительное упорство, по свидетельству Людендорфа, русских войск в бою.

На Якобштадтском и Двинском направлениях атаки русских не имели в результате никакого успеха, на видзенском и нарочском направлениях русские войска имели успех местного характера, но 30 марта наступление было приказано приостановить, не использовав всех собранных резервов ввиду распутицы, совершенно прекратившей возможность продвижения.

Трудно было ожидать от наступления в марте месяце в районе Двинска и Вильны каких-либо широких результатов; весенняя распутица препятствовала этому в полном объеме. Это была помощь французам, помощь, веденная в больших размерах, которая могла бы расшириться, если бы германцы действительно сняли с русского фронта чрезмерно много войск, но этого, как уже сказано, не оказалось. Людендорф сознается, что положение германцев во время русских атак было критическое и они с трудом их отражали.

Результаты мартовской операции свелись к следующему.

На французском фронте у Вердена с 22 по 30 марта прекратились германские атаки, что как-раз совпадает со временем русского наступления. Германцы увидали, что они ошиблись в ожидаемом ими ослаблении боеспособности русской армии, почему вопрос об уменьшении германских войск на русском фронте отпал, и, напротив, германское командование перетянуло на север от Полесья свои, усилившие пока австровенгерский фронт, войска.

Новая неудача наступления именно на германском участке русского фронта не могла не оказать влияния на моральную сторону русского командования, что как мы увидим дальше, и произвело воздействие на характер летнего наступления. Со стороны русских продолжается все то же ведение операций отдельными корпусами без всякого руководства со стороны армейского командования. Короче, вся мартовская операция развилась исключительно на пользу французов и германцев.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕАТР

Схема 32

Со своей стороны и итальянцы на основании просьбы Жоффра повели для поддержки французов в марте свою пятую атаку на Изонцо, которая также не дала никаких положительных результатов.

АЗИАТСКО-ТУРЕЦКИЙ ТЕАТР

Схема 26

Азиатско-турецкий театр по своему стратегическому значению распадался на 5 главнейших отделов: Анатолийский, Армянский (его правильнее было бы называть Северокурдистанским), Южнокурдистанский, Месопотамский и Сирийский.

Общность действий русских и англичан на Азиатском театре против одного противника—Турции—толкала их на объединение действий на всех фронтах этого театра, тем более что Кавказский и Месопотамский фронты соприкасались друг с другом (через Персию), представляя почти непрерывный грандиозный фронт от Черного моря до Персидского залива, охватывающий Турцию с северо-востока и востока.

Русские, при сравнительно незначительных силах своей Кавказской армии с ее длинными и неудобными коммуникациями, не могли помочь англичанам в Месопотамии, где, как мы знаем, экспедиционный корпус Тоуншенда, разгромленный при Ктезифоне, был окружен турками у Кут-эль-Амара и русским приходилось одновременно с этим удерживаться в Персии и обеспечивать себя от сосредоточения большей части турецких сил, направляемых на Кавказский фронт. Англичане же имели возможность облегчить положение притягивающей на себя главные силы турок Кавказской армии, так как господство англичан на море делало их операции на Азиатском театре более легкими сравнительно с операциями Кавказской армии. При этом надо иметь в виду, что турки, держа резерв своих вооруженных сил главным образом у Константинополя и не имея после разгрома сербов и краха галлиполийской операции объектов действий к западу от этого района, имели полную возможность, пользуясь Багдадской железной дорогой, перекидывать свои войска в Аравию, Палестину, к Месопотамии и к Армении.

В начале февраля было обнаружено передвижение до 9 турецких дивизий по Багдадской железной дороге в Адану и Алеппо; из этих пунктов турецкие войска могли быть направлены далее по железным дорогам в Палестину или до Ниссибина и далее походным порядком в Армению и в Месопотамию. Поэтому русская Ставка обратилась к Англии с предложением захватить эти железнодорожные узлы, что можно было сделать при помощи высадки у Александретты. Ставка рекомендовала направить в этот район 8 дивизий. Она, кроме того, указывала, что захват района Александретты, отрезывая Сирию, лучше всего обеспечит Суэцкий канал и Египет, против которых турки готовили большую экспедицию. Однако англичане категорически отказались от этого предложения; они считали, что десантная операция у Александретты будет подобна таковой же на Галлиполи, но с прибавлением риска от множества германских подводных лодок в Средиземном море. Кроме того англичане боялись ослабить свои войска в Египте.

Таким образом попытка русских к совместным широким действиям не удалась, и все взаимодействие ограничилось установлением радиосвязи между русским экспедиционным корпусом, действовавшим в Персии, и английским—в Месопотамии. В результате и русские и англичане попрежнему вели отдельные, не связанные между собой, операции на своих фронтах. Однако активные действия русских, выразившиеся в 1916 г. в овладении огромным районом Эрзерум—Трапезонд—Эрзинджан и в занятии северной части Персии, имели большое политическое и стратегическое значение. Русские привлекли на себя

большую часть турецких сил: так, осенью 1916 г. турки выставили против Кавказской армии 27 дивизий, в то время как против англичан на Месопотамском и Сирийском (Суэц, Аравия и Палестина) фронтах сражалось только 18 турецких дивизий.

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ

Схема 26В

ЭРЗЕРУМСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Армянский театр, включая в него и приморскую полосу, прикрывающий со стороны Кавказа Анатолию—ядро и жизненный центр Турции, являлся для русской армии, действующей со стороны Кавказа сухим путем, по всей вероятности конечным районом боевых операций, будучи в то же время для турок исходным районом для действий против Кавказа. На этом театре наибольшее значение имели Эрзерум, Трапезонд и Битлис.

Эрзерум является узлом всех путей из пределов Кавказа со стороны Ольты, Сарыкамыша, Башкеи и Алашкерта, чем и определяется его стратегическое значение. К тому же эрзерумская долина представляет собой обширный плацдарм и главную турецкую базу для операций в Закавказье. К востоку от Эрзерума в 10—12 *км* имеется укрепленная девебойнская позиция, отделяющая эрзерумскую долину от пассинской, единственного удобного района для действий войск, наступающих с востока, т. е. таким образом преграждающая главное операционное направление от Карса. К флангам девебойнской позиции примыкают обеспечивающие их горные массивы.

Эрзерумская крепость состояла из городской ограды с опорными пунктами—фортами, девебойнской позиции с 11 расположенными в 2 линии долговременными укреплениями; ее правый фланг прикрывался 2 фортами, расположенными на высоком хребте Палантекен, а обходный путь от Ольты через Гурджи-богазский проход запирался 2 фортами, причем передний, расположенный на трудно доступной горе, находился в 28—30 *км* от Эрзерума. Таким образом, находясь в вершине армянского нагорья, эрзерумская крепость, несмотря на то, что она далеко не отвечала требованиям современного военно-инженерного искусства,не могла быть по конфигурации окружающей местности ни обойдена, ни блокирована.

Трапезонд с его береговыми укреплениями, с одной стороны, мог служить базой для действий в Черном море и приморской полосе, с другой—будучи узлом транзитных путей, соединявшим морские пути подвоза снабжений и людских пополнений с районом Эрзерума, мог служить для сокращения коммуникаций той армии, чей флот получал владение Черным морем, чем и воспользовалась со второй половины 1916 г. русская Кавказская армия.

Битлис являлся исходным пунктом турок и базой для наступательных операций на Эриванском направлении. Значение Битлиса было особенно велико как узла путей из Диарбекира и Моссула, облегчавшего переброску войск с одного фронта на другой.

Местность между расположением Кавказской армии и упомянутыми выше объектами ее действий представляла собой трудно доступные горные массивы, весьма бедные дорогами, которые в большинстве состояли из троп или аробных путей, причем на какую-либо связь для совместных действий разных колонн до входа в эрзерумскую долину не всегда можно было надеяться. Операции должны были развиваться отдельно на каждом направлении: приморском, оль-

тинском, сарыкамышском и эриванском, причем сравнительно удобные дороги были только на сарыкамышском направлении, но здесь они преграждались сильной Кеприкейской позицией турок.

ПЛАНЫ И РАСПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН

Турки предполагали использовать зимний период, чтобы развить решительную операцию против англичан, а затем, весной 1916 г., обрушиться всеми силами на Кавказскую армию русских. От наступления ее зимой они считали себя вполне обеспеченными и суровым временем года и непроходимостью занесенных глубоким снегом горных дорог. Таким образом слабой Кавказской армии, не имевшей надежды ожидать подкреплений из России, тем более что в течение 1915 года она передала на европейский фронт 2 пех. дивизии и 2 пластунских бригады,—предстояло весной или летом выдержать соединенный натиск кавказской, галлиполийской и месопотамской турецких армий.

У русского командования имелись определенные сведения о предполагаемом направлении на Кавказский фронт нескольких турецких корпусов, и поэтому при таких условиях единственным выходом оставалось воспользоваться относительной слабостью турок на ее фронте и нанести им поражение еще зимой. В этом духе и была поставлена в конце 1915 г. задача Кавказской армии, а именно нанести живой силе турок короткий удар на главном, эрзерумском направлении, но без выдвижения фронта армии вперед. Однако при разработке этой задачи в штабе командующего армией ген. Юденича было установлено, что ограничиться нанесением только короткого удара нельзя, а надо, разбив турок на занимаемой ими укрепленной кеприкейской позиции, преследовать их вплоть до Эрзерума и овладеть им.

Таким образом общая идея намеченной операции заключалась в прорыве турецкого центра в направлении на Гассан-Калу совместно с обходом левого фланга турок, для чего за центром было сосредоточено в резерве все, что можно было собрать; в общем из 126 русских батальонов в предстоящей операции должны были непосредственно участвовать 101 батальон. Силы русских и турок к началу операции были почти одинаковы (126 русских батальонов против 132 турецких), но русские превосходили турок в количестве артиллерии и конницы, и к тому же русский батальон был сильнее турецкого.

Расположение сторон было следующее:

На приморском направлении от Архаве до р. Чороха 10 батальонов, 24 орудия и 6 сотен русских против 14 батальонов и 10 орудий турецких;

на ольтинском направлении от р. Чороха до Шакарла 38 батальонов, 75 орудий и 21 сотня русских против 44 батальонов, 42 орудий и 5 эскадронов турецких;

на саракамышском направлении от Шакарла до Кес-Агасы 32 батальона, 60 орудий и 15 сотен русских против 51 батальона, 46 орудий и 5 эскадронов турецких;

на эриванском направлении от Кес-Агасы до Арджиша 20 батальонов, 42 орудия и 21 сотня русских против 14 батальонов, 12 орудий и 30 эскадронов турецких.

Между озерами Ван и Урмия были расположены незначительные силы русских и турок. В резерве русские имели 26 батальонов, 84 орудия и 34 сотни в районе I Кавказского корпуса, а у турок 9 батальонов и 12 орудий у

Гассан-Калы. Итак, на всем фронте силы были почти-что одинаковы и даже одинаково расположены большей частью своих сил на саракамышском и ольтинском направлениях.

ВЫПОЛНЕНИЕ ОПЕРАЦИИ

Схемы 26 и 27

Наступление русских войск началось в ночь на 10 января атакой II Туркестанского корпуса на ольтинском направлении с целью привлечь внимание турок к их левому флангу, а затем через 2 дня перешел в наступление и I Кавказский корпус, поддержанный армейским резервом. Для турок наступление русских в самое неудобное время года, тщательно подготовленное, при скрытно произведенных перегруппировках войск, было полной неожиданностью, что и помогло успеху первого этапа операции—овладению кеприкейской позицией. Вся операция вылилась в ряд тактических действий борьбы за горные перевалы, в обходы противника по горным хребтам, достигавшим высоты 9 000 фут., при 25° морозе и при вьюгах, сейчас же заметавших протоптанные тропы. Вся тяжесть наступления легла на пехоту, которой приходилоось втаскивать пушки на руках. Особенно тяжело пришлось войскам II Туркестанского корпуса, некоторые колонны которого в полном смысле слова пробивались в снежных туннелях. Наиболее быстро шло наступление русских на сарыкамышском направлении как по сравнительному богатству здесь дорогами, так и потому, что русским удалось облегчить прорыв кеприкейской позиции ее обходом, воспользовавшись подготовленной турками еще во время прежних войн дорогой для провоза артиллерии, но теперь ими забытой, а Кавказским штабом учтенной.

В середине января была занята Гассан-Кала почти без всякого сопротивления, так как турки спешно отступили к Эрзеруму, и можно было считать, что задача, поставленная Кавказской армии, была выполнена, живая сила турок была разбита, и центр их расположения прорван. Агентурные сведения указывали, что среди турок в Эрзеруме полный упадок духа, никто не готовится к обороне и крепость легко может быть взята простым преследованием по пятам отступающей турецкой армии. С другой стороны имелись определенные сведения о начавшейся спешной переброске турецких войск к Эрзеруму из Константинополя и Месопотамии, и таким образом в близком будущем русским предстояло встретить атаку уже превосходных сил, опирающихся на Эрзерум.

На этом основании командующий армией представил главнокомандующему вторую часть разработанного ранее плана, так как, по его мнению, улучшить свое положение русским можно было только овладением Эрзерумом, главной турецкой базой для всех их действий на Армянском театре. Однако главнокомандующий, прибывший в это время из Тифлиса, не согласился на штурм Эрзерума. Свое несогласие он основывал на количестве артиллерии на фортах (300 орудий) и на политическом значении возможной неудачи этого штурма после всех неудач истекшего года на русским—европейском—театре. В телеграфных, после отъезда главнокомандующего, переговорах протекало время. Турки успели оправиться от первоначальной паники; войска, прошедшие уже Эрзерум, были возвращены; стали приниматься меры по подготовке фортов к бороне, очищению дорог от снега и пр. Наконец было получено разрешение штурмовать Эрзерум под ответственностью Юденича.

I Кавказский корпус тотчас же вышел правым своим флангом на трудно доступный хребет Каргабазар, лежащий против левого фланга девебойнской

позиции, втащив с большим трудом свои пушки, а центр корпуса еще к 20 января занял Куруджик; тем временем туркестанцы медленно продвигались к Гурджи-Богазу.

Началась подготовка к штурму, подвезена была из Сарыкамыша тяжелая артиллерия (16 орудий), и приступлено было к энергичному развитию действий на флангах, к стороне Гурджи-богазского прохода и хребта Палантекена, чтобы охватить девебойнскую позицию и спуститься в Эрзерумскую долину с трех сторон. 10 февраля начался 5-дневный штурм девебойнской позиции войсками I Кавказского корпуса; в это же время II Туркестанский корпус пробивался в Гурджи-богаз, а 2 колонны, составленные из войск I и IV кавказских корпусов, лезли на Палантекен. Первая линия девебойнских фортов была быстро взята, но штурм второй линии был неудачен вследствие господствовавшего положения сильнейшего форта Чобан-деде, и к вечеру четвертого дня наступил кризис, который разрешился только тогда, когда II Туркестанский корпус, форсировав Гурджи-богаз, вышел в долину. В ночь на 16 февраля войска I Кавказского корпуса, преодолев Девебойну, ворвались в Эрзерум.

Таким образом операция, продолжавшаяся более месяца, закончилась полной победой русских, падением Эрзерума, полным расстройством 3-й турецкой армии и захватом всех ее запасов. Потери русских за всю операцию равнялись 16 000 убитых, раненых и обмороженных, а трофеи—13 000 пленных; при наступлении путь движения русским указывался линией замерзших трупов отступавших турок.

В то время, когда I Кавказский и II Туркестанский корпуса наступали на Эрзерум, IV Кавказский корпус развивал свое наступление в районе Хныс-Кала—Мелязгерт. Разбив турок в середине января в боях у Мелязгерта, русские овладели Хныс-Калой и Коном и заняли у Адильджеваза район северного берега Ванского озера. В то же время другая колонна, продвигавшаяся от Вана вдоль южного берега Ванского озера, заняла Вастан.

Таким образом ко времени взятия Эрзерума линия фронта проходила через Вице—Эрзерум—Хныс—Кала—Вастан. Взятие Эрзерума и вся вообще наступательная операция русских зимой произвела во всем мире сильное впечатление, очень повысила престиж России на мусульманском Востоке и вызвала со стороны Турции посылку против Кавказской армии подкреплений со всех фронтов. Благодаря этому уменьшилось давление на англо-французов на Салоникском фронте, была скомпрометирована турецкая операция в сторону Суэцкого канала и Египта, а английская экспедиционная армия в Месопотамии получила большую свободу действий.

После Эрзерумской операции 4 марта 1916 г. было заключено англо-франко-русское соглашение о «целях войны России в Малой Азии»: 1) Россия сохраняла за собой район Константинополя и проливов и сев. часть турецкой Армении, исключая Трапезонд и Сивас; 2) Россия признавала право Англии занять нейтральную зону Персии; 3) державы Антанты отнимали у Турции «Святые места» (Палестину) [1].

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Однако русским войскам нельзя было ограничиться достигнутыми успехами. Сильные турецкие подкрепления были на путях к Эрзинджану и Диарбекиру. Они были двинуты с целью вернуть Эрзерум, этот важнейший пункт на театре, и восстановить утраченное положение. Кавказской армии было при-

[1] Larcher. M. La guerre turque dans la guerre mondiale P. 1926.

казано для обеспечения завоеванной крепости продвинуться вперед, выравнять отставший правый фланг на приморском направлении, занять Битлис и продвинуться между озерами Ван и Урмия на моссульском направлении.

Относительно продвижения на эрзерумском направлении Юденич считал, что вследствие неустройства снабжения и слабости армии следует продвинуться лишь настолько, чтобы обеспечить Эрзерум, создав в нем укрепленный район. Но главнокомандующий потребовал занятия Мемахатуна, пункта, отстоявшего свыше чем в 120 *км* от Эрзерума.

В течение февраля и марта продолжалось наступление: на приморском направлении сильные, почти неприступные с фронта, позиции турок заставили прибегать для обхода этих позиций к переброске десантов. Здесь в начале марта были заняты Атина, Манавра и Ризе. На Байбуртском направлении был занят в конце февраля Испир, на Эрзерумском—в середине марта—Мемахатун и на Битлисском—в середине февраля—Муш и Ахлат, а ночной атакой 2 марта был взят Битлис.

В результате этого преследования отступавших турок Кавказская армия к апрелю вышла на линию Ризе—Мемахатун—Башкала и далее на 1—2 перехода западнее гг. Урмия и Миандоаб. Эрзерумская операция кончилась, начиналась трапезондская, представляющая интерес как пример взаимодействий армий и флота.

ТРАПЕЗОНДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Схема 26В

С наступлением весны и продвижения армии русское командование на Кавказе все более и более беспокоили два вопроса: 1) продовольствие армии, чрезмерно выдвинувшейся вперед в бездорожный, пустынный и полуразоренный край и 2) направление турками больших подкреплений, которые по полученным данным доходили до 3—5 корпусов. Для улучшения подвоза требовалось перенести часть его на море, что вынуждало скорее овладеть Трапезондом; кроме того, это давало и более выгодное исходное положение для отбития ожидаемого наступления турок. Вопрос о взятии Трапезонда подымался еще во время эрзерумской операции, так как Кавказской армии была весьма желательна помощь Черноморского флота в виде десанта в тылу Эрзерума, а этой цели наиболее удовлетворял Трапезонд, ибо от него шла наилучшая дорога через Понтийский Тавр.

Задачу взятия Трапезонда с моря Черноморский флот признавал возможной, но по расчету морского командования для этого требовался десант в 2 корпуса, каковые силы Ставка не решалась выделить с русского европейского фронта. Поэтому мысль о десантной операции заглохла, Эрзерум был взят одной лишь сухопутной армией, а Черноморский флот попрежнему исполнял свою главную задачу. Этой задачей, согласно директивы 28 декабря 1915 г., подтвержденной 29 января 1916 г., ставилось лишение Турции угольного подвоза (блокада Зангулдака) и пресечение морских сообщений с кавказской турецкой армией [1]. Хотя Черноморский флот и имел превосходство над турецким,

[1] Весной 1916 г. лордом Китченером был намечен план одновременной англо-русской десантной операции в Малой Азии. Англичане должны были высадиться в районе Алалия-Мерсинал-Александретта и направить удар на Кайсари. Русские — в районе Синопа-Самсун и наступать на Иозгод. Занятием этих двух пунктов прерывались все главные пути сообщения турецкой армии с тылом. (Е. Достовалов, Десантные операции и оборона побережья, «Война и мир», № 12.) В русских архивах указаний на эту операцию найти не удалось.

потому, что со стороны турок действовал только один «Явуз-Султан-Селим» (быв. «Гебен»), но вследствие отсутствия быстроходных крейсеров и больших расстояний до объектов действия, а главным образом из-за бедности оперативных замыслов и бесталанности их выполнения—задача эта фактически не была исполнена. Взаимодействие армии с флотом лежало на специально выделенном из состава флота так называемом «Батумском отряде». Этот отряд с первого же дня, когда гарнизон батумской крепости начал свои действия с целью оттеснить турок за р. Чорох и вплоть до наступления Приморского отряда на Ризе, оказывал самую существенную поддержку войскам Приморского отряда обстрелом турецких позиций, переброской десантов и подвозом снабжения. После занятия Ризе (7 марта) дальнейшее продвижение Приморского отряда к Трапезонду стало невозможным: так как при своем дальнейшем наступлении он вынужден был бы, дабы обеспечить себя от прорывов турок в тыл через многочисленные горные проходы Понтийского Тавра, израсходоваться на заслоны. Поэтому, сейчас же после взятия Эрзерума Ставка сообщила, что на Кавказ возвращаются 2 пластунских бригады, взятые в 1915 г. на европейский фронт. Эти бригады были из Новороссийска переброшены 7 и 8 апреля в Ризе и Хамуркан.

К 14 апреля Приморский отряд в составе 20 батальонов занял позицию вдоль правого берега р. Карадере, а турки, уступавшие в силах почти вдвое, укрепились на левом берегу, занимая Сюрмене. В этот же день русские, при поддержке огнем с 2 кораблей, заняли Сюрмене, а 15 апреля продвинулись вперед, не дойдя до Трапезонда около 15 *км*. Здесь начальник Приморского отряда остановил войска, готовясь к штурму Трапезонда, назначенному в ночь на 19 апреля. Этим перерывом в наступлении воспользовались турки, которые в ночь на 16 апреля очистили город и отступили. Через 2 дня, 18 апреля, греческое население Трапезонда, опасаясь обстрела и штурма, прислало депутацию с просьбой занять оставленный турками город, и Трапезонд был занят без выстрела.

Так как вся операция против Трапезонда была предпринята с целью создать в нем мощную базу снабжения, то было решено для ее прикрытия образовать здесь сильную круговую позицию, укрепленный район, который мог бы служить опорой для правого фланга армии, для чего и было намечено занять Платану. Но наличных сил Приморского отряда нехватало для удержания всего намеченного плацдарма, и Юденич через главнокомандующего Кавказской армии потребовал от Ставки отправки ему в подкрепление не менее 2 пех. дивизий. Это подкрепление было дано в виде 2 третьеочередных дивизий, которые и были перевезены морем в конце мая из Мариуполя в Трапезонд, где и были сведены в V Кавказский корпус.

На всем остальном фронте за это время происходили только частные бои: в течение апреля турки пытались перейти в наступление и произвели ряд атак в направлении Байбурт-Эрзерум и в районе Ашкалы. В районе Урмийского озера русское наступление развивалось успешно, русские войска вошли в пределы Турции и в середине мая заняли Ревандуз на р. Б. Заб, притоке Тигра, важном узловом пункте на пути к Моссулу (дороги на Ван, Урмию, Соуджбулаг и далее Тавризу и через Сулеймание в южную Персию).

ДЕЙСТВИЯ В ПЕРСИИ

Схема 26

Описываемый период является временем наибольшего успеха русских в Персии. В начале этого периода продолжалась все та же борьба англо-русско-

го влияния с германо-турецким, и происходили столкновения русских отрядов с отрядами германских наемников, которые по мере продвижения экспедиционного корпуса Баратова постепенно отодвигались к югу. Однако, несмотря на германскую агитацию, вредившую английским интересам, и на реальную угрозу в смысле вовлечения афганцев в войну, русское командование не могло, как мы видим, добиться комбинированных действий английских и русских войск, и вся совместная работа России и Англии в Персии шла только в области дипломатического воздействия на персидское правительство. В январе это правительство под влиянием успехов русского экспедиционного отряда, занявшего в этому времени довольно значительную часть северной Персии, предложило России и Англии союз, но выставило при этом заведомо неприемлемые требования, и переговоры о союзе заглохли.

При начале операции против Эрзерума командование Кавказской армией приказало Баратову задержать своими наступательными действиями возможную переброску турками на помощь 3-й армии своих войск из Месопотамии, где англичане потерпели сильную неудачу. Баратов начал свое наступление в январе; повел его в западном направлении к Багдаду, а часть сил направил на юг. В январе и начале февраля экспедиционным корпусом была занята линия Кянгевер—Довлетабад—Султанабад. В течение февраля и марта русские продвинулись до Биджара, Керманшаха и Кашана и наконец 20 марта заняли важный узел дорог—Исфаган. С занятием Исфагана был ликвидирован очаг германской агитации, откуда германцы вели свою пропаганду с целью поднять против англичан могущественное кочевое племя бахтиар и устроить резню русских и англичан в ряде персидских городов (задание германского консула Пужена).

Наступление русских, выполнивших свою задачу, прекратилось, но тяжелое положение английского корпуса, осажденного в Кут-эль-Амара, заставило английское правительство просить содействия русских наступлением на Багдад. Вследствие этого экспедиционный корпус Баратова возобновил свое наступление в западном направлении; в апреле был занят Керинд, в мае Касриширин, и таким образом русские войска, тесня отступающие турецкие отряды, подошли на багдадском направлении к турецкой границе, причем для связи с англичанами была выслана сотня в Зорбатия. Эта сотня, прибыв 22 мая в английскую Ставку, доказала возможность для англичан направить свои войска для совместных действий с русскими. Однако англичане не изменили своего отрицательного отношения к направлению своих войск к Керманшаху, и вопрос о совместных действиях так и остался висеть в воздухе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описываемый период войны прошел под знаком борьбы за Верден, результаты которой в течение этого периода в достаточной степени выяснились. Удар был парирован, и в дальнейшем германцам было трудно ожидать здесь стратегического успеха. Самое правильное было бы прекратить операцию, но она уже приняла характер сражения за уничтожение живой силы и материальных ресурсов и продолжалась еще несколько месяцев, имея характер местных боев, питаемых скорее не затратой живой силы, а громадным расходом огнеприпасов [1].

[1] Palat, La grande Guerre, стр. 304. Французы израсходовали в феврале 1 531 000 75-*мм* снарядов, а в марте—3 752 000. Ежедневная выработка этих снарядов была доведена до 148 000.

Средства, собранные Антантой на англо-французском фронте, давали ей возможность ответить на атаку Вердена контрударом на Сомме, чего сделано в этот период не было и больше всего вследствие преследования Англией своих целей в колониях.

Наступление итальянцев и в особенности русских следует рассматривать как вполне своевременную помощь французам, которая прекратила под Верденом германские атаки на 8 дней. Однако такая кратковременная поддержка, как это показали и предшествовавшие случаи, существенной помощи в современных операциях не приносит. Русское мартовское наступление, вылившееся в широкую форму, не соответствовало времени года, почему (а также ввиду неудачного его выполнения) и было прекращено без ввода в дело всех сосредоточенных резервов.

Громадный успех на Кавказском фронте не соответствовал силам русских, почему заставлял развивать его с особой осторожностью. Союзники не воспользовались здесь победой русских, чтобы развить совместные операции со стороны Кавказа, Месопотамии и Александреты и этим вывести Турцию из строя. Желание русского командования войти в тесную связь с английским с целью совместных действий в Персии и в Месопотамии разбивалось о всегдашнее противодействие этому со стороны англичан.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПЕРИОД МАЙ—СЕНТЯБРЬ

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ЕРИОДА

Летний период кампании 1916 г. характеризуется началом задуманных операций на главных европейских театрах и желанием со стороны Антанты согласовать эти операции для оказания взаимной помощи друг другу, хотя достигнуть этого удавалось далеко не в полной мере.

Австрийское наступление на итальянцев, Брусиловский прорыв австрийского фронта в ответ на это русскими, при продолжавшейся борьбе под Верденом, и англо-французское наступление на Сомме—таковы главные этапы операций в течение лета 1916 г.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕАТР

АВСТРИЙСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ В ТРЕНТИНО

Схема 32

После непроизводительной мартовской попытки на Изонцо, итальянский главнокомандующий ген. Кадорна готовился в апреле произвести шестое наступление в том же направлении; но сведения о сосредоточении австрийцами новых сил в опасном для итальянцев районе, а именно против их левого фланга, заставили ген. Кадорна приостановить свое наступление.

В марте месяце, во исполнение основного плана ген. Гетцендорфа, начала сосредоточиваться в Трентино новая большая австрийская армия эрцгерцога

Евгения, силою в 18 дивизий (около 400 000 человек) с могущественной тяжелой артиллерией, взятых с Русского и Балканского фронтов. Сосредоточение шло без соблюдения необходимой скрытности и очень медленно ввиду наличия здесь только одной железной дороги, так что операция потеряла не только все выгоды неожиданности, но и могла начаться вместо апреля лишь в половине мая.

Идея австрийского плана заключалась в прорыве левого фланга итальянского фронта между Гардским озером и р. Брента, где расположение австрийцев и без того сильно выдавалось к югу, и в дальнейшем наступлении в долину р. По, чтобы отрезать сообщение итальянской армии с Венецианской областью.

15 мая австрийские колонны начали быстро наступать между Адижем и Брентой, имея ближайшею целью занять возвышенность *Семи Комун*, которая господствовала над Винченской долиной.

Итальянская армия под сильным натиском принуждена была начать поспешный отход на фронте в 60 *км*, и генерал Кадорна, озабоченный сохранением коммуникаций остальных своих армий, действующих в районе р. Изонцо, просил Жоффра настоять на немедленном переходе русских армий в наступление. Развивавшееся энергичное наступление австрийцев могло скоро поставить итальянскую армию в критическое положение, и ее командование начало повторно взывать о немедленной русской помощи, требуя неожиданного выступления русской армии чуть ли не в 24 часа. Это требование, на которое русское командование поспешно откликнулось, и повело, как увидим ниже, к преждевременному началу брусиловского наступления.

Тем временем итальянцы продолжали быстро откатываться, и 30 мая австрийцы заняли уже Арзиеро (Arsiero) и Азьяго (Asiago), оттеснив итальянцев на последние отроги гор. Но здесь австрийцы приостановились, выжидая подхода своей тяжелой артиллерии, что дало возможность Кадорна сделать перегруппировку своих войск и заполнить образовавшийся прорыв.

Начавшееся 4 июня русское наступление и последовавший разгром 4-й австрийской армии у Луцка заставили австрийцев постепенно прекратить атаки на итальянском фронте и начать спешную переброску своих дивизий обратно на галицийский фронт. Италия была спасена от австрийского разгрома и имела время подготовиться к новой операции.

РУССКИЙ ТЕАТР

Схема 37Б

Войска Антанты должны были, согласно постановлениям конференций в Шантильи, в 1916 г. произвести комбинированный удар против центральных держав на русском, итальянском и французском фронтах. Конференция 14 февраля установила начало атаки на французском фронте 1 июля, а на русском 15 июня.

Однако критическое положение итальянцев, сильно теснимых австрийской армией, продолжающаяся переброска австрийских войск на итальянский фронт и настойчивые просьбы Жоффра привели к ускорению начала русского наступления на Юго-западном фронте, которое началось 4 июня, имея согласно первоначальным планам характер *вспомогательного удара*. Ведение *главного удара* возлагалось на войска Западного фронта, располагавшиеся севернее Полесья.

ПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН К ЛЕТУ 1916 г.

Обе стороны занимали те же укрепленные полосы, на которых они закрепились зимой.

Русские войска, всего 11 армий, объединенные в 3 фронта, занимали 1 200-*км* фронт от Рижского залива до русско-румынской границы, западнее станции Новоселицы. Все армии, будучи в большом некомплекте, насчитывали в начале апреля 1 732 000 штыков и сабель и прикрывали направления:

На Петроград—*Северным фронтом,* от моря до Видзы, имея на 340 *км,* в большинстве прикрытых Двиною, *13 корпусов и 7—8 кав. дивизий* (около 470 000 штыков) с уплотнением (3 корпуса) на Туккумском направлении (Рижский левобережный плацдарм) и на Новоалександровском (4 корпуса).

На Москву—*Западным фронтом,* до Пинска включительно, имея на *450 км 23 корпуса и 5—7 кав. дивизий* (около 750 000 штыков) с большим уплотнением на Свенцянском (9 корпусов) и Виленском (7 корпусов) направлениях. На Киев и Одессу (Украину)—*Юго-западным фронтом,* к югу от Полесья, имея на 450 *км* 19½ корпусов и 11—12 кав. дивизий (около 510 000 штыков); войска Юго-западного фронта были почти равномерно распределены по всему фронту.

Армии *Центрального союза* также были подразделены на несколько групп, в зависимости от тех важных направлений, которые они должны были прикрывать.

На крайнем правом фланге пути в Венгрию и Галицию (от Румынской границы до Дубно примерно) прикрывались 3 австро-германскими армиями *эрцгерцога Фридриха;* южные подступы к Польше, между Дубно и Пинском, прикрывались германской армией Линзингена, находившейся под главным командованием австрийцев; северные подступы к Польше, от Пинска до Немана, прикрывались группой принца *Леопольда Баварского,* и наконец пути в Литву и Восточную Пруссию прикрывались группой Гинденбурга с высоким наименованием главнокомандующего Востоком, в распоряжении которого находились 3 германских армии.

Всего центральные державы имели на Восточном фронте *127 пех. и 21 кав. дивизий,* из которых около ⅔ находилось к северу от Полесья; здесь их силы были сосредоточены в тех направлениях, в которых шли русские атаки в марте месяце, т. е. в Виленском и Рижском; а около ⅓ всех сил— на обширном участке к югу от Полесья.

Численное превосходство было безусловно на стороне русских, но далеко не в такой степени, как это рисуется русскими источниками. И более объективный германский генерал Мозер говорит только, что «на стороне русских все еще было превосходство в силах» [1]. Фалькенгайн же определяет численность германского фронта к северу от Припяти в 600 000 чел. Если прибавить к этому большой недостаток русских в тяжелой артиллерии и отлично устроенные бетонированные позиции армий центральных держав, то следует откинуть то мнение, что русское наступление 1916 г. было произведено чуть ли не в пустое пространство. Как отличительную особенность враждующих сторон можно отметить, что русские держали большую часть своих войск в первой линии, германцы же в резервах.

[1] Оттоф-Мозер, Краткий стратегический обзор Мировой войны 1914—1918 гг., ВВРС. М. 1923. стр. 95. По данным русской Ставки силы австро-германцев определялись к 1 апреля в 1 061 000 штыков, из них севернее Полесья— 620 000 штыков.

ПЛАНЫ СТОРОН

Схема 37Б

На втором совещании в Ставке 14 апреля был установлен план, согласно которому наступление производится всеми фронтами; главный удар наносит Западный фронт; первым же атаку начинает Юго-западный на 2 недели раньше остальных, чтобы привлечь на себя силы противника и этим облегчить нанесение удара к северу от Полесья. На подготовке операции не остался без влияния характер высшего командования. Император—верховный главнокомандующий—и его начальник штаба формально объединяли всю оперативную власть, но в действительности было не так. По характеру обоих этих лиц, они не могли объединить власть в своих руках. Совещания в Ставке носили облик академических собеседований, кончившихся, после некоторого торга, принятием компромиссного решения, отдающего, как и всякое такое решение, специфическим запахом полумер. Главнокомандующие фронтами и во время хода операций продолжали тот же торг со Ставкой, которая много просила, много советовала и мало приказывала.

Окончательная идея наступательной операции со стороны русских была в мае еще раз изменена. Недостаток снарядов не давал возможности наносить удары всеми 3 фронтами. Поэтому роль Северного фронта была ограничена только демонстрациями, преимущественно на рижском направлении, и в обеспечении правого фланга Западного фронта, дабы освободить резерв Ставки—2 гвардейских корпуса для переброски в район главного удара. Главный удар попрежнему наносился Западным фронтом, но, ввиду положения на итальянском фронте, удар Юго-западного фронта также должен был быть сильным и быстрым. Последнему, усиленному еще одним корпусом, приказывалось начать наступление 4 июня, а Западному фронту—10—11 июня. Наступление Юго-западного фронта должно было сопровождаться прорывом 6 кав. дивизий с сарненского направления в обход Ковеля с севера и для работы по неприятельским тылам.

Центральные державы не предполагали начинать этим летом наступательных операций на Русском фронте. Выявившаяся боеспособностть русских, недостаточно поколебленная в 1915 г., все увеличивающаяся дезорганизация австрийской армии, в которой начались уже беспорядки, невыясненное поведение Румынии и наконец проглядывающий в мемуарах Фалькенгайна страх перед безграничным русским пространством и бездорожьем были тому причиной.

В общем австро-германцы решили обороняться, а русские—наступать, при этом австрийское командование считало, что без крупной перегруппировки и усиления русских сил к югу от Полесья наступление русских не может иметь успеха.

БРУСИЛОВСКИЕ НАСТУПЛЕНИЯ

ПЛАН И ПОДГОТОВКА ПРОРЫВА ЮГО-ЗАПАДНЫМ ФРОНТОМ

Схема 37

Генерал Брусилов, заменивший Иванова на посту главнокомандующего Юго-западным фронтом, решил произвести по одному прорыву в каждой армии, что, естественно, приводило к распылению войск его фронта между всеми армиями.

Второстепенная задача Юго-западного фронта—вести вспомогательный удар—была распределена им между армиями таким образом, что для главного удара в общем направлении на Луцк была назначена 8-я армия из $4\frac{1}{2}$ корпусов, как ближайшая к Западному фронту. Остальные армии (11-я, 7-я и 9-я) должны были также вести наступление на участках, избранных командующими армиями, рассчитывая только на свои силы и средства. Ввиду ограниченности транспортных средств эти удары намечалось вести накоротке, имея ближайшей целью действий: «разбить живую силу противника и овладеть его укрепленными позициями».

Дальнейшей цели действий все армии не получили: глубокого прорыва и развития успеха план командования фронтом не предусматривал, упуская также согласование действий ударных групп в соседних армиях. Такая свобода в выборе участков для прорыва привела к тому, что намеченные армиями районы были избраны недостаточно связно.

В общем *8-я армия* должна была прорывать фронт на *16-км* участке в районе Олыка, на владимиро-волынском направлении, *4 корпусами,* имея в резерве *1 пех. и 1 кав. дивизии.* Соседняя, *11-я армия* прорывала фронт на 11-*км* участке *1 корпусом* по шоссе Езерно—Тарнополь, *7-я армия—$1\frac{1}{2}$ корпусами* на *7-км* участке у Язловца между Бучачем и Днестром и *9-я армия—2 корпусами* на 11-*км* участке Онут-Доброноуц, к югу от Днестра. Конница прорывалась на Ковель со стороны Сарны. В резерве главнокомандующего оставались 3 пех. дивизии, разбросанные за правым и левым флангами фронта, и V Сибирский корпус, перекидываемый еще по железной дороге.

По идее Брусилова весь Юго-западный фронт начинал артиллерийскую подготовку *1 июня,* а *4 июня* наступала вся пехота, конная масса должна сделать свой прорыв на 2 дня позднее.

Таким образом на главном операционном направлении Юго-западного фронта на Львов группировка сил была слабая, более сильный кулак сосредоточен на владимиро-волынском направлении, для облегчения намеченного главного удара Западного фронта.

Позиции австрийцев, которые приходилось прорывать русским войскам на всех участках, состояли из 2, а местами и 3 линий укрепленных полос. Первая укрепленная полоса обычно состояла из 3 линий окопов, перед которыми имелось до 16 рядов проволочных заграждений. Последние обеспечивались продольным пулеметным огнем из фланкирующих бетонированных и блиндированных блиндажей. Вторая укрепленная полоса отстояла от первой в 5—7 *км,* а третья—в 8—11 *км.* Группировка австрийских войск была равномерной по всему фронту, причем средняя величина дивизионного участка была от 10 до 13 *км,* в то время как в армиях Юго-западного фронта в среднем на дивизию приходилось: в 11-й армии до 15 *км,* а в остальных до 9—10 *км* фронта. Моральное состояние австро-венгерских войск, в связи с отправкой на итальянский фронт лучших частей и пополнений, резко ухудшилось. В солдатских массах усталость от войны и нежелание воевать стали обычными явлениями.

Русская армия к лету 1916 г. была пополнена укомплектованиями, на обучение которых в самих войсках было обращено особое внимание, для чего в каждом полку были созданы запасные батальоны, кроме того в каждой дивизии по 2 саперные роты и специальные команды для позиционной войны. Однако русская армия после 1915 г. являлась уже по типу милиционной с очень слабым по подготовке младшим командным составом. Случаи нарушения службы все учащались. В апреле 1916 г. на пасху в 8-й армии появ-

ляются в XXXII корпусе первые случаи братания с австрийцами. Русский солдат чувствовал тоже утомление войной, но в массе не потерял еще боевой стойкости, и в общем боеспособность русской армии была выше, чем австро-венгерской.

ПРОРЫВ

Схема 37В и Г

Всю операцию можно разделить на 3 отдельных периода: *прорыв* австрийского фронта, *развитие этого прорыва* и *бои на Стоходе* с подошедшими германскими резервами, при одновременном угрожающем Венгрии продвижении *вперед крайнего русского фланга*—9-й армии.

Прорыв австрийского фронта был успешно произведен 5 июня в 8-й, 7-й и 9-й армиях и менее удачно в 11-й армии на Львовском направлении. Артиллерийская подготовка штурма была начата во всех армиях около 3 часов утра 3 июня.

Прорыв 8-й армии. Пторыв 8-й армии, называемый *Луцким прорывом,* был осуществлен после тщательной подготовки, длившейся около месяца. Занимая 185-*км* фронт от Маюничи до Детиничи 13 пех. и 7 кав. дивизиями (170 000 бойцов и 582 орудия), 8-я армия Каледина имела на своем фронте части 4-й австрийской армии Иосифа-Фердинанда в составе 12 пех. и 4 кав. дивизий (116 000 бойцов и 548 орудий). Для ведения главного удара на 16-*км* фронте Носовичи—Корыто в общем направлении на Луцк были сосредоточены 2 ударных корпуса (XL и VIII) в составе 80 батальонов и 257 орудий.

После артиллерийской подготовки с 3 час. утра 3 июня, результатом которой явилось сильное разрушение окопов первой полосы и частичная нейтрализация артиллерии противника, в 9 час. утра 5 июня пехота 6 русских дивизий XXXIX, XL, VIII и XXXII корпусов дружно пошла на штурм и к 17 часам на участке XL корпуса овладела всей первой укрепленной полосой австрийцев глубиною до 2 *км.* В соседних корпусах атака первого дня успеха не имела. XL корпус, развивая достигнутый успех, овладел 6 июня при содействии VIII корпуса второй укрепленной полосой, а 7 июня, развивая преследование бегущих 2-й и 70-й австрийских дивизий, овладел к 21 часу г. Луцком, проникнув в глубь расположения австрийцев более чем на 30 *км.* Форсировав р. Стырь 8 июня и введя для развития успеха на Ковельском направлении V Сибирский корпус, 8-я армия к 12 июня вышла на фронт Колки (на р. Стыри)—Переспа—Лавров, т. е. в 1—1½ переходах к северо-западу и западу от Луцка. В это время на ее фронте вдоль железной дороги на Ковель впервые появились свежие германские—11-я Баварская и 108-я пех. дивизии, переброшенные с фронта Гинденбурга. Вслед за ними юго-западнее в районе Киселин к 15 июня развернулся X германский корпус, переброшенный с французского фронта. Настойчивые контратаки этих германских частей постепенно приостановили дальнейшее продвижение 8-й армии, уже не имевшей резервов для развития дальнейшего успеха.

ДЕЙСТВИЯ 11-й АРМИИ. Действия 11-й армии Сахарова были менее успешны и свелись к *прорыву у Соколова* XVII корпусом, где укрепленная позиция была прорвана 5 июня. Этот успех на правом фланге 11-й армии давал возможность согласовать ее действия с 8-й армией для облегчения продвижения левого фланга последней. Но командующий армией продолжал вести

до 9 июня неудачные атаки на своем левом фланге на участке VI корпуса в районе Тарнопольского шоссе.

Причинами малоуспешности действий 11-й армии являлась сравнительная слабость ее сил и скудость предоставленных ей средств, так как в исходном положении к началу прорыва армия занимала 130 *км* $8\frac{1}{2}$ пех. и 1 кав. (Заамурск. конной) дивизиями, т. е. 134 батальона, 49 сотен и 382 орудия, имея против себя части 2-й австрийской армии Бем-Эрмоли и германский корпус Маршаля, всего 10 пех. и 2 кав. дивизии, т. е. 164 батальона, 48 эскадронов и 471 орудий (из них 159 тяжелых). Несмотря на невыгодное соотношение сил, 11-я армия вела еще удары: главный на участке в VI корпусе и вспомогательные на участке XVII и XVIII корпусов, но не имела резервов для развития успехов.

ПРОРЫВ 7-й АРМИИ. Прорыв 7-й армии, называемый *Язловецкой операцией*, является образцом решительных действий армии, получившей задачу вести вспомогательный удар. Занимая в исходном положении 63-*км* фронт от Людвинувки до Лотача 8-й пех. и 3-й кав. дивизиями (167 000 бойцов и 326 орудий), 7-я армия имела против себя части Южной армии Ботмера в составе 6 пех. и 1 кав. дивизии (84 000 бойцов и 325 орудий), все в первой линии. Прорыв был подготовлен в районе Язловца на фронте в 7 *км* на участке II корпуса, усиленного до 48 батальонов, 37 эскадронов и 147 орудий (из них 23 тяжелых), всего 48 000 бойцов. Группировка II корпуса для прорыва заключалась в сосредоточении для главного удара на 5-*км* фронте 4 полков в первой и 4—во второй линии. 1 пех. и 4 кав. полка составляли резерв командования для развития успеха. Плотность огня на 1-*км* фронте доводится до 21 орудия.

С рассветом 4 июня началась артиллерийская подготовка, ночью поддерживался редкий огонь по окопам и сделанным проходам совместно с огнем пулеметов и бомбометов. Весь день 5 июня продолжалась артиллерийская подготовка и в 2 часа 6 июня 4 полка двинулись на штурм, взяли 3 линии окопов, но продвинулись за день боя на 1—2 *км* и только к исходу 7 июня после упорной борьбы прорвали позиции и вышли на р. Стрыпу. Развивая успех 8 и 9 июня, части II и XVI корпусов оттеснили австрийцев на вторую оборонительную полосу, где наступление 7-й армии к 11 июня приостановилось ввиду успешного контрудара 48-й германской дивизии по правому флангу XVI корпуса. На этом операция замерла.

ПРОРЫВ 9-й АРМИИ, ИЛИ ЧЕРНОВИЦКАЯ ОПЕРАЦИЯ 9-й АРМИИ. Левофланговая 9-я армия ген. Лечицкого—5 корпусов, III кав. корпус и 2-я кав. дивизия (10 пех. и 4 кав. дивизии), всего 180 000 бойцов, 489 орудий (из них 47 тяжелых) и 28 самолетов—должна была прорвать расположение австро-венгерцев к югу от Днестра на участке протяжением в 13 *км* от Онут до Доброноуц. Ее роль на Юго-западном фронте, как левофланговой, примыкавшей к русско-румынской границе и наиболее угрожавшей Венгрии, после 8-й армии была важнейшей.

Перед 9-й русской армией стояла почти вся 7-я австро-венгерская армия Пфлянцер-Балтина—около 10 пех. и 4 кав. дивизий, всего 112 000 бойцов и около 500 орудий (из которых около 100 тяжелых). Главное внимание Пфлянцера-Балтина было обращено на оборону южного участка фронта, что было вызвано двусмысленным поведением Румынии, необходимостью обеспечить южный фланг Австро-венгерского фронта, важностью находившихся позади этого участка перевалов через Карпаты и желанием удержать в своих руках г. Черновицы.

Австро-венгерская позиция была сильной и располагалась на командующих высотах. Она состояла из 3 непрерывных линий окопов. Перед первой линией окопов было 2—3 полосы проволочных заграждений по 4—15 рядов. Прорыв должен был быть произведен 4 июня 4 полками XI корпуса на фронте в 3,5 *км* при содействии 159 орудий, из которых 35 тяжелых, и 3-й Заамурской дивизией XLI корпуса (16 батальонов, 36 орудий), атаковавшей на прилегавшем к Днестру участке в 3 *км*.

Весьма тщательная подготовка операции основывалась на предшествовавшем опыте атаки укрепленной полосы 9-й армией и на учете опыта французов и германцев. Она сводилась к стремлению произвести *внезапное наступление*, предшествуемое 6-часовой артиллерийской подготовкой, к заблаговременному устройству впереди русской исходной позиции инженерного плацдарма и к оборудованию тыла. Плацдарм приблизил исходное положение русской пехоты к австро-венгерскому расположению на участке главного удара с 300—1 000 *м* до 100—150 *м*. Наличного запаса снарядов (около 120 000) хватало для производства артиллерийской подготовки и на первое время развития прорыва.

Газобалонная атака, а главное артиллерийская подготовка, во время которой в XI корпусе было выпущено 30 000 снарядов, создали такие условия, что ровно в 12 час. 4 июня 4 полка XI корпуса одновременно пошли в атаку. Все 3 атаковавшие дивизии имели крупный успех и углубились в расположение противника на 1—2 *км*, а 3-я Заамурская дивизия взяла всю первую позицию австро-венгерцев. 9-я армия взяла за один этот день 11 640 пленных (из которых 2 дивизии XI корпуса—7 500 чел.), 14 орудий и 20 пулеметов. Попытки XI и XLI русских корпусов 5 и 6 июня расширить прорыв были бесплодны. Поэтому 7—9 июня они использовали на закрепление своего нового положения, на пополнение своих потерь и боевых запасов, на подготовку к дальнейшему наступлению, назначенному на 10 июня, и на перегруппировку.

К утру 10 июня на фронте уже в 19 *км* от Днестра до д. Доброноуц русские развернули в первой линии 4½ пех. дивизии (XLI, XII и XI корпусов) с 247 орудиями и во второй—2 пех. и 1 кав. дивизии. Против них обороняли участок 4 австро-венгерских пех. дивизии в первой и 2 пех. и 1 кав. дивизия во второй линии. После 6-часовой артиллерийской подготовки русские дивизии первой линии овладели всей австро-венгерской позицией между дд. Онут и Доброноуц, захватили свыше 18 000 пленных и 10 орудий и при содействии Текинского конного полка и конноартиллеристов стали преследовать противника частью на запад, на Коломыя, частью на юг, на Черновицы. 10 июня русские успели пройти 6—12 *км*.

Сложившаяся обстановка заставила разъединенную на две части 7-ю австро-венгерскую армию в ночь на 11 июня отойти: северное крыло по очищении Залещики и правого берега Днестра отошло в общем направлении на Городенка, южное—за р. Прут. 11 июня пехота 9-й русской армии возобновила преследование 2 корпусами на Коломыя, а остальными на Черновицы. Армейской конницы на направлении главного удара 9-й армии не было: частью она занимала позиции, а частью нагоняла свою пехоту. Тем не менее к вечеру 13 июня, корпуса 9-й армии, пройдя на правом фланге ее 15 *км*, а в центре 50 *км* и имея левый почти на месте, приостановились, подойдя к тыловой укрепленной позиции австро-венгерцев на линии западнее Городенка, восточнее Снятынь и далее по западному берегу р. Прут до русско-румынской границы.

За 10 дней операции армия захватила свыше 38 000 пленных, 48 ору-

дий, 120 пулеметов и много другого оружия, снаряжения и имущества. Австро-венгерцы потеряли вместе с пленными до 60 000 человек. Но успех был достигнут дорогой ценой. Потери русских доходили до 30 000 человек.

13 июня Брусилов приказал 9-й армии наступать на фронт Станиславов вкл. Коломыя—Куты, наблюдая левый свой фланг, конницей. Но правое ее крыло оторвалось на 100 *км* от станций снабжения (Каменец-Подольск и Новоселицы). Поэтому Лечицкий решает сначала, до организации тыла на указанном Брусиловым для наступления армии направлении, центр своих усилий направить на обеспечение левого фланга фронта, взять Черновицы и разгромить занимавший р. Прут наиболее крепкий II австро-венгерский корпус. Проливные дожди, вздутие рек и в частности р. Прут, порча дорог, расстройство снабжения, опоздание понтонных средств на левом крыле армии и утомление войск позволили форсировать Прут только в ночь на 18 июня, после того как 17 июня XI корпус овладел сильным предмостным укреплением австро-венгерцев севернее Черновиц.

РАЗВИТИЕ ПРОРЫВА

Схема 37В и Г

Когда прорыв был удачно произведен, то Юго-западный фронт оказался в оригинальном положении. Резервы были израсходованы, войска понесли потери, 8-я армия, развившая наибольший успех, невольно тянулась в двух противоположных направлениях, к Ковелю и к Львову, на котором соседняя 11-я армия встретила серьезное сопротивление и не могла одна продвинуться; V кав. корпус с находившимся у Рафаловки XXX корпусом топтались на месте и не могли сбить слабого противника и прорваться в тыл. Напомним при этом, что 11 июня главный удар должен был наносить Западный фронт, почему Брусилов не мог оставить без внимания связующего его с Эвертом Ковельского направления.

Перед Брусиловым стал весьма важный вопрос: в каком же направлении ему использовать успех 8-й армии—на Ковель или на Львов? Если бы конная масса прорвалась на Ковель или если бы Эверт действительно начал 11 июня свою атаку, то положение Юго-западного фронта определилось бы само собою, в смысле направления главных сил его правого фланга для действия на Львовском направлении. Но конная масса так и не прорвалась вперед, а Эверт, постепенно откладывая свое наступление, совершенно его не произвел, ограничившись, как увидим ниже, частным ударом на Барановичи. Брусилову невольно пришлось тянуть 8-ю армию в двух направлениях—на Львов, против которого 11-я и 7-я армии наступали очень вяло и требовали постоянной помощи, и на Ковель, который являлся узлом путей подвоза германских резервов.

Под этим знаком тяготения в двух противоположных направлениях и прошла вся трудная работа 8-й армии в период развития удачного ее прорыва. Если бы здесь были сосредоточены сильные резервы, то тогда вопрос разрешался бы легко, но резервов не было, а, направленные с других фронтов, они вливались по капле. Прорыв, начатый без определенной стратегической идеи, без сосредоточения в зависимости от этой идеи глубоких резервов, должен был заглохнуть, что он и не замедлил сделать.

Директивой 9 июня Алексеев указал направление главного удара правого фланга Юго-западного фронта от Луцка на Рава-Русскую, чем и опреде-

лил ковельское направление как бы второстепенным, и потому резервы, подаваемые 8-й армии, направлялись на ее левый, а не на правый фланг.

Вследствие шатания стратегической мысли Юго-западного фронта, а вслед за ним и Ставки, и ряда противоречащих друг другу приказаний, отдаваемых 8-й армии,—развивать свой удар то на Ковель, то на Львов, *14 июня* размер прорыва Юго-западного фронта ограничился только следующей линией: к северу от Чарторийска без движения; к югу от него на ковельском направлении по р. Стыри от Колки до Рожище и далее на д. Торчин; на львовском направлении от Торчина на Радзивиллов и далее на Нов. Алексинец. Между этим последним и Бучачем фронт оставался без изменения, а к югу от Бучача продвинулся на Долину, что на р. Днестре, Снятынь и Черновицы, т. е. наибольший успех был достигнут на луцком направлении, где прорыв все-таки дошел до 60 *км* в глубину.

Хотя *германцы* иронически и называли «Брусиловский» прорыв широкой разведкой без сосредоточения необходимого кулака, тем не менее удар, нанесенный австрийцам, и состояние армий этих последних как следствие прорыва произвели на германцев ошеломляющее впечатление. Для них не было сомнения, что без весьма внушительной германской поддержки Австрия будет окончательно выведена из строя, а новый прорыв русских в Венгрию или новая угроза Силезии для германцев были невыносимы, так как вели к скорому истощению центральных держав.

Поэтому германцы потянули все свои резервы к местам прорыва, как с остальных участков русского фронта, так и с французского (с последнего всего было снято до 24 дивизий), а австрийцы прекратили атаки на итальянском фронте и также потянули свои войска на русский фронт. Времени у центральных держав собрать свои резервы в кулак и ответить контрманевром на русский маневр не было, и потому они бросали подходившие резервы так же, как и русские, мелкими пакетами в места прорыва; но преимущество в железных дорогах и здесь давало им возможность делать это скорее. Первоначально было собрано 4—5 германских дивизий с лучшими австрийскими войсками у Ковеля и брошены в атаку в юго-восточном направлении.

Брусилов все еще ожидал начала атаки со стороны Эверта и, применяясь к назначаемым последним срокам наступления, каждый день давал 8-й армии новую директиву—то наступательного, то оборонительного характера.

Западный же фронт, вместо решительного наступления и нанесения главного удара, как ему это полагалось по основной директиве, все продолжал колебаться, откладывал удар и кончилось тем, что 15 июня произвел *атаку в барановичском направлении* только 1 гренадерским корпусом, атаку на широком фронте, которая и привела к неудачному результату. После этого Эверт начал делать новую перегруппировку, рассчитывая нанести в том же направлении удар 8 корпусами, но удар этот не мог быть произведен ранее 3 июля. Так или иначе Юго-западный фронт опять временно оставался один, а германцы собрали уже большой кулак у Ковеля и 17 июня атаковали центр 8-й армии; атака эта была отбита, но и дальнейшее наступление русских на Ковель пока приостановилось.

Решение Западного фронта перейти около 3 июля в наступление на барановичском направлении заставило Брусилова вновь *развить свои действия на Ковель*. Поэтому 25 июня он отдает директиву, согласно которой переданная ему с Западного фронта *3-я армия* (в районе до Пинска) должна была наступать своим левым флангом для овладения массивом Городок—Маневичи—Галузия; *8-я армия* наносит главный удар на Ковель и второстепен-

ный на Владимир-Волынск; *11-я армия*—главный удар на Броды и второстепенный на Порицк; *7-я армия*—на Бржезаны—Монастыржиска и *9-я армия* на Галич—Станиславов. Таким образом в начале июля должны были последовать одновременные атаки Западного и Юго-западного фронтов.

Эверт, как сказано выше, решил наносить удар 4-й армией в 8 пех. и 3 кав. корпуса в барановичском направлении на фронте Городище—Барановичи в то время, как остальные армии фронта демонстрировали. 2 июля эта атака началась.

Общий присущий русской армии недостаток в образе неумелой артиллерийской подготовки, несвоевременности ввода ближайших резервов, пассивного стояния половины армии в то время, как другая половина истощалась в бесплодных разрозненных атаках,—привел и к определенным результатам: 4-я армия, потеряв за 9 дней 80 000 человек, продвинулась на незначительное расстояние в 2 пунктах и прекратила свои атаки.

Юго-западный фронт, выдержав 30 июня контратаки германцев по всему фронту, сам перешел в наступление 5 июля. 8-я армия, усиленная 2 корпусами, сбила 8 июля своим правым флангом противника, облегчила продвижение левого фланга 3-й армии, и к 14 июля обе армии заняли линию р. Стохода от Любашева до железной дороги Ковель—Луцк, зацепившись в некоторых местах и на левом ее берегу.

Германцы считают эти атаки к северу от Луцка самым критическим для них периодом всей операции, так как им более нечем было противодействовать здесь русским. Но за 8-й армией резервов больше не было; она была принуждена прекратить атаки до новой перегруппировки и этим подарила германцам 2—3 невознаградимые для русских недели. 11-я и 7-я армии и при этой общей атаке продолжали топтаться на месте, а 9-я армия продвинулась к 14 июля на линию Долина—Делятынь—Тартаров, войдя в связь с 7-й армией и имея конный корпус в Карпатах у Селетина.

Этим собственно кончается развитие прорыва, так как данная германцам передышка позволила им сгруппироваться и укрепиться на Стоходе, и последующие действия развиваются уже в самостоятельные операции *ряда сражений на Стоходе* на правом фланге Юго-западного фронта и *наступления 9-й армии* на его левом фланге, приведшего к занятию Буковины.

ПЕРВАЯ СЕРИЯ БОЕВ НА СТОХОДЕ. 9 июля Ставка решила собрать главные силы на Юго-западный фронт, ведя к северу от Полесья только вспомогательные действия. Поэтому гвардия стратегический резерв верховного главнокомандующего, 2 пех. и 1 кав. корпуса перекидываются с Западного фронта в район Луцк—Роуенще. Северному фронту приказано атаковать в Бауском направлении, Западному—демонстрировать и Юго-западному—овладеть Ковелем и действовать в тыл пинской группе противника.

Северный фронт, сосредоточив 91 батальон на рижском плацдарме, повел с 16 июля наступление на фронт Эккау—Нейгут. Самые упорные атаки шли здесь до 23 июля, но стратегического положения сторон не изменили и были прекращены.

Эти неудачные атаки на Северном и Западном фронтах повели только к уяснению германцами того, что севернее Полесья ничего серьезного ожидать нельзя, и они впоследствии спокойно стали перекидывать свои резервы отсюда на юг. Продвижение русских войск к Стоходу заставило германцев, кроме последовательного перекидывания сюда резервов с севера и с Французского фронта, принять и ряд других мер. Командование Гинденбурга было распространено на юг до Броды; в группе австрийских армий начальником штаба был

назначен германский генерал, и 3 австро-германские дивизии, сформированные в Польше, были направлены к Ковелю.

В половине июля русская гвардия прибыла к Луцку и вместе с 2 корпусами 8-й армии образовала *Особую армию Безобразова*, расположившуюся между 3-й и 8-й армиями.

28 июля началось новое наступление Юго-западного фронта. *3-я армия* ($4\frac{1}{2}$ пех. и 1 кав. корпус) должна была атаковать Ковель с востока и с севера; *армия Безобразова* (4 пех. и 1 кав. корпус) должна была атаковать Ковель по обе стороны железной дороги Ровно—Ковель с юга; *8-я армия*—овладеть Владимир-Волынском, *11-я*—наступать на Броды—Львов, а *7-я и 9-я*—исполнять прежние задачи.

Все наступление вылилось на Стоходе в ряд атак сильно укрепленных болотистых дефиле и после 4 дней заглохло без какого-либо положительного результата. К югу же от ковельского и владимир-волынского направлений 11-я армия заняла Броды, а 9-я продолжала продвижение к Станиславову. Германцы едва удержались на своих позициях и были принуждены израсходовать даже последние кавалерийские резервы.

9 августа 3-я и Особая армии вновь начали атаковать германцев на Стоходе, но и эта атака кончилась неудачей. Германцы в свою очередь совершенно выдыхались; для отбития этой атаки они были принуждены снять дивизию даже из Митавы. Алексеев 11 августа передал 3-ю и Особую армии Эверту и приказал ему наступать на Ковель. Эверт назначил атаку на 17 августа, но потом последовательно ее оттягивал, а 2 сентября донес, что, ввиду позднего времени года, действовать в стоходских болотах не представляется возможным, и 4 сентября операция у Ковеля была отменена. Стороны сохранили здесь свое прежнее расположение.

ЗАНЯТИЕ БУКОВИНЫ 9-й АРМИЕЙ. По взятии Черновиц Лечицкий направили для занятий южной Буковины и перевалов в Венгрию 2 пех. и 2 кав. дивизии, которые в общем выполнили свою задачу. Все остальные силы 9-й армии возобновили наступление 28 июня. В последующем армия выполняла 3 основные последовательно сменявшие друг друга задачи: сначала центр усилий армии, которой были приданы 2 пех. дивизии, был сосредоточен на правом крыле, наступавшем на фронт Галич—Станиславов с целью оказать содействие 7-й армии и повлиять на положение дел правого флангa Юго-западного фронта.

В 4-дневном бою на фронте в 50 *км* 4 армейских корпуса Лечицкого овладели г. Коломыя и довершили разгром частей 7-й австро-венгерской армии, располагавшихся между рр. Днестр и Прут.

Отбив 2—4 июля ожесточенные, но разрозненные контратаки австро-германцев, правое крыло 9-й русской армии 5 июля возобновило наступление. К 10 июля оно вышло на линию Долина—Делатынь—Ворохта, продвинувшись за 12 дней у Днестра на 15 *км*, а по обоим берегам Прута—на 70 *км*.

За 36 дней операции 9-я армия оказала большое содействие 7-й армии и стала серьезно угрожать Венгрии и нефтяным источникам Галиции, взяла в плен почти 84 000 австро-германцев, захватила 84 орудия, 272 пулемета и массу разного имущества, отвлекла к этому времени от направления главного удара русских $5\frac{1}{2}$ неприятельских дивизий и побудила Румынию относиться к России благосклоннее.

Из войск усилившегося северного крыла 7-й австро-венгерской армии была сформирована 3-я армия под начальством прибывшего с итальянского фронта ген. Кевеса.

28 июля правое крыло 9-й армии, имея 144 000 бойцов против 89 000 австро-германцев, одновременно с остальными армиями Брусилова (кроме 11-й) вновь возобновило наступление в прежнем направлении, на фронт Галич—Станиславов. Продвинувшись 5 *км*, русские 30 июля приостановились перед укрепленной позицией австро-германцев.

В начале августа 7-я австро-венгерская армия, до того оборонявшая перевалы через Карпаты, по получении сильных подкреплений перешла в наступление для воздействия на Румынию и оттеснения русских от венгерской границы и имела некоторый успех. При этих условиях выполнять обе задачи—наступать на Станиславов и охранять Буковину, 9-я армия, не имевшая резервов, не могла. Поэтому на Лечицкого, получившего еще 3 пех. и 1 кав. дивизии, была возложена ограниченная задача—обеспечить Буковину и левый фланг Юго-западного фронта. Это обязывало его усилить войска на фронте Делятынь—Кимполунг. Но, получив подкрепления, Лечицкий 7 августа возобновил наступление на своем правом крыле, 11 августа взял гг. Станиславов и Надворная и этим помог 7-й армии овладеть Монастыржиска. Ожидавшееся выступление Румынии требовало устойчивости левого фланга Юго-западного фронта; против 9-й армии находились уже превосходные силы австро-германцев, и поэтому ее 11 пех. и 6 кав. дивизий закрепились 13 августа на фронте протяжением в 240 *км* (Станиславов—Кимполунг).

19 августа армия получила вторую задачу: обеспечивая левый фланг 7-й армии, наступавшей на Галич, упрочить положение на своем левом фланге и 31 августа начать наступление на Мармарош-Сигет. Иначе говоря, армия должна была действовать одновременно в 3 расходящихся направлениях. Передав свои 2 правофланговых корпуса 7-й армии, 9-я армия стала наступать на Мармарош-Сигет. Но наступление, неоднократно возобновляемое, было безрезультатным—шли дожди, грунт размок, артиллерия отстала, русские были утомлены, а австро-германцы получили новые сильные подкрепления.

РЕЗУЛЬТАТЫ БРУСИЛОВСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Решительные успехи армии Юго-западного фронта заставили австро-германцев перебрасывать свои оперативные резервы на фронт к югу от Полесья, куда было сосредоточено 27 пех. и 2 кав. дивизии, из них 18 германских и 2 турецких. С французского фронта германцы сняли 11 пех. дивизий, а австрийцы с итальянского—6 пех. дивизий. В этом заключается существенная помощь, оказанная русскими своим союзникам в тяжелые для них дни операции у Вердена и в Трентино.

Но эти успехи русской армии повлекли за собой большие потери, которые на одном Юго-западном фронте к 13 июня определяются в 497 000 бойцов. Ведение дальнейших операций и подготовка к кампании 1917 г. потребовали дополнительных призывов новобранцев и ратников ополчения, всего около 1 900 000 чел. и 215 000 лошадей. Эти дополнительные призывы вызвали серьезное недовольство среди населения России.

Крупные успехи русских вывели Румынию из нейтрального положения, и она выступила наконец на стороне держав Антанты, но это выступление явилось запоздалым почти на 2 месяца, так как наступательные операции русских армий постепенно замирали.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР

ОПЕРАЦИЯ ПОД ВЕРДЕНОМ

Схема 36

У Вердена май прошел в боях местного значения, причем наступательные попытки германцев все увеличивались. Ген. Петен, получивший в командование Центральную группу французских армий, был заменен ген. Нивель, который решил продолжать систему активной обороны. Этот период действий под Верденом интересен по той массе артиллерии, которую противники сосредоточивали при атаке весьма незначительных пунктов.

4—7 мая германцы атаковали при поддержке огня 100 тяжелых батарей высоту 304 и могли завладеть только северной частью ее, но атака их 5—10 мая на Мортом успеха не имела. С своей стороны французы 22 мая атаковали при содействии 51 тяжелой батареи остатки форта Дуамон, завладели им, но 24 мая были вновь выбиты свежими силами германцев, которым в эти же дни удалось окончательно завладеть на левом берегу Мааса высотой 304, Мортом и Кюмьер (Cumieres). Положение таким образом оставалось почти без перемен.

Наступление на русском фронте давало германцам хороший случай прекратить свою операцию против Вердена, которая теряла всякий стратегический смысл с началом комбинированных действий на всех фронтах Антанты. Но германское командование решило использовать несколько оставшихся еще в его распоряжении недель, пока совместные действия Антанты недостаточно развились, и попытаться покончить с Верденом.

Поэтому июнь вновь отмечается здесь ожесточенными атаками германцев и затруднительным положением французов. Главные усилия германского командования опять были направлены на правый берег Мааса. После 5-дневного обстрела, с расходом в среднем до 150 000 снарядов в день, они 7 июня овладели *фортом Во* и развили свои последующие действия против *Тиомона, Флери и Сувиля,* с падением которых для французов становилось почти обязательным очищение правого берега реки. Здесь было сосредоточено невиданное, по словам французов, количество артиллерии, которая выпустила не менее 200 000 химических снарядов, после чего германцы бросили в атаку 12 свежих полков. Тиомон, Флери и подступы к Сувилю были ими взяты 24 июня и, несмотря на французскую контратаку 30 июня, удержаны, за исключением Тиомона.

Германцы вновь атаковали Сувиль 10—12 июня, но опять безрезультатно, и положение у Вердена более или менее стабилизировалось до октября, так как кроме русского наступления началось и англо-французское *наступление на Сомме.*

ОПЕРАЦИЯ НА СОММЕ

Схема 38

К этой операции западные державы готовились в течение 4 месяцев, и в ней приняли участие небывалые по размерам боевые средства, в виде тяжелых орудий, авиации и расхода огнеприпасов. Операция на Сомме, продолжавшаяся почти 5 месяцев, велась при большом участии новейшей техники и производства мировой индустрии. К летнему периоду кампании сражение на Сомме относится только первой своей половиной.

ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА И ПОДГОТОВКА СТОРОН

План германского командования выявлялся из плана всей кампании 1916 г. Не достигши в предшествовавшие годы войны решительных результатов ни на одном из фронтов, германцы невольно были принуждены перейти к обороне, поставив себе целью расстроить ожидавшиеся совместные операции армий Антанты. Задачу эту они, как известно, опять-таки решили выполнить наступательной операцией, для чего и избрали Верден.

Бросив в Верден последовательно 46 дивизий и притянув туда 70 французских дивизий, германцы были в праве рассчитывать, что они лишили возможности французскую армию перейти к наступательным операциям в широком размере. Но со стороны англичан германцы ожидали выступления: первоначально—как ответ на атаку Вердена, а потом как содействие операциям на русском фронте. Противодействовать наступлению англичан они могли только обороной, почему и обратили особое внимание на усиление своей обороны против сектора, занятого английскими войсками, тем более что широкие подготовительные к наступлению работы англичан для них не оставались секретом.

Германские позиции оборудовались здесь в течение 2 лет и представляли собой высокий образец использования техники и военно-инженерного искусства. Колючая проволока, бетон, безопасные помещения для гарнизона, скрытая фланговая оборона пулеметами и деревни и леса, обращенные в своего рода маленькие крепости,—таков в общем характер укрепленных позиций германцев, которых они имели 2 полосы в 2—3 *км* одна от другой и начали строить 3-ю.

К концу июня германцы имели на секторе будущей атаки по обе стороны Соммы *8 дивизий*, из которых 5 к северу от нее против англичан и 3 к югу против французов. Кроме того они имели *12—13 дивизий* в резерве, из которых 4 находились в районе Камбре—С. Кетен и 3—в районе Ипра.

Со стороны *англо-французов* первоначальный план операции был выработан до начала атаки Вердена и сводился к одновременному удару армий обеих союзниц в одном широком районе, чтобы избежать опасности контрударов противника в открытый промежуток между внутренними флангами, в случае если удары будут наноситься отдельными группами. Поэтому и был выбран для атаки участок по обе стороны Соммы на непрерывном фронте в 70 *км.*

Но верденская операция, истощавшая французскую армию, заставила изменить первоначальный план, возложив главную роль в наступлении на Сомме на английскую армию, доведенную уже до 56 дивизий; французские же войска должны были в предполагаемой операции играть вспомогательную роль.

Общий *план операции* сводился к прорыву неприятельского фронта в районе Бапом—Камбре и в направлении вслед за этим маневренной массы на коммуникации противника на Камбре—Валансьен—Мобеж. Этот общий план Жоффр детализировал еще на отдельные фазы, указав для упорядочения совместных действий первые и последующие рубежи, которых должны достигать английская и французская армии. Такое фиксирование не оказалось без влияния на ход всей операции, так как французы, выполнив первую задачу, т. е. достигнув указанного рубежа, ожидали, пока ее не выполнят англичане.

Англичане с особой заботливостью отнеслись к подготовке операции. Обширные склады запасов и продовольствия были сосредоточены за фронтом, был проведен ряд железнодорожных веток, узкоколеек, трамваев и новых дорог. Была устроена масса безопасных убежищ, ходов сообщения, сосредоточены огнеприпасы в ближайших местах и пр.

Англичане **должны были атаковать 3-й и 4-й армиями (26 дивизий) к**

северу от Соммы между Марикуром и Гебютерном (Hébuterne) на фронте 25 *км*, в направлении на Бапом, причем главный удар наносился 4 корпусами на фронте Марикур—С. Пьер Дивон, что на реке Анкр (Ancre), а вспомогательные—далее к северу до Гоммекура (Gommecourt).

Французы с своей стороны назначили для удара 6-ю армию ген. Файоля из 14 пех. дивизий, в резерве, за которыми были 4 пех. и 4 кав. дивизии. Эта армия должна была атаковать для поддержки англичан по обе стороны Соммы на фронте 12 *км* от Марикура до Фукокура (Foucaucourt). Южнее Соммы была сосредоточена на случай развития успешного прорыва вновь образованная 10-я армия. Французы также с особой тщательностью подготовили в течение 4 месяцев свою операцию. Они обратили особое внимание на богатство артиллерии и авиации. В течение первых 5 дней ее производства последняя совершенно очистила небо от неприятельских летчиков. Общее руководство всей операцией было возложено на ген. Фоша.

ЧАСТНАЯ ОБСТАНОВКА НА ФРОНТЕ ГОММЕКУР—ФУКОКУР

Схема 38Б

К началу сражения на Сомме англичане развернули на участке намеченного прорыва 6 корпусов. На левофланговом участке для атаки на Гоммекур находился VII корпус в составе 46-й и 56-й дивизий. Южнее от Гебютерна до Марикура на участке в 25 *км* стояло 5 корпусов 4-й армейской группы Роулинсона, получившие следующие задачи: VIII корпус, в составе 31-й, 4-й и 29-й дивизий в первой линии и 48-й дивизии в резерве, атаковать на 4-*км* участке Серре-Бапом-Гамель; X корпус развернулся на 5-*км* фронте к югу до высоты «141» южнее Типваля, имея 36-ю дивизию и 32-ю на фронте и 49-ю в резерве; III корпуса атаковал на 2-*км* участке от Овилер до Ля-Буазель 8-й и 34-й дивизиями, имея 19-ю дивизию в резерве; XV корпус развернул на 5-*км* фронте от Ля-Буазель до Маметца все 3 дивизии (21-я, 17-я и 7-я дивизии) в первой линии и XIII корпус в составе 18-й и 30-й дивизии в первой линии и 8-й дивизии в резерве атаковал на 4-*км* фронте от Маметца до Марикура. XX французский корпус занял 2 дивизиями 5-*км* фронт Марикур—Курли на Сомме.

Южнее Соммы развернулась для прорыва на 16-*км* фронте 6-я французская армия Файоля, имея в первой линии 7 дивизий и в резерве 5 дивизий. Атака 6-й французской армии поддерживалась 216 орудиями калибров от 90 *мм* до 105 *мм*, 516 орудиями 120-*мм*—280-*мм* и 122 орудиями большой мощности. Кроме того на участке прорыва имелось до 1 100 траншейных мортир, что дает в среднем на 1 *км* до 75 батарей, 55 орудий (из них 8 тяжелых) и 69 траншейных мортир. Обеспеченность огнеприпасами была колоссальная: имелось до 6 млн. 75-*мм* снарядов и по 3 100 выстрелов на 90 и 105-*мм* орудия, по 2 630 выстрелов на 120 и 155-*мм* орудия и по 1 700 выстрелов на калибры свыше 200 *мм*.

Германцы против английского участка прорыва имели в первой линии 5 дивизий XIV резервного корпуса и 3 дивизии в резерве. Дивизии первой линии располагались: 2-я гвардейская—на 5 *км* участке севернее Гоммекура, поддерживалась 52 легкими и 21 тяжелыми орудиями; 52-я дивизия—на 4-*км* участке от Гоммекура до Серре вкл., поддерживались 64 легкими и 52 тяжелыми орудиями; 26-я резервная—на 8-*км* фронте от Серре до Овилера—Ля-Буазель поддерживалась 100 легкими и 48 тяжелыми орудиями; 28-я резервная—от Овилера до высоты «125» восточнее Маметца, имея для поддержки 7-*км* фронта 108 легких и 61 тяжелое орудие, и 12-я дивизия—на 7-*км* участке

от высоты «125» до Соммы, имея для поддержки 76 легких и 30 тяжелых орудий. В среднем на 1 *км* укрепленной позиции у германцев было 20 орудий (из них 7 тяжелых). Южнее Соммы, на участке 6-й французской армии, располагался XVII германский корпус.

ХОД ОПЕРАЦИИ

Операцию на Сомме можно разделить на 4 периода:

1) Начало ее, когда союзники имели преимущество неожиданности и благодаря этому больше шансов на успех, что продолжалось до 10 июля; 2) период затишья или борьбы на истощение, который продолжался до конца августа; 3) новое общее наступление с 3 по 28 сентября и 4) последние, не имевшие реальных результатов, попытки дальнейшего его развития, которые относятся к октябрю и к ноябрю.

Перед началом операции фронт союзников шел от Гебютерна (Hébuterne) на Серре, С.-Пьер Дивон, Фрикур, Марикур (где была разграничительная линия между англичанами и французами), Фриз, Фукокур и Шилли (Chilly).

1 июля французы и англичане начали, после сильной артиллерийской подготовки, свои атаки. Артиллерийский огонь был, по словам Людендорфа, так могуществен, что под его прикрытием пехота доходила до германских укреплений раньше, чем гарнизон мог выбраться из своих подземелий. На французском участке, где атака была особенно неожиданна для германцев, успех был весьма значительный. Германцы после нескольких контратак начали быстро отступать и даже очистили такие важные пункты, как Биаш (Biach) и Барлё (Barleus), которые передавали в руки французов весь участок южного берега Соммы, фланкировавший германские позиции севернее ее. Но французский командир корпуса, строго руководствуясь указанным ему рубежом, который должен быть занятым в первый день, приостановил свое наступление, а германцы вновь заняли эти важные селения. Интересно, что Барлё французам так впоследствии и не удалось завладеть в течение всей 4-месячной операции.

Правый, соседний с французами, фланг англичан так же успешно продвинулся, но левофланговые их корпуса не выдержали германских контратак и огня, пришли в расстройство и даже были заменены корпусами соседней армии. Ген. Хег решил, сберегая свои молодые войска, в будущем развивать операцию только 2 правофланговыми корпусами, т. е. в первый же день район операции был намного сокращен.

К 10 июля французы южнее Соммы быстро продвинулись на фронт Биаш (вкл.)— Барлё (искл.)—Эстре и (вкл.)—Фукокур; севернее Соммы англичане к этому времени с трудом продвинулись на фронт Овилер—лес Маметц—лес Трон—фер. Фальфемон—фер. Монакю. Таким образом продвижение к югу от Соммы было гораздо значительнее, чем к северу, где к тому же дальнейшее наступление на восток было затруднительно, пока прорыв не будет расширен на север, чтобы обеспечить атакующие войска от флангового огня.

Ввиду этого ген. Хег решает 14 июля развить свой успех далее на север и к 17 июля продвигается здесь на линию селений Мал. и Бол. Базентен и Лонгеваль, причем далее фронт поворачивался на юг на соединение с французами.

Германцы начали быстро сосредоточивать в угрожаемом направлении свои резервы, прибегнув даже к крайней мере переброски батальонов, составлявших участковые резервы на пассивных фронтах. Это им дало возможность усилить свои войска в районе прорыва к половине июля еще свыше чем на

11 дивизий, т. е. всего 18—19 дивизий; к концу же июля силы их здесь увеличились до 30 дивизий.

Операция при таких условиях очевидно должна была принять затяжной характер; она сводилась к истощению живой силы противника, к перегруппировке тяжелой артиллерии и в ближайшие дни не обещала решительных успехов, время для которых было упущено.

С 20 по 25 июля англичане атаковали 17 дивизиями в северном направлении, а французы расширили свой прорыв на юг между Суаекуром (Soyécourt) и Вермандовиллер (Vermandovillers); 30 июля союзники произвели новую общую атаку, давшую весьма незначительные результаты; 12—24 августа французы атаковали Морепа (Maurepas) также с весьма незначительными результатами.

В конечном итоге всех этих атак союзники занимали к концу августа линию южнее селений Типваль (Thiepval)—Флер—западнее сел. Жинши (Ginchy)—Гюиллемон (Guillemont)—восточнее Морепа (Maurepas) и западнее Клери (Clery). К югу от Соммы фронт остался с 10 июля без изменения, за исключением южного участка, где он от Эстре направился на Вермандовиллер.

Что же представляют собою два первые месяца сражения на Сомме? Неудачу, принимая во внимание собранные здесь силы, а в особенности могущественные технические средства и длительность подготовки. Углубление при таких условиях в неприятельский фронт на 3—8 *км* иначе, как неудачей, и нельзя назвать.

И если мы сравним то, что одновременно происходило на западе Европы и на востоке, где русские корпуса пускались у Риги, Барановичей и на Стоходе, почти без помощи тяжелой артиллерии и при недостатке снарядов, на вооруженных с ног до головы германцев, то неудачи русской армии примут иной колорит, который выделит качества русского бойца на высшую ступень по сравнению с его западными союзниками.

Сомма стала жертвой двуединого управления, жертвой уравнивания фронта по рубежам, вследствие чего французы упустили возможность использовать свой успех первого дня к югу от реки и так и замерзли здесь на этих первых достижениях. Сомма показала, что не найдены были еще основы борьбы при условиях современной техники и позиционной войны, а также способы выхода на маневренный простор, если только действительно союзники предполагали это сделать. Одной техники здесь оказалось мало; необходим и маневр, которого англо-французы не дали.

В то же время со стороны германцев мы видим четкие приемы оперативной обороны, основанной на контрударах глубоких резервов.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕАТР

Схема 32

Несмотря на начавшееся наступление на русском фронте, австрийцы не сразу прекратили свои атаки против итальянцев и первую половину июня еще продолжали наступательные попытки, имевшие впрочем больше демонстративный характер. Но с 21 июня австрийцы начали отступать по всему фронту на укрепленную позицию, идущую через гору Пазубио и город Арзьеро. Итальянцы дали им спокойно увести обратно тяжелую артиллерию, после чего только перешли в наступление, впрочем завладеть австрийской позицией они не смогли.

Оставивши свои наступательные попытки в Трентино, итальянцы вновь обратились на Изонцо. Здесь в боях с 4 по 10 августа они утвердились на левом берегу Изонцо и завладели Горицей и Добердо, первым этапом по пути на Триест и отбили ряд австрийских контратак.

БАЛКАНСКИЙ ТЕАТР

Схема 39

На Балканском театре в течение летнего периода 1916 г. наблюдалось затишье. Предшествовавший год передал его всецело в руки Центрального союза и мало способствовал переходу на сторону Антанты двух оставшихся там нейтральных держав—Румынии и Греции. Вопрос о Румынии разрешился в благоприятную для Антанты сторону, но Греция могла, ввиду открытого германофильства ее короля, стать на сторону Центральных держав.

Для воздействия на нее, для ободрения Румынии, наконец для того, чтобы иметь отправной пункт для операций вновь созидаемой сербской армии, Антанте было необходимо не только удержать за собой Салоники, но расширить и упрочить здесь свое положение. После многих дебатов между английским правительством, которое было против усиления *Салоникского фронта*, и французским и русским, которые стояли за развитие с этой стороны решительных действий, точка зрения последних взяла верх, и к лету 1916 г. армия Антанты представляла собою здесь, под командой ген. Саррайля, внушительную силу в 300 000 чел. представителей армий всех союзников, из которых 10 000 сербов, приведенных в порядок, хорошо снабженных всем необходимым и перевезенных сюда с острова Корфу. Войска эти летом продвинулись к северу от салоникского укрепленного лагеря и заняли фронт от озера Острово через озеро Дойран до залива Редина с отрядом итальянцев на фронте Валлона—Палермо.

Такое положение союзного фронта делало для него особенно опасным нахождение мобилизованной греческой армии в его тылу, в Фессалии. Ряд военно-политических мер, принятых Антантой, до экономической блокады включительно, заставил греческого короля пойти на уступки, дать требуемые гарантии и приступить к демобилизации своей армии.

В течение лета салоникский фронт бездействовал, отчасти вследствие свирепствовавших эпидемий, а отчасти вследствие разногласий между ген. Саррайлем и Жоффром. В августе для окончательного воздействия на Румынию здесь было приказано перейти в наступление, но вероятно с этой же целью удержать румын болгары предупредили союзников и атаковали их с обоих флангов.

19 августа болгары, войдя без сопротивления греческих войск на территорию Греции, развернулись на низовьях р. Струмы, заняв фронт Демир-Серес, и безрезультатно атаковали союзников. После этого они сделали налет кавалерией на Кавала, заняли ее, но были отбиты огнем союзного флота. 21 августа они атаковали сербскую дивизию на левом фланге союзного фронта со стороны Флорины и Баница. По французским источникам болгары имели здесь значительный успех, но не сумели его развить; по германским же источникам сербы, уступив передовую позицию, оказали на следующей такое сильное сопротивление болгарам, что они должны были отказаться от дальнейшего наступления. Людендорф говорит, что вместе с этим было сломлено и болгарское мужество. Наступление ген. Сарайля могло таким образом начаться только в сентябре.

АЗИАТСКО-ТУРЕЦКИЙ ТЕАТР

Схема 26

Этот период на Азиатско-турецком театре отмечается значительными изменениями в стратегической обстановке.

Эти изменения произошли вследствие большого успеха русских на Армянском театре, где они овладели огромной территорией, вследствие ухудшения положения турок в Сирии, восстания арабов в Аравии. Хотя престиж англичан был поколеблен неудачами в Месопотамии и в Дарданеллах, но в этот период они сами перешли к активным действиям от Суэца на Сирийском фронте. Это изменение не в пользу турок стратегического положения немедленно было отражено в англо-французском соглашении от 16 мая 1916 г., которое предусматривало раздел Азиатской Турции южнее линии Муш-Сивас; 1) Франция приобретала свободу действий в южной части Турецкой Армении, в Киликии на побережьи Сев. Сирии, Англия—в Ираке, 2) создавалось Азиатское государство, включающее Трансиорданию под английским управлением и Сирию под французским. Константинополь должен был быть «интернационализован»[1].

К данному периоду турецкие вооруженные силы были расположены следующим образом: 1-я армия у Константинополя, большей своей частью на азиатском берегу; 2-я армия готовилась к отправке на Кавказский фронт; 3-я армия на Кавказском фронте; 4-я армия на Сирийском фронте, 5-я армия в районе Смирны, 6-я армия на Месопотамском фронте, Особая армия в районе западнее Диарбекира и 4 дивизии в Аравии.

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ

Схема 26В

После занятия Трапезонда, Эрзерума, Муша и Битлиса русское командование на Кавказском фронте имело целью удержать в своих руках завоеванную территорию, чтобы иметь возможность развить в занятых районах дорожное строительство и наладить снабжение армии, каковой вопрос занимал всегда главенствующее положение во всех оперативных расчетах кавказского командования. На будущее же Кавказской армии была поставлена задача обеспечивать настоящее положение, а дальнейшее наступление развивать при помощи десантных операций.

В соответствии с этим Черноморскому флоту 6 июня была дана *директива:* 1) поддерживать тесную блокаду Босфора, чтобы этим прикрыть посадку десантов на суда и высадку их, 2) продолжать действия против Зангулдакского угольного района, 3) содействовать переброске снаряжения для Кавказской армии по морю; 4) содержать в готовности отряд транспортов для переброски одной пехотной дивизии с ее артиллерией и 5) подготовить транспортные средства для самостоятельной десантной операции в 3—4 корпуса. Однако два последних пункта директивы остались, как и прежние подобные им, лишь в области несбывшихся планов Ставки, и во время эрзинджанской операции Кавказская армия действовала самостоятельно, без помощи десантов. Турки вновь задались широкими наступательными планами, для чего стали перевозить на Кавказский фронт подкрепления.

Турецкий план заключался в переходе в наступление 3-й армией на широ-

---

[1] M. Larcher, La guerre turque dans la guerre mandiale, P. 1926

ком фронте Трапезонд—Эрзерум и затем в прорыве между рр. Западным и Восточным Евфратами (Карасу и Мурадчаем) сильной ударной группой 2-й армии, которая должна была, наступая от Харпута, обойти Эрзерум с юго-востока. Таким ударом турки предполагали взять обратно Эрзерум, а в лучшем случае нанести русской армии решительное поражение. Прибывшие турецкие подкрепления усилили 3-ю армию, и уже в апреле, как мы видели, начались попытки турок улучшить свое положение частными атаками в Ашкалинском районе. В результате этих атак турками в конце мая был взят обратно Мемахатун, который был, как мы знаем, занят вопреки мнению командующего армией ген. Юденича, считавшего такое выдвижение не соответствующим силам армии и возможностям подвоза.

В то время на фронте IV Кавказского корпуса перешел к русским офицер турецкого Генерального штаба; из привезенных им документов и данных им показаний выяснилась полная картина как устройства турецкого тыла и группировки войск, что до сих пор было известно только в общих чертах, так и турецкого плана наступления. Тогда Юденич решил предупредить турецкое наступление своим контрударом, имея целью, выдвинувшись на линию Гюмюшхана—Калкит—Эрзинджан, разбить 3-ю турецкую армию до сосредоточения 2-й армии. К началу подготовлявшейся обеими сторонами операции противники занимали примерно то положение, в котором мы их оставили после окончания Трапезондской операции. Силы русских доходили до 180 батальонов, силы 3-й турецкой армии—до 200 батальонов, но русские превосходили турок в артиллерии и в силе батальона. Между тем турки начали уже наступление, имея задачей связать русских на всем западном участке их расположения. В конце июня турки повели наступление на Платану, а затем на направлении от Гюмюшхана, желая очевидно отрезать трапезондский район; однако здесь действовали уже части V Кавказского корпуса, которые отбили также атаки турок у Дживизлика, юго-западнее Трапезонда. В начале июля неожиданно перешел в энергичное наступление II Туркестанский корпус в направлении Мемахатун—Эрзинджан, при содействии V Кавказского корпуса в районе Трапезонда и IV Кавказского корпуса в районе западнее Ванского озера. Туркестанцы в ночь на 16 июля овладели Байбуртом и затем, после ряда боев, заняли Калкит, после чего левофланговые части корпуса повернули фронт на 90° для атаки Эрзинджана с севера. В то же время I Кавказский корпус овладел Мемахатуном и на крайнем левом фланге важным узловым пунктом Киги и подошел к Эрзинджану. Турки, угрожаемые с севера туркестанцами, очистили город, не ожидая атаки I Кавказского корпуса, и отступили в направлении к Сивасу. Эрзинджан был занят 25 июля.

Одновременно шли бои и в Трапезондском районе; турки были разбиты в этих боях у Дживизлика, и затем части V Кавказского корпуса в день взятия Калкита овладели Фолом на побережьи, а несколько ранее колонна, направленная через Понтийский Тавр, заняла Гюмюшхана. Во время описанных боев, получивших название *Эрзинджанской операции*, 3-я турецкая армия была настолько разбита, что во время последующего наступления 2-й турецкой армии уже не в силах была оказать ей помощь даже демонстративным наступлением, что и позволило русским все армейские резервы перебросить против 2-й армии; таким образом цель, поставленная Юденичем, обеспечить себя со стороны 3-й армии, была достигнута. В результате эрзинджанской операции Кавказская армия на своем западном участке заняла фронт Фол—Калкит—Эрзинджан—Киги, продвинувшись несколько вперед этой линии и заняв ряд выгодных узлов путей.

Едва успели отгреметь пушки эрзинджанской операции, как Кавказской армии пришлось столкнуться с новым сильным противником—2-й турецкой армией. Она была сильна и высоким моральным подъемом после ее побед над англо-французами во время дарданельской операции, и отличной экипировкой и снабжением; она даже имела, между прочим, в составе своей артиллерии горные гаубицы, которых вовсе не было в Кавказской армии[1]. 2-я армия под командованием быв. военного министра Иззет-паши, первоначально силой около 7 дивизий, а впоследствии усиленная новыми частями, наступая от Харпута, развернулась 4 дивизиями на Огнотском направлении и 2 дивизиями на фронте Муш-Битлис. Передовые ее части уже 3 августа атаковали крайний левый фланг I Кавказского корпуса в районе Киги.

Тогда из района Эрзерума Юденич двинул армейский резерв, силой до 2 дивизий, который для объединения управления был сведен уже на походе в VI Кавказский корпус: он столкнулся во встречном бою с частями 2-й армии на Огнотском направлении, вследствие чего и самое сражение, длившееся целый месяц, получило название *Огнотских боев*.

В первой половине августа правый фланг 2-й армии, сбив передовые части IV Кавказского корпуса, завязал горячие бои на фронте Муш-Битлис и, усилившись подошедшими подкреплениями, вынудил русских оставить эту линию. Однако 24 августа русским удалось вновь занять Муш. Сражение развернулось на большом фронте от Киги до Ванского озера в районе севернее Битлиса, но туркам не удалось добиться решительных результатов и даже в конце августа II турецкий корпус у Огнота понес тяжелые потери, особенно пострадали 30-я и 12-я дивизии.

Как выше было сказано, 3-я турецкая армия, незадолго перед этим разбитая во время эрзинджанской операции, не была в силах перейти в наступление, что поставило бы в очень тяжелое положение Кавказскую армию, принужденную в этом случае сражаться при отсутствии резерва еще и на западном своем участке. Однако при помощи подошедших подкреплений 3-я армия в середине августа все-таки завязала частные бои в районе западнее Гюмюшхана, но здесь все турецкие атаки были отбиты. Затем 30 августа турки, неожиданной атакой в районе к югу от Калкита, прорвали на небольшом участке русский фронт, но уже на следующий день этот прорыв был полностью ликвидирован; одновременное наступление турок в районе западнее Калкита также было отбито. Этими неудачными попытками перейти в наступление и ограничилось все участие 3-й армии в огнотских боях.

В свою очередь и русские на своем западном участке произвели ряд поисков и небольших продвижений, из которых надо отметить продвижение правого фланга армии в период боев на Гюмюшханском направлении, когда части V Кавказского корпуса атаковали турок на побережьи и заняли Эллеу. Неустойчивое положение на столь важном Огнотском направлении, где VI Кавказский корпус, уступавший в силах действующим здесь частям 2-й турецкой армии, не мог склонить успеха на свою сторону, вынудило командование Кавказской армией, после некоторых колебаний, направить сюда свой последний резерв в составе 6 батальонов. Но этот резерв ввиду большого расстояния и тяжелого пути подошел уже поздно, и бои за истощением обоих противников постепенно замерли, хотя русские несколько и продвинулись в Огнотском районе.

---

[1] Не только в Кавказской, но и вообще в русской армии горных гаубиц не было. *Ред.*

Результат огнотских боев оказался нерешительным, но, приняв во внимание, что свежая 2-я турецкая армия, значительно превосходившая выставленные против нее силы Кавказской армии и обладавшая инициативой наступления, не смогла добиться поставленной ей цели и ценой многочисленных потерь овладела только Битлисом, между тем как положение фронта на остальном южном участке осталось почти неизменным,—надо признать, что успех остался за Кавказской армией.

Одновременно с началом эрзинджанской операции, в июне месяце, турки перешли в наступление и на Моссульском направлении и вытеснили из Ревандуза слабый русский отряд, который отошел к Раяту, но здесь в конце августа наступавшая 4-я турецкая дивизия была разбита.

Таким образом в начале сентября, после окончания огнотских боев, Кавказская армия занимала фронт Эллеу—Калкит—Эрзинджан, продвинувшись несколько вперед этой линии, далее фронт проходил в районе Киги—Огнот, Муш—район севернее Битлиса, южнее Ванского озера—район Раята. До конца года на Кавказском фронте уже не было сколько-нибудь значительных столкновений, и происходили только небольшие местные бои за улучшение положения и поиски разведчиков. Из этих частных продвижений надо отметить продвижение русских на побережьи до р. Каршут-Дараси и небольшие бои в октябре в районе Муша, в декабре в районе юго-западнее Калкита и в районе западнее Гюмюшхана (у Аткунея), также успешные для русских.

Одно время главнокомандующий Кавказским фронтом предполагал приступить к подготовке *наступления на Сивас*, но командование армией, поддержанное командирами корпусов западного участка, протестовало против этого плана, ссылаясь на полную невозможность снабжения армии при ее продвижении вперед, и таким образом план новой операции остался только в проекте. Действительно, несмотря на постройку в течение лета на главных направлениях узкоколейных и конножелезных дорог, снабжение становилось все затруднительнее, к чему присоединилось и отсутствие топлива в обширных безлесных районах, занимавшихся армией, среди снежных хребтов, причем особенно страдал IV Кавказский корпус, и к 1917 г. многие участки его фронта оказались занятыми только тонкой завесой из отдельных небольших групп войск.

ДЕЙСТВИЯ В ПЕРСИИ

Схема 26Б

Мы оставили русский экспедиционный корпус в районе Касриширина. Отсюда он повел дальнейшее наступление на Багдадском направлении и, заняв Ханекин, уже в пределах Турции, летом выдвинулся к р. Диале, притоку Тигра. Здесь и завязались бои с турками, стягивавшими от Бакубы и Самарры части расположенных там 7-й, 13-й и 14-й дивизий. Так как в предшествующий период выяснилась полная невозможность совместных действий с англичанами, притом в экспедиционном корпусе, действовавшем в непривычных условиях жаркой долины р. Диалы без той подготовки, которую могли проводить англичане, начала развиваться холера, то Баратову было приказано отступить в более здоровый горный район.

Турки вели сильное наступление и слабейший корпус Баратова, почти исключительно конный, стал отходить, очистив в середине августа Хамадан. В течение всей осени и зимы 1916 г. происходили бои в районе Биаджара, Довлетабада, Султанабада и Кашана, причем эти пункты занимались попере-

менно то русскими, то турками, и к 1917 г. фронт экспедиционного корпуса занимал примерно линию, проходящую через эти пункты. Отступление русских вновь вызвало перемену настроения персидского правительства в сторону усиления в Персии германско-турецкого влияния. Положение русских в Персии осложнялось еще недостаточным наличием у них персидской валюты, так как англичане задерживали и всячески урезывали выдачу этой валюты, а русские бумажные деньги были сильно обесценены ввиду огромного их выбрасывания на местный рынок, что также содействовало враждебной агитации.

МЕСОПОТАМСКИЙ ФРОНТ

Схема 26Б

В 1916 г. в Месопотамии дела англичан сложились неудачно. После занятия Басрского вилайета англичане в течение $1\frac{1}{2}$ лет не только не смогли выполнить намеченных ими операций против Багдада, но 29 апреля англо-индийский экспедиционный корпус ген. Тоунсенда, осажденный, как мы видели, в Кут-эль-Амаре, после 143-дневной блокады капитулировал в составе 9 000 человек. После этого англичане стали готовить новую экспедицию под начальством ген. Мода, и весь почти1916 г. прошел в этой подготовке.

СИРИЙСКИЙ ФРОНТ И СУЭЦ

Схема 26Г

В июне мекккский шериф поднял восстание против турок и 5 июня захватил Мекку. Этим его успехи закончились. Также были неудачны попытки арабов овладеть укрепленной турками Мединой. Только Таиф после долгой осады был сдан его турецким гарнизоном от голода. В июле развернулась вторая экспедиция Джемаль-паши против Суэцкого канала, подготовляемая еще с 1915 г. «Общественное мнение» Англии было этим сильно взволновано, и были приняты широкие меры по сосредоточению в Египте значительных сил. Здесь было собрано до 8 англо-индийских дивизий и предприняты обширные работы по подготовке тыла. После этого англичане сами перешли в наступление, которое велось очень медленно, с остановками для оборудования тыла, и после ряда боев они овладели 21 декабря Эль-Аришем. К 1917 г. турецкий фронт проходил по северной окраине Синайского полуострова по линии Газа-Биршеба.

ДЕЙСТВИЯ НА МОРЯХ

Карта 2

Как мы видели, подводная война, ввиду политических соображений, была Германией не использована в должной мере в 1915 г., и это положение продолжалось почти весь 1916 г. Это объясняется в большой степени ультиматумом Соединенных штатов с требованием прекратить подводную войну после того, как в марте был германцами потоплен пароход «Суссекс». Таким образом подводная война была скомпрометирована, в ней был допущен перерыв, которым воспользовалась Англия для выработки средств противодействия.

В то же время после блестящих побед германская армия была вынуждена, истекая кровью, вести изнурительную войну, характер которой не предвещал быстрого ее окончания; все силы Германии были введены в борьбу, оставался

только линейный флот, и естественно было теперь и его ввести в дело. В результате такого решения произошло 31 мая грандиозное морское сражение, известное под именем *Ютландского* (или *Скагерракского*) боя.

ЮТЛАНДСКИЙ БОЙ

Карта 2В

Германцы, не имея возможности противопоставить свой флот более мощному английскому флоту, но исходя из необходимости если не разрушить, то поколебать морское могущество Англии, что тотчас же отразилось бы на всем течении войны, задались планом разбить английский флот по частям. С этой целью они решили вывести свой флот в море 2 эшелонами в надежде, что англичане, узнав о выходе первого, слабого, эшелона, выделят против него часть своего флота; тогда соединенный германский флот, будучи сильнее части английского флота, несомненно разобьет его. Во исполнение этого плана 31 мая в 4 часа утра из Ядде вышел к Скагерраку крейсерский отряд адм. Хиппера в составе 5 линейных крейсеров с легкими крейсерами и миноносцами; через полчаса за крейсерской эскадрой вышел и весь «Флот открытого моря».

Однако англичане благодаря перехвату германских радиограмм узнали о передвижениях кораблей и выходе всего германского флота. Эскадра адм. Битти, в составе 6 линейных крейсеров с легкими крейсерами и миноносцами, сопровождаемая 4 дредноутами адм. Томаса, пошла утром из Фирт-о-Форта наперерез германскому флоту, а адм. Джеллико с остальной частью «Большого флота» вышел в этом же направлении из Скапа-Флоу и Кромарти.

Около 18 час. 31 мая эскадра Битти и Хиппера столкнулись в районе к западу от Ютланда и завязали бой на расстоянии 70 кабельтовых [1]. Хотя англичане и были сильнее германцев (6 против 5), но искусство стрельбы и разрушительная сила снарядов были на стороне германцев, которые и потопили 2 английских линейных крейсера; затем между линиями крейсеров произошел бой миноносцев на минимальной дистанции. Бой передовых эскадр велся с большой энергией, так как оба адмирала были достойными противниками, но линейные корабли Томаса во время боя перестраивались и не приняли в нем участия. Вскоре стали подходить германские главные силы, и Битти, достигнув своей задачи—обнаружить главные силы противника, сделал поворот к северу, имея целью повести германский флот на свои главные силы.

Джеллико увеличил свой ход и, поворачивая к югу, вскоре столкнулся с главными силами адм. Шеера, который вел погоню за Битти. Шедшие впереди легкие английские крейсера подверглись обстрелу германской эскадры, причем был потоплен 1 английский крейсер, а затем, около 20 час., завязалось сражение, в котором сначала со стороны англичан приняла участие эскадра Битти, Томаса и легкие крейсера Большого флота, а со стороны германцев эскадра Хиппера и половина кораблей Шеера. Когда же развернулась колонна Джеллико и вступила в бой, Шеер, имея перед собой весь Большой флот, повернул и стал уходить. Тогда англичане повернули на запад с целью отрезать путь германскому флоту, однако Шееру удалось в темноте скрыться.

Ночью произошли атаки миноносцев, особенно смелы были действия английских миноносцев; произошел также ряд случайных столкновений отдель-

[1] Мера длины в море = 200 *м*.

ных кораблей обоих флотов. Оторвавшись от англичан, германский флот вернулся в порты, а Джеллико, всю ночь проведший в крейсировании в море и не преследовавший германцев из боязни напороться на мины, также ушел в в свои порты. Вообще главной целью Джеллико было сохранить силу Англии—ее флот, даже в ущерб решительным результатам, которых он мог бы добиться при энергичном преследовании; в этом отношении его осторожные действия противоположны действиям Битти.

Ютландское сражение по силе участвовавших в нем флотов было самым большим из морских сражений мировой истории; со стороны англичан в нем участвовали 28 дредноутов, 9 линейных крейсеров, 30 легких крейсеров и 72 миноносца, а со стороны германцев 16 дредноутов, 5 линейных кораблей (до-дредноутов), 5 линейных крейсеров, 11 легких крейсеров и 72 миноносца. Превосходя германский флот численностью кораблей, англичане превосходили его в скорости и в артиллерии; так, самые быстроходные английские корабли имели скорость 24—25 узлов, а самые тихоходные 20 узлов, а у германцев самые быстроходные корабли имели скорость в 21 узел, а тихоходные уменьшали эскадренную скорость до 16 узлов. Еще более значительно было преимущество англичан в артиллерии: так, дредноуты и линейные крейсера Большого флота имели 344 крупных орудия против 244 германских, превосходя их и калибром. В бою англичане потеряли 3 линейных и 3 броненосных крейсера, а германцы 1 линейный корабль, 1 линейный крейсер и 4 легких крейсера. Кроме того обе стороны потеряли по несколько миноносцев; в общем же потери англичан были больше, чем потери германцев (по тоннажу вдвое). Сражение, как мы видели, не имело решительного результата, и обе стороны приписали себе победу, но германский флот после этого сражения совершенно прекратил выходы в море [1].

Ютландский бой, хотя и окончившийся вничью, ясно показал Германии, что ее флот соперничать с английским не может. Поэтому, несмотря на указанные раньше политические условия, препятствовавшие ведению подводной войны, мнение сторонников этой войны, как единственного средства воздействовать на Англию, одержало верх, и к концу года подводная война возобновилась, причем ее сфера была распространена на Белое море, Мурманское побережье, Канарские острова, Мадейру и другие пункты Атлантического океана, где проходили главные морские торговые пути. В ответ на возобновление войны Англия и Франция организовали самую строгую «голодную блокаду» центральных держав, что и вызвало со стороны Германии применение для торговых целей больших подводных лодок, способных делать пробеги через весь Атлантический океан до Америки и обратно (подводная лодка «Deutschland», выйдя 14 июня из Бремена с 1 000 *т* груза в Америку, вернулась обратно 20 августа с 4 000 *т* груза). Подводная война выражалась, как в потоплении судов, так и в постановке мин заграждения, причем тоннаж погибших только на минах заграждения судов достиг в ноябре своего максимума за всю войну 62 062 *т*. За весь 1916 г. союзный торговый тоннаж от подводной войны потерял 1 125 судов (в том числе от подводных лодок 964 судна), общей сложностью свыше 2 млн. *т*.

---

[1] Для оценки условий действий обеих сторон в ютландском морском сражении необходимо заметить, что к этому времени англичане заградили выход германского ф ота в Северное море минными полями на всем протяжении от Бархута до Ютланда—германцы с трудом протравливали ворота в этих минных полях, но все же эти заграждения силь о стесняли выход германского флота в море и обратный вход в базу. Тирпиц, Мемуары, стр. 395. *Ред.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предыдущем изложении были уже отмечены характерные черты и результаты каждой частной операции летнего периода. Обращаясь к результатам его в целом, можно сказать:

1. Задачи, поставленные армиями Антанты на конференциях в Шантильи, выполнялись каждой из них, но не дали общих решительных результатов; они нанесли серьезные потери враждебной стороне, сильно истощили ее средства, но истощились и сами, не изменив стратегического положения в лучшую для себя сторону.

2. Совместные действия на разных театрах выразились только в виде попыток спорадического характера, не объединенных ни по времени, ни по продолжительности. Как следствие этого центральный союз хотя и был поставлен в тяжелое положение, но сохранил и силы и свободу маневра для будущего периода. Только на русском фронте операции продолжались почти без всякого перерыва.

3. На Балканском театре царило полное спокойствие, а на Азиатско-турецком инициатива действий, хотя и мало удачная, принадлежала туркам. Несмотря на это, русские, ведя вновь борьбу при самых трудных условиях гористой местности, значительно продвинулись в глубь Армении, улучшив здесь свое положение. Но на юге совместных действий с Англией вновь достигнуть не удалось. Это ухудшило положение Антанты в Персии.

4. Богато снабженная техникой англо-французская армия на Сомме и бедно снабженная ею русская армия у Риги и Барановичей имели почти одинаково малые результаты, что показывает, что в борьбе за укрепленные полосы дело не в одной технике, но и в умелом маневре.

5. Мы вновь присутствуем при разнобое в управлении на обеих сторонах, который не ограничивается только разнобоем верховного командования союзными армиями, но спускается и ниже. В России он выливается в неспособность Алексеева взять в свои руки Брусилова, Эверта и Рузского; в Германии во вражду Фалькенгайна с Гинденбургом и Людендорфом; во Франции в несогласии неподчиненных друг другу Жоффра и Саррайля.

6. Как результат всего этого Антанта должна была в осенний период продолжать выполнение летних задач, но при худшей обстановке, так как германцы вновь могли взять инициативу в свои руки.

7. Антанта имела за этот период большую дипломатическую победу, заставив Румынию выступить на своей стороне, но не сумела использовать всех выгод этого выступления, которое явилось запоздалым почти на 2 месяца.

8. Единоборство английского и германского флотов не привело к решительным результатам.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПЕРИОД ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР КАМПАНИИ

Осенний период кампании 1916 г. является продолжением летнего не только по времени, но и по развитию начатых, но не законченных летом, операций на французском, итальянском и русском театрах. Бои на Сомме, под Верденом, на Изонцо, Стоходе и под Ригой попрежнему чередовались друг

с другом, не изменяя стратегической обстановки сторон, а лишь истощая их силы. Но наряду с этим в осенний период войны выдвинулся и новый, весьма важный фактор, который серьезно переменил всю стратегическую обстановку русского фронта, заставив перенести центр тяжести внимания на юг. Все это произошло благодаря выступлению Румынии и решению центральных держав нанести этому новому врагу быстрый удар с целью вывести его из строя. Клубок всех событий осеннего периода войны развивался в Румынии, около нее и в связи с ней, почему она и будет поставлена в центр изложения всех операций.

ВЫСТУПЛЕНИЕ РУМЫНИИ

Схемы 34 и 39

Союз Румынии с Антантой представлял большие выгоды при условии использования его в активных целях. Он открывал две наступательные перспективы. Совместными действиями от Салоник и из Добруджи Антанта могла вывести из строя враждебной коалиции первоначально Болгарию, а потом и Турцию. Но этот проект был отклонен западными державами. Была и другая возможность. Граница с Румынией открывала через Трансильванию фланг укрепленной позиции австро-германцев и кратчайшие пути на Вену.

Заблаговременное сосредоточение русских войск на левом фланге 9-й армии (о сроке выступления Румынии было определенно известно с половины июля) и быстрое наступление их тотчас же после объявления Румынией войны по ее территории в обход австрийских позиций могло совершенно скомпрометировать положение центральных держав на востоке. Но Антанта отказалась и от этого способа. Она остановилась на третьем, предоставив Румынии самой атаковать в Трансильвании и только усилив ее слабым русским корпусом в Добрудже.

Выгодное положение Румынии на фланге заставляло догадываться, что германцы обрушатся всей силой своего кулака на это маленькое государство, чтобы закрыть для русских всякую возможность политического влияния на Балканах и открыть для себя выход на фланг русской оборонительной линии. Румынская армия, не имевшая боевого опыта, навряд ли могла выдержать натиск германцев, и при таких условиях союз с Румынией имел для России только отрицательный характер, как это и вышло в действительности.

Командование русским Юго-западным фронтом не учло однако важного значения своего левого фланга, и данные Ставкой корпуса направило на Галичский участок, усилив 9-ю армию на Карпатах только 1 корпусом (XVIII) и приказав ей наступать на Мармарош—Сигет. Это наступление развивалось уже вместе с румынами.

Выступление Румынии было вопросом 2-летнего колебания и длительных переговоров. Националистические стремления этого государства в Трансильванию и Буковину, а также сильные франкофильские симпатии большей части ее правящего класса тянули ее на сторону Антанты; династические интересы и германофильство некоторых кругов заставляли опасаться возможности перехода ее на сторону германской коалиции, а характер господствующих классов этого государства позволял быть уверенным, что по собственной воле оно обнажит оружие только на стороне сильного, на стороне, более ему обещающей, и тогда, когда риск выступления будет наименьший.

Между тем географическое положение Румынии, колебавшейся и не принимавшей определенного решения, тяготело над обеими сторонами и заставляло

их желать выявления настоящего лица этого балансировавшего между обеими коалициями правительства. Поэтому у центральных держав серьезно обсуждался еще в начале 1916 г. проект разгрома Румынии, чтобы таким способом вскрыть назревший нарыв, но проект этот не был приведен в исполнение. Со своей стороны Антанта, в лице Франции и Англии, также решила добиться от Румынии выступления на ее стороне, что в конце-концов и удалось сделать в августе 1916 г.

Но выступление Румынии произошло при плохих предзнаменованиях полного разногласия во взглядах на этот вопрос верховного командования Франции и Англии с одной стороны и России с другой. Первые переносили центр тяжести румынских действий на Трансильванию, возлагая прикрытие Румынии со стороны Болгарии на 150—200-тысячную русскую армию, которая должна была для этого продвинуться к Дунаю. Русское же командование стояло за то, чтобы совместными действиями румын, союзной салоникской армии и русского вспомогательного отряда вывести сначала из строя Болгарию, после чего трансильванский театр, угрожаемый с севера русскими, а с юга соединенной массой салоникской и румынской армий, падет сам собой. Для этого требовалось усиление салоникской армии и решительное наступление ее для угрозы тылу болгар, действовавших против румын. Но на такое усиление не соглашались западные державы.

В результате победила, хотя и не вполне, французская точка зрения, и 27 августа Румыния объявила войну Австрии, получила полную свободу отдельного командования и в помощь русский корпус, который должен был войти в Добрудже в состав румынской армии.

По мобилизационному расписанию *Румыния выставляла* 400-тысячную армию, состоявшую из 20 сильных по составу дивизий, 10 первоочередных и 10 второочередных. В действительности под ружьем в этих 20 дивизиях было едва 250 000 человек. Только первоочередные дивизии были снабжены скорострельной артиллерией и некоторым количеством полевых тяжелых гаубиц; второочередные дивизии имели на вооружении орудия старого типа. Тяжелой артиллерией и техникой румыны совершенно не были снабжены. Железные дороги были в очень плохом состоянии. Долгий период мира и отсутствие боевого опыта делали командный состав румынской армии совершенно неподготовленным к ведению современной войны. И в руки этой малочисленной, плохо подготовленной и снабженной армии передавался наиболее важный театр данного момента с предоставлением ей там полной свободы действий.

Границы Румынии представляли большие невыгоды в военном отношении. На юге по Дунаю и далее по прямой линии от Туртукая до Черного моря шла граница с Болгарией; на западе и северо-западе Румыния граничила с Австро-Венгрией по Карпатам, причем у Фокшан австрийские владения сильно вдавались на восток, как бы образуя мешок между Валахией и Молдавией. Такая пограничная линия была, кроме своей длины, неудобна и тем, что ударом на Фокшаны или со стороны Добруджи легко отрезывалась вся Валахия с выступом своим к стороне Орсово.

Румынское главное командование решило *большую часть своих войск выставить* на границе с Трансильванией и отсюда наносить энергичный удар в направлении на Будапешт. Для прикрытия же длинной границы с Болгарией по Дунаю на границе румыны оставили лишь незначительные и притом второочередные части, в состав которых должен был войти и русский, тоже из второочередных частей, корпус.

В зависимости от этого *стратегическое развертывание* румынской армии вылилось в следующую форму:

Северная армия ($3\frac{1}{2}$ дивизии или 68 батальонов) от Дорна-Ватра, где она связывалась с 9-й русской армией, до прохода Ойтос, прикрывая Молдавию.

2-я армия (3 пех. и 1 кав. дивизии, 36 батальонов) прикрывала проходы со стороны Кронштадта и Германштадта, заняв участок от прохода Ойтос до прохода Ротентурм.

1-я армия (4 пех. дивизии, 64 батальона) сосредоточилась от Ротентурма до Орсова на Дунае.

3-я армия, наиболее слабая по составу и преимущественно из второочередных частей, всего 6 дивизий, прикрывала длинную линию Дуная и Добруджу, имея русский корпус на крайнем левом фланге.

Таким образом наиболее сильные группы были образованы на флангах Трансильванского театра, что давало возможность быстрым наступлением южной группы выйти в венгерскую долину до принятия противником соответствующих мер и этим открыть туда дорогу правому флангу румын и левому флангу русских. Слабой стороной этого развертывания была необеспеченность болгарской границы и, в особенности, важной и открытой для вторжения Добруджи, где была, до подхода русского корпуса, оставлена только одна второочередная дивизия.

ИЗМЕНЕНИЕ В ВЕРХОВНОМ КОМАНДОВАНИИ ОБЕИХ КОАЛИЦИЙ

Ко времени выступления Румынии произошло частичное изменение в высшем командовании германской и французской армий.

В Германии верховное командование фактически было вручено Гинденбургу при начальнике штаба Людендорфе, что устанавливало единоначалие в германской армии, которое, как мы уже знаем, распространилось и на австрийские войска на русском фронте, а впоследствии и на румынский фронт. На итальянском и сербском фронтах командование оставалось в руках австрийцев.

Во Франции Жоффр был сделан верховным главнокомандующим французскими войсками на всех театрах, и таким образом в его руках объединялось и командование салоникским фронтом.

ПЛАНЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ

Германское командование ожидало выступления Румынии, но предполагало его несколько позднее, после сбора урожая. Таким образом германцы были захвачены врасплох и потому их обдуманный уже заранее план проводился с запозданием, в особенности благодаря плохо развитой сети рельсовых путей. Румынский фронт для центральных держав являлся единственным, где они могли еще предпринять наступательную операцию, а кроме того неудача на нем грозила для них перерывом сообщений с Турцией. Поэтому Гинденбург решил нанести удар Румынии, приобрести богатые провинции с хлебом и нефтью и обезвредить попытку Антанты объединить операции со стороны Румынии и Салоник.

В общем германский план сводился к первоначальному нанесению болгаро-турецкими войсками, которые могли быть раньше собраны, удара по

Добрудже, чтобы обеспечить себе правый фланг, а потом совместными действиями со стороны Дуная и с фронта Германштадт—Кронштадт завладеть Валахией и отрезать находившиеся там румынские войска.

С этой целью были образованы 3 группы войск:

Группа Макензена, достигшая к половине сентября примерно 9 пех. и 2 кав. дивизий германско-болгарско-турецких войск, постепенно увеличиваемых в течение октября. Эта группа должна была, прикрываясь Дунаем, нанести сильный удар на Добруджу и отбросить здесь румын к северу от железной дороги Черноводы—Констанца. Обеспечив себя таким образом с правого фланга, группа Макензена принимает участие в общем наступлении на Валахию.

Группа Фалькенгайна из 9-й германской и 1-й австрийской армий, всего около 26 пех. и $7^1/_2$ кав. дивизий, из которых 16 германских. Эти армии находились еще в периоде сосредоточения, причем 1-я австр. армия должна была развернуться по обе стороны Марош—Вашагрели, 9-я же германская армия сосредоточивалась в районе Карльсбург и Мюльбах, имея небольшие отряды к северу до Орсовы.

Далее на север, уже против русского фронта, действовала 7-я австрийская армия, которая едва удерживала натиск 9-й русской армии Лечицкого и потребовала усиления ее 3 новыми германскими дивизиями, которые направлялись с французского фронта против румын. Войска в Трансильванию сосредоточивались медленно, и потому в сентябре румыны имели здесь дело только с передовыми частями.

РУМЫНСКИЙ ФРОНТ

Схема 39

Ход событий определил в дальнейшем тесную связь между действиями в Румынии и на русском театре, и в особенности на его Юго-западном фронте, почему их и приходится рассматривать вместе.

В августе русское командование начало обращать серьезное внимание на Карпаты и постепенно увеличивало здесь войска, хотя и очень медленно, так как сосредоточение главных сил румын в Трансильвании давало надежду на их внушительную здесь помощь. Центр тяжести наступления за Карпаты на русском участке фронта сосредоточивался на 4 шоссейных дорогах, которые вели по две к главным объектам действий—к Мармарош-Сигету через Корошмезо и Шибени и к Быстрице через Кирлибаба и Якобени. По этим путям и были направлены Лечицким примерно по 1 корпусу с слабым прикрытием левого фланга, т. е. направления от Якобени на Сучаву, только кавалерией. Сюда австрийцы и направили свой главный удар.

Тем не менее русские войска, с трудом преодолевая укрепленные горные позиции австрийцев, не только отбивали их атаки, но и подвигались вперед. К 20 сентября они здесь вновь вышли примерно на линию Рафаилов—Ворохта—Шибени—Кирлибаба (искл.)—Дорна Ватра (искл.). К тому же времени румыны продвинулись в Трансильвании на фронт Марош—Вашагрели—Шекели—Фогараш—Германштадт. Но совместное наступление русских и северной румынской армии на Дорна-Ватра и далее на Быстрицу было задержано сильно укрепленной позицией германцев, и 26 сентября прекратилось

ввиду разрозненности действий, не объединенных командованием на одном направлении русскими и румынскими отрядами.

К этому примерно времени закончилось сосредоточение против румын армий Центрального союза, которые начали свое *наступление в Добруджу* группой Макензена, а в Трансильвании заняли после 4-дневного упорного боя 30 сентября Германштадт и начали сильно давить первоначально на правый фланг румын. Операция Макензена против Добруджи окончилась 27 октября оттеснением русско-румынских войск на один переход к северу от железной дороги Черноводы—Констанца, после чего, оставив здесь слабые силы, он всю свою группу сосредоточил к югу от Дуная на Бухарестском направлении для совместных действий с Фалькенгайном против столицы Румынии.

За время операции в Добрудже Фалькенгайн легко занял 10 октября Марош—Вашагрели и Кронштадт и с трудом пробивался от Германштадта через Ротентурмский перевал. Румыны начали отходить на юг (10 октября на линию Кимполунг—Бузео) и на восток к своей границе, оттягивая свой правый фланг на юг и теряя связь с 9-й русской армией. Это заставило Лечицкого спешно закрыть образовавшийся открытый промежуток к югу от Дорна-Ватра сначала кавалерией, а потом и вновь подвозимыми корпусами, разжижая свой фронт и протягивая его постепенно до Окна. Здесь ему пришлось выдержать первоначально одной кавалерией ряд упорных боев с сильным противником, но удалось не только удержать свое положение, но и перейти в ноябре в наступление.

План германского командования в конце октября вылился в следующую форму: Фалькенгайн прорывает румын своим левым флангом с фронта Марош—Вашагрели—Кронштадт в направлении на р. Тротуш, центром на Питешти—Слатин и правым флангом с массой конницы направляется на Крайово, имея целью скорее войти этой конницей в связь с Макензеном, который, переправившись через Дунай, направляет свой удар на Фокшаны.

События начали развиваться здесь с головокружительной быстротой. Интересы румынского фронта непосредственно связывались с интересами русского фронта, и для обеспечения своего фланга русское командование начало перекидывать сюда целую массу корпусов, которые вследствие недостатка в железных дорогах прибывали мелкими частями медленно и не успели спасти Румынии, но обеспечили фланг русского расположения. Первоначально корпуса направлялись на Бакеу, чтобы закрыть образовавшийся к северу от румын промежуток и сосредоточить кулак между Пьятра и Окна для нанесения удара на коммуникацию германских войск, ворвавшихся в Валахию, а потом на Фокшаны и Галац для принятия на себя отступающей румынской армии.

Войска Центрального союза начали тем временем выполнять свою основную операцию против румын. Задержанные на Марош-Вашагрельском и Кронштадтском направлениях 9-й русской и 2-й румынской армиями, они направили свой главный удар через проходы Вулкан и Ротентурм и вышли 23 ноября на фронт Рымник—Слатин—Каракал, взяв в плен у последнего румынский отряд. В этот же день Макензен легко переправился у Систова через Дунай. 30-го трансильванская группа продвинулась до Питешти, а Макензен до низовьев р. Аржиса, где 1 декабря с трудом выдержал у Коман атаку подошедших на помощь румынам частей IV русского корпуса и удержал свое положение только благодаря подходу свежей турецкой дивизии.

4 декабря австро-германцам удалось перевалить через Карпаты и со

стороны Кронштадта, а румыны очистили без боя Бухарест, так что фронт германцев шел от Плоешти через Бухарест и далее по р. Димбовице, 17 декабря фронт их продвинулся до линии верховьев р. Завала—Бузео—Черноводы и наконец к январю 1917 г. на линию Фокшаны—устье Дуная, где и стабилизовался, перейдя к позиционной войне.

Во время этого германского наступления 9-я русская армия, а также и перекинутая на Карпаты 8-я армия, усилившись переброшенными к ним подкреплениями, перешли с половины ноября в наступление по всему фронту Карпат, от Ворохта на севере до Окна на юге, нанося главный удар 2 корпусами в направлении от Пьятра на Сас-Реген. Наступление это, длившееся в течение месяца, дало русским некоторые тактические успехи, облегчило положение правого фланга румын, но никаких стратегических результатов не дало, и в конце декабря здесь обе стороны также перешли к позиционной войне.

На остальных участках русского фронта осенний период был отмечен еще серией атак со стороны русских на Стоходе, имевших место в сентябре и октябре, атак совершенно бесцельных и безрезультатных, если не считать той пользы, которую они могли принести, отвлекая внимание, а отчасти и силы германцев от румынского и французского фронтов, так как на последнем в это время шло наиболее активное из наступлений англо-французов. Все внимание русского командования было направлено на усиление румынского фронта, куда была перекинута (к югу от Дорна-Ватры) вся 9-я армия и кроме того управления 4-й и 6-й армий, объединивших переброшенные в Румынию 35 пех. и 13 кав. дивизий, т. е. около $^1/_4$ всех вооруженных сил.

Румынское выступление принесло таким образом только отрицательные результаты, легло всей тяжестью на Россию и заставило ее оттянуть большую часть своих сил на второстепенный театр без возможности, вследствие слабой сети рельсовых путей, скоро перекинуть их обратно.

САЛОНИКСКИЙ ФРОНТ

Схема 39

Салоникский фронт мог сыграть большую роль во всей румынской эпопее, но он ее не сыграл. Как в вопросе об использовании Румынии для общих целей выступления, так и в вопросе о 300-тысячной армии, собранной в Салониках, взгляды союзников резко различались. Англичане и итальянцы были против развития энергичных наступательных операций со стороны Салоник и с трудом увеличивали здесь свои войска, а ген. Саррайль не проявлял ни талантов полководца, ни талантов организатора для командования собранной здесь интернациональной армией.

В течение сентября—декабря наступательные операции Антанты сосредоточились здесь исключительно в направлении на Монастырь сборным франко-русско-сербским отрядом, при полной почти пассивности на остальном фронте. 17 сентября Саррайль занял Флорину, 18 ноября Монастырь, после чего приостановил свое дальнейшее наступление, войдя налево в связь с итальянцами, продвигавшимися со стороны Валлоны. К концу года фронт Антанты имел уже сплошной характер от берега моря на Берат—озеро Охридское—Монастырь—Гевгели—Дойран—Петрич—Демир и по западному берегу озеро Тахино. Болгары, получив помощь от германцев и высшее здесь германское

командование, сильно укрепили свои позиции к северу от занятой противной стороной линии.

Таким образом вся помощь, оказанная салоникским фронтом румынам, ограничилась оттяжкой сюда нескольких германских батальонов и удержанием на этом фронте большей половины болгарских дивизий. В октябре Антанта заняла Пирей и Афины и, сделавшись фактическим хозяином Греции, вполне обеспечила тыл салоникского фронта.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР

СОММА И ВЕРДЕН

Схемы 36 и 38

Гинденбург, вступив 29 августа в верховное управление германскими армиями, нашел положение на французском театре очень тяжелым. Одновременная борьба на Сомме и у Вердена была германцам не под силу. Атака на Верден была прекращена, и, несмотря на то, что можно было ожидать здесь перехода французов в наступление, германцы начали отправлять отсюда на Сомму часть артиллерии и аэропланов.

На Сомме германцы, введя в дело до 39 дивизий, едва держались, а отойти, им было нельзя, так как в тылу не было подготовлено позиций. Между тем мощная англо-французская артиллерия совершенно подавила при содействии аэропланов германскую артиллерию, многочисленные же аэропланы, снижавшиеся в массах над германской пехотой и обстреливавшие ее пулеметным огнем, выводили германцев из душевного равновесия. Для подготовки нового сопротивления на Сомме сосредоточением артиллерии, снарядов и выделением свежих дивизий германцами необходимо было 2—3 недели, которых однако союзники им не дали.

Англо-французы собрали к концу августа на Сомме новые свободные силы; одни только французы имели здесь в резерве свежих 15 дивизий, а тяжелая артиллерия их увеличилась с 700 до 1 200 орудий. Они решили возобновить в начале сентября свои атаки на Сомме, не задаваясь уже широкими целями прорыва и маневра, а более узкой целью выжимания германцев с их укрепленных позиций. К северу от Соммы союзники поставили себе целью занять высоты, отделявшие долину Анкра от долины Соммы, что сводилось к овладению англичанами фронтом Гранкур—Мартенпюиш—Мерваль и французами фронтом Ракур—Бушавен. Южнее Соммы 10-я французская армия должна была овладеть возвышенностями Шон (Chaulnes) и Виллер—Карбонель.

3 сентября началась после сильнейшей артиллерийской подготовки атака союзниками всего преднамеченного участка. После 4-дневного боя англичанам удалось продвинуться и удержаться, несмотря на германские контратаки, на фронте Жинши (Ginchy)—лес Лёз (Leuze), а французы продвинулись до линии небольших рощ Андерли—Гопиталь—Марьер. К югу от Соммы, хотя атака велась на всем фронте от Барлё до Шилли, французам удалось продвинуться только на линию Вермандовиллер—Берни—Сантер.

12—13 сентября 6-я французская армия вновь атаковала к северу от Соммы и, имея значительный успех, продвинулась до Бушавен. Германский фронт был прорван, но на другое утро он был уже прикрыт целой массой пулеметов, и дальнейшее наступление французов было приостановлено.

15 сентября началась большая атака англичан в северном направлении, причем впервые были применены *танки* [1]. Отчасти благодаря неожиданности появления этих новых машин англичане имели в этот день большой успех. Они завладели высотой 154, Флер, Мартенпюиш и Курсселет, продвинувшись в глубину на 2 *км*. 17 сентября южнее Соммы 10-я французская армия несколько развила свой успех, достигнутый ею 3-го числа.

20 сентября германцы, усилившись на 5 дивизий, произвели двумя из них сильную атаку на наиболее продвинувшийся участок французской атаки между Комблем и Бушавенем, но были отбиты заградительным огнем.

25—27 сентября была вновь произведена общая атака англо-французами на фронте в 18 *км* от Мартинпюиш до Соммы, что передало в руки союзников наиболее важные пункты германской обороны на этом секторе, а именно Типваль (Thiepval) и Комбль. Этим и окончилась соммская операция, так как в октябре и в ноябре были произведены только некоторые частные продвижения, и в общем к концу ноября англо-французский фронт выдвинулся здесь на линию Шилли—западнее Шон (Chaulnes) и Барлё—Биаш—Бушавен—Ранкур—Сайли—Гёдекур—Окур-л'Аббе (Eaucort l'Abbaye)—Сар—Гранкур и Бомон-Гамель.

Вся эта операция, повлекшая потерю около миллиона бойцов с обеих сторон [2] и сосредоточившая внимание воюющих почти на полгода, не изменила стратегического положения сторон и только достигла удачных для Антанты тактических результатов. Германцы были вытеснены с хорошо укрепленной своей позиции на Сомме, и это было предвозвестником их будущего отступления на тыловую позицию, к подготовке которой *(линия Гинденбурга)* они и приступили.

Прекратив свои атаки на Сомме, французы вновь обратились к *Вердену* (схема 36).

Германцы прервали здесь свое наступление, но обороноспособность Вердена была подорвана их атаками, а потому ген. Жоффр решил, по возможности, ее восстановить и не только взять обратно форты Во и Дуамон, но и вновь вынести оборону крепости за линию фортов. С этой целью французы атаковали 24 октября 3 дивизиями, после подготовки огнем 400 орудий, форт Дуамон и завладели им. Перегруппировав свою артиллерию и вновь подготовив атаку, они взяли 2 ноября форт Во, а 5-го селения Во и Дамплю.

После этого было решено для обеспечения захваченного продвинуться на линию Лувемон—Безонво. Подготовка атаки потребовала здесь 6 недель. Было построено 30 *км* новых дорог, 10 *км* рельсовых путей, а артиллерия была пододвинута на самую близкую дистанцию. 11 декабря началась артиллерийская подготовка, а 15-го атака 4 дивизиями. 18 декабря французы заняли линию Лувемон—форт Шамбрен—Безонво, восстановив таким образом положение 25 февраля.

Годовая верденская эпопея кончилась для германцев почти ничем; французы потеряли под Верденом 350 000 чел., а германцы по французским подсчетам 600 000.

---

[1] Из введенных здесь 79 танков 17 выбыло из строя до занятия исходного положения и 14 остались на поле сражения. Моральное впечатление не было большое и реальная польза малая.

[2] Англичане потеряли с июня по ноябрь включительно 22 000 офицеров и 476 000 солдат, а французы — 241 000 бойцов. Союзниками захвачено в плен 105 000 германцев и взято 350 орудий и 1 500 пулеметов. (Базаревский, Мировая война. Кампания 1918 г. во Франции и Бельгии, т. I, стр. 9.)

ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕАТР

Схема 32

На итальянском фронте за осенний период было произведено два наступления итальянцев на Изонцо (седьмое и восьмое) 14—17 сентября и 9—13 октября. Оба эти наступления были безрезультатны и дали возможность местами продвинуться итальянцам на 2—3 *км*.

РЕЗУЛЬТАТЫ КАМПАНИИ 1916 г.

Схема 40

1916 г. в общем может быть охарактеризован как год заметного умаления военного могущества центральных держав по сравнению с Антантой, что предрешало уже участь войны в пользу последней. Силы центральных держав истощались в несравненно большей пропорции по сравнению с силами Антанты. Источники пополнения их у первых отсутствовали, у вторых были еще в избытке.

Год этот германцы начали и окончили двумя операциями наступательного характера—под Верденом. Операции не дали положительных результатов, только истощили живую силу и средства, а в Румынии окончились эффектным броском вперед, окончательно распылили германские силы и сделали их слабыми на главном пункте борьбы, а именно на Сомме. Во всех остальных операциях—на русском фронте, на Изонцо, на Сомме центральным державам удалось удержать армии Антанты от развития ими широких операций, но всюду фронт их получил заметные трещины и не имел уже сил ответить на маневр контрманевром, а должен был ограничиваться только обороной.

Операции этого года, задуманные с широким стратегическим замыслом, вылились, за исключением румынской, по преимуществу в борьбу тактического характера, в борьбу на истощение. Из всех широких замыслов германцев под Верденом, французов на Сомме, русских под Луцком, австрийцев у Трентино и итальянцев на Изонцо ничего не вышло, и бои, стоившие миллионов жертв, вылились исключительно в действия тактического характера, сохранив ту же внешнюю стратегическую обстановку, какой она была и в начале года.

Но если с внешней стороны, в смысле территориальном, это было так, то в скрытом виде, в широком смысле стратегии как боевой мощи враждующих сторон, державы Центрального союза до того истощились, что не могли уже рассчитывать предпринять при сложившихся условиях наступательную операцию ни на одном из фронтов. Для этого им надо было искать новых путей, и они были найдены в связи с русской революцией, которая вошла в расчеты германского Генерального штаба как определенная оперативная данная. Центральные державы могли быть спасены только выходом России из строя, но этого выхода нельзя было уже добиться на полях сражений. Верден, Сомма и Луцк окончательно исчерпали силы австро-германцев.

Со стороны Антанты 1916 г. дал более, чем предыдущие года, образцов комбинированных действий армий различных держав, но это комбинирование было недостаточно, а в отношении Румынии Антанта дала высокий образец военно-политического разнобоя. Единое управление во образе конференций в Шантильи не выдержало, как и следовало ожидать, экзамена.

У Центральных держав дело обстояло лучше. Гинденбургу почти уда-

лось захватить всю полноту оперативной власти, но смерть в конце года старого австрийского императора и вступление на престол молодого Карла вновь повели к излишней самостоятельности австрийского союзника.

1916 г. выдвинул на арену новую данную, которая сравнительно мало учитывалась в предшествовавшие годы войны. Это—нравственное утомление тех наций, которые наиболее страдали от войны или видели бесцельность ее и обострение в них классовой борьбы.

Богатство в артиллерии, в технике и во всех экономических предпосылках постепенно переходит на сторону англо-французов и делает в будущем для Германии борьбу с ними безуспешной. Единственной надеждой последней установить равновесие было: неограниченное ведение подводной войны, к которой Германия не рисковала до 1917 г. прибегнуть по политическим соображениям.

Бои под Верденом, на Сомме и отчасти на русском фронте показали всю трудность выхода во время позиционной войны на маневренный простор. Этому предшествует длительная и планомерная борьба на истощение всех сил и средств противной стороны. На Сомме эта борьба длилась до ноября, когда германцы из-за румынской операции истощили там все средства борьбы. Выход англо-французам для маневра был почти открыт, но и у них не было своевременно сосредоточено сил для последнего натиска. Сомма и Румыния являются двумя противоположными полюсами современного военного искусства.

Операции 1916 г. выдвинули значение: 1) господства в воздухе авиации, 2) применения химических снарядов, 3) танков как мощного стредства атаки, 4) автомобильных перевозок в крупном масштабе.

В то же время организация оборонительной операции начинает принимать четкие формы: 1) основой обороны считается укрепленная зона в 15—20 *км* глубиной из 2—3 полос укреплений, 2) первая зона занималась слабо и 3) оборона рассматривается как маневр оперативными резервами.

В общем 1916 г. был годом перелома, подорвавшим в корне военную мощь центральных держав и, наоборот, доведшим силы Антанты до кульминационного развития. Это был год, определивший победу Антанты в будущем. Год, окончательно выявивший, что войну ведут народы, а не армии. И в этом отношении положение центральных держав и России, хотя и по разным причинам, было ближе к тому, что народные массы возьмут власть в свои руки и прекратят войну. Вопрос о пропаганде, о воздействии на всю народную массу в деле войны входит определенной данной в работу оперативного штаба Людендорфа, при котором организуется в конце 1916 г. особое отделение пропаганды.

Общая обстановка истекшего года ясно показывала центральным державам, что война ими проиграна, а потому в декабре они делают попытку начать мирные переговоры, но выставляют условия, совершенно не соответствовавшие соотношению сил обеих сторон, а потому попытка эта не находит отклика у держав Антанты.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

КАМПАНИЯ СЕМНАДЦАТОГО ГОДА

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПЕРИОД ЯНВАРЬ—ИЮНЬ

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

1917 г. по материальным признакам сулил широкие перспективы для Антанты. Она серьезно могла рассчитывать на победоносное окончание войны в этом году. Соотношение военного могущества обеих коалиций всецело перешло на ее сторону.

Центральные державы, хотя и сохраняли обширные завоеванные ими территории и их укрепленные фронты не дали еще нигде видимой трещины, но фактически они находились на краю полного истощения и невозможности прсдолжать войну.

Германия выкачала из своей страны все, что ей мог дать народ. Все возрасты от 17 до 45 лет уже стали под знамена, а требование верховного командования ввести всенародное ополчение от 15-до 60-летнего возраста встретило сопротивление правительства. Германцы с огромным напряжением и ценою ослабления своих кадров и запасов пополнений могли создать к весне 1917 г. только 13 новых дивизий, которые следовало считать последним усилением их армий. Но эта мера существенно не изменяла соотношения сил, и Антанта превосходила центральные державы в отношении численности армий приблизительно на 40%. Надежды германцев на сформирование *польской армии* потерпели полную неудачу.

Германская промышленность испытывала такое жестокое потрясение, что верховное командование было принуждено в период наибольшей военной опасности возвратить частной промышленности несколько заводов и вернуть из строя 125 000 квалифицированных рабочих. И даже при таком полном напряжении Германия не могла состязаться с противной стороной в отношении производства военных материалов. Голодная блокада довершала отчаянное положение страны.

Состояние *Австрии* было еще хуже, и она вела уже тайные переговоры, чтобы выйти из войны, официально заявив своим союзникам, что ее армия держаться дольше осени не может. Неопределенная роль *Болгарии* продолжалась только благодаря инертности дипломатии держав Антанты.

Германское командование сознавало свое критическое положение, сознавало всю трудность объединить народ для борьбы за существование империи и более всего боялось начала наступления Антанты до весны против уставших и не успевших подготовиться к обороне войск. Оно уже отказалось от возможности вести наступательные операции, решило перейти на

всех фронтах к обороне и возлагало всю надежду на уравнение положения путем неограниченного развития подводной войны [1].

Принципиальный переход к обороне вызвал необходимость принятия соответствующих мер по выбору более сокращенного и удобного фронта и ряда тыловых позиций. Сражение на Сомме показало в этом отношении всю рискованность германского расположения и заставило приступить еще осенью 1916 г. к постройке новой сильной линии обороны, известной под именем *позиции Зигфрида*, по линии Аррас—Камбре—С. Кентен—Ла-Фер—Вальи на р. Эн, чтобы срезать обширную дугу Альбер—Нуайон—Суассон—Вайи, в которой битва на Сомме пробила широкую брешь, и *позиции С. Миель*, чтобы срезать по линии Этен—Горц выступ С. Миель к югу от Вердена (схема 38).

Эти новые позиции представляли собой в действительности отлично укрепленный район, занимавший в глубину 8—10 *км*, захватывающий отличные наблюдательные пункты с обзором на 20 *км* и намного сокращавший фронт обороны. Но вместе с отходом на позицию Зигфрида германцы лишались и всех выгод наступления, связанных с выдающимся выступом у Нуайона.

Совершенно в ином положении находились державы *Антанты*. В политическом отношении им удалось к этому времени получить материальную опору со стороны Соединенных штатов, экономическая жизнь которых сильно страдала от длительной мировой войны и в особенности от неограниченной подводной войны, которую Германия грозила объявить. Военные силы и средства Антанты достигли полного развития и как в отношении численности армии, так и в отношении техники намного превосходили противника.

Даже русская армия достигла к этому времени по своей численности и по техническому снабжению ее всем необходимым максимального за всю войну развития. Широкое участие, которое приняли в деле изготовления технических средств общественные организации, союзные державы и военное министерство, помогло ей выйти из создавшегося в начале войны тупика [2]. Но это внешнее сравнительное благосостояние русской армии было сильно подточено изнутри. Расстройство транспорта, а вместе с тем и невозможность подвоза в армию и в города продовольствия приняли угрожающие размеры. В начале февраля на Северном фронте продовольственных запасов оставалось на 2 дня, на Западном перешли на консервы и сухарный паек, на Юго-западном солдатам выдавали только по 1 селедке в день, на Румынском положение было еще хуже. В глубоком тылу конечно были еще некоторые запасы (мука, мясо, жиры и т. д.), но их подвозить на фронт в силу полного расстройства транспорта удавалось лишь с большими перебоями. К общей усталости от войны, к моральному и физическому истощению плохо одетых и разутых рабоче-крестьянских масс русского фронта прибавился еще и голод. Дис-

---

[1] Указ Вильгельма о введении «неограниченной подводной войны с полной энергией» последовал 9 января 1917 г. как ответ на коллективную ноту держав Антанты от 30 декабря 1916 г., категорически отвергающую мирные предложения Германии, которые последняя делала через САСШ и ради которых тот же Вильгельм почти свел на-нет к концу 1916 г. действия германского подводного флота). *Ред.*

[2] Как раз к концу 1916 г. и началу 1917 г. развитие военной техники в России достигает своих производственных максимумов (в месяц); в октябре — 600 легких орудий, в ноябре — 150 млн. ружейных патронов, в декабре — 50 тяжелых орудий и 1 200 пулеметов, в январе 1917 г. — 30 000 винтовок и наконец в марте 1917 г. 120 000 артиллерийских снарядов. Начиная же с апреля 1917 г., кривая производства военной техники резко падает. *Ред.*

циплина с каждым днем падала, невыполнение распоряжений офицеров стало заурядным явлением [1].

Третий год тяжелой войны без видимых успехов, без надлежащей подготовки ее, с разрушенными кадрами, с погибшим опытным офицерским составом и с неоправдавшим назначения, в подавляющей его части, высшим командованием,—все это не могло не оказать воздействия на всю толщу армии. Армия, представляя собою к этому времени плохо обученную милицию, была к началу 1917 г. в действительности уже подорвана; недовольство внутри страны распространилось и на фронт, и события, долженствовавшие захватить страну, не могли не откликнуться широкой волной и в армии [2]. Но такое брожение в России носило еще скрытый характер и при составлении планов войны не принималось в расчет.

ПЛАНЫ АНТАНТЫ

Схема 40

Период составления предположений на 1917 г. прошел в державах Антанты при некоторой перемене лиц высшего командования, что невольно отразилось и на выработке планов кампании будущего года.

Во Франции, в связи с румынской катастрофой, произошла перемена в кабинете Бриана, а вслед за тем и падение самого кабинета и замена его министерством Рибо; почти одновременно, после многочисленных политических интриг, был сменен и ген. Жоффр, на место которого назначили генерала Нивеля. Но вместе с тем вновь ограничили его роль только Северо-восточным фронтом, т. е. войсками, действовавшими во Франции. Салоникский фронт опять получил самостоятельность. Таким образом главное руководство операциями снова перешло в руки военного министра, т. е. органа политического.

В Англии был образован под председательством Ллойд-Джорджа *Комитет войны* из первого министра и министров военного, морского, финансов и вооружения, т. е. род директории, долженствовавший изучать и быстро проводить в жизнь все вопросы, соприкасавшиеся с войной.

Общее же направление операций попрежнему оставалось в руках конференции в *Шантильи*. План Антанты сводился к скорейшему использованию своего превосходства в силах и в средствах для придачи кампании самого реши-

---

[1] Например, когда в 3-й армии вместо сахара выдали деньги, на которые ничего нельзя было купить, начались беспорядки, которые были усмирены расстрелами. «Люди отказывались итти в атаку, одного ротного командира подняли на штыки». (А. Зайончковский, Кампания 1917 г., Гиз, 1922 г., стр. 38.)

[2] В последней все чины, от рядового солдата до генерала, командующего армией, с большим вниманием следили за событиями, назревавшими в Петрограде, получая широкую информацию о всем происходящем как в Государственной думе, так и во дворце из наводнившей фронт легальной и нелегальной литературы. И если вся солдатская масса и часть рядового офицерства, уставшие от войны, ждали в нарастающих революционных событиях разрешения коренных политических вопросов и в первую очередь мира, то верхушка, из представителей интеллигенции, примыкавшей к правым партиям до кадет включительно, разрешение всех бедствий, переживаемых страной, видела в дворцовом перевороте, участниками которого должны были стать даже известные боевые генералы, как например Крымов и др. В кругах последних и известие об убийстве 30 декабря 1916 г. Распутина, этого конокрада и «святого старца», фактически назначавшего российских министров, было встречено с ликованием и чуть ли не как избавление от всех бед. *Ред.*

тельного характера. Поэтому на конференции в Шантильи 15 и 16 ноября был установлен переход в наступление на всех фронтах, с наибольшим количеством сил в самом начале 1917 г. с целью не упустить вновь инициативы из своих рук, а это могло бы случиться при откладывании наступления до весны, так как к этому времени должны были быть готовы у германцев их последние вновь формируемые 13 дивизий.

Ген. Жоффр подразделял кампанию 1917 г. на два периода: 1) зимний, состоявший в продолжении активных действий на всех фронтах, действий местного характера, направленных к тому, чтобы не дать возможности противной стороне ни нанести частного удара на любом из фронтов, ни выделить резервов для летней операции, и 2) летний, когда должно быть произведено широкое наступление на всех главных фронтах. На второстепенных театрах намечались действия, достаточные только для сковывания имевшихся там сил противника—с незначительным расходованием собственных сил.

В России на совещании главнокомандующих фронтами в Ставке 17 и 18 декабря 1916 г. был также установлен план действий на 1917 г., которым, во исполнение общего плана Антанты, было намечено: 1. В течение зимы производить частные операции на всех фронтах. 2. Весною произвести решительное наступление на Западном и Северном фронтах.

ДЕЙСТВИЯ НА РУССКОМ ТЕАТРЕ

СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ

Схема 41А

На Северном фронте частная операция была возложена на 12-ю армию в Рижском районе. В постановлении говорилось, что «если операция прорыва неприятельского фронта будет назначена после 15 апреля, единственным подходящим участком явится участок Плаканен—Берземюнде. Целью этой операции является выход на железную дорогу Крейцбург—Митава, чтобы, угрожая флангам и тылу якобштадтской и двинской групп противника, заставить последнего отойти от линии Западной Двины». Как частные операции, могущие быть исполненными только до 15 февраля и не требующие дополнительных сил, намечались—овладение выдвинутым участком неприятельской позиции на правом берегу р. Аа у оз. Бабит и попытка внезапным ударом прорвать расположение противника на участке Олай—Плаканен. Для этих операций фронт располагал 60 батальонами (латыши, 6-я особая бригада и VI Сибирский корпус) [1].

МИТАВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Схема 41Б

С о б ы т и я с 5 по 14 января [2]. Главнокомандующий Северным фронтом ген. Рузский решил прорвать 12-й армией фронт германцев и занять Митаву. Командующий 12-й армией в свою очередь приказал прорвать германский фронт «без выстрела». Начало наступления было назначено на

---

[1] Военноисторический архив, дело 703, стр. 407.

[2] Митавская операция, как связанная по времени с событиями, непосредственно предшествующими Февральской революции, и как ярко иллюстрирующая политико-моральное состояние войск одного из фронтов, и притом непосредственно прикрывавшего столицу, излагается более подробно. *Ред.*

5 часов утра 5 января 1917 г. Решительное наступление должно было произойти на участке д. Одинг. (западнее озера Бабит на левом берегу р. АА)—Олая (на Митавском шоссе).

В наступлении участвовали: VI Сибирский корпус, усиленный Латышской стр. дивизией, II Сибирский корпус, 6-я Особая бригада, усиленная одним полком 110-й дивизии и многочисленные батареи тяжелой артиллерии особого назначения. Главный удар наносил VI Сибирский корпус на участке Одинг (искл.)—лесн. Мангель (вкл.); правее, из района Одинг по левому берегу р. Аа, наступала 6-я Особая бригада, левее, вдоль шоссе на Митаву, должен был атаковывать II Сибирский корпус. На соседних участках было приказано произвести демонстративные действия. После прорыва укрепленной полосы все атакующие части должны были выйти на линию железной дороги Туккум—Митава—Крейцбург.

На атакованном участке германцы имели около $1\frac{1}{2}$ дивизий и многочисленную артиллерию. Позиции германцев были превосходно укреплены; особенной силой активного сопротивления отличалась первая линия.

Но германцы были застигнуты врасплох. Никаких резервов у них не было. Русские встретили сопротивление только на первой укрепленной линии, в последующих же линиях никакого сопротивления оказано не было.

Атака русских войск увенчалась полным успехом. Укрепленная позиция противника была прорвана VI Сибирским корпусом в двух местах. Латышская стр. дивизия прорвала всю укрепленную полосу германцев в районе лесн. Мангель и к полудню 5 января проникла в тыл противника, заняв район Скангаль—Граббе—Скудр. 14-я Сибирская стр. дивизия весьма удачно прорвала германские укрепления в районе Сарканайс и продвигалась в Митавском направлении.

На участках соседних частей наступление успеха не имело. 6-я особая бригада ходила в атаку несколько раз, но была рассеяна артогнем противника. В районе же Олая, на участке II Сибирского стр. корпуса, события приняли совершенно неожиданный характер. Дело в том, что в войсках 12-й армии давно уже шло глухое брожение на политической почве, но командование старалось ликвидировать инциденты. Так например VII Сибирский корпус под предлогом разложения дисциплины был переброшен на Румынский фронт. Митавское наступление подало повод к открытому мятежу. Инициативу взял в свои руки 17-й Сибирский стр. полк, который отказался итти в атаку и предъявил политические требования: конституционное правление с ответственным министерством. Часть войск II и VI сибирских корпусов присоединилась к 17-му полку. Знамя мятежа подняли простые солдаты. Главари мятежа, унтерофицеры и солдаты II и VI Сибирских корпусов, в числе 92 человек были преданы полевому суду и казнены, многие сотни солдат сосланы на каторгу. Наступление II Сибирского корпуса в районе Олая не состоялось.

Известие о мятеже разнеслось по фронту немедленно и на время парализовало порыв атаковавших войск. Прежде всего изложенные события в районе Олая отразились крайне неблагоприятно на ходе операции соседней, 14-й Сибирской дивизии (VI Сибирский корпус). Лишившись поддержки со стороны II Сибирского корпуса, полки названной дивизии также взбунтовались и начали откатываться в исходное положение. 55-й полк открыто перешел на сторону 17-го Сибирского полка. Полки 3-й Сибирской дивизии, оставленные в ближайших резервах, частью разбежались, побросав патроны.

Германцы, ликвидировав наступление 14-й Сибирской дивизии, собрали ударный кулак и сильным ударом в левый фланг Латышской дивизии заставили

последнюю очистить Скангаль и лесн. Мангаль. Только 2-я латышская бригада удержала в своих руках район Скудр—Граббе—Крастенский лес—болото Тируль. Успех германской контратаки на Скангаль и Мангаль объясняется тем, что 1-я латышская бригада при прорыве первой неприятельской линии и в лесных боях понесла большие потери и сильно расстроилась, а посланные ей поддержки опоздали. 2-я же латышская бригада отбила все германские контратаки и закрепилась в захваченном районе.

Ночной атакой на 7 января Латышская стр. дивизия, усиленная двумя сибирскими полками, ударом с тыла, со стороны Скудр на Силленек, заставила германцев очистить позицию «на правом берегу р. Аа у озера Бабит». Вслед за этим было приступлено к расширению плацдарма на левом берегу р. Аа и в митавском направлении.

Наступление 5 января сыграло роль усиленной рекогносцировки, обнаружившей катастрофическое положение 10-й германской армии: резервов не было, а фронт был прорван. Русское верховное командование могло схватить инициативу общего наступления на германском фронте в свои руки; для этого в Ставке должны были выйти из омертвелого состояния позиционной инертности. Начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Гурко хотел иметь «выход на железную дорогу Крейцбург—Митава, чтобы, угрожая флангам и тылу якобштадской и двинской групп противника, заставить последнего отойти от линии Западной Двины». Эти директивы ген. Гурко была выполнена.

Главнокомандующий Северным фронтом ген. Рузский сразу же понял не только катастрофическое положение 10-й германской армии, но и важные последствия этого непредвиденного обстоятельства и приказал развернуть операцию в армейском масштабе: овладеть Митавой и произвести вторжение в Курляндию. С этой целью он усилил 12-ю армию 38-й дивизией, переброшенной с фронта 5-й армии и обратился к наштаверху Гурко с просьбой о поддержке. Но все предложения ген. Рузского были отклонены ген. Гурко. 12 января наступательные операции были прекращены, войска начали закрепляться; работа по укреплению позиций была возложена на 38-ю дивизию.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В марте вспыхнула русская революция, свергшая в течение нескольких дней монархический строй в России и передавшая власть в руки Временного правительства.

В. И. Ленин в «Письмах издалека» («Первый этап первой революции») следующим образом характеризует условия образования этого правительства: «Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, «разыграна» точно после десятка главных и второстепенных репетиций; «актеры» знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия» [1].

Падением самодержавия в первую голову воспользовались представители буржуазии—кадеты, октябристы, создавшие «первое правительство от революции», которое Ленин характеризует следующим образом: «Это правительство—не случайное сборище лиц. Это представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещиков и буржуазии, который давно правит нашей страной экономически и который

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. I, стр. 5—6.

как за время революции 1905—1907 гг., так и за время контрреволюции 1907—1914 гг., как наконец — и притом с особенной быстротой — за время войны 1914—1917 гг. чрезвычайно быстро организовался политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военнопромышленные комитеты и т. д. Этот новый класс «почти совсем» был уже у власти к 1917 г., поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтоб он развалился, очистив место буржуазии. Империалистическая война, требуя неимоверного напряжения сил, так ускорила ход развития отсталой России, что мы «сразу» (на деле как будто бы сразу) догнали Италию, Англию, почти Францию, получили «коалиционное», «национальное» (т. е. приспособленное для ведения империалистической бойни и для надувания народа) парламентское правительство» [1].

Буржуазия создала правительство, но это правительство не было полновластно. Оно должно было вылиться в диктатуру буржуазии или диктатуру пролетариата. И В. И. Ленин в тех же «Письмах издалека» говорит так: «Рядом с этим правительством,—в сущности простым приказчиком миллиардных «фирм»: Англии и Франции, с точки зрения данной войны,—возникло новое, неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое рабочее правительство, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это—Совет рабочих и солдатских депутатов в Питере» [2].

Таким образом три силы определили положение, «создавшееся теперь и являющееся переходным от первого ко второму этапу революции» [3]. Этими силами являлись: разбитая, но не добитая царская монархия, буржуазное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов—этот «зародыш рабочего правительства, представитель интересов всех беднейших масс населения».

Естественно, что в обострившейся с первых дней Февральской революции классовой борьбе, ярко выявлявшей перерастание империалистической войны в гражданскую, армия пошла за той силой, которая, олицетворяла собой передовой авангард этих масс, т. е. за рабочим классом и его вождем—Российской социал-демократической рабочей партией (большевиков) во главе с Лениным, единственной партией, проводившей на деле политику, отвечающую интересам рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Прибытие в апреле в Петроград из эмиграции более 200 революционных деятелей с Лениным во главе; оглашение им 17 апреля (на другой день после своего прибытия), а затем опубликование 20 апреля в газете «Правда» знаменитых ленинских «апрельских» тезисов о задачах пролетариата в данной революции; апрельская Всероссийская конференция РСДРП (б), имевшая крупнейшее историческое значение, как оформившая большевистскую линию в условиях, сложившихся после Февральской революции, и наметившая пути пролетарской партии к Октябрю; работа военных организаций РСДРП(б) в армии, круг задач которых был определен еще на 1-й конференции этих организаций в 1906 г.,—все это предопределило постепенный охват большевиками своим влиянием армии.

Основная задача большевистских военных организаций заключалась в том, чтобы как можно скорее вырвать армию из-под влияния буржуазных и мелкобуржуазных партий. В апреле по примеру Петрограда и Москвы создались большевистские военные организации и в других местах, как-то: Рыбин-

---

[1] Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. I, стр. 9—10.
[2] Там же, стр. 10.
[3] Там же, стр. 10.

ске, Иваново-Вознесенске, Луганске, в Донбассе и т. д. В Финляндии и особенно в Кронштадте общепартийные организации в основном состояли из матросов и солдат. Наиболее широко была развернута работа в питерской военной организации большевиков. Но постепенно, на ряду с развертыванием работы военных организаций большевиков в указанных выше городах, эти организации начинают развивать такую же работу в окопах и землянках на фронте.

Съезд депутатов армий Западного фронта, происходивший в апреле 1917 г. в Минске, председателем которого уже тогда был избран большевик т. Позерн и на котором выступили такие представители РСДРП (б), как Лашевич, Ногин и Фрунзе, был одним из первых больших толчков в работе по этому направлению. Старая армия при этих условиях, естественно, разваливалась, несмотря на старания Временного правительства и его обоих военных министров Гучкова и Керенского остановить процесс разложения. *Масса не желала продолжать империалистическую бойню.*

При таких условиях Франция и в особенности Англия, первоначально видимо очень довольные происшедшей политической переменой в России, так как не без основания считали Временное правительство своим «приказчиком», и более послушным, чем была монархия, очень скоро разочаровались. Революция отнюдь не проявляла намерения сохранить тот буржуазный характер, который ей старались придать, и перерастала в революцию социалистическую, что становилось опасным для всего капиталистического мира.

Дезертирство после Февральской революции стало быстро расти и особенно с Северного и Западного фронтов, прикрывавших направление на Петроград и Москву, что видно из следующей таблицы:

СВЕДЕНИЯ О ДЕЗЕРТИРАХ РУССКОЙ АРМИИ ОТ НАЧАЛА ВОЙНЫ ДО ИЮНЯ 1917 Г.

	С начала войны до Февральской революции	После Февральской революции до 28 мая 1917 г.	С 28 мая по 28 июня 1917 г.	Примечание
Северный фронт	49 058	26 724	1 436 [1]	[1] Нет сведений с 28 мая по 14 июня.
Западный фронт	13 648	24 700	8 907	
Юго-западный фронт	64 529	18 921	6 190	
Румынский фронт	67 845	16 576	6 767	
Всего на русском Европейском театре . . .	195 080	85 921	23 300	[2] Нет сведений с 14 по 28 июня.
Кавказский фронт	6 304	3 759	1 072 [2]	
Итого	201 384	89 680	24 372	

По данным дежурного генерала Ставки главковерха дня междусоюзнической конференции.

Учитывая складывающуюся в России политическую обстановку, трудно было ожидать наступления русского фронта. Его до июля и не было. В июле же наступательный порыв был достигнут на короткое время, да и то лишь как отдельный эпизод, уже не повторявшийся до окончания войны.

ВЫСТУПЛЕНИЕ С.-А. СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Почти одновременно с революцией в России, что вызвало в скором будущем отпадение этого союзника и выход его из войны, Антанта была компенсирована выступлением на ее стороне нового мощного союзника—С.-А. Соединенных штатов. Присоединение САСШ являлось не только моральной опорой Антанты, но со временем должно было дать и реальную помощь ее армиям.

Основной причиной выступления САСШ на стороне Антанты было желание принять участие в предстоящем дележе награбленного вероятными победителями.

Официальным же поводом разрыва с центральным союзом Америки послужило объявление Германией 9 января неограниченной подводной войны. Однако реальная помощь со стороны Америки на Европейском театре могла последовать не ранее 1918 г., так что развал в 1917 г. русской армии намного улучшал в течение этого года положение центральных держав.

Ко времени вступления в войну Соединенных штатов там была плохо обученная отсталая регулярная армия, комплектовавшаяся вербовкой, численностью в 190 000 чел. Эта армия была разбросана маленькими отрядами по всей стране и не имела устойчивой организации. Национальная гвардия отдельных штатов, численностью в 123 000 чел., была еще слабее—солдаты призывались ежегодно всего на 24—30 дней, преимущественно для обучения стрельбе.

В марте в САСШ было опубликовано перехваченное письмо германского статссекретаря по иностранным делам к президенту Мексики с предложением напасть на Соединенные штаты, в случае если они объявят войну Германии, и с просьбой к Японии расторгнуть союз с Антантой и также напасть на Соединенные штаты. Вызванное письмом возбуждение еще более усилилось после получения известий о новых потоплениях американских судов. Все это было использовано Вильсоном, и 2 апреля 1917 г. он обратился к Конгрессу за разрешением признать вызов Германии как объявление войны и «принять немедленные меры не только для более полной защиты страны, но также с целью применить все ее могущество и все ее средства для того, чтобы привести германское правительство к падению и таким образом окончить войну».

Янки (конечно, за исключением части рабочего класса и многих германцев), и до того возбужденные против Германии ловкой политикой Англии [1], сочувственно встретили послание Вильсона «в защиту прав нейтральных государств и принципов человечности». Это почти всеобщее убеждение в справедливости войны, в которую Соединенные штаты вступали в интересах буржуазии, было одним из важнейших факторов, обеспечившим правительству быстрое создание сильной армии, предоставившим в его распоряжение все ресурсы богатого 105-миллионного народа и самой могущественной в мире промышленности.

РАЗДЕЛЕНИЕ КАМПАНИИ 1917 г НА ПЕРИОДЫ

В зависимости от свершившихся в России событий кампанию 1917 г. можно разделить на два периода.

Период первого полугодия, когда Россия спутала все карты Антанты и

---

[1] М. Покровский, Америка и война 1914 г. («Историк-марксист» № 13).

не могла начать на своем фронте условленного комбинированного наступления. В этот период происходило единоборство западных держав с центральными при бездействии на Русском театре.

Период второго полугодия, в начале которого разлагавшаяся русская армия сделала последнюю конвульсивную попытку наступления. Этот же период знаменуется продвижением армий центральных держав на некоторых направлениях в глубь России; оно не имело никакого оперативного значения, а дало только выигрыш территории, необходимой Германии в экономических целях питания войны и как залог приобретений для будущего мирного трактата.

ДЕЙСТВИЯ НА ФРАНЦУЗСКОМ ТЕАТРЕ

ПЛАНЫ АНТАНТЫ

Схема 43

Первоначальный план действий в 1917 г. на Французском театре был составлен еще генералом Жоффром и состоял в повторении удара по обе стороны р. Соммы одновременно с нанесением ударов на Русском, Итальянском и Балканском фронтах.

После ряда перегруппировок во время зимнего затишья *положение сторон* на Французском театре было следующее:

Союзники: От Ньюпора до Ипра искл.—французский корпус на побережье) и бельгийская армия. *От Ипра (включ.) до дороги Руа—Амьен*—5 английских армий. *От этой дороги и до Суассона искл.*—северная группа французских армий, состоявшая из 3-й и 1-й армий. *От Суассона и до Реймса вкл.*—резервная группа французских армий, имея 6-ю и 5-ю на фронте и 10-ю в резерве. В *Шампани и в Вердене, от Реймса до С. Миеля*—группа армий центра, из 4-й и 2-й армий. *От С. Миеля до швейцарской границы*—8-я и 7-я армии. Всего в англо-франко-бельгийской армии считалось около 4 500 000 чел. По подсчету Людендорфа—190 дивизий.

Германцы: На их правом фланге, *от моря до Суассона искл.*—группа кронпринца Баварского из 3 армий: 4-й—в Бельгии, 6-й—от бельгийской границы до Арраса вкл. и 2-й—от Арраса до Суассона искл.

От Суассона вкл. до Вердена вкл. группа кронпринца германского, имея 7-ю армию от Суассона до Реймса (вкл.), 3-ю—от Реймса до верховьев р. Эна и 5-ю—до Вердена включительно. Сюда же была перекинута с севера и 1-я армия, получившая участок между 7-й и 3-й армиями. *От Вердена искл. до швейцарской границы*—группа герцога Вюртембергского из трех армейских соединений с выступом у С. Миеля и далее почти по государственной границе.

Общую численность германских войск французы определяют на этом театре примерно в *2 700 000 чел.*, а Людендорф—в 154 дивизии. К этим цифрам следует впрочем относиться только как к отправным, так как германцы легко перекидывали свои войска с Русского на Французский фронт и обратно.

По общему плану ген. Жоффра атаку на французском театре начинают англичане между Аррасом и Бапомом; через несколько дней атакует северная группа французских армий между Соммой и Уазой. Через 2 недели после этого атакует 5-я армия из резервной группы между Суассоном и Реймсом или для развития успеха главного удара, наносимого англичанами и северной группой, или для самостоятельного прорыва, если атака главной массы захлебнется. Особой инструкцией Жоффра была указана и конечная цель наступления, а

именно—поражение германских вооруженных сил, которое подразделялось на два акта—прорыв фронта и самое энергичное его использование для довершения дезорганизации противника. Одновременно итальянцы должны были атаковать на Изонцо, а русско-румынская и салоникская армии—наступать на Балканах с целью вывести из строя Болгарию.

Вместе с заменой ген. Жоффра ген. Нивелем был изменен и план операций на Французском театре. 25 января 1917 г. он вылился в следующую определенную форму.

Вся операция разделяется на 3 периода: 1. Разбить возможно большие силы противника, удерживая остальные на занимаемых ими местах. 2. Выкинуть вперед маневренную массу с целью задержать и разбить неприятельские резервы. 3. Развить и использовать достигнутые успехи.

Средствами для этого должны служить:

а) Английская атака в направлении на Камбре и наступление северной французских войск (резервная группа армий) противника на р. Эн и действия собой наибольшее количество неприятельских сил. б) Прорыв главной массой французских войск (резервная группа армий) противника на р. Эн и действия по неприятельским войскам, связанным первой группой. в) Развитие действий на остальных участках фронта, чтобы ускорить расстройство неприятеля.

Атаки англичан и северной французской группы должны предшествовать атакам на Эне, чтобы облегчить действия ударной группы по неприятельским тылам. Поэтому англичане атакуют на 4—5 дней раньше северной группы, а уже вслед за атакой последней должна была начаться атака главной ударной группы.

Одновременно среди держав Антанты был сделан шаг, который давно напрашивался, а именно, оперативное командование союзными армиями было объединено на Французском фронте на известных условиях в руках генерала Нивеля. Начало наступления было намечено на первые числа апреля.

ОТХОД ГЕРМАНЦЕВ НА ПОЗИЦИЮ ЗИГФРИДА (ГИНДЕНБУРГА)

Но в то время, когда во французской Главной квартире шли работы по выработке плана операции, германцы спутали все карты французов, неожиданно отойдя 17 марта на заблаговременно подготовленную позицию по всему фронту от Арраса до Вайи, что на р. Эн. Этот отход был произведен как следствие решения германцев перейти к обороне, с целью вывести занимавшие выступ у Нуайона войска из опасного положения, и, сократив фронт, получить возможность выделить резервы. Французы прозевали отход противника, и начатое 3-й армией преследование германцев ничего не дало и было остановлено перед новой их позицией.

ПЕРЕМЕНА ПЛАНА АНТАНТЫ

Схема 43

Отход германцев на более сильную и удобную для обороны позицию, русская революция, которая вызвала отказ со стороны нового русского верховного главнокомандующего Алексеева предпринять наступление ранней весной, и выступление Америки, которое сулило реальную помощь армиям Антанты только в будущем—заставили французское правительство задуматься о том, не следует ли и ему с своей стороны отложить наступление на Французском фронте.

После ряда дебатов, едва не повлекших за собой отставки ген. Нивеля, наступление на Французском и Итальянском фронтах было решено начать в апреле, так как германцы не могли еще в это время снять войска с Русского фронта, а мирные тенденции Австрии, проявившиеся уже в начатых ею тайных переговорах с Францией, могли после поражения на Итальянском фронте окончательно вывести эту страну из строя сражавшихся. Однако это правильное решение французского командования—наступать—было сковано указанием правительства прекратить наступление, если прорыв фронта не будет достигнут в течение 48 часов.

Отход германцев естественно вызвал перегруппировку французских войск и изменение первоначального плана, который в конце концов вылился в следующую форму.

Главный удар наносит «группа резервных армий», которая должна была прорвать неприятельский фронт между Реймсом и Энским каналом в общем направлении на Гирсон (Hirson), Вервэн и Гиз; причем 5-я и 6-я армии предназначались для прорыва фронта, а 10-я и 1-я армии (последняя была перекинута из северной группы армий)—для эксплоатации прорыва. Этот главный удар развивают справа 4-я армия, атакующая между Реймсом и р. Сюип в общем направлении на Вузьер и Аттиньи, а слева группа северных армий, атакующая к югу от С. Кентена.

Второстепенный удар наносили 3-я и 1-я английские армии, прорывая фронт Живенши (Givenchy)—Кеан (Quéant) и развивая успех в направлении Камбре—Дуэ. В случае *эксплоатации* удавшегося прорыва английские армии наступают на Монс и Валансьен; северная и резервная группы армий на фронт примерно Седан—Гирсон и группа армий центра—южнее этой линии. Прорыв начинают англичане, за ними через 3—4 дня группа резервных армий, а на день позднее ее 4-я армия.

Всего в операции принимало участие со стороны только французов 1 400 000 чел. при 5 000 орудий, из которых половина тяжелых, и 200 танков. Число сосредоточенных для операции снарядов равнялось 33 миллионам [1].

Вместо захвата в клещи германского выступа у Нуайона, что составляло суть первого плана, здесь мы встречаемся с прорывом центра неприятельского расположения между морем и Верденом, прорыва на широком фронте во образе клина, острый угол которого составляли ударные армии резервной группы. Этому прорыву содействовала второстепенная атака англичан.

ХОД ОПЕРАЦИИ

Схема 43

Атаку, как и следовало ожидать, согласно утвержденному плану, начали англичане главной своей группой (1-я и 3-я армии) на фронте в 44 *км* между Суше и Круазиль. *9 апреля,* после 48-часовой подготовки артиллерийским огнем (англичане здесь сосредоточили до 4 000 орудий, т. е. почти столько же, сколько французы на более широком фронте) и горячего сражения в воздухе,

[1] Более точно количество артиллерийских орудий и снарядов и плотность насыщения артиллерией у союзников выражалась следующими цифрами: на фронте 40 *км* находилось — 75-*мм* орудий — 2 000, что составляло 1 орудие на 20 *м* фронта. Тяж.—1 930, что составляло 1 орудие на 21 *м* фронта, транш.— 1 650, что составляло 1 орудие на 25 *м* фронта. Всего орудий — 5 580. Запас снарядов: легких 24—млн., тяжелых — 9 млн.

во время которого было сбито 28 английских и 46 германских аппаратов [1], предшествуемые танками, англичане сбили передовые дивизии противника, заняли его артиллерийские позиции и высоты, командовавшие всем ближайшим расположением германцев [2].

Тонкое расположение германцев было прорвано, резервы подавались ими сюда с запозданием и мелкими частями на автомобилях, и положение для них могло бы стать критическим, если бы англичане немедленно развили здесь свой первоначальный успех. Но этого не случилось, и дальнейшее продвижение их сопровождалось упорным сопротивлением усилившегося противника, так что к *17 апреля* они продвинулись только до линии Лоос, западнее предместья Ленца и Рё (Roeux), Ванкур, Круазиль.

12 апреля к северу от С. Кентена начала атаку и 4-я английская армия; продвинувшись к 17 апреля от Гермиса до С. Кентена, она несколько вклинилась в первую линию германских позиций и охватила С. Кентен с севера.

Между тем начало главной атаки (группы резервных армий) было отложено французами ввиду дурной погоды до *16 апреля*. Атака эта должна была вестись 6-й армией (14 пех. дивизий) от Воксайона (Vauxaillon) до Гёртебиза (Heurtebise), нанося удар в обход сильного узла германской позиции у Конде 1 корпусом слева на Муази и 3 корпусами на фронте в 15 *км* от Субиза до Гёртебиза. Правее 6-й армии атаковала 5-я (14 пех. дивизий) на фронте в 25 *км* от Гёртебиза до Курси. Когда обе эти армии прорвут фронт, то они должны были раздаться влево и вправо и пропустить 10-ю армию (12 пех. дивизий и 1 кав. корп.), которая наступает в северном направлении на р. Серр, выкидывая вперед кавалерийский корпус. 17 апреля должна была начать атаку 4-я армия, которой ставилась задача завладеть возвышенным массивом Моронвиллер.

По количеству собранных здесь войск, артиллерии, снарядов, авиационных средств и танков атака французов между Суассоном и Реймсом представляла собой наиболее грандиозное предприятие за всю войну. Естественно, что французы могли ожидать полного успеха от прорыва и быть уверенными в развитии его в большую стратегическую победу. Но надежды французов не оправдались. Длительные приготовления и политические дебаты, вызванные обсуждением этого наступления, совместно с 10-дневной артиллерийской подготовкой [3], отняли у них все выгоды неожиданности, а дурная погода лишила французские войска участия сильной авиации.

Французское наступление, веденное густыми массами, захлебнулось, причем удалось захватить только первую и отчасти вторую линию укреплений, а третья и четвертая оказались неразрушенными. При атаке французы были встречены массой пулеметов, быстро выставленных местами в открытом поле. Танки не смогли достигнуть третьей линии германских укреплений.

Ген. Ниввель отказался от надежды развить стратегический успех и ближайшей задачей в дальнейшем поставил достижение тактического успеха, а именно завладение наиболее важными участками неприятельской позиции: Шмен-де-дам (Chemin des Dames), Краон, холм форта Бримон и Моронвиллер. Атаки на Французском и Английском фронтах последовательно про-

---

[1] К этому времени в Германии было уже 140 авиаотрядов и 37 эскадрилий истребителей.

[2] При выполнении плана Жоффра англичане должны были вести свою операцию 56 дивизиями, но после отступления германцев на позицию Зигфрида 5-я армия участия в наступлении не принимала.

[3] По Людендорфу артиллерийская подготовка продолжалась сутки.

должались еще в несколько приемов, перемежавшихся с сильными контратаками германцев, до второй половины мая, т. е. более месяца. Германцы сосредоточили в угрожаемый район, по французским источникам, до 90 дивизий.

Англичане атаковали 23—28 апреля и 3—5 мая; резервная группа французских армий продолжала свои атаки до 25 апреля и возобновила их 4 и 5 мая; 4-я армия постепенно развивала их до 20 мая. Но все эти атаки местами улучшили только тактическое положение союзников, передав в их распоряжение несколько хороших опорных и наблюдательных пунктов.

К концу мая линия союзников на всем фронте продвинулась на следующих участках, начиная с правого фланга района весенней операции: в районе Моронвиллера им удалось занять возвышенный массив к югу от этого пункта, между Водензанкур (Vaudesaincourt) и Ррюней (Prunay) (схема 41а).

В районе Реймс—Суассон они продвинулись на правом фланге на линию Бетени (Bétheny)—Курси—Луавр—Сапиньоль, оставив в руках германцев весьма важные командующие высоты западного берега р. Сюип; в центре им удалось отчасти завладеть важным массивом Шмен-де-дам и выступом, подходившим к Суассону, по линии Краон (еще севернее они завладели важным командующим пунктом Калифорнии)—Серни—Мулен—Муази; на английском фронте к северу от С. Кентена на Файет (Fayet)—Лендюиль (Lendchuile)—Гермис и далее от Бюллекура западнее Ре (Roeux на Френуа (Fresnoy) и западнее Ленца на Лоос.

В дальнейшем здесь было решено перейти к атакам местного характера, имевшим целью удерживать перед собой силы противника и набирать средства для новой операции. Наиболее существенным актом из этих частных наступлений была атака 2-й английской армией германского выступа у Ипра. Атака была отлично подготовлена могущественной и длительной артиллерийской подготовкой и сопровождалась взрывом 20 горнов. В результате *7 июня* англичане продвинулись здесь от Армантьера на Пашендейль (Paschendaële) до Диксмюде, отбили все контратаки противника и значительно улучшили свое положение у Ипра.

Операция, предпринятая с силами и средствами, не встречавшимися до того времени, против противника, безусловно слабейшего, кончилась занятием нескольких выгодных тактических пунктов, не изменив ни в чем стратегического положения сторон. Германцы свидетельствуют, что положение их было временами критическое; англичане совершенно прорвали фронт в первый день атаки, но приостановились и этим упустили время для достижения существенного успеха. Французское командование было связано вмешательством правительства, находившегося под влиянием политических партий, которые поставили условием прекратить операцию, если в течение 48 часов прорыв не удастся, и ген. Нивель, естественно, был лишен того морального равновесия, которое ему было необходимо для доведения дела до конца, в особенности при первоначальной неудаче. Дурная погода, лишившая французов участия воздушных наблюдателей и вообще воздушного флота, усугубила невыгодные условия атакующего.

Но главная причина неудачи заключалась все-таки в трудности современной атаки, которая требует сосредоточения атакующим такого количества боевых средств и такого методического и связного расходования их, которое радикально отличает бои позиционной войны от маневренной. И по результатам и по характеру боя невольно напрашивается сравнение между только что описанной операцией и атаками русских на Стоходе летом и осенью 1916 г. На Западе мощное преимущество в технических средствах

атаки над обороной; на Русском фронте такое преимущество было на стороне оборонявшегося, но характер боя и результаты его в обоих случаях были одинаковы. Нельзя поэтому не согласиться с германцами, что победа в данном случае, хоть и случайно, вновь оказалась на их стороне. Русская революция сыграла в этом отношении, по словам Людендорфа, главную роль, так как дала возможность снять с Русского фронта необходимые средства.

ПОСЛЕДСТВИЯ ОПЕРАЦИИ

Те повышенные ожидания, которые французский народ и армия соединяли с весенней операцией, неудача ее и большие потери должны были вызвать естественную реакцию, которая и выявилась в смене главнокомандующего, в принятии нового принципа ведения войны и в упадке дисциплины и духа во французской армии. 16 мая ген. Нивель был заменен на своем посту ген. Петеном (Pétain); англичане воспользовались этим случаем и, недовольные ходом операции, вновь восстановили свою оперативную самостоятельность.

Военный министр Пенлеве (Painlevé) объявил с трибуны (7 июля) о том характере, который французское правительство решило придать войне. *Это должна быть война техники во всех ее видах, которая должна дать все, что можно из нее выжать, «не требуя невозможного от человека».* Такой способ давал, по словам французского министра, возможность стоять на месте и оставаться сильными до будущих сражений, к которым французы подготовят многочисленную армию, снабженную мощной тяжелой артиллерией. Откровенность Пенлеве совпала, как увидим ниже, с развитием наступления на Русском фронте и позволила германцам с легким сердцем перекидывать туда дивизии с Французского фронта.

Массовое движение против войны шло широкой волной и во французской армии. Утомление войной, пример России, неудача только что окончившегося наступления и большие потери наступающих были причиной широко разливщегося недовольства в армии и привели к упадку в ней духа и дисциплины: в *16 корпусах они вылились в открытые возмущения* [1], *в некоторых из них образовались советы солдатских депутатов.* Однако ген. Петену удалось в течение лета суровыми и кровавыми мерами восстановить дисциплину в войсках и вернуть им боеспособный характер.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕАТР

Схема 42

На основании состоявшегося в ноябре соглашения в Шантильи итальянцы должны были принять участие в общем одновременном весеннем наступлении армий Антанты, причем им была предоставлена свобода в выборе фронта их активных действий. Но согласовать наступление англо-французов и итальянцев во времени не удалось. Ген. Кадорна в течение всего апреля, когда на Французском фронте шли ожесточенные бои, решавшие участь операции, бездействовал, ожидая без всякого для этого основания наступления австрийцев в Трентино. И только в половине мая, убедившись в безопасности со стороны Трентино, он решил начать свою наступательную операцию, т. е. в то именно время, когда судьба англо-французского наступления была уже решена.

---

[1] Лозунгами восставших были: «долой войну, долой бойню».

План ген. Кадорна заключался в бомбардировании всего Австрийского фронта от Тольмино до моря, в демонстративной атаке к северу от Горицы и в нанесении главного удара на Корсо, т. е. в наиболее важном триестском направлении.

12 мая началась мощная артиллерийская подготовка, а 14-го и наступление итальянцев (3-я армия) со стороны Горицы и Плавы. Здесь атакующий завладел горами Кукко, Водице и западными отрогами горы Санто, на чем успех итальянцев и остановился.

Австрийцы ожидали итальянского наступления на Корсо, почему были мало готовы для встречи его севернее Горицы.

19 мая австрийцы, желая отвлечь итальянцев с восточного направления, произвели ряд контратак в Трентино на Азьяго; эти контратаки имели незначительный успех и 22 мая прекратились.

После этого итальянцы начали 23 мая наносить свой главный удар на Корсо. Здесь была сосредоточена почти вся тяжелая артиллерия 3-й армии; со стороны моря атаке содействовала судовая артиллерия, и, кроме того, 130 аэропланов приняло участие в бою. Итальянцам удалось здесь, в десятой битве на Изонцо, завладеть первой и отчасти второй линией австрийских укреплений и западными склонами горного массива Гермада, этой естественной цитадели на пути к Триесту. В дальнейшем действия приняли здесь местный характер, и таким образом и на этом фронте успехи Антанты имели исключительно тактическое значение.

БАЛКАНСКИЙ ТЕАТР

Схема 39

На Салоникском фронте. Первая половина года не выявилась какими-либо заметными операциями. Командование все еще сохранялось в руках ген. Саррайля, выдвинутого на этот пост скорее комбинациями политического характера, чем его военными способностями. Ни руководства операциями, ни подготовки и надлежащего обеспечения фронта с его стороны не было. Поэтому здесь весною 1917 г. ничего серьезного и не было сделано. В марте—мае Саррайль предпринял частную наступательную операцию в долине р. Черна. Он выбрал для наступления самый дикий и трудно доступный участок фронта, и операция прошла неудачно. Другая операция, больше дипломатического характера, а именно обеспечение тыла оккупационной армии со стороны Греции, кончилась для Антанты более успешно. Король Константин был в июне изгнан, и англо-французы стали твердой ногой на греческом полуострове.

РУССКИЙ ТЕАТР. БОРЬБА ЗА МИР

Русская революция шла после свержения монархии полным ходом. Она сразу же приняла совсем не тот характер, который от нее ожидали и высшие генералы и представители господствовавшей крупной буржуазии. Последние в своей «революционности» дальше дворцового переворота не шли и видели в революции лишь средство для доведения *«войны до победного конца»*. В то же время вся страна и в первую очередь вся уставшая солдатская масса жаждали мира и под большевистским влиянием все более и более проникались сознанием, что без свержения буржуазии невозможно добиться ни мира, ни решения вопроса о земле и т. д.

Классовая борьба всей силой обрушилась на армию, которую с одной стороны тянули к продолжению войны до победного конца, а с дру-

гой—к скорейшему заключению мира без аннексий и контрибуций. Если прибавить к этому работу двух весьма неудачных военных министров Гучкова и Керенского и ряда выдвинутых ими генералов явнореакционного толка, балансировавших между двумя полюсами разгоравшейся внутренней в армии борьбы, то картина русских вооруженных сил того времени будет ясна. И понятно, что она не давала никакой возможности предпринять наступательные операции в большом размере.

Таковых в первую половину 1917 г. и не было. Армия перестраивалась или, вернее сказать, разваливалась, так противоположны были те два полюса, которые слабая, не чувствовавшая почвы под ногами, власть хотела соединить вместе. Только в июне Керенскому удалось временно объединить часть армии в наступательном порыве, что и повело, как увидим ниже, к июльским атакам.

Пока же вся забота русского командования сводилась, кроме внутреннего переустройства армии, к насыщению войсками Северного фронта, прикрывавшего Петроград. Формально это проводилось будто бы для прикрытия Петрограда от возможности занятия его германцами. Фактически же войска стягивались к столице для борьбы с большевиками.

В то же время германское командование и не собиралось предпринимать на Русском фронте каких-либо операций, боясь, что наступление их может остановить развал русской армии. Наивно приписывая развал русской армии себе, оно не препятствовало развивавшемуся на фронте братанию, не понимая еще всего революционизирующего значения последнего не только для русского солдата, но и для германского.

АЗИАТСКО-ТУРЕЦКИЙ ТЕАТР

Схема 26Б

Если в 1915 и 1916 гг. главные действия на Азиатско-турецком театре развивались преимущественно в северной его части, на Кавказском фронте, то с 1917 г. они всецело переносятся на юг, в Месопотамию и в Сирию. Причина такого перемещения центра тяжести событий—революция в России, выход ее из активного участия в войне и постепенно изменяемый англичанами характер операций против Турции.

Английские операции приняли здесь совершенно специфический характер, так как англичане в области политики действовали не только против турок и германцев, но и против своих союзников. Этим и можно объяснить как нежелание их в 1916 г. войти в связь с русским экспедиционным корпусом в Персии, так и щедрое назначение им в 1917 г. сил и средств на азиатский театр. Французы справедливо упрекали англичан в том, что они не руководствовались общей целью скорейшего окончания войны, что могло бы быть достигнуто сосредоточением наибольшего количества сил на Французском театре против главного противника, а чисто эгоистическими интересами подготовки необходимого базиса для своей колониальной политики.

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ

Схема 26В

В рассматриваемый период, как говорилось выше, ни официальное правительство, ни высшее военное главнокомандование еще не уловили харак-

тера революции и принимали ряд неудачных мер с целью заставить взбаломученную народную массу продолжать войну. Все внимание главного командования было обращено на Австро-германский фронт, где в установленный на конференциях в Шантильи срок было назначено наступление русских армий. Командованию на Кавказе было предоставлено начать ту операцию, которую оно признает наиболее выгодной в данных условиях. В это время происходили перемещения в управлении кавказской армии: Юденич, назначенный после революции главнокомандующим на Кавказе вместо Николая Николаевича, был в начале лета отрешен и отозван с Кавказа; в главное командование вступил недавно назначенный командующим армией ген. Пржевальский, бывший до революции в течение 2 лет командиром II Туркестанского корпуса.

При Пржевальском и началась подготовка к новой операции. Так как в Армении очередных задач не было или, вернее, выполнение их, как мы уже видели, сделалось невозможным, то еще зимой было заключено с англичанами соглашение о совместных действиях, по которому кавказская армия должна была, «как только растает снег на горах Курдистана», начать наступление на Моссул. Во исполнение этого и было приступлено к подготовке операции от Урмийского озера через Ревандуз на Моссул. Это наступление признавалось тем более желательным, что имелись сведения о подготовке турок к кампании по обратному взятию Багдада, который был занят весной англичанами. Однако план подготовки Моссульской операции не был доведен до конца и вылился только в подготовительные работы по устройству коммуникации через Урмийское озеро и далее, к турецкой границе. Осенью уже многие части Кавказской армии были отведены в тыл, откуда отправлялись на Северный Кавказ, и к зиме фактически фронта уже не существовало.

ДЕЙСТВИЯ В ПЕРСИИ

Схема 26Б

Успешная операция англичан против Багдада вызвала новое наступление русского экспедиционного корпуса с целью войти в связь с англичанами. Это наступление началось весной, и в результате его русские в апреле на моссульском направлении заняли Сулеймание, на багдадском—Кериnд, а затем вошли в связь с англичанами в Кизил-Рабате. Дальнейшего развития русское наступление не получило, и постепенно еще летом части экспедиционного корпуса, составленные почти исключительно из кубанских и терских казаков, стали главной массой отходить через Казвин для дальнейшего следования в Россию.

МЕСОПОТАМСКИЙ ФРОНТ

Схема 26Б

К 1917 г. подготовка англичан для наступления на Багдад, длившаяся со времени их разгрома под Кут-эль-Амара, закончилась. По обоим берегам р. Тигра были проведены легкие железные дороги; в дополнение к ним была выстроена особая флотилия. 2 000 *га* земли были обращены под огороды, были заведены фермы со скотом и птицей и выстроены заводы для выделки сельтерской воды и льда. После такой подготовки, проведенной не только основательно, но и роскошно, армия генерала Мода, в составе 6 пех. и 1 кав.

дивизии, богато снабженных техникой, перешла в конце декабря 1916 г. в наступление против турок, имевших здесь 5 дивизий I и III корпусов.

В половине февраля Мод атаковал турецкую позицию в районе Кут-эль-Амара—Санна-и-ят, и турки, боясь быть отрезанными со стороны Евфрата действовавшим здесь английским отрядом, очистили 26 февраля Кут-эль-Амара и отступили к Багдаду. Англичане, развивая свой успех, сбили турецкие арьергарды и без особого сопротивления заняли 17 марта Багдад, выдвинув передовые части к Бакубе, Самарре и Рамада.

Продвижение англичан заставило германско-турецкое командование обратить особое внимание на Месопотамию, а прекращение активных действий русских на Кавказском фронте дало возможность им приступить к подготовке операции для обратного взятия Багдада (так называемая «кампания Ильдерим»). Для руководства этой кампанией германское командование выделило штаб фронта с Фалькенгайном во главе и организовало особый «Азиатский корпус». Но неналаженность сообщений, общая турецкая разруха и легкомыслие Энвера-паши, панисламистические тенденции и авантюризм которого толкали его на Кавказ,—все это не позволило провести действительную подготовку; «Ильдерим» оказался пуфом, и германские части были отправлены в Сирию. На Месопотамский фронт были двинуты незначительные подкрепления, которые были разбиты англичанами на среднем Тигре в конце апреля, и турки отступили к горному хребту Джебель-Хамрин, на половине расстояния между Багдадом и Керкуком.

СИРИЙСКИЙ ФРОНТ

Схема 26Г

Здесь англичане, так же как и в Месопотамии, задались планами широкого захвата территории, которая могла бы остаться за ними по окончании войны. К концу 1916 г. англичане сосредоточили для действий на Сирийском фронте 13 пех. и 1 кав. дивизий, закончили подготовку тыла на Синайском полуострове и провели железную дорогу от Суэцкого канала вдоль побережья. В начале 1917 г. англичане решили перейти в наступление и 26 марта произвели неожиданную атаку на Газу, но она была отбита турками. В середине апреля атака против Газы была повторена; турки, усилившие свое положение после первой атаки и ободренные ее результатом, успешно отразили и вторую атаку, и англичане вновь потерпели поражение. После этих неудач англичане прекратили попытки к наступлению, и действия на фронте временно замерли.

В это время на Французском фронте операция Нивеля потерпела неудачу; в английской политике получило преобладание мнение, что положение на этом фронте зашло в тупик и что поэтому Англия должна смотреть на Восток как на объект компенсации за жертвы, понесенные ею на Западе: поэтому было решено сменить командование в сирийской армии и приступить к тщательной подготовке новой осенней кампании с целью овладеть Палестиной, которая, таким образом, явилась объектом действий ближайшего времени.

ВОЙНА НА МОРЕ

Карта 2

После Ютландского сражения германский флот больше не пытался выходить в море, а положение германской армии сделалось чрезвычайно тяжелым, и постепенно в Германии пришли к убеждению, что следует возоб-

новить «беспощадную» подводную войну. В основном расчет германцев был очень прост: англичане к 1917 г. располагали тоннажем примерно до 16 млн. *т;* из них 7 млн. были нужны для военных потребностей, остальные 9 млн. *т* были необходимы для жизни страны в течение года. Если удастся уничтожить большой процент из общего тоннажа, а нейтральные суда из боязни быть потопленными прекратят свои рейсы в Англию,—то дальнейшее продолжение войны станет для последней невозможным.

Поэтому с 1 февраля германцами вновь была начата неограниченная подводная война: в первый же месяц одними подводными лодками было потоплено судов общим тоннажем в 781 500 *т* против 439 500 *т,* потопленных за январь. В дальнейшем количество потопленных судов быстро росло: в марте—885 000 *т,* в апреле же тоннаж их достиг максимум—1 091 000 тонн, т. е. почти равного тоннажу (1 125 000) за весь 1916 г. Потери в тоннаже создали серьезную угрозу и вынудили адмирала Джеллико заявить, что если только «темп подводной войны» не изменится для Англии к лучшему, то предел ее выносливости будет достигнут к 1 ноября. В то же время германская «фландрская миноносная флотилия» оказывала поддержку подводным лодкам, производя набеги на союзные порты. На действия подводных лодок англичане ответили целым рядом мер, в том числе бомбардировками германских баз. Из таких бомбардировок можно отметить жестокую воздушную бомбардировку Зеебрюгге и Остенде.

Однако это мало влияло на деятельность подводных лодок, и только вступление в войну Соединенных штатов изменило «темп подводной войны». Дело было не в увеличении сильным американским флотом и без того могущественных морских сил Антанты, а в тех мерах, которые приняла Америка по отношению к подводной войне: было организовано конвоирование транспортов и наложены аресты на грузы, идущие в нейтральные страны, откуда Германия приобретала продукты питания. В результате такого ареста Швеция не только не могла больше снабжать Германию, но сама начала испытывать недостаток продовольствия, и в результате же подводной войны голод в Германии стал ощущаться острее. Опять начались колебания в характере ведения подводной войны, что сказалось и на тоннаже потопленных судов, который в мае снизился до 869 000 *т,* в июне вновь поднялся до 1 016 000 *т.* С июля же подводная война по многим причинам начинает итти на убыль: во-первых Германия начинает терять веру в победу; во-вторых подлодки неудачно действуют против конвоирующих американских судов; в-третьих в Норвегии проваливается шпионская организация, которая снабжала германские подлодки сведениями о судах; в-четвертых лучше организовываются и усиливаются меры борьбы с подлодками. Все эти причины привели к положительным для Антанты результатам, и в конце года число потопленного тоннажа уменьшилось до 700 000 *т* в месяц, а к сентябрю 1918 г. до 300 000 *т.* Таким образом надежды Германии на подводную войну не оправдались, и как орудие победы это средство войны было окончательно скомпрометировано.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОБ ИСТЕКШЕМ ПЕРИОДЕ

В 1917 году обе коалиции вступили в войну с определенным перевесом сил и средств на стороне Антанты, которая, если судить только по этим данным, могла рассчитывать на победоносное окончание войны в этом году. С дру-

гой стороны центральные державы ясно сознавали, что война ими проиграна, почему и приступили для удовлетворения общественного мнения своих стран к мирным переговорам, но в таком виде, который обеспечивал военной партии уверенность в их неудачном исходе. Им оставалось надеяться только *на случай*, который рисовался в очень определенной форме революционного движения в странах враждебной коалиции. В этом отношении особенное внимание их привлекала Россия. Проблематические мечты Фалькенгайна и Людендорфа 1915 г. грозили осуществиться и осуществились, разрушив стройный план Антанты.

Первая половина 1917 г. проходит под знаком широкой политической борьбы внутри воюющих держав, не остававшейся в тайне от врагов, а потому вызывавшей с их стороны особое старание усилить и использовать эту внутреннюю борьбу в своих целях, и она входит определенной оперативной данной в дальнейшие их предположения.

Россия, Австрия, Болгария и даже Германия и Франция испытали на себе это возмущение утомленных длительной войной народных масс. В расчеты военного командования широкой волной входит новая данная, которая год спустя и дала победу одной стороны над другой. Но пока в 1917 г. она легла всей своей тяжестью на Антанту, разрушив ее планы и отодвинув решение мировых проблем на $1\frac{1}{2}$ года.

Центр тяжести операций этого периода лег исключительно на англо-французов, которые задумали операцию в очень широких размерах, сосредоточив небывалые до этого силы и средства, но не достигли поставленной себе задачи. Европейские армии находились еще в периоде исканий приемов борьбы при условиях современной техники и позиционной войны.

С большим трудом налаженные зачатки единого управления дали трещину, и такового не было не только между французским, салоникским и итальянским театрами, но и между англо-французами, дравшимися на одном фронте.

Со стороны германцев можно отметить своевременный и удачный отход их на тыловую позицию.

Впервые в операциях принимает участие воздушный флот в тех размерах и в той роли, которая делает его важным боевым фактором полей сражений.

Французским правительством выдвигается доктрина борьбы техникой, борьбы на истощение.

Этот период подорвал силы обеих сторон, что особенно болезненно отразилось на армиях центральных держав, но не улучшил стратегического положения сторон. Он показал, что в 1917 г. война не будет окончена.

Соединенные штаты в этот период войны оказывали державам Антанты только моральную и материальную помощь, так как первые незначительные еще силы их высадились в Европе только в июне. Вслед за Соединенными штатами выступают на стороне Антанты Аргентина, Чили и постепенно почти все внеевропейские государства, как союзные или входящие в коалицию. В связи с этим средства и материальные силы Антанты значительно увеличиваются.

В этот период в Соединенных штатах началась грандиозная работа по созданию армии, не уступавшая таковой же работе в Великобритании в 1914 и 1915 гг. В результате этой работы, из регулярной армии в 190 000, не имевшей соединений свыше полка, и из 150 000 Национальной гвардии американцы к 1 ноября 1918 г. создали регулярную армию в 180 000 офицеров и 3 500 000

солдат. Эта армия была снабжена, организована и управляема наподобие старых европейских армий. Ее бойцы были сведены в сильные дивизии (28 000 каждая) и корпуса (133 000 каждый).

2 млн. американских солдат было перекинуто в Европу, но это относится преимущественно к 1918 г.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ПЕРИОД ИЮЛЬ—ДЕКАБРЬ

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ДЕЙСТВИЙ.

Из тех событий, которые развернулись в первой половине 1917 г., и из хода операций этого периода нужно уже предвидеть, что вторая половина года не сулила Антанте возможности достигнуть комбинированных действий на всех театрах. И они, действительно, вылились в форму отдельных мало связанных друг с другом операций, которые можно примерно подразделить на две группы—до половины сентября и до конца года.

РУССКО-РУМЫНСКИЙ ФРОНТ

ИЮНЬСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Схема 44

6 мая в России происходит первый сдвиг Временного правительства «влево»: вместо чисто буржуазного правительства князя Львова образовывается коалиционное министерство [1]. Портфель военного и морского министра получает Керенский. Начинается лихорадочная подготовка к активным действиям на фронте. Керенский переезжает из одной армии в другую, из одного корпуса в другой и ведет самую бешеную агитацию за общее наступление. Лицемерная революционная фраза потекла обильной рекой. Эсеро-меньшевистские советы и фронтовые комитеты всемерно помогали Керенскому. Для того чтобы приостановить продолжавшийся развал армии, Керенский приступил к формированию добровольческих ударных частей.

Наступил период какой-то вакханалии и наступательного психоза. «Наступать, наступать!» истерически кричал, где это только можно, Керенский, и ему вторило офицерство и сагитированные фронтовые, армейские полковые комитеты, особенно Юго-западного фронта. Другие фронты были

---

[1] В это правительство коалиционного министерства на место некоторых ушедших кадетов пришли меньшевики и эсеры. Меньшевики получили следующие портфели: Церетели—министр почты и телеграфа, Скобелев—министр труда, эсер Чернов—министр земледелия, Керенский—военный и морской министр. Кадеты оставались только до 15 июля, затем ушли 16—18 июля многотысячной демонстрацией рабочие и солдаты вышли на улицу с лозунгом: «Вся власть Советам» (Р. Эйдеман и В. Меликов, Армия в 1917 г., Гиз, 1927, стр. 60).

несколько спокойнее. Солдаты же, находившиеся в окопах, к приезжающим «ораторам», которые просто утопали в своем красноречии, относились не только безразлично и равнодушно, но и враждебно. Громадное большинство солдатской массы было, как и прежде, против всяких наступательных действий.

«Для того, чтобы оздоровить солдатскую массу», по мысли Керенского и К^0, необходимо было влить в нее новые, свежие силы. Было сформировано учреждение с громким и длинным названием: «Всероссийский центральный комитет по организации Добровольческой революционной армии». А это учреждение выделило из себя «Исполнительный комитет по формированию революционных батальонов из волонтеров тыла». Чтобы показать, что данное учреждение «начало жить», оно выпустило воззвание, наполненное трескучими фразами, рассчитанными на одурачивание рабоче-крестьянских масс о спасении отечества с призывом к наступлению и т. п.

Настроение уже этих масс иллюстрирует одно из типичных писем солдат того времени: «Если война эта скоро не кончится, то, кажется, будет плохая история. Когда же досыта напьются наши кровожадные, толстопузые буржуазы. И только пусть они посмеют еще войну затянуть на несколько времени, то мы уже пойдем на них с оружием в руках и тогда уже никому не дадим пощады. У нас вся армия просит и ждет мира, но вся проклятая буржуазия не хочет нам дать и ждет того, чтобы их поголовно вырезали» [1]. Таково было грозное настроение солдатской массы.

Перед наступлением 1 июля (18 июня) произошла перегруппировка и в верховном и высшем командовании на фронтах. Главковерхом вместо Алексеева был назначен Брусилов, а вскоре на место последнего, т. е. командующим армиями Юго-западного фронта, был назначен Корнилов с комиссаром при нем известным эсером Савинковым. К этому времени относится постепенное введение в армии, на ряду с солдатскими комитетами, института комиссаров.

И вот в эти-то дни, когда Временное правительство с Керенским во главе напрягало все силы, чтобы спровоцировать старую армию на переход в наступление, 1 июля в Петрограде во дворце Кшесинской собралась Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций Российской социал-демократической рабочей партии большевиков. «Начиная с 29 июня по 7 июля конференция проделала под руководством Центрального комитета партии большевиков, тт. Ленина, Сталина и других, громадную работу.

Тов. Ленин сделал большой доклад по текущему моменту (организация власти и Советов рабочих и солдатских депутатов) и по аграрному вопросу. Были также отдельно подробно освещены вопросы войны, мира, наступления, вопрос о форме и задачах военных организаций и другие. Доклады с мест внесли новую живую струю в работу этой конференции. Эти доклады с мест дали большевистской партии возможность более подробно разобраться в вопросе о состоянии старой армии на фронте и в тылу и о той работе, которую вели большевистские ячейки в самой гуще солдатской массы» [2].

Однако меньшевикам и эсерам во главе с министром-«социалистом» Керенским все же удалось увлечь большинство солдатских комитетов на переход в наступление. Последнее Ленин объясняет так [3]: «Мы имеем перед собой

---

[1] Выдержка из письма солдата 537-го пех. п. Эйдеман и В. Меликов, цит. соч.

[2] Там же.

[3] Ленин, 2 изд., т. XX, стр. 559.

в самом чистом виде самообман мелкобуржуазных масс и обман их буржуазией при помощи эсеров и меньшевиков. Меньшевики и эсеры *повели массы* и подчинили политике контрреволюционной буржуазии.

В этом суть положения. В этом значение наступления. В этом своеобразие: не насилие, а доверие к эсерам и меньшевикам сбило народ с пути».

В военном отношении план «Июньского» наступления был разработан по указанию союзников еще до Февральской революции, т. е. царским правительством. По этому плану основной удар предполагалось нанести армиями Юго-западного фронта, причем Северный и Западный фронты активными действиями должны были содействовать наступлению Юго-западного фронта.

Наступление на Западном фронте фактически не состоялось. После невиданной со стороны русских по своей мощности и силе артиллерийской подготовки войска заняли почти без потерь неприятельскую позицию и не захотели итти дальше. Началось сплошное дезертирство и уход с позиций целых частей. Командованию пришлось не столько думать о противнике, как заботиться о собственном тыле и принимать меры, чтобы не дать разбежаться всей армии. Всякие активные действия на обоих фронтах к северу от Полесья прекратились.

ТАРНОПОЛЬСКИЙ ПРОРЫВ

Схема 44Б

На *Юго-западном фронте* ожидаемое наступление состоялось. Общая идея операции сводилась к нанесению главного удара с фронта Поморжаны—Бржезаны на фронт Глиняны—Львов и второстепенного с фронта Галич—Станиславов на Калуш и Болехов. Атака на северном направлении должна была на несколько дней предшествовать атаке на южном направлении.

Против Львова действовали части 11-й и 7-й армий, из которых около 2 корпусов должны были наступать от Поморжаны на Злочов и Глиняны и 4 корпуса от Бржезаны на Бобрка и далее на Львов. На южном направлении XII корпус, в составе 6 дивизий, должен был прорвать позицию противника между Галичем и Станиславовым и наступать на Калущ, а XVI корпус—содействовать этому наступлению выдвижением от Богороджан к р. Ломница.

1 июля началась атака на северном направлении. Обе армии (11-я и 7-я) в первый день имели небольшой тактический успех и заняли несколько передовых деревень; но на следующий день бои не имели уже и этого успеха. 6 июля на некоторых участках атака была повторена, но также без успеха, и командующий 11-й армией приступил к перегруппировкам, что являлось верным признаком неудачи. Бои в северной группе прекратились.

Тем временем в дело вступила южная группа—8-я армия, во главе которой недавно был поставлен ген. Корнилов. 6 июля XVI корпус начал вспомогательную атаку, сбил противника с его передовых позиций на фронте Ляховце—Пороги, завладел ими и удачно отбил все контратаки противника. 7 июля атаковал и XII корпус. 6 дивизий этого корпуса удачно прорвали передовую, промежуточную и главную позиции противника от Ямницы до Загвоздья и захватили свыше 7 000 пленных и 48 орудий. На следующий день операция удачно продолжалась, и к 13 июля атакующие части 8-й армии, заняв Калущ, вышли на линию рек Кропивник—Ломница. К этому времени наступательный порыв 8-й армии угас, и на этом прекратились ее успехи.

Никогда не известно, что может дать армия, бурлящая в котле революции, а потому начавшееся наступление русских должно было произвести сильное

впечатление на германское командование. К месту прорыва начали сосредоточиваться резервы сначала с Русского, а потом и с Французского фронта [1]. Легкости перекидывания этих последних способствовало поведение французского командования и правительства. Крушение грандиозно задуманной апрельской операции и официальное заявление правительства об отказе на ближайшее время от наступательных операций развязывали руки германскому командованию. И оно широко этим воспользовалось. В первую очередь было брошено 6 дивизий и из них 2 гвардейских.

Прекращение русского наступления и вновь образовавшиеся на этом фронте внушительные германские силы вызвали естественное у германцев желание дать толчок разваливавшейся русской армии с целью ускорить ее разложение. Для этого ими был выбран Юго-западный фронт, как потому, что здесь уже были сосредоточены резервы, так и ввиду возможности при успехе действовать против тыла Румынского фронта. Кроме того наступление в этом направлении выводило германцев в богатые хлебом Украину и Бессарабию.

Наступление германцев началось 19 июля, причем прорыв сосредоточенной массы был направлен против 11-й армии на фронте Звижень—Поморжаны. После 2-дневного боя Русский фронт был здесь прорван, и армия покатилась назад, обнажив правый фланг соседней, 7-й армии. Катастрофа могла бы иметь грандиозные размеры, если бы германцы бросили свою кавалерию в образовавшийся промежуток, но они этого не сделали.

Быстрое отступление 11-й армии вынудило к отходу и 7-ю; она в свою очередь обнажила правый фланг 8-й армии. Это заставило Корнилова, ставшего уже во главе Юго-западного фронта, начать отход 8-й армии, удерживая однако у Кимполунга стык с Румынским фронтом. Вся операция приобрела более планомерный характер, хотя неудержимое дезертирство и самовольный отход русских войск с позиций продолжался в полной мере.

Причину возможности для русского командования добиться хоть некоторой планомерности можно искать в двух фактах.

Во-первых в поведении германского командования. Оно, поставившее ставку на развал русской армии, не сумело учесть ее состояния и, приняв за образец прорыв все того же Макензена под Горлицей, не развивало его в глубину, не выкинуло вперед конницы, а расширяло прорыв, бросаясь поочередно то против 11-й, то против 7-й армий. Это давало возможность обеим армиям делать передышки и перегруппировки.

Во-вторых операция попала в руки более спокойного и твердого командования. При самых трудных условиях, когда приходилось только фиксировать инициативу масс в скорейшем отходе назад, Корнилову удалось, в особенности на его левом фланге и в центре, взять отход в свои руки. Германцы упустили случай фактически разгромить русскую армию, а дали ей только толчок, от которого она откатывалась, пока действовал этот толчок.

Вслед за прорывом против 11-й и 7-й армии австро-германцы перешли в наступление и в Карпатах против левого фланга 8-й армии. Это направление было особенно опасно для русского командования, так как могло заставить отойти и правый фланг Румынского фронта, но и здесь оно кончилось благополучно, заставив лишь немного осадить этот фланг.

Дальнейший отход Юго-западного фронта происходил почти без нажима противника, и 28 июля русские войска не только окончательно приостановились, но даже начали переходить в ряд частных контратак. Русский фронт

---

[1] Гинденбург указывает на 6 дивизий, отправленных с Французского фронта.

к этому времени, оставаясь к северу от Броды на прошлогодней линии, к югу от нее отодвинулся, начиная от Злочева на восток на Зваращ—Скалат—Гржималов, далее по р. Збруч до Днестра и далее на Баян и Серет для связи с Румынским фронтом восточнее Кимполунга.

Румынский фронт к весне 1917 г. представлял весьма внушительную силу. Здесь на протяжении около 500 *км* от Кимполунга до устья Дуная было расположено около 600 батальонов русско-румынских войск против действовавших здесь примерно 500 батальонов Центрального союза.

Между 3 русскими армиями была вкраплена 1 румынская армия (74 батальона), а другая, еще подготовляемая в тылу французскими инструкторами, должна была занять участок фронта в течение лета. Против русско-румынских армий соответственно были расположены 5 армий германских, австрийских, болгарских и турецких войск.

Румынская армия находилась также в большой степени расстройства. Германофильская пропаганда дошла до угрожающего размера, в особенности среди офицерского состава. Целые части переходили на сторону германцев и грозили междоусобной войной. В румынских общественных кругах все жаждали мира, и эта жажда проникла в ряды армий. События в России вызвали в правящих кругах большое смущение и тяготение к выходу из союза.

При таких условиях ожидать успеха наступления на Румынском фронте было трудно, но оно все-таки состоялось и имело успех. 20—24 июля на фокшанском направлении части 4-й русской и 2-й румынской армии прорвали фронт противника, но, ввиду событий на севере, Керенский приказал 25 июля прекратить наступление, поставив главной задачей сохранение боеспособности армии.

В свою очередь германцы, освободившись на русском Юго-западном фронте, повели, начиная с 6 августа, сильные атаки на фокшанском и окненском направлениях, желая занять здесь богатый нефтеносный район. Самые упорные бои велись ими здесь, а также в долине р. Ойтуз, против русских и румынских войск до 13 августа и окончились потеснением последних на весьма незначительное расстояние на фокшанском направлении, после чего фронт вновь стабилизовался и боевые операции здесь прекратились до конца войны.

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

«Армия обезумевших, темных людей бежит»,—доносил Керенскому ген. Корнилов. Так кончилось «знаменитое» наступление Керенского на Юго-западном фронте, погубившее многие тысячи солдат. Непосильное перенапряжение сил больного организма старой армии, потребованное этим наступлением, имело один основной результат—ускорение дальнейшего развала и распада всего фронта. Попытки организовать наступление на Северном и Западном фронтах ни к чему не привели. На этих фронтах дезертирство продолжало развиваться, как и на Юго-западном фронте, в громадных размерах.

Старая армия зашла в тупик, в котором разложение и распад начали итти гигантскими шагами. Но этого еще не хотело замечать Временное правительство Керенского (князь Львов 8 июля ушел в отставку, место председателя Совета министров занял Керенский, оставив за собой пост военного министра) и поддерживающий его меньшевистско-эсеровский Совет рабочих и солдатских депутатов. Они-то и предполагали еще раз попытаться восстановить боеспособность старой армии с тем, чтобы еще разок послать ее в наступление.

В ответ на этот замысел Временного правительства, в ответ на желание правительства вывести революционно-настроенные части из Петрограда на

фронт, в ответ на преступное наступление 1 июля с его последствиями в виде громадных жертв и т. д.—рабочие, солдатские и матросские массы 16 июля вышли на улицы Петрограда с лозунгом «Вся власть Советам». В этой грандиозной демонстрации участвовало более 500 000 рабочих, солдат и приехавших из Кронштадта матросов. Не имея сил и возможности остановить это движение, кадеты, меньшевики и эсеры пошли на провокацию: когда колонны демонстрантов двигались в полном порядке к Таврическому дворцу, на углу Невского проспекта и Садовой улицы послышались выстрелы. Началась перестрелка с двух сторон... Порядок движения был нарушен. У Временного правительства руки были развязаны. Керенский приказал арестовать Ленина. По его же распоряжению 8 июля прибыли новые части, снятые с фронта. Эти войска вместе с юнкерами подавляли движение. Меньшевистско-эсеровский Совет постановил разоружить революционных солдат и рабочих. Начались обыски, разгромы, аресты[1]. Большевистские печатные органы «Правда», «Окопная правда» и другие были запрещены к распространению. Сфабрикованные буржуазной контрразведкой фальшивые документы о том, что все действия Ленина и большевистской партии происходят по поручению германского Генерального штаба, стали усиленно распространяться буржуазной печатью. Чтобы этой злостной провокации поверили, известный политический авантюрист Алексинский подписывает эти документы. Тов. Ленину пришлось скрываться от всюду рыскающих юнкеров Керенского. Большевистская партия принуждена была временно уйти в подполье, откуда и руководила работой.

Операции германцев на Русско-румынском фронте не дали им того, на что по соотношению сил, принимая во внимание не только численность, но и состояние армий, они могли рассчитывать.

Но если германцы не успели разгромить русскую армию, то во всяком случае своим наступлением они углубили ее развал и дали возможность уменьшить до минимума свои силы против Юго-западного фронта. В дальнейшем эта армия разваливалась уже естественным ходом внутренних событий.

ФРАНЦУЗСКИЙ И ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕАТРЫ

На Французском и Итальянском театрах летние операции шли не только не в связи с Русским фронтом, но и без связи друг с другом.

В то время, как на Русском театре развивались только-что изложенные нами события наступления и отката, англичане, французы и итальянцы не предпринимали никаких операций. Но когда Русский фронт приостановился и германцы освободились, то 31 июля англичане предприняли наступление у Ипра. Когда англичане сделали месячный перерыв в своем наступлении (с 16 августа по 20 сентября), то французы начали свои атаки под Верденом (20—26 августа), а итальянцы одиннадцатое наступление на Изонцо (19 августа—1 сентября), т. е. операции, за исключением Вердена и Изонцо, шли при полном отсутствии связи по времени.

Другая особенность действий западных держав в этом периоде заключается в отсутствии широких целей в предпринимаемых ими наступлениях. Они всюду ограничивались задачами тактического характера, а именно улучшения своего положения занятием более выгодных пунктов.

---

[1] Р. Эйдман и В. Меликой, Армия в 1917 г., Гиз, стр. 70—72.

НАСТУПЛЕНИЕ У ИПРА

Схема 45А

Первым из этих разрозненных наступлений состоялось наступление англичан, поддержанных французами, у Ипра. Конечная цель операции заключалась в расширении выступа у Ипра и в захвате ряда высот, доминирующих над всей Фландрией, и рокадной линией Турут—Руллер—Менин.

В первых числах июля участок Бесинг (Boesinghe)—Нордшоот (Nordschoote) перешел от бельгийской армии к французам. Занявшая его 1-я армия (6 пех. дивизий на 8 *км* фронта) должна была содействовать атаке 2-й и 5-й английских армий. Для наступления был назначен участок на фронте в 24 *км*, от Бас Виль (Basse Ville) до Штеенштрате (Steenstrate). Из них для прорыва французам был отведен участок около 4 *км* (от Штеенштрате до Бесинг), а остальной фронт должны были рвать англичане.

Главный удар производила 5-я английская армия (4 корпуса), на флангах которой 1-я французская армия с севера и 2-я английская с юга обеспечивали своими атаками стороны вбиваемого 5-й армией клина. Атака началась сильной артиллерийской подготовкой, для которой было сосредоточено в среднем одно орудие на $6^1/_2$ *м* фронта и которая продолжалась 16 дней. Английская авиация, несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, содействовала атаке работой по германским тылам.

Англо-французы легко выполнили задачу первого дня и к вечеру 31 июля утвердились на линии: Бас-Виль—Холлебек (Hollebecque)—лес Инвернес (Inverness)—С. Жюльен—Биксхоот. Вслед за этим последовал ряд конратак германцев, которым удалось потеснить в некоторых пунктах англичан, но занятое положение союзниками в общем было удержано [1].

16 августа здесь же с целью дальнейшего продвижения к северу от дороги Ипр—Руллер англо-французами была произведена на фронте в 15 *км* вторая сильная атака. Союзники завладели на левом фланге Дри-Гратхеном (Drie Gratchen), а в центре Лангемарком и продвинулись на 1 *км* к востоку. Этот успех повлек за собой ряд новых контратак, и союзники окончательно утвердились здесь только к 30 августа. Вслед за этим атаки у Ипра прекращаются до 20 сентября, а во время этого перерыва развиваются действия французов у Вердена и итальянцев на Изонцо.

НАСТУПЛЕНИЕ У ВЕРДЕНА

Схема 36

В течение июня и июля на всем Французском фронте к западу от Вердена происходил ряд частных боев, сконцентрированных преимущественно в борьбе за опорные пункты на р. Эн и в частности на Шмен-де-Дам. Здесь борьба шла на истощение живой силы, и хотя и не привела к изменению в положении сторон, но дорого обошлась каждой из них (по французским источникам германцы истощили здесь 49 дивизий). В августе французы решили расширить свои позиции под Верденом и занять последние оставшиеся в руках германцев опорные пункты.

Для наступления был избран по обе стороны Мааса участок в 18 *км* от Безонво до Авокура. Наступление должны были вести 4 корпуса 2-й

[1] 10 июля впервые германские истребители сопровождали штурмующую пехоту.

французской армии; всего 12 дивизий в первой и 2 дивизии во второй линии. Для его подготовки и поддержки было сосредоточено свыше 2 500 орудий [1], т. е. в среднем одно орудие на каждые 7 *м* фронта. Германцы в предвидении наступления французов также усилили здесь свои войска (примерно до 11 дивизий, из которых 5 было в резерве) и сосредоточили на угрожаемом участке около 1 000 орудий.

После артиллерийской подготовки, длившейся целую неделю, войска начали штурм с утра *20 августа* и к 26-му завладели линией Безонво—Бомон—Самонье—Бетанкур—Гокур—Авокур, т. е. почти той линией, которой французы владели до начала германских атак 21 февраля 1916 г. За эту операцию французы израсходовали 4 млн. снарядов [2], что давало 6 *т* на метр фронта. В сражениях 1916 г. на Сомме и под Верденом на 1 *м* фронта приходилось только 1 *т*. Последнее наступление показало, насколько в течение года увеличилось богатство Антанты в артиллерии и огнеприпасах.

НАСТУПЛЕНИЕ ИТАЛЬЯНЦЕВ НА ИЗОНЦО

Схема 42

Одновременно с атакой французов на Верден началась одиннадцатая атака итальянцев на Изонцо. Соредоточив 48 дивизий 2-й и 3-й армий на фронте 60 *км* от Плавы до моря, итальянцы, после 24 час. артиллерийской подготовки, начали 19 августа свою атаку, направляя главный удар между Толмино и Горицей на плато Бензицца. К 30 августа итальянцы овладевают этим плато, частью прикрывающего пути к Триесту уже известного нам массива Гермада.

С 4 сентября австрийцы, подвезя резервы с Русского фронта, произвели ряд контратак, которые окончились 22 сентября без всякого для них успеха и совершенно развалили австрийскую армию. По словам Людендорфа, двенадцатой атаки Изонцо она уже выдержать не могла. Требовалась существенная помощь германцев, которую, как увидим ниже, они и оказали. Этими событиями кончается на Западноевропейском театре летний период операций. Дальнейшие боевые действия, также проводимые Антантой без общей мысли и руководства, относятся к сентябрю—декабрю 1917 г.

РУССКИЙ ТЕАТР

Схема 44В

На Русском театре, после известных уже операций на Юго-западном и Румынском фронтах, все внимание обеих сторон привлекал на себя Петроградский район. Захват революционной столицы и даже решительная угроза ей имели весьма важное значение. Поэтому Временное правительство в лице Керенского с особой настойчивостью требовало от верховного командования

---

[1] Всего французами было сосредоточено на фронте в 17 *км*:
948 — 75-*мм* пушек
1 318 — тяжелых орудий
66 — тяжелых орудий большой мощности и
247 — траншейных орудий.
Всего с траншейными 2 579 орудий, что составляло по 1 орудию на 7 *м* фронта.

[2] 3 млн. легких и 1 млн. тяжелых снарядов, для доставки которых потребовалось 330 поездов по 30 вагонов каждый.

принятия мер по обеспечению столицы. К Балтийскому побережью было направлено столько войск, что железные дороги Северного фронта не могли их более принимать и питать. Положение Петрограда действительно становилось опасным.

Вследствие полного расстройства Балтийского флота и враждебного положения Финляндии его приходилось прикрывать не только со стороны Двины, но и со стороны моря и Финляндии. Серьезные заграничные источники предупреждали русское командование, что германцы предполагают развить свой удар на Петроград также и с этих двух сторон.

Оборона Финского залива была основана на действии Русского флота на главной позиции Нарген—Паркаллаунд (карта 1а). Идея этой обороны состояла в том, что русские линейные корабли, действуя в безопасном тыловом маневренном районе этой позиции, должны были препятствовать своим огнем снятию противником заграждений и выходу на свободную воду, где он легко мог использовать численное превосходство своих сил.

Имевшихся у русских 6 линейных кораблей было едва достаточно для фронтальной обороны Нарген—Паркаллаудской позиции, длиною в 20 миль. Надежное обеспечение ее было основано на взаимодействии кораблей с батареями крупных орудий, расположенных на флангах позиции и на островах Нарген. Ввиду враждебного настроения Финляндии правый фланг главной позиции не был обеспечен, что и заставило русское командование принять меры к образованию нового финляндского фронта, что впрочем не было приведено в исполнение, так как события разыгрались к югу от Финского залива, в районе Риги.

РИЖСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

ПЛАН НЕМЦЕВ

Схема 44Ва

Подготовка наступления на Ригу велась германцами давно. Уже в начале августа летчиками было замечено, что германцы производят усиленные инженерные работы на левом берегу Западной Двины против Икскюля: в лесах были замечены многочисленные бивачные огни. Агентурные сведения и перебежчики указывали, что наступление противника ожидается в конце августа или в начале сентября.

Германское командование решило окружить 12-ю русскую армию наступлением на оба ее фланга, сомкнув кольцо окружения севернее Риги. Главный удар предположено было вести на Икскюль—Роденпойс—Хинценберг. Одновременно с указанными действиями на суше в Рижском заливе должна была появиться германская эскадра и произвести десант в районе р. Аа Лифляндская. Для подготовки переправы через Западную Двину против Икскюля было сосредоточено 157 тяжелых и легких батарей и 21 минометная батарея. Мощный артиллерийский и минометный огонь должен был сломить сопротивление русских и открыть путь через Западную Двину.

ОБСТАНОВКА НА ФРОНТЕ 12-й АРМИИ

Правый фланг 12-й армии был выдвинут на левый берег Западной Двины, на так называемый Митавский плацдарм. Левый фланг тянулся от Икскюля до

Огера по правому берегу Западной Двины. Против Икскюля на левом берегу удерживался тет-де-пон под названием «Остров смерти»; но после революции этот тет-де-пон был очищен русскими, что в значительной мере облегчило германцам форсирование Западной Двины и дальнейшее наступление на левый фланг и тыл 12-й армии. На этом участке армии были расположены 2 корпуса (XLIII и XXI) и армейский резерв—2-я Латышская стр. бригада.

Боеспособностью 12-я армия не отличалась. Соглашательские и оборонческие организации потеряли почти всякое влияние над войсковой массой, а окопники были охвачены желанием скорейшего окончания войны. Пополнения из тыла не прибывали, люди старших возрастов были уволены домой на полевые работы; украинцы ушли на Украину; число рядов в ротах было невелико. Командный состав утратил влияние на солдатскую массу. Штабы отсиживались в тылу без дела. Фронт 12-й армии едва держался. Вся полнота власти в армии официально была сосредоточена в «Искосоле» (Исполнительный Комитет солдатских депутатов), большинство членов которого были сторонниками Керенского. Но Искосол давно уже не являлся фактически полновластным хозяином над армией, так как рядом с ним вырос очень влиятельный *левый блок,* состоявший из представителей войсковых частей, признавших своим идейным вождем т. Ленина. Окопники были за большевиков. За меньшевиков были тылы, штабы, ударники и кавалерия. Ко всему сказанному необходимо добавить, что в течение лета происходила борьба за выборы в самоуправление г. Риги. Немецкая буржуазия, державшая в своих руках власть около 700 лет, была разбита. Накануне германского наступления в Риге праздновалась победа на выборах. Город был иллюминован. Театры были открыты для бесплатного посещения. Штаб армии был в Риге и принимал горячее участие в общем ликовании. В июне произошла смена командующего армией. Новый командующий армией ген. Парский объявил себя эсером.

Первая линия русской позиции была расположена по краю открытого берега Западной Двины. Верстах в восьми сзади, по р. Малый Егель, была устроена, замаскированная лесом, вторая оборонительная линия. Отступая верст десять на р. Большой Егель была разбита, но не окончена, третья оборонительная линия.

ИКСКЮЛЬСКИЙ УЧАСТОК. Оборона этой важной в стратегическом отношении позиции была возложена на недавно только сформированную, мало боеспособную и сильно уже разложившуюся 186-ю пех. дивизию (XLIII корпуса). Для ее усиления был придан 130-й Херсонский полк из состава XXI корпуса, расположенного на Огерском участке. Правый фланг XLIII корпуса занимал участок на левом берегу Западной Двины от острова Дален до Бауского шоссе. Корпусный резерв (110-я дивизия) стоял в районе мызы Шмизинг, штаб корпуса—в мызе Роденпойс. Против Икскульского участка в армейском резерве, в районе Кангераге—Рекстынь—Вальденроде—Роденпойс, стояла 2-я Латышская стр. бригада. Местность на участке 186-й дивизии болотистая, покрытая лесами.

ФОРСИРОВАНИЕ ГЕРМАНЦАМИ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ ПРОТИВ ИКСКЮЛЯ [1]. Схема 44Вб. Ровно в 4 часа 1 сентября германские батареи открыли огонь по Икскюльским позициям, снаряды тяжелых орудий громили русские

---

[1] Рижская операция германцев, руководимая ген. Гутьером, как известно, послужила опытом, на котором проверялись тактические положения, вошедшие впоследствии в инструкцию «Наступление в позиционной войне», по которой германские войска готовились к наступлению 1918 г. во Франции. Поэтому Рижская операция излагается более подробно.

позиции и арт. склады на участке до берегов Малого Егеля. Вскоре на этом участке взлетели на воздух пороховые погреба, и были подбиты многие орудия. Шрапнельный огонь обрушился на бивак 186-й дивизии. Спавшие в палаточном лагере люди в паническом страхе обратились в бегство; за пехотой, бросив свои орудия, бежали артиллеристы; на месте остались лишь те части 130-го Херсонского полка, которые находились в дивизионном резерве в районе Скриптэ. Артиллерийская канонада продолжалась; германские батареи выбрасывали по опустевшим окопам 186-й дивизии десятки тысяч пудов металла и отравляющих веществ.

В семь часов канонада на Икскюльском участке утихла, и германцы приступили к наводке против мызы Икскюль 3 понтонных мостов. В 9 час. начал переправу авангард 2-й гвардейской германской дивизии; эта дивизия получила задачу овладеть позициями 186-й дивизии и, двигаясь на Скриптэ—Рекстынь—Хинценберг, выйти в тыл 12-й армии. Главные силы гвардейской дивизии закончили переправку к 12 часам. Последний переправившийся полк (2-й гвардейский) двинулся по обеим сторонам железной дороги на Ригу и, почти не встречая сопротивления, вечером 2 сентября подошел к предместью Риги. После полудня начала переправляться артиллерия и парки. К вечеру 1 сентября вся гвардейская дивизия была на правом берегу Западной Двины.

Первый отпор германские гвардейцы получили на р. Малом Егеле от 2-й Латышской стр. бригады, переброшенной на фронт из армейского резерва и занявшей участок Шталь—Скриптэ—Линденберг. С 16 час. 1 сентября между латышскими стрелками и германской гвардией завязался весьма упорный и кровопролитный бой, длившийся до вечера 2 сентября. К 9 час. утра в штабе XLIII корпуса имелись совершенно противоречивые сведения о положении на Икскюльском участке. Начальник 186-й дивизии доносил, что вопреки всяким ожиданиям войска сражаются с большим упорством. Командир же 2-й Латышской стр. бригады доносил, что толпы беглецов 186-й дивизии и 130-й полк наводняют район расположения 5-го и 6-го латышских полков и распространяют панику.

Командир VIII корпуса поверил донесениям более благоприятным и уехал в Ригу для доклада командарму о том, что все обстоит благополучно. Но в штабе армии были получены сведения уже от авиации о том, что германцы навели мосты против Икскюля и переправляются на правый берег. Около 13 час. в автомобиле в сопровождении комиссара армии комкор прибыл в район 5-го Латышского полка и потребовал выступления по тревоге на позиции к Скриптэ. 2-я Латышская бригада была передана в распоряжение VIII корпуса.

ОГЕРСКИЙ УЧАСТОК. Огерский участок оборонялся XXI корпусом. В течение 1 сентября дивизии этого корпуса упорно обороняли свои позиции и не дали переправиться 14-й баварской дивизии. 2 сентября 205-я дивизия должна была обрушиться на правый фланг 12-й армии на участке Пулеметная Гора—Шлок. Одновременно с этим флот должен был войти в Рижский залив и бомбардировать Усть-двинскую крепость. При таком содействии флота 205-я дивизия должна была овладеть левым берегом р. Западной Двины на участке Рига—Усть-Двинск, навести мосты и овладеть Ригой с севера.

В то время когда на флангах происходили вышеописанные события, на прочих участках германцы воздерживались от активных действий. В первый день наступления русские войска были крайне озадачены канонадой, раздававшейся со стороны Икскюля. Многие жили еще иллюзиями дней братания, и им не хотелось верить, что над 12-й армией нависла серьезная опасность. Кем-то был пущен слух, что огонь открыла русская артиллерия по инициативе

своих офицеров. Поверив этим слухам, дивизионный комитет 109-й дивизии произвел в этот день чистку комсостава. Старший командный состав, опасаясь ареста, сбежал в тыл.

ДЕЙСТВИЯ РУССКОГО АРМЕЙСКОГО КОМАНДОВАНИЯ

В штабе армии и в Искосоле посмотрели на события на Икскюльском участке довольно своеобразно. На объединенном заседании командующего армией и представителей от штаба армии и Искосола была высказана уверенность, что 12-я армия выполнит свой долг и даст отпор нападению германских генералов, а потому были приняты следующие постановления: 1. Меньшевики и большевики должны действовать общим фронтом против наступления германских империалистов. 2. Для сохранения спокойствия эвакуацию Риги не производить до особого распоряжения. 3. Членов Исполкома солдатских депутатов и представителей левого блока распределить по корпусам, причем им безотлучно быть в самых опасных местах. 4. Перебросить к Икскюлю все свободные резервы (1½ пех. дивизии, 1 кав. бригаду и 6 батарей[1]) и, перейдя в контратаку, отбросить германцев обратно на левый берег Западной Двины. 5. Штабу армии оставаться в Риге. Правее латышей были поставлены ударные части.

Положение германцев было следующее: на р. Малый Егель германская гвардия потерпела поражение и с большими потерями была отброшена к ст. Икскюль. На фронте XXI корпуса баварцы успеха не имели. Наступление 4-го гвардейского полка от Икскюля на Куртенгоф развивалось беспрепятственно, причем силы германцев увеличивались частями, переправившимися на правый берег Западной Двины против Куртенгофа. Таким образом 1 сентября действия германского командования свелись к следующему результату: на Икскюльском участке артиллерия завоевала Западную Двину и обратила в бегство 186-ю русскую дивизию, пехота же не смогла использовать грандиозный успех артиллерии.

СОБЫТИЯ 2 СЕНТЯБРЯ

На 2 сентября германским командованием было намечено наступление в трех направлениях: 1) Икскюль—Скриптэ—Рекстынь—Роденпойс—Хинценберг; 2) Икскюль—Куртенгоф—Рига и 3) со стороны взморья и озера Бабита на фронт Рига—Усть-Двинск. По предположению германского командования наступательные действия 2 сентября в конечном счете должны были привести к занятию рижского плацдарма и перехвату путей отступления 12-й армии. Наступление было начато одновременно по всем трем направлениям. Решающее значение придавалось действиям 2-й гвардейской дивизии со стороны Икскюля и 205-й дивизии со стороны взморья на Мюльграбен.

БОЙ НА РИЖСКОМ ПЛАЦДАРМЕ. 205-я германская дивизия атаковала в двух направлениях: со стороны Шлока на Усть-Двинск и со стороны Кальнцема на Пулеметную Гору—Тренч—Московский форштадт. Наступление началось с утра 2 сентября после артиллерийской подготовки. Русские были захвачены врасплох и отступили; их артиллерия почти не отвечала. Против 205-й германской дивизии действовал VI Сибирский корпус (3-я и 14-я Сибирские стрелковые дивизии). К полудню части этого корпуса были приведены в

[1] 24-ю дивизию из фронтового резерва; 2 батареи V конноартиллерийского дивизиона; 1-ю Латышскую стр. бригаду из-под Олая; бригаду 5-й кав. дивизии; 1 артиллерийский дивизион 5-й Сибирской стр. дивизии; 1 траншейную батарею.

порядок и заняли вторую оборонительную линию Майоренгоф—Бебербек. К этому же времени сюда подошли резервы. В бой вступила артиллерия Усть-двинской крепости. Местами сибиряки переходили в контратаки и заставляли германцев отходить. Выбить сибиряков из укрепленных позиций германцы не могли и залегли перед русскими окопами.

В районе Митавского шоссе стоял II Сибирский корпус (4-я и 5-я Сибирские стр. дивизии) и 1-я Латышская бригада. По инициативе командования было решено перейти в атаку в митавском направлении и после прорыва расположения наступать в тыл частям, действующим на Икскюльском участке. Но наступления так и не состоялось.

ИКСКЮЛЬСКИЙ УЧАСТОК. БОЙ НА РЕКЕ МАЛЫЙ ЕГЕЛЬ. Схема 41Б. Утром 2 сентября германцы возобновили наступление. На XXI корпус наступали баварцы, которые при содействии артиллерийского огня с лѐвого берега Западной Двины к полудню овладели позициями русских. Наступление на Куртенгоф—Рига встретило сопротивление южнее Шмизинг, где германцы были атакованы 110-й дивизией.

Решающее значение придавалось боевым действием на Малом Егеле. Ввиду слабых успехов 1 сентября, гвардии была поставлена на 2 сентября более скромная задача: вместо глубокого обхода на Хинценберг прорваться через Скриптэ—Рекстынь на станцию Роденпойс. Поставленную задачу гвардейцы выполнить не смогли. На позициях р. М. Егель они снова наткнулись на латышских стрелков, стойкость которых сломить не могли ни атаки, ни огонь многочисленных батарей. Потери обеих сторон были огромные.

Ввиду неприбытия ожидавшихся подкреплений, вечером по приказанию командующего армией 2-я латышская стр. бригада была отведена на третью оборонительную линию на Большой Егель и расположена в районе Рекстынь. Германцы остановились на М. Егеле и выдвинули вперед авангарды. Неудача 2-й гвардейской дивизии на Малом Егеле свела к большому минусу весь эффект начала операции 1 сентября. Вечером 2 сентября стало ясно, что окружение 12-й армии не удастся.

СОБЫТИЯ 3—5 СЕНТЯБРЯ

Слабые успехи германцев 2 сентября привели русское армейское командование к неправильной оценке боеспособности революционной армии. Ген. Парский едва ли имел верные сведения о событиях на рижском плацдарме и о паническом настроении резервов. Ничем иным нельзя объяснить то обстоятельство, что командующий армией со штабом с классическим упорством оставался в Риге и оттуда отдавал приказы о фантастических контратаках, не обращая внимания на то, что уже были налицо грозные признаки крупной катастрофы.

На 3 сентября ген. Парский решил на рижском плацдарме обороняться, а на Икскюльском участке перейти в контратаку и отбросить германцев обратно на левый берег Западной Двины. Согласно плану штаба армии войска этого участка должны были вести контратаку с трех сторон: со стороны Шмизинг на Икскюль—110-я пех. див. с ударниками, касаясь правым флангом берега Западной Двины; со стороны Рекстынь на Скриптэ—Икскюль—2-я Латышская стр. бригада. С фронта Огер—Линденберг, на Икскюль—XXI корпус, касаясь левым флангом Западной Двины.

К утру 3 сентября ожидалось прибытие в район Рекстынь 1-й Латышской стр. бригады, 186-й и 24-й пех. дивизий и 5-й кав. дивизии. Руководство контратакой было возложено на командира XLIII корпуса ген. Болдырева.

Эта контратака осталась на бумаге, так как 110-я пех. дивизия с утра 3 сентября была увлечена на северо-восток общим потоком отступления; части 186-й и 24-й пех. дивизий и 5-й кав. дивизия ушли самовольно в тыл; XXI корпус вследствие большого расстройства в боях 2 сентября, в ночь на 3 сентября отошел к северо-востоку. Утром 3 сентября на позициях на Большом Егеле в районе Рекстынь осталась только 2-я Латышская стр. бригада.

ОТСТУПЛЕНИЕ 12-Й АРМИИ НА ВЕНДЕНСКИЕ ПОЗИЦИИ

С утра 3 сентября германцы возобновили наступление на всем фронте 12-й армии; их артиллерия делала свое дело весьма исправно, заставляя своим огнем русских бросать позиции без сопротивления. Так были брошены рижский плацдарм и Рига. Войска и штабы отходили на венденские позиции, бросая артиллерию и военное имущество. Главная масса войск и десятки тысяч беженцев сбились в районе шоссе на Венден. Германская пехота и кавалерия со стороны Икскюля действовали крайне робко, но авиация бомбардировала беспощадно как войска, так и беженцев и вызывала большой беспорядок. 3 и 4 сентября могут быть названы днями всеобщей паники. Управление войсками вышло из рук командного состава. К 6 сентября большинство войск остановилось на венденских позициях, но некоторые дивизии (109-я и 186-я) очутились в районе Пскова. Германские авангарды выдвинулись на линию Сунцель—Лембург—Хинценберг.

Вслед за этим германское командование обеспечило правый фланг своего положения под Ригой, заняв 21 сентября якобштадтский тет-де-пон, а в октябре предприняло операцию против островов Эзеля и Даго, обеспечивающих обладание Ригой со стороны моря. Сюда был направлен германский флот с десантной дивизией и велосипедистами. Русскому командованию были хорошо известны не только намерения германцев относительно островов, но и время высадки (ошиблись на 24 часа ввиду опоздания германцев). Однако оно, занятое внутренними событиями, не приняло мер ни к обороне островов, ни к их своевременному очищению. Благодаря этому германскому флоту и десантной дивизии удалось с замечательной легкостью овладеть островами и Рижским заливом с 12 по 17 октября.

Этим боевые действия на Русском театре кончаются. С оперативной точки зрения описанные события представляют мало интереса. Отличные меры по сокрытию германцами Рижской операции не привели к практическим результатам, так как она была в точности известна русскому командованию. То же можно сказать и относительно завладения ими Моонзундскими островами. Все это показывает, как трудно в настоящее время добиться скрытности.

Легкость форсирования реки при надлежащей подготовке и обеспечении этой операции осталась та же, какой была и раньше (Дунай—русскими в 1854 и в 1877 гг. и германцами в 1916 г.), и центр тяжести обороны попрежнему лежит в контратаках против переправившегося противника. У русских были собраны для этой цели значительные резервы и в надлежащем месте, но они не принесли пользы, как из-за управления ими из Риги, которое становилось невозможным, так и ввиду развала русской армии, не желавшей драться.

Рижская и моондзунская операции с точки зрения общих стратегических интересов Германии имели только невыгодные стороны, так как отвлекали их силы от главного театра военных действий, успех на котором собственно и решал участь войны и участь всех германских приобретений на востоке.

МЯТЕЖ КОРНИЛОВА

События, которыми были наполнены 3 последние месяца перед Октябрьской революцией, представляют собой особый интерес. Рижская операция совпала с одним из наиболее ярких моментов борьбы реакции с революцией.

Буржуазия, имевшая своим представителем ген. Корнилова и считавшая необходимым быстрое и решительное подавление революционных масс, в осуществлении своих мероприятий столкнулась с другой частью буржуазии, представителем который являлся «социалист» Керенский, стремившейся к осуществлению той же цели, т. е. к расправе с большевиками, другим методом.

После военного совещания в ставке 29 июля вместо Брусилова главковерхом был назначен генерал Корнилов.

Керенский и Корнилов беспощадно боролись с большевистскими настроениями у солдат, но ни тюрьмы, ни расстрелы, ни расформирования частей помочь уже не могли. Работа выборных комитетов была сведена к нулю. Возмущение солдатской массы достигло крайних пределов. Старая армия окончательно разваливалась. И уже теперь никакая сила не могла восстановить элементарную дисциплину, о возможности же нового наступления и говорить не приходилось. Дезертирство приняло грандиозные размеры. Фронтовики сотнями стали уходить в тыл. Оставшиеся на фронте части продолжали находиться в напряженном, нервном состоянии, занимая выжидательное положение. И в это время можно смело сказать, что в землянках на фронте кроме большевиков у солдатской массы никто авторитетом не пользовался.

Эсеры, пользуясь тем, что три четверти солдат в окопах состояли из крестьян, вели демагогическую агитацию среди фронтовиков по земельному вопросу, но стали терять доверие последних. Солдаты-крестьяне, видя двурушничество этой партии, которая в вопросе о земле шла то за большевиками, то отскакивала к меньшевиками, которые в это время уже в глазах солдатской массы мало чем отличались от кадетов, стали более осторожно относиться к тому, что говорили эсеры.

После Государственного совещания, которое было созвано Керенским в Москве 12 августа для укрепления упавшего после июльских дней авторитета правительства и на котором верховный главнокомандующий ген. Корнилов выступал в глазах буржуазии, как «спаситель» отечества, а меньшевик Церетели публично и демонстративно обменивался рукопожатием с представителем крупной буржуазии Бубликовым, события пошли еще быстрее.

Это совещание было переломным моментом в политике Керенского и Корнилова. Первый видел, что его конкурент-генерал пользуется громадным успехом у буржуазии, а отсюда и становится крайне опасным для власти Керенского. Англо-французский капитал также возлагал большие надежды на генерала Корнилова. Московское совещание показало Корнилову, что вся буржуазия на его стороне, а эсеры и меньшевики в нужную минуту не откажут в помощи. Что будут говорить рабоче-крестьянские массы им не было учтено. Но, как показал дальнейший ход событий, это был большой просчет Корнилова и поддерживавшей его группы генералов и офицерства [1].

---

[1] Процесс большевизации шел в это время гигантскими шагами. Уже в августе в Москве за большевистский список голосовала подавляющая масса солдат московского гарнизона, а выборы в районные думы дали большевикам 52% (Р. Эйдеман и Меликов, Армия в 1917 г., ГИЗ, 1927 г. стр. 92).

Еще до поездки в Москву на Государственное совещание ген. Корнилов 20 августа отдал распоряжение собрать в районе Ново-Сокольники—Невель—Великие Луки 3 казачьих дивизии III конного корпуса и 1 «дикую» туземную кавалерийскую дивизию. Эту переброску частей он объяснял тем, что, мол, Петроград не совсем обеспечен от возможного перехода германцев в наступление на Ригу и Петроград. Конечно такое объяснение было только ширмой, так как в это время у Корнилова уже созрел план захвата Петрограда в свои руки, что подтверждает его начальник штаба ген. Лукомских в своих «Воспоминаниях» [1].

С другой стороны, боязнь выступления большевиков заставляет Керенского послать 2 сентября своего помощника по военному министерству Савинкова в Могилев в Ставку к Корнилову и просить последнего отдать распоряжение, чтобы III кав. корпус был прислан в район Петрограда. Ко всему этому германцы, как было описано выше, перейдя в наступление, 3 сентября заняли Ригу.

Корнилов с большим удовольствием согласился направить кавалерию в Петроград, так как это полностью входило в его план переворота. Успехи же германцев в рижском направлении как бы оправдывали переброску войск в район Петрограда. 8 сентября началось движение кав. дивизий ген. Крымова на Петроград. В своем приказе от 7 сентября 1917 г. ген. Крымов приказывал не позднее утра 14 сентября занять Петроград и навести порядок «самыми энергичными и жестокими мерами».

Однако революционные рабочие и солдаты Петрограда быстро организовали красногвардейские отряды. Они выступили против двигающихся войск ген. Крымова. Железнодорожники препятствовали переброске эшелонов с кавалерией, в которых вскоре появились признаки разложения. Они перестали слушаться приказаний своих офицеров и остановились. К этому времени для Керенского и Временного правительства выяснилась истинная цель выступления ген. Корнилова. Керенский вызвал к себе генерала Крымова, последний выехал в Петроград, где в день приезда застрелился. Корнилов же со своими сподвижниками был арестован и посажен в Быховскую тюрьму. Борьба, грозившая дойти до вооруженного столкновения, кончилась фактической диктатурой Керенского. Результатом этого столкновения было полное отчуждение солдатской массы от командного состава, беспочвенность власти Керенского и сильный рост в армии большевистских течений.

ВЫХОД РОССИИ ИЗ ВОЙНЫ

Решающая роль, которую играли большевистские организации в подавлении корниловского мятежа, их умение организовать массы, направить агитацию в самое сердце контрреволюции, еще больше сплотили вокруг большевистской партии широкие рабочие и крестьянские массы. Последние теперь ясно осознали всю правильность предвидения т. Ленина, который говорил: «Либо разгон советов и бесславная смерть их, либо вся власть советам—это я сказал перед Всероссийским съездом советов в начале июня 1917 г., и история июля и августа подтвердила правильность этих слов с исчерпывающей убедительностью» [2].

Без преувеличения можно сказать, что вызов, брошенный революции

---

[1] Ген. Лукомский, Воспоминания, т. I, Берлин, 1922, стр. 223—228.
[2] Ленин, Соч., том XIV, ч. 2-я, стр. 103.

выступлением Корнилова, имел своим последствием полный крах меньшевистско-эсеровского влияния в солдатских массах и завершение распада самой армии как цельного организма. Выступление генерала Корнилова ускорило также развивавшийся до этого сравнительно медленно распад единства внутри самого офицерства.

Для того, чтобы больше не иметь себе соперников, министр-председатель Керенский прибавил себе еще одну должность, а именно—стал во главе всех вооруженных сил, объявив себя 30 августа верховным главнокомандующим. В качестве начальника штаба Керенский взял к себе генерала Алексеева.

Состояние же всех вооруженных сил, во главе которых стал Керенский, в сентябре было следующее: в «не подлежащих оглашению» сводках донесений о настроениях армии, которые составлялись военно-политическим отделом штаба верховноглавнокомандующего, мы находим такие места:

«Общее настроение армии продолжает быть напряженным, нервно-выжидательным. Главными мотивами, определяющими настроение солдатских масс, попрежнему является неудержимая жажда мира, стихийное стремление в тыл, желание поскорее притти к какой-нибудь развязке. Кроме того недостаток обмундирования и продовольствия, отсутствие каких-либо занятий ввиду ненужности и бесполезности их, по мнению солдат накануне мира, угнетающе действуют на настроение солдат и приводят к разочарованию».

В этой же сводке приводится донесение командующего 12-й армией, который, имея связь с другими командующими, пишет:

«Армия представляет из себя огромную, усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую, озлобленную толпу людей, объединенных жаждой мира и всеобщим разочарованием. Такая характеристика без особой натяжки может быть применена ко всему фронту вообще [1].

Дальше эти сводки наполнены донесениями об участившихся случаях братания по всему фронту, причем указывается, что противодействие братанию со стороны офицеров и комитетов вызвало страшное озлобление у солдатской массы. К офицерству отношение было не только недоверчивое, но враждебное, и случаи убийства командного состава были весьма часты. Солдаты продолжали говорить: «С первым холодным осенним ветром на позициях не останется ни одного человека». Таким образом развал и разложение как в тылу, так и в окопах дошли до такого предела, дальше которого итти было уже некуда.

Рабоче-крестьянские солдатские массы шли на всех парах к великому Октябрьскому перевороту, и с лозунгом «Да здравствует большевистский Совет рабочих и солдатских депутатов» 25 октября (7 ноября) 1917 г. пролетариат, опираясь на крестьянство, взял государственную власть в свои руки. Старая армия ждала ответа относительно мира теперь уже от большевиков [2].

Естественным следствием этого был выход России из войны, установленный перемирием 15 декабря, которому предшествовало перемирие, заключенное Румынией с Центральными державами 9 декабря. Германцы в последнее время имели на Русском фронте 80 дивизий, т. е. треть их вооруженных сил, большая часть которых начала с конца октября перекидываться на Французский театр.

---

[1] «Разложение армии в 1917 году», Центроархив, 1925 г, стр. 143—144.

[2] Р. Эйдеман и В. Меликов, Армия в 1917 г., стр. 99—101.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР

ПРОДОЛЖЕНИЕ АТАК У ИПРА

Схема 45А

Во Франции во вторую половину года производились все те же разрозненные атаки во Фландрии и отчасти на Эне.

Англичане продолжали свое медленное продвижение в районе Ипра, постепенно вдавливая внутрь германское расположение.

После месячного перерыва атаки здесь вновь начались *20 сентября,* имея конечной целью овладение высотами, господствовавшими над лесами Полигонь и Инвернес, чтобы обеспечить таким образом наступление в будущем 1-й французской армии. Задача эта была выполнена в течение трех последовательных атак, 20, 26 сентября и 4 октября, исключительно английской армией. Атаки велись на фронте 13—8 *км* в районе между железной дорогой Ипр—Лангемарк и каналом Ипр—Коминь и перемежались с сильными контратаками германцев. В результате англичане заняли все высоты, доминирующие над равнинами Рулер и Куртре, причем линия их фронта продвинулась на Пелькапель (Poelcappelle) и далее на 1 *км* западнее леса Полигонь и вершину Товер Гамлет (Tover Hamlet).

После этого вновь начались и продолжались с перерывами в течение всего октября совместные действия английских и 1-й французской армии на фронте между дорогами Ипр—Диксмюде и Ипр—Рулер. Атаки велись 9, 12, 26—30 октября и 6 ноября; они по обыкновению перемежались контратаками германцев, которые почти за каждой дивизией имели во второй линии боевой части вторую дивизию и в третьей еще часть резервов. Дождливая погода и испещренная залитыми водой воронками местность еще более затрудняли действия войск, которые в течение 3 суток боя едва продвигались на 3 *км*. Тем не менее успех в этих боях все-таки оставался на стороне богатейшей техники англо-французов, которые к 6 ноября утвердились на линии с. Холлебек—Тавер Гамлет—с. Пашендейль (Paschendaele)—южная опушка леса Гутуст (Houthulst) и Киппе, заняв выгодные командующие высоты и обеспечив свое положение у Ипра. Длиннейшая операция во Фландрии, продолжавшаяся с перерывами свыше 3 месяцев, кончилась значительным тактическим успехом союзников и истощением живой силы и материальных средств у обеих сторон, что должно было с особенной тяжестью отозваться на германцах.

В этой операции со стороны англо-французов совершенно отсутствует какая-либо стратегическая цель, хотя объекты для таковой, в виде баз германского подводного флота в Остенде, существовали. Они задаются исключительно тактической задачей улучшить свое положение в районе Ипра, занять более выгодное исходное положение для дальнейших действий и параллельно истощить силы противника. Французы умалчивают о своих и английских потерях в эту операцию, но определяют, что германцы израсходовали на нее около 1 млн. людей, истощив 90 своих дивизий. Весь успех англо-французов свелся к тому, что в течение самой упорной 4-месячной борьбы они завладели на 30 *км* фронте тремя линиями германских позиций и проникли в расположение германцев в глубину на 6 *км*.

Какая громаднейшая вилка между результатами операций 1914 и 1917 гг. на том же фронте и теми же армиями, между ее целями, средствами и спо-

собом ведения! Все военное искусство как производная от сил и технических средств совершенно перевернулось: война из области полевой и маневренной была введена в область крепостную, причем крепостная война на протяжении сотен километров и стратегия вынуждены были уступить место тактике, а современная крепостная ограда позиционной войны требует напряжения всех средств для прорыва ее, так как иного способа для выхода на маневренный простор не имеется. Но этот прорыв длится месяцами, сводится к борьбе техники и требует действительного истощения одной из сторон.

Англо-французы приспособились к германской тактике контратак дивизиями резерва; они отказались от операций с широкими стратегическими целями, наподобие операции ген. Нивеля, и ограничивались целями тактическими, что, по выражению Людендорфа [1], играло германцам в руку. Однако все эти атаки англо-французской техники изнашивали германские дивизии в размерах, превосшедших всякие предположения. Наиболее типичными боями этого рода служат бои французов у *Мальмезона* и англичан у *Камбре*.

СРАЖЕНИЕ У МАЛЬМЕЗОНА

Схема 45Б

В течение всего лета продолжалась борьба между германцами и французами за обладание высотами Шмен-де-Дам, за которые после весенних атак уцепились обе стороны. Борьба эта не привела ни к каким решительным результатам, и нахождение в руках германцев выступа высот между Ла-Руаер и Воксайон, фланкировавшего весь кряж Шмен-де-Дам, не делало здесь положение французов устойчивым. Поэтому главное французское командование решило завладеть этим выступом и его опорным пунктом фермой и фортом Мальмезон.

Атака была произведена 23—26 октября 10-й армией в составе 3 корпусов из 4 дивизий каждый, т. е. всего 12 дивизий. Германцы, для которых приготовления французов не остались секретом, прибавили к 5 дивизиям, оборонявшим атакуемый сектор, еще 6 дивизий, из которых 3 оставались в резерве для контратак. Цель французской атаки была ограниченная—завладеть выступом Мальмезона до канала Элет. Фронт атаки 10 *км*.

Артиллерии было сосредоточено 1 860 орудий, из которых 984 тяжелых и орудий большой мощности и 272 траншейных, т. е. в общем по 1 орудию на 6,2 *м* фронта, а в центральном (XXI) корпусе 1 орудие на $4\frac{1}{2}$ *м*. Артиллерийская подготовка продолжалась 6 суток [2].

Центр атаки составлял XXI корпус, который последовательно должен был атаковать ферму Мальмезон и с. Вандесон (Vendesson) и Шавиньон. Вправо от него действовал XI корпус, атаковавший форт Мальмезон, и влево XIV корпус, атаковавший с. Аллеман. Характер действий во всех корпусах был одинаков, а потому в подробностях следует остановиться только на действиях XXI корпуса.

Первоначальный фронт этого корпуса занимал 2 200 *м*, при наступлении он расширялся до 3 500 *м*. Задача одного дня сводилась к проникновению

---

[1] Людендорф, Воспоминания, ч. 2-я, стр. 88 (французский текст).

[2] За это время было выпущено 17 500 *т* 75-*мм* и 36 000 *т* тяжелых снарядов. Для доставки этого количества снарядов потребовалось 266 поездов по 30 вагонов и больше месяца времени. В день атаки было выпущено 5200 *т* 75-*мм* и 7200 *т* тяжелых снарядов. Всего же за эти бои было выпущено 80 000 *т* на сумму 500 млн. франков.

в глубину на 3 *км*. Первым объектом действий была первая позиция противника и вторым вторая его позиция. Корпус имел 2 дивизии в первой линии и 2 во второй. Эти последние имели целью сменить в конце операции дивизии первой линии и удержать в своих руках завоеванную территорию.

Дивизии первой линии были построены в форму карре, имея полки рядом, причем каждый полк имел свои 3 батальона эшелонированными в глубину. I батальон предназначался для атаки первой линии, II для атаки второй линии, а III составлял резерв. Время для атаки обеих линий было зафиксировано с интервалом в 4 часа. Время для чистки первой линии учитывалось в 3 часа.

Скорость движения рассчитывалась сообразно с тактическими потребностями и местными препятствиями. Для первоначального движения она устанавливалась в 100 *м* в 2 минуты, чтобы дать возможность батальонам второй линии сжаться к первой и своевременно пройти сферу заградительного огня. Далее скорость уменьшается до 3 минут на 100 *м*, а при продвижении от первой ко второй линии до 4 мин., доходя для прохождения лесов до 6 мин. на 100 *м*. Такой детальный расчет скорости был необходим для взаимодействия с артиллерией.

Снабжение XXI корпуса артиллерией было следующее: 60 батарей дивизионной и корпусной легкой артиллерии; траншейной артиллерии 6 батарей; тяжелой артиллерии для разрушения неприятельских позиций 37 батарей и для подавления неприятельской артиллерии 27 батарей, что составляет 592 орудия разных калибров на корпус или 1 орудие на $4^1/_2$ *м* фронта.

После окончания подготовки и при производстве атак эти орудия распределялись по одной группе на каждый полк дивизий первой линии. Группы эти состояли из 6 легких батарей для подвижного заградительного огня и 6 батарей (половина легких и половина тяжелых) для более близкого заградительного огня. Кроме того начальник артиллерии каждой дивизии имел в своих руках для тех же целей и на случай производства контратак 3 легких и 13 тяжелых разного типа батарей. Все остальные орудия оставались в руках начальника артиллерии корпуса.

Танки по 12 машин на дивизию были распределены между полками.

Авиационные средства—по 1 эскадрилье и по 1 привязному шару на каждую дивизию первой линии, 2 эскадрильи и 1 шар на артиллерию корпуса и 1 эскадрилья в резерве. Эти аппараты, поддержанные всей армейской авиацией и эскадрильями истребителей группы армий, были в полной мере хозяевами в воздухе (13—15 аппаратов работали на фронте в 3 *км*).

Артиллерийская подготовка обнимала две тщательно обдуманных задачи: нейтрализацию ближайших тылов и разрушение всей глубины зоны, захватываемой артиллерией. Выполнение первой задачи началось внезапно ночью за 5 суток до назначенного срока атаки и мешало снабжению германских батарей, расположенных к югу от ручья Элет. Стрельба на разрушение началась с конечных объектов атаки второй позиции, чтобы потом перейти на ближайшие цели; разрушение первой линии возлагалось на траншейную артиллерию.

Ввиду возможности для германцев точно узнать день и час атаки, таковая началась на полчаса раньше. Батальоны первой линии были расположены в 350 *м* от неприятеля. В 5 час. 15 мин. утра 23 октября эти батальоны, предшествуемые танками, двинулись в атаку и одним махом захватили 3 линии неприятельских сравненных с землей траншей. В 6 час.

45 мин. первая задача была выполнена, и батальоны второй линии выдвинулись перед первою, как на маневрах. Чистка первой позиции заняла свыше 3 час., и только в $10\frac{1}{2}$ час. утра началось продвижение ко второй позиции; оно было сопряженно с большими трудностями движения по пересеченной местности. В 14 час были взяты Шавиньон и Вандесон. Из числа танков только несколько достигло своей цели и помогало пехоте.

В первый день атаки французы выполнили свою задачу и одержали полную победу. Наиболее трудным было продвижение вперед артиллерии, и до наступления ночи удалось продвинуть только 2 группы легких батарей.

24 октября германцы начали очищать гору Санж (Singes), а 25 французы продолжали свое наступление, заняв лес Пинон, окончательно откинули германцев 1 ноября к северу от ручья Альэт и завладели всем плато Шмен-де-Дам. Это, по словам французов, была блестящая победа, позволившая им в 4 дня продвинуться на фронте в 12 *км* на 6 *км* в глубину. Операция у Мальмезона считается ими образцом прорыва с ограниченной целью. Они определяют потери германцев в 50 000, а свои высчитывают в $8\frac{1}{2}$% наличного состава.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕАТР

ОСЕННЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ АВСТРО-ГЕРМАНЦЕВ

Схема 13

Операции во Франции приняли после неудачного весеннего наступления ген. Нивеля вполне определенный характер местных боев с ограниченными целями на истощение средств противника.

Это давало известную свободу действиям германского командования. Оно употребило ее: первоначально для обеспечения себе территориальных приобретений в России, для чего воспользовалось развалом русской армии, а впоследствии для таковых же приобретений своей союзнице Австро-Венгрии на итальянском театре. Подобная подачка слабому союзнику была необходима для того, чтобы придать ему бодрости и удержать в союзе. Кроме того итальянская армия более живо испытывала на себе влияние германской пропаганды и видимо разваливалась. Наконец окончательный разгром итальянцев невольно отвлекал англо-французские силы с французского театра, где положение германцев с каждым днем становилось тяжелее.

Все эти соображения заставляли германское командование попытаться после освобождения войск под Ригой нанести решительное поражение итальянцам. Гинденбург отказался в своей операции против итальянцев использовать выгодное положение в Трентино и нанести оттуда удар, который ставил бы в критическое положение весь итальянский фронт, а он задался более узкой целью прорыва в наиболее слабом месте Итальянского фронта между Плеццо и Тольмино, т. е. повторением макензенского маневра в Галиции, который постепенно вытеснял в умах германских генералов одностороннее поклонение перед шлиффенновскими Каннами.

Сам Людендорф объяснял свой отказ от трентинского направления тем, что австрийская армия устала, а германцы не могли выделить сюда более 6—8 дивизий. Французы объясняют его тем, что на фронте Плеццо—Тольмино стояла именно та итальянская армия, которая была наиболее развращена германской пропагандой.

К этому времени итальянский фронт был занят следующим образом: на Корсо, к югу от Горицы, 3-я и к северу от нее 2-я итальянские армии, имея против себя 1-ю и 2-ю австро-венгерские армии, составлявшие группы Бороевича. В Далматинских Альпах и Кодоре 4-я итальянская имела против себя 11-ю австрийскую.

Германцы кроме того скрытно сосредоточили в районе Виллаха ударную 14-ю армию Белова из 8 более крепких германских дивизий, снабженных сильной артиллерией. Эта группа должна была неожиданно прорвать слабо занятый участок Итальянского фронта между Плеццо и Тольмино и, увлекая своим быстрым наступлением на Удине вслед за собой австрийские армии, нанести решительное поражение итальянцам. Поражение это и было нанесено, и для спасения итальянского союзника потребовалась посылка французских и английских дивизий.

24 октября армия Белова начала, после короткой артиллерийской и газовой подготовки, свое наступление и быстро перешла Изонцо в Плеццо, Капоретто и Тольмино. 2-я итальянская армия обратилась в бегство. 25 октября германцы заняли высоту Матажур, а 27—были уже в Чивидале (Cividale). 26 октября ген. Кадорно, видя безостановочный откат 2-й армии, приказал начать отход на запад и 3-й армии. 28 числа итальянцы покинули Горицу и Монтфальконе и, уничтожив всю свою артиллерию и запасы, отошли за Изонцо. 29-го германцы заняли уже Удине, откуда поспешно бежал итальянский штаб.

Это быстрое продвижение германцев и быстрый отход 2-й и 3-й итальянских армий заставили начать отход на участке Плеццо—верш. Плёкен, и 4-ю итальянскую армию, вслед за ней начала наступление 10-я австрийская армия, направляя свой главный удар на Жемона.

30 и 31 октября италянцы стали под натиском армий Белова и Бороевича переправиться через р. Таглиаменто, рассчитывая удержаться за ней. Но 31 числа были снесены мосты у Кодройпо (Codroïpo) и Диньяно (Dignano); 3-я итальянская армия, припертая к реке у Латизана и атакованная с востока и севера, понесла полное поражение и потеряла 60 тысяч пленными, а на севере австрийцы заняли Жемона. При таких условиях итальянцам оставалось только продолжать отход на Пьяве, где армия надеялась окончательно остановиться на фронте р. Пьяве—гора Граппа—оз. Гардское.

Но во время отхода итальянцев на Пьяве начала наступление из Трентино 11-я австрийская армия, которая 9—10 ноября продвинулась на фронт Азьяго—Белюне и грозила охватом итальянцам на Пьяве. После ряда упорных боев 1-я и 4-я итальянские армии были 20 ноября откинуты на последние предгорья между р. Пьяве и Гардским озером, но и австро-германцы приостановили свое дальнейшее наступление. Фронт стабилизировался по реке Пьяве на гору Граппа, Азьяго и до Гардского озера.

Бегство итальянских армий вызвало большую тревогу в среде англо-французского командования. Выход итальянцев из строя открывал новые и опасные для Антанты перспективы. Поэтому с самого начала катастрофы к итальянцам была направлена помощь первоначально в лице ген. Фоша, а потом и более реальная, в виде 12 англо-французских дивизий.

В переброске этих дивизий большое место занял автотранспорт. Часть автомобилей была перевезена по жел. дороге в Ниццу и здесь 2 недели работала по подвозу пехоты и снабжения. Часть автоколонн самостоятельно перешла через Альпы, совершив переход через горные перевалы высотой

в 1 500 метров по дорогам, покрытым снегом, с крутыми поворотами и частыми подъемами.

В общем итоге через две недели с момента начала перевозок войск в Италию французская армия, сосредоточенная в районе оз. Гард, уже имела свою автослужбу, которая, продолжив жел. дороги, обеспечила регулярный подвоз продовольствия и огнеприпасов.

Прибытие этих дивизий, постановка части их в центре итальянских войск и удачная атака ими горного массива Томба укрепили положение итальянцев, придали им бодрость духа и заставили Гинденбурга признать операцию здесь законченной, после чего он потянул германские войска из Италии на французский театр.

Как бы то ни было, но своим разгромом итальянской армии Гинденбург достиг значительных целей. Совершенно обезопасив Австрию от угрозы ее владениям и подняв дух австрийской армии ее наступательным вслед за германцами движением, он удержал эту монархию от выхода из войны и отвлек сюда силы и внимание Антанты, заставив ее выделить на юг 12 англо-французских дивизий.

Макензенский прорыв приобрел здесь несколько иную по сравнению с другими случаями его применения форму и более соответственную состоянию итальянской армии. Группа Белова, не бросаясь в стороны, как это было в июле под Тарнополем, рвала в одном направлении, почему и не дала возможности итальянцам приостановиться ни на Таглиаменто, ни на Ливенце, а сразу откинула их на Пьяве. Обеспечив себя на русском и итальянском театрах, германцы впредь могли сосредоточить все свое внимание исключительно на Французском театре.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР

СРАЖЕНИЕ У КАМБРЕ

Схема 45Б

С целью отвлечь внимание германцев с итальянского фронта англичане задумали произвести наступательную операцию у Камбре, придав ее выполнению своеобразный характер. Весь расчет был построен на полной неожиданности атаки, так что до кануна начала наступления даже французам ничего не было известно. Для достижения неожиданности англичане решили окончательно отказаться от артиллерийской подготовки и *всю силу прорыва* основать на массовой атаке танками, вслед за которыми двигалась пехота. После совершения прорыва туда должна была быть брошена кавалерия для работы по неприятельским тылам.

Эти предположения вызвали необходимость подыскать и соответствующую местность, удобную для действий танков и кавалерии. Таковая была найдена в окрестностях Камбре, чем и определялся выбор этого пункта для операции. Первым объектом действий англичане поставили себе прорыв неприятельского фронта на протяжении 15 *км* между дорогами из Камбре в Бапом и Перонн и вторым—использование прорыва для действия кавалерийскими массами.

Для атаки предназначалось 8 дивизий. В первой линии—5 дивизий, 360 танков и 1 000 орудий, из которых 300 тяжелых; кроме того в резерве у Бапома было сосредоточено 3 дивизии. Для использования прорыва у леса

Гаврикура был собран кавалерийский корпус из 2 дивизий. Французы, узнав о готовившейся операции, подтянули к Перонну 2 пех. и 2 кав. дивизии.

20 ноября на рассвете танки двинулись вперед, предшествуя волнам атакующей пехоты[1]. Только после этого был открыт артиллерийский огонь по всему английскому фронту к югу от Скарпы, и начался ряд демонстративных атак с целью отвлечь внимание противника.

Неожиданное появление массы танков произвело эффект. Германские войска оборонялись плохо, и англичане легко завладели на всем атакуемом фронте двумя первыми линиями позиции Гинденбурга и продвинулись на 8 *км* в глубину, за исключением Флескиера, где 12 танков были уничтожены одним случайно сохранившимся полевым орудием. Фронт германцев был прорван, и часть кавалерии выброшена за ручей Эско. Но продвижение вперед артиллерии производилось медленно; выдвинутая кавалерия потеряла весь конский состав и ночью, уже пешая, отошла назад, она не была поддержана ни артиллерий, ни резервами, так как ни те, ни другие не были своевременно двинуты вперед.

21—23 ноября англичане продолжали еще медленное продвижение вперед, преимущественно в северном направлении, и вышли на линию Маньер—Кантенг (Cantaing)—Фонтен Нотр Дам—лес Бурлон и Мевр, но этим успех их и ограничился. Собранные силы были израсходованы, а за содействием к французам англичане не обратились.

Тем временем германцы успели сосредоточить свои войска для контратаки. Они развернули 7 дивизий на фронте Маниер—Геннекур и 4 на фронте лес Бурлон—Мевр и рассчитывали сжать с обоих флангов прорвавшихся англичан. 30 ноября начались германские контратаки, которые очень медленно развивались в северной группе и очень успешно в южной, где англичане понесли большие потери и были принуждены даже уступить часть своих основных позиций (с. Гоннелье и Виллер—Шильдин), удержав в своих руках небольшой выступ в линии Гинденбурга до с. Флескиер исключительно. Короче, операция кончилась ничем и дала германцам к концу года возможность одержать хоть маленький успех на французском театре.

АЗИАТСКО-ТУРЕЦКИЙ ТЕАТР

Схема 26

В описываемый период боевые действия на кавказском фронте и в Персии совершенно прекратились и продолжались только в Месопотамии и Сирии.

МЕСОПОТАМСКИЙ ФРОНТ

После овладения Багдадом и выхода на линию Самарры англичане направили свои усилия на занятие всего багдадского вилайета и на действия в мосульском направлении. Так как здесь турки не оказывали особо сильного сопротивления, то англичане продвинулись до линии Кара—Тепе—Текрит, чем обеспечили за собой дорогу Багдад-Ханекин.

---

[1] В этой «битве танков» было на фронте в 12 *км* выпущено 324 танка, поддержанных особыми танками для снабжения и танками с беспроволочным телефоном. Продвижение танков в глубину дошло до 8 *км*, причем англичане захватили 8 т. пулеметов и 100 орудий в обмен на 107 выведенных из строя танков. Согласно официальному отчету танки в этом бою сберегли 30 000 *т* боевых припасов.

СИРИЙСКИЙ ФРОНТ

После весенних неудач вместо ген. Муррея во главе сирийской английской армии был поставлен ген. Алленби; одновременно был принят ряд мер, по усилению боеспособности армии. Полковник Лоуренс был послан к арабам с задачей посредством субсидий и обещаний независимости арабским государствам поднять среди них восстание против турок. Турки уступали англичанам и в силе и в организации. Так как конечной целью английской экспедиции в Сирию было овладение Палестиной, то, как следствие борьбы союзников за влияние в ней, в состав английской армии были включены французские и итальянские части как представители этих держав.

После тщательной подготовки англичане перешли в наступление на турецкий фронт Газа—Биршеба (Бир-эс-Саб), овладение которым являлось первым этапом по овладению Палестиной. Параллельно наступлению англичан двигались войска восставших арабов, которые в июле захватили важный порт Акабу. Более сильная 8-я турецкая армия была развернута на побережье; восточнее ее, на иерусалимском направлении, действовала 7-я армия; всего в этих 2 армиях было до 12 пех. и 1 кав. дивизии. В начале августа англичане нанесли частное поражение туркам у Романи, а в последних числах октября Алленби приступил к артиллерийскому обстрелу турецкой позиции с суши и с моря и 31 октября после атаки 2 дивизиями англичане захватили Биршеба и отбросили турок к северу. Правый фланг турок в районе Газы, не выдержав бомбардировки, очистил в ноябре этот пункт. После падения фронта Газа—Биршеба, турки отступили 8-й армией вдоль побережья на Яффу, а 7-й армией на Иерусалим. Ввиду большого значения Яффы, как порта Иерусалима, англичане направили сюда большую часть своих сил и 17 ноября заняли оставленную турками Яффу.

8-я турецкая армия преследуемая слабыми английскими частями, отступила к северу. 7-я армия Кемаль-паши развернулась в районе Иерусалима фронтом к Яффе, со стороны которой англичане, сосредоточив до 9 дивизий, перешли в наступление и, угрожая охватом с обеих сторон, вынудили турок 9 декабря очистить Иерусалим. Вскоре турки, усилившись подошедшей дивизией и прибывшим в Палестину германским азиатским корпусом, произвели ряд контратак с целью обратного овладения Иерусалимом; но англичане удержали за собой линию Яффа—Иерусалим, и к началу 1918 г. боевые действия в Палестине прекратились ввиду наступившего здесь дождливого периода.

Вторая половина 1917 г. более богата результатами политического характера, которые не остались без влияния на стратегическое положение сторон. Русско-румынский фронт перестал существовать; разгром итальянской армии обеспечил Австро-Венгрию от вторжения в ее пределы и со стороны Италии. Благодаря этому положение Центрального союза очень упрочилось, и Австро-Венгрия не вышла из войны.

В отношении военных операций со стороны германского командования центр тяжести был перенесен на Россию и Италию, действия против которых велись комбинированными средствами пропаганды и наступательных операций. В России это окончилось полным успехом, но не осталось без влияния на развитие идеи прекращения войны и среди австро-германских солдат. Наступлением в Италию эта цель не была достигнута благодаря своевременному усилению итальянского фронта англо-французскими войсками.

Ввиду такого тяготения к второстепенным театрам германцы оказались слабыми на главном французском театре, где они едва удержались против

разрозненных атак французов и англичан. Операции последних ограничивались задачами частного характера, улучшения своего тактического положения и истощения неприятельских сил. Это была как бы подготовка к периоду будущих решительных действий. Великобританская армия завоевывает себе большую самостоятельность в ведении операций и проявляет больше инициативы и энергии, чем французы.

РЕЗУЛЬТАТЫ КАМПАНИИ 1917 г.

В отношении Центральных держав 1917 г. правильнее характеризовать годом военно-политических операций, когда все их внимание было обращено на русско-румынский и итальянский фронты.

Широкая работа пропаганды мира и развала вооруженной силы враждебных держав сопровождалась здесь наступательными операциями большого размаха (Тарнополь, Рига, наступление на Италию), имевшими целью не только окончательный развал враждебных армий, но и захват тех обширных кусков территории, которые удовлетворяли бы аппетиты Гогенцоллернов и Габсбургов.

Гинденбург, забывая заветы всех великих учителей войны, увлекся и в этом году второстепенной задачей, погнался с кругозором прусского юнкера за завоеванием Курляндского герцогства и в течение всего 1917 г. оставил в покое главный театр и наиболее мощных врагов—Англию и Францию.

Раздробив свои и без того слабые по сравнению с Антантой силы между Востоком и Западом, Гинденбург истощил свои войска на Западе, передал там инициативу в руки Антанты, утвердил ее духовную твердость в тех победах тактического характера, которые она неизменно одерживала в течение всего 1917 г., и упустил время, дав возможность Америке подготовить ее военную мощь и перекинуть ее силы на европейский материк. В поведении Гинденбурга в 1917 г., когда власть его в Германии начала приобретать почти диктаторский характер, заметна та же основная идея, которая доминировала в нем с 1914 г., а именно желание решить вопрос войны и мира на Востоке, а не на Западе. Он его и решил в 1917 г., но построил все здание на песке, и оно, вполне естественно, развалилось в 1918 г. Гинденбург, выказав себя узким агрессивным политиком, не выявил себя широким стратегом. Те дивизии, которые излишне болтались в России, могли уравновесить германские силы на Западе с силами Антанты, уменьшить там расстройство германских войск и увеличить таковое же англо-французских. Но и в этой военно-политической игре Гинденбург не достиг полного успеха.

Февральская революция, опыт борьбы большевиков с империалистической войной нашли отклик среди рабочего класса и солдатских масс в Германии. В порядок дня ставились вопросы пролетарской революции, которые были так страшны для прусского юнкерства и которые служили предвозвестниками классовой борьбы и выхода из войны волей народных масс. Кампанией 1917 г. Гинденбург готовил поражение Германии в 1918 г. Поход на Италию был более разумен, так как это был единственный способ удержать Австрию от заключения мира, но он достиг только полуспеха.

Короче, положение центральных держав за 1917 г. значительно ухудшилось, силы их истощились, внутренняя борьба усилилась, и голоса в пользу мира раздавались все громче и громче. Но военное командование не утратило еще веру в свое легко доставшееся ему на востоке военное счастье, рассчитывало нанести всеми силами еще один удачный удар англо-французам. В таком положении рискующего игрока, ставившего свою последнюю карту против вся-

кого возможного расчета, германское командование перешло в 1918 г. и сделало невозможными исходившие из недр того же германского народа попытки к заключению мира.

Антанта вступила в 1917 г. с самыми лучшими предзнаменованиями и надеждами, но неудачное весеннее наступление ген. Нивеля и русская революция нарушили ее ожидания, и, сознавая невозможность своего единоборства с Германией, она отказалась от намерения окончить войну в этом году. Она перешла к накапливанию сил и средств борьбы, к истощению сил противника своей могущественной техникой и к ожиданию подхода новых сил в лице американской армии. Дух упадка, миролюбивых тенденций, недовольства командованием и возмущения войсковых масс был не чужд и Франции, но там он не получил такого развития, как в других воюющих странах.

Центр тяжести борьбы в этом году переносится от Франции к Англии, которая, совместно с увеличившейся ее военной мощью, переходит к решительным действиям в широком масштабе и ведет их почти самостоятельно. Не задаваясь широкими оперативными задачами, она тем не менее в 4-месячном сражении во Фландрии высасывает силы из германской армии, не давая ей нигде, за исключением частного случая у Камбре, возможности иметь хоть малейший успех.

Поставив себе целью вести борьбу почти исключительно техникой, англо-французы разрабатывают эти вопросы с полным вниманием, и французская операция у Мальмезона в отношении применения артиллерии и авиации и английская у Камбре в отношении неожиданной атаки танками являются весьма поучительными.

В боях этого года особенно выявилось преимущество атаки перед обороной даже в отношении потерь. Потери атакующего при широком снабжении его техникой и при надлежащем ее использовании были во много раз меньше потерь обороняющегося.

Отличительной чертой на англо-французском фронте служит также неуспех всех контратак германцев, на которых они до сего времени строили свою борьбу с прорывами. Вся техника новой организации французской атаки была построена не на развитии операции в широком масштабе, а на противодействии германским контратакам, в чем англо-французы и достигли полного успеха. Но это условие повело в свою очередь к постановке атакующим себе весьма ограниченной тактической цели.

В 1917 г. на французском театре интересы тактические отодвинули на задний план вопросы стратегии. Таково в общем было положение сторон при вступлении их в последний год открытой войны, так как война в скрытом виде продолжается и ныне.

РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ

КАМПАНИЯ ВОСЕМНАДЦАТОГО ГОДА

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПЕРИОД ЯНВАРЬ—МАРТ

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ НА ТЕАТРАХ ВОЙНЫ. ПОЛИТИКА МИРА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

В конце 1917 г. положение на мировом театре войны в корне изменилось: Восточно-европейский (русский) фронт фактически перестает существовать. Россия, перерожденная революцией Октября в первое советское государство, возвещает всему миру о нежелании продолжать империалистическую бойню. Новая российская революционная власть в лице заседавшего в Петрограде Всероссийского съезда советов 7 ноября 1918 г. единогласно принимает «декрет о мире» и предлагает мир всем воюющим странам. Отныне *политика мира, неуклонно и постоянно проводимая советской властью, становится важнейшим фактором всей междунароной политики.*

Не получая ответа на свои неоднократные обращения к правительствам Антанты с приглашением вступить в общие мирные переговоры, советское правительство было вынуждено приступить к сепаратным переговорам о мире с центральными державами, о чем отдало 20 ноября приказ вступившему в верховное командование после бегства Керенского начальнику штаба верховного главнокомандующего ген. Духонину. Последний, поддерживаемый военными представителями Антанты, заявившими резкий протест против декрета о мире и заинтересованными в восстановлении «Восточного фронта», отказался исполнить приказ Совнаркома, за что был смещен с должности, а Ставка верховного главнокомандующего была объявлена контрреволюционной.

23 ноября на должность верховного главнокомандующего был назначен прапорщик т. Н. В. Крыленко, и в тот же день Совнарком обратился к солдатской массе с воззванием бороться за мир, для чего всем полкам было приказано выбрать уполномоченных с целью начать переговоры о перемирии на отдельных участках фронта и организовать братание с противником.

27 ноября советское правительство еще раз обратилось к державам Антанты с предложением приступить к мирными переговорам и, только убедившись в невозможности получить от них согласие, послало радио с предложением мирных переговоров германскому командованию. 29 ноября последнее изъявило согласие, а 2 декабря советская делегация [1] перешла фронт, и в тот же день начались переговоры о мире в Брест-Литовске. При таком

[1] Состав делегации: А. А. Иоффе (председатель), Л. Б. Каменев, Г. Я. Сокольников, А. А. Биценко, С. Д. Масловский-Мстиславский, Ф. В. Олич (матрос), Н. К. Беляков (солдат), Р. И. Сташков (крестьянин), П. А. Обухов (рабочий) и секретарь Л. М. Карахан.

положении дел на Русском фронте, на котором австро-германские силы глубоко внедрялись в территорию России, центральные державы получали возможность значительно ослабить свои силы на востоке для переброски их на другие фронты и театры, которые имели первенствующее значение: на Французский—для Германии, на Итальянский—для Австро-Венгрии.

Вместе с тем богатые хлебородные и нефтеносные завоеванные территории России и Румынии облегчали экономическое положение центральных держав. Разгром Италии и пассивное поведение Антанты на Салоникском фронте вполне обеспечивали австрийские границы со всех сторон. Англо-французский фронт был ослаблен на 12 выделенных в Италию дивизий. На Азиатском театре Турция освободилась от своего главного врага, русской Кавказской армии, что значительно улучшило ее стратегическое положение и давало возможность направить все силы в Палестину и в Месопотамию для борьбы против англичан.

Таким образом внешняя политическая обстановка разительно изменилась в пользу Центрального союза. Последний, освобожденный от длиннейшего фронта с берегов Балтийского через Черное и до Каспийского моря, мог сконцентрировать все свое внимание и силы на главном, а теперь почти и единственном, французском театре.

Антанта, напротив, лишилась не только в военном, но и в политическом отношении того базиса, на котором строились все ее расчеты. С выходом из войны России она лишилась того неисчерпаемого людского материала, который, плохо вооруженный и плохо снабженный, бросался на убой в течение 3 лет против богатого техникой врага для того, чтобы оттянуть на себя силы германского колосса и подготовить в будущем почву для сомнительной победы англо-французского капитала. «Восточный фронт» Мировой войны, оттягивавший значительные силы германской армии, перестал волею возмущенного народа исполнять свою неблагодарную роль, и в начале 1918 г. вся сила еще оставшейся военной мощи Германии могла обрушиться на англо-французов. Помощь же нового союзника, Америки, могла выявиться в значительном размере не ранее лета. Державы Антанты вполне сознавали свое рискованное до ввода американских войск в линию положение и боялись немедленного наступления германцев, на стороне которых все еще оставалось преимущество в живой силе.

Восстановление услужливого для держав Антанты «Восточного», т. е. Русского, фронта явилось для этих держав и в первую голову для Англии и Франции делом первостепенной важности. Но для этого необходимо было устранить главное препятствие—власть Советов, установленную на всей территории б. Российской империи. Диктатура пролетариата на $^1/_6$ части земного шара являлась грозной опасностью всей капиталистической системе, и без того потрясенной войной. Необходима была интервенция.

С этой целью 23 декабря 1917 г. состоялось тайное соглашение в Париже между бывшими союзниками России, Англией и Францией, которое «имело в виду поддержку ген. Алексеева, тогда находившегося в Новочеркасске, и разделило географически сферу действий двух государств. Французская зона состояла из Бессарабии, Украины и Крыма, а английская зона—из казацких территорий—Кавказа, Армении, Грузии и Курдистана»[1].

Но если внешняя политическая обстановка складывалась к началу 1918 г. благоприятно для Центральных держав, то внутреннее положение их было подточено до той степени, которая делала дальнейшее продолжение войны актом авантюристическим, когда все строится на случае, а расчету отводится весьма ма-

[1] Churchill. The world crisis. The After math. 1924, стр. 466.

лый процент. Экономическое состояние центральных держав дошло до крайней степени упадка. Голодная блокада довела население до величайших лишений, людской запас был исчерпан в полной мере, недостаток сырья не давал возможности увеличивать свою технику наравне с Западными державами. Железнодорожный и автомобильный транспорты были в достаточной степени изношены, а средств и сил для их восстановления не имелось.

Конский состав был истощен до крайности, что заставило германское командование прибегнуть к губительной мере спешивания значительной части своей кавалерии и к снабжению лошадьми только ударных пехотных дивизий, лишив их те дивизии, которые были предназначены для занятия пассивных участков. Людской материал страны был весь использован; обращение к женскому труду положения не улучшило. Весь запас, который мог быть влит для пополнения войск, не превышал в Германии 100 000 чел.

Подводная война пошла к концу года на убыль и не дала тех результатов, на которые так рассчитывала Германия.

Классовая борьба партий, моральный и физический упадок, желание мира и сопряженное с этим большое дезертирство царили во всех армиях Центральных держав, не исключая и Германии.

Большевистские идеи, указавшие революционные пути окончания империалистической войны, ленинские лозунги перехода власти в руки советов, лозунги мира, хлеба, свободы,—все это, несмотря на противодействие германского командования, хлынуло широкой волной в Германию, где уже имелась благодарная почва среди рабочего класса, крестьянства, мелкой буржуазии городов и многомиллионной солдатской массы, на которую падала вся тяжесть войны. Германский солдат невольно распропагандировался и сам и вместе с дивизиями, перебрасываемыми на запад, вносил в свою армию и в свой народ жажду к миру и те новые идеи советского строительства, которые ярким пламенем разгорелись на месте царской России. Германский народ и германская армия желали мира и начали его требовать. Восстания во флоте, забастовки внутри страны и советы солдатских депутатов в некоторых строевых частях являлись ясным этому предупреждением.

Разногласие во взглядах замечалось и в среде правительства и в руководящих сферах. Здесь резко разделялись взгляды народных представителей и военного командования. Первые, признавая войну проигранной, требовали мира по соглашению; второе не могло еще отказаться от столетием взлелеянных идей гегемонии над всем миром, широкой перестройки карты Европы в свою пользу и сохранения большей части завоеванных территорий.

Следствием такого положения Германии были неоднократные попытки к мирным переговорам, предпринимаемые еще в 1917 г. Но эти переговоры и предложения мира были обставлены такими «стратегическими» условиями главного командования, которые ясно показывали державам Антанты, что говорить о мире с военной партией Германии бесполезно, так как таковой может быть ей только предписан. Поэтому ни конференция социалистических партий в Стокгольме, ни вмешательство римского папы, ни 14 пунктов президента Соединенных штатов Вильсона не могли послужить основой для начала мирных переговоров [1].

Людендорф в отличие от старшего Мольтке не сумел ясно определить того времени, когда стратег должен потребовать от правительства заключения

[1] Тем более, что и заправилы Антанты хотели не равноправного мира с Германией, а ее военного, политического и экономического поражения.

мира; напротив, он тормозил переход к мирным переговорам даже тогда, когда само правительство увидало невозможность продолжения войны. Злой гений Людендорфа продолжал тяготеть над Германией. Сорвав своим культом пангерманской идеи «Drang nach Osten» победу германцев над французами в 1914 и 1915 гг., он срывал теперь мирные переговоры и, рассчитывая на свое военное счастье, ставил судьбу Германии на карту одной операции.

Если таково было положение Германии, то в несравненно худшем состоянии находились ее союзники. Австро-Венгрия и отчасти Болгария представляли собою трупы, с трудом гальванизируемые германской волей и помощью. Австрия была удержана в союзе удачным германским осенним наступлением в Италии; Болгария держалась только благодаря пассивности Салоникского фронта. И только Турция, связавшая свою судьбу с Германией, охотно шла в лице господствовавшей младотурецкой партии на продолжение войны.

Совсем в ином положении находились державы Антанты. Материальные силы и средства их планомерно и прогрессивно увеличивались и делали армии Антанты не только богато, но роскошно обеспеченными всеми средствами ведения войны, которые к тому же все еще продолжали увеличиваться.

Благодаря все тому же превосходству в технике и позиционной войне значительная часть их войск находилась на отдыхе в резерве, что давало возможность сохранить кадры и свежесть войск. Цветные контингенты обеспечивали необходимый людской запас. Германская подводная война не нанесла ожидаемого вреда, и сырье всего мира было почти попрежнему к услугам Антанты. Наконец американская помощь войсками росла каждый месяц и к лету должна была обратиться во внушительную силу (к 1 марта было высажено 300 000 чел. и в лагерях в Америке находилось 1 300 000 чел.; кроме того была объявлена всеобщая воинская повинность).

Революционные настроения проявились и в странах Антанты. Более всего они распространились в Италии. Но вкрапление в итальянскую армию большого процента англо-французских войск удержало ее от развала.

Беспорядки во французских войсках были подавлены жестокими мерами ген. Петена, а миролюбиво настроенное французское правительство Пенлеве было в конце года заменено реакционным руководством Клемансо, который твердо поднял и держал знамя войны до полного победного конца, беспощадно подавляя все оппозиционные выступления.

Английская армия успела развернуть к этому времени всю мощь, достойную 3-летних трудов Китченера и Ллойд-Джорджа. Из ролей второстепенных она переходит в 1917 г. на положение главенствующее, и камертон всех действий этого года находится в ее руках, приспособившихся к ведению большой современной войны.

И французы и англичане выработали путем долголетнего кровавого опыта необходимые приемы ведения позиционной войны и современной техники. Они перенесли центр тяжести боев на технику, решили при помощи ее совершенно обескровить германский военный организм и только на развалинах его перейти к широкому маневру.

Самой слабой стороной Антанты попрежнему оставалось *необъединенное верховное командование*, что явилось следствием почти равного удельного веса составных ее частей.

Сравнивая положение сторон, приходится притти к выводу, что все шансы кампании 1918 г. находились на стороне Антанты, для которой критическим периодом были первые месяцы года, когда германские армии были численно сильнее, а помощь со стороны Америки мала. Решительное наступление гер-

манцев в этот период могло увеличить их шанс на победу. Этого наступления англо-французы особенно боялись, почему и поставили себе ближайшей целью строгую оборону.

Германцы, напротив, поставили себе целью нанести решительный удар англо-французам до подхода американцев и готовились к этой операции с осени 1917 г. Однако сосредоточить все свое внимание и силы на подготовке к грядущему наступлению, чтобы этим выиграть время и его ускорить, Людендорф не мог. Кажущаяся легкость победы попрежнему тянула его на восток, где он решил хоть на одно историческое мгновение запечатлеть на бумаге империалистические вожделения Германии Гогенцоллернов, что им и было достигнуто Брест-литовским мирным договором.

Первые месяцы 1918 г. были обеими сторонами употреблены на подготовку к единоборству на полях Франции, а Центральными державами сверх того и на бескровные операции на Русско-румынском и Кавказском фронтах; одновременно продолжались военные действия в Месопотамии и Палестине.

БРЕСТ-ЛИТОВСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ О МИРЕ.

Схема 46

5 декабря советская делегация подписала временное соглашение о приостановке боевых действий, а 22 декабря, после вторичной попытки привлечь к переговорам «союзников», делегация начала переговоры о мире, снова прерванные 28 декабря для привлечения к переговорам Антанты. На советское предложение принять участие в переговорах о демократическом мире Антанта снова ответила молчанием, оставив тем самым РСФСР договариваться с глазу-на-глаз с германскими милитаристами. В целях достижения большей гласности и большего разоблачения германского империализма советская делегация, не возвращаясь в Брест, возобновила борьбу за перенесение места переговоров в Стокгольм или другой нейтральный пункт. Со стороны германцев 3 января последовал телеграфный ответ с категорическим отказом и предложением прибыть в Брест не позже 5 января, причем в случае отказа русской делегации ехать в Брест германцы грозили прекратить переговоры. Вследствие такого ультимативного требования германцев русской делегации пришлось вернуться в Брест и там продолжать дело разоблачения империалистов.

После того как германцы 25 декабря провокационно согласились положить в основу переговоров принципы советских условий мира, 9 января 1918 г. советская делегация, уже в измененном составе, приступила к конкретному выяснению германских условий мира. Здесь делегацию ожидал новый сюрприз: «Как следует из содержания сообщения союзных держав от 25 декабря 1917 г.,— заявил фон-Кюльман,—одним из самых существенных пунктов его являлось единогласное принятие всеми враждующими державами (в том числе и Антантой) условий, одинаково обязательных для всех народов. Так как пункт этот оказался невыполненным, то и документ от 25 декабря 1917 г. перестал быть действительным». Воспользовавшись своей предусмотрительно вставленной в декларацию оговоркой [1], германцы отказались от своего прежнего торжествен-

---

[1] Текст оговорки: «Необходимо однако с полной ясностью указать на то, что предложения русской делегации могли бы быть осуществлены лишь в том случае, если бы все причастные к войне державы, без исключения и без оговорок, в определенный срок, собязались точнейшим образом соблюдать общие для всех народов условия». БСЭ, т. VII, стр. 445, «Брестский мир».

ного заявления о согласии с русскими условиями демократического мира. Снова предстояло вести борьбу, чтобы заставить германцев открыть свои аннексионистические требования. В центре борьбы стоял теперь вопрос о самоопределении наций.

Переговоры кончились тем, что германская делегация вынуждена была поставить все точки над i и предъявить свой первый, пока еще скрытый, ультиматум. Очерченная в ультиматуме граница проходила к востоку от Мозундского архипелага и Риги, несколько западнее г. Двинска и прямо на Брест-Литовск. Граница отсекала большую часть Латвии (быв. Лифляндию и Двинский, Режицкий и Люцинский уезды быв. Витебской губ.), кроме того—часть Белоруссии (Виленский, Трокский и Лидский уезды быв. Виленской губ. и западную половину быв Гродненской губ.), оставляя всю Польшу и Литву в руках германцев. К Германии отходили также 3 крупнейших порта—Рига, Либава и Виндава, через которые шло 27% всего русского морского вывоза и 29% ввоза, а также 65% всего Балтийского вывоза и 36% ввоза.

ОККУПАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫМИ ДЕРЖАВАМИ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК

Схема 46

Во время этих событий советская мирная делегация в Брест-Литовске делала все зависящее от нее, чтобы избегнуть необходимости подписать грабительские условия мира. В то же время обнаружилось, что Украинская центральная рада, которая еще 20 ноября Третьим универсалом провозгласила Украину самостоятельной республикой, ведет через свою делегацию за спиной советской делегации сепаратные переговоры о мире с центральными державами.

Для Германии и особенно Австро-Венгрии, где происходили продовольственные волнения, заключение мира с Украиной означало получение столь остро необходимых запасов хлеба. Для Австро-Венгрии граф Чернин считал мир с Украиной настоящим спасением. С того момента, когда центральные державы ввели в дипломатическую игру против РСФСР украинскую буржуазию, их тон в переговорах резко изменился.

Наконец 9 февраля «германский блок заключил сепаратный мир с украинцами. Германский министр иностранных дел фон-Кюльман от имени всего Четверного союза в тот же день заявил, что условия мира, сообщенные им русской делегации до перерыва, он считает окончательными, предложив русской делегации дать ответ к завтрашнему дню. Ультиматум, фактически предъявленный России еще 18 января, был наконец представлен и формально. Основной пункт ультиматума—территориальный—гласил: «Россия принимает к сведению следующие территориальные изменения, вступающие в силу вместе с ратификацией этого мирного договора: области между границами Германии и Австро-Венгрии и линией, которая проходит... (см. схему 46), впредь не будут подлежать территориальному верховенству России. Из факта их принадлежности к бывшей Российской империи для них не будет вытекать никаких обязательств по отношению к России. Будущая судьба этих областей будет решаться в согласии с данными народами, а именно—на основании тех соглашений, которые заключат с ними Германия и Австро-Венгрия». Исчер-

пав все возможности для дальнейшего продолжения борьбы за мир, русская делегация 10 февраля покинула Брест»[1].

Германское командование 16 февраля заявило официально о прекращении перемирия с 12 часов дня 18 февраля, и по истечении этого срока войска германско-австрийского союза перешли в общее наступление от Финляндии до Кавказа.

Германия воспользовалась формулой Троцкого «Мира не подписывать, войны не вести» в качестве юридического предлога для оправдания возобновления военных действий. Кюльман тотчас же после ее оглашения поспешил заявить, что отказ от мирного договора автоматически влечет за собой прекращение перемирия. По адресу же всех тех, кто, как Троций, рассчитывали, что германцы не станут наступать, Ленин писал: «Сея такую иллюзию, они *помогали* германскому империализму и *помешали* росту германской революции, которая ослаблена теперь тем, что у великороссийской советской республики отняли при паническом бегстве крестьянской армии тысячи и тысячи пушек, сотни и сотни богатств».

Ген. Людендорф в своих воспоминаниях говорит, что интервенция имела целью продвинуться внутрь советской территории до тыловых складов, чтобы забрать у русских все их вооружение и военную технику, брошенные на произвол судьбы демобилизованной армией. Что же касается Украины и Юга, то германским командованием было решено оккупировать названные территории полностью.

19 февраля советское правительство послало по радию заявление о своем согласии принять германские условия мира; однако это заявление не остановило наступления интервенции.

Германские и австро-венгерские штыки дали Украинской раде то, чего у нее не было, а именно вооруженную силу. Советская власть была вытеснена из Украины и Юга. Мало того, германские империалисты подали руку помощи атаману Донского казачества, который, собрав под свое знамя все контрреволюционные элементы казачества и буржуазии, уничтожил все достижения советской власти в казачьих областях Дона и Северного Кавказа.

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ СТАРОЙ АРМИИ

Одновременно с происходившими событиями и работой мирной делегации в Брест-Литовске в Петрограде действовала комиссия по демобилизации. Старая Ставка была ликвидирована 2 декабря 1917 г. В течение января 1918 г. последовали постановления о демобилизации призывов 1903—1907 гг. 12 февраля 1918 г. был опубликован приказ главковерха Крыленко о демобилизации старой армии. Наконец 2 марта был опубликован приказ Наркомвоена о демобилизации всех призванных возрастов старой армии.

Параллельно с легальной демобилизацией происходила так называемая самодемобилизация. Войска оставляли фронт по собственному желанию и уходили домой—где одиночным порядком, а где и отдельными группами.

Вопрос о необходимости создания боеспособной вооруженной силы для Советской России был поднят сейчас же после Октябрьской революции.

---

[1] БСЭ, т. 7, стр. 456 см., «Брестский мир».

СОЗДАНИЕ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ И ФЛОТА

Когда в конце декабря выяснились все трудности по заключению мира с Германией и ее грабительские условия, то создалось такое положение, которое могло привести к возобновлению войны. Соображения государственной безопасности поставили на очередь вопрос о необходимости подготовить регулярную вооруженную силу. Весьма естественно, что инициатива исходила от верховного командования, ответственного за оборону государства. Для разрешения связанных с этим серьезным шагом вопросов в Могилеве был созван съезд избранных на местах членов Центрального исполнительного комитета армии и флота (Цекомдарф). На общих заседаниях Цекомдарфа и Революционного полевого штаба была проделана работа по согласованию вопросов общецелевой установки, и в конце декабря 1917 г. члены президиума Цекомдарфа, главковерх и представитель от Революционного полевого штаба отправились в Петроград для согласования намеченного плана действий и получения директив от руководящих кругов из Смольного. Результат названной поездки был тот, что в Петрограде была учреждена Всероссийская военная коллегия для создания вооруженной силы, которая положила начало формированию регулярной Красной армии.

В связи с германской интервенцией и эвакуацией Могилева Комиссия Цекомдарфа была ликвидирована, а дело по формированию регулярной армии перенесено в Петроград, и руководство перешло в руки Всероссийской коллегии, созданной декретом СНК от 20 февраля 1918 г.

Ко времени срыва Людендорфом происходивших в Брест-Литовске мирных переговоров между советской властью и германским командованием и последовавшего вслед за этим грубого вторжения австро-германских сил на территорию Советской России в строительстве вооруженных сил последней можно было отметить два основных течения: одно—создание аппарата управления этими вооруженными силами и создание тем самым организационных предпосылок для формирования регулярной армии и другое—строительство самих вооруженных сил, шедшее вначале, пока не окреп военный аппарат, стихийно, децентрализованным путем, с заметным уклоном в сторону партизанщины.

Победа генеральной линии партии явилась в результате некоторой внутрипартийной борьбы, выразившейся в противопоставлении идеи пратизанщины как метода построения вооруженных сил идее планомерно организованной и централизованной армии. Исход этой борьбы закончился постановлениями, принятыми на VIII Съезде партии в 1919 г. В эти же дни, двадцатые числа февраля, связанные с началом германского наступления, политическая обстановка сложилась так, что вопрос строительства армии стал насущнейшей и важнейшей задачей дня. Именно в эти дни Совет народных комиссаров РСФСР объявил «социалистическое отечество в опасности» и призвал всех трудящихся к отпору: началось усиленное строительство Красной армии, днем которой и стало отныне 23 февраля 1918 г. [1].

Таким образом важнейшим и во всяком случае ближайшим фактором, который был непосредственной предпосылкой, обусловившей успешный ход развития регулярной Красной армии, является срыв Людендорфом мирных переговоров в Бресте, переход в наступление австро-германцев и предложение им советскому правительству тягчайших условий мира.

---

[1] С. Б. Рабинович. Борьба за армию в 1917 г., М.—Л. Гиз, стр. 140, 1930.

В Октябрьском перевороте и в закреплении советской власти на окраинах главная роль принадлежала Красной гвардии. Борьба за укрепление и удержание завоеваний Октябрьской революции еще больше способствовала развитию Красной гвардии.

На место разрозненных и неорганизованных вначале сил внутренней контрреволюции, с которыми красногвардейские отряды сравнительно легко справлялись, выступает германский империализм, реальные силы которого на российской территории определялись в $70^1/_2$ пех. и 3 кав. дивизий австро-германцев, или около 470 000 бойцов, против которых советская власть располагала всего лишь 51 300 плохо обученными бойцами. Германское наступление после первых брестских переговоров фактически обозначает начало краха добровольческого периода Красной армии. Один революционный энтузиазм не помогает. В Петрограде в ночь на 24 февраля 1918 г. по тревожным гудкам заводов мобилизуется около 35 000 рабочих, солдат старой армии и моряков, которые бросаются навстречу германцам. Однако эти малочисленные отряды смогли задержать только темп продвижения германских войск, но серьезного сопротивления германцам они оказать были не в силах.

БРЕСТСКИЙ МИР

Вокруг германского наступления, как известно, разгоралась дискуссия по вопросу о революционной войне. Сторонники немедленного возобновления войны с германцами (левые эсеры и часть большевиков во главе с Бухариным) потерпели жестокое поражение в этом вопросе от т. Ленина, который настаивал на том, чтобы заключить мир с германцами любою ценой с целью добиться передышки. 28 февраля, в № 37 газеты «Правда», Ленин пишет: «Отказ от подписи похабнейшего мира, раз не имеешь армии, есть авантюра, за которую народ в праве винить власть, пошедшую на этот отказ». Эта передышка была необходима в целях упорядочения организации управления государством по всем отраслям, в том числе и для дела строительства Красной армии.

Победа Ленина в вопросе о мире привела к тому, что 3 марта в Бресте подписывается мир. Однако австро-германцы продолжают наступление. Становилось ясно всем, что политическая обстановка несет революции величайшие угрозы со стороны капиталистического мира. Стало необходимым вывести на арену широкие массы, обучить их военному делу и связать их соответствующей организацией.

В начале мая продвижение австро-германцев закончилось. Германия и ее союзники оккупировали: Финляндию, Прибалтику, Польшу, Украину, Юг России и Закавказье. На занятой территории оккупанты создавали буржуазно-демократические республики и поддерживали активность всех контрреволюционных образований, угрожая вместе с тем непосредственно Петрограду, вследствие чего еще 12 марта советское правительство переехало в Москву. 22 апреля Тифлисский сейм провозгласил Грузию самостоятельной республикой.

28 апреля германцы разогнали Центральную раду и 29-го провозгласили ген. Скоропадского всеукраинским гетманом.

При поддержке германского командования ген. Краснов вооружил реакционное донское казачество и, вытеснив красные войска из пределов области, восстановил власть атамана Всевеликого войска донского.

К этому же времени, при поддержке атамана того же казачьего войска сначала Каледина, а потом и того же Краснова, по поручению кадетского «Московского центра» и на средства ростовской и новочеркасской буржуазии,

ген. Алексеев создал наиболее мощную контрреволюционную организацию во время Гражданской войны 1918—20 гг., Добровольческую армию, возглавленную сначала Корниловым, а после его смерти Деникиным.

Как мы видели выше, Англия и Франция в своем тайном соглашении 23 декабря 1917 года решили также оказать поддержку ген. Алексееву. Таким образом объективные причины необходимости борьбы с единым классовым врагом, диктатурой пролетариата, вынудили выступить два капиталистических и воюющих между собою на театрах Мировой войны лагеря, Антанту и центральные державы, фактически как бы единым фронтом. Российская контрреволюция питалась соками того и другого лагеря.

Мировая война приближалась к развязке. Гражданская война в России получала свое дальнейшее развитие.

АЗИАТСКО-ТУРЕЦКИЙ ТЕАТР

Схема 26

В начале описываемого периода в связи с общим положением дел продвижение англичан на Месопотамском фронте почти прекращается. Для турок же начальный период приносит неожиданный успех на Кавказском фронте, где они не только возвращают занятую прежде русскими турецкую территорию, но оккупируют и часть русского Закавказья. Но в сентябре 1918 г. на Азиатском театре, как и вообще в мировой войне, Турция потерпела полное поражение еще до окончания войны и вышла из числа ее участников.

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ

Схема 26В

Как мы уже видели, русская Кавказская армия перестала существовать к концу 1917 г., поэтому с начала описываемого периода турки перешли в наступление с целью обратного овладения областями, завоеванными в 1914—1916 гг. русскими.

Для характеристики войны в этот период в горах необходимо отметить, что турецкая армия, не встречая почти никакого сопротивления, так как нельзя было считать сопротивлением попытку слабых и по духу и по численности армянских войск задержать наступление турок, потратила на свое продвижение не многим меньше того времени, которое было затрачено Кавказской армией на ее фактическое боевое продвижение. Это обстоятельство показывает, как силен был напор Кавказской армии, целесообразно применявшей тактические приемы ведения военных действий в горах, и как трудны горные марши. Так, 30 января турки заняли Эрзинджан, 4 февраля—Байбурт, 8 февраля—Мемахатун, 29 февраля—Эрзерум, а в марте ими была занята вся турецкая территория, оккупированная русскими в мировую войну.

Затем германский Генеральный штаб, в поисках за новой базой с целью борьбы с Англией на Азиатском театре, а также панисламистские идеи Энвера толкают турецкие войска в русское Закавказье, где они в апреле оккупируют Карскую и Батумскую области. Здесь Турки сталкиваются кроме Армянской республики с другой новообразовавшейся республикой—Грузией и после незначительных боевых действий 17 июня заключают с ней мир в Трапезонде. Одновременно турецкий экспедиционный корпус под командой Нури-паши ведет наступлению на Баку, но эти действия уже должны быть отнесены к изложению гражданской войны.

МЕСОПОТАМСКИЙ ФРОНТ

Схема 26Б

В начале 1918 г. вместо умершего Мода в командование английской экспедиционной армией вступает ген. Маршаль, который начинает наступление на всем своем левом фланге и 26 марта занимает Багдадие. Обеспечив таким образом свой левый фланг, англичане возобновили наступление в районе между рр. Диалой и Тигром, потеснили слабую турецкую армию, насчитывавшую всего около 20 000 при 112 орудиях, и в апреле заняли на Керкукском направлении Таук.

В сентябре Маршаль, одновременно с наступлением англичан на Сирийском фронте, перешел в наступление на Моссул и после 6-дневной битвы занял 24 октября Керкук, после чего действовавшая на Моссульском направлении турецкая армия сложила оружие. Эта капитуляция открыла дорогу на Моссул, который был занят англичанами 31 октября, но уже накануне, 10 октября, в Мудросе было подписано перемирие с Турцией.

СИРИЙСКИЙ ФРОНТ

Схема 26Г

С начала года англичане продолжали свое наступление от Яффа-Иерусалим на север, и 21 февраля турки, под угрозой обхода английской конницы, очистили Иерихон и отошли на восточный берег р. Иордана. К весне англичане распространились к югу от Мертвого озера, на котором и стали твердой ногой. Одновременно были выдвинуты легкие колонны к Амману для связи с арабами, наступавшими с юга и юго-востока; 29 марта Амман был взят. Однако успехи англичан были непродолжительны, и их дальнейшее продвижение было задержано до осени. Германское наступление весной 1918 г. на Французском театре заставило перебросить часть английских войск из Сирии во Францию. Турки, сосредоточив в районе Аммана части 4-й армии, атаковали англичан, которым с трудом удалось отвести свой фланг к Иордану. На этом операции приостановились, и обе стороны начали готовиться к решительной борьбе за Палестину.

В этот период особое значение имели действия арабских войск, которым под руководством Лоуренса почти удалось отрезать турецкую армию от ее базы в Дамаске.

Подготовка к последующим действиям длилась все лето, и к сентябрю положение сторон было следующее: правый фланг англичан упирался в Мертвое озеро и нижнее течение р. Иордана, где они имели три предмостных укрепления; далее линия фронта шла на северо-запад и оканчивалась у моря, севернее Яффы, главная масса резервов была сосредоточена за левым флангом и центром, в районе Иерусалима. Турки имели в Палестине 3 армии общей силой около 80 000 и 500 орудий под общим командованием ген. Лимана-фон-Сандерса, заменившего Фалькенгайна. 8-я армия была развернута на приморском направлении, 7-я армия—в районе Набулуса и 4-я армия—между р. Иорданом и Амманом. Левый фланг имел для турок особое значение, так как здесь проходит железная дорога на Дамаск и кроме того турки стремились разъединить арабов и англичан; поэтому 4-я армия была сосредоточена на фронте около 20 *км*, в то время как две других занимали фронт в 80 *км*.

Англичане решили удержать правым флангом низовья р. Иордана и на-

нести при содействии флота удар своим левым флангом вдоль морского побережья с целью выйти на сообщения турецких армий.

Сражение началось 19 сентября наступлением левого фланга англичан, которые в течение дня сбили турок на приморском направлении и, продвинувшись вперед на 20 *км*, стали охватывать правый фланг турок и бросили вперед свою конницу. На следующий день на набулусском направлении центр англичан перешел в наступление против 7-й турецкой армии, а левый фланг, продолжая захождение, вышел западнее Набулуса и, угрожая туркам охватом, стал развертываться фронтом на восток. В этот же день (20 сентября) английская конница, совершив переход в 60 *км*, перехватила железную дорогу в Эль-Фульче и заняла Бейзан, а 21 сентября овладела переправами через р. Иордан южнее Тивериадского озера.

В результате 3-дневного сражения турецкие армии были разбиты, отрезаны от путей отступления, и им осталось только пробиваться на восток. Но здесь наступали на Дерат арабы Фейсала, сына меккского шерифа. В этом кольце 8-я и 7-я турецкие армии потеряли всякую боеспособность и сдались; 4-я армия пробивалась на восток, но, преследуемая и охватываемая английской и арабской конницей, она потеряла всю свою артиллерию, и в Дамаск вошли лишь жалкие остатки ее войск.

Дорога в Сирию была открыта, 28 сентября англичане заняли Сан-Жан д'Арк (Акку), а 1 октября их передовые части вместе с арабами вошли в столицу Сирии Дамаск. Это затрогивало интересы Франции, сыздавна занимавшей господствующее положение в Сирии, и французский флот 7 октября вошел в порт Бейрут. 15 октября союзная кавалерия заняла Триполи, 27 октября достигла Алеппо, важного узла Багдадской железной дороги, и таким образом Сирия была потеряна для англичан.

ВОЙНА НА МОРЕ

Схема 2

Еще с осени 1916 г. для борьбы с германскими подводными лодками англичане обратили внимание на Фландрское побережье, где германцы тщательно укрепили два важных порта—Остендэ и Зеебрюге. В обоих портах были устроены базы для подводного, миноносного и воздушного германских флотов; а вследствие близкого расстояния (60—70 миль) до берегов Англии рейды и налеты наносили чувствительные удары не только в канале, но давали себя чувствовать и в Атлантическом океане. Это было своего рода «осиное гнездо» у берегов Англии.

Для обстрела этих баз англичане выстроили специальные суда-мониторы, которые, имея небольшую осадку (до 12 футов), были вооружены мощной артиллерией (до 15-дм.), стреляющей на 37 *км*. С помощью этих судов англичане надеялись разгромить базы. Однако артиллерийский обстрел побережья не давал серьезных результатов, так как главная ценность этих портов заключалась в системе каналов и внутреннем порте Брюге, где могли укрываться подводные лодки и гидроавиация.

Тогда англичане задались целью посредством заблокирования лишить германцев возможности пользоваться этой базой. В большой тайне была организована экспедиция в составе 162 судов различного назначения, большей частью принадлежавших к так называемому «Доуэврскому патрулю», обеспечивающему сообщения между Англией и континентом. 2 апреля экспедиция была направлена из Сюипа в Зеебрюге, причем часть сил была выделена к Остендэ. Англичане под прикрытием дымовых завес произвели десантами

ряд атак портовых сооружений Зеебрюге, взорвали виадук и потопили свои брандера. В результате этой первой в истории удачной операции затопления брандеров Зеебрюге был заблокирован; в нем были заперты на значительное время 12 германских подлодок и 23 миноносца, и кроме того вследствие взрыва виадука Зеебрюге потерял свою ценность и как база для гидросамолетов.

Операция у Остендэ была неудачна, но при повторении ее, 9 мая, англичанам удалось утопить на рейде брандер. В общем указанные действия несомненно затруднили германцам ведение подводной войны, что сразу же и отозвалось на количестве потопленного тоннажа.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР

ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА И ЗНАЧЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ФРОНТА

Схема 47А

Кампания 1918 г. во Франции и Бельгии продолжалась с 21 марта по 11 ноября—всего 235 дней. Она делится на два почти равных периода: наступление германцев в продолжение 119 дней (с 21 марта по 18 июля) и контрнаступление союзников, длившееся 116 дней (с 18 июля по 11 ноября). Однако все операции 1918 г. составляют одну неделимую, спаянную одной основной идеей кампанию.

К концу 1917 г. линия фронта проходила: по бельгийской территории восточнее Ньюпора и Ипра; по французской—восточнее Армантьера, Бетюна и Круазиля; далее в районе Камбрэ фронт был вдавлен в сторону германцев, а затем тянулся западнее С. Кентен на Ла-Фер, по р. Элет на Шмен-де-Дам, проходил севернее Реймса, обтекал Верден с севера и востока и вдавался в союзное расположение у С. Миеля; затем фронт поворачивал и шел, примерно, вдоль границ Лотарингии и по восточной окраине Вогез (вдоль границы с Эльзасом) до швейцарской границы.

Иначе говоря, западнее Мааса линия фронта шла по дуге, вдавленной в расположение союзников и находившейся от Парижа в 105 *км*, а от побережья по линии Кале—Аббевиль в 70—85 *км*. Западная часть фронта находилась в 200—260 *км* от германской границы. До франко-бельгийской границы от наиболее удаленного от нее участка фронта было 60—70 *км*. Протяжение всего фронта доходило до 765 *км*, но почти все операции 1918 г. произошли западнее Мааса, на участке протяжением 420 *км*.

Вооруженные силы трех государств Антанты располагались:

1. Бельгийская армия короля Альберта—от моря до Лангемарка на фронте 35 *км*, всего 80 000 бойцов (12 пех. дивизий, 590 орудий, из них 160 тяжелых).

2. 4 английских армии фельдмаршала Хега от Лангемарка до р. Уазы на фронте в 200 *км*—всего 958 000 бойцов (58 пех. и 3 кав. английских дивизий, 2 португальские дивизии, 6 054 орудия, из них 2 093 тяжелых, 1 034 самолета, 370 танков).

3. 8 французских армий генерала Петэна в двух группах: а) северная группа генерала Франше д'Эспере—4 армии (4-я, 5-я, 6-я и 3-я) от р. Уазы до р. Эн на фронте в 160 *км* и б) восточная группа генерала Кастельно—4 армии (7-я, 8-я, 1-я и 2-я) от р. Уазы до швейцарской границы на фронте в 370 *км*. Всего на фронте в 530 *км* французы имели 1 100 000 бойцов

(99 пех. и 6 кав. дивизий, 8 795 орудий, из них 4 000 тяжелых, 2 750 самолетов, 523 танка) [1].

Сверх того к 21 марта высадились части 6 американских дивизий, но из них боеспособной была лишь одна.

Всего союзники имели во Франции и Бельгии 172 пех. и 9 кав. дивизий, 15 751 орудие (из которых 6 373 тяжелых), 3 784 действующих самолета, 893 танка—2 158 000 бойцов, 4 940 500 едоков. Из этого количества сил 112 пех. дивизий занимали фронт, а 60 пех. и все кав. дивизии были в резерве. Наибольшая плотность боевого порядка была создана на кратчайших путях к Парижу на фронте от Вердена до Реймса и к побережью севернее Камбрэ. Здесь дивизии занимали участки, не превосходившие 5 *км*. В Вогезах дивизионные участки доходили до 13,5 *км*.

Против союзных сил стояли 13 германских армий, входивших в состав четырех фронтов. Они насчитывали 193 пех. дивизии с 15 700 орудиями и 2 800 самолетами—2 000 000 бойцов (4 000 000 едоков). Из общего числа дивизий в резерве были 85 дивизий. Во главе вооруженных сил находился император Вильгельм при 71-летнем начальнике штаба Гинденбурге и 53-летнем ген.-квартирмейстере Людендорфе.

К линии фронта от моря до Вогез, протяжением в 550 *км*, со стороны Германии подходили 14 сквозных железнодорожных линий, в среднем одна линия на 40 *км* фронта, а со стороны Франции—12. По фронту все они были распределены неравномерно. Со стороны Германии больше всего железных дорог подходило к северному и восточному участкам, а со стороны Франции—из Парижа к участку Шалон—р. Уаза. К Вогезам со стороны Германии подходили 7 железнодорожных линий, а со стороны Франции—2. Рокадных железнодорожных путей вблизи и вдоль всего фронта германцы имели 2, союзники—3.

Продолжительная позиционная война при упорстве обеих сторон и отсутствии решительных результатов позволила им не только основательно зарыться в землю, но и хорошо оборудовать свои глубоко эшелонированные позиции и для длительного в них пребывания, и для уменьшения потерь от неприятельского огня, и для оказания сопротивления атаке врага. У обеих сторон позиции представляли собой лабиринт окопов, ходов сообщения, усиленных проволочными заграждениями и другими препятствиями; при этом германские позиции, занимавшиеся войсками боевой линии, имели в глубину местами до 7—10 *км*, а кроме того на опасных участках позади первой позиции имелась и вторая. В глубоком тылу северных германских армий частью создавались, частью намечались еще 3 позиции, которые до 1918 г. должны были парализовать усилия численно превосходных союзников прорвать фронт: Герман—Гундинг—Брунгильда—Киримгильда по линии Гент—Валансьен—Ретель—Вузьер—Антверпен—Маас и вдоль бельгийско-германской и французско-германской границы до Меца.

Эльзас прикрывался одной позицией, занятой войсками, с отдельными укрепленными участками в ее тылу.

У союзников первая позиция была эшелонирована в глубину на 3—5 *км* и более. Позади нее в 1—8 *км* вдоль всего фронта находилась вторая позиция, а еще дальше в тылу за некоторыми участками и третья. Но третья позиция не была закончена, а вторая была значительно слабее первой.

---

[1] Траншейные орудия во все приведенные цифры не входят.

Юго-восточная часть театра, примыкавшая к Эльзас-Лотарингии и прикрытая со стороны последней двойным барьером, не считая занятой войсками укрепленной полосы—хребтом Вогезских гор и крепостями от Вердена до швейцарской границы—очевидно, была невыгодной для наступательных действий германцев. С другой стороны успешное наступление французов на Страсбург в обход всей укрепленной системы германцев с юга на сообщения главной массы германских вооруженных сил поставило бы их в чрезвычайно опасное положение.

Иной характер имела северо-западная часть театра. Отсутствие здесь мощных естественных преград делало этот участок пригодным для широких наступательных действий крупных войсковых масс. Важнейшие операционные направления шли к Парижу и к побережью. В соответствии с этим особое значение имели: центральный участок северо-западной части фронта, выдвинувшийся к столице Франции, и северный приморский участок. Последний прикрывал порты, через которые поддерживалась связь между Англией и Францией. Здесь была промежуточная база английской армии. Через эти порты шли кратчайшие пути с британских островов на главный театр военных действий. Отсюда германские подводные лодки могли успешнее вести борьбу с флотом Англии, германская бомбовозная авиация получала близкие и важные объекты для своих действий, а сверхдальнобойные орудия—благодарные цели в юго-восточном углу Англии. Естественно, при столь важном стратегическом значении этого побережья захват его германцами с целью разобщения союзников, а также для нанесения вреда непосредственно самой Англии должен был сделаться важнейшей, после разгрома живой силы Антанты и захвата Парижа, оперативной задачей германской армии. Овладение побережьем в сильной степени затрудняло взаимодействие союзных сил, ослабляло военную мощь коалиции, вызвало бы политические осложнения, замедлило бы прибытие американцев и могло бы оставить одну Францию против сильного врага. И насколько захват этого побережья представлялся существенным для Германии, настолько удержание его в своих руках являлось необходимым для англо-французов.

Кроме вышеуказанных участков фронта не менее важное значение имел и прилегавший к Маасу сектор. В тылу главной массы германских войск, составивших правое крыло германского фронта, и значительно удаленной от германской границы находилась Бельгия с малым числом переправ через Маас и с бедными путями сообщений Арденнами. Центр германского фронта мог базироваться только на железные дороги, идущие из Германии южнее Арденн. В тылу северного крыла германской армии создавались мощные укрепленные полосы. При этих условиях наибольший успех сулило решительное наступление союзников с участка фронта, примерно Реймс, Верден и восточнее в обход германских укрепленных позиций, в общем направлении на Седан, а еще лучше вдоль Мозеля. Успешное наступление в этом направлении выводило в тыл главной массы германской армии, нарушало ее непосредственную связь с Германией и, перерезая рокадные железнодорожные линии, лишало свободы маневра и вынуждало базироваться лишь на железные дороги Бельгии. Последние же были сосредоточены между голландской границей и Арденнами, т. е. проходили по узкому коридору в 80 *км* ширины. Для организации наступления и этот участок был также выгоден для союзников, так как к нему подходило много путей и успех союзников в этом направлении ставил германскую армию в тяжелое положение. При отходе она вынуждена была втиснуться в упомянутый коридор и пересечь р. Маас. Хотя через р. Маас

имелось много мостов, но их все же было недостаточно для быстрой переправы миллионов людей и лошадей. При дальнейшем продвижении союзников на север являлась угроза или уничтожения германской армии или оттеснения ее на голландскую территорию, до которой от Вердена всего 185 *км*. Для германцев было необходимо удерживать прилегающий к Маасу участок фронта. Для англо-французов захват района Седан-Мезьер или Люксембурга приводил к решающим результатам.

СОСТОЯНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ОБЕИХ СТОРОН

Вооруженные силы обеих сторон за время длительной позиционной войны были реорганизованы. Эта реорганизация была связана с огромными потерями в личном составе, недостатком людских и конских ресурсов, значением, которое приобрела техника, опытом войны, а также необходимостью изыскания новых источников борьбы.

Наиболее существенными и общими чертами тех изменений, которые произошли в составе сухопутных вооруженных сил обеих сторон, являлись: огромное увеличение армий, снабжение их новейшими техническими средствами, особенно артиллерией и авиацией, соответственное уменьшение относительной численности пехоты и особенно кавалерии, увеличение численного состава прочих родов войск, привлечение к военной службе тех граждан, которые по законам мирного времени не подлежали воинской повинности, создание новых родов войск и артиллерии резерва главного командования.

В частности Германия к началу кампании 1918 г., достигнув максимума своего напряжения, имела всего 242 пех. и 4 кав. дивизии, сведенных в 69 корпусов. Недостаток людей и лошадей в Германии вынудил все дивизии разделить по качеству, без уведомления их об этом, на 3 категории: 1) пригодные для ведения всяких операций, так называемые ударные дивизии, которых было 56, 2) пригодные для ограниченных районов действий и 3) пригодные лишь для позиционной войны [1].

К началу ноября 1917 г. на Западном фронте находились 147 германских дивизий, и тогда же началась усиленная переброска их с востока, так как русская и румынская армии уже вышли из борьбы. С одного фронта на другой обычно перебрасывались лишь дивизии, а управления корпусов в большинстве случаев были прикреплены к определенному участку фронта; число и номера дивизий, входивших в состав корпусов, менялись. Обычно в корпусе было от 3 до 5 дивизий и сильная тяжелая артиллерия разнообразного состава.

В общем же для германской армии 1918 г. по сравнению с 1914 г. было характерно—создание могущественной артиллерии ближнего боя (17 127 минометов), значительное усиление легкой и тяжелой артиллерии (первой в 2, а второй в 2½ раза), увеличение числа пулеметов в 20 раз, резкое увеличение авиации и средств зенитной обороны, усиление механического транспорта (40 000 автомобилей) и расформирование 7 кав. дивизий.

Германцы первые усвоили и применили на практике основы гибкой обороны. Они первые стали глубоко эшелонировать войска и первые отка-

---

[1] Дивизия имела 9 батальонов, 54—108 станковых и 144 легких пулемета, 48—60 орудий, 48—72 миномета, 1—2 саперных роты, 1 эскадрон, телефонную роту и многочисленные вспомогательные части, которые впрочем часто являлись принадлежностью не дивизии, а определенного участка фронта и переходили из одной дивизии в другую. Это дало возможность перевозить дивизию в 30 железнодорожных эшелонах.

зались от цепляния за местность и стремления во что бы то ни стало удерживать передовые элементы обороняемой позиции. Назначение занимавших их войск—нанести возможно большие потери и расстроить атакующего, а самим отойти, избегая бесполезных потерь. Утерянное пространство не имело значения, так как легче всего было вернуть его контрманевром из глубины. В связи с этим они стремились использовать элемент внезапности, для чего широко применяли маскировку и располагали главную линию обороны на обратных скатах возвышенностей.

Новые методы наступления на укрепленную позицию были впервые испытаны германцами в рижской операции, после которой они изложили их в специальной инструкции «Наступление в позиционной войне». Для наступательного боя ставится или ограниченная цель, или решительный прорыв с целью выйти из укрепленной полосы и вернуть себе свободу маневра. При прорыве главный залог успеха—в использовании внезапности, быстроте и силе удара и глубоком проникновении в расположение противника. Внезапность достигается скрытностью подготовки операции, развертыванием сил непосредственно перед началом артиллерийской подготовки, ее кратковременностью, что вынудило их отказаться от пристрелки. На 1 *км* фронта прорыва необходимо развертывать до 100 орудий. Пехота в групповом порядке продвигается под прикрытием огневого вала со скоростью до 1 *км* в час. Кроме артиллерии наступлению пехоты содействует и сильная авиация. Попрежнему успех операции достигается обходом или охватом противника. Дивизии получают участки не более 2 *км*. За дивизиями первой линии следуют дивизии второй, а иногда и третьей линии. Бой должен регулярно питаться материальными средствами.

Германская армия попрежнему была мощной, прекрасно обученной, хорошо воспитанной и вполне способной к широким наступательным действиям. Однако брожение внутри Германии, революция в России и общее утомление войной стали оказывать некоторое влияние на моральное состояние многих бойцов. Слабыми местами германской армии были: истощение живой силы; для пополнения потерь ежемесячно требовалось около 225 000 чел.; внутри страны, не считая работающих на оборону, оставалось немного больше 1 000 000 способных носить оружие лиц; недоедание начало чувствоваться в армии—паек был уменьшен до 2 500 калорий; недостаток фуража, горючего, каучука; наличие только 10 танков. Командный состав был обучен хорошо и не мыслил окончить войну без победы.

Во Франции всего было 113 пех. и 6 кав. дивизий, сведенных в 32 армии и 2 кав. корпуса, причем 6 пех. див. были в Италии и 8—на Салоникском фронте[1]. Отличительными особенностями французских вооруженных сил были: «возимая» артиллерия—75-*мм* пушки, перевозимые на грузовиках; наличие большого числа танков и 84 000 автомобилей; расформирование с 1914 г. 6 кав. дивизий; резкое увеличение на французском театре военных действий числа действующих самолетов; хорошее продовольствие бойцов—3 816 калорий.

Глубокий прорыв неприятельской укрепленной полосы был объявлен дорого стоящим и ненадежным предприятием. Отныне внимание обращалось на короткие удары с ограниченной целью, наносимые внезапно и лишь после тщательной подготовки, особенно артиллерийской. От пехоты при этом не

[1] В пех. дивизии были 9 батальонов, 72—108 станковых и 216 легких пулеметов, 48 орудий. 1—2 эскадрона, 2 саперных роты и пр. В состав корпуса входили 2—4 дивизии, 36—48 тяжелых орудий, 1—2 разведывательных эскадрильи и пр.

требуется больших усилий. Она идет вперед лишь после того, как артиллерия уничтожит все стоящие на ее пути препятствия. Каждое действие войск должно быть предусмотрено, организовано и проведено методично. Если атакует противник, французы встречают его предусмотренным, методично организованным отпором, опирающимся на детально разработанный план быстрой подачи подкреплений к угрожаемому пункту. Взгляды французов на оборону были сходны со взглядами германцев.

Французское командование «изжило» кризис, потрясший армию весной 1917 г. Рядом кровавых репрессий ему удалось подавить революционное брожение и отдельные выступления против войны. Численность ее цветных войск увеличилась. Она обладала огромным боевым опытом, мощными огневыми и техническими средствами и была обучена вполне хорошо. Это привело к тому, что остальные союзные армии, в общем, придерживались французских взглядов на ведение боя. Однако отсутствие достаточных пополнений (имелось всего 500 000 чел.), крупные потери и неудачи предшествовавших лет войны вызывали несколько излишнюю централизацию управления, методичность действий и боязнь риска.

Длительная кровопролитная война и угроза самому существованию Британской империи вызвали необходимость в 1916 г. ввести в Англии обязательную воинскую повинность, что дало возможность в значительной степени увеличить ее вооруженные силы. К началу кампании 1918 г. в Британской империи имелись всего 91 пех. и 8 кав. дивизий, из которых 33 пех. и 5 кав. дивизий или находились в ее пределах, или вели борьбу в Азии, Африке, Италии и на Балканском полуострове. Дивизии, бывшие во Франции, были включены в 18 корпусов [1].

Характерными особенностями британских вооруженных сил были: «независимые воздушные силы», подчиненные непосредственно особому Воздушному министерству и предназначенные для налетов в глубь Германии; наличие большего числа танков и 46 000 автомобилей; отсутствие, как и в других воевавших государствах, достаточных пополнений; отличное снабжение армии и сытное продовольствие—паек имел 4 193 калории. В общем Англия провела огромную работу по созданию первоклассной армии. Ее моральное состояние было высоко, командный состав по подготовке был слабее, чем во Франции и Германии.

По объявлении 5 апреля 1917 г. войны Германии Соединенные штаты произвели циклопическую работу по созданию сухопутных вооруженных сил. 18 мая 1917 г. был обнародован закон о всеобщей воинской повинности. В январе 1918 г. в армии состояло 1 300 000 едоков. В течение 1918 г. было решено сформировать 93 пех. дивизии [2].

Высадка американцев во Францию началась 13 июня 1917 г. К 21 марта 1918 г. там было уже свыше 300 000 едоков, причем число высаживавшихся во Франции ежемесячно росло.

В общем огромный людской запас и богатства Соединенных штатов создавали базу для быстрого формирования огромной, хорошо снабженной армии (паек 4 714 калорий). Эта армия должна была перевесить чашу весов воен-

---

[1] В состав пехотной дивизии входили 9 батальонов, 64 станковых и 192 легких пулемета, 72 орудия, 16 бомбометов, саперный батальон, рота связи и пр. В корпусе были 2—4 пех. дивизии.

[2] Каждая дивизия имела 12 батальонов, 168 станковых и 768 легких пулеметов, 72 орудия, инженерный полк, батальон связи и автобронебатальон. По штату в дивизии состояло 27 080 едоков, а в корпусе (4—5 дивизий) — 170 000.

ного счастья на сторону Антанты. Но ее создание было рассчитано на затяжку войны и на 1919 г., тем более что ограниченные транспортные возможности препятствовали необходимой быстроте перевозки ее частей на театр военных действий. Во главе вооруженных сил Соединенных штатов находился ген. Першинг.

Сравнивая вооруженные силы обеих сторон во Франции к началу кампании 1918 г., не трудно видеть, что при равном числе бойцов и орудий союзники превосходили германцев в коннице, авиации и в числе танков, а германцы союзников в числе дивизий (193 германских против 172 союзных). При кризисе людского запаса во всех воевавших государствах Антанта имела за собой Соединенные штаты. При отличном продовольствии вооруженных сил Антанты германская армия питалась скудно. Зато германская армия была однородной, прекрасно обученной и умело управляемой. В состав же союзных сил входили бойцы разных наций, языков и характеров. С другой стороны, моральное состояние вооруженных сил Антанты было выше, чем Германии.

Борьба велась на территории Франции, а следовательно буржуазии Антанты было легко внушить населению Франции необходимость защищать отечество, а всем остальным участникам то, что они ведут «справедливую, оборонительную войну». Кроме того она искусно использовала с целью разжигания ненависти к Германии и налеты на Лондон и Париж, и страдания населения в оккупированных Германией французских и бельгийских областях, и угрозу существованию Англии, и гибель гражданского населения при потоплении союзных и нейтральных судов германскими подводными лодками. И в то же время буржуазия Антанты не мыслила окончания войны до полного сокрушения Германии.

Если тактические взгляды французов характеризовались централизацией управления, использованием мощных технических средств, методичностью и желанием сохранить людские жизни, то германцы проводили в своих войсках смелость, дерзновение, простоту и грубость приемов, поощряли инициативу частных начальников и стремление к широким наступательным действиям в поле. А в общем обе стороны по качеству были одинаковыми, имели отличную боевую подготовку и стремились к тому, чтобы не только устоять, но и одолеть в предстоявшей борьбе. И каждая из них не жалела ни трудов, ни денег, чтобы достигнуть этого.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЕИХ СТОРОН. ПЛАНЫ КАМПАНИИ

ГЕРМАНИЯ

Изоляция Германии от внешнего мира вызвала к началу 1918 г. острый недостаток съестных припасов, сырья, искусственных удобрений. Сбор хлебов в 1918 г. дошел до 41% мирной нормы. Скотоводство было в лучшем состоянии, но все же число голов уменьшилось, а вес их пал. В соответствии с падением сельского хозяйства калорийность нормального пайка мирного жителя не превосходила 1 400 калорий. При этом качество продуктов стало весьма низким. Надежды Германии на продовольственные запасы Украины и Румынии не сбылись.

Промышленность работала несколько лучше, чем сельское хозяйство; этому способствовал захват Германией Бельгии, северо-восточной Франции с железными и угольными копями и развитой металлургией и Домбровского угольного района. Тем не менее уменьшение числа рабочих рук и отсутствие многих

видов сырья серьезно отразились на состоянии мирной промышленности. Зато военная промышленность цвела. В августе 1916 г. главное командование выставило требование интенсификации промышленности, известное под названием «программы Гинденбурга». По этой программе продукция патронов и минометов должна быть удвоена, а орудий и пулеметов утроена. В результате производство снарядов увеличилось по сравнению с 1914 г. в 15 раз, орудий тяжелых в 20 раз, легких в 200 раз, а пулеметов в 230 раз. Уже в 1917 и 1918 гг. главное командование было вынуждено настаивать на уменьшении производства орудий, пулеметов и винтовок, но полного успеха оно не имело, так как промышленное производство имеет громадную инерцию, а в данном случае оно к тому же поддерживалось заинтересованными лицами. В июне 1917 г. в связи со вступлением в войну Соединенных штатов была создана «американская программа» усиления воздушного флота, в соответствии с которой ежемесячное производство самолетов дошло до 2 000, а авиамоторов до 2 500 штук.

Падение внешней торговли, особенно экспорта, уменьшение золотого запаса, рост государственного долга и инфляция понизили курс марки на 30%. Железнодорожный и автомобильный транспорт был изношен, а средств и сил для его восстановления не имелось. Из вышеизложенного видно, что Германия была разорена, народ сильно обнищал. Зато военная промышленность производила орудий истребления больше, чем их требовалось для ведения войны. Такое состояние экономики Германии, оказавшее сильное влияние на ход кампании, предопределяло ее внешнее и внутреннее политическое положение.

1 февраля 1917 г. германские подводные лодки начали «неограниченную» войну. Нанеся сильный ущерб Англии и Франции, подводная война затронула интересы и Соединенных штатов, последние как мы знаем 5 апреля объявили войну. Но так как и раньше Соединенные штаты снабжали Европу всем необходимым, то германские правящие круги сначала не особенно смутились их выступлением, полагая, что они не в состоянии будут скоро перебросить в Европу сколько-нибудь значительные силы, но зато ныне можно было не делать исключений для судов под американским флагом.

Оценивая обстановку, ген. Людендорф пишет [1]: «На рубеже 1917/18 г. обстановка на суше вследствие выхода из войны России слагалась для нас выгоднее, чем за год перед этим. Мы вновь, как в 1914—1916 гг., могли ставить перед собой задачу решения войны посредством наступления на суше Соотношение сил складывалось для нас так благоприятно, как никогда». При вышеприведенной оценке обстановки, сделанной Людендорфом, последний однако совершенно ясно сознавал, что такое благоприятное для Германии соотношение сил может быть только до тех пор, пока Америка не перевезет во Францию сил, достаточных для того, чтобы это соотношение изменилось в пользу Антанты. Такой момент должен был наступить летом 1918 г., учитывая, что Америка ежедневно перевозила по 7 000 солдат с соответствующей богатейшей техникой.

Таким образом внешнеполитическая обстановка для германского командования могла представляться в привлекательном виде. Союзники же Германии были ненадежны, и лишь победа ее могла удержать их в союзе. Полной же победы не могло быть до сокрушительного удара по западным противникам на главном театре военных действий во Франции. Ни та, ни другая сторона не сделала серьезных попыток притти к полюбовному мирному соглашению. Все

---

[1] Людендорф, цит. соч., стр. 114.

они имели целью только убедить общественное мнение в миролюбии своих правительств, в агрессивности своих противников и в необходимости продолжать «оборонительную войну». Наиболее характерной из таких лицемерных попыток к миру были предъявленные Вильсоном Конгрессу 8 января 1918 г. знаменитые 14 пунктов, которые должны были лечь в основу будущего мира.

Но если внешняя обстановка могла казаться благоприятной, то внутреннее положение Германии возбуждало серьезные опасения. Тяжелое экономическое положение ее и неясность военного положения, утомление войной, неоправдавшиеся упования на подводную войну, вступление в войну Соединенных штатов и агитация Антанты делали невозможным поднятие духовной энергии германской нации. С другой стороны, идеи пацифизма и коммунизма широкой волной хлынули с востока в Германию. В результате, вопреки тому, что вожди социал-демократии и профессиональных союзов пока еще высказывались бесповоротно за оборону страны, забастовки ширились, революционное брожение масс росло, восстания возникали даже во флоте.

Но в общем, несмотря на непрочное положение внутри Германии и продовольственные затруднения, обстановка представлялась главному германскому командованию благоприятной для перехода к решительным действиям на Западном фронте с тем, чтобы, сокрушив армии Антанты до прибытия во Францию крупных американских сил, силой победоносного оружия заставить Антанту подписать победный для Германии мир. К подготовке такого удара и приступило германское командование, полагая, что предшествовавшие годы войны были лишь подходом к тому, чтобы создать такую обстановку, которая открывала бы возможность наступления на Западном фронте с решительной целью. При этом германское главное командование стремилось достичь конечной цели в первой операции. Если бы достигнуть ее первым же натиском не удалось, то предполагалось возобновить наступление с целью настолько потрясти союзный фронт, чтобы он в конце концов все-таки рухнул.

И действительно, если, с одной стороны, условия мира, предложенные Антантой, были для Германии не приемлемы; если, с другой стороны, дальнейшее затягивание борьбы и выжидание наступления со стороны Антанты были для нее непосильными, то оставался лишь единственный выход—сокрушение армий Антанты до прибытия во Францию крупных американских сил. Основания для такого решения несомненно имелись: внешняя обстановка была благоприятной, главное командование поддерживалось правительством, буржуазией и вождями социал-демократии и профессиональных союзов, в его распоряжении находилась отличная армия, в изобилии снабженная предметами вооружения (но, правда, численно не превосходившая вооруженные силы Антанты), Антанта переживала серьезные затруднения главным образом в пополнении своих вооруженных сил. Но, принимая такое решение, Гинденбург не мог сосредоточить на Франции все свое внимание и силы. Империалистические вожделения и тяжелое экономическое положение Германии заставляли его устремлять свои взоры на восток с целью удержать захваченные там территории и иметь возможность выкачать из них продовольствие и сырье.

АНТАНТА

Экономическое положение Антанты было хотя и тяжелым, но все же значительно лучше, чем в Четверном союзе. В частности Франция с 1914 г. лишилась большей части своих каменноугольных и минеральных копей и своей металлургической промышленности. Она потеряла район, также бо-

гатый и в сельскохозяйственном отношении; поэтому не могла наладить производство во всей полосе тыла союзных армий. Она лишилась 84% всего числа призванных на военную службу мужчин в возрасте от 18 до 45 лет. В результате всего этого сельское хозяйство сильно пало. Уже в июне 1917 г. пришлось ввести карточки на сахар, а в конце этого года и на хлеб.

Необходимость усиленного импорта хлеба, скота, нефти, стали и угля, а также и грузов для удовлетворения потребностей ее вооруженных сил вызвали, в связи с переброской во Францию и снабжением английской и американской армий, огромную нужду в тоннаже, соответствующем развитию портов, постройке от них новых железнодорожных линий и усилении транспорта внутри страны. В результате импорт по сравнению с 1913 г. увеличился на 50% а экспорт пал в 2 раза. Транспорт износился, вагонов, несмотря на крупные покупки их, нехватало, на транспорте испытывался серьезный недостаток личного состава, рельс, шпал, топлива и пр., частное движение было стеснено, поезда ходили с меньшей скоростью, грузы запаздывали.

Производительность мирной промышленности, сначала сильно снизившаяся, к 1918 г. возродилась. Финансовое положение Франции, несмотря на крупные кредиты на войну, инфляцию и займы, было относительно хорошим. Курс франка в надежде на контрибуцию, реализацию русских долгов и пр. держался в среднем 92% паритета.

Для Англии, чья жизнь всецело зависела от импорта сырья и продовольствия, безопасность морских путей была важнее всего. Открытая борьба в море кончилась для германцев неудачей, и аглийский флот продолжал господствовать. Казалось, можно было быть спокойным. Но началась неограниченная подводная война, и все сразу было поставлено под угрозу: снабжение населения Англии и снабжение английских вооруженных сил во Франции, Салониках и на других театрах, и под угрозой оказалась даже перевозка американской армии во Францию. В случае полной удачи подводной войны сначала Англия, а потом Соединенные штаты вынуждены были бы выйти из войны, а при этих условиях Франции оставалось только сдаться. Во всяком случае вопрос с тоннажем у Антанты в 1918 г. сильно обострился. Англии, обладавшей в 1914 г. 41% мирового тоннажа (19 млн. *т)*, необходимо было не только удовлетворять потребности свои и своей армии и поддерживать сношения со всеми своими рынками, чтобы окончательно не потерять их в пользу конкурентов, но и предоставлять крупную часть своего торгового флота для Франции и Соединенных штатов, так как тоннаж последних (Франции— 2,5 млн. и США—3,5 млн. *т)* был недостаточен. Поэтому, несмотря на принудительное привлечение для обслуживания нужд Антанты торгового флота нейтральных государств, спешную постройку новых судов, строгие ограничения для импорта, действительные меры для борьбы с германскими подводными лодками,—тоннажа нехватало, стоимость фрахта и цены на предметы первой необходимости возросли. Падение внешней торговли и особенно вывоза, огромные расходы на войну, ссуды союзникам, займы и инфляция очень болезненно повлияли на финансовое положение Англии.

Таким образом экономическое положение богатых Англии и Франции значительно осложнилось, особенно второй. Англия же, обладавшая господством на морях, имея самый сильный торговый флот и неограниченный кредит в Соединенных штатах, в меньшей мере была стеснена в удовлетворении своих потребностей.

Опыт первых же боев в 1914 г. ясно дал понять, что победа Антанты станет возможной лишь в том случае, если союзники смогут значительно

превзойти Германию в производстве предметов вооружения, огнестрельных припасов и технических средств. Единые интересы Антанты побудили ее весной 1917 г. признать принцип общности военных материалов и предметов снабжения. Развертывание военной промышленности во Франции и Англии шло быстрым темпом. Во Франции производство тяжелых орудий с 1914 г. увеличилось в 35 раз (с 10 до 350 в месяц) и дошло для легких орудий до 1 000 в месяц. Тот же процесс роста продукции происходил и в отношении снарядов (с 10 000 в сутки в 1914 г. до 320 000 к концу 1917 г.), винтовок, пулеметов и патронов к ним. В этом отношении одна Франция почти не отставала от Германии. Самолетов же, моторов к ним и танков первая вырабатывала значительно больше, чем вторая.

Особенно успешно развернула свою военную промышленность Англия. Если за 5 месяцев 1914 г. там было выработано 91 орудие, 274 пулемета и 120 000 винтовок, то за 10 месяцев 1918 г. ее заводы выпустили 4 000 орудий, 120 000 пулеметов и 1 062 000 винтовок. Число вырабатываемых снарядов (свыше 300 000 в сутки) в полной мере удовлетворяло все потребности армии. Если принять во внимание в Англии большую чем в Германии продукцию самолетов и танков, то ясно будет, что производство военной промышленности Франции и Англии превосходило производство Германии.

Что касается Соединенных штатов, то экономическое положение их, и до войны хорошее, за первые годы ее сделалось блестящим, вследствие огромных заказов Антанты, приобретения новых рынков, открытия Панамскаго канала и увеличения производительности промышленности и сельского хозяйства. Надо однако отметить, что угля и пшеницы для полного удовлетворения всех потребностей нехватало.

Но, вынужденные принять участие в военных действиях, Соединенные штаты не могли в начале 1918 г. снабжать свою армию всеми материальными средствами: даже для американцев оказалось невозможным наладить в короткий срок производство предметов вооружения, снарядов и пр. Поэтому были сделаны крупные заказы их в Англии и Франции, взамен чего американцы доставляли им сырье или полуфабрикаты. Этот процесс обмена обеспечил Соединенным штатам время для развертывания военной промышленности, которая, быстро развиваясь на европейском золоте, постепенно достигла огромных размеров. К концу войны изготовление в Штатах винтовок, пулеметов и пороха превосходило производство отдельно Англии и Франции. Таким образом возможности развития военной промышленности Соединенных штатов были огромны, но грозные события на фронте и необходимость, как будет видно ниже, срочно оказать помощь Англии и Франции живой силой привели к тому, что Штаты должны были начать борьбу при помощи средств, изготовлявшихся в Англии и Франции.

Внешняя политическая обстановка для Антанты представлялась мало удовлетворительной. 1917 г. принес много разочарований. Он не только не дал союзникам ожидавшейся победы, но резко улучшил внешнее положение Германии. Лишь в Азии фортуна несколько улыбнулась им—в Месопотамии англичане овладели Багдадом, а в Палестине Иерусалимом. Зато результаты первых месяцев германского «подводного террора» поставили под угрозу связь Англии с внешним миром. По словам газеты «Morning Post» от 3 октября 1918 г. «это была величайшая опасность, которая когда-либо надвигалась на Англию». А в лице вышедшей из войны России Антанта лишилась того базиса, на котором строились все ее расчеты. Теперь не стало Восточного фронта,

который отвлекал и силы, и внимание германцев и тем дал возможность Антанте развернуть свою мощь и привлечь на свою сторону Штаты.

Не было сомнения в том, что Германия использует результаты подводной войны, выход из войны Советской России и поражение Италии для пополнения и увеличения своих армий во Франции и попытается достигнуть победы на главном театре военных действий до прибытия крупных американских сил. Но имелись основания надеяться, что превосходство германских сил будет относительно кратковременным. С другой стороны тяжелое экономическое положение Германии и ее союзников, внутренние осложнения и пацифистские тенденции, все чаще там проявлявшиеся, показывали, что время работает на союзников. Но до того времени, когда участие американцев могло сделаться ощутительным, а политико-экономическое положение Германии невыносимым, внешняя политическая обстановка для Антанты оставалась серьезной. Для возобновления же мирных перегоров никаких предпосылак не имелось. Те мирные предложения, которые делались Германией, считались неприемлемыми. Условия мира с Советской Россией и Румынией показали Антанте, как понимает Германия мир.

Раз не было никаких оснований для начала мирных переговоров, приходилось с опаской для себя продолжать истощение блокированной Германии, тем более что деятельность германских подводных лодок в конце концов была ослаблена. Но при таких условиях надеяться на скорое достижение победы союзники не могли, и Клемансо в январе 1918 г. открыто заявил, что победа Антанты будет одержана лишь осенью 1919 г.

Методу измора Германии способствовало то, что в общем политическое положение внутри стран Антанты не внушало опасений. Хотя усталость от войны резко чувствовалась в странах Антанты, а рабочие волновались, тем не менее отсутствие серьезных продовольственных затруднений, пропаганда войны до победного конца, угроза гибели Англии и Франции, безжалостный Брест-Литовский мир, вступление в войну Соединенных штатов, жертвы среди гражданского населения Антанты от подводной войны и налетов германской авиации—все это усиливало ненависть французской и английской буржуазии к «бошам»-германцам. «Военные» правительства Ллойд-Джорджа в Англии и Клемансо во Франции пока еще поддерживались подавляющим большинством их законодательных палат. В Соединенных штатах воля к победе становилась определеннее.

С другой стороны Англия и Франция переживали кризис людского запаса и были вынуждены даже несколько уменьшить численность своих армий во Франции. Они понесли в предшествовавшие годы и особенно в 1917 г. значительные потери и опасались их в дальнейшем. Вооруженные силы их были утомлены. Мирные тенденции в странах Антанты усиливались. В 1917 г. во французской армии были волнения. Германцы, по сведениям Антанты, обладали во Франции превосходными силами. Италия осенью 1917 г. была разгромлена, и ее пришлось поддержать вооруженными силами Англии и Франции. Все это побудило главное союзное командование не рисковать в наступлениях, а готовиться к отражению решительного удара германцев. «Мы,—говорится в протоколе Верховного военного совета,—остаемся на Западном фронте в оборонительном положении, пока к нам не прибудут американцы. Если мы подчиним союзные армии на фронте от Северного моря до Адриатического единому командованию, то мы будем в состоянии сопротивляться врагу. Наступление мы начнем в Палестине. Турция близка к истощению, и разгром в Палестине выведет ее из строя. Такой результат будет иметь дальнейшие

последствия, которые мы не можем предвидеть, но которые могут быть решительными».

Вопрос об едином командовании вылился в несколько необычайную форму. Вооруженные силы всех стран Антанты имели во главе своих главнокомандующих, ответственных перед своей страной и не связанных в единый организм единой общей волей. Никто и особенно англичане не хотели подчиняться генералу другой армии, а правительства и парламенты опасались потерять контроль над армией своей страны. Не прекращавшиеся с первых же дней войны попытки французов установить единовластие были безрезультатны. Необходимая координация действий достигалась аппаратом связи и периодически созывавшимися конференциями, которые обсуждали предположения стратегического характера и вопросы снабжения, связанные с задуманными операциями.

Пока (до конца 1917 г.) инициатива на франко-бельгийском фронте принадлежала Антанте, отсутствие единовластия не давало себя чувствовать особенно резко. Но разгром Италии в октябре 1917 г. побудил премьеров Англии, Франции и Италии создать Верховный военный совет. В состав его входили они сами, периодически съезжаясь на заседания. В промежутки между такими сессиями в совете заседали военные представители от 4 союзных армий—английской, американской, французской и итальянской. Каждый из этих представителей был «техническим советником», ответственным только перед своим правительством, и никаких важных вопросов сам разрешать не мог. Таким образом совет был интернациональным постоянным коллективным органом совещательного характера без каких-либо командных и исполнительных функций. Поэтому конференция, вырабатывавшая план кампании на 1918 г., учтя грозную для Антанты обстановку, пришла к решению создать кроме Верховного военного совета Исполнительный военный совет под председательством 59-летнего французского генерала Фоша. Этот совет должен был координировать действия главнокомандующих союзными армиями и создать свой резерв. В действительности же члены этого совета защищали интересы лишь своей страны, а главнокомандующие оставались ответственными лишь перед своими правительствами. В результате никакого общего резерва создано не было, так как Хег от выделения туда английских войск отказался, а все остальные главнокомандующие обусловили отправление своих сил отправкой туда дивизий из других армий. Таким образом союзники не смогли поставить общие интересы Антанты выше интересов своих государств. Это оказало вредное для союзников влияние на ход операции германцев, начатой 21 марта, хотя Хег и Петэн предварительно договорились о взаимной поддержке в случае наступления германцев. Это соглашение произошло с ведома Клемансо, но без извещения Фоша.

С планом Антанты нельзя не согласиться. Он вполне соответствовал обстановке, сложившейся к началу 1918 г. Казалось, сильная Антанта обладала всеми средствами для перехода в наступление с целью сокрушить истомленную Германию, но в то же время экономическая, политическая и военная мощь Антанты позволяла ей без большого риска выжидать ослабления Германии и прибытия крупных американских сил. Сокрушающие удары последней должны были разбиться о превосходную технику союзных армий. А тогда при помощи Соединенных штатов, которые к тому времени смогут оказать своими вооруженными силами решительное содействие англо-французским армиям, можно будет окончательно раздавить врага.

Правда, первые месяцы кампании грозили Антанте неблагоприятными последствиями, но можно было надеяться на основании опыта наступлений

предшествовавших годов, что оно не приведет к сокрушению союзных армий. Таким образом противные стороны решили: германцы—наступать, союзники—обороняться.

Всего германцы предприняли три наступательных операции: 21 марта в районе р. Сомма, 27 мая на р. Эн и 15 июля на р. Марна. 18 июля союзники на р. Марна перешли в контрнаступление и имели успех. Но если этот успех и не поколебал духа германского главного командования, то внезапно начатая 8 августа операция между рр. Сомма и Уаза сломила упорную волю германцев, и они начали говорить о мире. Борьба закончилась перемирием, подписанным 11 ноября.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПЕРИОД МАРТ—ИЮЛЬ

ПЕРВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ГЕРМАНЦЕВ НА ФРАНЦУЗСКОМ ТЕАТРЕ

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ И РАЗВЕРТЫВАНИЕ ГЕРМАНЦЕВ

Схема 47А

Для германского наступления представлялось три наиболее важных района: 1) на севере, от Ипра до Ленса, 2) в центре между Аррасом и Ла-Фером и 3) по обе стороны Вердена, в обход крепостного района.

Первое наступление было кратчайшим для выхода к морю и вело к уничтожению английской армии. Но здесь германцы предполагали главные силы англичан, и кроме того болотистая местность затрудняла действия ранней весной; откладывать же операцию было невозможно, так как успех основывался на разгроме союзников до подхода американцев.

Наступление в центре, между Аррасом и Ла-Фером, не приводило к таким решительным результатам, как северное направление, но оно также велось бы против англичан, не столь упорных, как французы. Действуя в этом направлении, германцы рассчитывали отрезать английскую армию от французской и, прикрывши свои фланги и тыл Соммой от спешащих с юга французов, атаковать во фланг и тыл англичан и отбросить их к побережью. Крупных резервов Хег здесь не имел. Расположение англичан на этом участке было слабее. Местность не давала больших преимуществ оборонявшемуся, а особенности почвы не представляли затруднений для наступающего. Поэтому наступление на этом участке могло начаться независимо от времени года и относительно раньше, чем на севере, а это для германцев имело особенно важное значение. Но зато условия подвоза по железным дорогам, питания операции были несколько хуже, чем на участке Ипр—Ленс, а исходное направление линии фронта в районе С.-Кантена на юго-запад было неблагоприятным для последующего оттеснения англичан к северу. Кроме того при развитии успеха предстояло преодолеть поле воронок, оставшееся от сражения на Сомме, район, который германцы опустошили при отходе в 1917 г.

Наступление в районе Вердена, в случае удачи, привело бы к захвату важного укрепленного района, к выпрямлению и значительному сокращению фронта и к лучшему обеспечению сообщений главной массы германской армии. Но французы занимали этот район крупными силами, они были более опасным противником, и для наступления пришлось бы использовать много сил и средств.

Поэтому Гинденбург, стремясь прорвать неприятельский фронт и разбить живую силу противника, решил атаковать участок между Аррасом и Ла-Фером, т. е. там, где достижение тактического успеха было более возможным. Стратегические требования, по его мнению, имели пока второстепенное значение.

Используя свои резервы, германцы в известной мере скрытно развернули на фронте атаки в 70 *км* между Аррасом и Ла-Фером 3 армии (450 000 штыков) в составе 62 дивизий, 6 300 орудий и 1 000 самолетов: 17-я армия (17 пех. дивизий и 2 156 орудий) развернулась к югу от Арраса на фронте в 16 *км;* 2-я армия (21 пех. дивизия с 1 600 орудиями)—левее до д. Оминьон на фронте в 21 *км* и 18-я армия (24 пех. дивизии и свыше 3 000 орудий) еще левее до Ла-Фер на фронте в 33 *км*. Севернее 17-й армии в районе Лилля была расположена 6-я армия, а южнее 18-й—в районе Лаона—7-я армия. Для того, чтобы Людендорф мог сохранить главное руководство операцией за собой, эти 3 атакующие армии входили в разные группы кронпринцев баварского и прусского [1].

Центр тяжести удара находился на правом фланге фронта, а на 18-ю армию и южное крыло 2-й армии выпадала по первоначальному замыслу второстепенная задача прикрытия ударной группы с юга. 17-я и 2-я армии должны были своими внутренними флангами отрезать противника, занимавшего выступ у Камбре. Ближайшая задача армии была—выход на линию Круазиль—Бапом—Перонн—Сомма—канал Кроза, т. е. продвижение центром на 20—25 *км*.

Дальнейшая задача 17-й и 2-й армии—продолжать наступление на линию Аррас—Альбер, прикрывая левый фланг Соммой, а правым оказывая содействие 6-й армии, которая должна была присоединиться к наступавшим. 18-я армия по выполнении ближайшей задачи должна распространить свой правый фланг до Перонна. Однако по мере приближения дня атаки внимание германского командования все более отвлекалось на фронт 18-й армии, которая в конце-концов должна была продолжать наступление за Сомму и канал Кроза с целью разбить французские резервы, прибытия которых в район Нуайон можно было ожидать на 2-й день боя. Демонстративные наступления должны были вестись почти по всему фронту. Атака была назначена на 21 марта.

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ И РАЗВЕРТЫВАНИЕ СИЛ АНТАНТЫ

Схема 47А

Для союзников не было полной тайной, как и для русских под Ригой, развертывание германских войск против южного крыла английского фронта. Но вместе с тем представлялось неизбежным, что германцы не ограничатся ударом против англичан, а атакуют и французов где-либо в районе Верден—Реймс. При этом Хег не верил в возможность прорыва его фронта южнее Арраса и почти половину своих резервов (8 пех. дивизий) держал за своим

---

[1] 17-я и 2-я—в группу кронпринца баварского, а 18-я армия—в группу кронпринца прусского.

более важным северным участком; к тому же французы скорее и полнее могли оказать помощь южному, а не северному участку английского фронта. Другую половину (10 пех. и 3 кав. дивизии) он разместил за участком южнее Арраса, но ближе к последнему. В результате перегруппировки от Ла-Фера до Гузокур на фронте в 62 *км* была расположена 5-я английская армия ген. Гофа, силою в 14 пех. и 3 кав. дивизий, около 1 500 орудий, 96 танков и 200 самолетов. 3 пех. и все кав. дивизии были в резерве армии. Далее к северу на фронте в 43 *км* до Арраса включительно находилась 3-я армия ген. Бинга, силою в 18 дивизий, 1 500 орудий, 120 танков и 300 самолетов. Из этого числа дивизий 7 были в резерве.

Но на атакованном германцами участке от Ла-Фера до Круазиля, протяжением 85 *км* (с выступом у Камбре), находились 29 пех. и 3 кав. дивизии, из которых 19 пех. дивизий находились в первой линии. В 3-й армии на каждую дивизию первой линии приходился участок в 4 *км*, а в 5-й—6, причем наиболее слабо был занят участок севернее Ла-Фера. Численность английских войск на атакованном участке доходила до 300 000 штыков и сабель.

У французов в резерве были 39 пех., 2 кав. дивизии, 35 полков тяжелой и 10 полков легкой артиллерии, штаб группы армий и штабы 7 корпусов, а, кроме того, 1-й армии, занимавшей позицию у Туля, было приказано подготовиться к смене для перевозки в район германского наступления. Главная масса резервов—19 пех. дивизий, 17 полков тяжелой и 6 полков легкой артиллерии—находилась позади северной группы армии между Аргоннами и Уазой, на путях к Парижу; другая группа—18 дивизий, 18 полков тяжелой и 4 полка легкой артиллерии—располагалась от Аргонн до южной оконечности Вогез; а 2 пех. дивизии стояли позади бельгийцев.

Авиация—580 самолетов—была сосредоточена близ Шалона, а 5 авиагрупп были разбросаны в тылу всего фронта. Согласно заблаговременно данным Хегом и Петэном указаниям, резервы были расположены близ станций железных дорог или у мест сосредоточения автомобилей. Для быстрой переброски воздушных сил вдоль фронта была организована целая сеть аэродромов.

ОЦЕНКА ПОДГОТОВКИ И ПЛАНОВ СТОРОН

Германцы, перебросив во Францию и Бельгию до 80% общего числа своих пехотных дивизий и 90% артиллерии, имели возможность превзойти союзников лишь в числе пехотных дивизий. Поэтому, намереваясь разгромить живую силу Антанты в первой же операции, они могли предпринять наступательную операцию лишь 3 армиями из 13 на фронте в 70 *км*, т. е. на 9% общего протяжения фронта. Но при этих условиях и наличии у Антанты сильных резервов и мощного транспорта нельзя было рассчитывать на серьезный стратегический успех. Он мог бы быть только в том случае, если бы германцам удалось привлечь все союзные резервы к одному району, а затем ударить в другом. Но у них нехватало сил.

Несмотря ни на большие силы, сосредоточенные им на Западном фронте, ни на наличие еще неизвестных союзникам приемов борьбы, ни на уверенность войск в успехе и лучшее, чем у Антанты, их обучение, Гинденбург, исходя из опыта предшествовавших лет войны, относился скептически к возможности при тактически невыгодных условиях обстановки широкого прорыва современной укрепленной полосы. Поэтому он сначала отказался от производства главного удара в выгодном в стратегическом, но не выгодном в тактическом отношении кратчайшем направлении к побережью, а решил наносить его на

тактически более, а стратегически менее выгодном участке Круазиль—Ла-Фер. Затем и на последнем участке искал места, где тактические условия обстановки были на стороне германцев. Отсюда постепенное усиление внимания к 18-й армии, имевшей против себя наиболее слабые силы англичан. К тому же они занимали худшие позиции и не могли быть в скором времени подкреплены сильными резервами. При основной цели германцев разгромить живую силу врага, по существу, было все равно, где именно прорвать его. Важно было лишь где-либо прорвать, с тем чтобы можно было затем, обтекая оголившиеся фланги, разгромить его. Со всеми этими соображениями нельзя не согласиться, приняв во внимание предшествовавшие для обеих сторон попытки прорвать фронт.

В результате оперативного развертывания германцев на участке от Круазиль до Ла-Фер, составлявшем 9% общего протяжения фронта, находилось 30%, 40% и 35% числа их дивизий, орудий и самолетов из всех находившихся во Франции и Бельгии сил. При этом германцы на фронте атаки имели в общем по числу дивизий двойное превосходство по сравнению с англичанами, при несколько большем (почти тройном) относительно превосходстве 18-й армии и меньшем (полуторном) 17-й армии. В артиллерии германцы имели превосходство в $2^1/_2$ раза. Если принять во внимание германские дивизии всех 3 линий, то 1 дивизия приходилась на 0,9—1,3 *км* линии фронта. На 1 *км* фронта атаки приходилось 86—100 орудий.

Как уже говорилось, резервы Антанты располагались там, где было выгоднее в интересах каждого из обоих государств—английские на кратчайших путях к побережью, французские—к Парижу. За наиболее же слабым участком, который к тому же по данным, имевшимся у союзного командования, должен был подвергнуться натиску германцев, ничего существенного не имелось. В этом выявились союзный партикуляризм и отсутствие единого командования.

ХОД ОПЕРАЦИИ

Схема 47Ба

После 5-часовой артиллерийской подготовки в 9 час. 40 мин. 30 германских дивизий первой линии атаковали при полном тумане 19 дивизий 3-й и 5-й английских армий.

На правом крыле германцев, т. е. в главном направлении, успех был незначителен. 17-я и 2-я армии, задерживаемые опорными пунктами англичан, ограничились за первый день проникновением только за передний край английской укрепленной полосы. Зато на левом фланге, где по условиям местности англичане атаки не ожидали, а германцы были соответственно сильнее, 18-я армия откинула противника на 7 *км* к западу и привела его в полное расстройство.

В дальнейшем развитие германского прорыва продолжалось в том же духе—медленно на правом фланге и быстро на левом, т. е. вместо нанесения главного удара южнее Арраса и развития дальнейших действий к морю он стихийно переносился к югу на фронт 18-й армии. Именно к этому участку легче всего могли быть брошены французские резервы, и действительно, уже к концу 22 марта против наступающей 18-й армии начали действовать французские дивизии. Такой ход операции в корне менял стратегические предположения Людендорфа прижать англичан к морю. Ему приходилось усиливать 18-ю армию вместо 17-й и считаться с широкой помощью французов англичанам.

23 марта вечером, когда германцы вышли на фронт Бапом—Перонн—р. Сомма—Тернье, Гинденбург, оптимистически оценивший создавшуюся в 18-й армии обстановку, приказал обходить оба союзных фланга, т. е. действовать одновременно против англичан и спешащих к полю боя французов. Отныне задача 18-й армии расширялась за счет 17-й и 2-й армий. Обстановка для Антанты была тяжелой, в Париже, началась паника, Клемансо стал готовиться к отъезду в Бордо, а Хег к эвакуации английской армии в Англию. Но германцы переоценивали успехи своей 18-й армии.

К вечеру 25 марта германцы, продвинувшись своим центром и левым крылом еще на 15 *км*, вышли на линию Миромон—Нель—Нуайон и совершенно растрепали 5-ю английскую армию. Англичане стали отходить к морю. Французы имели задачей прикрыть Париж. Казалось, германцы достигали своей цели, и им удалось разъединить союзные армии. Но к этому времени количество французских войск, вступавших в сражение, быстро увеличивалось. В управление всеми войсками к югу от Соммы еще вечером 23 марта вступил командующий резервной группой французских армий ген. Файоль. Ему были подчинены 3-я и 1-я французские и 5-я английская армии; питание боя свежими частями и всеми видами довольствия становилось труднее. Сопротивляемость 3-й английской армии постепенно увеличивалась. 26 марта командование англо-французскими войсками было объединено в руках ген. Фоша.

Несмотря на все это, несмотря на блестящую работу французских железных дорог и автомобильного транспорта, регулярному функционированию которых мешала германская авиация, наступление германцев продолжалось. Центр их усилий 26 марта был направлен в район Руа, в стык между французами и англичанами.

Французские 3-я армия, которая развернулась на фронте Нуайон-Мондидье, и 1-я, начавшая развертываться к северу от Мондидье до ручья Люс, оказывали германцам стойкое сопротивление, но дивизии вступали в бой разрозненно по мере высадки их из вагонов и из грузовиков. Поэтому бой развивался для 18-й германской армии благоприятно. В этот день центр ее продвинулся на 15 *км* и овладел Руа, а левый фланг оттеснил французов в районе Нуайона. Продвинулась на 3—6 *км* и 2-я армия. Такой успех действий против французов побудил Гинденбурга увеличить район операции. Центр усилий германцев он направил на отделение французов от англичан путем захождения 18-й армии правым плечом вперед и наступления затем в юго-западном направлении на Мондидье и далее на фронт Тартиньи—Компьен. 2-я армия должна была овладеть Амьеном, 17-я—атаковать Аррас и наступать на Дуллен, а 6-я—готовиться к атаке на р. Лис.

27 марта было кульминационным пунктом германских успехов. Если действия 17-й и правого фланга 2-й армий причиняют германцам разочарование, то центр 18-й германской армии разбивает внутренние фланги 3-й и 1-й французских армий, разъединяет их и захватывает Мондидье. Между обеими этими армиями образуется прорыв в 15 *км*, для заполнения которого сил на месте нет. Но германцы не знают о размерах своего успеха, не имеют конницы, устали, артиллерия их запоздала, снабжение расстроилось, и потому не могут его использовать. Крупный успех был одержан в этот день так же и центром 2-й армии на обоих берегах Соммы, который продвинулся на 12 *км*. До Амьена оставалось 18 *км*.

Следовательно в течение первых 6 дней операции части 2-й и 18-й германских армий прошли 60 *км*. Правый фланг англичан был смят и отброшен, но левый фланг у Арраса оставался почти на месте. Между их правым флангом

и левым флангом 6-й франц. армии к югу от Ла-Фер образовалась брешь. Для заполнения ее и направлялись французы с целью преградить германцам путь вдоль Уазы на Париж и поддержать связь с англичанами.

Действия германских войск 27 марта к югу от Соммы давали основания германскому главному командованию надеяться, что продвижение на Амьен и на юго-запад будет развиваться успешно. С другой стороны, истощенная 17-я армия не была в состоянии продвинуться на Дуллен. Поэтому 28 марта она атаковала Аррас с целью оказать содействие 6-й армии, готовившейся к наступлению на р. Лис, расширить зону наступления и отвлечь сюда союзные резервы. Но эта атака, несмотря на исключительно сильную артиллерию и большой расход боевых припасов, была неудачна. На этом наступление германцев севернее р. Соммы почти приостановилось. Внимание Гинденбурга отныне было обращено на предстоявшие действия в долине р. Лис и в районе южнее Соммы. 28 марта в направлении на Амьен и в районе Мондидье германцам удается продвинуться на 8—10 *км*. Но бой в этот день дал им понять, что сокрушение англичан и французов уже не выполнимо. Отныне Гинденбург задается скромной целью овладеть лишь важным узлом путей—Амьеном—и воспрепятствовать французам создать прочную оборону. Но результаты боев 2-й и 18-й германских армий 29 и 30 марта и 4 апреля были незначительны, и германцы вынуждены были прекратить операцию. Фронт установился на линии Аррас—Альбер—Виллер-Бретонне—Гривен—Нуайон—р. Уаза, и они не дошли всего на 7,5 *км* до магистральной железной дороги Амьен—Париж. В дальнейшем им удалось оттеснить 6 апреля левый фланг 7-й французской армии за р. Элет и наступлением на Виллер-Бретонне 24 апреля улучшить положение германских войск на этом участке.

РЕЗУЛЬТАТЫ ГЕРМАНСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ НА УЧАСТКЕ КРУАЗИЛЬ—ЛА-ФЕР

В результате операции германцы проникли в глубь неприятельского расположения на 60 *км* и более и одержали победу, какой со времени установления позиционной войны не удавалось добиться ни французам, ни англичанам.

Глубокое вклинение германцев в расположение союзников, приближение к Парижу и портам, нахождение германцев в 15 *км* от обстреливаемого Амьена создавали постоянную опасность для союзников. Они были вынуждены иметь скованными свои крупные силы на фронте, удлиненном на 65 *км*. Германцы захватили 90 000 нераненых пленных, 1 000 орудий и другую богатую добычу.

Из 58 английских пех. дивизий приняли участие в операции 46. Эти дивизии потеряли свыше 172 000 чел. Французы привлекли на поле боя 40 пех. дивизий, из которых 15 были сняты с фронта. Правда, не все они успели принять участие в боях.

Но крупных стратегических целей, которых добивалось германское командование—разгрома англичан, затем разъединения и сокрушения обоих противников и даже относительно ограниченной задачи—взятия Амьена, германцам достичь не удалось, несмотря на привлечение на поле боя 91 германской дивизии и потерю в 160 000 челов., не считая 60 000 убитых и раненых в марте на других участках.

Таким образом успех был куплен дорогой ценой крови, материальных средств и нравственной силы. Германские войска были истощены и попали

в разрушенный район, что сильно затрудняло доставку снабжения скученной на небольшом пространстве массе войск. Но германская буржуазия ликовала, надеясь на скорое заключение победоносного мира.

ОБЪЕДИНЕНИЕ КОМАНДОВАНИЯ СОЮЗНЫМИ СИЛАМИ В РУКАХ ФОША

Смертельная опасность, возникшая для союзников, побудила 26 марта созвать в Дуллен англо-французскую конференцию. Хотя все члены ее единогласно высказались за объединение командования союзными силами во Франции и Бельгии в руках Фоша, но на этой конференции его права были сформулированы недостаточно ясно. Он должен был лишь «согласовывать» действия союзных армий. 3 апреля на новой конференции, в Бовэ, где были оба премьера, представитель США генерал Першинг и др., было решено передать Фошу «стратегическое руководство операциями» при сохранении «тактического» руководства в руках каждого из главнокомандующих союзными силами, причем последним было дано право в случае разногласия с Фошем апеллировать к своему правительству. Першинг же в этот день заявил, что Соединенные штаты вмешались в войну «не как союзники, но как независимое государство, и что поэтому он будет так использовывать свои войска, как захочет».

Лишь впоследствии, в результате нового удара германцев на р. Лис, за Фошем действительно были закреплены полномочия главнокомандующего всеми союзными силами.

УСКОРЕНИЕ ПЕРЕБРОСКИ ВО ФРАНЦИЮ АМЕРИКАНСКИХ ВОЙСК

Другим важным следствием наступления германцев явилось значительное ускорение перевозки во Францию американских войск. Неожиданный успех германцев произвел на Антанту такое впечатление, что английское и французское правительства обратились к президенту Соединенных штатов Вильсону с просьбой о ежемесячной переброске во Францию 120 000 американских пехотинцев и пулеметчиков и с предложением для этого Англией своих и без того недостаточных транспортных средств. Торговый флот Англии стал перевозить пехотинцев, а суда Соединенных штатов—артиллерию, специальные роды войск и тылы. Усилия Антанты и насильственное привлечение для перевозки американцев судов нейтральных государств привели к тому, что она пошла значительно быстрее, чем предполагали сами союзники, не говоря о германцах, которые долго не имели об этом правдивых сведений.

ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ ОБЕИХ СТОРОН С 21 МАРТА ПО 4 АПРЕЛЯ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО

Те же соображения, которые оказали влияние на группировку германских войск к 21 марта на фронте операции и предположения Гинденбурга, до известной степени предопределившие успех 18-й армии, явились причиной того, что затем он увлекся успехом на южном участке вместо преследования ясно поставленной цели 17-й и 2-й армиями разгромить англичан. Большая часть резервов направлялась не туда, а в 18-ю армию, участок ее суживался, а задачи постепенно расширялись с целью достигнуть успеха где-либо, выйти из тисков позиционной войны и перейти к широким маневренным действиям в поле. В резуль-

тате с 23 марта германцы наносят главные удары в двух расходящихся направлениях—против англичан севернее Соммы и против французов к югу от нее. Но для таких грандиозных целей превосходство германцев было недостаточно, тем более что многочисленные свежие резервы англичан и французов спешили на поле боя. Было бы более соответствовавшим обстановке оставить против французов сильный заслон в виде 18-й армии, а 17-ю и 2-ю армиями продолжать разгром англичан. Но германцы переоценили успехи своей 18-й армии.

Новые успехи 2-й и 18-й армий 24—26 марта и убеждение в полном разгроме англичан побудили Гинденбурга центр своих усилий направить отныне только против французов, которые, пользуясь своими богатыми транспортными возможностями, высаживали из вагонов и грузовиков по $1^1/_2$ пех. дивизии в сутки, т. е. в полтора раза больше, чем успевали перебросить к полю боя германцы. Оптимизм последних, так же как и после Пограничного сражения в 1914 г., был необоснованным. Наступление в расходящихся направлениях, рассасывание их сил, уменьшение глубины участков корпусов и дивизий в пользу их расширения, трудности питания операции в материальном отношении, а, с другой стороны, более быстрее, чем у германцев, нарастание союзных сил не замедлили сказаться.

В результате операция замерла, не дав решения в широком смысле этого слова. А между тем до 27 марта вкл. могло казаться, что германцы достигнут своих целей, так как дела союзников были плохи. Если бы при такой обстановке тотчас же последовал удар германцев на другом участке фронта, то представляется вероятным, что германцы сокрушили бы живую силу Антанты до прибытия крупных американских сил. Но для такого удара свободных сил у германцев не было. Это и является главнейшей причиной того, что стратегическая цель действий достигнута не была.

Англичане и французы, как указывалось выше, немало содействовали успеху германцев. И слабость 5-й английской армии, и группировка резервов, и отсутствие единого командования, и различие целей, к которым стремились союзники,—все это весьма болезненно отразилось на ходе операции. Французы могли оказать первую помощь потрясенной 5-й английской армии только к концу 2-го дня боя. При этом французские дивизии вступали в бой разрозненно, часто без своей артиллерии и обозов и, естественно, принести большой пользы не могли... И лишь затем с 23 марта, когда предположения о наступлении германцев на Реймс отпали, прибытие французов на поле сражения пошло быстрее, а вступление их в бой несколько упорядоченнее. И раньше, чем в управление союзными силами вступил Фош, обстановка для союзников стала улучшаться.

НАСТУПЛЕНИЕ НА Р. ЛИС

Схема 47 Бб

Неудача германцев под Аррасом 28 марта, сосредоточение крупных французских резервов в районе Бовэ, трудность организации тыла в захваченном германцами разрушенном районе не давали надежд на улучшение их стратегического положения на фронте Аррас—Альбер—Мондидье—Нуайон. С другой стороны, ослабление англичан вообще, а в долине р. Лис и перед Ипром в частности, а также ясная погода побудили германское главное командование возобновить наступление, но в другом районе—между Арментьером и каналом Ла-Бассе.

Цель действий германцев заключалась в окончательном разгроме англичан и захвате побережья. 4-я и 6-я армии должны были наступать на С.Омер

с ближайшей задачей выйти на фронт Гравелин—С. Омер—Бетюн. Для отвлечения союзных сил с фронта 4-й и 6-й германских армий 17-я, 2-я и 18-я армии должны были проявить активную деятельность на всем фронте от Арраса до Ла-Фер. Но так как французы неизбежно должны были вновь появиться перед наступавшими 4-й и 6-й германскими армиями, то для овладения побережьем предполагалось произвести две операции: одну в апреле, а другую позже, после потрясения ослабевших французов в Шмен-де-Дам или в Шампани и отвлечения туда их резервов с севера.

Наступление с фронта Армантьер—Ла-Бассе в общем направлении на Хазебрук должна были повести 9 апреля 6-я армия. Ближайшая задача ее заключалась в оттеснении англичан за р. Лис. В дальнейшем правый фланг армии должен был наступать в обход Армантьера с юга на Байлейль с целью овладеть высотами у Касселя, центр—двигаться на северо-запад на Хазебрук, а левый фланг—прикрывать операцию с юга. 4-я армия должна была 10 апреля расширить фронт атаки для оказания содействия 6-й армии и наступления затем на возвышенности, которые на севере замыкают долину р. Лис, и овладеть в первую очередь ближайшей горой Кеммель. Овладение этими высотами должно было вызвать очищение англичанами и бельгийцами позиций, находившихся севернее ее. При успехе 4-я армия должна была расширить фронт наступления до моря.

Закончив переброску на помощь англичанам, Фош к 7 апреля у Бовэ образовал две армии, 5-ю и 10-ю, в составе 12 пех. дивизий. Кроме того в составе 1-й и 3-й французских армий состояли 28 пех. дивизий. Со всеми этими силами Фош стал готовиться к контрнаступлению в районе Мондидье и по обоим берегам Соммы.

Хег, как указывалось выше, сильно опасался за кратчайшее направление к побережью. А между тем положение англичан было серьезным. Резервы иссякли. Войска пережили тяжкие испытания. 10 свежих английских дивизий с берегов р. Лис были перевезены к Сомме, а вместо них туда были направлены утомленные дивизии, принимавшие участие в отражении наступления германцев в марте. С другой стороны ослабить участок южнее Арраса нельзя было, а особенности почвы во Фландрии до мая обычно не допускали действий крупных войсковых масс.

В результате перегруппировки, к 9 апреля на фронте от Армантьера до Ла-Бассе протяжением 16 км, находились 17 германских дивизий с 1 872 орудиями, т. е. с 112 орудиями на 1 *км* линии фронта. Севернее Армантьера до Холлебека на фронте в 12 *км* развернулись 12 дивизий с 588 орудиями, т. е. с 49 орудиями на 1 *км* фронта прорыва. Против них располагались 7 дивизий 1-й и 2-й английских армий, имея от Ла-Бассе до Армантьера 4 пех. дивизии с 20 орудиями на 1 *км* линии фронта.

9 апреля 6-я армия внезапно атаковала и прорвала фронт 2 португальских дивизий к югу от Армантьера и заставила их разбежаться. Обтекая оголенные фланги англичан, германцам удается за день продвинуться на 7—8 *км*, взять 6 000 пленных и 100 орудий. 10 апреля перешла в наступление и 4-я армия. Она потеснила англичан и овладела высотами у Мессина. В последующие дни германцы продолжали наступление на запад, особенно успешно продвигалась 6-я армия и к 14 апреля она уже достигла линии Витшает—Байлейль—Мервиль—Фестюбер, находившейся в 5—15 *км* от их исходного положения и в 7 *км* от важного железнодорожного узла англичан—Хазебрука.

Положение союзников вновь стало настолько угрожающим, что еще 12 апреля Хег отдал распоряжение о подготовке к затоплению подступов к Дюнкер-

ку и Кале и к отправке из этих портов всех англичан и портовых служащих, в которых нет непосредственной надобности для срочных работ. Частная английская неудача вновь превращалась в общесоюзную и требовала помощи французов. По просьбе Хега 11 апреля Фош согласился оказать ему помощь, но при условии нигде не отходить и не очищать выступа у Ипра. Сначала в район германского наступления были перевезены 4 пех. французских дивизии, а II кав. корпус двинулся форсированным маршем к С. Омеру. Затем 10-я французская армия получила приказание продвинуться на север, первоначально к Дуллену, а потом к С. Полю, чтобы быть готовой развить свое наступление и в северном и в восточном направлениях.

Тем не менее, успех германцев 15 апреля в районе Байлейль побудил Хега приказать в ночь на 16 апреля оставить выступ у Ипра и отойти в этом районе на 3—4 *км*. Германцы же продолжали натиск, и дальнейшей целью их наступления являлись фландрские возвышенности. 16—18 апреля шел горячий бой за обладание горой Кеммель. Наступление германцев было безрезультатным. Но ослабление англичан было таково, что 5 их дивизий пришлось заменить вновь прибывшими французами и отправить на спокойный участок в Шмен-де-Дам. После перерыва 19—24 апреля германцы 25 апреля 12 дивизиями вновь атаковали гору Кеммель, взяли ее и захватили 4 500 пленных и 15 орудий. В последующие дни до 1 мая германцы неоднократно возобновляли наступление на остальные высоты, но успеха не имели. К 1 мая обе стороны, исчерпав свои силы, прекратили здесь активные действия.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАЦИИ НА Р. ЛИС 9 АПРЕЛЯ—1 МАЯ

Схема 48

Таким образом не только германцам не удалось разбить англичан, но они не были в состоянии овладеть фландрскими возвышенностями между Кассель и Кеммель и выйти на намеченную линию Гравелин—С. Омер, чтобы создать выгодное исходное положение для продолжения операции к побережью. Тем не менее, результаты боя были все же весьма существенными. На фронте в 25 *км* от горы Кеммель до Фестюбера германцы проникли вглубь английского расположения в направлении на Хазебрук на 18 *км;* далее к северу на фронте в 30 *км*—до Лангемарка, частью боем, частью одной угрозой охвата они заставили англичан и бельгийцев очистить выступ у Ипра. Такое продвижение на запад создавало серьезную угрозу побережью, до которого оставалось только 60 *км*. К тому же германцы отныне имели возможность обстреливать Хазебрук, угольные копи юго-западнее Бетюна и железные дороги, по которым шла перевозка угля, в котором французы сильно нуждались.

Впечатление, произведенное германским успехом на Антанту, было потрясающим. Англичане были вынуждены втянуть в бой 25 своих и 10 французских пех. дивизий, 8 английских дивизий стали до осени небоеспособными, а обе португальские как боевая сила перестали существовать. Союзный фронт удлинялся; французы были вынуждены отделить часть своих войск от главной массы их вооруженных сил, причем связь между ними затруднялась обстрелом железной дороги Амьен—Париж. Англичане также разбросались. Потери союзников были значительны: одни англичане за апрель потеряли 143 000 чел. Пленными германцы за все время операции на р. Лис взяли 30 000, а орудий 450. Но этот успех стоил и германцам дорого. Они ввели в бой 39 дивизий, в том числе 24 свежих, и понесли значительные потери, но примерно вдвое меньше, чем союзники.

ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ ОБЕИХ СТОРОН С 9 АПРЕЛЯ ПО 1 МАЯ

Мотивы, побудившие германское главное командование расширить предпринятую ими 21 марта операцию наступлением на р. Лис, имели веский характер. С довершением разгрома англичан надо было спешить, так как в скором времени можно было ожидать прибытия сильных американских подкреплений. Направление удара и план германцев оспаривать также нет возможности. Но цель, поставленная германцами, не соответствовала их средствам. Хотя Гинденбургу и удалось скрытно развернуть на фронте прорыва силы, превосходящие англичан более чем в 3 раза, но это имело значение лишь в начале боя. С затяжкой его обстановка не могла не осложниться вследствие наличия у Фоша крупных и свежих резервов, в то время как германцы их не имели. И действительно с каждым днем, несмотря на огромные потери англичан, сопротивление усиливавшихся союзников росло, а наступательный порыв германцев слабел. Это отчасти можно объяснить и тем, что полуголодные германские солдаты задерживались у захваченных складов и в населенных пунктах в поисках продовольствия. В операции на р. Лис благотворно сказалось объединение командования союзными силами. При этом французы вступают в бой уже не так разрозненно, как в марте.

ВТОРАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ НА Р. ЭН

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ И РАЗВЕРТЫВАНИЕ ГЕРМАНЦЕВ

Схема 49А

Май месяц прошел на французском фронте в затишьи, в сборе новых сил, в перегруппировках и в подготовке обеих сторон к новым операциям. Германцам удалось сосредоточить во Франции за это время 208 пех. дивизий, из которых 81 были в резерве. Но союзники также увеличили свои силы. Вследствие этого соотношение сил обеих сторон не стало более выгодным для Германии. Возобновление наступления при этих условиях требовало мероприятий, опасных для боеспособности и морального состояния войск. Требования к отдельным дивизиям становились чрезмерными. Продовольствие увеличено не было, утомление войск сказывалось сильнее. Хорошие пополнения отсутствовали. Все эти обстоятельства в случае необходимости нового напряжения сил и неполной удачи операций должны были оказать сильное влияние на понижение морального состояния войск.

Подобно тому, как Гинденбург отказался признать, что после неудавшейся операции в марте и апреле германские войска потеряли последние шансы на победу, точно так же он закрывал глаза на грозные признаки на фронтах союзников Германии. Несмотря на все вышеуказанные затруднения, Германия серьезных предложений о мире не сделала. Отсутствие признаков, указывавших на желание Антанты приступить к мирным переговорам, и энергичные мероприятия для продолжения войны побудили германское главное командование продолжать выполнение своего плана кампании—победой принудить союзников начать мирные переговоры. Оно решило вновь атаковать противника, поставив себе целью окончательный разгром англичан. Но немедленное наступление к побережью при настоящем положении им признавалось невозможным, так как там были сосредоточены сильные французские резервы. Для отвлечения их оттуда было решено первоначальный удар произвести против французов в Шмен-де-Дам между Нуайоном и Реймсом, т. е. там, где они были слабы.

Принимая такое решение, Гинденбург исходил из того, что надежды на победу еще имеются, но лишь при сохранении инициативы в руках германцев и внезапности начала операции. В результате к 27 мая на участке от Аббекура до Бримона, протяжением 71 *км*, германцы скрытно развернули 31 дивизию 7-й и 1-й германских армий. Но начать наступление 27 мая должны были лишь 25 дивизий 7-й армии. Атаку поддерживала могучая артиллерия (120 орудий на 1 *км* фронта атаки,—всего, кроме минометов, 1 159 батарей—4 400 орудий и 687 самолетов. 25 атакующих дивизий развернулись на фронте протяжением 38 *км* от Пинона до Берри-о-Бак). Более насыщенным войсками был центр этого участка. Позднее к наступавшим должны были присоединиться правофланговые корпуса 7-й и 1-й армий.

В общем план действий германского командования выливался в следующую форму: главная атака производилась 7-й армией между Пиноном и Берри-о-Бак с задачей выйти на фронт Суассон—Фим и с расширением затем фронта наступления на восток до Реймса и на запад до Уазы. После того, как выяснится результат наступления 7-й армии, должна была начать атаку 18-я армия западнее Уазы в направлении на Компьен. Недостаток артиллерии не давал возможности произвести одновременный удар к западу и к востоку от Уазы.

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ И РАЗВЕРТЫВАНИЕ СИЛ АНТАНТЫ

В то время как германцы усиленно готовились к прорыву между Пиноном и Реймсом, мысли союзников были устремлены в районы Соммы и р. Лис, где ожидалось возобновление наступления германцев. Они имели там крупные резервы. Удар их был неминуем. Надо было во что бы то ни стало его выдержать до вмешательства американцев. Между тем обстановка для союзников складывалась не особенно благоприятно. Хотя во Францию к 27 мая прибыло 6 англо-французских и 2 итальянских дивизии из Италии, а американцы уже перевезли 5 своих дивизий, и союзники имели 174 боеспособных дивизий, все же их положение оставалось тяжелым.

Англичане были потрепаны, фронт удлинялся, французы понесли большие потери и переживали обострение кризиса пополнений. Усиление перевозки во Францию американцев в апреле и в мае и смена ими французских дивизий на спокойных участках мало улучшали положение. Перелом в обстановке мог наступить лишь по высадке во Франции крупных американских сил, чего можно было ожидать лишь в июле. Надо было выиграть время. А для этого необходимо было взять инициативу в свои руки и самим предпринять наступление. Только этим путем можно было предупредить новый германский удар в одном из важных для союзников направлений. Несмотря на некоторый еще перевес в силах на стороне германцев, Фош, на которого наконец было возложено верховное командование на всем западноевропейском театре, включая и итальянский, решил в начале июня перейти в общее наступление, поставив себе целью освобождение от угрозы угольных копей Бетюна, района Ипра, Амьена и железной дороги Париж—Кале. В то же время итальянцы должны были атаковать австро-венгерцев.

Такому решению Фоша соответствовала группировка союзников и в частности французов. В районах Мондидье и Нуайона французские дивизии первой линии получили участки в 2—4 *км*, в то время как южнее Уазы их боевой порядок был в 3—4 раза более разреженным. Из 38 французских пех. дивизий, бывших в резерве, 21 была севернее Уазы. Таким образом между Нуайоном и морем находились 45 французских пех. дивизий из 103, бывших во Франции.

Наступление германцев на Шмен-де-Дам, в районе, трудно доступном и хорошо укрепленном, Фошем не ожидалось, и этот участок занимался французами очень слабо: от Реймса до Нуайона на протяжении 90 *км* держали фронт 11 дивизий 6-й французской армии и за ними находилось в резерве 4 дивизии. Из общего числа дивизий, находившихся на упомянутом фронте, 4 дивизии были английскими, перевезенными сюда после апрельских боев на р. Лис. На 1 *км* линии фронта приходилось 30 орудий. Глубокого эшелонирования при столь разреженном боевом порядке быть не могло, и французам было приказано во что бы то ни стало оборонять первую позицию. Ближайшие резервы главнокомандующего (5 дивизий) были расположены у Компьена и Реймса.

ОЦЕНКА ПОДГОТОВКИ И ПЛАНОВ СТОРОН

Если считать, что до первой операции германцев были предпосылки, дававшие основание предполагать возможность разгрома армий Антанты до прибытия американцев, то ныне, после того как развить прорыв не удалось, германское главное командование должно было понять, что оно не в состоянии выполнить поставленных себе задач. И действительно, политико-экономическое положение внутри Германии стало сложнее, кризис пополнений обострялся, расчеты на получение продовольствия из Украины оказались сильно преувеличенными, а американские войска прибывали во Францию гораздо скорее, чем предполагало германское командование. При таких условиях надо было прекратить активные действия и убедить правительство, что отныне нет никаких шансов закончить войну победой. При уступках со стороны Германии заключение мира, повидимому, было еще возможно.

Но германское главное командование в соответствии с настроениями буржуазии и верхушки социал-демократии переоценило силы Германии и духовное состояние, выносливость и дисциплину германских войск и решило еще раз попытаться победой закончить войну. Но, придя к этому ошибочному заключению, оно поступило правильно, стремясь возобновить наступление возможно раньше, так как всякое промедление было большим выигрышем для союзников.

Участок для прорыва был намечен удачно. Развитие его угрожало Парижу, создавалась угроза рокадной железнодорожной магистрали Париж—Верден, по которой шло снабжение французских армий, находившихся восточнее Парижа; французы занимали участок слабыми силами; к германцам подходило достаточное число железнодорожных линий, а их ближайший тыл был укрыт от взоров противника. Неблагоприятной для германцев была лишь местность. Кроме того в случае пассивности германцев выступ у Амьена мог быть уничтожен союзниками.

Стратегическая важность участка прорыва неизбежно должна была бы вызвать переброску союзных резервов с севера, но переброска могла совершаться с опаской, так как фронт кронпринца Рупрехта должен был продолжать подготовку наступления. Желание не ослаблять фронта Рупрехта вызвало раздвоение внимания Гинденбурга. В результате масштаб задуманной операции на Шмен-де-Дам был значительно меньшим, чем в марте, и на фронте атаки 27 мая, составлявшем 4,5% всего протяжения фронта, было развернуто 14% всего числа германских дивизий, а артиллерии и авиации 25% и 22%, в то время как к 21 марта эти цифры были соответственно 9%, 33%, 40%, 35%.

Положение 7-й и 1-й армий в мае было лучше лишь тем, что французы считали Шмен-де-Дам неприступной позицией и, не зная до последнего момента

о предстоявшем наступлении, не подготовились к отражению его. На фронте прорыва германцы развернули подавляюще превосходные силы, в пехоте в 2, а в артиллерии в 4 раза, что ставило их войска в весьма благоприятные условия для ведения боя.

СРАЖЕНИЕ НА РР. ЭН И МАРНЕ

После артиллерийской подготовки, начатой внезапно в 2 часа 27 мая, в 4 час. 40 мин. пошла в атаку германская пехота. Вскоре французская позиция оказалась прорванной, а оборонявшие ее дивизии понесли крупные потери в значительной мере от химических снарядов. Через 5—6 час. после начала атаки германцы подошли к р. Эн, находившейся в 9 *км* впереди их исходного положения, и в 11 час. приступили к переправе по неразрушенным французами мостам.

Французские резервы, направленные навстречу германцам, были тотчас же сметены, и к вечеру германцы подошли в районе Фим к р. Вель, а частью даже форсировали эту реку. Оголенные фланги союзников были охвачены германцами. Таким образом успех был полный. В центре германцы прошли за день 20 *км*, захватили много пленных и уже 27 мая заставили Фоша начать перевозку союзных резервов с севера в район прорыва. Германское главное командование отныне ставит задачей 18-й, 7-й и 1-й армиям овладение линией Компьен—Дорман—Эпернэ. На другой день французы успели направить в бой 9 свежих дивизий, но не могли надлежащим образом организовать управление быстро отступавшими войсками. В результате германцам, проявившим необычайную энергию, удается за день продвинуться еще на 6—8 *км*, расширить фронт своего наступления до 60 *км* (на востоке почти до Реймса, а на западе за Пинон) и захватить за 2 дня операции свыше 20 000 пленных. В Париже, начавшем снова обстреливаться 210-*мм* пушками, возникла паника, и началась эвакуация. Но Фош, убедившись, что германцы не демонстрируют, а ведут серьезную операцию, направил на поле боя 19 пех. и 6 кав. дивизий.

29 мая германцы, развивая свой удар почти исключительно в южном направлении, легко сделали в центре новый скачок в 12 *км* и к вечеру заняли линию Креси—Суассон—Фер-ан-Тардеуа—Бетени. Таким образом на флангах продвижение германцев было значительно, а в центре, не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления, они продолжали стремительное наступление к Марне.

Так как на юге наступление германцев должно было задерживаться р. Марной, то главной заботой французского командования было не дать прорыву расшириться. Для этого необходимо было удержать в своих руках Реймские высоты и воспрепятствовать продвижению германцев от Суассона на запад и юго-запад, т. е. к Парижу. С этой целью первые резервы, подошедшие вслед за брошенными в бой 27 и 28 мая, были направлены на Реймские высоты (3 дивизии и штаб 5-й армии) с приказанием атаковать в направлении на Фим, а 4 дивизиям—наступать от Компьена на Суассон. Кроме того в районе Компьена собиралась 10-я французская армия.

30 мая германцы, возобновив натиск по всем направлениям, ликвидируют намечавшееся контрнаступление французов на свои фланги. К вечеру германцы насчитывают всего 45 000 пленных и 400 захваченных орудий; они доходят восточнее Шато-Тьерри до Марны, но на флангах, особенно на восточном, желаемых результатов не достигают. Тем не менее положение французов тяжелое. Они понесли крупные потери, а наступление германцев все еще продолжается. Между Нуайоном и Мондидье они, германцы, готовятся к атаке, и на

фронте появились свежие, взятые у Рупрехта, германские дивизии. Поэтому Фош ввел свою 10-ю армию в первую линию между 6-й и 3-й армиями, из них последняя попрежнему занимала фронт к западу от Нуайона. Но этого могло оказаться недостаточно, а потому все командующие группами французских армий и Хег получили приказы подготовить переброску на поле сражения новых сил; часть этих сил сменили американские дивизии.

Благодаря этим мерам ко 2 июня французы развернули на путях наступления германцев 37 пех. дивизий; на западе от Мулен-су-Туван до Фавероль находилась 10-я армия из 3 корпусов; в центре от Фавероля до Дормана 6-я армия из 4 корпусов и на востоке от Дормана до Реймса 5-я армия из 3 корпусов.. Кроме того еще 11 дивизий находилось в пути к полю боя.

Между тем 31 мая наступление германцев продолжалось. Хотя они и имели успех, особенно существенный в районе р. Урк, но перелом в обстановке стал уже чувствоваться. За этот день германцы дошли до линии Понтуаз—восточная опушка леса Виллер-Коттерс—Шато-Тьерри и Дорман и далее по западной окраине Реймских высот на Бетени. Таким образом расположение германцев представляло собой выступ на юг, сжатый с флангов лесом Виллер-Коттерс и Реймскими высотами, за которыми сосредоточивались французские резервы. Такое положение германцев было опасным. Поэтому, решив 1 июня возобновить наступление, они отныне направляли центр своих усилий на Компьен и на Реймс.

1—5 июня происходил ряд ожесточенных боев на Реймских высотах, и в особенности за лес Виллер-Коттере, которые в общем не изменили положения сторон, и столь важный район лесов вблизи Компьена и Виллер-Коттере остался в руках французов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАЦИИ С 27 МАЯ ПО 5 ИЮНЯ

Результаты операции были хотя и не решительными, но значительными. Германцы прорывали считавшееся недоступным расположение союзников на фронте в 80 *км*, своим центром прошли 60 *км*, дошли до Марны, и от Парижа их отделяло только 70 *км*. За эту операцию они взяли 55 000 пленных. 650 орудий, свыше 2 000 пулеметов и большие запасы разного имущества. Союзные резервы растаяли. В операции приняли участие 45 французских, 2 американских и 5 английских пех. и 6 французских кав. дивизий. При этом с севера было взято все, что только было возможно. Наступление союзников на время сделалось невыполнимым. Германцы достигли железнодорожной магистрали Париж—Шалон. Линия фронта удлинилась на 53 *км*. Престижу Франции и ее армии был нанесен чувствительный удар. Отныне создавалась угроза не только портам Ла-Манша, но и Парижу.

Но и силы германцев надломились: они потеряли с 27 мая по 5 июня 126 000 чел., использовали при наступлении 51 дивизию, но Реймса не взяли и не расширили образованного ими выступа к юго-западу от Суассона, вследствие чего дивизии левого крыла 7-й армии базировались на железнодорожную линию, находившуюся под огнем французов.

ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ ОБЕИХ СТОРОН С 27 МАЯ ПО 5 ИЮНЯ

Главная причина достижения указанных результатов—внезапность. В тактическом смысле она была проявлена искусным применением химических средств и еще более короткой, чем 21 марта, но более интенсивной артилле-

рийской подготовкой. Другая причина конечно заключалась в значительном превосходстве сил германцев в начале операции. Когда они стали утрачивать это превосходство, продвижение становилось все медленнее.

По проникновении германцев в глубь французского расположения они стали стремиться развивать наступление по всем направлениям—на восток, юг и запад. А между тем предпосылок для одновременного обхода обоих оголенных флангов французов и продвижения на юг не было. Силы германцев быстро таяли, наступательная энергия падала, снабжение становилось затруднительным. Наоборот, силы союзников непрерывно нарастали, угроза столице усиливала упорство французов. При таких условиях было бы правильно—по достижении Марны, на юге и востоке занять оборонительное положение, а центр усилий направить только на запад и юго-запад. Принимая во внимание возможность присоединения к этому наступлению и 18-й армии, результаты операции можно было бы предполагать значительно большими. Они могли бы стать для Антанты катастрофичными, если бы германцы в самом начале июня возобновили наступление к побережью. Но на это они уже не имели сил.

Французы проявили некоторое легкомыслие; они слишком понадеялись на неуязвимость позиций у Шмен-де-Дам и, не организовав там глубоко эшелонированной обороны, заставили свои войска во что бы то ни стало отстаивать первую позицию. В результате артиллерийская подготовка германцев была более действительной, чем предполагали они сами. Союзные резервы сначала направлялись в бой, как и в марте, разрозненно, по мере их прибытия. Они попадали в неблагоприятную в моральном отношении обстановку и безрезультатно таяли. Однако они высаживались, главным образом, не против фронта продвигавшихся германцев, а на флангах, в районах Суассона и Реймса, что надо считать совершенно правильным.

После того как утром 29 мая окончательно выяснилось, что германцы не предполагают возобновить наступление против англичан, Фош направляет к полю боя огромные силы и постепенно организует управление ими, что конечно не замедлило сказаться на ходе операции. К выступу у Амьена ныне прибавился выступ германцев у Шато-Тьерри. Флангам этих выступов угрожали союзники. Снабжение 7-й армии обеспечено не было. При этих условиях надо было спрямить расположение германцев, что могла сделать 18-я армия.

НАСТУПЛЕНИЕ 18-й ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ НА КОМПЬЕН

Атака 18-й армии с фронта Мондидье—Нуайон на Компьен не имела тех размеров, какими отличались предшествовавшие наступления. На фронте в 35 *км* германцы развернули 13 дивизий с 70 орудиями на 1 *км* фронта атаки против 7 дивизий 3-й французской армии с 40 орудиями на 1 *км* фронта. Подготовка германцев шла спешно и открыто.

Союзники частью подготовили к погрузке, частью отправили в район предстоявшего наступления германцев крупные силы. Свою оборону на фронте Нуайон—Мондидье они на этот раз эшелонировали.

После $3\frac{1}{2}$-часовой артиллерийской подготовки с применением необычно большого процента химических снарядов германская пехота в 4 час. 20 мин. 9 июня при поддержке огневого вала пошла в атаку. Германцы прорвали расположение союзников, но имели успех преимущественно в центре вдоль шоссе Руа—Эстреп, где продвинулись за день на 9 *км*.

10 июня германцы вновь продвинулись в центре. Но 11 июня французы сами перешли в контратаку. С этой целью западнее Трико ими были собраны

5 дивизий 10-й армии (ген. Манжена). Предшествуемые 163 танками, они внезапно на фронте в 10 *км* во фланг атаковали германцев и обратили в бегство 2 их дивизии (30-ю и 19-ю). Оттеснив германцев на 1—4 *км*, французы своего успеха развить не могли, и фронт здесь стабилизовался, так как попытки обеих сторон возобновить наступление были безрезультатны. Наступление 12—15 июня частей 7-й германской армии от Суассона на запад было тщетным.

РЕЗУЛЬТАТЫ НАСТУПЛЕНИЯ 18-й ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ

Из вышеизложенного видно, что результаты наступления 18-й германской армии были незначительны. Германцы проникли в центре вглубь французского расположения на 10 *км*, несколько спрямили свой фронт, облегчили положение правого фланга 7-й армии, взяли 15 000 пленных, 150 орудий, но использовали 18 дивизий, в то время как французы лишь 15. Германцы потеряли 74 000 чел., не считая 73 000, выбывших из строя в июне на других участках. Надежды на взятие Компьена и овладение районами между Уазой и Эном, так же как и на выпрямление линии фронта и улучшение положения германцев в районе Виллер-Коттере, не сбылись.

ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ ОБЕИХ СТОРОН В ИЮНЕ

Малые силы, предоставленные германским главным командованием в распоряжение командующего 18-й армии, незначительное, менее чем двойное, превосходство германцев в силах, отсутствие внезапности, а также и контратака Манжена—являются важнейшими причинами того, что германцы выполнили лишь свою ближайшую задачу.

Контратака французов имела больше моральное, чем материальное, значение. В 1918 г. она была первой серьезной попыткой противостоять натиску германцев активными действиями и показала в момент наибольшей славы последних, что и они уязвимы, и послужила как бы генеральной репетицией более мощного контрнаступления французов 18 июля.

ТРЕТЬЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ НА Р. МАРНА

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПЛАН ГЕРМАНЦЕВ

Схема 50

Германское главное командование отдавало себе ясный отчет, что Фош выжидал только благоприятного момента, истощения германцев, прибытия в большом числе американцев и возрождения английской армии, чтобы нанести германцам удар. Потеря инициативы и успех союзников были бы, по его мнению, гибельными для германцев. Поэтому надо было торопиться нанести еще раз сильный удар союзникам, чтобы расстроить их планы и в то же время подготовиться к встрече наступления союзников в наиболее вероятном и опасном районе Нуайон—Шато-Тьерри—Реймс. Внешне положение дел на фронте было удовлетворительно, но неслыханные напряжение и утомление войск, грипп, скудное продовольствие и скверное оборудование вновь занятых окопов и помещений сильно отражались на настроении германских войск.

Из Германии на фронт приходили волнующие солдат известия об усилении революционного брожения народных масс и о забастовках. Продукты сильно дорожали, хлеба недоставало. Армия была наводнена агитационной литературой, направленной против офицеров и штабов. Жажда мира, число

дезертиров и перебежчиков росли с каждым днем. Однако в массе боеспособность германских войск была еще не окончательно надорвана.

Но укомплектовать армию до штата годным пополнением было невозможно. Поэтому численность армии стала уменьшаться. В каждом батальоне в начале июля числилось только 656 едоков, а в ротах не более 30—40 штыков. Поэтому с целью увеличить число штыков в ротах германцы должны были расформировать 1 дивизию и уменьшить число рот в батальоне на 1.

Зато военная промышленность продолжала работать с полным напряжением. Число орудий в полевых батареях было увеличено с 4 до 6, но для этих орудий не было ни лошадей, ни личного состава. Встречало затруднения лишь снабжение горючим, моторами и каучуком.

Надеяться на содействие союзников Германия не могла. Перебросить на Западный фронт часть тех 32 пех. и 4 кав. дивизий, которые оставались еще на Востоке, германское командование в соответствии с империалистическими стремлениями германской буржуазии и с продовольственным кризисом не считало возможным.

И, несмотря на столь трудное положение Германии, Гинденбург и Людендорф полагали, что надежды на разрыв враждебного кольца, окружавшего Германию, еще не иссякли и что ныне надо удвоить усилия, чтобы победой достичь победоносного мира, почему третья наступательная операция и была названа «сражением за мир». Принимая такое решение, германское главное командование надеялось не столько на разгром противника, сколько на революцию во Франции. При этом Гинденбург предпочитал более поздний удар, но зато соответствующим образом подготовленный, хотя эта отсрочка была особенно выгодна союзникам, вследствие быстрого прибытия во Францию американских войск. В начале июля во Франции было уже 20 американских дивизий, причем высадка их ускорялась, о чем германцам было известно.

И если германцы еще имели превосходство в числе дивизий (207 германских против 188 союзных), то по числу бойцов соотношение сил складывалось в пользу Антанты.

Решив возобновить наступление, Гинденбург считал, что главная цель германцев заключается в разгроме англичан во Фландрии. Но на путях к побережью находились все еще крупные союзные силы, а фронт Рупрехта был ослаблен отправкой дивизий в мае и июне в район Шмен-де-Дам. Поэтому, отдав распоряжение ему продолжать подготовку наступления, германское главное командование решило сначала предпринять операцию против французов в районе Реймса и расширить ее впоследствии до Морейля для наступления на Париж. Если же задуманные операции закончились бы потрясением врага, а не полным его поражением, то Гинденбург предполагал предпринять удар по Италии и принудить ее к миру.

В начале июня в районе предстоящих действий была расположена группа из армий германского кронпринца; западнее Уазы была расположена 18-я армия; между Уазой и Фавероль—образованная 5 июля 9-я армия; между рр. Урк и Ардр 7-я армия; по обеим сторонам Реймса 1-я армия и на левом фланге в Шампани, восточнее Оберив, 3-я армия. В резерве в районе Валансьен—Камбре—Ретель—Мезьер—главное германское командование имело 56 дивизий, из которых 39 свежих.

Постепенно расширяя масштаб операции, Гинденбург в конце-концов поставил этим армиям следующие задачи: 7-я армия атакует восточнее Шато-Тьерри по обоим берегам Марны и должна овладеть Эпернэ; восточнее Реймса наступают 1-я и 3-я армии; при этом 1-я армия, минуя Реймские высоты,

продвигается за Марну между Конде и Шалоном, стремясь вступить в связь с 7-й армией в районе Конде; 3-я армия, обеспечивая левый фланг 1-й армии, должна в результате наступления занять позицию фронтом на юго-восток. 7-я и 1-я армии должны были к концу первого дня боя выйти на фронт Эпернэ—Шалон, находившийся в 20 *км* от исходного положения германцев, но этого в приказе указано не было. Впоследствии и 7-я армия должна была продолжать наступление за Марну на фронт Верден—Бержер. На участок в 30 *км* от р. Ардр до Реймса вкл. атака не велась. Он должен был пасть, вследствие глубокого обхода обоих его флангов, что и ставилось ближайшей задачей наступавшим армиям.

Ставя такие задачи, германское командование рассчитывало на полную внезапность удара. Между тем в период самой напряженной подготовки германцев к наступлению из разных источников были получены сведения, что 14 июля, в день французского национального праздника, последует атака французов с фронта Эн—Марна. Гинденбург передал в 9-ю армию 1 дивизию вместо 4 просимых Беловым (командующий 9-й армией). Но так как наступления французов в этот день не последовало, то германское командование не придавало значения продолжавшим поступать сведениям о непрекращавшейся подготовке союзников к операции. Поэтому Гинденбург предполагал усилить свою 9-ю армию только после наступления на Реймс, полагая, что французы будут вынуждены направить в район Реймса и те силы, которые они имели против западного фаса марнского выступа.

В результате развертывания германцы к 15 июля на фронте наступления располагались следующим образом: от Шартев до С. Эфрази, на участке в 34 км, 20 дивизий левого крыла 7-й армии, из которых 12 в первой линии; против Реймса XV корпус 1-й армии, а восточнее его на фронте атаки в 23 *км* до р. Сюип 13 дивизий той же армии, из которых в первой линии 8; в 3-й армии от р. Сюип до Массиж, протяжением также 23 *км*, находились 12 дивизий, из которых в первой линии 7. Следовательно, в первый день наступления были готовы принять участие в бою 45 дивизий на фронте в 80 *км*. Наименьшие участки получили дивизии 7-й и 1-й армий, особенно те, которые располагались в районе Дормана. Орудий на фронте атаки было развернуто 8 800, не считая траншейных, т. е. около 110 орудий на 1 *км* фронта.

ПОЛОЖЕНИЕ И ПЛАНЫ АНТАНТЫ

В то время, когда германцы готовились нанести новый удар, буржуазия Антанты проявляла сильное беспокойство и не без оснований. Германия, хотя и переживала тягчайший кризис, но объективно оценить его Антанте было трудно, тем более что предшествовавшие годы принесли в этом отношении много горьких разочарований.

К этому времени фронт между Аргоннами и Уазой занимали 6 французских армий, входившие в состав 2 групп: в резервную группу армий ген. Файоля входили 1-я армия от р. Люс до Мондидье, 3-я от Мондидье до р. Эн и 10-я до р. Урк; центральная группа армий ген. Мэтра состояла из 6-й армии от р. Урк до Марны и далее по Марне до Дормана, 5-й—от Дормана до Прюнэ и 4-й—восточнее Прюнэй.

Французское командование хорошо знало о предстоящем наступлении германцев, но для него оставалось неизвестным, в каком направлении, к побережью или к Парижу, будет нанесен удар. Поэтому надо было подготовиться к обороне обоих направлений и так сгруппировать резервы, чтобы французы

и англичане могли взаимно и быстро помочь друг другу. В соответствии с этим главная масса союзных резервов находилась в районе Компьена. Пользуясь благоприятными условиями транспорта, они могли быть быстро переброшены отсюда на любое операционное направление.

Наиболее насыщенным войсками являлся участок фронта между Уазой и Аргоннами протяжением в 210 *км*, что составляло 26% длины всего союзного фронта. Здесь были сосредоточены 70 союзных пех. дивизий, т. е. 36% общего числа дивизий. С другой стороны, французская и английская армии, учтя опыт боев в марте-июне, реорганизовались и усилились, особенно в техническом отношении и в частности в артиллерии, авиации и бронесилах. Американцы же прибывали много быстрее, что достигалось усилиями английского флота и ограничением импорта в Англию, вызвавшим даже некоторые лишения для населения: в результате в мае высадилось во Франции 250 000, а в июне 300 000 американских войск.

В общем союзные армии в июле достигли апогея своих материальных средств и превосходили ими германцев, по мере истощения последних это становилось все более явным для Фоша. В то же время союзные войска усиленно обучались и при занятии оборонительного положения стали глубоко эшелонироваться.

Все вышеуказанные обстоятельства показывали Фошу, что, несмотря на неизбежность нового сильного удара германцев, падать духом не было оснований. Обстановка для союзников быстро улучшалась. Поэтому Фош готовился не только к отражению натиска германцев, но и к переходу в контрнаступление. Для контрудара был намечен район между Суассоном и Реймсом в оба фаса германского выступа. Еще 7—18 июня были отданы распоряжения для подготовки к переходу к активным действиям. После же того, как Фош 13 июля совершенно точно узнал о назначенной на 14—15 июля атаке германцев в районе Реймса, он назначил контрнаступление французов на 18 июля.

На направлениях наступления германцев союзники развернулись таким образом: между Массиж и Прюнэ—14 дивизий 4-й французской армии Гуро, из которых в первой линии было 7; от Прюней до Марны у Шатийон—14 пех. и 3 кав. дивизии 5-й армии Бертело, из которых 3 пех. и 3 кав. дивизии были в резерве и между Шатийоном и Шато-Тьерри—9 дивизий правого крыла 6-й армии Дегута, из которых 3½ находились в резерве. Таким образом на фронте в 46 *км*, от Массижа до Прюнэ, каждая дивизия первой линии обороняла участок в 6½ *км*, а в 5-й и 6-й армиях—5—5½ *км*. На 1 *км* всего указанного фронта приходилось в среднем 50—60 орудий.

4-я и 5-я армии глубоко эшелонировали свое расположение. Первая линия занималась слабым охранением, которое должно было наблюдать за германцами и создать сопротивление, но лишь для расстройства и обмана противника. Промежутки между охраняющими частями и мертвые пространства были отравлены ипритом. Подступы к охранению обстреливались артиллерийским огнем с полосы главного сопротивления. Эта полоса находилась в 2—3 *км* позади наиболее выдвинутых вперед частей охранения и была расположена большей частью на обратных скатах; а еще дальше в тылу находилась вторая занятая корпусными и армейскими резервами позиция.

ОЦЕНКА ПОДГОТОВКИ И ПЛАНОВ СТОРОН

Достижение германцами поставленных себе целей и выход их в тыл французских армий, занимавших Аргонны и Верден, а затем и развитие на-

ступления на Париж—несомненно предвещали разгром Франции, выход ее из борьбы, распад Антанты и начало мирных переговоров. Но эти грандиозные цели не соответствовали тем средствам, которые находились в распоряжении германского главного командования. Если в марте и особенно в мае трудно было надеяться на сокрушение вооруженных сил Англии и Франции, то в июле обстановка для Германии резко ухудшилась. С одной стороны, Антанта благодаря помощи Соединенных штатов усилилась и в военном и в экономическом отношениях, с другой, Германия подорвала свои силы и не нашла возможности пополнить их расход. Соотношение сил изменилось в пользу Антанты. При экономических и политических затруднениях в Германии ее вооруженные силы представляли собой благоприятную почву для легкого и быстрого восприятия сулящих мир революционных идей.

Если бы даже и удалось наступление в районе Реймса в той мере, как этого на первых порах хотел Гинденбург, то все же о наступлении во Фландрии не могло быть и речи. Все это с очевидностью показывает, что германское главное командование явно утратило чувство действительности, переоценивало силы Германии, не в полной мере отдавало себе отчет, что ничтожный запас ее сил шел к концу, и не дооценивало все возрастающих сил Антанты.

В какой мере оно ошибалось показывает хотя бы разброска его сил по двум расходившимся направлениям: в 4-й и 6-й армиях на путях к побережью на фронте в 100 *км* находилось 49 пех. дивизий, а в 7-й, 1-й и 3-й армиях на фронте в 80 *км*—45 пех. дивизий. И это, несмотря на наличие на фронте атаки в районе Реймса почти 50% общего числа германских орудий, не позволило Гинденбургу как следует обеспечить правый фланг задуманного им наступления от удара на фронт Суассон—Шато-Тьерри, в чем, как видно из хода операции, была настоятельная необходимость. Казалось бы, наиболее правильным было вовсе отказаться от наступательных действий и добиваться сносных условий мира, так как ясно было, что победа Германии невозможна, а разгром неминуем. План действий германцев в районе Реймса был задуман хорошо и разработан детально. Но им приходилось при развитии наступления постепенно растягивать, а следовательно и ослаблять свой фронт.

Что касается целей Фоша, то конечно они в полной мере соответствовали средствам Антанты. Необходимо признать, что 4-летняя борьба с центральными державами принесла Антанте свои плоды: она не потеряла даром времени, приобрела сильнейших союзников, развила свою военную промышленность, сумела поднять все население, способное носить оружие, создала соответствующее настроение и в большей части населения и в вооруженных силах. Всем этим Антанта в сильной степени была обязана русскому народу, который пролил так много крови и отвлекал силы Германии на ее Восточный фронт в продолжение 3 лет.

Переходя к сравнению сил и средств обеих сторон на участке германского удара, можно видеть, что германцы имели в числе дивизий полуторное, а в артиллерии двойное превосходство.

Итак начиналось «сражение за мир» в районе несколько восточнее того места (и также на Марне), где осенью 1914 г. произошли печальные для германцев события, отразившиеся на всем ходе мировой войны. Во «второе марнское сражение» германское командование вступало в твердом убеждении, что для обеспечения успеха им ничего не упущено.

ХОД ОПЕРАЦИИ 15—17 ИЮЛЯ

Германская атака началась 15 июля на рассвете после артиллерийской подготовки, начатой в 1 час 10 мин.

На фронте 4-й французской армии, к востоку от Реймса, германцы перешли в атаку в 5 час. и позже. Не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления, дивизии 1-й германской армии к полудню продвинулись на 3—4 *км*. Но при дальнейшем наступлении они, потеряв связь с огневым валом, неожиданно для себя встретили серьезное сопротивление союзников. Передовые дивизии германцев тщетно атакуют главную оборонительную полосу французов и несут большие потери. Той же участи подвергаются дивизии второй линии. О быстром наступлении к Марне не может быть и речи. Дивизии 3-й армии также быстро прогрызают охранение французов. Но около полудня, местами проникнув в главную оборонительную полосу противника, они дальше продвинуться не могут. Дивизии второй линии внезапно попадают под сильный артиллерийский огонь. Попытки возобновить наступление напрасны.

На Марне дело обстояло для германцев несколько лучше. Здесь им удалось форсировать реку и продвинуться на фронте Жолгон—Дорман на 5—8 *км* к юго-востоку. Хотя за 15 июля германцами было захвачено 14 000 пленными и 50 орудий, но их командованию стало ясно, что для возобновления наступления нужна новая артиллерийская подготовка, и что вообще мало надежды на крупный успех. Поэтому задача 7-й и 1-й армий отныне заключалась лишь в том, чтобы понудить французов очистить район Реймса.

Однако впечатление, произведенное на французское командование продвижением 7-й армии, было столь велико, что, несмотря на неудачу германцев восточнее Реймса, было решено перебросить в район германского продвижения несколько дивизий, а подготовку контрнаступления между Эном и Марной приостановить. Но вскоре это распоряжение было отменено. Попытки германцев 16 и 17 июля возобновить наступление по обе стороны Реймса были тщетны. Поэтому 17 июля Гинденбург приостановил здесь наступление, приказал готовиться к отходу за Марну и начал перекидывать артиллерию во Фландрию.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАЦИИ 15—17 ИЮЛЯ

Таким образом результаты так широко задуманного и так тщательно подготовленного наступления были весьма незначительны: 1-я и 3-я армии продвинулись на 3—4 *км*, 7-я на 5—8 *км*, германцы захватили 18 000 пленных, но Реймс остался в руках французов. В связи с наступлением французов, начавшимся 18 июля, германцам пришлось в ночь на 21 июля отвести на северный берег Марны части 7-й германской армии, так как контратаки 9-й французской армии, двинутой между 5-й и 6-й французскими армиями, и обстрел мостов через Марну союзной артиллерией и авиацией грозил им катастрофой.

ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ ОБЕИХ СТОРОН С 15 ПО 17 ИЮЛЯ

Причинами неудачи германцев были: неудавшаяся внезапность в начале операции, умело организованная французами оборона, недостаточное превосходство сил германцев, неискусная работа германской авиации, трудность задачи 7-й армии. Таким образом все, на чем германцы основывали свои надежды на крупный успех, не осуществилось. Но потерпев неудачу под Реймсом, германское главное командование все же сохранило такой оптимизм, что продолжало рассчитывать на новый смертоносный удар союзникам.

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ СОЮЗНИКОВ

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ И РАЗВЕРТЫВАНИЕ СИЛ ОБЕИХ СТОРОН

В результате ночных передвижений, к утру 18 июля на участке между рр. Эн и Урк протяжением 26 *км* стали 16 пех. (из них 2 американских) и 3 кав. дивизий 10-й французской армии ген. Манжена с 1 573 орудиями, 339 танками и 40 авиаэскадрильями. Из общего числа дивизий 10 находились в первой линии. Южнее от р. Урк до Марны, на фронте протяжением 25 *км*, находились 9 дивизий (из них 7 в первой линии) с 170 танками, 930 орудиями и 28 эскадрильями 6-й французской армии Дегута.

Главный удар наносила 10-я армия в общем направлении на Фер-ан-Тарденуа. Ей оказывали содействие армии: 6-я, 9-я, которые должны были очистить от германцев левый берег Марны наступлением во фланг корпусов 7-й германской армии, продвигавшихся на Эпернэ, и 5-я, на которую была возложена задача восстановить положение между Реймсом и Марной.

Против 10-й и 6-й французских армий находились 17 германских дивизий, готовившихся к возобновлению наступления. Германцы преуменьшали силы союзников на фронте от Уазы до Марны на 3—4 пех. дивизии и не обратили должного внимания на то, что германские летчики совершенно не допускались союзниками в район Виллер-Коттере, покрытый лесом, тянувшимся с севера на юг на 12 *км* и с востока на запад на 10—20 *км*.

ОЦЕНКА ПОДГОТОВКИ И ПЛАНОВ СТОРОН

Сравнивая силы обеих сторон, можно видеть, что союзники в числе дивизий превосходили германцев в 1½ раза. Во всех же прочих отношениях союзники были несоизмеримо сильнее своего противника. С планом действий французов наступать в западный фас германского выступа нельзя не согласиться—перерыв сообщения по единственной железной дороге, питавшей 7-ю германскую армию, мог иметь самые неблагоприятные для германцев последствия. Меры же союзников для скрытности развертывания их сил должны были принести свои плоды.

ХОД ОПЕРАЦИИ

18 июля в 4½ часа пехота 10-й армии двинулась в атаку, имея впереди себя 235 танков, атака не была подготовлена артиллерийским огнем. Движение атакующих прикрывал огневой вал. Одновременно для оказания содействия пехоте взвилась авиация. Неожиданность была полная, чему способствовали туман и высокий хлеб, покрывавший поле сражения. Почти одним броском французы продвинулись на 8—10 *км* и вышли на фронт Суассон—Шоден—Бланзи. 6-я армия атаковала после 1½-часовой артиллерийской подготовки и продвинулась до линии Нейи—Белло. За день обеими этими армиями были захвачены 12 000 пленных и 250 орудий.

Положение германцев сделалось тревожным. Две беды почти одновременно свалились на их голову: неудача у Реймса и внезапное контрнаступление союзников в столь важном для них направлении. Дальнейшее развитие операции пошло нормальным порядком, так как первое впечатление от танков несколько улеглось. Контратака французов развивалась по всему фронту от Реймса до Суассона. Германцы, очистив в ночь на 21 июля южный берег Марны и отказавшись от операции во Фландрии, бросили сюда новые силы, чтобы разжать

клещи на флангах и отойти сначала на линию р. Урк, которой достигли 27 июля, а потом—на линию рек Эн и Вель, где 4 августа операции обеими сторонами были прекращены.

РЕЗУЛЬТАТЫ ВТОРОГО МАРНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Итак, начав 15 июля свое «сражение за мир», германцы быстро захлебнулись, после чего последовал сильный и внезапный контрудар французов во фланг и тыл наступавшим германским армиям. Фош вырвал у Гинденбурга инициативу действий и вынудил германцев очистить Марнский выступ. Этим отступлением начался великий отход германской армии в пределы своей родины. Второй раз слово «Марна» связывается с переменой военного положения: Антанта ликовала. Необыкновенный подъем духа охватил утомленные народные массы, которые в отступлении германцев видели предвозвестник скорого мира. Напротив моральное состояние германцев сильно упало. Как-то сразу усилилась усталость германских войск. Дрались они еще стойко, порядок нигде не нарушался. Но в Германии и Австро-Венгрии революционное движение вновь дает знать о себе. Начинает волноваться и германская буржуазия, так как рухнули ее грандиозные планы сокрушить Антанту на поле сражения до прибытия американских войск. Гинденбургу пришлось отказаться не только от наступления во Фландрии, но и приступить к эвакуации выступа на р. Лис и предмостных позиций западнее рр. Авр и Анкр.

Потери германцев с 15 июля по 4 августа превысили 120 000 чел.; пополнений оставалось мало, и германское главное командование было вынуждено приступить к расформированию еще 10 пех. дивизий и укомплектовать их бойцами остающиеся дивизии. Союзники также потеряли около 120 000 чел. Зато Париж был избавлен от нависшей угрозы, фронт сократился на 45 *км*, главный железнодорожный путь из Парижа через Шалон к Вердену был освобожден, кроме того было взято 35 000 пленных, 700 орудий и свыше 6 000 пулеметов.

ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ ОБЕИХ СТОРОН С 18 ИЮЛЯ ПО 4 АВГУСТА

Германскому главному командованию надо было своевременно вспомнить первое Марнское сражение, когда необеспеченный правый фланг германских армий подвергся удару французов, в результате чего сражение было проиграно. В июле 1918 г. почти в том же районе французы воспроизвели события 1914 г., вновь использовав необеспеченный правый фланг германцев.

При такой обстановке единственным выходом для Гинденбурга являлся отход. Отступление германцев совершалось в порядке. Сдерживая союзников на флангах Марнского выступа, они очищали свой сильно выдвинутый к югу центр. Обращает на себя внимание крупная роль, которую в боях начинают играть американцы.

Таким образом, хотя два раза в марте и мае германцы, казалось, были очень близки к победе, их план кампании разгромить вооруженные силы Англии и Франции потерпел неудачу. В 1918 г., так же как и в 1914 г. союзники начинают с выжидания, а германцы с решительного наступления. В обоих случаях кампания после перелома кончается переходом союзников в наступление. В обоих случаях поворотным этапом послужило сражение на Марне.

Теперь германское командование могло убедиться, что для перехода в начале 1918 г. к стратегии сокрушения и для ее успеха необходимы были подавляющие силы и средства, а их-то и не было. Операции можно было производить каждый раз лишь в одном месте. В конечном счете германцы с 21 марта потеряли 800 000 чел., сильно уменьшили свой людской запас и ускорили перевозку во Францию американцев. Ныне для германцев должно было бы стать ясным, что вопрос идет уже не о победе, а о сносных условиях мира.

В тактическом отношении все наступательные операции германцев велись примерно по одному образцу. Характерными чертами их были: стремление к внезапности, мощная и кратковременная артиллерийская подготовка, развертывание превосходных сил в самый последний момент, быстрота продвижения пехоты, использование при наступлении главным образом ударных дивизий, широкое применение авиации и невозможность развития произведенных прорывов.

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ НА ДРУГИХ ТЕАТРАХ

Во время описываемых событий на остальных участках французского театра происходили действия исключительно местного характера. С 15 июня на всем фронте началось затишье, которое продолжалось целый месяц. Стороны готовились к новым операциям, а пока обратили свое внимание на второстепенные театры войны.

Внимание Антанты было привлечено в трех направлениях. На бывшем *русском* фронте, где на Украине германцы стали хозяевами в полной мере. Державы Антанты, под предлогом создания нового «Восточного фронта» и закрепления на нем возможного большего числа германских войск, главной своей целью поставили свержение советской власти, что и послужило основной причиной для многочисленных ее интервенций на всех окраинах России, поддержки организовавшихся в центре России боевых отрядов бывших чешских пленных и организации контрреволюционных восстаний.

Салоникский фронт также требовал понуждения к началу активных операций. Но главная надежда возлагалась на наступление *итальянцев*, что должно было особенно сильно отразиться на положении германцев во Франции. Ген. Фош как союзный верховный главнокомандующий и предложил итальянцам в июне атаковать австрийцев. Но пока итальянцы готовились к наступательной операции, они сами были атакованы противником.

В свою очередь германское командование было очень заинтересовано выступлением австрийцев для отвлечения внимания и сил союзников с французского театра и сильно настаивало на нем. Это наступление и состоялось 15—23 июня.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕАТР

НАСТУПЛЕНИЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ

Схема 42В

ПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН

Австро-итальянский фронт шел по той же линии, на которой мы его оставили после отступления итальянцев на р. Пьяву. Он тянулся от прохода Тональ через северный берег Гардского озера на гору Пазубио (Pasubio), между городами Арзьеро и Азьяго, через горы Граппа, Томба и Монтелло и далее по р. Пьяве до моря.

На этом фронте в 180 *км* было сосредоточено свыше 60 австрийских дивизий. Они были разделены на 2 группы армий—западную (ген. Конрад фон-Гецендорф), от швейцарской границы, до горы Томба, и восточную (ген. Бороевич) далее до моря. Руководство всей операцией возлагалось на ген. Бороевича, и в ней приняли участие 11-я армия (20 дивизий), развернувшаяся по обе стороны Бренты, 6-я, более слабого состава (8 дивизий), стоявшая против Монтелло и по средней Пьяве, и 5-я (15 дивизий), на нижней Пьяве. Сзади, в Фриуле, в резерве находилась 4-я армия.

Итальянцы занимали фронт 3 армиями и англо-французским отрядом. На Пьяве стояла 3-я армия, между Пьявой и Брентой—4-я, далее на запад до Арзьеро—союзники, имея левее себя 1-ю армию.

Австрийцы очень усердно готовились к операции, взяв за основу германские инструкции и даже оттянув с французского театра свою тяжелую артиллерию, принимавшую там участие в мартовских операциях. Большим недостатком с их стороны была бедность театра в железных дорогах, которая прикрепляла резервы к определенным направлениям. В этом отношении итальянцы были в более выгодном положении, имея рокировочные линии вдоль фронта.

ХОД ОПЕРАЦИИ

Австро-венгерский план операции заключался в направлении до 50 дивизий (в общем числе с резервами) 2 сильными фланговыми группами (11-я и 5-я армии) с слабым центром для охвата с двух флангов итальянской армии. При этом 11-я армия наступала с возвышенностей Семи коммун на юг, а 5-я—с низовьев Пьявы на запад, и обе группы должны были сомкнуть кольцо окружения в Падуе.

15 июня, после часовой артиллерийской подготовки газовыми снарядами, австрийская атака развернулась на всем фронте от Адижа до моря, причем наиболее сильный натиск был со стороны Семи коммун, по обе стороны Бренты, у Монтелло и на низовьях Пьявы. К западу от Монтелло австрийцы не имели никакого успеха; на Монтелло им удалось захватить только северные отроги гор, но на низовьях Пьявы австрийцы форсировали реку и устроили сильный тет-де-пон на фронте Погоре—С. Дона. Однако продвинуться дальше им не удалось. С 20 июня стало ясно, что австрийское наступление рушилось, и они приостановились по всему фронту. Такая приостановка ставила в критическое положение 5-ю армию, имевшую за собой широкую реку.

После 20-го начались сильные дожди, портившие австрийские переправы, и 23-го они решили начать отход на левый берег реки, который обратился в катастрофу. Преследуемая итальянскими контратаками, артиллерийским огнем и налетом целой массы союзных аэропланов, 5-я австрийская армия была отброшена за Пьяву с потерей до 20 000 пленных и 60 орудий. Это была лебединая песнь австро-венгерской армии, которая окончательно лишилась здесь боеспособности и впредь до конца войны переживала медленную агонию разложения.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ПЕРИОД ИЮЛЬ—НОЯБРЬ

ПЛАНЫ СТОРОН НА ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ КАМПАНИИ

Схема 50Б

ПЛАН ФОША

В своей директиве 24 июля Фош признает, что еще не настало время для перехода в общее наступление, но уже пора отказаться от исключительно оборонительного способа действий, которого союзники придерживались до сих пор. Намечая в 1919 г. свой решительный удар на Маасе и Мозеле, Фош полагал, что ближайшая задача союзных армий состоит в восстановлении стратегической и экономической свободы действий, утраченной вследствие обстрела Амьена, копей в районе Бетюна, угрозы Кале и прекращения у С. Миеля сообщения по рокадной железной дороге Париж—Нанси. Этой цели Фош рассчитывал достигнуть отдельными, быстро следующими друг за другом (чтобы не дать германцам передышки, потрясти их резервы) операциями с ограниченной целью.

Таким образом намечались 4 операции, имевших главной целью обеспечить Париж и побережье: уничтожение германских выступов у Аррас—Мондидье и у С. Миеля, обеспечение Кале и возвращение копей у Бетюна. В то же время итальянской армии было предложено начать наступление на р. Пияве.

ПЛАН ЛЮДЕНДОРФА

В начале августа германское главное командование находилось под впечатлением тяжелых неудач, постигших его во второй половине июля. С другой стороны оно обладало еще 204 дивизиями, из которых 70 были в резерве. При этих условиях Гинденбург решил не отказываться от инициативы и предпринять новые, обязательно внезапные, наступательные операции, но уже в уменьшенном масштабе—как в направлении к побережью, так и на других участках фронта с целью улучшить свое положение, нанести союзникам потери и показать им, что германская мощь далеко еще не сломлена. Это обстоятельство, по мнению главного германского командования, могло даже склонить Антанту к мирным переговорам.

ОЦЕНКА ПЛАНОВ СТОРОН

Из вышеизложенного видно, что план Фоша был весьма осторожным, приближавшим союзников к победе медленно, но верно, естественным ходом постепенного ослабления и вытеснения германцев. Решительный образ действий мог привести к скорому окончанию войны, но зато такой план был сопряжен с известным риском. На это Фошу было трудно итти вследствие глубоких разочарований союзников в течение всей войны и особенно кампании 1918 г.

Что касается германцев, то их командование, утратив инициативу, недостаточно ясно представляло себе, что кризис на Марне является началом конца Мировой войны. Этим только и можно объяснить желание его снова предпринять наступление, несмотря на ежедневно возраставшее превосходство со-

юзных сил и средств. Несомненно было бы правильнее перейти к оборонительному образу действий и даже добровольно отойти на позицию Зигфрида, с которой германцы начали кампанию 1918 г., что в значительной мере усилило бы их оборону и увеличило бы количество резервов. Такой отход конечно оказал бы неблагоприятное влияние на внутреннее политическое положение в Германии и на моральное состояние ее вооруженных сил, но добровольный отход все же был много выгоднее, чем вынужденный, тем более что в конце концов последний был неизбежным.

АМЬЕНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Схема 50В

Согласно плана Фоша, англо-французы должны были предпринять наступление на фронте Альбер—Мондидье в направлении на Руа с целью освободить от обстрела германцев Амьен и железнодорожную линию Париж—Кале. Выполнение этой операции возлагалось на 4-ю английскую армию Раулинсона при поддержке 1-й французской армии Дебене. К утру 8 августа на фронте атаки от шоссе из Амьена в Руа до Морланкур, протяжением 18 *км*, развернулись 11 англилйских пех. и 3 кав. дивизии с 2 000 орудий и 420 танками. Южнее их до Мондидье располагались 15 пех. и 3 кав. дивизий Дебене с 1 616 орудиями, 700 самолетами и 96 танками. Но 8 августа участие в наступлении должен был принять лишь левофланговый корпус (6 дивизий) 1-й французской армии на фронте Морейль—Домар, а остальные корпуса должны были присоединиться к наступавшим позднее.

Против англо-французов на фронте Морланкур—Морейль располагались 7 дивизий 2-й германской армии Марвица с 840 орудиями, а южнее ее находилась 18-я германская армия Фон-Гутьера. Отсутствие признаков, указывавших на предстоявшее наступление союзников в районе восточнее Амьена, привело к тому, что когда управление LI германского корпуса донесло в высшие инстанции, что 6 августа и в ночь на 7 августа в тылу англичан был слышен шум моторов и замечено оживление, то все это было приписано очередной смене войск.

ОЦЕНКА ПЛАНОВ И СИЛ СТОРОН

Район операции был намечен удачно во всех отношениях. При успехе обеспечивалось побережье, а Амьен и железная дорога Париж—Кале избавлялись от обстрела германской артиллерией; здесь германцы были слабее, чем в других местах, а местность благоприятствовала использованию всех родов войск. На фронте атаки, составлявшем около 10% протяжения всего английского фронта, было развернуто 20% общего числа пех., все кав. дивизии, 30% общего числа орудий и 74% танков. В результате, в числе дивизий англичане имели двойное превосходство, в числе орудий—тройное, а танков и конницы германцы не имели вовсе.

Что касается германцев, то хотя они и ожидали наступления союзников между Соммой и Уазой, но в то же время принимали меры и для наступательных действий. Поэтому хотя на участке Морланкур—Морейль они были относительно и сильны, однако расположение их здесь не было столь глубоким, как это следовало бы иметь в ожидании неприятельского наступления.

ХОД ОПЕРАЦИИ

Атака была произведена на рассвете 8 августа совершенно неожиданно для германцев без артиллерийской подготовки в предшествии танков, сначала англичанами, а часом позднее французами и имела полный успех. Дивизиям резерва, храбро, но разрозненно идущим в контратаку, отступавшие германцы местами кричат «штрейкбрехеры» и «затягиватели войны». В результате к югу от Соммы германцы были отброшены на 8—12 *км* и потеряли пленными 16 350 человек. На германцев неожиданный удар союзников произвел потрясающее впечатление.

В последующие дни англичане продолжали наступление, но уже медленнее, хотя к наступлению присоединилась не только 1-я французская, но и 3-я французская армия. По выходе англо-французов к вечеру 13 августа на фронт западнее Руа—Шон—Брэ—Альбер союзники приостановились.

РЕЗУЛЬТАТЫ АМЬЕНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

По словам Людендорфа[1] «8 августа представляет самый черный день германской армии в истории мировой войны». Надо было кончать войну. И 14 августа Гинденбург на совещании в Спа доложил императору, что боеспособность германской армии пала, наступать, а следовательно победить она не в состоянии, и что поэтому надлежит добиваться окончания войны дипломатическим путем, пока германские войска занимают большую площадь неприятельской территории.

К такому заключению германское главное командование пришло в результате оценки как-то сразу выявившегося печального морального состояния германской армии, потери ею 8—15 августа 30 000 пленными и 600 орудий, уменьшения резервов и необходимости приступить к дальнейшим расформированиям. Зато у союзников сильно повысилось настроение.

ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ ОБЕИХ СТОРОН В АМЬЕНСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Причинами успеха союзников в Амьенской операции были: удачный выбор участка для прорыва, огромное превосходство союзных сил, тщательная подготовка операции, использование массы танков, уничтожение ими штабов, телеграфных и телефонных линий, более высокое, чем у германцев, моральное состояние войск и благоприятная погода. В деятельности германцев, не говоря о получивших внешнее проявление грозных симптомах упадка их духа, необходимо отметить некоторую растерянность и беспорядочное введение в бой резервов.

ОТХОД ГЕРМАНЦЕВ НА ПОЗИЦИЮ ЗИГФРИДА

Обеспечив железную дорогу Париж—Амьен, верный своему принципу—не давать передышки германцам, Фош приступил к расширению зоны своего наступления и тотчас же предпринял операции на обоих флангах продвинувшихся частей. Первоначально должна была начать наступление на Шони 10-я французская армия, а вслед за ней 3-я английская на Бапом, 1-я и 3-я французские для овладения районом Нуайона. Германцы же решили обороняться, добиваясь в то же время приемлемых в буржуазном понимании условий мира.

---

[1] Людендорф, цит. соч., т. II, стр. 237 и 241.

10-я армия, силою в 21 дивизию с 1750 орудиями, начала свое наступление 17 августа на фронте от Суассона до Уазы против 4 корпусов 9-й германской армии и к 22 августа продвинулась до линии рек Уаза—Элет, оттеснив германцев на противоположный берег этих рек и войдя в связь с 3-й французской армией в районе Лассиньи.

Еще не успела закончиться операция 10-й армии, как 21 августа на севере начала свое наступление на фронте в 20 *км* Альбер—Аррас искл. 3-я английская армия. Тесня 17-ю германскую армию, к вечеру 26 августа она вышла на линию Брэ—Бапом, продвинувшись на 10 *км*. В этот день к наступлению 3-й английской армии присоединилась и 1-я английская армия, которая 29 августа вышла на линию Бюлекур—Дрокур. Под влиянием этого наступления, распространившегося на широком фронте, германцы в ночь на 27 августа стали отходить за линию восточнее Бапома, за Сомму—Нуайон, которую заняли к 30 августа. Союзники тотчас же двинулись вслед за ними и 30 августа вступили с ними в соприкосновение на всем фронте от Нуайона до Бапома.

Таким образом с 8 августа до начала сентября союзные армии на фронте от Суассона до Арраса, протяжением в 150 *км*, продвинулись в центре на 35 *км*, а на флангах—15—20 *км*, оттеснили 35 германских дивизий и взяли 34000 пленных и 270 орудий. Но как только союзный фронт выравнялся, Фош вновь начинает продвижение вперед рядом частных атак. Это не дает возможности германцам удержаться впереди позиции Зигфрида, чтобы усилить ее и подготовить укрепленные полосы в тылу.

Наступление начали 30 августа фланговые армии, 10-я французская в направлении на Лаон и 1-я английская из района Арраса на Камбре. В последующие дни к ним присоединились и армии центра.

Угроза с обоих флангов заставила Гинденбурга в полдень 2 сентября отдать распоряжение об отходе 17-й, 2-й, 18-й и 9-й армий на всем фронте от Скарпы до р. Вель протяжением в 160 *км* на позицию Зигфрида. Германцы начали отход в ночь на 3 сентября, отступали почти без помехи со стороны союзников и 8 сентября заняли на фронте от Арраса до Эллет большую часть тех позиций, с которых они начали наступление в 1918 г., оставив одним англичанам с 21 августа 53000 пленных и 470 орудий. С этого времени и до 26 сентября на всем этом фронте наступило относительное спокойствие, прерываемое незначительными боями, имевшими целью оттеснить германцев с их передовых позиций. Выступ на р. Лис германцы очистили сами к 6 сентября, что сделало излишней намеченную еще 24 июля операцию по обеспечению побережья и копей в районе Бетюна. Оставалось следовательно только освободить район С. Миеля, и первая часть плана Фоша могла считаться выполненной.

СЕН-МИЕЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИЯ.

Схема 50Г

Выступ у С. Миеля был образован германцами в сентябре 1914 г. при их попытке прорвать союзный фронт южнее Вердена. Он пересекал магистральную железнодорожную линию Париж—Верден—Нанси и не позволял эксплоатировать участок другой железной дороги Витри-ле-Франсуа—Коммерси—Туль, вследствие обстрела его в районе Коммерси. С другой стороны выступ прикрывал Мец, железные копи у Бриэ, рокадную железнодорожную линию Мец—Седан и в известной степени обеспечивал сообщения германской армии южнее Арденн.

Атака выступа у С. Миеля была возложена на американцев и I французский корпус, всего 10 американских и 2 французских дивизии, поддержан-

ные 273 танками, 2 900 орудиями и 1 800 самолетами против 6 германских дивизий, приступивших к эвакуации выступа. Конечная задача союзников заключалась в выходе на линию Норуа—Одимон между Мозелем и Маасом. Атака должна была вестись с двух сторон. Главная—7 американскими дивизиями с юга с линии Норуа—Ришкур, и второстепенная—3 американскими дивизиями между Во и Одимон в направлении с запада на восток. В центре, прямо против выступа, наступал французский корпус. Американцы, узнав о начавшейся эвакуации выступа, 12 сентября атаковали его и к 15 сентября закончили операцию, выйдя на линию Норуа—Одимон и захватив 15 000 пленных и 443 орудия.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАЦИЙ ФОША С 18 ИЮЛЯ ПО 26 СЕНТЯБРЯ

Таким образом все предусмотренные директивой Фоша от 24 июля комбинированные операции с ограниченными целями были выполнены. Протяжение всего фронта сократилось с 910 *км* до 740.

Германия ясно почувствовала крушение всех своих планов. Ее армия теперь должна была оборонять те позиции, с которых она в начале года, полная надежд, бросилась вперед с целью разгромить Антанту. Союзники взяли за это время около 150 000 пленных, более 2 000 орудий и огромные запасы имущества. Ныне следовательно Фошу уже можно было думать об общем наступлении на всем фронте от Мааса до моря с целью уничтожить германскую армию.

САЛОНИКСКИЙ ФРОНТ

Схема 51Г

Салоникский фронт оставался попрежнему в бездействии. Ген. Сарайль был наконец заменен ген. Гюйллома, а этот последний, отозванный в начале года начальствовать парижским укрепленным лагерем, был заменен ген. Франше д'Эсперэ.

Союзная армия состояла из 29 дивизий (8 французских, 4 английских, 1 итальянской, 5 сербских, 1 югославской, перевезенной из России, и 10 греческих), силою около полумиллиона при 2 070 орудиях. Фронт ее шел попрежнему от Эгейского моря по Струме на Дайран—Монастырь—озера Пресба и Охрида и до Валлоны.

Со стороны Тройственного союза здесь были 3 болгарские армии, 1 германская (фактически эта армия в большинстве состояла из болгар, так как большая часть германских контингентов была отозвана во Францию) и австрийский корпус, всего около 450 000. Здесь союзникам приходилось таким образом иметь дело почти исключительно с болгарскими войсками, которые находились уже в большой степени разложения.

Союзный главнокомандующий решил указанное ему наступление произвести в виде прорыва неприятельского центра в направлении долины Вардара, как кратчайшего пути, выводящего на коммуникации центральных держав с македонским фронтом через Сербию. Недостаток этого плана заключался в том, что в районе атаки местность была наиболее трудно доступная, но зато менее оберегаемая, так как болгары более опасались наступления со стороны Монастыря и озера Дайран.

План ген. Франше д'Эсперэ сводился к производству главного удара в районе Ветреник—Доброполе—Сокол сербской армией, усиленной 2 француз-

скими дивизиями (8 дивизий); этот район направо и налево расширялся атаками соседних франко-греческих войск. Этой главной атаке должна была содействовать второстепенная атака англо-греческих войск между озером Дайран и р. Вардар.

15 сентября после артиллерийской подготовки, продолжавшейся 24 часа, 3 сербские дивизии атаковали болгар в районе Ветреник—Сокол и после кровопролитнейшего боя прорвали их фронт. Сопротивление болгарской армии было сломлено, разлагавшаяся армия их стала отступать, а наступление союзников быстро развиваться в веерообразном направлении. К 29 сентября они уже продвинулись на линию Струма—Царево Село—Куманово—Ускюб—Китчево—озеро Охрида, пленив у Ускюба 11-ю германскую армию, которая, потеряв связь с болгарскими армиями, сильно задержалась около этого пункта и была окружена.

Дорога на Софию была союзниками открыта; болгары 28 сентября просили перемирия и 29-го капитулировали, приняв все предъявленные им союзниками суровые условия. 3 октября царь Фердинанд принужден был отречься от престола, и Болгария первая открыла брешь в коалиции центральных держав. Прямое сообщение Германии с Турцией было прервано, и кроме того салоникская армия начала угрожать тылу германских войск, занимавших Румынию.

ОБЩЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ СОЮЗНИКОВ

Схема 51А

ПОЛОЖЕНИЕ СТОРОН

25 сентября линия фронта на участке от моря до Мозеля, протяжением 490 *км*, проходила через Ньюпор—Ипр—Ла-Бассе—западнее Камбре и С. Кентена—Ла-Фер—восточнее Фима—Реймс, севернее Вердена и Понт-а Муссона.

Вооруженные силы Антанты располагались таким образом: от моря до Ипра—бельгийцы, 6-я французская и 2-я английская армии, далее до С. Кентена 5-я, 1-я, 3-я и 4-я английские армии. Затем до Шавона—северная группа французских армий Файоля, до Аргонн—центральная группа армий Мэтра, и наконец до Мозеля—2 американских армии Першинга. Уже в мае при отражении наступления германцев американцы приняли заметное участие. В июле же и в сентябре, в Сен-Миельской операции они играли большую роль. Это было результатом ускорения переброски американских войск во Францию под влиянием тяжелых кризисов, пережитых союзниками в марте—июне.

Расчеты Людендорфа, что на перевозку одного американца из Соединенных штатов во Францию потребуется 4 *т*, а также исчисление самого тоннажа союзников оказались ошибочными. Фактически американцы везлись скученно, часто без оружия, которое им выдавалось во Франции, без лошадей и обозов, а тоннаж, предоставленный Англией, для их перевозок, по вышеуказанным причинам был значительно большим, чем предполагали германцы, и о чем они достоверно узнали только в августе. Меры Англии для предотвращения потопления транспортов с американскими войсками германскими подводными лодками оказались вполне действительными. В результате в начале сентября во Францию было перевезено 1 550 000 американцев, всего 30 дивизий, из которых боеспособных было 23. В последующем темп перевозки американцев не ослабевал, и ко дню перемирия, из общего числа 3 750 000 призванных, во Францию было перевезено 2 087 000 американцев. Дивизий же во Франции к этому дню было 41, из которых боеспособных 30. Из вышеизложенного видно, что темп перевозки превысил предположения самих американцев.

Все войсковые соединения, начиная от полка и выше, имели технического советника—французского или английского офицера. Но так как в связи с кризисом в мае—июле сроки обучения американских войск были сокращены до 1—2 месяцев, то они были обучены слабо.

По мере прибытия американцев, отхода германцев и сокращения фронта у союзников появилась возможность вывести в резерв 87 пех. и все 9 кав. дивизий из общего числа 202 пех. боеспособных дивизий, бывших в пределах Франции и Бельгии. Число орудий у союзников дошло до 21 000. Моральное состояние союзных армий было весьма высоко. Во Франции и Англии чувствовался недостаток людского и конского пополнения.

Германские армии 25 сентября располагались: от моря до Камбре—3 армии кронпринца Рупрехта, далее до Анизи—3 армии фон-Боена, затем до Аргонн—3 армии германского кронпринца, а до Мозеля—2 армии Гальвица. Позиция, занимавшаяся германцами, была очень сильна. Позади ее, от моря до Мааса, частью намечались, частью строились, как уже упоминалось выше, еще 2 таких укрепленных полосы: Германа—Гундинг—Брунгильды—Кримгильды по линии Гент—Валансьен—Ле-Като—Гиз—Ретель—Вузьер—Консевуа и по линии Антверпен—Маас. И наконец к возведению третьей позиции вдоль германской границы германцы приступили в октябре, во время своего отхода на позицию Германа.

Тем не менее Гинденбург, утратив уверенность в собственные силы, стал спешно эвакуировать огромное военное имущество, накопленное западнее позиции Германа—Гундинг—Бурнгильда, и подготовливать разрушение дорог, населенных пунктов и копей. Число дивизий уменьшилось до 187, из них в резерве держалось 48, а свежих было только 14. Число едоков в батальонах уменьшилось до 540. Для усиления войск Западного фронта из Украины стали перевозиться 6 дивизий, частью впрочем направленных затем на Балканы, и 3 австро-венгерских дивизии.

Моральное состояние германских войск было с точки зрения Гинденбурга еще менее утешительным. Большим влиянием в армии стала пользоваться пропаганда независимых социал-демократов и группы «Спартак». Идеи и лозунги Октябрьской революции, несмотря на все мероприятия буржуазии для дискредитации Советской России, сказались как фактор, разлагавший дисциплину и революционизировавший армию.

При всех этих условиях единственная надежда германского командования отсрочить час своего поражения заключалась в том, что большая часть дивизий все же дрались безупречно, сохранила дисциплину и воинский дух, затем в силе их позиций и наконец в учете опыта только-что законченных боев. Так как надежды сделать союзников более склонными к миру посредством сбрасывания над Лондоном и Парижем зажигательных бомб не было, то использование их было воспрещено, отчасти из-за нежелания контрмер противника против германских городов.

ПЛАНЫ СТОРОН

ПЛАНЫ ФОША

Схема 51

Фош решил главный удар наносить американцами с юга в направлении на Мезьер, с целью обойти систему германских оборонительных полос и уничтожить связь центра германского фронта с Германией южнее Арденн. Хег предложил одновременно начать операцию с фронта С. Кентен—Камбрэ

на Мобеж с целью сковать германские резервы, прорвать позицию Зигфрида и выйти севернее Гирсона на главный рокадный путь германцев.

Однако к этому проекту Фоша английское правительство Ллойд-Джорджа отнеслось сдержанно, полагая, что германская армия все еще очень сильна, ее позиции неприступны, а американцы обучены слабовато. С другой стороны внутреннее положение Германии было настолько тяжело, что ее развал и без наступления союзников был неминуем. Поэтому Ллойд-Джордж предлагал отложить наступление союзников до весны 1919 г. Но вследствие поддержки Фоша Хегом и французским правительством проект английского правительства отложить производство прорыва был отвергнут. Першинг не особенно охотно согласился на участие американцев в главной операции.

В конце концов было решено главную операцию начать 26 сентября: 12—14 американских дивизий должны были наступать на Мезьер; их поддерживали 4 французских армии, с ближайшей задачей отбросить германцев на линию Стенэй—Ле-Шен—Аттиньи; к наступлению англичан на севере должна была присоединиться группа короля Альберта, на которую была возложена задача наступать севернее р. Лис в направлении на фронт Гент—Брюгге.

Таким образом сражение, намеченное Фошем, должно было носить решительный характер. В то время как американцы предполагали наступать с юга на север, английские армии и группа Альберта должны были продвигаться с запада на восток, т. е. все союзные вооруженные силы наступали в концентрических направлениях почти на всем фронте от моря до Мааса. Впоследствии наступление должно было распространиться далее к югу.

ПЛАНЫ ГИНДЕНБУРГА

Германцы, как уже указывалось выше, должны были стойко удерживать занимавшиеся ими позиции. Выбора для Германии не было, так как Антанта дала понять, что о каких-либо переговорах с ней не может быть и речи. Где именно союзники предполагали предпринять наступление—германцы точно не знали.

ОЦЕНКА ПОЛОЖЕНИЯ И ПЛАНОВ СТОРОН

Итак оборона и лишь вынужденное отступление от рубежа к рубежу, как то было и до этого, с одной стороны, и наступление с решительной целью, с другой, характеризуют последний период войны на французском театре военных действий. Слишком опоздавшее начало возведения тыловых позиций привело к тому, что у армий, стоявших фронтом на запад, таковых в готовом виде, за исключением позиций Гундинг—Брунгильда—Кримгильда, не было. С другой сторны, желание удержать в своих руках территорию Франции и Белгии и надежда, что союзники не посмеют атаковать сильные германские позиции, за которыми были нагромождены огромные средства сопротивления, побудили главное германское командование дальше не отходить. При этом Гинденбург не учел, что вопрос о дальнейшем и вынужденном отходе заключался лишь во времени.

Что касается плана действий Фоша, то конечно можно было без всяких опасений ограничиться выжиданием, не предпринимая во Франции никаких решительных действий, тем более что в Македонии последовал разгром болгар. Но если Ллойд-Джорж и мог придерживаться такого взгляда, исходя из того, что Англия по существу добилась всех целей, из-за которых она сражалась, то французской буржуазии срочно нужны были железо и уголь, в изобилии

находящиеся у Бриэ, в Эльзас-Лотарингии, в Саарской области, в Рурском бассейне и в Рейнско-Вестфальском районе. Фош, выполняя волю своей отечественной буржуазии, не мог выжидать, тем более что эта затяжка могла затянуться и на зиму, а Франция испытывала острый недостаток и в топливе, и в железе. Да кроме того Англия, видящая врага во всяком наиболее сильном государстве Европы, при заключении мира с Германией могла оспаривать удовлетворение претензий Франции, которые ее усиливали. Поэтому стремление Фоша одержать успех на поле сражения и этим обезвредить врага на долгое время с точки зрения французской буржуазии надо считать правильным.

Но на воспроизводство «Седана» у Фоша шансов не было. Для того, чтобы положение главной массы германских сил, стоявшей фронтом на запад, сделать катастрофическим, надо было придвинуться с участка Верден—Аргонны на севере не менее 100 *км*, а быстрое продвижение союзников в район Мезьера (до которого было 55 *км*) хотя ухудшало положение главной массы германских войск, но не делало его катастрофическим. К тому же союзники не могли организовать быстрого продвижения: для снабжения двигавшейся на север массы американцев и французов требовались несколько железнодорожных линий и много шоссе. Но то и другое германцами при отступлении радикально уничтожалось, а восстановление железных дорог французы могли производить со скоростью лишь около 1,5 *км* в сутки.

Правофланговым 7-й и 8-й германским армиям при угрозе их тылу надо было пройти до Льежа 130—190 *км*, т. е. немногим больше, чем союзникам до Намюра. Опираясь на исправную сеть железных и грунтовых путей, эти армии могли свободно отойти в пределы Германии, конечно при стойкой обороне против натиска Першинга, на что большинство германских войск было еще способно. Следовательно успех Першинга вряд ли мог привести к решительным результатам, т. е. к сдаче главной массы германских войск, тем более что главный удар должны были наносить хорошо настроенные, но недостаточно обученные и слабо управляемые американцы, а оберегаемые Фошем и, правда, утомленные французы должны были играть в этом решительном сражении второстепенную роль. Тем не менее успех союзников на участке между Маасом и Аргоннами сулил Фошу если не решительные, то важные результаты.

Во избежание осложнений германцы напрягли все усилия, чтобы удержать участок между Маасом и Аргоннами. Затем, пользуясь им как бы осью, германские войска между морем и Аргоннами постепенно отходили правым флангом и центром назад. Таким образом операция союзников, начатая 26 сентября между Маасом и Аргоннами с юга на север, в связи с наступлением англичан 27 сентября с фронта С. Кентен—р. Скарпа на Мобеж и группы Альберта 28 сентября с линии Ипр—побережье на Гент привела к сражению на фронте в 420 *км* 12 союзных армий против 10 германских.

ХОД ОПЕРАЦИЙ

Схема 51В

На фронте от Мааса до р. Сюип, протяжением 65 *км*, 42 американских и французских пех. и 4 кав. дивизий с 4 878 орудиями, с многочисленными самолетами и танками после 3—10-часовой артиллерийской подготовки атаковали 13 германских дивизий с 1 600 орудиями.

В центре американцы имели успех, дойдя до Сетсарж, т. е. проникнув вглубь германского расположения на 6—9 *км*. Зато на флангах, западнее

р. Маас и в Аргоннах така их была почти безрезультатной. 4-я французская армия Гуро, наступавшая западнее Аргонн, продвигалась медленее и к вечеру дошла до линии Серне—Тагюр, находившейся в 3—4 *км* впереди исходного положения французов, захватила 7 000 пленных. Попытка продвинуться дальше была безрезультатной, так как части 3-й и левого фланга 1-й германских армий сделали то же самое, что Гуро 15 июля, т. е. оборонительную полосу они создали на обратном скате на южном берегу р. Ла-Дормуаз и искусно ее замаскировали. Французы натолкнулись на нее неожиданно.

В последующие дни, 27—30 сентября, германцы, получившие небольшие подкрепления, оказывали союзникам стойкое сопротивление. Тем не менее, союзникам удалось к вечеру 30 сентября продвинуться почти на всем фронте на 3—7 *км*. Но в дальнейшем наступление развиваться не могло: германцы получили сильные подкрепления, наступила скверная погода, американцы стали нести большие потери и испытывать большие затруднения в подвозе снабжения. Последнее было вызвано главным образом тем, что все дороги в тылу их были забиты транспортами до такой степени, что продвинуть какие-либо грузы вперед или назад долгое время представлялось невозможным.

Дальнейшее продвижение американцев и Гуро происходило преимущественно лишь вследствие постепенного отхода германцев. До известной степени для последних острота положения миновала, так как весь германский фронт западнее р. Сюип под давлением союзников стал медленно катиться на восток к своим границам. В результате операции союзники продвинулись на север на 5—12 *км*, не выполнив даже ближайшей задачи. До 4 октября союзники взяли 18 000 пленных и 300 орудий. Но все надежды Фоша о выходе на сообщения германских армий рухнули.

27 сентября начались ожесточенные бои в центре. 1-я и 3-я английские армии, в составе 13 дивизий, атаковали части 17-й германской армии на фронте в 21 *км*, в направлении на Камбрэ, а 4-я английская и 1-я французская— на С. Кентен. Англо-французы имели успех. Тесня стойко обороняющихся германцев, они 2 октября овладели С. Кентеном. К 8 октября союзники, потрепав в районе Аррас—С. Кентен 39 германских дивизий, взяли около 60 000 пленных и 600 орудий. Поэтому в ночь на 9 октября 17-я, 2-я и 18-я германские армии стали отходить на позицию Германа, удерживая южный свой фланг на Уазе у Ла-Фер. А еще раньше, 28 сентября, под влиянием продвижения американцев на востоке и англичан на севере, германцы начали покидать свою позицию и по линии Ла-Фер—Шавон—С. Тьерри. Во Фландрии 24 пех. и 3 кав. дивизии атаковали 19 германских на фронте в 35 *км* и имели заметный успех лишь в первый день операции. В дальнейшем продвижение союзников было очень медленным.

Тем не менее положение германцев стало столь плачевным, что 5 октября восточнее Уазы они начали отход на позицию Брунгильды—Кримгильды на 20—40 *км* назад, которую и заняли к 13 октября. Никакого окружения германцев конечно не получилось. План Фоша остался на бумаге. Однако непрерывный нажим союзников уменьшал резервы германцев и сильно истощал их армию.

13 октября союзные армии вышли на линию Диксмюде—Менэн (искл.)— Армантьер—Дуэ (искл.)—Солем (искл.)—Ла-Фер—Ретель—Вузьер—Гранпре (искл.) и Консневуа. Хотя с 18 июля они продвинулись максимально в центре на 70 *км*, а на флангах 10—25 *км*, но снабжение их расстроилось. Тем не менее Фош, имея в резерве 88 дивизий из 205, 14 октября возобновил наступление в тех же 3 группах и по тем же направлениям на Мезьер, Самбру и Гент. Главный удар наносился англичанами на фронте Вассиньи—Солем при

поддержке на юге 1-й французской армии и на севере атакой англичан в районе Солем.

К 20 октября дальше всех продвинулась группа Альберта, которая дошла до р. Шельды, следуя за германцами, начавшими отход здесь в ночь на 16 октября. На остальных же участках фронта союзники лишь подошли к позиции Германа—Гундинг—Брунгильды—Кримгильды, которую германцы заняли 20 октября, и приостановились.

Но события в Германии шли теперь таким быстрым темпом, что о длительной остановке на этой позиции не могло быть и речи. Как уже упоминалось выше, решение добиваться мира дипломатическим путем было принято германским правительством 14 августа. Но так как Германия все еще не считала себя побежденной, то каких-либо результатов это решение в течение длительного времени дать не могло. И только 11 сентября, по отходе германцев на позицию Зигфрида и при возникновении новых политических осложнений внутри Германии, а также и у ее союзников, было решено немедленно обратиться к посредничеству Голландии. Но не успело еще германское правительство осуществить свое решение, как 14 сентября, без ведома Германии, была опубликована нота австро-венгерского правительства с предложением мира. А еще через несколько дней рухнул Салоникский фронт и последовала атака позиции Зигфрида. Такая обстановка в связи с ускоряющимся темпом революционизирования германской армии заставила германское правительство 29 сентября обратиться непосредственно к президенту Соединенных штатов Вильсону с предложением немедленного прекращения военных действий и заключения мира на основе его 14 пунктов. В тот же день в Германии была введена парламентская система.

Между тем, под влиянием продолжавшегося отхода частей германской армии, из главной германской квартиры посылались телеграммы с требованием безотлагательного предложения мира и перемирия. 5 октября с одобрения нового кабинета министров, в состав которого вошли социал-демократы, новый канцлер принц Макс Баденский обратился к Вильсону с нотой, предлагавшей немедленно заключить перемирие, хотя германцы намечали заключение лишь «достойного» мира, так как Гинденбург надеялся, что германская армия будет в состоянии удержаться на чужой территори до весны 1919 г.

БАЛКАНСКИЙ ТЕАТР

Схема 51Г

После капитуляции Болгарии действия на Балканах еще продолжались против тех австро-германских контингентов, которые там оставались. Но соотношение сил здесь настолько перешло на сторону Антанты, что военные операции приняли на Балканах исключительно характер очищения занятых армиями центральных держав территорий. Поэтому дальнейшее наступление войск Антанты шло в виде веера в сторону Албании, Сербии, Румынии и Константинополя.

Главная операция была направлена для освобождения Сербии и для дальнейшего наступления в Австро-Венгрию, чтобы угрожать, в случае продолжения войны, ударом Германии с юго-востока. Это наступление главных сил прикрывалось с запада направлением отряда для очищения Албании и Черногории, а с востока продвижением французских войск к Румынии для действия в тыл расположенной там армии Макензена. Кроме того *второстепенная* операция направлялась для завладения Константинополем.

Очищение *Албании* и *Черногории* производилось итальянским корпусом, наступавшим с фронта Берат—Валлона, и сборным союзным отрядом с фронта Ускюб—Охрида. 9 октября этот последний дошел в своем наступлении до линии Новый Базар—Митровица—Дьякова, откинув оставшиеся здесь отряды к морю, где они и должны были капитулировать перед итальянцами.

Наступление на *Сербию* велось в общем направлении по долине реки Моравы сербской армией, усиленной французскими и греческими дивизиями, и французской кавалерией и тяжелой артиллерией, всего около 10 пех. дивизий. После 3-дневных упорных боев в дефиле Вранна и Лесковац и энергичного преследования сербы 12 октября заняли Ниш, а 1 ноября, покрыв по гористой местности 500 *км* в 45 дней, вошли в Белград, имея правее себя, у Семендрии, французскую кавалерию. В дальнейшем наступление продолжалось в направлении на Будапешт, и ко времени заключения перемирия войска Антанты дошли здесь до линии Чегедин—Байя.

В направлении на *Румынию* через Болгарию действовала Дунайская армия из 2 французских и 1 английской дивизий. 19 октября был занят Видин, а 10 ноября Дунайская армия переправилась через реку у Никополя, Журжева и Систово. Румынская армия вновь перешла на сторону Антанты и начала мобилизоваться, а германская армия Макензена начала свой отход через Трансильванию.

В операции против *Константинополя* участвовали 5—6 дивизий, из которых половина английских. Отряд этот направился с линии р. Струмы через Трас на линию Дедеагач—Адрианополь. Перемирие с турками в Мудроссе (30—31 октября) прекратило дальнейший поход на Константинополь.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ТЕАТР

Схема 42Г

Одновременно с переходом в общее наступление на Французском театре ген. Фош настойчиво требовал наступления и на Итальянском фронте. Но итальянское командование, несмотря на присутствие на его фронте англо-французских контингентов, оттягивало это наступление и начало его только 25 октября, когда участь войны на Французском театре была окончательно предрешена в пользу Антанты, а Австро-Венгрия, лишенная помощи Германии и скомпрометированная на Балканах капитуляцией Болгарии, находилась в периоде полного разложения.

Итальянский фронт представлял к этому времени силу в 57 дивизий, из которых 3 английских, 2 французских и чехо-словацких, поддержанных 4 750 орудиями. С противной стороны действовало 63 дивизии австрийцев, представлявших силу несравненно более слабую, так как многие из дивизий считали в своих рядах не более 5 батальонов.

Расположение сторон оставалось тем же самым, как мы покинули его летом, причем наибольшие силы, со включением англо-французских дивизий, занимали центр, от железной дороги Одеццо—Тревиз до горы Томба (10-я, 8-я и 12-я армии), постепенно разжижаясь к морю и к р. Адиж.

Идея наступления сводилась к прорыву центра 3 армиями на фронте в 40 *км* между Грав-ди-Пападополи (Grave di Papadopoli) и Педеробба и в дальнейшем наступлении на фронт Витторио—Венето и Бемон с целью отрезать австрийские войска, действовавшие в горах, от таковых в долине и захватить линию их коммуникации, идущую Трента через Фельтре. Этой главной, центральной атаке должно было содействовать и продвижение фланговых армий.

Несмотря на трудные условия переправы через вздувшуюся Пьяву, прорыв вполне удался, и к 30 октября Итальянский фронт продвинулся до линии р. Монтикано—Витторио-Венето—Сезанна—Фельтре—Азьяго, грозя разделить австрийцев на 2 части.

Австро-Венгрия уже 29 октября просила перемирия, но итальянское командование решило использовать время переговоров для своего дальнейшего наступления или, вернее, преследования, которое направлялось на Удине—Тальяменто—Белюну и Трент; одновременно десантным отрядом был занят Триест. 3 ноября в Падуе было подписано перемирие с Австро-Венгрией, которая одновременно перестала существовать как отдельный организм, разложившись на свои составные части.

ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КОНЕЦ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В то же время, согласно директивы Фоша от 19 октября, союзные армии возобновили, правда, вялое, наступление против позиции Германа—Гундинг—Брунгильды—Кримгильды: группа Альберта с фронта Тамплев до голландской границы наступала на Брюссель, англичане с фронта Тамплев, Васиньи на Намюр, с целью отбросить германцев в трудно проходимые Арденны и отрезать их от главного рокадного пути, 1-я французская армия—на Шимэ—Живэ для поддержки англичан, а 5-я и 4-я французская и 1-я американская армии—для овладения районом Мезьер—Седан.

К 27 октября успех выявился на фронтах Альберта, английском и американском. При такой обстановке германское правительство было вынуждено 27 октября согласиться на все требования Вильсона, клонившиеся к лишению Германии возможности возобновить военные действия и дать союзным державам неограниченное право предъявить Германии самые тяжелые условия перемирия.

Между тем к 5 ноября лишь англичане, 1-я французская армия и американцы прорвали упомянутую позицию германцев. Но продолжение обороны ее становилось невозможным. Поэтому в ночь на 5 ноября 7 германских армий от Мааса до Конде, а 8 ноября и северные германские армии начали отход на позицию Антверпен—Маас.

К этому же времени союзники Германии заключили перемирие, в Германии вспыхнуло восстание, состояние германской армии резко ухудшилось. Она больше не хотела воевать за буржуазию, за Вильгельма. 9 ноября Вильгельм вынужден был отречься от престола. Союзники готовились предпринять наступление из района Нанси по обеим сторонам Мозеля на фронт р. Саар—Люксембург во фланг и тыл отступавшим германским армиям. При этих обстоятельствах продолжение борьбы было бесплодным. Лишь диктатура пролетариата могла вновь поднять народные массы советской социалистической Германии на борьбу с буржуазией Антанты. Но взять власть в свои руки пролетариат Германии вследствие предательства социал-демократии был пока не в силах.

И когда 5 ноября Вильсон сообщил Максу Баденскому, что Фош уполномочен принять германских парламентеров, то 7 ноября к нему они и отправились. В 11 часов 11 ноября в тот момент, когда германская армия находилась восточнее линии Гент—Лессин—Моно—Мобеж—Шимэ—Шарлевиль—Седан—Френ—Понт-а-Муссон, враждебные действия прекратились, а затем германская армия стала спешно уходить в Германию, и в то же время было заключено перемирие, но условия его были чрезвычайно тяжкие для Германии.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ О КАМПАНИИ 1918 ГОДА

Итак, закончилась война, тянувшаяся 51 месяц.

Важнейшей ошибкой германского главнокомандования в 1918 г. была та, что оно переоценило стратегическую и политикоэкономическую мощь Германии и стремилось достичь для нее чрезмерно больших и недостижимых результатов.

При сравнении состава, численности, а затем и действий вооруженных сил Антанты и Германии в 1918 г. Гинденбург уже в начале кампании отдавал себе отчет, что поражение Германии неизбежно, если она не сможет сокрушить армий Антанты до прибытия американцев. Но отсутствие превосходства сил у германцев и необходимость тщательной подготовки операций обусловливали возможность предпринятия слишком небольшого их числа, каждый раз лишь на относительно незначительном участке и через большие промежутки времени. Но эти операции были весьма мощными, имевшими целью сокрушение живой силы врага. Производились они всегда в новом операционном направлении, но одними и теми же приемами и все с меньшими результатами. Положение германцев с удлинением фронта и с уменьшением людского запаса каждый раз ухудшалось. И результат получился плачевный. Таких последствий германское главное командование не предусмотрело. Но это должно быть поставлено в вину не только ему, но и буржуазии, которая толкала его на такой способ действий.

Союзное главное командование, правда, обладавшее по сравнению с германцами огромными возможностями лучше учитывало менявшуюся обстановку, истощение и разложение германских сил, но, ликвидировав с большими трудностями наступление германцев, оно с 18 июля стало лишь вытеснять германскую армию, почти не стремясь к ее уничтожению или капитуляции. Такой метод действий Фоша был более верным, менее рискованным, но медленным, дорого стоившим и не обещавшим решительных результатов. Он лишь ускорял и без того прогрессировавшее истощение и разложение германской армии. В общем германская армия отходила в пределы Германии довольно благополучно и медленно, со скоростью не свыше 2 *км* в сутки. Если бы перемирия не было заключено 11 ноября, то Фош не мог бы помешать главным силам германцев отойти на Рейн—как вследствие расстройства военных сообщений союзников, так и из-за различия интересов государств Антанты, которое стало бы выявляться все резче.

Усилие, проявленное Соединенными штатами в наиболее критический период войны, дало результаты, превзошедшие всякие ожидания. Число американских дивизий, оказавшееся в действительности в октябре 1918 г. во Франции, превосходило почти в 4 раза то число, которое было намечено ими самими. Правда, американские части, особенно вначале, были мало обучены, но они сменяли английские и французские дивизии на спокойных участках, и это обстоятельство имело немаловажное значение для хода операций. Во вторую же половину кампании американцы приняли самое деятельное участие в боях.

Несмотря на усилия обеих сторон и особенно германцев перейти к маневренной войне и тем создать возможность достижения быстрых и решительных результатов, это сделать не удалось. Боевой порядок в 1918 г. был настолько плотен, а технические средства так велики, что сохранить при этих условиях маневренные способности войск оказалось невозможным.

Примыкание флангов позиционного фронта к морю и к границе нейтрального государства обусловливало возможность производства лишь прорывов. Охват или обход оголенного фланга мог явиться лишь второй фазой операции. Но если сам прорыв оказывался в большей или меньшей мере удавшимся, то вопросы его развития и питания операции в 1918 г. оказались неразрешенными. Продвижение вперед победоносных войск, за которыми следовали огромные резервы, всегда было более медленным, чем сосредоточение свежих оперативных резервов оборонявшегося, пользовавшегося для этого богатым и неразрушенным транспортом. Замедление продвижения наступавших, а иногда и полное его прекращение нередко имело место не только вследствие созданного на их путях стойкого сопротивления, но и из-за того, что в небольшом районе развертывались огромные силы. Они требовали для своего снабжения обильных транспортных средств. Как войска, так и транспорт вынуждены были продвигаться по разрушенной отступавшим противником местности, что требовало производства сложных и медленных восстановительных работ. При этих условиях воспроизводство «Канн» оказывалось невозможным.

Если огневых и технических средств обе стороны имели вполне достаточно, то людей для пополнения действующей армии нехватало. Это обстоятельство в сильной степени повлияло на поражение Германии. Если Антанта относительно благополучно пережила свой кризис пополнения армии, то только благодаря Соединенным штатам и широкому использованию населения доминионов и колоний. Так, Франция получила из своих колоний за всю войну 766 000 чел., а Англия из своих владений свыше 2 600 000 чел. Германия же, привлекшая на военную службу 10 500 000 чел., т. е. все, что только могла, исчерпала все свои возможности. Поэтому с июня 1918 г. германская армия вынуждена была поедать сама себя, т. е. расформировывать одни части для пополнения других. Если за время войны в Германии было вновь сформировано 100 дивизий, то в продолжение последних 5 месяцев войны германцы расформировали 29 дивизий.

Помимо желания иметь большую армию и необходимости освободить от военной службы рабочих и служащих военной промышленности, транспорта и управления, на недостаток людского запаса оказали крупное влияние огромные потери. Антанта потеряла в кампанию 1918 г. во Франции свыше 2 000 000 чел., а Германия свыше 1 500 000, включая сюда и пленных (Германия потеряла 325 000 пленными). Меньшие потери германцев можно объяснить лучшей выучкой германских войск и более искусным управлением ими.

Совершенно особое значение в 1918 г. имел транспорт железнодорожный, автомобильный и морской—как при проведении маневра для отражения вражеского наступления, так и для снабжения вооруженных сил.

Если в конце концов пехотинец решал победу, то мощность артиллерийского огня являлась основным элементом успеха. Число орудий, особенно тяжелых, продолжало увеличиваться и в 1918 г., а средний расход снарядов на 1 орудие в день, превзошедший все имевшиеся до этого нормы, дошел до 35.

Танки и превосходная авиация союзников принесли им громадную пользу, особенно 18 июля и 8 августа, но действия их не могут быть образцом для нас, обладающих более совершенными типами и танков и самолетов. Тем не менее упомянутые операции дают нам метод наилучшего их использования в начале операции.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мировая война кончилась... Участники ее разделились на победителей и побежденных. Одна советская Россия решительно отказалась разделить участь тех или других.

Весь мир изучает эту величайшую из войн и ищет причины «побед» и «поражений».

Факторов, решивших участь мировой войны, много:

1) Первоначальная ошибка германского командования в начале мировой войны в осуществлении знаменитого шлиффенского плана войны против Франции.

2) Вступление в войну Англии и недооценка германским командованием значения английской армии, неожиданно обнаружившей свою военную организационную мощь и значительную наступательную силу своих новых формирований.

3) Отсутствие твердой линии ведения беспощадной подводной войны, как результат постоянных разногласий и трений по этому вопросу между германским командованием и правящими сферами.

4) Вступление в войну, на стороне Антанты, Соединенных штатов Америки с их неисчерпаемыми материальными ресурсами и огромными людскими запасами для ведения войны.

Вот те основные факторы, в результате действий которых мировая война, вопреки близоруким расчетам правительств империалистических держав, вступивших в войну, приняла столь затяжной характер, что в свою очередь наметило вероятность ее конечного исхода.

Несмотря на значительность этих факторов, обусловивших затяжку войны и тем самым увеличивших шансы исхода мировой войны в пользу Антанты, ни один из них не оказался решающим; при наличии их всех решающая кампания 1918 г. началась на Французском театре войны при такой обстановке, когда конечная победа была почти в руках германцев, но... победила Антанта. Германия оказалась раздавленной, несмотря на то, что армия Германии не потерпела в действительности ни одного решительного поражения.

Где же тот фактор, который в мировой войне стал решающим?

Февральская революция, совершившаяся при благосклонном сначала отношении к ней Антанты, не оправдала надежд последней на подъем «патриотических» настроений в народных массах в России, с целью доведения войны до победного конца во славу антантовского империализма.

Вопреки ожиданиям, русская «революция Февраля» (марта), развивавшаяся в классовых противоречиях, обостренных мировой войной, и переросшая в «революцию Октября» (ноября), грозно потрясла весь мир, зашатав рядом восстаний и выступлений в армиях и флотах воюющих держав самые устои всей капиталистической системы. Русский фронт развалился. Русская армия была сброшена со счетов и выкинута из баланса воюющих сторон: из актива Антанты и из пассива Центральных держав.

Однако правительствам обоих империалистических лагерей приходилось крепко задуматься над своей судьбой в случае дальнейшего затягивания войны: путь от русского самодержавия до Советов был не длителен и у всех на глазах.

Одна возможность развития и распространения пролетарской революции при дальнейшем затягивании войны предопределила стремление всех участников мировой войны к скорейшему ее окончанию и неминуемый крах в первую голову германского империализма, вынужденного в лице германского командования взять на себя непосильную задачу: удушение великой революции Октября на Востоке и в то же время «решение величайшей задачи в истории на Западе» [1].

Отныне *революционное рабочее движение* стало решающим фактором во всякой войне, какую бы не задумали империалисты. Это—первый и важнейший вывод из опыта мировой войны 1914—1918 гг.

Вторым основным выводом из опыта минувшей империалистической войны является пересмотр вопроса о роли и значении тыла в общем ходе войны, что четко формулировано М. В. Фрунзе в его статье «Фронт и тыл в войне будущего» [2].

Положение, гласящее, что «исход войны будет решаться не только непосредственно на боевом фронте, но и на тех линиях, где стоят гражданские силы страны»,—стало теперь ходячей аксимой. Опыт войны показал, что достижение целей войны в современных условиях стало делом значительно более сложным, чем прежде. Современные армии обладают колоссальной живучестью. Эта живучесть целиком связана с общим состоянием страны. Даже полное поражение армий противника, достигнутое в определенный момент, не обеспечивает еще конечной победы, поскольку разбитые части имеют за собой экономически и морально крепкий тыл. При наличии времени и пространства, обеспечивающих новую мобилизацию людских и материальных ресурсов, необходимых для восстановления боеспособности армии, последняя легко может воссоздать фронт и с надеждой на успех повести дальнейшую борьбу.

С одной стороны, до невероятных размеров возросли трудности обеспечения мобилизационной готовности армий. Необходимые для этого средства определяются не сотнями миллионов, а миллиардами рублей. Таких цифр, разумеется, не сможет выдержать никакой бюджет даже самой богатой страны.

Наконец, в этом же направлении действует и быстрый прогресс современной военной техники. То, что признается наиболее совершенным сегодня, завтра становится уже устаревшим и не обеспечивающим успеха. Отсюда—нецелесообразность и прямая опасность колоссальных финансовых затрат на заготовку мобилизационных запасов. Центр тяжести переносится на соответствующую организацию промышленности и вообще всего хозяйства страны.

Из изложенного вытекает неизбежность пересмотра и самых принципов стратегии. При столкновении первоклассных противников решение не может быть достигнуто одним ударом. Война будет принимать характер длительного и жестокого состязания, подвергающего испытанию все экономические и политические устои воюющих сторон. Выражаясь языком стратегии, это означает переход от стратегии молниеносных, решающих ударов к стратегии истощения.

Вывод этот, правильный в основном, должен быть дополнен поправкой, вытекающей из классового характера будущих войн.

Сущность этой поправки заключается в том, что при глубоком обострении классовых противоречий моральная устойчивость определенной воюющей стороны может оказаться очень слабой и не выдержать действия первого серьез-

---

[1] Людендорф, Мои воспоминания, стр. 157.
[2] М. В. Фрунзе, Собрание сочинений, т. II, стр. 96—106, Гиз, 1926 г.

ного военного удара. Особенно характерным в этом отношении будет положение воюющих сторон противоположного по классовому строению типа.

Из изложенных выше рассуждений для нас отнюдь не вытекает необходимость абсолютного отказа от стратегии молниеносных ударов (эта стратегия, кстати сказать, не отметается и буржуазными государствами). Напротив, чем сильнее будет обострение классовых противоречий в стане врагов, тем больше шансов и данных на успех и выгодность именно этой стратегии. Но при всем этом необходимость подготовки к длительной и упорной войне для нас всегда сохраняет обязательную силу. Поскольку дело идет о столкновении двух различных миров, это означает схватку не на жизнь, а на смерть. Врагов у рабоче-крестьянской республики много, и поэтому борьба будет длительной.

Таким образом связь фронта с тылом в наши дни должна стать гораздо более тесной, непосредственной и решающей. Жизнь и работа фронта в каждый момент определяется работой и состоянием тыла. И в этом смысле центр тяжести ведения войны переместился с фронта назад, в тыл.

В этом же направлении действует и другой момент, связанный с развитием военной техники и с усовершенствованием средств истребления. Превращение авиации в решающий род войск, усовершенствование химических средств войны, возможное использование инфекционных микробов и пр.— все это, по существу, опрокидывает самое представление о «фронте» и «тыле» в старом понимании этих слов.

Фронт в смысле района, непосредственно охваченного военными действиями, теряет характер прежнего живого барьера, преграждавшего врагу доступ в «тыл». Если не полностью, то, во всяком случае, в значительной своей части (в зависимости главным образом от размеров территории данной страны) тыл теперь совмещается с фронтом. Отсюда—новые задачи и новые методы подготовки обороны страны, и в частности новая роль самого тыла, как прямого участника в деле борьбы. Раз непосредственная тяжесть ведения войны падает на весь народ, на всю страну, раз тыл приобретает такое значение в общем ходе военных операций, то, естественно, на первое место выступает задача всесторонней и планомерной подготовки его еще в мирное время.

Подготовка эта должна иметь целью, во-первых, бесперебойное снабжение фронта всем необходимым для ведения боевых операций; во-вторых, обеспечение самого тыла всем, что нужно для поддержания на должном уровне его рабочей энергии и моральной устойчивости. Так ставится эта задача во всех мировых державах, стремящихся дать ей практическое разрешение.

Отсюда—настоятельная, жгучая и неотложная задача: усилить общую работу по подготовке страны к обороне; организовать страну еще в мирное время так, чтобы она могла быстро, легко и безболезненно перейти на военные рельсы. Путь к этому лежит в усвоении твердого курса на военизацию еще в мирное время работы всего гражданского аппарата» [1].

Переходя от этих основных общих выводов из опыта мировой войны в области стратегии к более конкретным и детальным, которые заслуживают быть особо отмеченными, необходимо остановиться на следующих факторах, в области *оперативного искусства.*

I. МАССОВОСТЬ АРМИИ

Массовость армий, как следствие: а) необходимости оборонять широкие фронты и б) современного состояния индустриализации с ее способностью

---

[1] М. В. Фрунзе, цыт. соч.

массового стандартного производства разнообразнейших технических средств борьбы.

А) В отношении первого—десятки миллионов бойцов той и другой стороны сталкивались на обширных фронтах мировой войны в течение 4 непрерывных лет. Как далеки эти цифры от эпохи Наполеона с его «великой армией» Аустерлица (90 тыс.), Ваграма (150 тыс.), Вильны (350 тыс.), Лейпцига (140 тыс.), Ватерлоо (145 тыс.), от эпохи франко-прусской войны 1870/71 г. с 400-тысячной армией германцев, вторгнувшейся во Францию, от армий обеих сторон в русско-японской войне уже ближайшей к нам империалистической эпохи. Такова разница между численностью современных и прежних армий.

Б) В отношении второго—еще более разительный контраст между техническими средствами прежнего и новейшего времени. Достаточно перечислить главнейшие из них, получившие свое развитие в мировую войну и наметившие пути их дальнейшего усовершенствования и использования:

а) *Автоматическое малокалиберное оружие*, способное произвести на коротком расстоянии деморализующее и смертоносное действие.

б) *Скорострельные пушки* среднего и крупного калибра, могущие образовать перед войсками трудно проходимое огненное заграждение, а также разрушить и нейтрализовать на поле сражения в самое короткое время различные сооружения активного и пассивного характера.

в) *Артиллерия большой мощности*, отличающаяся или очень крупными калибрами, дающими возможность разрушить бетонированные и бронированные укрепления, или же дальнобойностью, которою пользуются для действия против дальних целей, как-то: вокзалов, искусственных сооружений, железнодорожных узлов, заводов, парков, магазинов и т. д.

г) *Авиация*, необычайное развитие которой в течение войны было лишь прелюдией к еще более значительному прогрессу, продолжающемуся в наши дни; этот новый род войск ввел в расчеты стратегии еще один элемент—третье измерение: люди поднялись для борьбы в воздушные сферы. Авиация позволяла делать быстрые и богатые по результатам разведки в тылу неприятеля; она давала возможность посылать разрушение и ужас на расстояния, которые непреодолимы для самого усовершенствованного метательного оружия. Но авиация в мировую войну еще являлась только придатком к сухопутным и морским вооруженным силам. Войска пользовались услугами своей авиации, терпели от авиации противника, прятались и маскировались, но в общем в развитии своих тактических и оперативных форм продолжали итти своим прежним путем, не увязанным органически с этим новым могущественным орудием войны, которое в настоящее время уже выросло в самостоятельный род войск. В будущей войне авиация бесспорно будет играть роль, принципиально отличающуюся от роли ее в мировой войне.

д) *Химия*, успехи которой вызвали усовершенствования в методах производства пороха и привели к открытию новых веществ как взрывчатых, крайне разрушительных, так и отравляющих. Тем же успехам химии было обязано широкое распространение удушливых газов, а также веществ, коими начиняются снаряды скорострельной артиллерии, светящиеся снаряды, дымовые снаряды и т. д. Прогресс химии, в частности использование жидкого воздуха и получаемых благодаря этому химических соединений, позволяет добывать у себя то сырье, которое нужно для пороховых заводов, что освобождает от крайне стеснительного ввоза из-за границы. Без своих больших заводов для производства аммиака, находившихся в Оппау, германцы, блокированные с моря, были бы не в состоянии продолжать войну. Электричество, во все-

возможных видах было использовано для нужд освещения, для двигательной силы и особенно для связей телеграфной, телефонной и радиотелеграфной. Беспроволочный телеграф, употреблявшийся для регулирования артиллерийской стрельбы и для быстрой передачи важных приказаний, обещает дать в будущем новые усовершенствования. Оптика, снабжавшая войска подзорными трубами, биноклями, прожекторами, фотографическими аппаратами, позволила составить карты крупного масштаба и планы, на которых были с точностью обозначены все подробности неприятельского расположения.

ж) *Механические средства,* нашедшие себе особое применение в транспорте. В тылу армии главную роль играли железные дороги и водные пути, но у самых границ поля сражения были в употреблении все виды автомобилей (легкие и грузовые машины, тракторы колесные и гусеничные), служившие для связи, для передвижений войск и материальной части и даже для боя. Сформированные в районе армий большие группы автомобилей предоставили в распоряжение главнокомандующего общий резерв транспорта для облегчения стратегического маневра. Наконец на полях сражения появились тракторные батареи, пушки на автомобилях, автомобильные продовольственные и санитарные взводы, а также танки, напомнившие собою боевые колесницы древности.

з) *Подводный флот* во время мировой войны сделал огромный шаг вперед. К концу войны морская техника обогатила морские силы подводным крейсером «Deutschland» способны неся на себе разрушительные средства чудовищной силы, на тысячи километров отрываться от базы. Наиболее интенсивные действия проявил подводный флот Германии. Ее подводные лодки захватили господство над Северным морем, а отчасти—над Антлантическим океаном и Средиземным морем, и своими смелыми, удачными действиями поставили Англию в крайне затруднительное положение. Но политические причины мешали германскому морскому командованию в ведении подводной войны провести необходимые твердость и жестокость, которые только и могли обеспечить успех этому грозному средству борьбы тоже в третьем измерении, и германцы подводную войну не довели до конца.

Едва ли может быть сомнение в том, что в будущих войнах театр военных действий подводного флота будет лежать на главных путях океанского транспорта.

II. ОБШИРНОСТЬ ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Обширность театра военных действий вытекала из необходимости громадных пространств для развертывания миллионных армий и снабжения последних всеми видами довольствия и техники. Так, один западноевропейский фронт войны, растянутый к началу войны между Бельфором и Мезьером на 300 *км*, уже после сражения на Марне, когда фронт протянулся от швейцарской границы до Северного моря, равнялся 600 *км*. Чтобы представить себе пространство, которое занимали в мировую войну войска и обозы, нужно принять в соображение, что общие резервы, парки, транспорты, временные учреждения и главные службы армий располагались позади фронта на глубину в среднем около 100 *км*. Умножив число километров фронта на 100, мы получим 60 тыс. $км^2$, что составляло $^1/_9$ поверхности всей Франции. Восточноевропейский же фронт после выступления Румынии в 1916 г., протянувшийся между Черным и Балтийским морями, равнялся уже 1 400 *км*, а пространство, необходимое для размещения войск и обозов, исчисляя его

на тех же соображениях, равнялось 140 тыс. *км*², что составляло ¼ площади современной Германии. Отсюда видно, как тяжело для страны расквартирование больших мобилизованных армий даже помимо всякого боевого риска.

III. ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ВОЙНЫ

Продолжительность войны превзошла все ожидания. Специалисты с апломбом утверждали, будто при том состоянии вооружения, какое было в начале этого века, европейская война не могла продлиться более нескольких месяцев. Они уверяли, что борьба прекратится, как только иссякнет наличный запас товаров на рынке и заготовленный на случай войны.

Тем не менее мировая война, несмотря на громадные размеры, которые она приняла, могла вестись в течение 4 лет. Это произошло лишь в силу военных, политических и моральных причин, которые взяли верх над экономическими затруднениями. После многих неожиданностей и неизбежных колебаний все же пришли к убеждению, что наличные силы можно долгое время поддержать в равновесии.

Одно время думали, что неожиданно затянувшуюся борьбу нужно решить не силой оружия, а каким-нибудь другим способом.

Более или менее действительная блокада центральных держав союзниками, попытки, сделанные германцами для разорения английской торговли посредством усиления подводной войны, что лишь ускорило вмешательство Америки в войну на стороне французов и англичан, разрушительная пропаганда, развития в России и во Франции—все это исходило из стратегии, продиктованной отчаянием. С другой стороны, привлечение обеими воюющими сторонами новых союзников и совместное пользование источниками промышленности, земледелия и финансов, которыми могли располагать отдельные союзные государства, содействовали расширению театра операций и увеличению продолжительности борьбы.

IV. ГРОМАДНОСТЬ ПОТЕРЬ

а) Потери в людях. Еще задолго до 1914 г. говорилось: «будущая война будет так жестока, что победитель выйдет из нее столь же ослабленным, как и побежденный».

Опыт мировой войны это предсказание во многом подтверждает следующими средними годовыми данными потерь:

Армии	Общие потери	Безвозвратные потери
	(в % по отношению ко всей армии)	
Французская	41	23
Английская	39	16
Германская	38	19
Русская	69	30

Таким образом, мы видим, что общие потери за всю войну, взятые в среднем, колеблются в пределах цифры около 40%, и только русская армия дает резкое увеличение (69%). Безвозвратные потери, которые должны были быть возмещены последующими мобилизациями, дают цифру, колеблющуюся от 16 до 22% (русская армия дает скачок до 30%). Процент безвозвратных потерь значительно колебался в зависимости от того, к какому периоду—

позиционному или маневренному—они относились; они увеличивались больше всего в маневренный, т. е. подвижной период войны. В позиционный период войны потерь было меньше: они колебались от 16 до 20%, в то время как в подвижной период войны—от 26 (в русской) до 48% (в английской армии).

б) *Материальные потери.* Материальные опустошения, причиненные войной, напоминают по ужасу последствия землетрясений или разбушевавшихся стихий. Театр борьбы, на котором воюющие армии стояли более 4 лет, был превращен в настоящую пустыню. Этой участи подверглись 10 французских департаментов и большая часть бельгийской территории.

Чтобы довести войну до конца, восстановить опустошенные местности и возместить убытки пострадавшим семьям, пришлось израсходовать приблизительно 250 миллиардов франков, которые по Версальскому миру и были возложены на Германию в виде репараций.

V. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕЗЕРВЫ

Как следствие всех этих просчетов в отношении перечисленных выше фактов в области стратегии, которыми изобиловала перед мировой войной военная мысль, к тому же находившаяся под гипнозом шлиффенских идей сокрушения, явился просчет всех воюющих сторон и в отношении стратегических резервов.

Стратегические резервы, идея использования которых была сильно скомпрометирована после франко-прусской войны 1870/71 г., над которыми многими даже был поставлен крест, как неправильный вывод из неудачного исхода русско-японской войны 1904/05 г., и роль которых была вообще недостаточно оценена в период непосредственной подготовки к мировой войне,—с первых дней этой войны обнаружили свое настоящее значение: германская армия, развернувшаяся на западноевропейском театре без резервов, была вынуждена уступить французам поле сражения под Марной; с другой стороны, фактическое использование, даже крайне неумелое, в качестве стратегических резервов, не предназначенных служить таковыми, сосредоточиваемых в варшавском районе 9-й и 10-й русских армий в августе 1914 г., позволили русскому командованию предотвратить возможность развития катастрофы на обоих фронтах, в связи с гибелью на северо-западном фронте 2-й армии Самсонова и прорывом австро-венгерцами на юго-западном фронте 4-й русской армии.

Дальнейший ход мировой войны с достаточной убедительностью показал, что стратегические резервы нужны были и в маневренном и в позиционном периодах. При этом необычайно возросла роль железнодорожного и автомобильного транспорта, еще более поднялось значение крупных артиллерийских резервов, еще отчетливее подтвердилось значение конных масс, вполне определилась роль централизованного управления и наконец во всю величину выявилось значение политического фактора, как влияющего на использование стратегических резервов в том или ином направлении[1].

VI. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОННИЦА

Отмеченное выше значение конных масс как стратегического резерва требуют того, чтобы особо остановиться на вопросе о стратегической коннице.

---

[1] С. Белицкий, Стратегические резервы, Гиз, 1930.

До мировой войны во всех армиях производились ежегодно специальные кавалерийские маневры крупными конными массами, с постановкой заданий стратегического характера в духе рейдирующей конницы. Судя по размаху, какой принимало кавалерийское дело в мирное время, можно было допустить, что мы увидим на европейском театре стратегическую конницу в виде самостоятельных конных армий. Но после объявления войны оказалось, что ни один генеральный штаб не решился произвести смелую ломку в установившихся пораженческих взглядах на будущую роль конницы. Генеральные штабы пришли к решению остаться при армейской коннице, придавая конные массы пехотным армиям для обслуживания армейской операции. Такое решение было понятно до некоторой степени для западноевропейских армий, где не была предусмотрена фронтовая организация. Что же касается русской армии, то в ней фронтовая организация для европейской войны была предусмотрена, и это обстоятельство должно было заставить генеральный штаб поставить более широко роль конницы, а именно—в фронтовом масштабе.

При более внимательном отношении к делу генштаб увидел бы, что ни конные корпуса, ни конные отряды выполнять задачи, даваемые фронтовым командованием, не были в состоянии, и что для этой цели нужны самостоятельные конные армии. Так просто и логически вытекало сформирование стратегической конницы в виде конных армий из организации управления вооруженной силой. Но старый генеральный штаб обнаружил в вопросе стратегической конницы полное отсутствие самостоятельности. Повидимому в кавалерийских вопросах была большая неясность, а сила рутины настолько велика, что в генеральном штабе не нашлось человека, который возвысил бы голос в пользу необходимости фронтовой конницы. В конце концов старый генеральный штаб подпал под влияние западноевропейской литературы и без достаточной критики тоже остановился на армейской коннице. Таким образом стратегической конницы сформировано не было, что и послужило главной причиной тому, что многочисленная и превосходная русская конница, давшая в гражданскую войну 1918—1921 гг. так много талантливых командиров для Красной конницы, в мировую войну была лишена возможности оправдать те надежды, которые возлагались на нее, и доказать свое право на существование.

Однако это доказательство явилось в конце мировой войны совершенно неожиданно на том ее театре и в такой форме, которые казалось бы менее всего для этого были подходящи: 8 августа 1918 г. «было черным днем для германской армии в истории войны... Дивизии передовых линий позволили себя совершенно смять и уничтожить[1]. Штабы дивизий были захвачены на месте врасплох *танками* противника»—так пишет Людендорф в своих «Воспоминаниях». Этими словами открывается новая страница в истории конницы, но усиленной танками.

История же конницы «характеризуется *резким колебанием кривой своего развития* [2]. Конница не знает периода «стабилизации и покоя». Или конница играет решающую роль на исход операции, или она сходит почти на-нет...

«Разбирая значение конницы как рода войск, нужно исходить из *всех трех* основных *ее свойств:* во-первых, *большой подвижности, во-вторых*,

---

[1] 7 дивизий были разгромлены, с потерей 25 000 пленных и 400 орудий.

[2] Курсив редакции. С. Буденный, «Конница в современной войне», ст. «Война и революция», 1930, кн. шестая.

способности к сочетанию большой маневренности и сокрушительного удара в конном строю, с широким применением огня и прочих *технических средств* и, в-третьих, исключительно *большой спаянности личного состава* [1].

Подходя односторонне к вопросу о значении конницы, некоторые энтузиасты этого рода войск в борьбе за сохранение значения их старой привязанности всеми доступными им способами готовы развить самые незначительные успехи конницы в тесных рамках ближней разведки и боев на малокультурных театрах, если последние имеют равнинный характер и удобны для действий конницы. В своем стремлении подготовить почву для защиты, они переоценивают это ограниченное значение конницы.

С другой стороны, современная зарубежная школа рассматривает конницу как пережиток и склонна всю энергию концентрировать на уничтожающей критике конницы. Но ни одна из сторон как-будто не учла необходимости найти лекарство для излечения «кривобокости» современных боевых операций и изобрести оружие для выполнения решающего маневра. Прежде он являлся безусловно основной задачей наиболее подвижного рода войск—кавалерии.

Теперь эту задачу призвана выполнить та же конница, но включившая в себя «маневренные» танки. Последние, включенные в состав конницы, способствуют ей выполнять те задачи, которые при современном состоянии техники казались многим невыполнимыми для конницы. Казалось, что мотор является врагом конницы. Между тем мотор явился другом конницы. «Конница, опираясь на мотор в воздухе и на земле, приобретает большую пробивную способность, становится более сильной и приобретает колоссальнейший оперативный размах.

Современная техника—танки, авиация и другие технические средства—позволяют коннице быстро выносить всю свою силу на фланг и фронт и *даже рвать фронт*» [2].

ТАНКИ

Когда современный огонь, казалось, свел к нулю все значение конницы, оборона восторжествовала над атакой, и представление о решительной военной победе явилось миражем в пустыне позиционной войны. Пехота при поддержке артиллерии могла нащупать противника, рассеять и дезорганизовать его прикрывающие силы, но она не располагала действительным средством для нанесения решительного удара, который раньше выполнялся кавалерией. В этом лежит основная причина застойного характера действий русско-японской и мировой войны, этим же объясняется, почему в течение 1914—1918 гг. казалось сравнительно легко проникнуть в оборонительную систему противника, но трудно, почти невозможно—прорвать ее насквозь во-время, чтобы смять сопротивление противника и предупредить устройство новых позиций в 1—2 *км* глубже в тылу.

Выход из тупика был найден только созданием танка—нового боевого средства, навязанного командованию в момент его отчаяния, вопреки его воле. Вследствие ли бестолковости, преднамеренно ли, но в начале танку дали неправильное применение, ценность его была умалена именно теми, кто неправильно его использовал. Угроза над существованием и дальнейшим раз-

---

[1] То же.
[2] То же.

витием танка висела до тех пор, пока удар у Камбре в ноябре 1917 г. не вызвал всеобщего удивления.

Решительная роль, сыгранная танком в драме 1918 г., была осознана, хотя и с некоторой досадой, командованием армий Антанты, и более восторженно—пострадавшими от этого боевого средства германцами.

Известно, что народы успешнее учатся на поражениях, чем на победах, и хотя современная Германия лишена возможности строить танки, ее послевоенные периодические журналы и военные книги уделяют большое место изучению всего, касающего танков и их тактики.

•

УДАРНАЯ АРМИЯ

В условиях действий всех перечисленных факторов в конечном выводе заслуживает особого внимания вопрос об «ударной» армии или «ударной» группировке, предназначенной для действий в направлениях главного удара.

На всем протяжении военных операций мировой войны от «ударных» правофланговых германских армий, наступавших через Бельгию к Марне в чисто маневренной кампании 1914 г., до «ударных» группировок германских и англо-французских армий, рвавших чисто позиционнай фронт в кампании 1918 г., «ударные» армии или «ударные» группировки составляли особую заботу главного командования.

От шлиффенских планов, предшествовавших началу самой войны до инструкции Людендорфа «Наступательное сражение в позиционной войне» в конечной решительной кампании 1918 г. Мировой войны—на организацию, распределение сил и средств ударной массы было обращено особое внимание.

Подытоживая опыт всей войны, т. Триандафилов так говорит об ударной армии: «Ударная армия должна быть организована таким образом, *чтобы она могла своими силами провести ряд последовательных операций от начала до конца. Она должна располагать такими средствами, которые позволили бы ей преодолеть любое сопротивление противника как в начале, так и в ходе предпринимаемых операций.* Стрелковые части, добавочные средства подавления, авиация, вспомогательные войска—все должно быть рассчитано и сообразовано с теми задачами, которые предстоят перед данной армией. Состав армии должен быть рассчитан таким образом, чтобы обеспечить наверняка тактический успех при столкновении с противником в ожидаемой в течение данной операции обстановке.

Ударная армия должна с самого начала иметь все те средства, которые позволили бы ей без потери времени организовать безотказный удар в любой возможной в ходе планируемых операций обстановке [1].

---

[1] Триандафилов В., Характер операций современных армий, Гиз, М. Л. 1929, стр. 96.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

По подготовке к войне и кампании 1914 г.

Зайончковский. Подготовка России к мировой войне. (Планы сторон) Гвиз 1926.

Покровский, М. Н. Империалистская война. Изд. Комакадемии 1928.

Наумов, Война 1914—1918.

Павлович, М. Борьба за Азию и Африку. Империализм.

Шапошников, Б. Мозг армии, ч. I.

Wilson, H. W. Les Flottes de Guerre au combat. La grande guerre (1914—18) (перевод с англ. 1928).

Петров, М. А. Подготовка России к мировой войне на море, Гвиз, 1926.

Liman von Sanders. Fünf Jahre Turkei, Berlin.

Osterreich-Ungarns letzter Krieg — 1914—1918.

Feldmarschall Conrad, Aus meiner Dienstzeit, т. IV, 1923.

Les armées françaises dans la grande guerre т. I (официальный труд французского генерального штаба).

Новицкий, В. Ф. Мировая война 1914—1918 гг. Боевые действия в Бельгии и Франции, т. I и II М. Гвиз, 1926 и 1928.

Der Weltkrieg 1914—18 (официальная германская история войны), тт. I, II. III, IV, V, VI.

Le plan de campagne française et le premier mois de la guerre, Paris, 2 изд. 1928.

Journal du Maréchal Wilson, 1929.

Белой, Галицийская битва, Гиз, 1929.

Проф. И. Вацетис, Операции на Восточной границе Германии в 1914 г., часть 1-я «Восточнопрусская операция», Гиз, 1929.

По кампаниям 1915—1917 годов.

Зайончковский, Мировая война 1914—1918 гг. Гвиз, М. 1924 г.

Фалькенгайн, Верховное командование 1914—1916 гг. в его важнейших решениях, русский перевод 1923 г.

Данилов, Ю. Н. Россия в мировой войне, Берлин, 1924 г..

Незнамов, Стратегический очерк, ч. 3-я.

Брусилов, А. Мои воспоминания, 1929 г.

History of the Great War. Military Operation in France and Belgium 1915. Winter 1914—1915, т. III, 1927.

Военно-исторический отдел Шведского генерального штаба. Сражение при Горлице—Тарнов 2—6 мая.

Тирпиц, Мемуары.

François, Gorlice 1915.

Reichsarchiv. Die Tragoedie von Werdun 1916. 1 Teil Berlin 1928.

Russia in the war of 1914—1918.

Palat, X, La ruée sur Verdun.

» Somme.

Мозер-Оттоф, Краткий стратегический обзор мировой войны, 1914—1918 гг., перевод с немецк. ВВРС, М. 1923 г.

Покровский, М., Америка и война 1914 г. (Историк-марксист, № 13).

Эйдеман, Р. и Меликов, В., Армия в 1917 г., Гиз, 1927.

Лукомский, Воспоминания, т. I, Берлин, 1922.

Ленин, В., Собрание сочинений, т. XIV, ч. 2-я.

Центрархив, Разложение армии в 1917 г., 1925.

Б. С. Э., Ст. «Брестский мир», т. 7.

Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918, тт. I и II ВВРС М. 1923 и 1924.

Гинденбург, Из моих воспоминаний.

ВКП(б) и военное дело в резолюциях съездов и конференций ВКП(б), 2-е переработанное издание «Военный вестник» 1928.

Müchelsen, Der U.-boots Krieg 1914—1918. Beilag von K. F. Kochler Leipzig 1925.

Литвинов, А. И. Майский прорыв 9-й армии в 1916 году, Воен. изд. Ленинградского воен. окр. 1923.

Кирей, В. Ф. Артиллерия атаки и обороны, Гвиз, Москва 1926.

Клембовский, Стратегический очерк 1914—1918 гг., ч. V. М. 1920.

Зайончковский, Стратегический очерк войны 1914—1918 г., ч. VII. Кампания 1917 г. ВВРС Москва 1923.

Larcher M., La guerre turque dans la guerre mandiale, P. 1926.

Робинович, С. Е. Борьба за армию в 1917 г. Гиз М. Л. 1930.

Триандафиллов, В. Характер операций современных армий, Гиз, М. Л. 1929

По кампании 1918 г. во Франции и Бельгии

Базаревский, А. Мировая война 1914—1918 гг. Кампания 1918 г. во Франции и Бельгии, Гиз, 1927, тт. I и II.

Тарле, Е. В. Европа в эпоху империализма 1871—1919, 2-е изд. Гиз, 1928.

Архивные источники. Военно-исторический архив. Дела №№: 703, 52—696, 55 — 770, 56 — 565, 56 — 566, 56 — 567, 56 — 568, 56 — 569, 56 — 570, 56 — 571, 56 — 572, 56 — 599, 57 — 017, 57 — 018, 57 — 019, 57 — 020, 57 — 021, 57 — 022, 57 — 023, 106 — 166, 151 — 441, 151 — 809, 151 — 810, 151 — 811, 152 — 436.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ, УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ.

А

В

Г

Д

Е

Л

М

Р

С

Т

У

Ф

УКАЗАТЕЛЬ ФАМИЛИЙ, УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ

Д

Е

Ж

З

И

К

Т

Ф

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ.

КАМПАНИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ГОДА.

Глава четвертая. *Период 4—25 августа.*

Глава пятая. *Период 25 августа—5 сентября.*

Глава шестая. *Период 5—20 сентября.*

Глава седьмая. *Период с 20 сентября — конец года.*

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ.

КАМПАНИЯ ПЯТНАДЦАТОГО ГОДА.

Глава восьмая. *Период январь — май.*

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КАМПАНИЯ ШЕСТНАДЦАТОГО ГОДА.

Глава одиннадцатая. *Период январь — апрель.*

Глава двенадцатая. *Период май — сентябрь.*

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ.

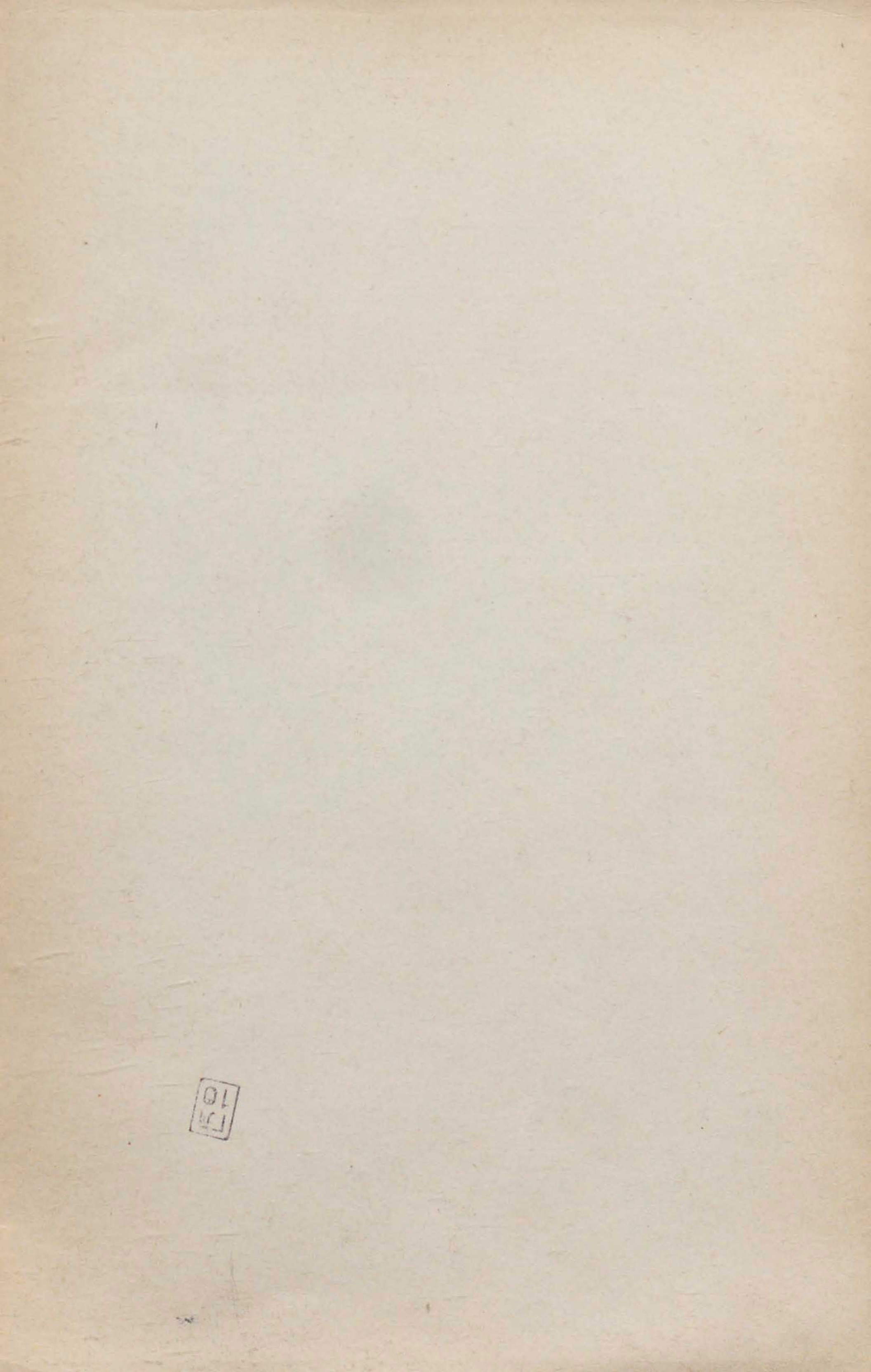
КАМПАНИЯ СЕМНАДЦАТОГО ГОДА.

РАЗДЕЛ ШЕСТОЙ.

КАМПАНИЯ ВОСЕМНАДЦАТОГО ГОДА.

Глава семнадцатая. *Период март — июль.*

Глава восемнадцатая. *Период июль — ноябрь.*



4р 50

2010456469